ЛЕНИН И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

1870

100

1970

ЛЕНИН
И СОВРЕМЕННАЯ
НАУКА

В ДВУХ КНИГАХ

■

КНИГА 1

**ЛЕНИНСКИЕ ИДЕИ
И СОВРЕМЕННОЕ
ОБЩЕСТВО**

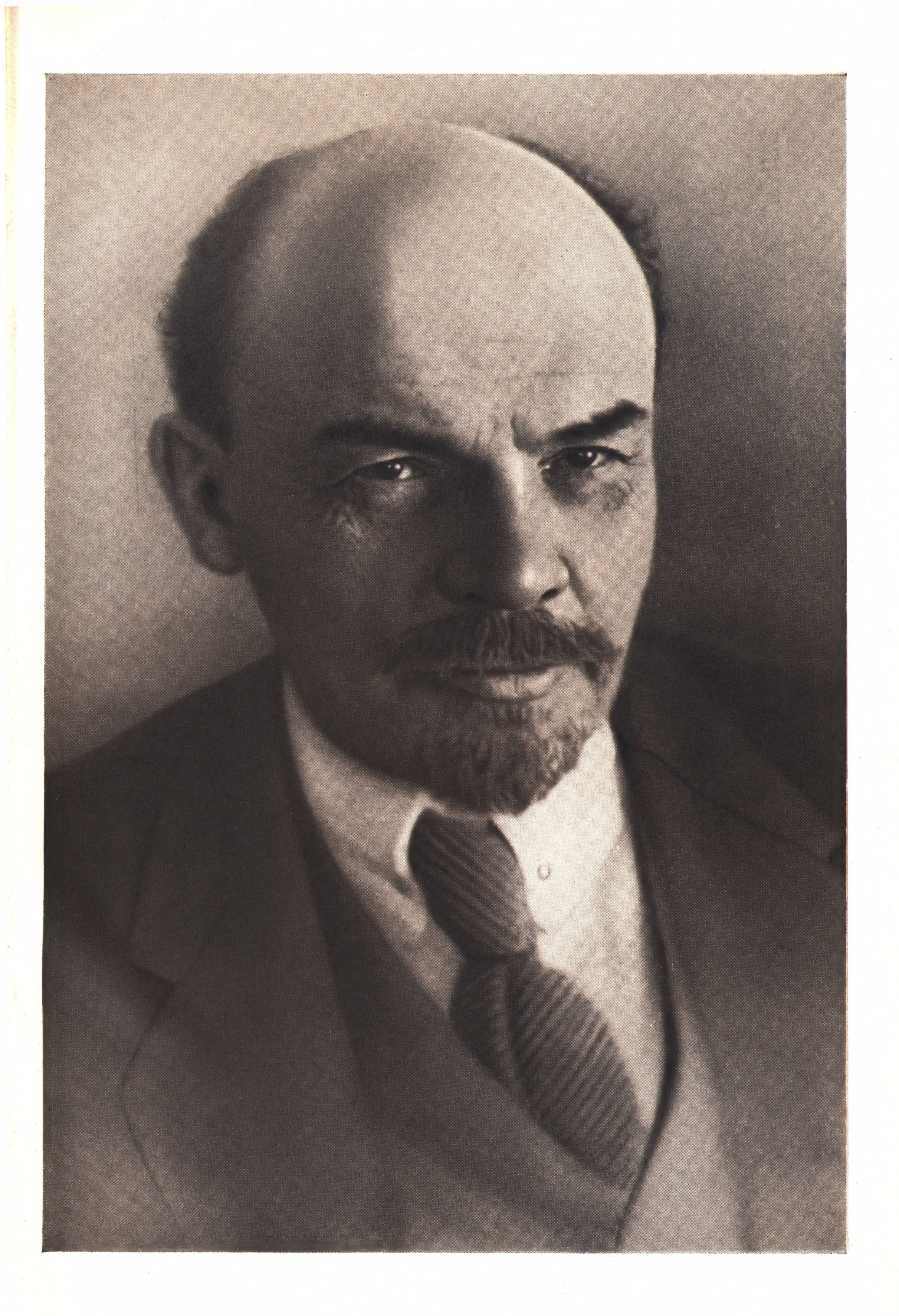
КНИГА 2

ЛЕНИНСКИЕ ИДЕИ
И СОВРЕМЕННОЕ
ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

■

РАСЦВЕТ НАУКИ
В СОЮЗНЫХ
РЕСПУБЛИКАХ

ЛЕНИН
И СОВРЕМЕННАЯ
НАУКА

АКАДЕМИЯ НАУК
СОЮЗА
СОВЕТСКИХ
СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ
РЕСПУБЛИК

ЛЕНИН И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

В ДВУХ КНИГАХ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» · МОСКВА · 1970

ЛЕНИН
И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

КНИГА 1

ЛЕНИНСКИЕ ИДЕИ И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА» · МОСКВА · 1970

1—1—3
36—69(II)

М. В. КЕЛДЫШ
академик

В. И. ЛЕНИН И РАЗВИТИЕ НАУКИ

Вся деятельность В. И. Ленина — создателя и руководителя нашей партии и первого в мире социалистического государства — неотделима от науки. Основоположники научного коммунизма К. Маркс и Ф. Энгельс превратили социализм из утопии в науку. Ленин внес величайший вклад в развитие марксизма как научной теории. Впервые в истории под руководством Ленина началось практическое применение этой науки к революционному преобразованию общества и строительству социализма. Впервые научное творчество в государственном масштабе было поставлено на службу интересам трудящихся масс.

В трудах Ленина глубоко разработан вопрос о роли и значении науки, технического прогресса, культуры в развитии общества, об использовании научного и культурного наследия прошлого для построения коммунизма. После Великого Октября, возглавляя Советское правительство, Ленин уделял огромное внимание практическим вопросам организации народного образования и науки, выдвинул идею культурной революции и направлял всю работу по ее проведению в стране. По инициативе и под непосредственным руководством Ленина уже в первые годы Советской власти были заложены основы грандиозного культурного строительства и научно-технического прогресса, осуществленного у нас в последующие десятилетия. Ленинская национальная

политика, создавшая нерушимый союз социалистических наций и обеспечившая общее развитие страны, привела к быстрому росту науки и расцвету культуры в национальных республиках Советского Союза. На основе марксистско-ленинского мировоззрения была создана новая, социалистическая культура.

Претворяя в жизнь ленинские идеи, Коммунистическая партия, Советское правительство проявляют постоянную заботу о развитии науки, об эффективном использовании ее результатов в практике. Наука играет важнейшую роль в решении всех вопросов коммунистического строительства. Все более укрепляется материальная база науки. За время Советской власти в стране создана широкая сеть научно-исследовательских учреждений, проделана громадная работа по их оснащению экспериментальной базой. Выросли многочисленные научные кадры высокой квалификации. Многие выдающиеся достижения советских ученых получили всемирное признание. По ряду важнейших направлений наша наука заняла передовые позиции в мировой науке. Советский Союз внес грандиозный вклад в решение кардинальных проблем века: наша страна открыла эру проникновения человека в космос, проложила пути мирного использования энергии атомного ядра. И теперь, когда мы, отмечая 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, подводим итоги всему достигнутому наукой в нашей стране, особенно ясно и отчетливо видно, какая огромная роль принадлежит Ленину в развитии советской науки, в том, что она встала на путь беззаветного служения народу.

I

Трудно переоценить вклад, внесенный Лениным в науку. Ленин открыл современный этап в развитии марксизма, развил в применении к новым историческим условиям марксистскую политическую экономию, философию, научный коммунизм. Марксизм-ленинизм является незыблемой основой развития всех общественных наук, методологией научного познания.

В. И. Ленин разработал теорию империализма как высшей и последней стадии капитализма, вскрыл антинародную сущность империализма, показал неизбежность его гибели. В результате глубокого анализа были выявлены главные элементы, определяющие общий кризис капитализма, неминуемость его крушения во всемирном масштабе.

Разработав теорию социалистической революции, учение о путях строительства социализма и коммунизма, о роли народных масс, о классах и классовой борьбе в период перехода от капитализма к социализму, Ленин раскрыл сущность и перспективы мирового революционного процесса, развил основы стратегии и тактики международного коммунистического движения, теоретически обосновал пути и закономерности развития национально-освободительных движений. Ленинские идеи имеют величайшее значение для всего революционного дви-

жения, оказывают огромное воздействие на ход мировой истории. Вооруженные ленинским учением, во всех странах выросли и окрепли коммунистические и рабочие партии, международное коммунистическое движение стало самой влиятельной политической силой современности. Это особенно ясно показало международное Совещание коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 г., вся работа которого прошла под знаком нерушимой верности ленинизму.

Величайшей заслугой Ленина является разработка идейных и теоретических основ партии нового типа — Коммунистической партии, вывод, что только такая партия способна руководить пролетарской революцией и строительством социализма. Ленин создал первую такую партию — партию большевиков, стал руководителем первой в мире победоносной пролетарской революции — Великого Октября, открывшего новую эпоху в социальном развитии человечества.

В. И. Ленин на основе сделанного им еще до Октябрьской революции вывода о неравномерности политического и экономического развития капиталистических стран в период империализма выдвинул положение о возможности победы социалистической революции и построения социализма первоначально в одной, отдельно взятой стране или в нескольких странах. С этим неразрывно связан ленинский тезис о расколе мира на две системы и неизбежности борьбы между ними. Ленин определил современную эпоху, начавшуюся с Великого Октября, как эпоху перехода от капитализма к социализму в мировом масштабе.

Исходя из экономического учения Маркса и Энгельса, Ленин развил научные основы политической экономии социализма, на которых базируется практическая деятельность Коммунистической партии и Советского государства. Им разработан вопрос о возникновении и развитии социалистического способа производства, о путях перехода от капитализма к социализму. Ленин развил марксистское учение о диктатуре пролетариата, об общественной собственности как основе социалистического производства, раскрыл сущность производственных отношений переходного периода, классовую структуру экономики этого периода, роль и значение союза рабочего класса и крестьянства в процессе социалистического строительства.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что после установления власти рабочих и крестьян важнейшим фронтом борьбы за социализм и коммунизм является экономический фронт. Разработанные им основные принципы экономического развития Советского государства имеют вместе с тем важнейшее значение для всех стран, вставших на путь социализма.

Определяя условия построения социализма в нашей стране, Ленин выдвинул в качестве главных задач индустриализацию страны, социалистическое кооперирование сельского хозяйства и культурную революцию. Он научно обосновал необходимость социалистической индустриализации на основе электрификации страны, создания крупной машинной индустрии, «которая представляет из себя основу перехода к социализму и которая с точки зрения состояния производительных сил,

т. е. по основному критерию всего общественного развития, представляет основу социалистической хозяйственной организации»[1]. Ленинский кооперативный план — гениальное решение сложнейшей задачи социального преобразования мелкого раздробленного сельского хозяйства на базе общественной собственности, задачи создания прочной основы социализма в деревне. Идеи Ленина о социалистическом преобразовании сельского хозяйства опирались на его исследования аграрного вопроса и аграрных отношений как в России, так и во многих странах мира, в том числе в США и европейских странах. Эти идеи послужили теоретической базой в определении политики нашей партии в отношении различных слоев крестьянства, что имеет огромное значение не только для Советской страны, но и для мирового коммунистического движения.

Громадной заслугой Ленина является выработка научных принципов государственного руководства народным хозяйством в условиях социалистического строя. Он выдвинул положение о том, что крупное общественное хозяйство может существовать и двигаться вперед лишь в плановом порядке. Первым единым общегосударственным планом развития народного хозяйства явился план ГОЭЛРО, инициатором которого был Ленин. На открывшейся 2 февраля 1920 г. сессии ВЦИК он внес предложение «разработать при содействии представителей науки и техники широкий и полный план электрификации России»[2]. Привлечение широкого круга ученых и специалистов позволило в течение нескольких месяцев разработать план ГОЭЛРО, который Ленин назвал превосходным научным трудом. Он был организатором всей этой работы и принимал самое непосредственное участие в подготовке плана.

Ленинские положения о сочетании централизованного планирования с инициативой трудящихся, об использовании моральных и материальных стимулов к труду, о развитии при социализме товарно-денежных отношений, использовании закона стоимости являются основополагающими принципами социалистического хозяйствования, которые и сегодня остаются важнейшими в экономической политике Коммунистической партии.

Претворение в жизнь ленинского учения о культурной революции обеспечило бурное развитие народного образования и культуры в нашей стране, воспитание человека социалистического общества.

В. И. Ленину принадлежит теоретическая разработка решения национального вопроса, на основе которой было начато осуществление национальной политики партии в стране. Уже в ноябре 1917 г. за подписью Ленина была опубликована «Декларация прав народов России», в которой отражена сущность программы нашей партии по национальному вопросу. Ленинская национальная политика сыграла громадную роль в укреплении Советского государства, в развитии сотрудничества и дружбы между всеми народами страны. Важное

[1] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 81.
[2] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 108.

значение Ленин придавал правильному сочетанию национальных интересов с интернациональными задачами освободительного движения; он развил марксистские идеи о пролетарском интернационализме.

Величайшей заслугой Ленина является разработка принципов организации Советского государства; он выдвинул положение о том, что наилучшая политическая форма диктатуры пролетариата в конкретных условиях нашей страны — Республика Советов. На основе всестороннего изучения опыта Парижской Коммуны и первых русских революций Ленин в труде «Государство и революция» создал цельное учение о государстве. Теоретически обобщив практику государственного строительства первых лет Советской власти, он определил программу дальнейшего развития Советского государства.

Развитие первого в мире социалистического государства выдвигало новые вопросы. Ленин не боялся ставить эти вопросы со всей остротой и в их решении соединял исключительную смелость с гибкостью политика. Он заложил основы дальнейшего развития революционной теории, которое осуществлялось нашей партией на всех последующих этапах социалистического и коммунистического строительства и определяло политику партии.

Ленинское теоретическое наследие имеет основополагающее значение для развития советской экономической и правовой науки, философии и социологии. Оно явилось определяющим и для исторической науки. Ленин в своих трудах «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», «Развитие капитализма в России», «Империализм, как высшая стадия капитализма» и многих других дал глубокий марксистский анализ важнейших исторических явлений и событий, что имеет огромное значение для понимания не только процесса исторического развития России, но и всей истории человечества.

Неоценимый вклад внес Ленин в развитие философии марксизма, в диалектический и исторический материализм. Опираясь на достижения естественных наук, он развил основные положения теории познания, диалектико-материалистическое учение об объективной, абсолютной и относительной истине. Он сформулировал положение о единстве логики, диалектики и теории познания, обосновал решающее значение практики в процессе познания, доказал, что отражение — это не механический, а сложный противоречивый процесс, который начинается с ощущения и поднимается до абстрактного мышления, отражающего объективную реальность в ее движении, возникновении противоречий и их разрешении. Ленин вскрыл значение закона единства и борьбы противоположностей как ядра диалектики.

В известной статье «О значении воинствующего материализма» Ленин писал: «Естествознание прогрессирует так быстро, переживает период такой глубокой революционной ломки во всех областях, что без философских выводов естествознанию не обойтись ни в коем случае» [3]. Он подчеркивал роль науки для формирования мировоззрения.

[3] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 31.

Развитие естественных наук, прежде всего физики, в конце XIX—начале XX в. поставило ряд сложных философских проблем. Вклад Ленина в решение этих проблем, в понимание диалектики природы и общей структуры мира на основе новейших естественнонаучных открытий имел важное, принципиальное значение.

На основе метода материалистической диалектики Ленин дал глубокий анализ узловых философских проблем, поставленных развитием физики. Как известно, рубеж XIX и XX вв. ознаменовался великими открытиями, которые впоследствии привели к революции в физике, к генезису современной физики. Так, развитие электродинамики, особенно исследования по электродинамике движущихся сред, привело к созданию теории относительности, к установлению новых, более точных пространственно-временных соотношений. Исследования по теории излучения абсолютно черного тела и фотоэлектрического эффекта позволили сформулировать идею квантов. Эти новые идеи и теории, а также открытие явления радиоактивности и радия не укладывались в рамки физики XIX в., в рамки сложившейся к тому времени электромагнитной картины мира, пришедшей на смену механической картине мира. В связи с этим возникли серьезные трудности. В частности, вывод классической электронной теории об электромагнитной природе массы электрона был истолкован многими физиками, находившимися под влиянием механистических и позитивистских концепций, как «исчезновение материи». Естествоиспытатели усмотрели здесь «кризис физики». Это происходило в период, когда империалистическая реакция активизировала борьбу против учения Маркса, когда буржуазная философия стремилась использовать великие открытия в естествознании для опровержения философии марксизма.

В. И. Ленин в труде «Материализм и эмпириокритицизм» не только отстоял принципы диалектического и исторического материализма, но и дальше развил философию марксизма, опираясь на новейшие открытия в естествознании. Ленин не проходил мимо новых экспериментальных фактов, ставивших новые философские вопросы, а использовал их для развития философии. Он раскрыл самую сущность «кризиса физики» начала нашего века, указав, что она заключается в ломке «старых законов и основных принципов», в смене основных физических представлений, казавшихся незыблемыми. Этот «кризис», как предвидел Ленин, знаменовал по существу начало революции в физике. Ленин показал, что представления о «кризисе физики», основанные на различных идеалистических философских концепциях, неправильны и что трудности, обнаружившиеся в физике, с философской стороны являются кажущимися. Он подчеркивал, что наши знания относительны, что познание природы идет по пути уточнения научных представлений и последовательного приближения к истине. Великие открытия в физике на рубеже XX в. показали лишь ограниченность механистического понимания природы; они приводят не к «исчезновению» материи, а к открытию ее новых, ранее неизвестных конкретных форм, к более глубокому пониманию физических свойств материи и соотношений ее различных видов и состояний. ««Материя исчезает»,— писал

Ленин,— это значит исчезает тот предел, до которого мы знали материю до сих пор, наше знание идет глубже; исчезают такие свойства материи, которые казались раньше абсолютными, неизменными, первоначальными... и которые теперь обнаруживаются как относительные, присущие только некоторым состояниям материи» [4]. Ленин подчеркивает, что «*единственное* «свойство» материи, с признанием которого связан философский материализм, есть свойство *быть объективной реальностью*, существовать вне нашего сознания» [5]. Поэтому никакие открытия новых форм и состояний материи, как бы они ни были неожиданны по своим свойствам, принципиально не могут служить аргументами против философского материализма. Исходя из всей истории развития науки, из общих принципов диалектического материализма, Ленин формулирует чрезвычайно глубокое положение о неисчерпаемости электрона, которое было подтверждено всем дальнейшим развитием науки. «Электрон так же *неисчерпаем*, как и атом, природа бесконечна...» [6],— пишет Ленин.

Вряд ли кто-либо из физиков того времени подозревал существование каких-нибудь других свойств у электрона, кроме свойства обладать электрическим зарядом и массой. Но за последние полвека физики открыли такое разнообразие свойств электрона, что выдвинутое Лениным теоретическое положение о «неисчерпаемости» оправдалось самым широким и блестящим образом.

В 20-х годах было установлено, что электрон обладает спином. С полуцелым спином электрона оказалась связанной специфическая статистика Ферми, которой подчиняются электроны. Принцип Паули, статистика Ферми порождают новую, поистине неисчерпаемую область неизвестных ранее эффектов с участием электронов. С открытием волновой природы электронов перед физиками возник новый, фантастически своеобразный мир. В 30-е годы был открыт близнец электрона — позитрон. У электрона было обнаружено новое свойство: превращаться вместе с позитроном в фотоны. В дальнейшем оказалось, что электрон участвует в качестве партнера в так называемых слабых взаимодействиях и, таким образом, является также носителем и специфического заряда слабых взаимодействий. Следует отметить, что класс явлений, связанных со слабыми взаимодействиями, очень обширен, может быть, не менее обширен, чем круг явлений, связанных с электромагнитными свойствами электрона. В последние годы приходится говорить еще об одном свойстве электрона — нести специфический, так называемый лептонный заряд.

Ленинское положение о неисчерпаемости электрона — это не только предвидение, но и принципиальное методологическое решение задачи в аспекте теории познания. Это положение, явившееся результатом общего диалектического анализа процесса познания структуры материи, имело громадное значение, стало глубоким философским прин-

[4] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 275.
[5] Там же.
[6] Там же, стр. 277.

ципом исследования микромира. Все последующее развитие физики, сделавшей с тех пор громадные шаги в познании микроструктуры материи, подтвердило правильность ленинского положения о неисчерпаемости электрона, о неисчерпаемости физических свойств материи вообще. Исследования в области ядерной физики, а затем и физики элементарных частиц привели к открытию многочисленных элементарных частиц, к проникновению в структуру нуклонов, пониманию характера взаимодействий между этими частицами в общей картине строения материи. Громадное количество накопленных фактов сейчас, по-видимому, снова поставило физику на грань создания новых теоретических представлений о структуре и превращениях материи.

Большое методологическое значение для современного развития науки имеют ленинские идеи о соединении в действительности и научном исследовании всеобщего принципа развития со всеобщим принципом единства мира, природы, движения, материи.

В. И. Ленин не только указал выход из трудностей современного ему естествознания, но и на десятилетия вперед предвидел многие тенденции развития естественных наук. Здесь в первую очередь следует отметить развитие исследований структуры материи в физике, проблемы химической энергетики, проблему материальных носителей в биологии.

В труде «Материализм и эмпириокритицизм» Ленин показал, что новые научные открытия в области естествознания не только не опровергают диалектического материализма, но утверждают эту философскую систему, подтверждают, что «современная физика... рождает диалектический материализм». Революционные открытия в физике в конце XIX — начале XX в., знаменовавшие гигантский прогресс наших представлений о материи, смогли получить научное философское осмысление только на основе диалектического материализма.

Вклад Ленина в философию естествознания, раскрытие тенденций его развития, идея союза философов-марксистов с представителями естествознания сохраняют все свое значение и в современную эпоху. Принципиальные общие положения, развитые Лениным на основе анализа новейших открытий в физике, имеют огромное методологическое значение для современной науки.

В. И. Ленин подчеркивал, что «новейшая философия так же партийна, как и две тысячи лет назад», неустанно боролся за чистоту философии марксизма против реакционной буржуазной идеологии, пытающейся использовать в своих целях и новейшие открытия науки.

Разумеется, здесь могли быть охарактеризованы лишь некоторые черты Ленина как величайшего ученого, вся многогранная деятельность которого всегда была теснейшим образом связана с наукой. Ленинское научное наследие имеет непреходящее значение для революционной теории и практики, для методологии современной науки.

Тов. Красин прислал мне письмо, в котором сообщает о крупнейших успехах группы инженеров во главе с тов. Губкиным, которая с упорством, приближающимся к героическому и при ничтожной поддержке со стороны государственных органов, из ничего развила не только обстоятельное научное обследование горючих сланцев и сапропеля, но и научилась практически приготовлять из этих ископаемых различные полезные продукты, как-то: ихтиол, черный лак, различные мыла, парафины, сернокислый аммоний и т.д.

Ввиду того, что эти работы, по свидетельству т. Красина, являются прочной основой промышленности, которая через десяток, другой лет будет давать России сотни миллионов, я предлагаю:

1. Немедленно обеспечить в финансовом отношении дальнейшее развитие этих работ.

2. Устранить и впредь устранять всяческие препятствия тормозящие их и

3. Наградить указанную группу инженеров трудовым орденом красного знамени и крупной денежной суммой.

О последующем прошу мне письменно сообщить через Управделами СНК тов. Горбунова. В случае каких либо препятствий немедленно сообщите мне через него же.-

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ СНК и СТО - В Ульянов (Ленин)

ТЕКСТ ПИСЬМА В. И. ЛЕНИНА В ПРЕЗИДИУМ ВСНХ О НАГРАЖДЕНИИ ГРУППЫ ИНЖЕНЕРОВ ЗА НАУЧНОЕ ОБСЛЕДОВАНИЕ И ПРАКТИЧЕСКОЕ ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ГОРЮЧИХ СЛАНЦЕВ И САПРОПЕЛЯ

II

Вопрос о роли науки, технического прогресса, культурного наследия прошлого в построении социализма и коммунизма получил в первые же годы Советской власти всестороннее освещение в ленинских трудах и выступлениях. Ленин подчеркивал, что науке в социалистическом строительстве должна принадлежать важнейшая роль, при этом должно быть использовано все, что ранее было накоплено наукой. Пролетариат должен взять на вооружение лучшее из того, что создано за много веков человеческой цивилизацией: «...все, что завоевала человеческая наука, человеческая техника, все усовершенствования, все знания специалистов — все должно пойти на службу объединенному рабочему» [7].

Эксплуататорский строй веками разделял людей физического и умственного труда, отгораживал науку и культуру от народа. Ленин показал, что капитализм довел до крайней черты противоречие между достижениями человеческой цивилизации и корыстными целями, в которых ее используют эксплуататорские классы. Научно-технический прогресс создает предпосылки для соединения умственного и физического труда, но при капиталистическом строе невозможно решить эту проблему. Монополистический капитал усиливает эксплуатацию не только людей физического труда, но и все более широких слоев научно-технической интеллигенции. В ее рядах растет сознание того, что капитализм использует силу знания как свою монополию против трудящихся. В этом Ленин видел источник растущего социального протеста прогрессивных деятелей науки и культуры против капитализма, их тяготения к социализму. Отсюда Ленин сделал принципиальной важности вывод, находящий ныне все более наглядное подтверждение: «Во всех странах мира растет... число представителей науки, техники, искусства, которые убеждаются в необходимости замены капитализма иным общественно-экономическим строем» [8]. Социалистический строй призван осуществить планомерное регулирование хозяйства и обеспечить благосостояние всех народных масс на основе достижений науки и техники. «Только социализм,— подчеркивал Ленин,— даст возможность широко распространить и настоящим образом подчинить общественное производство и распределение продуктов по научным соображениям, относительно того, как сделать жизнь всех трудящихся наиболее легкой, доставляющей им возможность благосостояния» [9].

В свете ленинского анализа коренной противоположности капитализма и социализма в их социально-экономических основах и в их отношении к научно-техническому развитию со всей определенностью выявляется несостоятельность современных технократических

[7] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 26.
[8] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 147.
[9] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 381.

концепций и теории «конвергенции» двух систем, теории «единого индустриального общества». Жизнь показывает, что с ростом научно-технических достижений социально-экономические различия между социализмом и капитализмом не стираются, а увеличиваются, борьба двух систем на мировой арене не затухает, а обостряется.

Империализм обращает научно-технические достижения не на благо народа, а на его угнетение, на подготовку и ведение истребительных войн во имя сохранения своей власти и достижения мирового господства, для борьбы против социалистических стран и национально-освободительного движения.

Социалистическая революция, уничтожая господство эксплуататорских классов, утверждая власть рабочего класса, который объединяет вокруг себя всех трудящихся, коренным образом изменяет само общественное назначение науки. «Раньше,— говорил Ленин,— весь человеческий ум, весь его гений творил только для того, чтобы дать одним все блага техники и культуры, а других лишить самого необходимого — просвещения и развития. Теперь же все чудеса техники, все завоевания культуры станут общенародным достоянием, и отныне никогда человеческий ум и гений не будут обращены в средства насилия, в средства эксплуатации» [10].

Эта новая социальная роль науки, ее глубоко гуманная функция со времени победы социалистической революции должна быть обеспечена развитием перспективных проблем науки, практической реализацией достигнутых результатов научных исследований. Придавая громадное значение науке, Ленин уделял постоянное внимание ее организации, настойчиво подчеркивал необходимость всемерного использования достижений науки и техники в интересах трудящихся.

В ряде работ Ленин подверг критике ошибочные требования некоторых «теоретиков» создать свою собственную, пролетарскую науку и культуру. «Нужно,— писал он,— взять всю культуру, которую капитализм оставил, и из нее построить социализм. Нужно взять всю науку, технику, все знания, искусство. Без этого мы жизнь коммунистического общества построить не можем» [11]. Этот тезис об использовании культурного наследия и знаний, выработанных человечеством в предшествующие эпохи, для построения коммунистического общества получил глубокое развитие в знаменитой речи Ленина на III Всероссийском съезде Российского Коммунистического Союза Молодежи 2 октября 1920 г. Обращаясь к молодым строителям коммунизма, Ленин выдвинул перед ними первоочередную задачу: учиться, неустанно овладевать знаниями, чтобы применять их для блага трудящихся. Именно из среды молодежи формировались потом новые научные кадры, обеспечившие вместе с лучшими представителями старой интеллигенции успешное развитие советской науки и техники. В первые годы после Великого Октября еще мало было молодых научных кадров. Поэтому тогда особую остроту приобретал вопрос об использовании даже той

[10] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 289.
[11] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 55.

части старых специалистов, которая относилась еще недоверчиво, а порой и враждебно к Советской власти. В своих статьях и выступлениях Ленин указывал на необходимость привлечения старых специалистов к работе в советских организациях, на недопустимость грубого администрирования и важность терпеливой воспитательной работы, чтобы «пробуждать в людях, обладающих научной подготовкой, сознание всей мерзости использования науки для личного обогащения и для эксплуатации человека человеком, сознание более высокой задачи использовать науку для ознакомления с ней всей массы трудящихся...» [12] Последовательное проведение этой ленинской линии обеспечило поворот старой научно-технической интеллигенции на путь честного служения советскому народу, делу социализма.

Развитие Советского государства полностью подтвердило правильность ленинских положений о роли науки, технического прогресса и культурного наследия в социалистическом и коммунистическом строительстве, действительно показало, что «перед союзом представителей науки, пролетариата и техники не устоит никакая темная сила» [13].

В. И. Ленин придавал особую важность научно-техническому прогрессу как необходимому условию достижения высокого уровня развития производительных сил, обеспечивающего создание экономической основы коммунистического общества. Он подчеркивал огромное значение эффективного использования сырьевых ресурсов страны. «Разработка этих естественных богатств приемами новейшей техники,— указывал Ленин,— даст основу невиданного прогресса производительных сил» [14]. Источник силы и залог победы коммунизма он видел в том, что пролетариат «представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом» [15]. Для того чтобы в огромной степени повысить производительность труда, необходимо было осуществить коренную реорганизацию промышленности и сельского хозяйства страны на основе современной техники, которая опирается на новейшие достижения науки.

С именем Ленина неразрывно связаны новая организация науки в Советском Союзе и начало огромной работы по народному образованию. Известно, что ко времени Великой Октябрьской социалистической революции $^3/_4$ населения России было неграмотным, а $^4/_5$ всех детей школьного возраста оставались вне школы. Поэтому одной из первоочередных задач Советской власти явилось развитие образования в стране, чтобы сделать знания и культуру достоянием широких масс трудящихся. Советское правительство начало активную работу по ликвидации неграмотности, по расширению сети учебных заведений. Все народы нашей страны получили школу на родном языке. Декретом Совнаркома от 2 августа 1918 г. были отменены все ограничения для поступающих в высшую школу. Ленин уделял этим вопросам постоянное

[12] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 98.
[13] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 189.
[14] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 13.
[15] Там же.

План доклада:

Тема:

Доклад о вне. и вну. (А) (Б) пол-ке.

Не перечень, не рассказ, а уроки опыта и задачи, из них вытек.

|| тема

|| план (или «структура» или «способ») его разработки.

I. Вне. п-ка.

(А) 1. По. в-на. (Мир vs война, конец мирн. пер. и его справ.)

2. Пораж. под Варш.: устал. (Урок: нужна передышка нам. Не все ещё на бр.-бр. дороге).

|| По. в-на и ея уроки

3. Врангель. 4. Разброд среди Ант. 5. Остатки Вр-ля живы.

|| Итоги уроки: ... мира

6. Договор с Англией: почему он нам нужен?

Латвия, Бухара, Персия, Армения

7. Концессии (зак. 23.XI.1920) ((м. предотвр. безнадёж. кризиса))

|| Вывод из опыта внешн. с всемирн. импер.

Латвия, Бухара и Хива, Персия и ..., Армения, Друж. отн. с ...

(Б) II. 8. Подход и переход к труд. фронту, к вну. п-ке

9. Вну. п-ка = переход на тр. фронт.

10. Ср. 29.IV.1918: резол. ВЦИКа

11. ...§2: 1-ая основная; ...§5: повыш. пр. дисц. и пр-ти тр. особ. ... профсоюз. ...; ...§6: подч. диктаторская власть.

} «повторение = мать учения»

12. ср. об-а — бюрократизм ... } переходное к более труд. задач.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА РУКОПИСИ В. И. ЛЕНИНА «ПЛАН ДОКЛАДА НА VIII ВСЕРОССИЙСКОМ СЪЕЗДЕ СОВЕТОВ». ДЕКАБРЬ 1920 г.

и неослабное внимание, проводил большую работу по совершенствованию деятельности Наркомпроса, заботился о расширении среднего и высшего образования. В 1918 г. Ленин подписал постановление Совнаркома об организации Иваново-Вознесенского политехнического института, в 1920 г.— об организации Туркестанского и Уральского университетов и других высших учебных заведений. Важную роль в подготовке специалистов для народного хозяйства, в формировании интеллигенции из среды пролетариата и трудового крестьянства сыграли рабочие факультеты (рабфаки), существовавшие в первые десятилетия Советской власти и готовившие учащихся к поступлению в высшие учебные заведения.

Осуществление ленинской идеи культурной революции позволило в последующие десятилетия сделать нашу страну страной сплошной грамотности, достигнуть высокого уровня народного образования, расцвета социалистической культуры, обеспечить развитие передовой советской науки и техники.

В труднейшие годы гражданской войны и хозяйственной разрухи партия во главе с Лениным делала все возможное для развития научных исследований, помощи научным учреждениям и ученым. Известно, какой огромный интерес проявлял Ленин к начинаниям ученых, к научным открытиям и изобретениям. Он считал исключительно важными исследования Курской магнитной аномалии, разработку и практическое применение гидравлического способа добычи торфа. Ленин высоко оценил радиотехнические исследования Нижегородской лаборатории, поскольку радио, по его образному выражению, «газета без бумаги и «без расстояний»» [16], обещало стать могучим средством распространения культуры по всей стране. Он всемерно содействовал развитию авиации и других новых направлений техники. Уже тогда были созданы Центральный аэрогидродинамический институт (ЦАГИ), ставший ведущим центром развития аэрогидродинамической науки и авиационной техники, Государственный оптический институт, явившийся основой для развития оптической промышленности.

В. И. Ленин с исключительным вниманием относился к деятельности Академии наук СССР, придавал чрезвычайно большое значение ее привлечению к активному участию в социалистическом строительстве, считая это общегосударственным вопросом. 12 апреля 1918 г. Совнарком принял решение о дополнительном финансировании Академии наук, благодаря чему она получила возможность широко развить экспериментальные работы и экспедиционные исследования.

В апреле 1918 г. Ленин пишет «Набросок плана научно-технических работ», в котором выдвигает перед учеными Академии наук важнейшие проблемы, прежде всего проблемы изучения естественных производительных сил страны и их практического использования; эти проблемы получили впоследствии широкое развитие в советской науке. В основу ленинского «Наброска...» была положена идея государствен-

[16] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 51, стр. 130.

ного планирования науки, которое впервые стало осуществляться в нашей стране. Ленинский план ГОЭЛРО явился не только первым народнохозяйственным планом, но и первым государственным планом научных исследований, положившим начало планированию науки в масштабе всей страны.

Октябрьская революция явилась поворотным этапом в развитии Академии наук, которая стала ведущим научным учреждением страны.

Уже в первые годы Советской власти в Академии наук начали создаваться новые научно-исследовательские учреждения. Был создан Ленинградский физико-технический институт, оказавший большое влияние на развитие физики в нашей стране. К этому же времени относится организация Института физико-химического анализа и Института по изучению платины, из которых впоследствии выросли крупные научные учреждения, в частности Институт общей и неорганической химии.

В мае — июне 1918 г. Ленин пишет проект постановления Совнаркома и директивы комиссии по организации Социалистической академии общественных наук. Создание Социалистической академии положило начало нашим гуманитарным научным учреждениям, сыгравшим большую роль в развитии марксистско-ленинской общественной науки, образования и культуры.

Ленинский подход к деятельности Академии наук определил ее последующее развитие. За полвека Советской власти Академия наук из сообщества ученых, каким она была до революции, превратилась в крупнейший центр советской науки, осуществляющий руководство развитием естественных и общественных наук в стране. Она возглавляет развитие фундаментальных исследований, стоит во главе работ по многим проблемам, имеющим важное значение для науки, народного хозяйства и культуры, для повышения оборонной мощи нашей Родины. Ко времени Октябрьской революции в системе Академии были лишь один научно-исследовательский институт, несколько лабораторий и музеев; общее число ее учреждений не превышало 20. В настоящее время в составе Академии имеется свыше 210 научных учреждений, в том числе более 160 институтов, которые играют ведущую роль в разработке актуальных проблем современной науки. Численность научных работников Академии за 50 лет Советской власти возросла более чем в 100 раз. В огромной степени увеличился бюджет Академии; она имеет сейчас мощную материальную базу для своих научных исследований.

В последнее десятилетие, когда перед страной встала важнейшая задача использования производительных сил Сибири, был создан новый крупный комплекс научных учреждений — Сибирское отделение Академии наук СССР. В связи с этим значительно выросла сеть научных учреждений в Сибири. Они разрабатывают общие направления фундаментальной науки и специфические для этих районов проблемы. По некоторым важным научным направлениям сибирские ученые занимают ведущее место в стране: многие их исследования пользуются мировой известностью.

В ряде автономных республик и крупных экономических районов были созданы филиалы Академии наук СССР. Деятельность филиалов связана в значительной мере с изучением природных ресурсов и производительных сил соответствующих районов.

Создаются новые крупные научно-исследовательские центры Академии наук СССР на Урале, Дальнем Востоке и в других районах страны.

Сильнейшее влияние на прогресс науки и культуры оказала ленинская национальная политика, на основе которой была ликвидирована политическая, хозяйственная и культурная отсталость народов страны, угнетавшихся при царизме. Более 40 народностей получили письменность. В республиках быстро увеличивалось число средних школ и вузов. Образовались национальные кадры ученых. За годы Советской власти национальные республики и области достигли высокого уровня развития народного хозяйства, науки и культуры. Достаточно сказать, что, например, в Казахстане, который до Октябрьской революции был страной кочевников, страной с 2% грамотных, сейчас насчитывается более 40 вузов, а в народном хозяйстве отсталой в прошлом Бурятии в настоящее время занято 38 тыс. специалистов с высшим и средним образованием.

В результате проведения ленинской национальной политики по мере роста научных кадров и научно-исследовательских учреждений в союзных республиках стали возникать и развиваться крупные научные центры — республиканские академии наук; уже в 1919 г. была основана Академия наук Украины. В течение последующих десятилетий образовались академии наук и в остальных союзных республиках. Многие из этих академий были организованы на базе филиалов Академии наук СССР.

При создании республиканских академий особое внимание обращалось на исследования по проблемам, тесно связанным с развитием народного хозяйства союзной республики. Но этого нельзя было сделать, не развивая исследований по фундаментальным наукам. Теперь в академиях наук союзных республик имеются многочисленные научные учреждения, выросли талантливые ученые, сложились собственные научные школы, которые вносят значительный вклад в развитие отечественной и мировой науки. Крупным научным центром стала Академия наук Украинской ССР, в которой широко ведутся исследования в области кибернетики, физики твердого тела и материаловедения, физической химии, геологии. Украина — родина научной школы сварки металлов. Широкую известность получили исследования по астрофизике в Академии наук Армянской ССР, по механике и математике — в Академии наук Грузинской ССР, по химии алкалоидов — в Академии наук Узбекской ССР, по геологии — в Академии наук Казахской ССР, по нефтехимии — в Академии наук Азербайджанской ССР, по тонкому органическому синтезу — в Академии наук Латвийской ССР и т. д. Весьма велика роль республиканских академий в решении специфических для того или иного района проблем. Например, академии наук среднеазиатских республик уделяют большое внимание

разработке научных основ хлопководства, изучению пустынь и вопросам их хозяйственного использования, разработке проблем сейсмологии.

Связь фундаментальных исследований с решением практических народнохозяйственных задач характерна для всей советской науки. В решении крупнейших научных проблем важную роль играют научно-исследовательские учреждения в отраслях народного хозяйства. Еще при жизни Ленина был организован ряд институтов, которые проводили исследования, связанные с развитием промышленности, транспорта, с электрификацией страны. К настоящему времени научные исследования в институтах промышленности получили самое широкое развитие. В таких важнейших областях, как сельское хозяйство, медицина, народное образование, большую работу проводят отраслевые академии наук: Всесоюзная академия сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина, Академия медицинских наук, Академия педагогических наук. Совместная деятельность Академии наук СССР и отраслевых научных учреждений в тесном взаимодействии с промышленностью обеспечила решение важнейших задач социалистического строительства, а сейчас активно содействует созданию материально-технической базы коммунизма.

Научные исследования по самым различным направлениям ведутся почти в 800 высших учебных заведениях, расположенных по всей территории страны.

Все это обусловило развитие исследований по всему фронту современной науки. Сейчас наша страна играет громадную роль в развитии мировой науки. Вряд ли можно назвать крупное научное направление, в котором исследования советских ученых не играли бы существенной роли. Советским ученым принадлежат многие из открытий, определивших прогресс науки в наше время. В этой связи можно назвать многие достижения советских математиков, открытия в области радиоэлектроники, фундаментальный вклад в теорию твердого тела, теорию прочности, механику, аэродинамику, теоретическую физику; в области химии — создание теории цепных реакций, вклад в развитие органической химии, в химию элементоорганических соединений. Советские ученые первыми приступили к мирному использованию энергии атомного ядра, выдвинули идеи решения проблемы управляемого термоядерного синтеза. Высокий уровень, достигнутый советской наукой и техникой, позволил нашей стране открыть космическую эру человечества. В успешном развитии у нас научных исследований во всех областях науки нашел отражение грандиозный прогресс страны за годы Советской власти.

Крупные достижения советской науки, получившие признание во всем мире, стали возможны в результате огромной работы по государственной организации науки, последовательно проводившейся с первых лет после Великого Октября под непосредственным руководством Ленина. Государственная организация науки позволила концентрировать научные силы и материальные средства на решении первоочередных научных задач, важных для развития народного хозяйства, для техниче-

ского прогресса и культуры страны. Поскольку в советскую эпоху наука стала развиваться у нас по всей стране, потребовалась широкая координация научных исследований, их целенаправленное финансирование, правильное распределение научных кадров. В наших планах предусматривается не только развитие фундаментальных исследований, но и использование их результатов в технике и народном хозяйстве. Государственная организация и планирование науки, многочисленные высококвалифицированные научные кадры, огромные материальные ресурсы, которые предоставляются у нас для развития научных исследований, обусловили выдающиеся достижения советской науки и техники, выдвинувшие нашу страну по многим решающим научным направлениям на передовые позиции в мире.

Величайшее значение теоретического наследия и организаторской деятельности Ленина для развития советской науки выступает особенно ярко в свете ее достижений в современный период. Сейчас мы видим, как полностью подтвердились выдвинутые Лениным положения о роли науки в социалистическом и коммунистическом строительстве.

Современная наука, имеющая огромное значение для развития нашего мировоззрения, во все большей мере выступает и как производительная сила, и как основа технического прогресса. Ленин указывал, что наука — один из основных рычагов строительства коммунистического общества, и это положение последовательно проводится в жизнь Коммунистической партией на всех этапах развития Советского государства.

Процессы развития науки и промышленности взаимосвязаны. Наука сыграла большую роль в развитии страны. В свою очередь наука в громадной степени опирается на высокоразвитую промышленность, созданную в процессе социалистического и коммунистического строительства. Только на основе мощной индустрии можно было создать такие уникальные установки, как крупнейший в мире ускоритель протонов в Серпухове, ускорители со встречными пучками в Новосибирске и другие крупные ускорители заряженных частиц, мощные радиотелескопы, аэродинамические трубы, установки для термоядерных исследований, вычислительные комплексы. Это позволяет нам сооружать самый большой в мире оптический телескоп, подземную нейтринную станцию.

Сейчас наука переживает эпоху индустриализации и автоматизации методов исследований, когда для новых научных открытий необходимо создание не только крупных установок, но и разнообразных приборов, основанных на тончайших физических эффектах. Оснащенность современными приборами с научным оборудованием является определяющим фактором успешного развития науки, важнейшим условием быстрого научно-технического прогресса.

Социалистический строй, рожденный Великим Октябрем, привел к грандиозному развитию советской науки, быстрому техническому прогрессу, невиданному росту культуры. Все великие преобразования, которые совершились в нашей стране, навсегда будут связаны с именем Ленина. Он стоял во главе величайшей революции, которая открыла

новую эпоху в истории человечества — эпоху перехода к социалистическому и коммунистическому обществу.

Имя Ленина бесконечно дорого народам, оно стало символом Великого Октября, эпохи решительных побед пролетарских революций, приводящих к росту мировой системы социализма, символом прогресса, коммунистического преобразования мира. В сердцах трудящихся всех стран живет образ Ленина, в котором величие и гениальность вождя соединяются с огромным обаянием человека.

Имя Ленина вдохновляет народы в борьбе за мир, демократию, социальный прогресс. Имя Ленина вдохновляет борцов против мирового империализма и неоколониализма, оно звучит в героическом Вьетнаме, в странах Латинской Америки, на Африканском континенте — всюду, где идет борьба за социальное и национальное освобождение. «Бессмертные идеи и дела Ленина, великий подвиг его жизни служат для советских людей, для трудящихся всего мира неисчерпаемым источником вдохновения и оптимизма»[17]. Имя Ленина стало знаменем всех борцов за свободу, за социализм и коммунизм.

[17] К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина. Тезисы ЦК КПСС.— «Правда», 23 декабря 1969 г.

А. М. РУМЯНЦЕВ
академик

В. И. ЛЕНИН И ПРОБЛЕМЫ СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОГО ПРЕОБРАЗОВАНИЯ ОБЩЕСТВА

Ленинская программа созидания технической базы коммунизма — промышленного производства по новейшим образцам машинной индустрии — необходимо требует разработки социально-экономических планов с обязательным учетом *последнего слова* мировой науки. Но точное ви́дение и тем более своевременная реализация именно *высших* достижений науки немыслимы, если ограничиться лишь знанием того, что она дает или способна дать производству сегодня. Экономист, подчеркивал Ленин, должен своим взором, своим плановым расчетом опережать развитие техники, уметь еще в сфере научной теории заметить то, что завтра будет или может быть практическим свершением в народном хозяйстве.

Ход событий в современном мире, подстегнутый соревнованием различных социальных систем, превратил науку — одно из главных поприщ этого соревнования — в мощную индустрию идей. Ее собственная, по выражению Маркса, «непосредственная производительная сила» становится ведущей отраслью промышленного производства, оставляющей позади себя всю остальную технику и неизбежно вызывающую в ней постоянные преобразования. В этих условиях реальное планирование хозяйства не только в масштабах страны, но и определенной отрасли и даже сколько-нибудь крупного ее объединения уже не может обойтись без обоснованного выделения и выбора тех направлений

науки, которые определяют ее будущее и потому наиболее перспективны в практическом отношении.

Отсюда новые сложные задачи экономической политики в целом. Теперь, как никогда прежде, она остро нуждается в специальном анализе самого научного процесса, его характера и закономерностей, промежуточных звеньев между фундаментальными и прикладными исследованиями, способов их «перевода» в технику, массовое производство и т. д. [1] Этот анализ особенно важен в современную эпоху научно-технической революции, которая знаменует собой скачкообразный переход общества на новую ступень познания законов природы и их использования на практике, в процессе создания и применения средств производства.

Стало уже общепризнанным, что происходящая ныне революция в науке сопровождается коренной ломкой технической базы общества. Человечество уже не раз переживало эпохи ломки этой базы. Так, в конце XVIII — начале XIX в. произошла замена мануфактурного производства машинным, вошедшая в историю под названием промышленного переворота.

Однако многие авторы книг и статей по экономике отрицают за промышленным переворотом право считаться научно-технической революцией. Они утверждают, что совершившиеся тогда принципиальные изменения в *технике* не были якобы непосредственно связаны с развитием науки, что ни ткацкий станок, ни паровая машина, ни какое-либо иное изобретение не были сознательным воплощением естественнонаучных разработок и лишь результаты промышленного переворота дали толчок теоретическому осмыслению и научному выражению сущности тех процессов, которые фактически использовались изобретателями в созданных ими машинах.

Такая точка зрения грешит двумя существенными ошибками.

Во-первых, она суживает самое понятие науки, примитивно истолковывает ее влияние на практику. Это влияние не исчезает и тогда, когда человек применяет к технике свои научные знания бессознатель-

[1] В настоящее время есть не только необходимость, но и условия для создания общей теории научной деятельности, которая выполняла бы по отношению к науке ту же роль, какую политэкономия играет по отношению к народному хозяйству. Такого рода теория — науковедение — уже разрабатывается в ряде институтов, в частности в Институте истории естествознания и техники Академии наук СССР. Внутренние закономерности развития науки изучаются при этом в рамках истории и логики науки, психологии научного творчества, а социальные закономерности — в рамках социологии, организации и экономики научной деятельности. В серии «Науковедение» выпущены первые исследования по организации научной деятельности, истории и теории развития науки, психологии научного творчества. Комплексный, системный подход, применяемый в науковедении, позволяет выработать общие принципы оптимального управления не только самой наукой, но и преобразуемым на ее основе общественным производством. Эти принципы должны быть достаточно универсальными, чтобы применяться как в экстремальных условиях научно-технической революции, так и в условиях обычного научно-технического прогресса.

но: они так или иначе отражаются в его производственных свершениях. «Господство над природой, проявляющее себя в практике человечества,— писал Ленин,— есть результат объективно-верного отражения в голове человека явлений и процессов природы...» [2]

Наука, техника и производство всегда — прямо или непосредственно — были взаимосвязаны. Наука — это познание законов объективного мира, система знаний, которую люди получают на основе производственной практики и в конечном счете для практики. Техника — это средства труда в их совокупности, создаваемые и используемые людьми на основе имеющихся у них знаний об окружающем мире и его закономерностях.

Во-вторых, машинный переворот опирался — и это вполне отвечало его сущности — прежде всего на достижения такой науки, как механика. Анализируя генезис машинной индустрии, Маркс отмечал, что уже в XVIII в. производственные потребности подтолкнули те научные исследования, которые впоследствии сыграли важную роль в крупной промышленности, в частности исследования законов трения и теории махового колеса.

Наконец, каким бы ни был исторический срок от выдвижения научной идеи до ее «перехода» в технику и производство или, наоборот, от эмпирически найденного технического новшества до его научного осознания, этот разрыв во времени не дает основания принципиально отрицать факт взаимодействия, взаимовлияния науки, техники и производства. Естественный и до конца, быть может, никогда не преодолимый, этот временной разрыв на ранних стадиях развития общества исчислялся столетиями. Он стал резко сокращаться в эпоху машинной индустрии, развитие которой потребовало сознательного применения сложных научных разработок. «Мануфактурный период,— подчеркивал Маркс,— развивал первые *научные* и *технические* элементы крупной промышленности» [3] (Курсив наш.— *А. Р.*). И далее: «В качестве машины средства труда приобретают такую материальную форму существования, которая обусловливает замену человеческой силы силами природы и эмпирических рутинных приемов — сознательным применением естествознания» [4].

Машинный переворот был подготовлен не только совершенствованием орудий труда, но и накоплением систематизированных знаний. Эта подготовка и привела к качественному скачку, к революции науки и техники и производства в их единстве. В свою очередь переход от ручного труда к машинному дал огромный толчок развитию естествознания.

Вопрос о том, был ли промышленный переворот конца XVIII — начала XIX в. научно-технической революцией, носит отнюдь не схоластический характер. Правильное его решение позволяет на основании обобщения исторического опыта лучше понять как общие законо-

[2] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 198.
[3] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 23, стр. 388.
[4] Там же, стр. 397.

мерности промышленного переворота и развивающейся ныне научно-технической революции, так и специфические ее особенности.

Материальной предпосылкой промышленного переворота было разделение труда в мануфактуре, приведшее к разработке узкоспециализированных ручных орудий. Маркс определял рабочую машину — важнейшую составную часть всякого развитого машинного устройства — как механизм, совершающий своими орудиями те самые операции, которые раньше совершал рабочий подобными же орудиями. Естественно, что в этих условиях дальнейший подъем производительных сил сдерживался ограниченными возможностями работника, обслуживающего машину.

Важнейшим условием массового производства является его непрерывность и синхронность действия всех составных элементов, а эти качества идеально обеспечиваются лишь при переходе к комплексной автоматической системе машин. Регулировка взаимодействия сложнейших и быстродействующих агрегатов, осуществляемая на основе учета множества важных и постоянно меняющихся факторов, требует автоматизации самого процесса управления производством. Все возрастающий объем и сложность расчетов, которые приходится осуществлять как в процессе разработки новой техники, так и для обеспечения ее нормального функционирования, вызывают к жизни все более совершенные средства автоматизации.

Однако в применении этих средств повторяются многие закономерности, характерные для промышленного переворота. Так, первоначально машинное производство развивалось на несоответствующей ему материальной основе, ибо сами машины производились вручную. Но затем оно создало себе новый базис — машинное производство машин. Подобным образом идет и развитие автоматических систем. Еще сегодня они производятся, как правило, в условиях неавтоматизированного производства, но совершенно очевидно, что на очереди стоит создание заводов-автоматов для производства автоматических систем.

Далее, переворот в области рабочей машины, как отмечал Маркс, повлек за собой переворот в использовании источников энергии, средств транспорта и связи, словом, сделал необходимой революцию в общих условиях общественного производства. Современная научно-техническая революция носит также комплексный характер, вызывает внутренние взаимосвязанные цепные изменения всей базы производства.

Но общие черты двух революций в науке и технике не должны заслонять от нас их принципиальные различия.

Промышленный переворот охватил, да и то далеко не полностью, лишь сферу физического труда. Машина, выполняющая рабочие операции, есть, по словам Маркса, продление рабочих органов человека. Современная научно-техническая революция несет коренные изменения условий как физической, так и умственной деятельности человека. Создаваемые сегодня разнообразные электронно-вычислительные, логические и т. п. устройства есть продление нашего разума. Речь идет не о замене человека, а об автоматизации рутинных функций его умственной деятельности.

Сердцевина научно-технической революции — комплексная автоматизация производства. Если функцией отдельной машины является выполнение своими орудиями тех операций, которые раньше подобными же орудиями рабочий выполнял вручную, то комплексная система автоматических машин устраняет необходимость непосредственного выполнения рабочим всех основных и вспомогательных элементов работы, оставляя за ним лишь наладку и общий контроль за ходом производства. Комплексная автоматизация производства подразумевает и автоматизацию управления всей совокупностью автоматических машин не только как технического, но и как организационно-хозяйственного целого.

В период промышленного переворота связь между развитием науки и техническими изменениями производства не выступала прямо. Современная научно-техническая революция опирается на непосредственное применение теоретических знаний и на воплощающий их результат промышленного переворота — крупную машинную индустрию.

Сегодня наука как непосредственная производительная сила стала ведущим *цехом промышленного производства.* Уходит в прошлое разделение труда между ученым, делающим открытие, и изобретателем, использующим его для постройки машины или разработки технологии. Создание ядерного реактора — задача одновременно и научная, и технико-производственная, точно так же, как и разработка электронной системы управления автоматическим заводом.

Потребности современного общественного производства, невиданно высокий уровень его концентрации и централизации не только открыли возможности для внедрения последних достижений науки в практику, но и сделали такое внедрение настоятельной необходимостью. В связи с этим неизмеримо сократился разрыв во времени («лаг») между фундаментальными научными открытиями, созданием на их основе технических средств и широким внедрением последних в производство. Вот почему отличительной особенностью современной научно-технической революции является ее исключительно высокий темп.

Изучение динамики двух десятков крупных изобретений и открытий, получивших производственное воплощение с конца прошлого века, наглядно свидетельствует о сокращении цикла: рождение новой идеи — ее техническое осуществление (инкубационный период) — ее экономическая реализация (период экономизации) — период распространения (см. табл.).

Годы	*Продолжительность в годах*		
	инкубационный период	*период экономизации*	*всего*
1890—1919	30	7	37
1920—1944	16	8	24
1945—1964	9	5	14

Особенно поучительно сокращение сроков родственных нововведений. Например, инкубационный период идеи замораживания пищевых продуктов, впервые предложенной в 1842 г., продолжался 74 года, период экономизации — 9 лет, т. е. всего 83 года. Аналогичные цифры для нового метода быстрого замораживания и обезвоживания пищевых продуктов, предложенного в 1951 г., сократились соответственно до 4 и 6, в общей сложности — до 10 лет. Инкубационный период идеи синтетических смол (пластмасс), изобретенных в 1855 г., составил 52 года, а период экономизации — 3 года, итого 55 лет; а синтетических волокон, изобретенных в 1930 г.,— соответственно 6 и 3 года, итого 9 лет. Иначе говоря, «лаг» между научной идеей и ее реализацией в практике сократился между промышленной революцией XIX в. и современной научно-технической революцией в 6—8 раз, а в послевоенный период — примерно вдвое против довоенного.

Нельзя не видеть и такого нового качества современной научно-технической деятельности, как коллективность. Сегодня наука и техника требуют для своего развития больших коллективов ученых, инженеров, рабочих, служащих. Только при этом условии, в обстановке коллективности — коллективности в широком социальном смысле и коллективности непосредственно в каждом исследовании — успешно решаются научно-технические проблемы.

Но главное различие двух революций в производительных силах — это различие в социальных условиях их развертывания и соответственно — в социальных последствиях.

Промышленный переворот конца XVIII — начала XIX в. проходил под флагом буржуазии, он осуществлялся в условиях частнокапиталистической собственности и вел к ее победе над собственностью ремесленника, базирующейся на личном труде. Этот переворот, по словам Маркса, превратил господство капитала над рабочими в полное самодержавие, отнял у человека «всякую возможность свободной физической и духовной деятельности» [5].

Научно-техническая революция наших дней развивается в условиях существования двух противоположных социально-экономических систем. И ход, и общественные последствия ее оказываются разными в разных мирах, ибо внутренняя логика технического преобразования всегда реализуется через сознательную деятельность хозяев производства, преследующих определенные экономические и социальные цели. Для капитализма таким имманентным стимулом развертывания научно-технической революции является погоня за прибылью, осуществляемая в жестокой конкурентной борьбе. Стимул социализма — осознанная необходимость наиболее полного благосостояния всех членов общества, их всестороннего и гармонического развития.

Не останавливаясь на этом достаточно общеизвестном вопросе, хотелось бы только отметить, что понять ход и последствия современного научно-технического переворота в странах капитала нельзя без учета того воздействия, которое оказывает социализм. Именно борьба двух

[5] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 23, стр. 434.

систем является важнейшим фактором ускорения развития науки и техники при капитализме. Частнособственнический мир во главе с США форсирует научно-техническую революцию прежде всего ради того, чтобы не оказаться в хвосте у Советского Союза, не проиграть в соревновании с мировой социалистической системой.

Глубокие различия в условиях развертывания и последствиях научно-технической революции в двух социальных системах не означают, однако, что человечество переживает одновременно две научно-технические революции. Сегодняшний научно-технический переворот, происходящий и в капиталистическом и в социалистическом обществе, вызван к жизни одними и теми же процессами развития производства и науки. Он опирается на общую для обеих систем материальную базу крупного машинного, общественного по своему характеру производства.

В работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин всесторонне проанализировал развитие обобществления капиталистического производства под воздействием технического прогресса. «Капитализм в его империалистской стадии вплотную подводит к самому всестороннему обобществлению производства, он втаскивает, так сказать, капиталистов, вопреки их воли и сознания, в какой-то новый общественный порядок, переходный от полной свободы конкуренции к полному обобществлению» [6].

Вершина обобществления при сохранении власти буржуазии — государственно-монополистическое обобществление. Между ним, как подчеркивал Ленин, и социалистическим обобществлением промежуточных ступеней нет. Именно государственно-монополистический капитализм делает возможным развертывание научно-технической революции в странах, где сохраняется частная собственность на средства производства. Но на этой социально-экономической базе созидательные потенции науки и техники полностью проявиться не могут.

Условием полной реализации потенций современной научно-технической революции является высшая степень обобществления производства и собственности. В этом отношении *научно-техническая революция получает адекватную ей экономическую базу в социалистической общенародной собственности.* В рамках же частной собственности она может реализоваться лишь в той мере и постольку, в какой и поскольку соответствующие условия создаются государственно-монополистическим капитализмом.

Но гигантский прогресс обобществления, как писал Ленин, ведет и к обобществлению технических изобретений и усовершенствований. Неизбежность обобществления научных и технических достижений продиктована законами общественного развития. Она является как условием, так и результатом социального прогресса, вызывая к жизни новые методы управления наукой, производством и социальным развитием в целом.

Промышленный переворот конца XVIII — начала XIX в. не требовал для своего осуществления планомерного сознательного руковод-

[6] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 320—321.

ства процессами развития науки, техники и производства со стороны общества. Современная научно-техническая революция немыслима без определенной планомерности, выходящей за рамки отдельных предприятий. Эта необходимость пробивает себе дорогу и в условиях частной собственности, реализуясь через государственно-монополистическое регулирование в различных его формах — от правительственного финансирования и координации исследований и разработок, особенно в военных целях, до «внутреннего» планирования в рамках гигантских сверхмонополий, каждая из которых охватывает целую совокупность отраслей хозяйства.

Однако безграничные возможности для всеобъемлющего народнохозяйственного планирования и руководства процессами научно-технической революции открывает только общенародная собственность. Не случайно Ленин, предвидя тот грандиозный размах научно-технического прогресса, который потребует для своего полного развертывания общенародного государственного планирования, уже в первые годы Советской власти наметил конкретную программу подъема культуры и производительных сил, программу комплексного управления с учетом всех достижений мировой науки. Во имя этой цели Ленин призывал применять все лучшее, что есть в зарубежном опыте.

«Чтобы показать, насколько необходимо Советской власти воспользоваться именно для перехода к социализму услугами буржуазной интеллигенции,— писал Ленин,— мы позволим себе употребить выражение, которое на первый взгляд покажется парадоксом: учиться социализму надо в значительной степени у руководителей трестов, учиться социализму надо у крупнейших организаторов капитализма» [7]. И далее: «Крупнейший капитализм создал такие системы организации труда, которые при условии эксплуатации масс населения были злейшей формой порабощения и выжимания добавочного количества труда, силы, крови и нервов меньшинством имущих классов из трудящихся, но которые в то же самое время являются последним словом научной организации производства, которые должны быть переняты социалистической Советской республикой, которые должны быть переработаны ею в интересах осуществления нашего учета и контроля над производством, с одной стороны, а затем — повышения производительности труда, с другой стороны» [8].

Активно поддерживая попытки научной организации труда в стране, Ленин неоднократно подчеркивал необходимость овладения передовым зарубежным опытом в этой области. «Научиться работать — это теперь главная, действительно общенародная задача Советской республики,— отмечал он.— Добиться поголовной грамотности; ни в коем случае не ограничиться этим, а во что бы то ни стало пойти дальше и перенять все действительно ценное из европейской и американской науки; — это наша первейшая и главнейшая задача» [9].

[7] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 137.
[8] Там же, стр. 140.
[9] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 206.

РОССІЙСКАЯ СОЦІАЛИСТИЧЕСКАЯ ФЕДЕРАТИВНАЯ СОВѢТСКАЯ РЕСПУБЛИКА.

„Пролетаріи всѣхъ странъ, соединяйтесь!"

Н. ЛЕНИНЪ.

ОЧЕРЕДНЫЯ ЗАДАЧИ СОВѢТСКОЙ ВЛАСТИ.

Изданіе 2-е.

Цѣна 50 коп.

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Всероссійскаго Центральнаго Исполнительнаго
Комитета Совѣтовъ Р., С., К. и К. Депутатовъ.
МОСКВА -1918

ОБЛОЖКА РАБОТЫ В. И. ЛЕНИНА
«ОЧЕРЕДНЫЕ ЗАДАЧИ СОВЕТСКОЙ ВЛАСТИ»
(ВТОРОЕ ИЗДАНИЕ, 1918 г.)

Во второй половине апреля 1918 г. Ленин составляет знаменитый «Набросок плана научно-технических работ», в котором ставит перед Академией наук важнейшие задачи, связанные с обеспечением народного хозяйства сырьем и топливом, рациональным размещением производства, электрификацией промышленности, транспорта и сельского хозяйства.

Ленинская забота о развитии науки способствовала оживлению научной деятельности в стране. По-иному стала работать Академия наук: виднейшие ученые активно выполняли задания Высшего совета народного хозяйства, принимали участие в создании новых институтов, организовывали экспедиции для выявления природных богатств.

Уже в первые послереволюционные годы Комиссия по изучению естественных производительных сил приступила к составлению почвенной карты, направила десятки комплексных экспедиций в различные районы страны, в том числе в Сибирь, на Урал, в районы Крайнего Севера и Северо-Запада. Результаты этих экспедиций очень быстро сказались в приращении разведанных запасов угля, нефти, руд черных и цветных металлов, фосфоритов и других полезных ископаемых. Все это послужило надежным фундаментом для создававшихся в последующие годы крупных промышленных предприятий и электростанций.

Замечательный ленинский набросок плана научно-технических работ был началом перспективного планирования советской науки. Государственный план электрификации России (ГОЭЛРО), принятый в 1920 г., разработка которого была осуществлена по идее и под непосредственным руководством Ленина, представлял собой уже детально подготовленную программу технической реконструкции народного хозяйства. В его осуществлении наука играла первостепенную роль. Рассчитанный на 10—15 лет, план ГОЭЛРО был выполнен досрочно. Страна получила все необходимые условия, чтобы уже с конца 20-х годов перейти к планированию развития народного хозяйства, науки и культуры по пятилеткам.

Общенародная собственность дает особенно широкие возможности для комплексного научного управления различными сферами общественной жизни. За минувшее полстолетие Советской властью накоплен ценнейший опыт управления развитием научной деятельности, разработаны основы стратегии научно-технического прогресса в неразрывном единстве с социальным прогрессом. Показательно, что успехи научно-технического прогресса в СССР особенно велики в тех областях, где особенно нужна взаимоувязка самых различных направлений исследовательской и производственной деятельности.

Вступление в эпоху современной научно-технической революции ставит перед нами задачу поиска новых, все более современных форм и методов планирования и управления общественным производством.

Научно-техническая революция делает всю экономическую жизнь крайне динамичной. В условиях общественного разделения труда любое серьезное открытие, приводящее к появлению новой отрасли или

перестройке производства в отрасли, уже существующей, вызывает цепную реакцию изменений во всей структуре общественного производства, ломает сложившееся распределение материальных, трудовых и финансовых ресурсов.

Все это широко известно. Напрашивающиеся отсюда выводы для практики планирования и управления народным хозяйством требуют учета их в полной мере. Речь идет прежде всего о формах перспективного планирования. Чем большее влияние оказывает на экономическую жизнь научно-технический прогресс, тем полнее должно сообразовываться это планирование с закономерностями и специфическими особенностями развития науки и техники.

По своей естественной природе научно-техническое творчество есть процесс с неопределенным выходом, его результаты могут быть заранее предсказаны лишь с некоторой вероятностью, иначе оно перестало бы быть творчеством, т. е. открытием нового, неизвестного. Конечно, сама вероятность достижения тех или иных результатов имеет различную меру в зависимости не только от предмета, но и от характера исследования.

Граница пролегает здесь прежде всего между фундаментальными и прикладными изысканиями. Несомненно, что расшифровка генетического кода являет собой задачу, вероятность успешного решения которой с непосредственным выходом в практику в заданные сроки неизмеримо ниже, чем вероятность разработки новой модели трактора. Фундаментальные открытия по природе своей не поддаются директивному предопределению. Настоящий ученый не может обязаться, как острил герой одного из лучших наших фильмов, посвященных науке, «открыть новую частицу в следующем квартале».

Это вовсе не значит, что фундаментальные исследования выпадают из сферы планирования. Речь идет о другом — само планирование здесь должно быть иным, оно не может механически копировать планирование выпуска промышленной продукции. Планирование фундаментальных и базирующихся на их предполагаемых результатах прикладных исследований должно предусматривать общее целевое направление усилий, выделение сил и средств в соответствии с общественными потребностями и возможностями. Возможные последствия этих открытий и разработок должны учитываться в народнохозяйственном плане как события, обладающие той или иной мерой вероятности.

Всякие грани условны, относительны. И в области фундаментальных работ степень неопределенности различна в зависимости от обстоятельств. Она резко снижается, когда мы идем, так сказать, по чужим стопам, когда мы ставим своей целью повторить открытие, добиться уже полученного за рубежом результата, хотя бы и другим путем. В таких случаях мы знаем, что проблема имеет решение, мы знакомы с последствиями этого решения для производства, представляем себе силы и сроки, которые понадобились предшественникам. Но, по мере того как наша наука выходит по всем направлениям на ведущее место в мире, а наши ученые становятся во всем *первооткрывателями*, мы лишаемся этого сомнительного преимущества заранее знать решение.

В планировании исследований и разработок прикладного характера элемент неопределенности также нельзя сводить к нулю, так как в самом ходе всякой творческой работы возникают подчас принципиально новые решения, не предусмотренные первоначальными проектными наметками, или достижение заданных параметров оказывается сложнее, чем предполагалось, и т. п.

Разработка новой конструкции и создание опытного образца газовой турбины в 250 л.с. потребовали втрое бо́льших сроков и впятеро бо́льших средств, чем предусматривалось вначале. Подобных примеров можно привести немало. Но, как показывает опыт, вероятность отклонений от ожидавшихся результатов (как по их характеру, так и по срокам их достижения) в прикладных исследованиях все же относительно невелика. А главное — эти отклонения вызывают, как правило, лишь частичные «возмущения» в экономической жизни, их воздействие на другие отрасли и производства сравнительно быстро угасает по мере удаления от источника «возмущений».

Фундаментальные открытия оказывают несравненно более глубокое воздействие на всю жизнь общества. Поэтому перспективное народнохозяйственное планирование, не принимающее во внимание результаты воздействия этих открытий на практику или, наоборот, рассматривающее их при составлении плана как жестко предопределенные, рискует оказаться нереалистичным. Между тем сегодня при составлении перспективных планов мы фактически не учитываем вероятностный характер научного поиска.

Разрабатываемые планы либо предусматривают какое-нибудь явление, либо исключают его.

Пока между фундаментальными открытиями и внедрением их результатов в производство проходил довольно большой срок, а сами перспективные планы рассчитывались только на несколько лет, особых ошибок такой подход не вызывал. Сейчас положение существенно меняется. Современная научно-техническая революция характеризуется лавинообразным нарастанием открытий и изобретений и стремительным ускорением их воздействия на хозяйство. В то же время наряду с пятилетними перспективными планами мы приступаем к разработке планов генеральной перспективы (на 20—30 лет) и среднесрочных планов (на 10—15 лет). В этих условиях игнорировать вероятностный характер научного творчества и его воздействие на жизнь общества нельзя.

Многоступенчатое (по срокам) планирование предполагает определенные различия в самом характере планов, рассчитанных на различные сроки. Чем короче планируемые периоды, тем жестче, однозначнее могут и должны определяться в плане пропорции и темпы развития народного хозяйства. Наоборот, чем продолжительнее срок, на который рассчитан план, тем больше показатели плана приобретают вероятностный характер.

Практически это значит, что планирование, рассчитанное на ряд лет, в условиях научно-технической революции должно быть *многовариантным*. Необходима разработка ряда вариантов развития народ-

ного хозяйства в соответствии с вероятными фундаментальными открытиями и внедрением ожидаемых от них результатов в практику.

Но реально ли вообще такое многовариантное планирование? Ведь количество вариантов плана стремительно растет по мере увеличения числа факторов, возможная комбинация которых кладется в основу плана. Если исходить из вероятности (включая целевую) только пяти кардинальных открытий, каждое из которых независимо от других, то при всех огрублениях (пренебрежение временным разрывом между ними в пределах планируемого периода, отказ от детализации последствий самих открытий и т. д.) мы получаем 22 значимых варианта плана.

Не превратится ли такое планирование в пустышку, в макулатуропроизводство? Не сведется ли оно к перебору практически неисчерпаемых комбинаций всех мыслимых открытий? Никакая сеть современных электронно-вычислительных центров, способных разработать в самые короткие сроки любой вариант сбалансированного плана, с такой задачей не справится.

Подобные опасения исходят, однако, из ложной предпосылки, что вероятностный характер научного творчества означает полную неопределенность и невозможность предсказания его результатов. Те, кто выдвигает альтернативу: либо жесткий однозначный план, либо отказ от планирования, совершают непозволительную подмену понятий. Отказ от одновариантного общественного предвидения они отождествляют с отрицанием самого общественного предвидения.

Строго однозначное предвидение будущего возможно лишь там, где анализируемое явление детерминировано одним или несколькими хорошо известными нам и неменяющимися факторами, причем детерминировано настолько жестко, что влиянием остальных факторов можно пренебречь. Во всех остальных случаях мы должны брать в расчет сравнительно большое число факторов, предусматривая их наиболее вероятные изменения и комбинации. Общественное предвидение ряда возможных вариантов грядущего опирается на выявление тенденций и оценку вероятности их реализации в ожидаемые сроки. Это и есть задача научного прогнозирования, опирающегося на глубокое знание фактов.

Прогнозирование научной деятельности в наши дни становится самостоятельной отраслью науки, значение которой трудно переоценить. Господство общенародной собственности открывает перед прогнозированием научно-технического прогресса такие возможности, которых оно лишено в капиталистическом мире. Отсутствие коммерческой тайны, ликвидация подчинения деятельности ученых интересам отдельных монополий, координация усилий в общегосударственном масштабе — все это позволяет социалистическому обществу с гораздо большей достоверностью предвидеть будущее науки, ее основных направлений.

Но объективные возможности в области прогнозирования, как и в любой другой области, сами по себе, автоматически не реализуются. А у нас, к глубокому сожалению, прогнозирование научно-технических достижений не вышло еще за рамки любительской деятельности отдельных ученых. Плоды этого «хобби», иной раз появляющиеся на страни-

цах научно-популярных журналов и молодежных газет, расцениваются работниками плановых органов лишь как занимательное чтение, как нечто вроде научной фантастики.

Между тем время для государственной постановки прогнозирования развития науки уже назрело. Организационные формы этой деятельности могут и должны быть различны. Видимо, нужны специальные исследовательские центры по прогнозированию основных отраслей науки, оснащенные современной вычислительной техникой для «проигрывания» разных вариантов, обеспеченные всей полнотой информации о ведущих исследованиях, занятых в них силах, достигнутых результатах и возникших трудностях, укомплектованные хорошо подготовленными кадрами, умеющими остро чувствовать новое. Наряду с такими центрами нужны отраслевые и комплексные советы по прогнозированию, в состав которых вошли бы крупнейшие ученые, причем выводы и рекомендации этих советов должны лечь в основу работы планирующих органов.

Прогнозирование не ставит своей целью отбор одного-единственного варианта и отбраковку всех остальных как не заслуживающих внимания. На основании прогнозов может быть выделен ряд вариантов перспективного плана, каждый из которых представляет собой одну из возможных стратегий движения общества на сравнительно длительный период.

Задачей органов управления и планирования является обеспечение эффективного перехода от одной стратегии к другой в соответствии с выявляющимися в процессе научно-технической революции обстоятельствами. При разработке многовариантного перспективного плана должны быть предусмотрены пути, резервы и ресурсы для такой перемены стратегий.

Сама идея многовариантного народнохозяйственного планирования, основанного на прогнозировании процессов научно-технической революции, встречается некоторыми экономистами—теоретиками и практиками в штыки: она, дескать, противоречит принципу директивности нашего планирования. Пора отказаться от догматического противопоставления плана-прогноза и плана-директивы. Высказанный некогда Сталиным тезис «Наши планы — не планы-прогнозы, а планы-директивы» был направлен против тех, кто считал государственный план необязательным для предприятий. Нет никаких оснований для абсолютизации этого высказывания, носившего вполне конкретный характер, преследовавшего вполне конкретную цель. Нам нужны и планы-прогнозы, и планы-директивы. Перспективные народнохозяйственные планы, рассчитанные на многие годы, должны быть планами-прогнозами, указывающими ориентиры движения, его направления. Разрабатываемые на их основе среднесрочные планы представляют собой сочетание прогноза и директивы. Краткосрочные планы сугубо директивны.

Долгосрочный план ГОЭЛРО, как известно, не был в полном смысле слова директивным и по содержанию, и по срокам. Сменившие его первые пятилетние планы были строго директивными. Предусматривавшееся ими техническое перевооружение народного хозяйства не

требовало вероятностного подхода к планированию, ибо эти планы исходили из оснащения производства уже применявшимися в индустриально развитых странах техническими средствами. Сегодня речь идет совсем о другом — о развитии поисковых исследований и реализации их достижений в кратчайшие сроки. Механическое перенесение в эпоху научно-технической революции форм и методов планирования периода индустриализации недопустимо.

Выступающие во имя директивности против многовариантного перспективного плана не замечают, что одновариантность плана вовсе еще не свидетельствует о его строгой директивности. Они защищают не существующую реальность совпадения одновариантности и директивности, а собственные иллюзорные представления о ней.

Разве сегодня при составлении годовых планов мы подходим к перспективному, пятилетнему плану как к незыблемой директиве? Неужели сторонникам директивности «во что бы то ни стало» неизвестно, что наши годовые планы весьма серьезно отличаются от погодовой разбивки пятилетнего плана? Иначе и быть не может. Чего стоили бы директивные годовые задания предприятиям, если бы они не учитывали всех изменений конкретной обстановки, происшедших с момента утверждения перспективного плана? Фактически и сейчас перспективные планы выступают как планы-прогнозы, планы-ориентиры реального движения. Так что речь идет не о замене плана-директивы планом-прогнозом, а о переходе от одновариантного перспективного плана-прогноза к многовариантному и на этой основе — к директивному краткосрочному плану, учитывающему все возникшие изменения.

Такой переход не только не ослабит действительной директивности планирования, но и усилит ее. Научная обоснованность краткосрочных директивных планов значительно возрастет.

Неизбежно возникающий сегодня разрыв между годовым планом и погодовой разбивкой перспективного плана лишает отрасли и предприятия ориентировки на будущее. Перспективный план перестает выполнять свою важнейшую функцию — он не дает в таких случаях производству ясной перспективы.

При многовариантном планировании директивный годовой план максимально приблизится к годовым контрольным цифрам одного из вариантов долгосрочного перспективного плана, и этот вариант станет компасом для производства.

Разумеется, сколько бы вариантов ни было разработано при составлении перспективного плана, ни один из них не может в условиях научно-технической революции идеально предугадать будущее.

Жизнь потребует корректировки планов, но это, *как правило*, будет именно корректировка, а не коренная ломка плановых пропорций.

Переход к многовариантному перспективному планированию — сложное и трудоемкое дело, требующее не месяцев, а ряда лет. Сегодня мы не располагаем еще ни теоретическими, ни организационно-методическими, ни материально-техническими условиями реализации многовариантного плана. Нет разработанной теории такого планирования, нет соответствующего экономико-математического аппарата, нет мето-

дики прогнозирования, нет, наконец, необходимой электронно-вычислительной и информационной сети.

Но все это — не аргумент против перестройки планирования. Имея ясную цель, мы должны, не откладывая на будущее, вплотную взяться за разработку этих проблем и практическое претворение полученных результатов в жизнь. Этого требует от нас научно-техническая революция. И в свою очередь теория и практика многовариантного планирования сама станет одним из факторов научно-технической революции.

Многовариантность перспективного планирования — необходимое, но далеко не достаточное условие его совершенствования в связи с научно-техническим переворотом. Не менее важным является превращение экономического планирования в *комплексное социальное планирование*.

И опыт эпохи промышленного переворота, и наблюдаемые ныне первые последствия современной революции в области науки и техники свидетельствуют о том, что коренные научно-технические преобразования вызывают не только перестройку производства—они влекут за собой сдвиги в социальной, отраслевой, профессионально-квалификационной структуре, изменяют характер не только труда, но и быта, вызывают мощные миграционные процессы, новые формы расселения людей и т. д.

Наиболее очевидной стороной этого процесса является уже сегодня перемещение больших масс работающих в новые отрасли производства, такие, как атомная промышленность, радиоэлектроника и т. п. Но эти отрасли требуют — и чем дальше, тем больше — иного уровня культурно-технической подготовки кадров. Рабочий со среднетехническим образованием становится здесь обычным явлением. Это явление не производственно-техническое только, а социальное.

Комплексная автоматизация производства и управления им означает, что удельный вес лиц, непосредственно занятых физическим трудом, будет неуклонно снижаться. С 1960 по 1967 г. в промышленности СССР доля рабочих (вместе с учениками) снизилась с 85 до 82,6%, а доля инженерно-технических работников соответственно возросла с 9 до 11,4%. Но ведь это только первые шаги научно-технической революции. О ее тенденции мы можем судить по наиболее высокоавтоматизированным отраслям, где доля инженерно-технических работников уже достигает 20—25%.

С достаточным основанием можно предположить, что автоматизация многих элементов, относящихся к умственному труду, хотя и позволит значительно сократить потребность в инженерно-технических работниках, занятых на конкретных участках производства, но все же этой общей тенденции не изменит.

Сегодня темпы роста материального производства обгоняют темпы повышения производительности труда. Это ведет к абсолютному увеличению числа лиц, занятых в производстве. Тем не менее удельный вес работников производственной сферы в общей массе работающих посте-

пенно снижается. Только за период 1960—1967 гг. доля работников просвещения, здравоохранения, науки и научного обслуживания возросла с 11,2 до 14,4% (для сравнения укажем, что в 1950 г. она составила 7,7%).

По мере развертывания научно-технической революции этот процесс будет ускоряться, и в не столь уже отдаленном будущем можно ожидать не только относительного, но и абсолютного сокращения численности работников сферы материального производства.

По своему значению и последствиям такое изменение в распределении населения по сферам народного хозяйства далеко превосходит отраслевые перемещения. Меняя соотношение различных социальных групп, научно-техническая революция в то же время стирает существенные различия между умственным и физическим трудом. Это двуединый процесс, который мы обязаны учитывать и в планировании подготовки кадров, и в организации общеобразовательной и культурной работы, и в политике заработной платы, и во многих других областях.

К сожалению, практика плановой деятельности еще серьезно отстает в этой сфере от требований жизни. Даже планирование потребности в квалифицированных кадрах строится не на основе прогнозирования тенденций научно-технической революции, а на базе непосредственных заявок предприятий и учреждений. Между тем совершенно ясно, что без учета перспектив тех сдвигов, которые несет эта революция, нельзя своевременно разработать номенклатуру новых специальностей, организовать подготовку и переподготовку работников, заранее подготовиться к перемещениям больших масс людей в другие сферы и отрасли хозяйства, в иные экономические районы.

Переворот в науке и технике вызывает к жизни сложные проблемы, решение которых выходит за пределы «чистой» экономики. Пора отрешиться от представлений, что современная научно-техническая революция при социализме не вызывает никаких противоречий, что она развивается как идиллический процесс.

Нельзя не подивиться, например, легковесности подхода иных авторов к такому серьезному вопросу, как обеспечение работой высвобождающихся при автоматизации производства рабочих. Все сводится к магической формуле: «Так как у нас общественная собственность, у нас не может быть безработицы». Иногда — что, пожалуй, еще хуже— в качестве «доказательства» приводится аргументация, несостоятельность которой давно разоблачена Марксом в его критике «теории компенсации»: высвободившиеся от сокращения рабочих средства будут-де направлены в другие объекты, на которых и найдут себе работу эти люди.

В действительности проблема далеко не так проста, и общественная собственность сама по себе, автоматически, не служит гарантией от безработицы. Общество должно сознательно поддерживать необходимую пропорциональность между темпами роста трудовых ресурсов и темпами накопления, учитывая изменения органического строения капиталовложений, особенно стремительные в эпоху научно-технической революции. В самом обобщенном виде, принимая во внимание только

сферу материального производства, условия обеспеченности полной занятости могут быть выражены как

$$T' = \frac{\Delta R}{R} = \frac{\Delta V}{V\alpha},$$

где T' — темп прироста трудовых ресурсов;
R — число работников в базовом периоде;
V — фонд их заработной платы;
α — коэффициент планируемого повышения средней зарплаты;
ΔR — число дополнительно вовлекаемых в производство работников;
ΔV — фонд их заработной платы (с учетом повышения средней заработной платы).

В свою очередь размеры ΔV обусловлены рядом факторов, среди которых важнейшими являются соотношение необходимого и прибавочного продукта, норма «капитализации» прибавочного продукта, органическое строение капиталовложений.

Разумеется, практически задача гораздо сложнее — она требует балансовых расчетов по профессиям и квалификационным группам в разрезе не только отраслей и экономических районов, но и отдельных административно-территориальных единиц.

Было бы наивностью полагать, что достаточно точно подсчитать, сколько людей с соответствующим уровнем подготовки потребуется народному хозяйству, чтобы все сложности были сняты. Нельзя не видеть, например, что в ходе научно-технической революции, порождающей общую тягу к повышению образования, возникают определенные противоречия между реальными потребностями производства и стремлениями молодежи, ибо сама эта революция развивается неравномерно и в разной степени захватила отдельные отрасли. Жалобы на нехватку токарей, кузнецов, литейщиков, ткачей и т. д. при огромных конкурсах в вузы и техникумы, высокая текучесть молодежи со средним образованием в старых отраслях производства, стремление уйти при первой же возможности в новые отрасли — все это реальные противоречия живой жизни, не учитывать которые нельзя. Предвидеть же эти процессы и управлять ими необходимо.

Каким бы точным ни был плановый расчет, он не снимает жизненных конфликтных ситуаций. А ведь они могут возникнуть, если появляется необходимость перемещения работника на другое предприятие, смены его места жительства или специальности. Социализм исключает принудительное перераспределение трудовых ресурсов — оно должно осуществляться на основе добровольных решений самих работников-сохозяев. Сделать такое перераспределение наименее болезненным — задача не только экономическая, но социальная и политическая в широком смысле слова.

Нет нужды останавливаться на всех изменениях в области культуры, средств и способов обмена информацией, социальной психологии и т. д., которые влечет за собой научно-техническая революция и которые в свою очередь отражаются на развитии науки, техники и производства.

ПЕРВАЯ, ПЯТАЯ И СЕДЬМАЯ СТРАНИЦЫ ВТОРОЙ КОРРЕКТУРЫ «ПРОГРАММЫ РОССИЙСКОЙ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ (БОЛЬШЕВИКОВ)» С ПОМЕТКОЙ И ПРАВКОЙ В. И. ЛЕНИНА. 1919 г.

Исправлено 28/III Ленин.

ПРОГРАММА

Российской Коммунистической партии (большевиков).

Принята 8-ым с'ездом партии 18—23 марта 1919 г.

Октябрьская революция (25 окт., 7 ноября, 1917 г.) въ России осуществила диктатуру пролетариата, начавшего при поддержке беднейшего крестьянства или полупролетариата, созидать основы коммунистического общества. Ход развития революции в Германии и Австро-Венгрии, рост революционного движения пролетариата во всех передовых странах, распространение советской формы этого движения, т.-е. такой, которая направлена прямо к осуществлению диктатуры пролетариата, все это показало, что началась эра всемирной пролетарской, коммунистической революции.

Эта революция явилась неизбежным результатом развития капитализма, господствующего пока в большинстве цивилизованных стран. Природу капитализма и буржуазного общества наша старая программа правильно, если не считать неточного названия партии социал-демократической, охарактеризовала в следующих положениях:

«Главную особенность такого общества составляет товарное производство на основе капиталистических производственных отношений, при которых самая важная и значительная часть средств производства и обращения товаров принадлежит небольшому по своей численности классу лиц, между тем как огромное большинство населения состоит из пролетариев и полупролетариев, вынужденных своим экономическим положением постоянно или периодически продавать свою рабочую силу, т.-е. поступать в наемники к капиталистам, и своим трудом создавать доход высших классов

на бороньену: добавка: с капиталом промышленным громадной концентрации.

ственно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества, социальная революция пролетариата уничтожит деление общества на классы и тем освободит все угнетенное человечество, так как положит конец всем видам эксплоатации одной части общества другою.

«Необходимое условие этой социальной революции составляет диктатура пролетариата, т.-е. завоевание пролетариатом такой политической власти, которая позволит ему подавить всякое сопротивление эксплоататоров. Ставя себе задачу сделать пролетариат способным выполнить свою великую историческую миссию, международная коммунистическая партия организует его в самостоятельную политическую партию, противостоящую всем буржуазным партиям, руководит всеми проявлениями его классовой борьбы, разоблачает перед ним непримиримую противоположность интересов эксплоататоров интересам эксплоатируемых и выясняет ему историческое значение и необходимые условия предстоящей социальной революции. Вместе с тем, она обнаруживает перед всей остальной трудящейся и эксплоатируемой массой безнадежность ее положения в капиталистическом обществе и необходимость социальной революции в интересах ее собственного освобождения от гнета капитала. Партия рабочего класса, коммунистическая партия, зовет в свои ряды все слои трудящегося и эксплоатируемого населения, поскольку они переходят на точку зрения пролетариата».

Процесс концентрации и централизации капитала, уничтожая свободную конкуренцию, привел в начале XX века к созданию могучих монополистических союзов капиталистов,— синдикатов, картелей, трестов,—получивших решающее значение во всей экономической жизни, к слиянию банкового капитала с громадной концентрации капитала промышленного и к усиленному вывозу капитала в чужие страны. Тресты, охватывая целые группы капиталистических держав, начали экономический раздел мира, поделенного уже территориально между богатейшими странами. Эта эпоха финансового капитала, неизбежно обостряющая борьбу между капиталистическими государствами, есть эпоха империализма.

Отсюда неизбежно вытекают империалистические войны, войны за рынки сбыта, за сферу приложения капитала, за сырье и за рабочую силу, т.-е. за мировое господство и за власть над малыми и слабыми народностями. Именно такова первая великая империалистическая война 1914—1918 гг.

И чрезвычайно высокая степень развития мирового капитализма вообще; и смена свободной конкуренции государственно-монополистическим капитализмом; и подготовка банками, а равно союзами капиталистов, аппарата для общественного регулирования процесса производства и распределения продуктов; и стоящий в связи с ростом капиталистических монополий рост дороговизны и гнета

Кажется, что вы ошибаетесь. И первой корректуре, как и в другой программе писалось верно: эксплуатация. Слово французское: „exploitation", читается „Эксплуатасион"

28.III.1919. Ленин.

дарства, грабя колониальные и слабые народы, дают возможность буржуазии, за счет добытой этим грабежом сверхприбыли, ставить в привилегированное положение и таким образом подкупать верхушки пролетариата, обеспечивать им в мирное время сносное мещанское существование и брать на службу себе вождей этого слоя. Оппортунисты и социал-шовинисты, будучи слугами буржуазии, являются прямыми классовыми врагами пролетариата, особенно теперь, когда они в союзе с капиталистами вооруженной рукой подавляют революционное движение пролетариата, как в своих, так и в чужих странах.

С другой стороны, буржуазным извращением социализма является течение „центра", наблюдаемое равным образом во всех капиталистических странах, которое колеблется между социал-шовинистами и коммунистами, отстаивая единство с первыми и пытаясь возродить обанкротившийся II Интернационал. Руководителем борьбы пролетариата за его освобождение является лишь новый, третий, коммунистический интернационал, одним из отрядов котораго является Р. К. П. Этот Интернационал фактически создан образованием коммунистических партий из действительно пролетарских элементов прежних социалистических партий в ряде стран, а особенно в Германии, и формально основан в марте 1919 года на его первом С'езде в Москве. Коммунистический Интернационал, приобретающий все больше сочувствия в массах пролетариата всех стран не только в своем названии возвращается к марксизму, но и всем своим идейно-политическим содержанием, всеми своими действиями осуществляет революционное учение Маркса, очищенное от буржуазно-оппортунистических извращений. П - xx

Развивая конкретнее задачи пролетарской диктатуры применительно к России, главной особенностью которой является численное преобладание мелко-буржуазных слоев населения, Р. К. П. определяет эти задачи следующим образом:

В области обще-политической. -Наборщику: Не курсив, а жирный шрифт, какой был в первой корректуре

1. Буржуазная республика, даже самая демократическая, освящаемая лозунгами всенародной, общенациональной или внеклассовой воли, неизбежно оставалась на деле—въ силу того, что существовала частная собственность на землю и другие средства производства,—диктатурой буржуазии, машиной для эксплуатации и подавления громадного большинства трудящихся горсткой капиталистов. В противоположность этому, пролетарская или советская демократия превратила массовые организации, именно угнетенных капитализмом классовъ, пролетариев и беднейших крестьян—полупролетариев, т.-е. громадного большинства населения, в постоянную и единственную основу всего государственного аппарата, местного

xx Наборщику: малое тире, как на строке 6-ой сверху.

И без того ясно, что планирование, особенно перспективное, не может не охватывать всех сторон жизни, не может ограничиваться производственно-хозяйственным аспектом.

Необходимо на деле превратить перспективное планирование в комплексное социально-экономическое планирование на всех уровнях — от долгосрочного народнохозяйственного плана до пятилетнего и годового плана предприятий. Потребность в этом остро ощущают сами работники производства.

Эффективность применения тех или иных достижений науки и техники зависит от множества факторов. На нее влияет и уровень культурно-технической подготовки кадров, и принятая система управления и экономического стимулирования, и подход к формированию коллектива, и обеспечение благоприятной моральной обстановки его деятельности, и бытовые условия работников, и их представления о перспективах своего роста в коллективе и т. д. На многих предприятиях по их собственной инициативе, поддержанной партийными и общественными организациями, приступили к разработке планов социального развития коллектива. Эффективность этого полезного и нужного начинания значительно снижается прежде всего из-за отсутствия разработанной теории и методологии социального планирования. В этом отношении наши ученые в долгу перед практикой.

Но дело не в одной методике. Социальные проблемы, возникающие в ходе научно-технической революции, не могут быть решены только в масштабе предприятия.

Так, предприятие зачастую не в состоянии обеспечить у себя работой высвобождаемых в результате внедрения новой техники рабочих и служащих. Эту задачу должно взять на себя общество в лице государственных органов типа, скажем, бывшего Народного комиссариата труда. Они организовывали бы перемещение и переквалификацию рабочей силы, учитывая как потребности общества, так и желание и возможности каждого. Само собой разумеется, что общество должно гарантировать сохранение прежнего жизненного уровня людей на время их перевода на новую работу и ее освоение.

Предприятие не может эффективно осуществлять меры по предупреждению текучести, не учитывая строительство в данном районе новых объектов, отвлекаясь от планов развития городского строительства, прокладки транспортных магистралей и т. д. Наконец, далеко не все мероприятия, целесообразные с точки зрения отдельной фабрики или шахты, оказываются действительно выгодными для города, области, отрасли, страны в целом.

Иными словами, нужна взаимная увязка планов социального развития отдельных организаций и учреждений.

Социальное планирование на предприятиях должно быть составным элементом, звеном народнохозяйственного социального планирования, осуществляемого в отраслевом и территориальном разрезах. Оно должно вестись не на общественных началах, а как государственное планирование с широким привлечением общественности. При этом производственно-экономические планы и планы социального развития не

могут существовать параллельно и независимо друг от друга — необходимо их органическое слияние, оформленное в едином плановом документе, равно обязательном во всех его частях для всех организаций и лиц.

Совершенствование планирования и управления является требованием научно-технической революции, без осуществления которого невозможно ее дальнейшее быстрое развертывание.

Самыми существенными моментами реализации этого требования выступают определение величины и структуры общественных потребностей, научное обоснование управления большими системами.

Здесь на первый план выдвигается задача *коренного улучшения* всей постановки *информации*. Полнота, точность, оперативность получаемых сведений — необходимые условия научного планирования.

Не останавливаясь на таких недостатках информации, как ее неоперативность, громоздкость и неприспособленность для машинной переработки, отметим лишь один аспект проблемы информации, обычно остающийся в тени.

Связующим звеном между исследовательско-экспериментальной разработкой машин, технологии, материалов и внедрением полученных результатов в производство служит информация возможных потребителей о новой технике. В современных условиях она ограничивается сведениями об уже освоенных производством новых моделях, конструкциях, технологических процессах. В результате проектные организации закладывают в проекты новых предприятий уже существующие, проверенные на практике решения. Точно так же в перспективные планы технического развития действующих предприятий включаются мероприятия, основанные на имеющихся в стране технике и технологии, но по каким-либо причинам еще не применяющиеся на данном объекте. Понятно, что к моменту завершения строительства нового предприятия или осуществления перспективного плана развития действующего предприятия техника и технология рискуют оказаться морально устаревшими.

Иными словами, перспективные планы ориентируются, по сути дела, на вчерашний, в лучшем случае на сегодняшний день техники. Если относиться к долгосрочным планам серьезно, т. е. считать, что на их основании будут формироваться заявки и прямые заказы на оборудование и материалы, определяться источники и потребные суммы финансирования, строиться расчеты потребности в работниках и т. д., то нельзя не понимать, насколько важно для технического развития не только данного предприятия, но и хозяйства в целом знание тенденций развития современной техники.

Но, с другой стороны, иначе предприятия сегодня поступать и не могут, ибо необходимой и целостной информацией *о перспективах развития науки и техники* в интересующей их области не располагают.

Выход из этого положения только один: необходимо обеспечить систематическую информацию проектных организаций и предприятий не только о законченных разработках, но и о перспективных планах на-

учно-исследовательских институтов и специальных конструкторских бюро. Такая информация должна включать сведения о предполагаемых сроках окончания работ и выпуска первых промышленных серий, их ориентировочной стоимости, основных параметрах разрабатываемых процессов и конструкций.

Это позволит предприятиям ориентировать свои перспективные планы на ту технику, которая будет действительно новой в момент ее внедрения. Конечно, здесь появляется элемент риска. Гораздо спокойнее заказать пусть устаревшие, но безусловно реально существующие машины и оборудование, чем рассчитывать на новинки, которых еще нет. И все же потери для народного хозяйства от невыполнения исследовательскими организациями своих обещаний будут значительно меньше, чем от внедрения, под видом новой, техники прошлых лет.

Такая практика перспективного планирования неразрывно связана с широким внедрением хозрасчетных договорных отношений между потребителями и разработчиками новой техники. Это позволит свести к минимуму потери каждого конкретного потребителя в случае невыполнения (или неполного выполнения) обязательств проектными организациями и в то же время заставит эти последние с максимальной ответственностью отнестись к формированию планов своих разработок. По существу речь идет о превращении проектно-конструкторских организаций и научно-исследовательских институтов прикладного характера в хозрасчетные фирмы с полной материальной ответственностью. Наконец, что весьма немаловажно, включение в перспективные планы технического развития предприятий техники и технологии, только разрабатываемой к моменту составления таких планов, повысит заинтересованность предприятий в ее внедрении сразу же, как только она будет создана.

Проблема ускорения внедрения в практику результатов исследовательских работ уже на протяжении ряда лет не сходит с повестки дня.

Сложившаяся традиция возлагает вину и ответственность за внедрение новой техники в первую очередь на работников науки. Думается, во внедрении достижений науки и техники должны быть кровно заинтересованы прежде всего работники производства. Они должны буквально «стоять над душой» научно-исследовательских институтов, стремясь как можно скорее донести до цеха, до фермы, до шахты все новое, что предлагает наука. Причины «консерватизма» практических работников коренятся в недостаточной заинтересованности предприятий во внедрении новой техники.

Неупорядоченность снабжения крайне затрудняет внесение изменений в конструкции и технологию. Не обеспечена еще стабильность в течение длительного периода плановых нормативов, необходимая для того, чтобы каждый коллектив материально ощутил результаты своих усилий по внедрению новой техники. До последнего времени все недоделки и ошибки исследовательских и конструкторских организаций ложились тяжелым грузом на экономику предприятий. Принятые в ходе реформы меры по повышению материальной ответственности разработчиков новой техники перед производством носят паллиативный харак-

тер. Да иначе и быть не может, пока реформа не охватит исследовательские и проектно-конструкторские центры.

В то же время экономическая реформа выдвигает ряд новых проблем. Нужно, в частности, глубокое исследование влияния платы в бюджет за основные фонды на процессы замены морально устаревшей техники. Еще в начале 50-х годов советская экономическая мысль преодолела представление об отсутствии морального износа техники при социализме. Научно-техническая революция в силу ускоренного развития техники делает проблему морального износа особенно острой.

Ускорение морального износа заставляет обратить особое внимание на сокращение сроков строительства новых предприятий и освоения новой техники. Чем короче эти сроки, тем меньше потери от морального износа. Точно так же следует подходить и к срокам окупаемости затрат на новую технику: чем меньше они, тем ниже вероятность потерь от морального износа. Видимо, сами нормативные сроки окупаемости, как и нормы амортизационных отчислений, должны устанавливаться исходя из прогноза темпов научно-технического прогресса в отдельных отраслях.

Нельзя согласиться с некоторыми экономистами, которые выступают против расчетов эффективности новой техники на основе сроков ее окупаемости. Вряд ли можно видеть в установлении нормативных сроков окупаемости преграду на пути технического развития. Народному хозяйству нужны не просто новинки, а экономически эффективная новая техника, иначе она не имеет права выхода за ворота экспериментальных мастерских.

Другой разновидностью такого требования внедрять новую технику во что бы то ни стало является утверждение, что любое научно-техническое старение оборудования делает его экономически невыгодным, нуждающимся в немедленной замене. Конечно, с точки зрения предприятия или даже отрасли такая замена кажется целесообразной. Но выгодна ли она для общества в целом? Общество всегда, даже при самом высоком уровне развития производительных сил, имеет дело с ограниченными материальными и трудовыми ресурсами, и целесообразность их использования не может решаться с позиций отрасли.

Круг вопросов, которые ставит перед социальной наукой научно-техническая революция, чрезвычайно велик. От успешного их решения зависят темпы ее осуществления. Глубоко ошибаются те, кто сводит роль ученых-обществоведов только к комментированию и популяризации естественнонаучных открытий. В каждом новом шаге научно-технической революции есть немалая доля труда ученых: экономистов, социологов, юристов, философов и представителей других социальных наук. Можно с уверенностью сказать, что от неустанной работы мысли представителей обществознания зависит сегодня не только создание наиболее благоприятных условий для выхода в практику результатов естественнонаучного и технического творчества, но и дальнейший подъем и расцвет самого этого творчества.

П. Н. ФЕДОСЕЕВ
академик

РАЗВИТИЕ ЛЕНИНСКИХ ИДЕЙ ПРОЛЕТАРСКОГО ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМА

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ — НЕОТЪЕМЛЕМАЯ ЧЕРТА ОСВОБОДИТЕЛЬНОЙ БОРЬБЫ ПРОЛЕТАРИАТА

Первые десятилетия нашего века ознаменовались гигантскими, поистине всемирно-историческими переменами в освободительной борьбе рабочего класса, широких масс трудящихся против власти капитала. Победила Великая Октябрьская социалистическая революция, открывшая эпоху перехода человечества от капитализма к социализму, и возникло первое в мире социалистическое государство — Советский Союз. Неизмеримо возросли сила и организованность рабочего движения, могучим фактором революционного процесса стало национально-освободительное движение.

Гораздо более остро, чем прежде, были поставлены на повестку дня проблемы единства действий различных течений революционного процесса, координации усилий отдельных национальных отрядов рабочего класса, правильного сочетания национальных и интернациональных задач в ходе антиимпериалистической борьбы, короче говоря, весь комплекс проблем пролетарского интернационализма.

Величайшей заслугой Ленина являлось то, что он в новых исторических условиях, в эпоху империализма и пролетарских революций не только восстановил искаженные оппортунистами из II Интернационала основные принципы пролетарского интернационализма, сформулированные К. Марксом и Ф. Энгельсом, но и развил их, дав ответ на новые вопросы, которые не стояли, да и не могли быть в полной мере поставлены раньше.

И в своей теоретической, и в своей практической деятельности Ленин исходил из того, что пролетарский интернационализм — это фактор, органически присущий рабочему движению. Он не является изобретением кабинетных теоретиков, оторванных от реального движения; он не является каким-то временным, преходящим лозунгом, свойственным лишь для определенной стадии рабочего движения. Пролетарский интернационализм вытекает из самого характера, самой сути освободительной борьбы рабочего класса.

Для Ленина слова «интернационалист», «революционный рабочий», «действительный социалист» были синонимами [1], ибо нет и не может быть пролетарской революционности без подлинного интернационализма, нет и не может быть интернационализма, оторванного от классовой борьбы пролетариата за свержение капиталистической системы и построение социалистического общества.

Существование и развитие пролетарского интернационализма обусловлены объективными закономерностями. К их числу следует отнести:

— сходство — в основных и существенных моментах — экономического и политического положения пролетариата разных стран в буржуазном обществе, в системе капиталистического производства;

— общность условий освобождения рабочего класса. «Освобождение труда,— подчеркивал еще К. Маркс в Уставе I Интернационала,— не местная и не национальная проблема, а социальная, охватывающая все страны, в которых существует современное общество» [2];

— наличие у рабочих общего классового врага, обусловливающее необходимость совместной борьбы. «Капитал,— указывал Ленин,— есть сила международная. Чтобы ее победить, нужен международный союз рабочих, международное братство их.

Мы — противники национальной вражды, национальной розни, национальной обособленности. Мы — международники, интернационалисты» [3];

— наличие у рабочего класса разных стран общей цели — уничтожение капитализма и построение социалистического, а затем и коммунистического общества — самого гуманного в истории общественного строя, создающего условия для всестороннего развития личности. Путь к достижению этой цели, подчеркивал в свое время Маркс, требует «гармоничной национальной и интернациональной координации общественных форм производства» [4];

— общую идеологию, которой руководствуются в своей борьбе рабочий класс и его авангард в лице коммунистических и рабочих партий, марксистско-ленинская теория, не только дающая пролетариату надежный инструмент научного решения встающих перед ним проблем, но и соединяющая прочными идейными связями миллионы борцов против власти капитала в различных частях света. Энгельс еще в 80-х

[1] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 298.
[2] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 16, стр. 12.
[3] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 43.
[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 17, стр. 553.

годах прошлого века справедливо писал, что теоретические принципы «Коммунистического манифеста» служат наиболее крепкой интернациональной связью для всего пролетарского движения Европы и Америки [5].

Эти факторы с большей или меньшей силой действовали уже при жизни Маркса и Энгельса; теоретическое осмысление их и позволило основоположникам научного коммунизма определить принцип интернационализма не как благое пожелание, а как объективную необходимость.

В еще большей мере проявилось действие этих факторов в новую историческую эпоху, когда в условиях монополистической стадии капитализма борьба с империалистическими монополиями потребовала максимального сплочения всех революционных сил. Говоря о корнях интернационализма рабочего класса, Ленин отмечал, что «(α) экономическое положение его (le salariat) не национально, а интернационально; (β) его классовый враг интернационален; (γ) условия его освобождения тоже; (δ) интернациональное единство рабочих *важнее* национального» [6]. В этих положениях в сжатом виде сформулированы основные факторы, определяющие природу и характер пролетарского интернационализма.

Когда же наши идейные противники пытаются утверждать, что на современном этапе принцип интернационализма вообще и в рабочем движении в частности якобы устарел и уступает место национализму, то подобные заявления не имеют ничего общего с объективной действительностью и отражают страх идеологов буржуазии перед солидарностью и сплоченностью революционных сил современности.

В самом деле, система наемного труда составляет базис современного капитализма в гораздо бо́льших масштабах, чем в прошлом веке. Государственно-монополистический капитализм, господствующий в развитых капиталистических странах, означает не ослабление, а усиление эксплуатации рабочего класса и широких слоев трудящихся. Соединение «гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм, ставящий десятки миллионов людей в одну организацию государственного капитализма» [7], ставит рабочий класс перед дилеммой: либо стать покорным объектом эксплуатации, либо объединиться и возглавить антиимпериалистическую борьбу трудящихся масс.

В современных условиях не только полное освобождение рабочего класса является «не местной и не национальной проблемой», но борьба за конкретные экономические и политические завоевания и их сохранение требует координации действий в международном масштабе.

Революционным силам в современном мире противостоит международный империализм — враг серьезный, коварный и, несмотря на внутренние разногласия, объединенный.

[5] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 21, стр. 214.
[6] *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 49, стр. 324.
[7] *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 83.

Заинтересованные в сохранении своих привилегий, господствующие классы противопоставляют международному сотрудничеству трудящихся свои объединения в международных масштабах, причем они начали создавать их гораздо раньше, чем это стали делать революционные силы, в том числе рабочий класс. В частности, современные союзы и блоки империалистических держав, направленные против социалистических государств, обращены одновременно и против стремления народов этих держав изменить существующий режим господства монополистического капитала. Североатлантический договор, провозгласив решимость стран-участниц сохранить «стабильность» в районе его действия и проводить консультации на случай «угрозы безопасности», фактически предусматривает совместные обязательства по подавлению революционных выступлений.

Успешно противостоять объединенному фронту сил реакции и добиться победы над ним можно лишь на основе прочного единства всех прогрессивных сил во главе с революционным рабочим классом.

Поэтому теперь как никогда актуально звучит предостережение Маркса о том, что «пренебрежительное отношение к братскому союзу, который должен существовать между рабочими разных стран и побуждать их в своей борьбе за освобождение крепко стоять друг за друга, карается общим поражением их разрозненных усилий» [8].

Неизмеримо более сильной, чем раньше, стала идейная связь миллионов сознательных борцов за светлое будущее человечества. Марксистско-ленинское учение является руководством к действию не только отдельных людей, политических партий и группировок, но целых социалистических государств. Исторический опыт доказывает, что идейной основой интернациональной сплоченности рабочего движения является марксизм-ленинизм. Отступления от марксистско-ленинского учения ведут к разобщению этого движения, к подрыву принципов интернационализма.

Пролетарский интернационализм является не только неотъемлемым свойством международного рабочего и коммунистического движения, но и важнейшей составной частью, существенной характеристикой самой марксистской теории. Он и в теории, и на практике неразрывно связан с марксизмом как научным мировоззрением революционного пролетариата, с самого момента своего возникновения носившим интернациональный характер.

И, наконец, общая цель освободительного движения пролетариата — свержение капитализма и построение социалистического, а затем и коммунистического общества — из научного предвидения стала практической реальностью для сотен миллионов людей. Исторический опыт этого строительства со всей очевидностью доказал, как через конкретные формы и национальные особенности проявляется общее содержание процесса созидания нового социального строя.

Пролетарский интернационализм по сути своей означает международную солидарность рабочего класса разных стран и его революцион-

[8] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 16, стр. 10—11.

ного авангарда — коммунистических и рабочих партий — как основу солидарности всех трудящихся, всех революционных сил современности в борьбе за свержение капитализма и преобразование общества на социалистических началах.

ЧТО НОВОГО ВНЕС В. И. ЛЕНИН В УЧЕНИЕ О ПРОЛЕТАРСКОМ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМЕ?

Наличие объективных, постоянно действующих факторов, определяющих и само существование и значение пролетарского интернационализма, вовсе не означает, что сам он является чем-то раз навсегда данным и неизменным. Интернационализм — исторически закономерное явление. Возникнув на определенном этапе борьбы трудящихся за свое социальное освобождение, он развивался с развитием этой борьбы, всей общественной жизни; одновременно расширялось содержание пролетарского интернационализма, обогащались формы его проявления.

Уже во времена Маркса и Энгельса интернационализм стал развиваться как сотрудничество рабочих разных стран в борьбе против капиталистической эксплуатации. И призыв к укреплению этого сотрудничества был выражен знаменитым лозунгом: «Пролетарии всех стран, соединяйтесь!» Применительно к многонациональным государствам интернационализм означал также сплочение трудящихся разных национальностей внутри страны в борьбе за социальное и национальное освобождение.

Победа Великой Октябрьской социалистической революции и подъем национально-освободительного движения поставили на повестку дня с особой силой вопрос о солидарности с народами, борющимися против колониального гнета, за свою национальную свободу и независимость. В связи с этим значительно расширились международные задачи революционного рабочего класса. В 1920 г. в Москве начал выходить журнал «Народы Востока». На его обложке стоял лозунг: «Пролетарии всех стран и угнетенные народы, соединяйтесь!» Подчеркивая важность этого лозунга, Ленин говорил: «Мы, действительно, выступаем теперь не только как представители пролетариев всех стран, но и как представители угнетенных народов» [9].

С возникновением мировой социалистической системы принципы пролетарского интернационализма распространились на взаимоотношения между социалистическими государствами. В современных условиях принципы интернационализма требуют всемерного сплочения главных революционных сил нашей эпохи — мировой системы социализма, рабочего класса капиталистических стран и национально-освободительного движения.

Когда речь идет о развитии Лениным идей и принципов пролетарского интернационализма в новых исторических условиях, то прежде всего

[9] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 71.

следует подчеркнуть, что для Ленина пролетарский интернационализм был интернационализмом дела, что он был теснейшим образом связан с теорией революции, являлся ее составной частью. В противовес оппортунистам II Интернационала, интернационализм которых был в лучшем случае чисто вербальным, Ленин утверждал, что «не тот интернационалист, кто клянется и божится, что он интернационалист, а только тот, кто действительно по-интернационалистски борется со *своей* буржуазией, со *своими* социал-шовинистами, со *своими* каутскианцами» [10].

Сущность пролетарского интернационализма, общая для всех этапов освободительной борьбы трудящихся и угнетенных наций, для всех отрядов революционного движения, была определена Лениным с исключительной ясностью: «Интернационализм на деле — один и только один: беззаветная работа над развитием революционного движения и революционной борьбы *в своей* стране, поддержка (пропагандой, сочувствием, материально) *такой же борьбы*, такой же линии, и *только ее одной*, во *всех* без исключения странах» [11].

Огромное принципиальное значение для нового понимания мирового революционного процесса имела разработанная Лениным теория о возможности победы социализма первоначально в одной или в нескольких странах и вытекавшая отсюда характеристика новой исторической эпохи как эпохи борьбы двух противоположных систем — социализма и капитализма. «Социальная революция,— указывал Ленин,— не может произойти иначе, как в виде эпохи, соединяющей гражданскую войну пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, отсталых и угнетенных нациях» [12]. На повестку дня выдвигался целый ряд новых аспектов пролетарского интернационализма, разработка которых имела жизненно важное значение для судеб революции. Раз невозможна победа пролетарской революции одновременно в основных капиталистических странах, значит очень остро встает вопрос о союзниках пролетариата на длительный исторический период, значит по-новому ставится вопрос о международной взаимной помощи национальных отрядов рабочего класса, о взаимоотношениях одной или нескольких стран, где победила революция, с другими отрядами революционного движения и т. д.

В ленинской концепции мирового революционного процесса решающее значение имеет сплочение всех революционных сил и прежде всего единство рабочего класса как в национальном, так и в международном масштабе.

Предпринимая усилия по созданию III Коммунистического Интернационала, Ленин имел в виду объединение всех революционных отрядов в организованные армии для решительного натиска на империализм.

[10] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 278.
[11] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 170.
[12] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 112.

В. И. Ленин учил, что всемирный империализм может быть побежден, когда революционный натиск эксплуатируемых рабочих и других слоев трудящихся внутри каждой страны сольется с революционным натиском сотен миллионов порабощенного населения колоний, что эти революционные силы неминуемо будут консолидироваться вокруг социалистических республик как оплота антиимпериалистической борьбы. Он рассматривал национально-освободительное движение как могучего союзника пролетариата, вскрыл внутреннюю взаимосвязь этого движения с пролетарской революцией, разработав теорию соединения этого революционного потока в общем мировом революционном процессе.

«В грядущих решающих сражениях мировой революции,— писал Ленин,— движение большинства населения земного шара, первоначально направленное на национальное освобождение, обратится против капитализма и империализма и, может быть, сыграет гораздо бо́льшую революционную роль, чем мы ожидаем» [13]. Отсюда в условиях новой исторической эпохи, наступившей после победы Великой Октябрьской социалистической революции, вытекало расширение международных задач революционного рабочего класса. Этим определялось и значение лозунга: «Пролетарии всех стран и угнетенные народы, соединяйтесь!»

На пути осуществления этого лозунга, его претворения в жизнь стояло много препятствий. Прежде всего надо было преодолеть недоверие, которое питали угнетенные народы к бывшим господствующим нациям, недоверие, которое порождалось веками порабощения. Необходимо было на практике убедить народы колониальных и зависимых стран, что путь к подлинному национальному и социальному освобождению лежит только в русле антиимпериалистической борьбы, ведущейся рука об руку с пролетариатом метрополий, а затем и с рабочим классом стран, где победила пролетарская революция. «Наш опыт,— писал Ленин,— создал в нас непреклонное убеждение, что только громадная внимательность к интересам различных наций устраняет почву для конфликтов, устраняет взаимное недоверие, устраняет опасение каких-нибудь интриг, создает то доверие, в особенности рабочих и крестьян, говорящих на разных языках, без которого ни мирные отношения между народами, ни сколько-нибудь успешное развитие всего того, что есть ценного в современной цивилизации, абсолютно невозможны» [14].

Доверие это завоевывается конкретными делами, конкретной помощью народам колониальных и зависимых стран со стороны пролетариата высокоразвитых стран и в первую очередь рабочего класса, находящегося у власти. Еще до Великой Октябрьской социалистической революции Ленин писал, что «мы все усилия приложим, чтобы с монголами, персами, индийцами, египтянами сблизиться и слиться, мы считаем своим долгом и *своим интересом* сделать это, ибо иначе социа-

[13] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 38.
[14] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 240.

 лизм в Европе будет *непрочен*. Мы постараемся оказать этим отсталым и угнетенным, более чем мы, народам «бескорыстную культурную помощь», по прекрасному выражению польских социал-демократов, т. е. помочь им перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму» [15].

Эту помощь угнетенным народам рабочий класс России оказывал и до революции, но Великий Октябрь принес с собой новые формы сотрудничества и взаимной помощи рабочего класса, национально-освободительного движения и других революционных сил. Появился новый могучий фактор общественного прогресса — Советский Союз, а затем и другие страны, вставшие на путь социализма.

Гениальность Ленина как величайшего стратега и тактика пролетарской революции состояла, в частности, в том, что он сумел открыть новые формы пролетарского интернационализма, поставить перед революционными силами новые задачи, вытекавшие из возникновения первого в мире государства победившего пролетариата.

«Мировая политическая обстановка,— писал Ленин в 1920 г.,— поставила теперь на очередь дня диктатуру пролетариата, и все события мировой политики сосредоточиваются неизбежно вокруг одного центрального пункта, именно: борьбы всемирной буржуазии против Советской Российской республики, которая группирует вокруг себя неминуемо, с одной стороны, советские движения передовых рабочих всех стран, с другой стороны, все национально-освободительные движения колоний и угнетенных народностей, убеждающихся на горьком опыте, что им нет спасения, кроме как в победе Советской власти над всемирным империализмом».

Отсюда Ленин делал вывод о необходимости «вести политику осуществления самого тесного союза всех национально- и колониально-освободительных движений с Советской Россией, определяя формы этого союза сообразно степени развития коммунистического движения среди пролетариата каждой страны или буржуазно-демократического освободительного движения рабочих и крестьян в отсталых странах или среди отсталых национальностей» [16].

В этих ленинских строках была начертана целая программа интернациональной солидарности всех отрядов революционного процесса, предугаданы перспективы взаимодействия трех великих революционных сил современности: мировой социалистической системы, международного рабочего класса и национально-освободительного движения.

Они были написаны без малого полвека назад. И если сейчас силы мира, демократии и социализма добились таких успехов, если существует могучий социалистический лагерь, если неудержимо растут сила и влияние коммунистов в капиталистических странах, если рухнула колониальная система империализма и среди развивающихся стран пробивает дорогу стремление идти по некапиталистическому пути, то

[15] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 120.
[16] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 163—164.

во многом это является плодом единства революционных сил, результатом последовательно интернационалистской линии, неуклонно проводимой Советским Союзом, братскими социалистическими странами, международным коммунистическим движением.

Расширение рядов освободительного движения, вовлечение в него новых слоев из непролетарских масс создают почву для распространения буржуазных и мелкобуржуазных представлений о социализме. Трудности, с которыми приходится теперь сталкиваться революционным силам, проистекают в значительной мере из отхода тех или иных групп, партий и отдельных деятелей — в силу ряда объективных и субъективных причин — от последовательного проведения в жизнь марксистско-ленинских принципов пролетарского интернационализма. Особый вред приносит националистическая, великодержавная политика китайских деятелей, пытающихся расколоть революционные силы по географическому и расовому признаку, противопоставить национально-освободительное движение социалистическим странам и коммунистическим и рабочим партиям развитых капиталистических стран. Эта политика означает измену принципам пролетарского интернационализма — сколько бы раз ни клялись ее проводники, она означает измену ленинизму, как бы часто ни произносили они имя Ленина, она антиреволюционна по своей сути — какой бы поток сверхреволюционных фраз они ни извергали.

Основным препятствием в решении исторической задачи объединения всех революционных сил является оппортунизм как правого, так и левоавантюристического толка.

Оппортунизм и анархизм или авантюризм в определенных условиях принимают форму национализма. «Идейно-политическое родство, связь, даже тождество оппортунизма и социал-национализма не подлежит никакому сомнению» [17],— подчеркивал Ленин.

Из истории рабочего движения можно было бы привести много фактов, когда махровые оппортунисты, буржуазные соглашатели и псевдореволюционные крикуны смыкались на почве национализма.

Напомним, что меньшевики и правые эсеры еще до Октябрьской революции показали себя явными социал-шовинистами, выступавшими вместе с империалистами за «войну до победного конца». После Октября они атаковали Брестский мир с позиций воинствующего шовинизма.

В острый период борьбы вокруг Брестского мира «левые коммунисты» вместе с левыми эсерами под предлогом революционной войны также яростно выступали против Брестского мира. Ленин показал тогда, что за революционной фразеологией противников Брестского мира скрывался заскорузлый национализм мелкого буржуа.

В. И. Ленин предвидел, что с расширением фронта социалистических государств правый оппортунизм и левый экстремизм все чаще будут принимать форму национализма. На II конгрессе Коминтерна Ленин говорил: «Борьба с этим злом, с наиболее закоренелыми мелкобур-

[17] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 151.

жуазными-национальными предрассудками, тем более выдвигается на первый план, чем злободневнее становится задача превращения диктатуры пролетариата из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т. е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику)» [18].

Особую опасность эти мелкобуржуазные национальные предрассудки представляют в период превращения диктатуры пролетариата из национальной в интернациональную прежде всего потому, что на каком-то этапе развития они могут начать превращаться из уклона в основу политики правящей партии, а именно так обстоит дело сейчас в Китае, и тогда не только ставятся под угрозу социалистические завоевания в данной стране, но и ослабляется способность стран социалистического лагеря «иметь решающее влияние на всю мировую политику».

Сейчас интернационалистами объявляют себя люди, которые проповедуют распространение социализма на другие страны путем войны. На самом деле тут никакого интернационализма нет. Это не интернационализм, а, можно с полным основанием сказать, авантюризм. Во-первых, согласно учению Маркса, нельзя подменять революцию войной, хотя бы и под флагом интернационализма. Стратегия и тактика коммунистов руководствуются не методами военного насилия, а теорией классовой борьбы, т. е. пониманием того, что революция вызревает и побеждает внутренними силами в каждой стране. Международная солидарность помогает национальным революционным отрядам, но каждый национальный отряд самостоятельно ведет борьбу за свое освобождение. Во-вторых, нельзя играть с огнем войны, нельзя ставить на карту жизнь народов. Коммунисты — не временщики, которые руководствуются принципом: после нас хоть потоп. Коммунисты берут на себя ответственность перед историей за судьбы народов и поэтому относятся к вопросам войны и мира со всей серьезностью, с пониманием всей ответственности.

Важнейшей задачей победившего пролетариата, осуществления которой требует его интернациональный долг перед другими отрядами революционного движения, Ленин считал строительство социалистического общества.

Созидая новый общественный строй, ликвидирующий эксплуатацию и национальное угнетение, обеспечивающий условия для невиданного расцвета экономики и национальной культуры, народы стран, сбросивших иго капитализма, конкретно показывают тем самым трудящимся капиталистических и зависимых стран, за что надо бороться и как надо строить социализм. Причем огромное значение имеет и положительный опыт строительства, позволяющий выявить общие закономерности становления и развития социализма, и анализ трудностей, отдельных ошибок и временных издержек. Поэтому опыт социалистического строительства в нашей стране имеет непреходящее значение. «Русский образец,— под-

[18] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 165.

черкивал Ленин в книге «Детская болезнь «левизны» в коммунизме»,— показывает *всем* странам кое-что, и весьма существенное, из их неизбежного и недалекого будущего» [19].

Историческое значение этого опыта определяется прежде всего тем, что строительство социалистического общества представляет собой не стихийный процесс складывания общественных отношений, как это имело место в антагонистических формациях, а процесс сознательного созидания социально-экономической структуры общества, опирающийся на познание объективных закономерностей развития. Поэтому получившие известное распространение концепции относительно различных «моделей» социализма, мол, была советская модель, а ныне она устарела и можно сконструировать иные, принципиально отличные «модели», не имеют ничего общего с историческим материализмом, с марксистско-ленинской теорией научного коммунизма.

Успешное строительство социализма в одной или нескольких странах имеет большое интернациональное значение еще и потому, что тем самым создается реальная база действенной помощи другим отрядам революционного движения. Эта помощь складывается как из непосредственного экономического и политического содействия, так и из тех благоприятных для развития революционного процесса изменений в соотношении сил на мировой арене, которые влечет за собой рост могущества социалистических стран.

Глубоко прозорливо писал Ленин в 1918 г. о том, что тактика большевиков «была единственно интернационалистской, ибо проводила максимум осуществимого в одной стране *для* развития, поддержки, пробуждения революции *во всех странах*» [20]. Это ленинское положение о том, что, делая максимум осуществимого в одной стране, победивший пролетариат выполняет свой интернациональный долг, нельзя ограничивать рамками того периода, когда такая страна была действительно одна. Оно имеет гораздо более широкий смысл, поскольку в нем ставится задача провести «максимум осуществимого» в каждой стране, вставшей на путь социалистического развития, с тем чтобы обеспечить постоянное возрастание сил социализма над силами империализма и реакции. Поэтому все, что ослабляет позиции социализма в какой-то одной стране, неизбежно не только наносит ущерб делу социализма в данной стране, но и ослабляет позиции сил социализма и прогресса во всем мире.

Важнейшее значение с точки зрения разработки теории пролетарского интернационализма и ее применения в новой, неизведанной доселе области — социалистического строительства в нескольких странах, отличающихся каждая своими, специфическими условиями, координации усилий этих стран в экономической, политической и военной областях — имел ленинский анализ соотношений национального и интернационального в деятельности пролетариата, особенно после победы революции.

[19] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 4.
[20] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 304.

В работах Ленина неоднократно встречается положение о том, что интернациональные интересы пролетариата выше его национальных интересов. Вместе с тем он всегда подчеркивал огромное значение решения национального вопроса для развертывания борьбы пролетариата, выступал против сектантских тенденций некоторых социал-демократов в национальном вопросе.

Вырывая отдельные ленинские мысли из исторического контекста, наши идейные противники стремятся то представить Ленина своего рода «национал-большевиком», то приписать ему нигилизм в национальном вопросе.

На деле же Ленин вскрыл диалектику взаимоотношения национального и интернационального в борьбе пролетариата, показал глубокую взаимозависимость этих моментов.

Еще Энгельс отмечал, что в рабочем движении подлинно национальные идеи «в то же время всегда являются и подлинно *интернациональными* идеями» [21]. Если речь идет о подчинении (в определенных, конкретных, разумеется, условиях) национальных интересов пролетариата той или иной страны интернациональным интересам, т. е. общим, коренным, существенным, то в конечном счете выигрывают от этого подлинно национальные интересы пролетариата. Поэтому не правы те, кто считает национальное чем-то внутренним, а интернациональное — внешним по отношению к развитию пролетарской революции в данной стране.

Нет и не может быть объективной почвы для появления антагонизма между национальными и интернациональными задачами пролетарской партии, если она стоит на марксистских, классовых позициях. Противоречия и коллизии появляются тогда, когда начинается отход от марксистских позиций в сторону буржуазного национализма, какими бы благовидными словами о необходимости расцвета нации он ни прикрывался.

В. И. Ленин учил всегда рассматривать в неразрывном единстве интернациональные и национальные интересы в строительстве и защите социализма. Он был неумолим к тем, кто стремился «заточить» социализм в свою собственную «национальную квартиру» и был готов отречься от принципов международной солидарности. Он гневно обрушивался на тех «националистов-социалистов», которые в угоду узконациональным интересам предают интересы всемирной армии трудящихся.

Идеи интернационализма под руководством Ленина последовательно воплотились в строительстве Советского многонационального социалистического государства.

В ленинской теории и программе коммунистического строительства громадное внимание уделяется взаимоотношениям наций, развитию дружбы народов как непременного условия успеха в социалистическом строительстве. Братский союз и интернациональная солидарность

[21] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 33, стр. 374.

В. И. ЛЕНИН В ПРЕЗИДИУМЕ I КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА

Слева — Г. Эберлейн, справа — Ф. Платтен.

Москва, март 1919 г.

трудящихся были могучей и все возрастающей силой на всех этапах развития Советского государства.

В. И. Ленин настоятельно требовал внимательно относиться к национальным чувствам и традициям, учитывать жизненные интересы наций, особенно ранее неполноправных и угнетавшихся. Он нетерпимо относился к любым проявлениям великодержавного шовинизма, к ущемлению прав наций. Столь же решительно он выступал против национальной ограниченности и замкнутости.

Принцип пролетарского интернационализма налагает на рабочий класс всех стран обязанность объединить свои усилия в международном масштабе для отпора силам реакции, против всякого рода угнетения, для сплочения широких масс в борьбе за мир между народами. «Без добровольного стремления к союзу и единству со стороны пролетариата, а затем и всех трудящихся масс всех стран и наций всего мира,— подчеркивал Ленин,— дело победы над капитализмом не может быть успешно завершено» [22].

Кто мешает интернациональному сплочению социалистических стран, тот бьет по завоеваниям социализма, усиливает опасность империалистической агрессии против братских стран. Опыт истории показал, что агрессивность империализма особенно усиливается в те периоды, когда в лагере революционных сил ослабевает единство.

В. И. Ленин выступал в защиту национального суверенитета и в то же время требовал полного единства социалистических республик, противостоящих империализму, в том числе единства в военном отношении: «...Стоя против огромного фронта империалистических держав, мы, борющиеся против империализма, представляем собой союз, требующий тесного военного сплочения, и всякие попытки нарушить это сплочение рассматриваем, как совершенно недопустимое явление, как измену интересам борьбы против международного империализма» [23].

В. И. Ленин рассматривал укрепление обороноспособности страны не только с точки зрения ее национальных задач, но и как интернациональный долг. Он подчеркивал, что «разрушает связь с международным социализмом тот, кто стал бы относиться легкомысленно к обороне страны, в которой победил уже пролетариат» [24].

Разумеется, социализм сейчас неизмеримо могущественнее, чем тогда, когда писались эти ленинские строки, но во много раз возросла и опасность, которую представляют для человечества военные авантюры империалистов. Сорвать их коварные замыслы, неустанно крепя могущество социалистического лагеря,— наш интернациональный долг перед историей, перед человечеством.

Принципы пролетарского интернационализма составляют незыблемую основу взаимоотношений между социалистическими государствами, отдельными звеньями мировой системы социализма.

[22] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 168.
[23] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 98—99.
[24] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 292.

Интернационализм является общей закономерностью развития социализма в силу того, что социалистические страны имеют однотипный экономический базис, однотипный государственный строй, однотипную классовую структуру, единую цель — коммунизм.

Вместе с тем всестороннее экономическое, политическое, военное и дипломатическое сотрудничество социалистических стран не означает, что в развитии каждой отдельной страны нет и не может быть своих, присущих только данной стране особенностей, обусловленных рядом исторических, политико-экономических или географических факторов.

Пролетарский интернационализм ни в коем случае не отвергает всего многообразия современного мира, не требует механического отождествления приемов, методов строительства социализма, а предполагает стремление и умение найти пути к решению общих интернациональных задач в специфических национальных условиях. Каждая братская партия, творчески решая вопросы дальнейшего социалистического развития, учитывает национальные особенности и условия.

Путь к общей цели рабочий класс каждой социалистической страны должен проходить с учетом национальных условий, но не причиняя ущерба другим социалистическим странам, интересам социализма в целом. Право каждой марксистско-ленинской партии определять свою политику в зависимости от конкретных условий данной страны неоспоримо, но пролетарский интернационализм предполагает осознание каждой партией, особенно находящейся у власти, своей ответственности за судьбы движения в целом и воплощения этой ответственности в конкретных делах.

Противопоставление национальных особенностей международной солидарности, преувеличение их роли в общественной жизни не только подрывают интернациональную солидарность, но в конечном счете наносят вред подлинным национальным интересам той или иной страны. Ведь там, где в поисках «своего», чисто «национального» пути к социализму отрицаются общие закономерности социалистического строительства и упор делается лишь на особенное, связанное лишь с условиями и традициями данной страны, существует опасность сбиться с подлинно социалистического пути.

Полезно в связи с этим вспомнить, как Ленин ставил вопрос об общем и особенном в строительстве социализма. «Пока существуют национальные и государственные различия между народами и странами — а эти различия будут держаться еще очень и очень долго даже после осуществления диктатуры пролетариата во всемирном масштабе — единство интернациональной тактики коммунистического рабочего движения всех стран требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий..., а такого применения *основных* принципов коммунизма (Советская власть и диктатура пролетариата), которое бы *правильно видоизменяло* эти принципы *в частностях*, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям» [25].

[25] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 77.

Проведение в жизнь принципов пролетарского интернационализма — процесс сложный и трудный, особенно если учесть гигантские масштабы современного антиимпериалистического фронта. Естественно, что в мировом освободительном движении, в котором участвуют различные социальные силы, имеются свои трудности и противоречия. Возникают определенные проблемы и в развитии мировой социалистической системы. Анализируя законы развития человеческого общества, Ленин указывал, что антагонизмы при социализме исчезают, а противоречия остаются. Но если противоречия возможны внутри социалистического общества, то нужно ли удивляться тому, что те или иные проблемы и трудности могут возникать в развитии мировой социалистической системы?

Марксисты-ленинцы считают, что дело не в том, чтобы отрицать наличие противоречий при социализме, в мировой социалистической системе или в мировом освободительном движении либо же абсолютизировать эти противоречия, а в том, чтобы вовремя замечать их, научно анализировать и принимать своевременно меры к их преодолению на основе принципов марксизма-ленинизма, в духе пролетарского интернационализма.

Интернациональное единство рабочих всего мира, всех социалистических сил — объективная необходимость. Успеха в своей борьбе за подлинный прогресс человечества эти силы могут добиться только будучи едиными. Сплоченность прогрессивных сил для борьбы с объединенным фронтом империалистической реакции имеет решающее значение. Могучим двигателем антиимпериалистических сил, условием победы над империализмом является единство международного коммунистического движения.

Этого единства требует сама жизнь, логика борьбы против международного капитала, и пусть не радуются враги при виде различий во взглядах среди коммунистов по тем или иным проблемам. Ленин учил, что коммунисты, согласные в главном и основном, могут и должны выступать едиными, расхождения в менее важных вопросах могут исчезнуть и непременно исчезнут: этот результат будет вызван логикой совместной борьбы с действительно грозным врагом — с мировым капиталом. Эти ленинские слова являются руководящими для всех коммунистов, видящих в сплочении коммунистических рядов свою актуальную задачу.

Важным этапом на пути укрепления единства международного коммунистического движения на принципах марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма явилось международное Совещание коммунистических и рабочих партий, состоявшееся в Москве в июне 1969 г. Подготовка Совещания, весь его ход и итоги показали усиление тенденции к сплоченности коммунистических и рабочих партий во имя общих интересов движения, от которых неотделимы интересы каждой марксистско-ленинской партии.

Участники Совещания выразили твердое убеждение, что эффективность политики каждой партии зависит от ее успехов в своей стране и от успехов других братских партий, от степени их сотрудничества.

Каждая коммунистическая партия ответственна за свою деятельность перед своим рабочим классом и народом и в то же время — перед международным рабочим классом. Национальная и интернациональная ответственность каждой коммунистической рабочей партии нераздельна.

Коммунисты всегда должны помнить слова Ленина, что суть дела не в провозглашении интернационализма, а в том, «чтобы уметь быть, даже в самые трудные времена, интернационалистом на деле» [26], и не только помнить эти слова, но и проводить в жизнь.

ПРОЛЕТАРСКИЙ ИНТЕРНАЦИОНАЛИЗМ И БУРЖУАЗНЫЙ НАЦИОНАЛИЗМ

Быть интернационалистом на деле означало для Ленина непримиримо бороться со всеми отступлениями от принципов пролетарского интернационализма, прежде всего с буржуазным национализмом во всех его обличиях. Пролетарский интернационализм несовместим ни с какими уступками буржуазному и мелкобуржуазному национализму, в каких бы утонченных формах этот национализм ни проявлялся, под какой бы псевдосоциалистической маской он ни выступал.

«Буржуазный национализм и пролетарский интернационализм,— писал Ленин,— вот два непримиримо-враждебные лозунга, соответствующие двум великим классовым лагерям всего капиталистического мира и выражающие *две* политики (более того: два миросозерцания) в национальном вопросе» [27].

В идеологической борьбе, идущей в современном мире, империалисты, стремясь ослабить единство революционных сил, делают все, чтобы разобщить трудящихся различных национальностей, отравить их сознание ядом национализма, оживить национальные и расовые предрассудки. С другой стороны, *национальные идеи* имели большое значение в освободительной, антиимпериалистической борьбе народов колониальных и зависимых стран и продолжают, в известных пределах, играть положительную роль в усилиях молодых государств к достижению действительной независимости, преодолению влияния колониализма и неоколониализма.

Ключ к пониманию диалектики национального и интернационального в общественном развитии дает нам ленинское учение о двух исторических тенденциях в национальном вопросе при капитализме. «Первая: пробуждение национальной жизни и национальных движений, борьба против всякого национального гнета, создание национальных государств. Вторая: развитие и учащение всяческих сношений между нациями, ломка национальных перегородок, создание интернационального единства капитала, экономической жизни вообще, политики, науки и т. д.» [23]

[26] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 177.
[27] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 123.
[28] Там же, стр. 124.

В условиях острейших классовых антагонизмов капиталистического общества эти тенденции усиливают на одном полюсе прогрессивную по своей сути интернационализацию жизни и борьбы рабочих и национально-освободительные движения, а на другом — космополитизм, а также махровый национализм, национальную замкнутость, причем все это заботливо культивируется буржуазией для использования в своих классовых целях.

Для выработки правильного, интернационалистского решения сложнейших проблем, связанных с идеологией и политикой национально-освободительного движения, с необходимостью непримиримой борьбы с буржуазным национализмом и столь же настоятельной необходимостью установления прочного союза с широкими массами трудящихся — этой решающей силы национально-освободительного движения, необходимы четкий классовый подход, научный марксистский анализ.

Не поддаваться националистической фразеологии, вскрывать конкретное, классовое содержание тех или иных общенациональных лозунгов и вместе с тем максимально учитывать чувства и настроения масс со всем воздействием, которое оказали на них века колониального гнета, не давать возможности империалистам спекулировать на законных национальных чувствах и чаяниях трудящихся, показывать им на деле, что только рабочий класс, социалистические страны являются их надежным союзником,— таковы ленинские принципы борьбы с буржуазным национализмом.

Тот факт, что марксисты-ленинцы выступают против буржуазного национализма, отнюдь не означает, что они недооценивают значения национального вопроса, самоопределения, государственного суверенитета, что они противопоставляют интернациональное национальному. Интернациональное — это не безнациональное.

Исходным пунктом для понимания этой проблемы служит положение «Коммунистического манифеста» о том, что освободительная борьба пролетариата начинается в национально-государственных рамках. Рабочий класс должен прежде всего покончить с господством своей собственной буржуазии. Международная солидарность помогает национальным отрядам рабочего класса в этой освободительной борьбе.

Основоположники научного коммунизма были противниками национального нигилизма, выступали против утверждений, «будто национальная независимость с интернациональной точки зрения — дело весьма второстепенное». Энгельс в противовес подобным рассуждениям указывал, что национальная независимость «является основой для всякого интернационального сотрудничества» [29].

Именно пролетариат является самым последовательным борцом против всех форм национального гнета, и только победа пролетариата позволит разрешить национальный вопрос, обеспечить свободное и гармоничное развитие всех наций. «Старому миру, миру национального угнетения, национальной грызни или национального обособления, рабочие противопоставляют новый мир единства трудящихся всех наций,

[29] *К. Маркс и Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 35, стр. 221.

в котором нет места ни для одной привилегии, ни для малейшего угнетения человека человеком» [30],— писал Ленин.

В этой связи следовало бы остановиться на положении «Коммунистического манифеста», вокруг которого часто ведется дискуссия, а именно, что пролетариат не имеет своего отечества.

Одни считают, что, мол, это положение в XX в. устарело и не соответствует действительности, что пролетариат и в буржуазных странах имеет свое отечество в том же самом смысле, в каком его имеет и буржуазия. Но есть и такие теоретики, которые заявляют, что пролетариату вообще безразлично, в каком отечестве он живет, что ему безразличны судьбы отечества. Эти противоположные точки зрения лишний раз подтверждают, насколько в действительности сложен вопрос о соотношении интернационального и национального.

Что означает положение «Коммунистического манифеста» «пролетариат не имеет отечества»? Оно означает, что пролетариат в буржуазном обществе не является хозяином государства, что судьбами отечества распоряжается буржуазия. Это совершенно ясно из последующих строк «Манифеста», где говорится, что пролетариат должен стать ведущей силой нации, завоевать политическое господство. Тогда он обретает свое отечество, т. е. создает собственное государство и берет судьбы отечества в свои руки.

Это отнюдь не означает, что пролетариату в буржуазном обществе безразлично, в каком отечестве он живет. Ленин, полемизируя со сторонниками такой точки зрения, подчеркивал, что отечество, т. е. данная политическая, культурная и социальная среда, является самым могущественным фактором в классовой борьбе пролетариата. Именно пролетариат, опирающийся в своей борьбе на лучшие традиции освободительной борьбы народа своей страны, и воплощает в себе будущее своей нации и потому является естественным руководителем всех прогрессивных ее элементов.

С этим связана проблема соотношения между патриотизмом и национальной гордостью, с одной стороны, и интернационализмом — с другой.

Буржуазия всегда клеветала на коммунистов, обвиняя их в антипатриотизме, в забвении национальных интересов и т. д. Так, в годы первой мировой войны большевики выступали против лозунга «защиты отечества», под которым тогда скрывалась защита грабительских интересов «своей» буржуазии, и обвинялись сторонниками войны до победного конца в «измене родине», в «предательстве».

И вот в этот самый момент, в разгар войны, Ленин, последовательнейший интернационалист, разоблачавший социал-шовинизм во всех его проявлениях, выступил с заявлением, что большевики-марксисты не отрицают национальной гордости, наоборот, они считают, что правильно понятые национальные интересы совпадают с интересами рабочего класса и чувство национальной гордости не противостоит интернационализму, а сочетается с ним.

[30] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 150.

Такая постановка вопроса являлась глубоко диалектической, ибо не было иного пути обеспечить высшие национальные интересы нашей Родины, спасти ее от угрозы национальной катастрофы иначе, как выдвинув лозунг превращения войны захватнической в войну гражданскую и сплочения рабочих всех стран для свержения империализма.

С тех же классовых, конкретно-исторических позиций подходил Ленин и к вопросу о национальной гордости. Вопрос состоит в том, чем гордиться, каков предмет национальной гордости. Великорусские пролетарии — интернационалисты, говорил Ленин, любят свой язык и свою родину, гордятся ее великими культурными и революционными традициями. И именно потому, что пролетарии являются настоящими патриотами, они ненавидят все реакционное, что было в истории России: крепостничество, самодержание, раболепство перед царями, помещиками и капиталистами, угнетение других народов и пресмыкательство господствующих классов перед всем иностранным. Мы, писал Ленин, полны чувства национальной гордости, ибо великорусская нация тоже создала революционный класс и доказала, что она способна дать человечеству великие образцы борьбы за свободу и социализм.

Это было сказано во времена царской России. Социалистическая революция породила новый, высший тип патриотизма — социалистический патриотизм, который, развивая и умножая славные исторические традиции, ставит их на службу делу социализма. В этих условиях марксисты-ленинцы тем более считают своим долгом поддерживать, развивать и культивировать патриотизм и национальную гордость народа социалистической страны.

Таким образом, с точки зрения марксизма, патриотические чувства, правильно понятая национальная гордость, т. е. гордость за лучшие достижения своего народа, за его прогрессивные традиции, не только не мешают революционной борьбе, а, наоборот, помогают поднимать дух борьбы за победу социализма; они не только не противоречат интернационализму, а органически сочетаются с ним.

Диалектика взаимосвязи национального и интернационального такова, что отрыв национального от интернационального, противопоставление национальных интересов делу международной солидарности трудящихся ведут к буржуазному национализму и шовинизму. Игнорирование же национальных традиций, патриотических чувств народа, противопоставление международных проблем национальным интересам неизбежно ведут к национальному нигилизму и космополитизму.

Космополитизм является одной из форм империалистической идеологии, спутником, оборотной стороной буржуазного национализма. Антипатриотическая идеология космополитизма есть порождение мирового капиталистического рынка, выражение космополитического характера эксплуатации капиталистами народных масс.

В самом деле, с точки зрения извлечения максимальной прибыли, так сказать, в глазах чистогана, какое могут иметь значение национальность, исторические традиции, культура, суверенитет и тому подобные «пережитки прошлого»? Прогрессивная по своей природе тенденция к интернационализации общественной жизни в условиях капи-

тализма приобретает уродливые формы подавления всего национально-самобытного, насильственной ломки культуры, экономики и быта народов.

В ледяной воде эгоистического расчета, если употребить слова Маркса, буржуазия стремится растворить все национальные различия. Внедряя в сознание людей идеи космополитизма, империалисты стремятся подорвать их веру в творческие силы и будущность своего народа, ослабить сопротивление экспансии монополий.

Нередко идеологи космополитизма пытаются обосновать свои идеологические претензии тем, что они якобы выступают с позиции общечеловеческой культуры, против национальной ограниченности и заскорузлости. Но здесь мы имеем дело с явной софистикой, поскольку сознательно смешиваются совершенно разные вещи: национальная ограниченность и национальная специфика, т. е. то особое место, которое занимает каждый народ в мировой истории и мировой культуре.

На основе космополитического нивелирования всех национальных различий, неуважения к вкладу отдельных народов и культур в сокровищницу общечеловеческой цивилизации нельзя создать подлинно общечеловеческую культуру. Вместо нее рождается лишь тот ее буржуазный суррогат, который распространяется по всему миру информационными агентствами ведущих империалистических держав. Процесс действительного развития общечеловеческой культуры идет через взаимное обогащение культур отдельных стран и народов, каждый из которых, большой или малый, вносит свой неповторимый и необходимый вклад в сокровищницу мировой цивилизации.

В политическом плане космополитические взгляды проводятся в форме идеи «всемирного государства», «всемирного правительства» и т. п. Апологеты этой теории пытаются доказать, что ликвидация национального суверенитета народов и создание национальных органов власти, а затем и всемирной державы якобы поможет разрешить все ныне существующие международные противоречия, ликвидировать гонку вооружений, конфликты.

Среди сторонников теории «всемирного государства» имеется много честных пацифистов, искренне верящих, будто создание мирового государства предотвратит войну и поможет ликвидировать социальные противоречия в современном мире. Но Ленин учил, что благие пожелания людей — это одно, а реальное воплощение этих пожеланий может привести к совершенно противоположным результатам.

Марксисты считают, что, после того как строй частной собственности будет ликвидирован и заменен коллективным производством, все более будут налаживаться мировые связи и мировая координация народного хозяйства и общественной жизни. Поэтому в принципе марксисты за мировое сообщество, в том числе и в управлении общественными делами, но в современных условиях борьбы двух противоположных общественных систем, при наличии агрессивного по своей природе империализма проповедь создания «всемирного государства» является идеологическим прикрытием планов установления мирового владычества американского империализма. Народы мира понимают, что борьба

за демократию и социальный прогресс ныне тесно связана с борьбой за национальную независимость, за сплочение суверенных народов против мирового империализма.

Вопрос об отношении коммунистов к национальному суверенитету и, в частности, о соотношении национального суверенитета и интернационального долга является сейчас одним из самых актуальных. Наши противники пытаются представить дело так, будто марксисты-ленинцы считают национальный суверенитет чем-то второстепенным или даже несовместимым с интернационализмом. Мы можем сказать, что если космополитические идеи «всемирного государства», «всемирного правительства» по существу своему противоречат принципу национального суверенитета, то идеи интернационализма не только не противоречат ему, а, наоборот, содействуют его защите и укреплению.

Необходимо с самого начала подчеркнуть, что коммунисты рассматривают национальный суверенитет как право на самостоятельное, независимое существование государства, согласно интересам и воле каждой нации. Марксисты-ленинцы всегда не только признавали принцип национального суверенитета, но и практически отстаивали его от происков реакционных сил.

В результате разгрома немецко-фашистских и японских оккупантов во второй мировой войне Советский Союз помог многим народам Европы и Азии восстановить свой национальный суверенитет. Советский Союз помогал и помогает моральными, политическими и материальными средствами отстаивать суверенитет народов против империалистической агрессии. Достаточно вспомнить помощь, оказанную нашей страной и всем мировым коммунистическим движением народам Вьетнама, Корейской Народно-Демократической Республики, Кубы, Алжира, арабским народам, борющимся за независимость против израильской агрессии.

Всесторонняя поддержка Советского Союза содействовала укреплению независимости европейских социалистических стран.

Именно потому, что коммунисты выступают в качестве поборников подлинного национального суверенитета, они не могут быть нейтральными, когда империализм и реакционные силы угрожают завоеваниям социализма в той или иной стране, не могут мириться с идеологическим и политическим вмешательством, военным и экономическим давлением империалистических держав. Коммунисты считают своим долгом вести борьбу против экспорта контрреволюции. Решительная поддержка и защита социализма — интернациональная задача коммунистов.

Важной для понимания соотношения национального суверенитета и интернационального долга является ленинская постановка вопроса о позиции марксистов в связи с правом наций на самоопределение. Самоопределение — безусловное право каждой нации, и тот, кто выступает против этого, не марксист. Но столь же ясно, что не является марксистом тот, кто ограничивается самоопределением и не стремится к сближению, союзу наций. Национальный суверенитет — аксиома для всякого марксиста-ленинца. Но столь же непреложной является для него необходимость братского союза независимых стран в борьбе

против сил реакции. Опыт истории показывает, что отказ от сотрудничества с братскими социалистическими странами, стремление изолировать себя, опереться только на «свои силы» могут повести к серьезным ошибкам и даже поставить под угрозу социалистические завоевания.

Наши враги пытаются приписать марксистам-ленинцам так называемую теорию «ограниченного суверенитета», пытаясь сконструировать надуманное противоречие: либо пролетарский интернационализм, либо национальный суверенитет. Подобная постановка вопроса извращает и марксистскую теорию, и жизненную практику пролетарского интернационализма.

Опыт содружества социалистических стран показал, что многие национальные проблемы отдельных стран не могут быть решены без совместного объединения усилий, без учета, согласования и координации действий социалистических государств. Эта координация действий вовсе не ведет к ограничению суверенитета. Речь идет о том, что стоящая у власти коммунистическая партия должна в своей деятельности сочетать национальные и интернациональные интересы так, чтобы ее политика обеспечивала укрепление сил социализма и в самой стране, и в мировом масштабе. Если партия стоит на правильных, марксистско-ленинских позициях, противоречия между национальным и интернациональным аспектами ее политики нет.

Интернационализация всех сторон общественной жизни — основная тенденция современной эпохи. Если даже в капиталистическом мире при всем обострении межгосударственных противоречий эта тенденция пробивает себе дорогу и в области экономики, и в области науки и техники, то тем более она закономерна в развитии социалистических стран.

Таким образом, с точки зрения коммунистов, национальный суверенитет и интернационализм не противоречат друг другу; более того, они взаимосвязаны и неотделимы. Нерушимое единство суверенных социалистических государств — такова диалектическая постановка вопроса о соотношении национального и интернационального в мировой системе социализма.

Формы интернациональных связей могут быть различны, они изменяются в зависимости от конкретных условий места и времени, но сохраняется суть — действенная международная солидарность в борьбе против империализма, в защите мира и социализма.

П. Н. ПОСПЕЛОВ
академик

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКИЕ ПАРТИИ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ БОРЬБЫ ДВУХ СИСТЕМ

Международное Совещание коммунистических и рабочих партий, состоявшееся в Москве с 5 по 17 июня 1969 г., войдет в историю мирового коммунизма как одно из самых знаменательных событий.

Это Совещание собралось в сложной международной обстановке. За девять лет, истекших со времени международного Совещания 1960 г., в огромной мере выросли силы мирового социализма, мировой социалистической системы, рабочего и коммунистического движения в капиталистических странах, силы национально-освободительного движения, а мировой империализм потерпел ряд поражений (таких, как грязная война во Вьетнаме), внутренних потрясений и кризисов, стал относительно слабее. Вместе с тем мировой империализм, в первую очередь американский, осуществил ряд успешных контратак против мирового освободительного движения, разработал новые методы и приемы борьбы против социализма и коммунизма, среди которых далеко не последнюю роль играют идеологические диверсии. Успеху этих контратак в немалой степени способствовала антимарксистская позиция нынешних китайских руководителей.

Разрыв с марксизмом-ленинизмом, с принципами пролетарского интернационализма нынешних руководителей Коммунистической партии Китая, их раскольнические действия вызвали большую радость в им-

периалистических кругах, которые пытаются использовать в своих интересах всякого рода ревизионистские и националистические колебания в отдельных коммунистических партиях.

Вот почему сегодня, так же как и почти полвека назад, актуально предупреждение В. И. Ленина о необходимости борьбы с мелкобуржуазным национализмом. Еще на II конгрессе Коминтерна в тезисах по национальному и колониальному вопросам В. И. Ленин предупреждал, что борьба с наиболее закоренелыми мелкобуржуазными национальными предрассудками, с национальным эгоизмом и национальной ограниченностью «тем более выдвигается на первый план, чем злободневнее становится задача превращения диктатуры пролетариата из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т. е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику)» [1].

Международному Совещанию 1969 г. предшествовала большая подготовительная работа, которая велась более полутора лет на основе широкой пролетарской партийной демократии, коллективной, вдумчивой и глубокой разработки сложных теоретических и политических вопросов современности. Это позволило подготовить проекты документов с учетом многочисленных замечаний и дополнений, которые вносились делегациями братских марксистско-ленинских партий, и заранее представить эти проекты всем партиям, которые пожелали принять участие в Совещании.

В результате этой подготовительной работы в документах, представленных на рассмотрение Совещания, прежде всего в Основном документе «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий», содержится, как это отмечали братские партии, подлинно научная оценка современной политики империализма и сил, борющихся против империализма.

Уже сама атмосфера подготовки к Совещанию рассеяла известные настроения скептицизма, которые были у отдельных партий. Совещание открылось точно в намеченный срок — 5 июня 1969 г.

Сколько было «пророчеств» буржуазной прессы, всевозможных инспирированных «прогнозов» о неминуемом «провале» Совещания, о том, что оно якобы приведет к расколу международного коммунистического и рабочего движения, к обострению разногласий в нем. Но уже первые дни Совещания показали всему миру, всем честным людям, что эти «пророчества» врагов коммунизма и их пособников провалились. Даже буржуазная печать вынуждена была признать глубоко демократический характер Совещания и мощное стремление к единству действий в борьбе против империализма.

«Анализ позиций участников Совещания показывает,— писала английская консервативная газета «Обсервер»,— что разногласия по главным проблемам, стоящим перед коммунистическим движением, по сути

[1] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 165.

дела невелики». Та же газета признала, что «вопрос, который, как считалось, мог вызвать раскол, на самом деле сыграл объединяющую роль, это вопрос о Китае».

Известно, что политика нынешних руководителей КПК вызывает глубокое беспокойство в большинстве коммунистических партий.

«Такая политика,— справедливо отмечал в своей статье «Ленинизм и революционное преобразование мира» М. А. Суслов,— не может иметь успеха. Марксисты-ленинцы уверены: рано или поздно сама жизнь приведет к тому, что идеи научного социализма неизбежно восторжествуют в Китае и китайский народ внесет свой вклад в общее дело борьбы трудящихся всего мира против империализма, за мир, демократию и социализм» [2].

Громадное значение имела публикация в «Правде» всех выступлений представителей братских партий на Совещании. Много места материалам Совещания отводили боевая газета французских коммунистов «Юманите», газета польских коммунистов «Трибуна люду», орган Социалистической единой партии Германии «Нойес Дойчланд», а также газеты большинства других коммунистических и рабочих партий.

Эти публикации показали, что дискуссии на Совещании носили свободный, откровенный и глубокий характер. Почти все партии безоговорочно выразили твердую волю к укреплению боевого сотрудничества, к единству действий на основе совместных оценок и целей, на основе теории марксизма-ленинизма в применении к современным задачам, на основе пролетарского интернационализма, не давая возможности разногласиям по отдельным вопросам влиять на решающий фактор единства. Дух пролетарского интернационализма определял работу Совещания и его итоги.

Конечно, были на Совещании отдельные выступления, которые звучали определенным диссонансом. Были известные «оговорки» к единодушно принятому Основному документу, но не эти отдельные выступления и не эти «оговорки» определили лицо Совещания.

В статье «О некоторых особенностях исторического развития марксизма» Ленин писал: «Нет ничего важнее, как сплочение *всех* марксистов... для отстаивания теоретических основ марксизма и коренных положений его...» [3]

И Совещание коммунистических и рабочих партий 1969 г. высоко подняло знамя марксизма-ленинизма, знамя пролетарского интернационализма, знамя единства революционных сил для борьбы против империализма. В своем обращении «О 100-летии со дня рождения Владимира Ильича Ленина», единодушно принятом участниками Совещания, со всей силой подчеркнута *историческая правота ленинизма*, выражающего коренные потребности современной эпохи. Весь опыт мирового социализма, рабочего и национально-освободительного движения подтвердил *международное* значение марксистско-ленинского учения. Это доказано победой социалистической революции в ряде стран, возник-

[2] «Коммунист», 1969, № 15, стр. 36.
[3] *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 89.

новением мировой системы социализма, завоеваниями рабочего движения в странах капитала, выходом на арену самостоятельной политической деятельности народов бывших колоний и полуколоний, небывалым подъемом антиимпериалистической борьбы.

«Сегодня мы с полным основанием говорим об учении В. И. Ленина теми же словами, какими он сам охарактеризовал марксизм: это учение всесильно, потому что верно. Марксистско-ленинская теория, ее творческое применение в конкретных условиях позволяют вырабатывать научные ответы на вопросы, встающие перед всеми отрядами мирового революционного движения, где бы они ни действовали.

Верность марксизму-ленинизму — великому интернациональному учению — залог дальнейших успехов коммунистического движения»,— говорится в Обращении Совещания «О 100-летии со дня рождения Владимира Ильича Ленина» [4].

Эта единодушная высокая оценка международного значения ленинизма, данная столь представительным Совещанием братских марксистско-ленинских партий пяти континентов, имеет большое принципиальное значение. Ведь еще недавно ревизионистские, правосоциалистические и прямо враждебные социализму силы открыто провозглашали, что учение ленинизма неприменимо-де к развитым странам, что это «чисто русское» явление.

Еще летом 1968 г. в Праге при попустительстве некоторых руководящих деятелей того времени гостеприимно предоставлялась трибуна таким широко известным антикоммунистам, как американский профессор Збигнев Бжезинский — один из главных политических советников американского империализма, помощник вице-президента США по внешнеполитическим вопросам. В своей лекции в Институте международной политики в Праге 14 июня 1968 г. Бжезинский прямо заявил: «Мой исходный тезис заключается в том, что в развитом современном обществе ленинизм более неприменим». И эта враждебная ленинизму «концепция» на все лады пережевывалась и «углублялась» во всех средствах информации, захваченных в стране праворевизионистскими и антисоциалистическими силами.

Следует напомнить также, что по случаю 150-летия со дня рождения Карла Маркса один из официальных докладчиков (не будем называть его имени, следуя правилу древних римлян «Nomina sunt odiosa» *, пытался третировать ленинизм как учение «чисто русское», якобы непригодное в условиях Центральной и Западной Европы. Тот же докладчик выдвигал тезис, что ныне нет уже марксизма как единого интернационального учения, что существуют и должны быть «разные варианты марксизма».

Некоторые товарищи, по-видимому недостаточно знающие историю марксизма, иногда высказываются в том смысле, что «марксизм-ленинизм не является всемогущим», что никакая теория сама по себе не мо-

[4] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Москва, 1969 г.» Прага, 1969, стр. 45.

* «Не будем называть имен».— *Ред.*

жет быть всемогущей. Конечно, справедливо, что революционная теория, не претворяемая в практику, сама по себе не может изменить мир. Но еще на заре развития марксизма было выдвинуто одно из программных положений марксизма о том, что «и теория становится материальной силой, как только она овладевает массами». Без революционной теории не может быть и революционного движения — это доказано всей историей борьбы за социализм.

Одним из важнейших теоретических вопросов, имеющих непосредственное отношение к политике, является вопрос о *двух системах*, на которые разделен современный мир,— системе социализма и системе капитализма. Этот вопрос иногда смешивают с вопросом о «блоках».

Нет ничего более ложного в историческом (и в политическом, разумеется) смысле, как попытка ставить на одну доску *оборонительную* организацию Варшавского договора, которая была создана лишь в ответ на прямые угрозы нападения на социалистические страны, и агрессивные военные блоки империалистических держав.

Нет ничего более ошибочного с точки зрения теории марксизма-ленинизма, как попытки изобразить дело таким образом, что нет будто бы в мире двух *систем*, отрицать, что современный мир является *разделенным миром* в силу объективных исторических причин, в силу законов классовой борьбы, как попытки утверждать, что есть будто бы в современном мире только «два блока», а потому-де умные люди должны вести «внеблоковую политику», искусно лавируя, подобно хитроумному Одиссею, между Сциллой и Харибдой, между двумя мирами — миром социализма и миром капитализма.

Великая Октябрьская социалистическая революция открыла новую эру во всемирной истории человечества. Она расколола капиталистический мир, свергнув власть империализма на одной шестой части земли, и породила новую общественную систему — систему социализма, систему общественной собственности на средства производства. Начался необратимый процесс роста и укрепления молодой социалистической системы, против которой ополчились все силы старого мира, их прислужники и апологеты. Таков непреложный объективный исторический факт. Одной из важных моральных и политических побед молодой Советской власти было то, что во время Генуэзской конференции (1922 г.) капиталистические державы вынуждены были признать *систему общественной* собственности на средства производства как равноправную систему.

Конечно, эта новая система — система социализма — была вначале еще очень слаба в материальном и техническом отношении. Империалисты в период интервенции и разожженной ими гражданской войны чудовищно разорили нашу страну.

По окончании войны Ленин с горечью писал в плане отчета ЦК XI съезду партии:

«Гвоздь: *р а з р ы в* между всемирно-историческим величием задач, поставленных и начатых, *и* нищетой материальной и *к у л ь т у р н о й*»[5].

[5] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 414.

В другом варианте этого плана мы читаем:
«Какое «звено цепи»?..

1922: *разрыв* (пропасть) между необъятностью задач и нищетой материальной и нищетой культурной.
Засыпать эту пропасть» [6].

В. И. Ленин твердо верил и знал, что советский строй, социалистическая система собственности на основные средства производства дадут народу такие силы и возможности, что эта пропасть между величием задач и нищетой, разорением страны будет засыпана, что будет построен социализм в нашей стране. Заветы Ленина были выполнены ленинской партией и советским народом.

Великая Октябрьская социалистическая революция победила в гигантской многонациональной стране, европейской и азиатской одновременно, где были сосредоточены и обострены типичные противоречия *всей* капиталистической системы. Октябрьская революция и победа социализма в нашей стране продемонстрировали такое многообразие исторического опыта, которое имеет неоценимое значение и для революционного пролетариата высокоразвитых капиталистических стран, и для стран среднего уровня капиталистического развития, и для государств с недавним колониальным прошлым.

«Империализм есть канун социальной революции пролетариата. Это подтвердилось с 1917 года в всемирном масштабе» [7], — писал Ленин.

Октябрьская революция доказала, что революционный пролетариат действительно стоит в центре эпохи, что он может взять власть, опираясь на союз с трудящимся крестьянством, и удержать эту власть в борьбе против всех сил старого мира, может строить и построить новое общество, новую цивилизацию без буржуазии и против буржуазии.

Противники социализма, меньшевики и ревизионисты всех мастей не раз пытались доказывать, что первоначальная победа социалистической революции в такой стране, как Россия, была всего лишь исторической «случайностью». На самом же деле существовали глубокие объективные и субъективные факторы, сделавшие возможным прорыв цепи мирового империалистического фронта именно в России. Иногда преувеличивалась и преувеличивается степень отсталости дореволюционной России. Однако в действительности Россия была *среднеразвитой* капиталистической страной с весьма высокой степенью концентрации промышленности и промышленного пролетариата на крупных предприятиях, что усиливало политическую роль российского пролетариата. Ленин подчеркивал на III конгрессе Коминтерна, что в России были налицо кадры промышленного пролетариата, который «воспитан десятилетиями очень молодой, но все же современной крупной машинной промышленностью» [8]. По уровню производства стали в 1913 г. Россия приближалась к уровню такой богатой, развитой капиталистической

[6] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 411.
[7] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 308.
[8] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 5.

В. И. ЛЕНИН НА ЗАСЕДАНИИ III КОНГРЕССА КОМИНТЕРНА, СИДЯ НА СТУПЕНЬКАХ ТРИБУНЫ, ДЕЛАЕТ ЗАПИСИ

Москва, июнь — июль 1921 г.

страны, как Франция (в России производилось 4200 тыс. тонн стали, во Франции — 4460 тыс. тонн), и примерно в 5 раз превосходила по производству стали Италию. Слабым местом дореволюционной России были крайняя отсталость машиностроения и вековая отсталость сельского хозяйства в результате господства помещиков, зависимость России от империализма западных стран. Только социалистическая революция и построение социализма обеспечили технико-экономическую независимость нашей страны и быстрый рост производительных сил. Великой руководящей силой Октябрьской революции, построения социализма явилась Коммунистическая партия, основанная гением революции В. И. Лениным и впитавшая в себя, по выражению Владимира Ильича, «цвет сознательного пролетариата России».

На опыте первой в мире страны социализма неопровержимо доказано, что социалистическая система собственности на средства производства не только не ведет к разрушению и упадку производительных сил, как утверждали враги социализма, но, наоборот, в огромной мере ускоряет развитие производительных сил и на этой основе неуклонно, систематически повышает благосостояние народных масс.

Этот неоспоримый вывод имеет громадное значение для пролетариата высокоразвитых капиталистических стран. Если в самых неблагоприятных условиях разоренная дважды нашествиями империалистов первая в мире страна социализма преодолела последствия этих нашествий, преодолела разруху, нищету, голод, ликвидировала унаследованную от прошлого известную технико-экономическую отсталость и достигла громадного роста производительных сил, роста науки и техники, то ликвидация всевластия капиталистических монополий в развитых капиталистических странах и переход в них к системе общественной собственности на средства производства позволят избавиться от растраты производительных сил на гонку вооружений, дадут возможность организации хозяйства в интересах подъема жизненного уровня и культуры народных масс.

На опыт Октябрьской революции и социалистического строительства в СССР опирались другие социалистические государства, принадлежавшие к среднеразвитым капиталистическим странам. Важнейшее значение для них имел опыт союза рабочего класса с трудящимся крестьянством и средними слоями населения как высший принцип диктатуры пролетариата.

Для молодых государств с недавним колониальным прошлым громадное значение имеет опыт разрешения национального вопроса в СССР, переход ранее отсталых народов и республик к социалистическому строю, к социалистической экономике, минуя капиталистическую стадию развития.

Социалистическая система крепла с каждым годом и за два десятилетия, к 1941 г., превратилась в такую могучую силу, которая сыграла решающую роль в разгроме германского фашизма, вскормленного и вспоенного американскими и английскими капиталистическими монополиями. Социалистическая система спасла человечество от угрозы фашистского порабощения.

Подтвердилась ленинская теория социалистической революции, предвидевшая возможность победы социализма первоначально в немногих или даже в одной, отдельно взятой капиталистической стране. Первая в мире страна социализма стала опорной базой и оплотом развития всего мирового революционного процесса.

«Ничто и никто не может перечеркнуть решающей роли Советского Союза в мировом антиимпериалистическом фронте,— говорил Владислав Гомулка на Совещании.— Эту роль Советского Союза — первого социалистического государства, которое открыло новую историческую эпоху, предопределила история. Ее упрочили советские народы, создав ценой огромных жертв и усилий новый общественный строй и одержав в годы второй мировой войны великую победу над фашистской тиранией. Благодаря этой победе, которая изменила соотношение сил в мире, был открыт путь социалистической революции в странах Центральной Европы, в Китае, Корее и Вьетнаме» [9].

Как показывает ход событий за годы после окончания второй мировой войны, политика мирового империализма все более определяется *классовыми* целями общей, глобальной борьбы против мирового социализма, против мировой социалистической системы, против национально-освободительных революций и национально-освободительного движения, против рабочего движения в капиталистических странах.

Объективный ход истории говорит, что этой стратегии мирового империализма должна быть противопоставлена согласованная *классовая* стратегия международного коммунистического и рабочего движения. Сплочение антиимпериалистических сил в борьбе против империализма — это действительно «категорический императив» современности, как говорили участники Совещания.

Накануне Великой Октябрьской социалистической революции Ленин вдохновенно оценил великую историческую роль коммунистической партии и *международного союза* революционных интернационалистов. Он писал, что в коммунистической партии «мы видим ум, честь и совесть нашей эпохи, в международном союзе революционных интернационалистов видим мы единственный залог освободительного движения рабочего класса» [10].

Международное Совещание коммунистических и рабочих партий поистине выступило как *коллективный разум эпохи*, противостоящий *безумию* дряхлеющего мира капитализма, который, чувствуя приближение двенадцатого часа истории, готов унести с собой в могилу по крайней мере половину человечества.

Подводя первые итоги Совещания в своей речи при его закрытии, Р. Арисменди говорил:

«Я думаю, не будет преувеличением сказать, что все мы испытываем глубокое волнение, ведь мы закладываем краеугольный камень великого здания — великого дела сплочения международного коммунистического движения на новом этапе для выполнения его исторических

[9] «Международное Совещание...», стр. 127.
[10] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 93.

задач. Мы создаем основы всеобщего единства нашего движения, единства коммунистов, которые, по словам Ленина, представляют ум, честь и совесть нашей эпохи»[11].

«Марксизм требует от нас самого точного, объективно проверимого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента. Мы, большевики, всегда старались быть верными этому требованию, безусловно обязательному с точки зрения всякого научного обоснования политики»,— указывал Ленин в апреле 1917 г., когда партия готовилась к социалистической революции[12].

И в современную эпоху наша ленинская партия следует этим указаниям своего великого основателя, вождя и учителя Владимира Ильича Ленина. Научно обоснованная политика нашей партии опирается на трезвый, реальный учет соотношения классовых сил в международном масштабе и собственный исторический опыт, на обобщенный опыт всего мирового коммунистического движения.

На международном Совещании 75 коммунистических и рабочих партий мира была высоко оценена позиция нашей партии по основным проблемам международного развития за последние годы, изложенная в выступлении Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева. Это выступление от имени нашей партии было воспринято огромным большинством участников Совещания как выдающийся теоретический и политический вклад Коммунистической партии Советского Союза в работу Совещания. В выступлении Л. И. Брежнева был дан на основе ленинской теории империализма глубокий анализ современного международного положения, тех конкретных особенностей, которыми отличается империализм на современном этапе; была дана реалистическая, научная оценка силы и слабости империализма, оценка изменения соотношения классовых сил социализма и империализма в целом в пользу социализма, мировой системы социализма, растущего рабочего движения в капиталистических странах, национально-освободительного движения. Выступление Л. И. Брежнева явилось боевым, действенным призывом к укреплению сплоченности коммунистов, к новому подъему антиимпериалистической борьбы.

«...Не преуменьшая силу и возможности противника, мы вместе с тем считаем,— говорилось в этом выступлении от имени нашей партии,— что их не следует и преувеличивать. Именно в наше время все острее проступают глубокие, поистине непреодолимые внутренние противоречия, подтачивающие капитализм, и прежде всего — противоречие между трудом и капиталом. Под напором сил социализма и демократии продолжается ослабление его мировых позиций. Сегодня полнее, чем когда-либо, он раскрывает себя как строй социального и национального неравенства, гнета и насилия»[13].

[11] «Международное Совещание...», стр. 870.
[12] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 132.
[13] «Международное Совещание...», стр. 177—178.

«В наиболее развитых капиталистических странах,— подчеркивал Л. И. Брежнев,— быстро растет влияние так называемого военно-промышленного комплекса, т. е. союза крупнейших монополий с военщиной в государственном аппарате. Этот зловещий союз оказывает растущее влияние на политику многих империалистических государств, делает ее еще более реакционной и агрессивной» [14].

В наши дни полезно вспомнить один забытый исторический документ, который ярко демонстрирует, откуда идут корни безумной гонки вооружений, проводимой американским империализмом, документ, который свидетельствует, когда начато было идеологами американских монополий планирование третьей мировой войны и обоснование ее необходимости.

В мае 1945 г., когда истерзанные войной народы Европы радовались победе над германским фашизмом, готовились перейти к мирному строительству, к залечиванию тяжелых ран войны, американские экономисты в Вашингтоне собирались на свою 57-ю конференцию и хладнокровно рассуждали, что для американского капитализма, наоборот, желательна и даже необходима новая война!

На этой конференции Кеннет Боулдинг в своем докладе заявил:

«Крупнейшая проблема нашего века состоит в настоящее время в том, чтобы поднять потребление до такого уровня, при котором можно было бы поддерживать полное производство. К несчастью, единственным приемлемым методом потребления в большом масштабе является война, и, очевидно, к этому методу нации прибегают, когда бремя изобилия становится слишком тяжелым. Мир в настоящее время находится в тисках им самим созданной чудовищной дилеммы: либо расширять потребление посредством войны, либо сокращать производство посредством кризисов и безработицы» [15].

Это была самая настоящая пропаганда подготовки новой мировой войны. Причем тут не было еще речи об «угрозе коммунизма» и т. п., а просто заявлялось, что война необходима американскому империализму как *«единственно приемлемый метод потребления в большом масштабе»*! А после фултонской речи Черчилля (1946 г.) началась яростная «холодная война» против Советского Союза под лживым лозунгом «обороны против коммунизма».

Следует отметить, что даже президент Эйзенхауэр, уходя со своего поста, предупреждал в 1961 г. об опасности небывалого в американской истории сочетания колоссальных вооруженных сил и военной промышленности, выступал против усиления влияния на внешние правительственные органы этого военно-промышленного комплекса. «Существует и будет существовать потенциальная опасность пагубного усиления неправильно используемой власти»,— заявлял Эйзенхауэр. Однако с тех пор военный бизнес вырос в Америке вдвое — с 43 млрд. до 80 млрд. долларов. Военные расходы США в течение последних пяти лет соста-

[14] «Международное Совещание...», стр. 179.
[15] «American Economic Review», vol. XXXV, № 2, May 1945, p. 13—14.

вили почти 350 млрд. долларов, т. е. на 20% больше, чем за все годы второй мировой войны.

И все же гигантская военная машина США забуксовала во Вьетнаме.

«Героическая борьба вьетнамского народа против интервентов,— говорил Л. И. Брежнев,— слилась воедино с решительной и эффективной военной и экономической помощью СССР и других стран социализма, с широким народным движением солидарности с жертвами агрессии, развернувшимся почти во всех странах мира, включая и США. Все это приводит к тому, что агрессорам не удается добиться своих целей, а развязанная ими война превращается в демонстрацию их банкротства.

Вот, товарищи, наглядное свидетельство того, что если коммунисты разных стран действуют в одном направлении и мобилизуют на активную борьбу широкие народные массы, то агрессивные акции империализма ожидает провал» [16].

Основной документ, принятый Совещанием,— «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил», обращение «О 100-летии со дня рождения Владимира Ильича Ленина», призыв Совещания «Независимость, свободу и мир Вьетнаму!», «Воззвание в защиту мира», а также другие документы определяют линию единых действий международного коммунистического и рабочего движения, выработанную коллективными усилиями братских марксистско-ленинских партий в ходе обстоятельной товарищеской дискуссии.

Верностью марксизму-ленинизму проникнут основной документ Совещания «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил».

В этом программном документе дан глубокий теоретический и политический анализ характера эпохи и современного мирового развития, анализ соотношения классовых сил, соотношения сил между миром социализма и миром капитализма; рассмотрены задачи борьбы против империализма на современном этапе и дана конкретная программа единства действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил.

В борьбе против империализма объединяются три великие силы современности: мировая система социализма, международный рабочий класс и национально-освободительное движение. Нынешний этап мировой истории характеризуется ростом возможностей для нового продвижения вперед революционных и прогрессивных сил. В то же время возрастают опасности, порождаемые империализмом, его агрессивной политикой. Империализм, общий кризис которого углубляется, остается источником постоянной угрозы делу мира и социального прогресса.

Сложившаяся обстановка с особенной настоятельностью требует единства действий коммунистов, всех антиимпериалистических сил,

[16] «Международное Совещание...», стр. 180.

чтобы, максимально используя новые возможности, развернуть более широкое наступление на силы реакции и войны. События последнего десятилетия подтвердили правильность марксистско-ленинской оценки характера современной эпохи.

В свое время В. И. Ленин указывал, что социальная революция требует длительной эпохи, соединяющей острую классовую борьбу пролетариата с буржуазией в передовых странах и *целый ряд* демократических и революционных, в том числе национально-освободительных, движений в неразвитых, колониальных странах.

В этой гигантской борьбе за коренное, революционное переустройство жизни всего человечества приходится преодолевать сопротивление всех сил старого мира. В этой борьбе, охватывающей ныне фактически всю нашу планету, наряду с великими победами на одних фронтах приходится сталкиваться с временными неудачами и даже поражениями революции на других фронтах. Больше того, история не идет прямым путем — не раз в ее движении имели место громадные зигзаги. Таким опаснейшим зигзагом истории была, например, временная победа германского фашизма, выросшего и окрепшего благодаря поддержке американских и английских монополий, планировавших сокрушение социалистической системы вооруженной машиной гитлеровского нацизма, который осенью 1933 г. был восторженно назван в английской консервативной печати «надежным стражем Европы против коммунистической опасности».

Но в конечном счете социалистическая система (в лице Советского Союза), сопротивление народов фашизму оказались неизмеримо сильнее, чем чудовищное порождение мировой империалистической системы — германский фашизм.

Империализм — это вовсе не «бумажный тигр». Это еще достаточно сильный, опасный и коварный враг социализма и прогресса, который может еще причинить немало бедствий человечеству. Однако великое историческое противоборство системы капитализма и системы социализма показывает, что соотношение классовых сил в мировом масштабе за последние 25 лет в целом непрерывно меняется в пользу социализма и демократических сил и движений, а не в пользу империализма. Те контратаки, которые предпринимает, иногда успешно, империализм на отдельных фронтах мировой борьбы (контрреволюционные перевороты в Греции, Индонезии, Гане и некоторых других странах), не изменили основной динамики развития. Американский империализм потерпел поражение во Вьетнаме, хотя бросил против героического народа этой небольшой страны гигантские военные силы. Провалились также далеко идущие планы международного империализма — вырвать Чехословакию из социалистического содружества.

Вспомним положение после окончания второй мировой войны. Вспомним пресловутую «доктрину Трумэна» о том, что наступил «век Америки», что Америка должна править всем миром. Америка, казалось, была на вершине могущества и силы, обладала громадными производительными силами; она не только не пострадала от войны, а, наоборот, нажилась на ней; она обладала атомным оружием и не прочь

была заняться атомным шантажом. В 1951 г. для распространения в Европе был выпущен массовым тиражом специальный номер популярного американского журнала «Кольерс». В нем красочно описывалась предстоящая атомная бомбардировка Москвы, Красной площади, Кремля американскими самолетами, пожары, гибель многих тысяч людей, «покорение» Страны Советов Америкой и введение «американского образа жизни» на территории СССР. Символически это было изображено в виде монументальной фигуры американского солдата на фоне карты СССР. Кончилось, однако, все это плохо для журнала «Кольерс». Пришлось его закрыть в результате громадного возмущения общественного мнения Европы в связи с выходом этого провокационного номера журнала.

Американские экономисты рассчитывали, что Советский Союз не сможет по крайней мере еще полтора-два десятилетия восстановить свою экономику, разрушенную гитлеровским нашествием. Но они жестоко просчитались. Уже к концу первой послевоенной пятилетки, в 1950 г., довоенная мощность промышленности СССР была превзойдена.

Напомним, что в 1945 г., в год нашей великой победы, Советский Союз произвел только 12 млн. тонн стали, а Америка в том же году произвела стали в 6 раз больше — 75 млн. тонн. В 1969 г. металлургия Советского Союза выплавит уже около 110 млн. тонн стали — всего лишь на 12 млн. тонн меньше, чем дала американская металлургия в 1968 г. Таким образом, наша страна приблизилась к американскому уровню производства стали.

Но не только по уровню производства стали, но и по другим показателям СССР одержал новые победы в экономическом соревновании с США и другими капиталистическими странами. Если в 1960 г. промышленная продукция СССР составляла 55% промышленной продукции США, то в 1968 г.— уже около 70%. Сельскохозяйственная продукция Советского Союза в 1960 г. составляла 75% от уровня США, а в 1968 г.— примерно 85%.

Капитальные вложения в СССР в 1968 г. достигли примерно 95% капитальных вложений в США. Среднегодовой темп прироста промышленной продукции в Советском Союзе за 1961 — 1968 гг. составлял 8,7%, в США — лишь 5,4%.

Советский Союз вышел на первое место в мире по общим размерам жилищного строительства. За последние 10 лет в СССР были улучшены жилищные условия для 112 млн. человек.

Советские ученые раскрыли тайны атомной и термоядерной энергии, овладели ракетной техникой, а мощная социалистическая индустрия дала возможность реализовать достижения науки и техники. Наша страна первой открыла космическую эру в истории человечества.

В свете этих неоспоримых достижений Советского Союза можно оценить следующее признание видного обозревателя «Нью-Йорк таймса» Сульцбергера, вообще говоря, человека, далекого от симпатий к Советскому Союзу: «США за последние 20 лет еще более потускнели: они упустили свое прежнее превосходство в том, что касается военного по-

тенциала, и потеряли как внутреннее единство, так и внешних друзей... СССР имеет сейчас больше друзей и стал сильнее» [17].

Конечно, на международный престиж США оказало в известной мере положительное влияние такое научное и техническое достижение, как высадка американских космонавтов на Луну. Но и это не может ослабить внутренних противоречий и антагонизмов, разного рода кризисных явлений, характерных для современного внутреннего состояния США. Где то «великое процветающее общество», которое обещал два с половиной года назад президент Джонсон американскому народу? Это общество далеко от процветания и от внутреннего единства.

В области экономического соревнования социализма с капитализмом страны социализма добились немалых успехов. Социалистические страны, входящие в Совет экономической взаимопомощи, за последние 10 лет увеличили свой национальный доход на 93%, в то время как в развитых капиталистических государствах национальный доход за эти же годы возрос на 63%. Занимая 18% территории и располагая 10% населения земного шара, страны СЭВ производят в настоящее время примерно треть мировой промышленной продукции. На этой основе повышается жизненный уровень трудящихся, растут возможности дальнейшего успешного развития экономики, науки и культуры.

Продолжается совершенствование экономического сотрудничества между странами социализма, укрепляются экономические связи. Особо важное значение для укрепления экономических связей и совершенствования экономического сотрудничества социалистических стран имеет XXIII специальная сессия Совета экономической взаимопомощи. Главное внимание в социалистических странах направлено сейчас на качественную сторону, на повышение эффективности общественного производства и экономических связей, на взаимную помощь и сотрудничество в решении задач научно-технической революции, что имеет важное значение для достижения более высокой производительности труда, чем в капиталистических странах.

«Быстрое развитие народного хозяйства стран социалистической системы, опережающее по своим темпам экономический рост капиталистических государств, выход социализма на передовые позиции по ряду направлений научно-технического прогресса, открытие Советским Союзом пути в космос — все эти реальные итоги созидательного труда народов социалистических стран в решающей степени содействуют перевесу сил мира, демократии и социализма над империализмом» [18],— говорится в Основном документе международного Совещания.

Совершенствование социалистической демократии, подъем производительных сил, политический и культурный прогресс, превосходство человеческих и моральных ценностей увеличивают воздействие социализма на трудящихся всего мира, упрочивают его позиции в имеющей всемирное значение борьбе против империализма, подчеркнуло Совещание.

[17] «Нью-Йорк таймс», 25 июля 1969 г.
[18] «Международное Совещание...», стр. 21.

В упорной борьбе против сил империализма коллективными усилиями выковывается могучее оружие обороны социалистических государств, защиты дела мира и социализма.

Международное Совещание коммунистических и рабочих партий вновь подтвердило, что оплотом всемирного антиимпериалистического, революционного движения является социалистическая система. От дальнейших достижений социалистической системы, от ее сплоченности, от использования правящими партиями всех возможностей, заложенных в новом общественном строе, в решающей мере зависит успешное противоборство нового мира со старым, дряхлеющим капиталистическим миром.

Главными направлениями в деле дальнейшего укрепления и сплочения социалистической системы являются неуклонное осуществление принципов социалистического интернационализма, правильное сочетание национальных и интернациональных задач социалистических государств, развитие братской взаимопомощи и взаимной поддержки.

Совещание со всей силой заявило:

«Защита социализма — интернациональный долг коммунистов» [19].

Опыт истории показал, что враги социализма не оставляют попыток подорвать основы социалистической государственной власти, сорвать дело социалистического преобразования общества и восстановить свое господство. Решительный отпор таким попыткам — необходимая функция социалистического государства, опирающегося на широкие народные массы, руководимые рабочим классом и его коммунистическим авангардом.

В сложной международной обстановке марксистско-ленинское единство социалистических стран и коммунистических партий этих стран выдержало такое серьезное испытание, как попытки капиталистического мира при помощи националистов, правых оппортунистов, ревизионистов марксизма, различных антисоциалистических и антисоветских сил вырвать Чехословакию из социалистического содружества и повернуть ее на путь капиталистического развития. Используя географическое положение Чехословакии, капиталистический мир рассчитывал изменить соотношение сил в Европе, повторить в какой-то мере гитлеровскую стратегию, о чем достаточно откровенно писала западногерманская реваншистская печать летом и осенью 1968 г.

Методы подготовки «тихой контрреволюции» в Чехословакии были гораздо сложнее, изощреннее, чем это имело место в 1953 г. в ГДР и в 1956 г. в Венгрии. Если контрреволюционный мятеж против ГДР в 1953 г., так называемый «день Икс», подготовленный с помощью переброшенных из Западного Берлина фашистских банд, проводился под открытыми лозунгами свержения социалистической государственной власти, если контрреволюционные мятежники в Венгрии открыто призвали к восстановлению власти капиталистов и помещиков (известное выступление кардинала Миндсенти), то в Чехословакии наступление правооппортунистических и антисоциалистических сил началось с вос-

[19] «Международное Совещание...», стр. 23.

хваления Масарика и Бенеша, под лозунгами «гуманного социализма», собственной «модели» социализма, широко популяризовались шиковские концепции «рыночного социализма» и т. д. Антисоциалистические силы и правооппортунистические элементы в партии, используя ошибки, которые были допущены прошлым руководством, поставили ближайшей своей целью очернить все достижения социализма в Чехословакии после февральской революции 1948 г., подорвать руководящую роль Коммунистической партии. Правооппортунистические элементы делали все, чтобы по существу разложить Коммунистическую партию как боевой марксистско-ленинский авангард рабочего класса. Все средства массовой информации, почти все основные органы печати постепенно оказались в руках антисоциалистических и правооппортунистических групп, которые в одном из своих выступлений товарищ Г. Гусак справедливо назвал «мафиями». Руководство же партии того периода не было единым, проявляло полную беспомощность, не хотело или не могло уже призвать к порядку эти зарвавшиеся «мафии».

Создавшееся в Чехословакии политическое положение не могло не волновать братские марксистско-ленинские партии соседних с Чехословакией социалистических стран: Польши, ГДР, Венгрии, Советского Союза, а также Болгарии, оно не могло также не тревожить и ряд коммунистических партий капиталистических стран. Так, в боевом органе Компартии США «Дейли уорлд» 3 августа 1968 г. была помещена весьма серьезная, проникнутая законной тревогой и озабоченностью статья «Заговор против Чехословакии», где приводился ряд фактов (впоследствии подтвердившихся со всей достоверностью) об опасном заговоре как антисоциалистических и контрреволюционных сил в капиталистических странах, так и внутри самой Чехословакии.

Братские коммунистические партии пяти социалистических стран в течение 1968 г. сделали все возможное, чтобы вовремя и по-товарищески предупредить тогдашнее руководство Компартии и правительство Чехословакии о крайне опасном развитии событий в их стране и об ответственности Чехословакии перед содружеством социалистических стран и международным коммунистическим и рабочим движением.

Но все эти коллективные товарищеские советы и предупреждения не возымели действия; больше того, они иногда отвергались в форме, недопустимой в отношениях между братскими марксистско-ленинскими партиями. Иногда на словах соглашались с оценкой положения в Чехословакии, но на деле ничего не предпринималось, чтобы по-настоящему осуществлять руководящую роль Компартии и предупредить опасное развитие событий, чтобы реализовать те соглашения, которые подписывались чешскими товарищами (например, Заявление Братиславского совещания).

На международном Совещании коммунистических и рабочих партий первый секретарь ЦК КПЧ Г. Гусак говорил, что рабочий класс и его партия в Чехословакии не были вовремя мобилизованы на защиту завоеваний социалистической революции в Чехословакии, напротив, «руководство партии уступало все более агрессивному нажиму антисоциалистических и оппортунистических сил внутри страны, связанных

с буржуазными кругами Запада и в той или иной мере поддерживаемых ими» [20].

«Руководство коммунистических партий соседних союзных государств постепенно утратило веру в то, что руководство нашей партии в данной ситуации способно прекратить это кризисное развитие. Произошли известные августовские события. В этой обстановке руководство партии и Центральный Комитет нашли выход в подписании Московского протокола, который логически связан с известным Братиславским Заявлением от 3 августа 1968 года» [21].

К сожалению, некоторые деятели коммунистических партий не поняли *классового* смысла событий в Чехословакии и не одобрили действий пяти социалистических стран, хотя только эти действия и могли в создавшейся в 1968 г. ситуации предотвратить худшее развитие событий. Г. Гусак откровенно высказал на Совещании мнение ЦК КПЧ, что «на некоторые братские партии в капиталистических странах оказывает давление буржуазная и мелкобуржуазная пропаганда и что в данном случае их толкают на позиции, с которыми мы не всегда можем согласиться» [22].

Представители многих партий на Совещании указывали на опасность для социализма, возникшую в Чехословакии. Они подчеркивали, что Советский Союз и другие братские страны сделали лишь то, что они обязаны были сделать для помощи коммунистам Чехословакии и для защиты общих позиций социализма в мире.

Во всей своей политике в отношении событий в Чехословакии Политбюро ЦК КПСС в полном согласии с другими братскими коммунистическими партиями социалистических стран неизменно руководствовалось сознанием высокого интернационального долга, исходило из решений апрельского, июльского и октябрьского пленумов ЦК КПСС 1968 г., подчеркнувших необходимость решительной борьбы за дело социализма в Чехословакии.

Опубликованные в 1969 г. в Чехословакии многочисленные неоспоримые факты и документы, особенно материалы сентябрьского пленума ЦК КПЧ, подтверждают, что только решительные действия Советского Союза и других братских стран, предпринятые после того, как были исчерпаны все другие методы товарищеского политического воздействия и помощи, сорвали планы свержения социалистического строя в Чехословакии и дали возможность чехословацким коммунистам собрать силы и организовать отпор контрреволюционным элементам.

То, что происходило в Чехословакии, еще раз показало, насколько важна и необходима на современном историческом этапе непримиримая борьба с правым оппортунизмом и ревизионизмом, с национализмом, против идеологического влияния буржуазии.

События в Чехословакии показали, что в любой стране, где победил социализм, гарантией от попыток реставрации капитализма, от попыток

[20] «Международное Совещание...», стр. 520.
[21] Там же, стр. 521.
[22] Там же, стр. 523.

антисоциалистических элементов подорвать социалистический строй является твердая марксистско-ленинская интернационалистическая позиция Коммунистической партии данной страны как руководящей силы общества, активная защита принципов марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма от всех атак ревизионизма, как правого, так и «левого», прикрываемого псевдореволюционной фразой, от всех извращений националистического характера.

На международном Совещании в Москве отмечалось, что империалистические силы и их пособники, которые действовали из-за рубежа, поддерживая антисоциалистические и оппортунистические силы внутри Чехословакии, злонамеренно использовали лозунги национальной свободы и суверенитета, чтобы разрушить братские интернациональные связи Чехословакии с другими социалистическими странами.

Опыт истории показывает, что в современных условиях лозунг национального суверенитета, лишенный классового содержания, может служить оружием буржуазных идеологов, а также правооппортунистических, ревизионистских и реакционных националистических сил.

Ответственность коммунистической партии каждой социалистической страны перед своим народом неотделима от интернациональной ответственности перед странами социалистического содружества и международным коммунистическим и рабочим движением.

В совместном советско-чехословацком заявлении, принятом во время посещения СССР чехословацкой партийной и правительственной делегацией в октябре 1969 г. и имеющем важное принципиальное значение, подчеркивается, что «классовое понимание суверенитета включает в себя как неотъемлемое право каждого социалистического государства, каждой коммунистической партии определять формы и методы социалистического строительства, так и прямой долг защищать власть рабочего класса и всего трудового народа, его революционные социалистические завоевания. В этом смысле каждая коммунистическая партия отвечает за свою деятельность перед народом своей страны и несет интернациональную ответственность перед странами социалистического содружества и международным коммунистическим и рабочим движением».

Международный империализм на современном этапе борьбы двух систем хотел бы широко использовать древнее жестокое правило римских рабовладельцев, которое обеспечивало им политическое господство над другими народами в довольно ограниченном мире той эпохи: «Divide et impera!» *

Но за две тысячи лет история далеко ушла вперед. И этому лозунгу римских рабовладельцев, который хотели бы в той или иной форме модернизировать защитники современного капиталистического наемного рабства, идеологи неоколониализма, неофашизма, противостоит великий марксистско-ленинский призыв:

«Пролетарии всех стран и угнетенные народы мира, соединяйтесь!»

* «Разделяй и властвуй».— *Ред.*

О великой растущей силе пролетарского интернационализма ярко и убедительно говорил на международном Совещании Генеральный секретарь Коммунистической партии Соединенных Штатов Америки товарищ Гэс Холл: «Всемирный характер марксистско-ленинского движения умножает наши силы. Мы придаем первостепенное значение нашей пролетарской концепции интернационализма.

Мы не рассматриваем интернационализм как бремя, как уступку или как крест, который приходится нести... Он является основным компонентом, который придает классовой борьбе необходимое революционное содержание.

Сейчас много говорят об усилении национализма. Но не всегда с достаточной ясностью видят небывалый рост стремлений масс к интернационализму. Сам характер мирового развития породил в массах антиимпериалистические настроения и тягу к интернационализму. Триединый всемирный революционный процесс является движущей силой, свежим источником интернационализма. Это—действительно новое историческое явление, особенно характерное для молодого поколения. Поэтому интернационализм коммунистического движения является новым источником силы. Нам не надо приносить извинения за наш интернационализм, напротив, мы должны найти дополнительные и более смелые способы демонстрации этой стороны нашего движения» [23].

Подтверждением справедливости приведенных выше слов Г. Холла явились прошедшие в США с небывалым размахом антивоенные выступления в ноябре 1969 г. Движение протеста против войны во Вьетнаме охватывает все новые слои американцев.

Великая идеология социалистического интернационализма побеждает и будет побеждать все разновидности буржуазного и мелкобуржуазного национализма, национального эгоизма, национальной ограниченности, мелкотравчатого политиканства, прикрываемого иногда самыми пышными фразами о «самостоятельности» и «независимости», об «особых путях» социализма в каждой стране.

Опыт истории убедительно показывает, что, кроме расхождений между отдельными коммунистическими партиями в оценке тех или иных событий, есть общее, что их объединяет и будет объединять,— это *классовая* солидарность, это властно диктуемая ходом истории необходимость *единства* борьбы всех антиимпериалистических сил против империализма и капиталистических монополий. Есть *общие закономерности* исторического процесса, которым нельзя противопоставлять конкретные видоизменения этого процесса в соответствии с особенностями исторического развития, условий, обстановки в той или иной стране. В. И. Ленин учил, что разногласия решаются не только спорами, полемикой, дискуссиями, но решаются иногда и ходом самих событий, подтверждая всегда правильность последовательной марксистской линии.

Еще в период первой русской революции, которая была первой *народной* революцией в эпоху империализма, Ленин говорил, что наше

[23] «Международное Совещание...», стр. 541—542.

дело непобедимо, потому что за наши взгляды, за взгляды большевиков «вступается сама история, вступается на каждом шагу действительность» [24].

Читая и перечитывая материалы и документы международного Совещания коммунистических и рабочих партий, замечательные по своей глубине и принципиальности выступления руководящих деятелей братских марксистско-ленинских партий, последовательно отстаивающих принципы марксизма-ленинизма и социалистического интернационализма, еще раз убеждаешься, в какую гигантскую силу выросли коммунистические и рабочие партии. Да, это действительно *коллективный разум эпохи*, противостоящий *безумию* империалистического мира.

Накануне Октября В. И. Ленин писал, что человечество оказалось перед выбором: или погибнуть, или вручить свою судьбу самому передовому общественному классу — рабочему классу, который возьмет власть и свергнет всевластие капиталистических монополий, власть мирового империализма, толкающего человечество к гибели. Ныне существует и крепнет мировая социалистическая система — надежда человечества.

Если бы наш великий учитель Владимир Ильич Ленин мог сам видеть и ощущать, как выросло, исполнилось зрелости и мудрости его детище — воспитанные им марксистско-ленинские партии *нового типа*, принципиально отличные от старых, реформистских партий II Интернационала!

Ленинские принципы партийности, социалистического интернационализма побеждают и будут побеждать всякого рода ревизионистские шатания и колебания.

Еще выше поднимая знамя ленинизма, коммунистические и рабочие партии после Совещания будут укреплять единство действий коммунистов, всех антиимпериалистических сил, пойдут к новым успехам в борьбе за революционное обновление мира!

[24] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 65.

А. И. ПАШКОВ
член-корреспондент АН СССР

СОЦИАЛИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО И ЭКОНОМИКА

Вопрос об экономической роли и экономических функциях социалистического государства в период перехода от капитализма к социализму и в социалистическом обществе имеет огромное практическое и теоретическое значение. Он является предметом острейшей идейной борьбы между марксистско-ленинскими партиями, с одной стороны, и буржуазными экономистами, правыми социалистами и ревизионистами в рядах коммунистических и рабочих партий—с другой.

Основные линии связи государства и экономики страны раскрыты Марксом и Энгельсом, созданной ими теорией исторического материализма. Экономический строй общества, господствующие в стране производственные отношения людей составляют основу всей жизни общества, его *базис*, а государство является важнейшим элементом *надстройки* общества. Социальная природа государства определяется природой господствующих в обществе экономических отношений людей. Во всяком обществе государство, как и вся надстройка, служит базису, экономическим интересам класса, стоящего у власти. «Государство,— писал Энгельс,— не составляет самостоятельной области и не развивается самостоятельно, а и в существовании своем и в своем развитии зависит, в конечном счете, от экономических условий жизни... государство в целом является лишь выражением, в концентрированной

форме, экономических потребностей класса, господствующего в производстве...» [1]

Эта же мысль подчеркивалась Лениным: «...Всякая политическая надстройка... служит, в конечном счете, производству и определяется, в конечном счете, производственными отношениями данного общества» [2].

Буржуазное государство есть организация, созданная буржуазным обществом для охраны общих внешних условий капиталистического способа производства от посягательств как рабочих, так и капиталистов [3]. На всех стадиях своего существования буржуазное государство оказывает определенное влияние на состояние экономики страны: налоговой политикой, политикой внешней торговли, состоянием денежного обращения и т. д. В большей или меньшей степени оно всегда вмешивалось в хозяйственную жизнь страны.

До первой мировой войны вмешательство буржуазного государства в хозяйственную жизнь страны было все же ограниченным, поскольку в его руках сосредоточивалась сравнительно незначительная часть производства.

С начала нынешнего века, когда капитализм свободной конкуренции перерос в монополистический капитализм, идет процесс все большего слияния капиталистических монополий с государственным аппаратом.

Нынешний период в развитии монополистического капитализма характерен быстрым ростом государственно-монополистического капитализма. Современное буржуазное государство является собственником довольно значительной части предприятий и даже целых отраслей производства. В Англии, например, государственный сектор охватывает более 20% всего промышленного производства страны, в Италии —28%. Доля государства в капиталовложениях составляет ныне в США 38% всех капиталовложений в этой стране, в Англии — 46, в ФРГ — 31, во Франции — 22, в Японии — 35, в Италии — 43%. В условиях борьбы двух систем и научно-технической революции капиталистическое государство берет на себя организацию и финансирование ведущих отраслей науки и производства, исследований в области атома, реактивной техники, космоса. Например, в США и Франции на долю государства приходится почти $^2/_3$ всех расходов этих стран на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы. Посредством налогов, инвестиций оно активно участвует в распределении и перераспределении национального дохода, воздействует на темпы экономического роста, на структуру производства. В интересах финансовой олигархии капиталистическое государство осуществляет разного рода регулирующие мероприятия, программирование, экономическое прогнозирование с широким применением математических методов и электронно-вычислительной техники.

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 21, стр. 310.
[2] *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 276.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 20, стр. 290.

Рост и обострение борьбы трудящихся масс против господства капиталистических монополий, усиление эксплуатации заставляют государство в большей мере, чем раньше, вмешиваться во взаимоотношения труда и капитала, используя в интересах монополий всю силу своего военного и полицейского аппарата. В государственном аппарате капиталистических стран большое место ныне занимают учреждения, ведающие экономическими вопросами: разного рода экономические министерства, управления, комитеты и т. д. Активная экономическая деятельность государства стала важным фактором капиталистического воспроизводства.

Вопреки усердным уверениям буржуазных апологетов, теоретиков правой социал-демократии, современных ревизионистов, что современное буржуазное государство будто бы является «надклассовым» и что рост огосударствления производства в капиталистических странах означает коренное изменение социальной природы капиталистических предприятий, «сближение» капитализма с социализмом, их «конвергенцию», в действительности предприятия, составляющие собственность государства, остаются капиталистическими. Полностью сохраняет силу глубокая характеристика государства и государственных предприятий, данная Энгельсом более 90 лет назад в работе «Анти-Дюринг»: «Современное государство, какова бы ни была его форма, есть по самой своей сути капиталистическая машина, государство капиталистов, идеальный совокупный капиталист. Чем больше производительных сил возьмет оно в свою собственность, тем полнее будет его превращение в совокупного капиталиста и тем большее число граждан будет оно эксплуатировать. Рабочие останутся наемными рабочими, пролетариями. Капиталистические отношения не уничтожаются, а, наоборот, доводятся до крайности, до высшей точки» [4].

В. И. Ленин разоблачал лживость буржуазно-реформистских утверждений, «будто монополистический или государственно-монополистический капитализм *уже не* есть капитализм, уже может быть назван «государственным социализмом» и тому подобное» [5]. Он показал, что государственно-монополистический капитализм *вплотную* продвинул человечество к социализму в смысле подготовки материальных предпосылок социализма, разработки приемов учета и контроля над производством и распределением продуктов в масштабе всей страны, однако капиталистическое общество не превращается автоматически, самотеком в социалистическое. Для этого необходима социалистическая революция, диктатура пролетариата, с помощью которых рабочий класс лишает буржуазию и другие эксплуататорские классы не только политической власти, но и экономического могущества, овладевает командными высотами экономики и в союзе с трудовым крестьянством и с другими непролетарскими слоями трудящихся строит социализм и коммунизм. ««Близость» *такого* капитализма к социализму должна быть для действительных представителей пролетариата доводом за близость,

[4] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 20, стр. 290.
[5] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 68.

легкость, осуществимость, неотложность социалистической революции, а вовсе не доводом за то, чтобы терпимо относиться к отрицанию этой революции и к подкрашиванью капитализма, чем занимаются все реформисты» [6].

Рост государственно-монополистического капитализма — результат и показатель того, что производительные силы буржуазного общества, капиталистическое производство, имеющие общественный характер, уже давно переросли узкие рамки частной собственности на средства производства, присвоение продуктов общественного производства не только отдельными капиталистами, но и акционерными обществами, монополистическими объединениями капиталистов. Гигантски возросшие производительные силы современного капиталистического общества, достигнутая весьма высокая ступень обобществления производства настоятельно требуют замены частной, буржуазной формы присвоения общественной, социалистической, требуют сознательного регулирования всего процесса общественного производства. Рост государственно-монополистического капитализма выражает стремление буржуазии разрешить до предела обострившееся антагонистическое противоречие между производительными силами и буржуазными производственными отношениями в рамках капиталистического способа производства.

Активное вмешательство буржуазного государства в экономику является ныне необходимым условием самого существования капиталистического способа производства. Наличие рядом с капитализмом более прогрессивной и эффективной социалистической системы народного хозяйства, соревнующейся с ним, все больше вынуждает буржуазию использовать свое государство для решения острых экономических и социальных проблем капиталистического общества: смягчения кризисов, уменьшения безработицы и др.

Однако, позволяя буржуазии в какой-то мере временно решать отдельные текущие задачи, государственно-монополистический капитализм вместе с тем обостряет основное противоречие капитализма и всю совокупность его антагонистических противоречий.

В Основном документе, принятом международным Совещанием коммунистических и рабочих партий в Москве 17 июня 1969 г., отмечается, что государственно-монополистическое регулирование, осуществляемое в формах и масштабах, отвечающих интересам монополистического капитала, и направленное на сохранение его господства, не в состоянии обуздать стихийные силы капиталистического рынка. Почти ни одно капиталистическое государство не избежало значительных циклических колебаний и спадов в экономике; периоды высоких темпов роста промышленности в отдельных странах чередуются с низкими темпами, а зачастую и с падением производства. Капиталистическую систему лихорадит острый валютно-финансовый кризис. Научно-техническая революция ускоряет процесс обобществления экономики; в условиях господства монополий это ведет к воспроизводству социальных

[6] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 68.

антагонизмов в еще бо́льших масштабах и с еще большей остротой. Не только обостряются все прежние противоречия капитализма, но и возникают новые. Это — прежде всего противоречие между необычайными возможностями, открывающимися научно-технической революцией, и препятствиями, которые капитализм выдвигает на пути их использования в интересах всего общества, обращая бо́льшую часть открытий науки и огромные материальные ресурсы на военные цели, расточая национальные богатства. Это — противоречие между общественным характером современного производства и государственно-монополистическим характером его регулирования. Это — не только рост противоречия между трудом и капиталом, но и углубление антагонизма между интересами подавляющего большинства нации и финансовой олигархией [7].

Огромный рост государственно-монополистического капитализма означает важное изменение в экономической роли и функциях капиталистического государства. Можно сказать, что это государство перестало быть только политической организацией буржуазного общества, только надстройкой над капиталистической экономикой. Ныне оно является собственником значительной части средств производства, субъектом хозяйствования на государственных предприятиях, активно вмешивается во все стороны хозяйственной деятельности общества, оказывает прямое влияние на весь процесс капиталистического производства. В этом своем качестве оно входит в систему экономических отношений, в базис буржуазного общества. Последнее, конечно, нисколько не изменяет того, что как политическая организация капиталистического общества буржуазное государство и ныне относится к надстройке общества.

Отмеченное изменение в соотношении государства и экономики капиталистических стран получило отражение еще в работах Ленина, относящихся к 1917 г.

Основоположники научного коммунизма доказали необходимость того, чтобы пролетариат в социалистической революции разрушил государство как орган диктатуры буржуазии, орудие угнетения трудящихся и на его месте создал государство нового типа — диктатуру пролетариата, направленную на полную отмену эксплуатации одних людей, классов другими, на построение общества без эксплуататоров и эксплуатации.

Маркс и Энгельс говорили о государственном аппарате буржуазии вообще, не выделяя в нем разных видов учреждений. И это понятно: в XIX в. государственный аппарат буржуазии состоял только из учреждений, выполняющих функции принуждения, насилия над трудящимися массами. В XX в., особенно со времени первой мировой войны, положение изменяется: создаются государственные учреждения, выполняющие функции регулирования народного хозяйства.

[7] См. «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил». М., 1969, стр. 15—16.

В 1917 г., разрабатывая экономическую платформу большевиков в социалистической революции, Ленин, как известно, доказал необходимость осуществления ряда решительных мер, которые спасли бы страну от нависшей над нею угрозы хозяйственной катастрофы, обеспечили бы реальные условия для скорейшей ликвидации вековой отсталости России, поставили бы страну на путь строительства социализма. К числу таких мероприятий Ленин относил национализацию банков и крупной промышленности (синдикатов).

В связи с этим Ленин выдвинул и обосновал весьма важную идею о том, что в современном государственном аппарате буржуазии необходимо различать два вида учреждений, к каждому из которых отношение пролетариата должно быть разным: первый — преимущественно угнетательский аппарат (армия, полиция, чиновничество); его нужно разбить и на его месте создать государственный аппарат совершенно иного типа, выражающий и защищающий интересы трудящихся. Но кроме преимущественно угнетательского аппарата, писал Ленин, в современном буржуазном государстве есть аппарат другого вида, особенно тесно связанный с банками и синдикатами, аппарат, который выполняет массу учетно-регистрационной работы. «Этого аппарата разбивать нельзя и не надо. Его надо вырвать из подчинения капиталистам, от него надо *отрезать*, *отсечь*, *отрубить* капиталистов с их нитями влияния, его надо *подчинить* пролетарским Советам, его надо сделать более широким, более всеобъемлющим, более всенародным. И это *можно* сделать, опираясь на завоевания, уже осуществленные крупнейшим капитализмом (как и вообще пролетарская революция, только опираясь на эти завоевания, способна достигнуть своей цели)» [8]. Рост государственно-монополистического капитализма, писал Ленин в 1917 г., означает, что «механизм общественного хозяйничанья здесь уже готов. Свергнуть капиталистов... сломать бюрократическую машину современного государства — и перед нами освобожденный от «паразита» высоко технически оборудованный механизм, который вполне могут пустить в ход сами объединенные рабочие...» [9]

Эти суждения дают, по нашему мнению, основание сделать вывод, что современное буржуазное государство Ленин рассматривал не только как политическую организацию буржуазного общества, не только как элемент надстройки, но и как субъект капиталистического хозяйствования, непосредственно осуществляющий определенную хозяйственную функцию, т. е. и как элемент производственных отношений, базиса общества.

Со времени, к которому относятся приведенные нами слова Ленина об экономической роли буржуазного государства, процесс огосударствления капиталистического хозяйства, активного вмешательства государства в хозяйственную жизнь страны продвинулся далеко вперед. Как записано в Программе КПСС, «образование и рост монополий приводят к непосредственному вмешательству государства в процесс

[8] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 307.
[9] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 50.

капиталистического воспроизводства в интересах финансовой олигархии. В ее интересах буржуазное государство проводит разного рода регулирующие мероприятия, использует огосударствление отдельных отраслей экономики. Мировые войны и экономические кризисы, милитаризм и политические потрясения ускорили перерастание монополистического капитализма в государственно-монополистический»[10]. Государство стало комитетом по управлению делами монополистической буржуазии. «Государственно-монополистический капитализм соединяет силу монополий с силой государства в единый механизм в целях обогащения монополий, подавления рабочего движения и национально-освободительной борьбы, спасения капиталистического строя, развязывания агрессивных войн»[11].

Изменение экономической роли буржуазного государства, происшедшее в XX в., особенно в результате экономического кризиса 1929—1933 гг., глубоко потрясшего мир, получило свое отражение и во взглядах современных буржуазных экономистов. Успехи кейнсианства с его проповедью активного вмешательства буржуазного государства в хозяйственную жизнь страны с целью предотвратить кризисы перепроизводства, массовую безработицу свидетельствуют о крушении господствовавшей до того времени веры буржуазных экономистов в возможность автоматическим действием законов рыночной конкуренции обеспечить нормальное существование и развитие капиталистического способа производства.

Активное вмешательство государства в хозяйственную жизнь страны рассматривается ныне широким кругом буржуазных экономистов как важнейшее условие победы капитализма в экономическом соревновании с социализмом, предотвращения революционного взрыва капиталистической системы хозяйства, условие самой возможности дальнейшего ее существования.

Вместе с тем другие буржуазные экономисты так называемого неолиберального направления продолжают отстаивать «свободное предпринимательство». Вмешательство капиталистического государства в экономику они хотят ограничить задачей устранения помех для «свободной конкуренции». Буржуазные апологеты этого направления используют лозунг «экономической свободы» для мнимой защиты ими средних слоев населения. Реакционно-утопические суждения экономистов данного направления находятся в противоречии с тенденциями экономического развития буржуазного общества.

В конце 30-х годов в нашей стране было выдвинуто утверждение, что хозяйственно-организаторская функция будто бы вообще чужда буржуазному государству, что наличие этой функции составляет особенность социалистического государства. Между тем утверждение об отсутствии у буржуазного государства хозяйственно-организаторской функции является правильным только для капитализма эпохи господства свободной конкуренции и для начального периода эпохи империа-

[10] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1961, стр. 26.
[11] Там же, стр. 26—27.

 лизма, а в 30-х годах XX в. оно уже находилось в противоречии как с реальной действительностью, так и с высказываниями Ленина по данному вопросу.

Маркс и Энгельс рассматривали государство диктатуры пролетариата как важнейшее условие и основной рычаг революционного преобразования капиталистического общества в социалистическое. Диктатура пролетариата, по их мнению, является могучей силой, не только политической, но и экономической. Подчеркивая определяющую роль экономики по отношению к социальной природе государства, его политике, классики научного коммунизма указывали, что само государство, его политика оказывают определенное обратное влияние на экономику. Это положение они относили и к государству диктатуры пролетариата, подчеркивая вместе с тем особенную роль последнего. «К чему же мы тогда боремся за политическую диктатуру пролетариата, если политическая власть экономически бессильна? Насилие (то есть государственная власть) — это тоже экономическая сила!» [12]— писал Энгельс.

Положение марксизма о диктатуре пролетариата как великой силе социалистического преобразования экономики буржуазного общества отстоял и развил Ленин, руководствуясь опытом Октябрьской революции и первых лет строительства социализма в СССР.

В работе «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» (1918 г.) Ленин, критикуя тезисы группы «левых коммунистов» (Н. Бухарина и др.) о текущем моменте как проявление и защиту мелкобуржуазной распущенности, писал: «Крайне характерно, что у авторов тезисов нет ни звука о значении *диктатуры* пролетариата в *экономической* области жизни. Они говорят только «об организованности» и т. п. Но это признает и мелкий буржуа, чурающийся именно *диктатуры* рабочих в экономических отношениях. Пролетарский революционер никогда не мог бы в такой момент «забыть» об этом «гвозде» пролетарской революции, направленной против хозяйственных основ капитализма» [13].

Диктатура пролетариата используется для того, чтобы путем социалистической национализации важнейших средств производства лишить буржуазию и другие эксплуататорские классы экономического могущества, овладеть командными высотами экономики, создать социалистический уклад экономики, опираясь на который осуществить затем социалистическое преобразование всей экономики общества, обеспечить победу социализма в стране.

Не соответствует действительности выдвинутое в 30-е годы утверждение, что в период перехода СССР от капитализма к социализму хозяйственно-организаторская функция Советского государства находилась лишь в зародышевом состоянии, а серьезное развитие получила лишь после победы социализма.

[12] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 37, стр. 420.
[13] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 312.

Опыт прошлого показывает, что хозяйственно-организаторская функция Советского государства получила широкое развитие сразу же после национализации банков, крупной промышленности, торговли, установления монополии внешней торговли, когда Советское государство стало управлять национализированными предприятиями, осуществлять планирование народного хозяйства. Без широкого развития хозяйственно-организаторской функции Советского государства не могли бы быть проведены ни социалистическая индустриализация страны, ни подготовка условий для социалистического преобразования сельского хозяйства. Конечно, с победой социализма роль хозяйственно-организаторской функции Советского государства еще более возросла. Однако нельзя преуменьшать роль этой функции и в период перехода общества от капитализма к социализму. Без широкого развития хозяйственно-организаторской функции государства диктатуры пролетариата построение экономики социализма и его победа вообще невозможны. Это подтверждено опытом и других стран, вставших на путь социалистического развития.

На опыте СССР Ленин глубоко и всесторонне разработал вопрос о задачах и функциях диктатуры пролетариата. Развивая учение марксизма о рабочем классе как главной общественной силе, призванной и способной построить новое общество, он показал, что организация новых *экономических* отношений между людьми составляет главную и наиболее трудную задачу пролетарской революции. Он настойчиво подчеркивал, что создание *экономики* социализма является важнейшей задачей и важнейшей стороной диктатуры пролетариата.

В. И. Ленин указывал, что в самой диктатуре пролетариата необходимо видеть ее экономическую основу, а вместе с тем и экономическую сторону — прямую связь ее с новым, социалистическим способом производства. Она опирается на новую, общественную собственность на средства производства, выражает и защищает самые существенные, коренные интересы рабочего класса и всех трудящихся масс — их экономические интересы. Диктатура пролетариата, писал Ленин, есть продолжение классовой борьбы в новых формах, есть «классовая борьба победившего и взявшего в свои руки политическую власть пролетариата против побежденной, но не уничтоженной, не исчезнувшей, не переставшей оказывать сопротивление, против усилившей свое сопротивление буржуазии» [14].

Всякая диктатура, указывал Ленин, есть насилие. Диктатура буржуазии есть насилие ее над трудящимися массами. Диктатура пролетариата есть насилие по отношению к свергнутым, но оказывающим упорное сопротивление эксплуататорским классам. Однако диктатура пролетариата не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие. «Экономической основой этого революционного насилия, залогом его жизненности и успеха является то, что пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип обще-

[14] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 377.

ственной организации труда по сравнению с капитализмом. В этом суть» [15].

Важнейшим моментом диктатуры пролетариата Ленин считал союз рабочего класса с крестьянством и другими непролетарскими слоями трудящихся, союз против капитала в целях создания и упрочения социалистического общества.

В условиях, когда политическая власть и важнейшие средства производства находятся в руках народа, государство имеет совершенно иную, чем при капитализме, социальную природу. Здесь оно служит интересам самого народа. Вместе с тем социалистическое государство обладает огромной экономической силой, выполняет в интересах народа многообразные экономические функции.

Экономическая роль и функции социалистического государства отличаются от роли и функций буржуазного государства не только количественно, но и прежде всего качественно, принципиально, так как социалистическое государство выражает и защищает интересы трудящихся, а буржуазное — интересы эксплуататорских классов.

Совершенно несостоятельны настойчивые стремления буржуазных экономистов, теоретиков правых социал-демократов, современных ревизионистов смазать, затушевать глубокое принципиальное отличие социальной природы и экономических функций социалистического государства и капиталистического, свести весь вопрос к количественным различиям в составе этих функций и порядке их реализации.

Пролетарская революция, переход политической власти и средств производства в руки народа устраняет присущие капитализму антагонистические противоречия между производительными силами общества и производственными отношениями людей, между формой, характером производства продуктов и формой, характером присвоения их.

Указанное нами выше изменение взаимоотношений государства и экономики страны, связанное с ростом государственно-монополистического капитализма (превращение государства в собственника более или менее значительной части средств производства, в субъекта хозяйствования), после социалистической революции не только не отменяется, а, наоборот, получает дальнейшее развитие, однако на принципиально иной, чем при капитализме, основе.

В Программе Коммунистической партии СССР, подготовленной под руководством и при активнейшем участии Ленина, принятой VIII съездом (в 1919 г.), записано: «В эпоху начавшегося обобществления экспроприированных у капиталистов средств производства государственная власть перестает быть паразитическим аппаратом, стоящим над производственным процессом; она начинает превращаться в организацию, непосредственно выполняющую функции управления экономикой страны...» [16]

[15] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 13.

[16] «КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК», ч. I. М., 1954, стр. 427.

В. И. Ленин указывал, что в государственном аппарате СССР надо различать два типа учреждений: одни из них выполняют чисто политические функции, функции административного управления, а другие, например существовавший тогда Высший совет народного хозяйства,— функции управления народным хозяйством. Учреждения первого типа, говорил Ленин, со временем отомрут, а учреждения второго типа будут расти, развиваться и крепнуть, заполняя собою всю главнейшую деятельность организованного общества [17].

Для правильного понимания этого вопроса большое значение имеет и неоднократно высказанная Лениным мысль, что после установления диктатуры пролетариата и перехода к строительству социализма у партии, рабочего класса впервые появился совершенно новый для них вид политики — «политики экономики» и что «политика экономики» должна выйти на первый план, занять главное место в их деятельности. В задаче управления государством, подчеркивал Ленин, «преимущественное значение приобретает не политика, а экономика» [18].

На VIII Всероссийском съезде Советов (1920 г.) Ленин говорил: «На трибуне Всероссийских съездов будут впредь появляться не только политики и администраторы, но и инженеры и агрономы. Это начало самой счастливой эпохи, когда политики будет становиться все меньше и меньше, о политике будут говорить все реже и не так длинно, а больше будут говорить инженеры и агрономы... превращайте съезды и совещания не в органы митингования, а в органы проверки хозяйственных успехов, в органы, где мы могли бы настоящим образом учиться хозяйственному строительству» [19].

В резолюции XII съезда РКП(б) (1923 г.) говорится о «господствующей роли государства как собственника и хозяина» главных средств промышленности и транспорта. Советское государство, читаем здесь, является «не только собственником, но и хозяйствующим субъектом в отношении большинства производительных сил промышленности и транспорта и в отношении кредитных средств...» [20]

С победой социализма роль государства как собственника средств производства и главного субъекта хозяйствования еще более возрастает. Между тем и поныне у нас широко распространено мнение, что социалистическое государство является только политической организацией общества, стоящей над общественно-производственными, экономическими отношениями людей, только надстройкой. В действительности же в период перехода общества от капитализма к социализму и в социалистическом обществе государство есть *не только* политическая, но и наиболее широкая *экономическая* организация трудящихся. Утверждать, что Советское государство и государства других стран социализма совершенно не входят в общественно-производственные отношения людей, являются лишь надстройкой над экономическим бази-

[17] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 377—378.
[18] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 130.
[19] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 156—157.
[20] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 690, 692.

сом общества, значит отворачиваться от конкретной действительности, положения, высказанные применительно к государству до XX в. и абсолютно правильные по отношению к нему, автоматически распространять на нынешнюю эпоху, игнорировать изменения в экономической роли и функциях современного государства. Как отмечалось, уже нынешнее капиталистическое государство не является *только* надстройкой над экономикой; как *собственник* части средств производства и *субъект хозяйствования* оно входит в экономическую структуру, базис общества. Тем более это относится к социалистическому государству.

Отметим, что такое понимание вопроса о соотношении государства и экономики ни в какой мере не противоречит учению марксизма-ленинизма о том, что *всякое* государство является политической организацией классов, владеющих средствами производства, и, как таковое, относится к надстройке общества. Речь идет о том, что *современные* государства, особенно социалистические, уже не являются *только* политической организацией, *только* надстройкой.

Игнорирование этого важного обстоятельства приводит к ряду несуразностей в понимании и толковании коренных вопросов политической экономии социализма. Если считать, что социалистическое государство никакой своей стороной не входит в производственные отношения людей, а составляет лишь политическую надстройку над экономикой, то неизбежен вывод, что государственная собственность на средства производства не есть экономическая категория, а всего лишь правовая, юридическая категория, что социалистическое государство вообще не является субъектом хозяйствования, и любое вмешательство социалистического государства в хозяйственную жизнь страны выходит за рамки общественно-производственных отношений людей, есть всего лишь вмешательство политической силы, надстройки в экономику, базис общества. Между тем такой вывод страдает односторонностью, а потому и неправилен.

Никакое производство продуктов невозможно без собственности как определенного *экономического* отношения людей по поводу средств производства и продуктов труда. Общественная, социалистическая собственность на средства производства в обеих ее формах (государственной и колхозно-кооперативной) является прежде всего экономической категорией, а вместе с тем, конечно, и юридической, правовой. При социализме государство выступает как собственник средств производства, составляющих общенародное достояние, держатель этого достояния, как главный субъект хозяйствования и верховный руководитель всей хозяйственной жизни страны. Отношения между социалистическим государством и предприятиями, их объединениями не есть *только* отношения между политической надстройкой, с одной стороны, и различными элементами, звеньями базиса — с другой. Это прежде всего взаимные отношения внутри самого базиса общества, отношения между собственником средств производства, главным субъектом хозяйствования, с одной стороны, и предприятиями, составляющими основную форму организации социалистического производства, основное звено управления этим производством — с другой. Причем само социалистическое

государство как собственник важнейших средств производства и главный субъект хозяйствования является неразрывным звеном всей совокупности общественно-производственных отношений людей, классов, социальных групп общества.

Если социалистическое государство считать *только* политической организацией трудящихся, *только* надстройкой над экономической структурой общества, то отсюда совершенно неизбежен вывод, что социалистическое хозяйство в отличие от всех других систем хозяйства, способов производства вообще не имеет экономического собственника средств производства. А такой вывод является совершенно неверным.

Возьмем, далее, хозяйственный расчет, являющийся, как известно, важнейшим методом социалистического хозяйствования. Он представляет собой определенный принцип, форму, метод *экономических отношений* не только внутри отдельного предприятия и между различными предприятиями, но прежде всего между предприятиями и социалистическим государством как собственником средств производства, составляющих общенародное достояние. Между тем некоторые наши экономисты, особенно усердно отстаивающие мысль, что социалистическое государство есть *только* политическая надстройка над экономическим базисом, так и считают, что включаемые в понятие хозяйственного расчета отношения предприятий и социалистического государства не есть экономические отношения, а представляют собою только отношения предприятий с политической надстройкой. По словам этих экономистов, общественно-производственные, *экономические* отношения при социализме ограничиваются будто бы только отношениями людей внутри предприятия и отношениями между предприятиями; отношения же между государством и предприятиями, государством и работниками не являются экономическими отношениями и составляют область «внеэкономического принуждения». Несостоятельность подобных рассуждений очевидна. Решения социалистического государства по экономическим вопросам имеют силу закона, т. е. принудительный характер, однако главная сила их состоит в том, что государство в своих решениях опирается на общественную собственность на средства производства, на объективные экономические законы социализма.

Социалистическое государство является одновременно и политической, и экономической организацией общества. Соединение в социалистическом государстве двух видов наиболее широкой организации трудящихся — политической и экономической — придает этому государству особую силу и роль. Опора социалистического государства на общественную собственность на средства производства и всю систему производственных отношений социализма обеспечивает особенную прочность и силу его как политической организации. Государство как политическая организация трудящихся, обладающая и силой принуждения, используется обществом для наилучшего решения и экономических задач, стоящих перед ним.

Безраздельное господство общественной, социалистической собственности на средства производства обеспечивает *единство* коренных экономических интересов общества в целом и интересов отдельных

классов трудящихся, социальных групп, коллективов и каждого отдельного члена общества. Государство обеспечивает здесь реализацию основного экономического закона социализма — подчинение производства интересам самих трудящихся, организация производства продуктов в целях наиболее полного, при данном уровне развития производительных сил общества, удовлетворения растущих потребностей общества, всех его членов, в целях всестороннего развития личности каждого человека. *Единство* коренных интересов отнюдь не исключает возможности несовпадения интересов общества в целом и текущих экономических интересов членов общества, принадлежащих к разным классам и социальным группам, возможности неантагонистических противоречий между ними. Социалистическое государство как наиболее широкая, всеобъемлющая политическая и экономическая организация трудящихся выражает и защищает экономические интересы всего общества в целом, увязывает, согласовывает экономические интересы отдельных классов и групп общества — рабочих и крестьян, работников физического труда и умственного, работников квалифицированных и неквалифицированных, экономические интересы общества в целом и коллективов предприятий, интересы общества, коллектива и отдельного работника, экономические интересы населения разных советских республик, разных районов страны.

К числу важнейших экономических задач социалистического государства Ленин относил осуществление принципов социализма: «кто не работает, тот не ест» и «от каждого по способностям, каждому по труду»; обеспечение того, чтобы доля работника в фонде предметов индивидуального потребления соответствовала бы доле его в общественном труде.

Соединение в лице социалистического государства *двух* видов всеобщей организации трудящихся — политической и экономической — обеспечивает *единство* экономического и политического руководства народным хозяйством.

Отстаивая положение марксизма о соотношении экономики и политики, Ленин доказал полную несостоятельность попыток оторвать политику партии, Советского государства от экономики страны, противопоставить их друг другу, несостоятельность толкования Л. Троцким политики как якобы командной силы по отношению к экономике. Всякая политика представляет собой концентрированное выражение экономики, ее обобщение и завершение. Это положение марксизма является верным и в условиях, когда важнейшие средства производства и политическая власть находятся в руках самих трудящихся. Из этого следует, что политика Коммунистической партии, социалистического государства не может быть произвольной, оторванной от реальных, конкретно-исторических условий экономической жизни страны. Только с помощью *своего* государства, осуществляющего определенную *политику*, трудящиеся могут обеспечить удовлетворение своих коренных экономических интересов. В борьбе против Троцкого и Бухарина Ленин показал, что для победы социализма, обеспечения коренных экономических интересов трудящихся первостепенное значение имеет

правильная политика Коммунистической партии, Советского государства, т. е. такая политика, которая обеспечивает ведущую, руководящую роль Коммунистической партии по отношению к рабочему классу и крестьянству, союз рабочего класса с крестьянством, братское содружество всех народов Советского Союза, победу социализма в стране. Подчеркивание решающего значения *политического* подхода, *правильной политики* партии, Советского государства при решении экономических задач нашло яркое выражение в ленинской формуле «первенство политики над экономикой», которую он назвал «азбукой марксизма». Это положение полностью сохраняет силу и в условиях диктатуры пролетариата и приобретает здесь особо важное значение. Без правильного политического подхода к делу пролетариат не удержит своего господства, а следовательно, не сможет решить и своей производственной задачи [21].

Принципы, формы и методы руководства народным хозяйством определяются прежде всего природой собственности на средства производства. Это коренное положение игнорируется и теми буржуазными экономистами, которые признают необходимость вмешательства государства в экономическую жизнь страны, а также правыми социал-демократами и ревизионистами в рядах марксистско-ленинских партий. Происходящее ныне усиление вмешательства буржуазного государства в экономическую жизнь страны они стараются выдать за якобы превращение этого государства в надклассовый орган, направляющий развитие народного хозяйства в интересах «всеобщего благоденствия». Пропагандируемая ныне идеологами этого направления теория «конвергенции», т. е. слияния капитализма и социализма в единую систему хозяйства, представляет собой своеобразную форму апологии капитализма и борьбы с социализмом, диктуемую нынешним соотношением сил социализма и капитализма на мировой арене.

Капитализм, защищать который прямо, открыто становится все более безнадежным делом, наделяется антикоммунистами несвойственными ему чертами социализма, а последний, наоборот,— чертами капитализма; препарированные таким путем обе системы хозяйства объявляются «схожими», идущими к полному «слиянию». Но, как это признают и сами некоторые буржуазные экономисты, по существу речь здесь идет не о «слиянии» капитализма и социализма, а о *поглощении* второго первым. Ведь это и составляет истинную цель всех антикоммунистов.

Упорной борьбой против социализма занимаются представители и другого названного нами направления буржуазной мысли — сторонники так называемого свободного предпринимательства. Свое отрицательное отношение к вмешательству буржуазного государства в экономическую жизнь страны они переносят и на социалистическое государство. Идею регулирования хозяйства автоматическим действием рыночного механизма, конкуренцией буржуазные экономисты этого направления и идущие на поводу у них правые социалисты, ревизионисты настойчиво стараются навязать и социалистическим странам.

[21] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 279.

Путем дискредитации идеи централизованного руководства социалистическим хозяйством со стороны государства они хотят подорвать доверие трудящихся масс, прогрессивных людей всего мира к социализму.

Централизованное руководство народным хозяйством объявляется ими неизбежно произвольным руководством, чисто административным, принудительным и *противопоставляется* руководству путем экономических методов, с использованием материальной заинтересованности людей. Например, советская экономика ставится в один ряд с хозяйством рабовладельческого и феодального обществ, с тоталитарным хозяйством фашистов и квалифицируется как якобы разновидность «центрально-управляемого хозяйства», основанного на внеэкономическом принуждении, исключающего экономическую рациональность и эффективность. Разновидностью этой антикоммунистической клеветы является характеристика социалистической экономики как якобы «командной экономики», управляемой сверху произвольно, чисто административными методами, приказами. Буржуазные экономисты этого направления стараются навязать социалистическим странам отказ от централизованного руководства народным хозяйством, переход к хозяйству со свободным действием «экономических сил рынка». Подлинный социализм, существующий в СССР и в других странах, они хотят заменить другим — фальшивым «социализмом», который они называют «либеральным», «конкурентным», «рыночным социализмом».

Настойчивое стремление буржуазных экономистов-антикоммунистов дискредитировать идею централизованного руководства социалистическим народным хозяйством рассчитано, как и теория «конвергенции» капитализма и социализма и другие теории современных антикоммунистов, на постепенную эрозию идеологии научного коммунизма, а эрозия идеологии научного коммунизма рассматривается в свою очередь как верный путь к разложению социалистической системы хозяйства, «трансформации» ее в капиталистическую. Тот факт, что к делу дискредитации идеи централизованного руководства социалистическим народным хозяйством активно подключились не только теоретики правой социал-демократии, но и правые оппортунисты в рядах некоторых коммунистических, рабочих партий, показывает, что расчет антикоммунистов свалить социализм «мирным путем» требует к себе пристального внимания со стороны марксистско-ленинских партий и систематического разоблачения. Стало ясно, что в экономическом соревновании двух мировых систем шансы капитализма на победу все более слабеют. В этих условиях идеологи буржуазии, их подголоски из рядов оппортунистов все больше делают ставку на отравленное оружие лжи и клеветы.

Квалификация антикоммунистами социалистической экономики как якобы «командной», «центрально-управляемой» с помощью приказов является несостоятельной. Как известно, централизованное руководство хозяйством со стороны социалистического государства сочетается с широкой самостоятельностью мест и предприятий, с активным участием широких масс трудящихся в решении вопросов руководства хозяйством.

Понимание социалистического хозяйства как крупного хозяйства, регулируемого из единого центра, составляет одно из коренных отличий марксизма-ленинизма от анархизма, синдикализма и других видов мелкобуржуазного социализма. Идеологи последнего представляют послекапиталистическое хозяйство как слабо связанную сумму отдельных, совершенно независимых, вполне самостоятельных хозяйств. Иначе рисовали социалистическое хозяйство классики научного коммунизма. «*Национальная централизация средств производства*,— писал Маркс,— станет национальной основой общества, состоящего из объединения свободных и равных производителей, занимающихся общественным трудом по общему и рациональному плану» [22]. Без централизованного планового руководства всей экономикой страны невозможны ни построение социалистического общества, ни существование его и постепенное перерастание в коммунистическое. Построение социализма, писал Ленин, «это есть построение централизованного хозяйства, хозяйства из центра» [23].

Необходимость централизованного руководства народным хозяйством со стороны государства, планирования всего народного хозяйства и управления государственными предприятиями обусловлена тем, что социалистическое хозяйство представляет собой весьма высокую ступень обобществления производства, еще более широкую и развитую, чем при капитализме, взаимосвязь, взаимообусловленность огромного числа самых различных отраслей производства. *Возможность* же централизованного руководства всем народным хозяйством при социализме обусловлена тем, что средства производства составляют здесь общественную собственность. «Крупная машинная индустрия — т. е. именно материальный, производственный источник и фундамент социализма — требует безусловного и строжайшего *единства воли*, направляющей совместную работу сотен, тысяч и десятков тысяч людей. И технически, и экономически, и исторически необходимость эта очевидна, всеми думавшими о социализме всегда признавалась как его условие» [24], — писал Ленин. «Социализм немыслим... без планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов. Об этом мы, марксисты, всегда говорили, и с людьми, которые *даже* этого не поняли (анархисты и добрая половина левых эсеров), не стоит тратить даже и двух секунд на разговор» [25].

В. И. Ленин подчеркивал, что национализированные Советской властью предприятия представляют общенародное достояние, а попытки коллективов отдельных национализированных предприятий рассматривать последние как свою собственность, равно и предложение так называемой рабочей оппозиции передать национализированные

[22] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 18, стр. 57.
[23] *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 422.
[24] *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 200.
[25] Там же, стр. 300.

предприятия в управление профсоюзам квалифицировал как измену марксизму, социализму, как вредный и опасный анархо-синдикализм.

В. И. Ленин выдвинул и научно обосновал *принцип демократического централизма* в хозяйствовании как сочетания централизованного руководства народным хозяйством и самого широкого, активного участия трудящихся масс в обсуждении и решении вопросов хозяйственной жизни. Он настойчиво подчеркивал, что именно сочетание обоих этих моментов и составляет демократический централизм как основной принцип руководства народным хозяйством. «Коммунизм требует и предполагает наибольшую централизацию крупного производства во всей стране. Поэтому общероссийскому центру безусловно надо дать право подчинять себе непосредственно все предприятия данной отрасли. Областные центры свои функции определяют в зависимости от местных, бытовых и прочих условий, согласно общепроизводственным указаниям и решениям центра.

Отнять право у всероссийского центра подчинять себе непосредственно все предприятия данной отрасли во всех концах страны... было бы областническим анархо-синдикализмом, а не коммунизмом» [26].

Столь же настойчиво Ленин предостерегал и от опасности бюрократического извращения централизованного руководства хозяйством, забвения другой стороны демократического централизма — простора для самостоятельной хозяйственной деятельности, для инициативы мест, предприятий. «Надо ясно понять, как далеко отличается демократический централизм, с одной стороны, от централизма бюрократического, с другой стороны — от анархизма» [27].

Принцип демократического централизма в руководстве народным хозяйством нельзя сводить только к административным методам руководства или только к экономическим методам. Демократический централизм осуществляется путем *сочетания* этих методов.

Административные методы руководства хозяйством — это руководство путем прямых указаний, заданий вышестоящих органов управления нижестоящим, причем эти указания государственной власти, ее задания имеют директивный, принудительный характер, обязательны для исполнения.

Экономические методы руководства хозяйством — это руководство посредством использования материальной заинтересованности работников, коллективов предприятий в результатах своего труда. Они предполагают значительную хозяйственно-оперативную самостоятельность предприятий, их объединений, возможность широкого проявления ими хозяйственной инициативы, прямые рыночные связи между предприятиями, осуществляемые в рамках планового руководства народным хозяйством страны. Другой неразрывной стороной хозяйственно-оперативной самостоятельности предприятий, объединений является *ответственность* их за вверенные им обществом средства производства и эффективное их использование.

[26] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 392.
[27] Там же, стр. 151.

Никакое государственное руководство народным хозяйством невозможно без применения административных методов. Их применяют и современные капиталистические государства в мероприятиях, направленных на регулирование народного хозяйства вообще и в своих отношениях с национализированными предприятиями. Административные методы особенно широко применяются в тех отраслях производства, где буржуазное государство является монопольным собственником средств производства (в нынешней Франции, например, железные дороги, электричество, газ). Напротив, в тех отраслях производства, в которых буржуазное государство является собственником сравнительно незначительной части средств производства, а бо́льшая часть их остается в руках капиталистических монополий, административные методы применяются в неограниченных размерах, и национализированные предприятия пользуются весьма широкой хозяйственной самостоятельностью, без которой они не могли бы успешно конкурировать с частными монополиями. В таком положении находится, например, государственное автомобильное предприятие Рено во Франции.

В государственном руководстве социалистическим хозяйством административные методы сочетаются с экономическими, существуют неразрывно и тесно переплетаются друг с другом. Скорее можно говорить о *преобладании* одного из них в тот или иной период исторического развития практики руководства народным хозяйством. Ведь даже само применение экономических методов руководства предприятиями со стороны государства предполагает соответствующие административные мероприятия государства.

Абсолютное противопоставление названных двух методов руководства является поэтому неоправданным. Экономические методы руководства можно и следует противопоставлять не вообще административным методам, а *голому администрированию*, совершенно оторванному от экономических методов.

Административные методы руководства народным хозяйством нельзя просто отождествлять с господством произвола, волюнтаризмом в руководстве, хотя, конечно, эти методы более всего таят в себе возможность и опасность таких извращений. Административные методы руководства могут быть и научно обоснованными, опирающимися на познанные объективные экономические законы социализма, и субъективными, не оправданными реальными условиями жизни, не опирающимися на них.

В. И. Ленин признавал огромное значение административных методов в руководстве народным хозяйством. Вместе с тем он предупреждал против опасности переоценки этих методов, требовал научной обоснованности их и соединения, сочетания с экономическими методами. Он настойчиво подчеркивал, что чисто административными велениями, одними декретами Советской власти социализм и коммунизм строить и построить нельзя, что живой социализм и коммунизм есть дело рук самих рабочих и крестьян, результат их активной и сознательной деятельности под руководством Коммунистической партии и

 Советского государства. «Живое творчество масс,— говорил Ленин,— вот основной фактор новой общественности... Социализм не создается по указке сверху. Его духу чужд казенно-бюрократический автоматизм; социализм живой, творческий, есть создание самих народных масс» [28].

В. И. Ленин показал, что социалистическая революция, освободив трудящихся от эксплуатации и всякого гнета, сделав труд свободным, превратив его в труд на себя, на свое общество, тем самым открыла путь для появления и роста совершенно нового отношения людей к труду — *моральных* стимулов к труду, что находит свое выражение в широком размахе социалистического соревнования.

Вместе с тем Ленин выдвинул и глубоко обосновал идею о решающей роли *материальных* стимулов к труду для всего строительства социализма и коммунизма, для практики социалистического хозяйствования. Признание первостепенной роли материальных, экономических интересов во всей общественной жизни людей — одно из важнейших положений исторического материализма, созданного Марксом и Энгельсом. Производственные отношения всякого общества, писал Энгельс, находят свое выражение прежде всего в экономических интересах. Это положение распространяется и на период перехода общества от капитализма к социализму, и на социалистическое общество, перерастающее в коммунистическое.

Маркс и Энгельс исходили из того, что при социализме будет осуществлена всеобщность труда по принципу: «кто не работает, тот не ест», а продукты индивидуального потребления будут распределяться в соответствии с трудом, затраченным каждым работником.

До пролетарской революции и практики социалистического хозяйствования это положение могло быть выдвинуто, естественно, лишь в общей форме, как общий принцип социалистического хозяйствования. Учитывая опыт СССР в первые годы после Октябрьской революции, Ленин показал, что строить социализм и коммунизм можно и нужно не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете. Он показал теоретическую несостоятельность уравнительного распределения продуктов как мелкобуржуазной идеи и крайнюю вредность, опасность ее для практики социалистического хозяйствования. Распределение должно служить задаче роста производства. «Когда речь идет о распределении продовольствия, думать, что нужно распределить только справедливо, нельзя, а нужно думать, что это распределение есть метод, орудие, средство для повышения производства» [29].

В. И. Ленин вскрыл несостоятельность утверждения Троцкого, что в области потребления трудящихся нужно вести линию уравнительности, а в области производства держаться принципа ударности. Такое толкование вопроса, отмечал Ленин, есть разрыв потребления с произ-

[28] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 57.
[29] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 359.

водством, «абсурд экономический» [30]. «Ударность есть предпочтение, а предпочтение без потребления ничто... Предпочтение в ударности есть предпочтение и в потреблении. Без этого ударность — мечтание, облачко, а мы все-таки материалисты» [31].

В борьбе с «левыми коммунистами», троцкистами Ленин доказал необходимость применения на национализированных предприятиях сдельных форм оплаты труда, системы премирования работников за лучшие показатели, необходимость при оплате работника принимать во внимание результат труда не только его самого, но и всего коллектива предприятия, в котором он работает.

В. И. Ленин указывал, что для строительства социализма необходимо широко использовать рынок, торговлю, товарно-денежные отношения. Он исходил из того, что в условиях, когда решающие средства производства и политическая власть находятся в руках самого народа, товар, деньги, заработная плата, прибыль имеют иное социальное содержание, играют другую роль, чем при капитализме. Товар государственных предприятий уже не является продуктом частного труда. Прибыль этих предприятий есть денежная форма прибавочного продукта, который идет не капиталистам, а трудящимся, на их общие нужды. Государственный план и рынок не исключают друг друга, а вполне совместимы при ведущей, направляющей роли плана.

В. И. Ленин первый доказал, что государственные предприятия СССР должны работать на основе хозяйственного расчета, т. е. возмещать свои затраты и получать прибыль.

Он широко разработал вопрос о социалистическом планировании народного хозяйства, о необходимости планирования, его важнейших принципах, формах и методах (адресность плана и его директивный характер, сочетание текущих и перспективных планов, проверка выполнения планов и др.).

Таким образом, в работах Ленина содержатся не только защита и дальнейшее развитие самой идеи марксизма о необходимости государственного руководства народным хозяйством в условиях господства общественной собственности на средства производства, но и научное обоснование основных направлений этого руководства, его важнейших принципов, форм и методов.

Государственное руководство должно обеспечить наиболее полную реализацию преимуществ социалистической системы народного хозяйства, планомерный и быстрый рост производства в целях все более полного удовлетворения растущих потребностей общества, всех его членов, в целях укрепления обороноспособности страны и всех стран социалистического содружества. Рынок, торговля, товарно-денежные отношения, прибыль являются здесь экономическими рычагами, с помощью которых общество осуществляет свое хозяйствование. Планомерное централизованное руководство народным хозяйством требует широкого использования рынка, товарно-денежных отношений, которые

[30] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 301.
[31] Там же, стр. 212.

имеют здесь иную социальную природу, играют иную роль, чем в условиях капитализма.

КПСС исходит из необходимости сочетания плана и рынка. Еще XII съезд ВКП(б) (1923 г.) обратил внимание на опасность как замены регулирующей работы рынка «административными мероприятиями, для которых живой хозяйственный опыт еще не создал необходимой опоры», так и попыток решения «хозяйственных вопросов неэкономными методами рынка и в тех случаях, когда своевременное административно-хозяйственное вмешательство могло бы достигнуть тех же результатов в более короткий срок и с меньшей затратой сил и средств» [32].

Богатый опыт социалистического хозяйствования в СССР и других социалистических странах подтвердил правильность и великую силу учения Ленина о необходимости государственного руководства народным хозяйством, о направлениях, формах, методах этого руководства.

Опыт, практика показали, что учение Ленина о руководстве народным хозяйством, о принципах, формах и методах социалистического хозяйствования, выработанное им применительно к задачам построения социалистического общества, полностью сохраняет силу, значение и для самого социалистического общества на всех этапах его развития.

Верность КПСС и руководящих партий других стран социалистического содружества ленинским принципам руководства народным хозяйством, творческий подход к учению Ленина, развитие этого учения применительно к изменяющимся условиям и задачам обеспечили и обеспечивают успешность борьбы трудящихся СССР и других стран за социализм и коммунизм, высокую эффективность социалистического хозяйствования. И наоборот, отказ от ленинских принципов, методов руководства народным хозяйством неизбежно ведет к печальным результатам.

Практика государственного руководства развитием народного хозяйства в социалистических странах опирается на общественную собственность на средства производства, на всю систему производственных отношений социализма, а в научном отношении — на экономическую теорию социализма и коммунизма, которая ныне выступает как *политическая экономия социализма.* Последняя представляет собою *новый* раздел марксистско-ленинской политической экономии в широком смысле слова.

Политическая экономия социализма изучает объективные законы, принципы, формы и методы строительства экономики социализма, общественно-производственные отношения людей в период перехода общества от капитализма к социализму и в социалистическом обществе, законы производства, распределения, обмена и потребления материальных благ в этих обществах, законы, принципы, формы и методы социалистического хозяйствования, законы перерастания экономики социализма в экономику коммунизма.

[32] «КПСС в резолюциях...», ч. I, стр. 691.

Экономические законы социализма, как и всякого другого общественного способа производства, являются объективными, не зависят от сознания и воли людей в том смысле, что они не создаются самими людьми, не выбираются ими в порядке предпочтения одних законов перед другими, а определяются характером, формой собственности на средства производства, содержанием самих производственных отношений людей в условиях господства общественной собственности.

Экономические законы социализма выражают собой отношения товарищеского сотрудничества и взаимопомощи людей, свободных от эксплуатации, работающих совместно, в условиях крупного машинного производства.

В отличие от законов капитализма, действующих стихийно, «за спиной производителей» (Маркс), экономические законы социализма познаются людьми и сознательно, планомерно используются ими в интересах общества, в интересах самих трудящихся. В раскрытии объективных законов социализма, конкретных способов сознательного использования их обществом огромную роль играет экономическая наука. Марксизм-ленинизм соединяет в себе, с одной стороны, признание объективной закономерности общественной жизни, обусловленности ее действием законов, не зависящих от сознания и воли людей, с другой — признание огромной роли сознательной деятельности людей, классов, всего общества в направлении, определяемом действием объективных законов. Хозяйственная жизнь социалистического общества осуществляется тем эффективнее, чем правильнее и глубже познаются объективные экономические законы социализма, механизм их действия и чем полнее, последовательнее общество использует эти законы в практике хозяйственной деятельности.

Как было сказано выше, социалистическое государство, являясь собственником важнейших средств производства и главным субъектом хозяйствования, в этом своем качестве не стоит над общественно-производственными отношениями людей, а входит в систему самих отношений. Деятельность социалистического государства по планированию народного хозяйства, управлению им, имея *политический* характер, является вместе с тем *экономической деятельностью*, осуществляемой в рамках *социалистической кооперации труда* в масштабе всей страны. Она составляет неразрывное и первостепенное звено всего механизма действия экономических законов социализма.

В советской печати было высказано утверждение, что при социализме объективными, т. е. не зависящими от сознания и воли людей, являются не только сами экономические законы, но и механизм действия этих законов, что механизм действия экономических законов социализма и деятельность общества, государства по сознательному использованию этих законов — совершенно разные вопросы: механизм действия экономических законов — область исключительно объективного порядка, а использование законов обществом — область субъективной деятельности [33].

[33] См. «Экономические науки», 1969, № 7, стр. 19—20.

Нам представляется, что такое толкование вопроса является своего рода фетишизацией экономических законов социализма. Механизм действия экономических законов социализма определяется как содержанием самих законов, так и конкретно-историческими условиями их действия. Эти условия в разных странах и на разных этапах экономического развития одной и той же страны могут быть различными. В этом смысле механизм действия экономических законов социализма объективен. Однако в отличие от механизма действия экономических законов капитализма, складывающегося стихийно, в процессе рыночной конкуренции, механизм действия экономических законов социализма формируется планомерно, сознательно, с учетом сущности самих законов и конкретных условий, в которых они действуют.

В выявлении, определении механизма действия экономических законов социализма огромную роль играет государство, т. е. сознательная, планомерная деятельность общества. Марксистско-ленинская партия, в условиях социализма являющаяся ведущей, направляющей силой развития всей жизни общества, в том числе и экономической, учитывая конкретные условия, опыт масс, заботится о совершенствовании механизма действия экономических законов, без чего невозможно и само эффективное использование этих законов. В формировании механизма действия экономических законов социализма большое значение имеет сознательная деятельность людей, планомерная деятельность государства. Общественно-производственные отношения людей при социализме управляются объективными законами, но в отличие от капитализма они находятся здесь и под контролем самого общества.

В качестве примера можно привести огромную роль социалистического государства в определении конкретных форм и механизма действий экономического закона распределения по труду, механизма действия закона стоимости в ценообразовании и т. д.

В противоположность «левым» оппортунистам, считающим политику, государство «командной силой» в отношении экономики и принципиально отвергающим экономические методы, рычаги в руководстве народным хозяйством, правые оппортунисты вообще отрицают руководящую роль социалистического государства в отношении экономики, считают, что регулирование социалистической экономики может и должно осуществляться главным образом автоматическим действием рынка, конкуренцией, при минимальном вмешательстве государства. По существу это близко к концепции так называемого рыночного социализма, проповедуемой буржуазными экономистами неолиберального направления. Такой точки зрения придерживаются многие югославские экономисты и ряд экономистов Чехословакии, в частности в последние годы известный чехословацкий экономист О. Шик.

Шик требовал «отделить» экономику от государства, дать простор конкуренции. Предполагался полный отказ от директивного планирования, превращение планов лишь в «ориентировочные материалы» по примеру хозяйственных «планов» капиталистических государств.

В «программу» Шика и его единомышленников входили также отмена монополии внешней торговли, отрыв Чехословакии от содружества социалистических стран и переориентация ее на капиталистический Запад, включение страны в стихию капиталистической мировой системы хозяйства.

Этой же цели была подчинена и политическая программа Шика — отказ от руководящей роли Коммунистической партии, превращение ее в дискуссионный клуб как путь к коренному изменению всего политического строя страны, реставрации буржуазного государства со свободной игрой противоборствующих сил.

Сочетание централизованного руководства народным хозяйством с широкой самостоятельностью, хозяйственной инициативой мест, предприятий, административных и экономических методов руководства представляет собой общий принцип социалистического хозяйствования. Конкретные формы реализации этого принципа зависят от многих условий, которые различны в разных странах и изменяются на разных этапах развития одной и той же страны.

В первые месяцы после Октябрьской революции руководство хозяйством в нашей стране осуществлялось — в соответствии с ленинскими принципами хозяйствования — при широком применении экономических методов. Однако в годы гражданской войны и интервенции суровая обстановка заставила довести до крайности чисто административные методы и свести к минимуму экономические методы руководства. После окончания гражданской войны с переходом от политики «военного коммунизма» к нэпу (1921 г.) промышленные предприятия получили значительную хозяйственно-оперативную самостоятельность, имели широкие рыночные связи между собой и с населением. К концу 20-х годов положение изменилось. Крайняя сложность задач индустриализации страны, необходимость решать их только своими ограниченными финансовыми средствами и в максимально короткий срок, выявившаяся в 30-х годах прямая угроза военного нападения империалистов на первую страну социализма требовали жесткой централизации руководства и широкого применения административных методов руководства в ущерб экономическим. Самостоятельность предприятий была резко сужена, как и роль рынка, товарно-денежных отношений; хозяйственный расчет предприятий в значительной степени стал формальным. В годы Великой Отечественной войны советского народа все хозяйство страны было подчинено задаче обороны, и чисто административные методы руководства хозяйством стали, естественно, преобладающими. Такое положение сохранялось и после окончания Отечественной войны, когда нужно было восстанавливать разрушенное хозяйство страны.

Таким образом, имевшие место в отдельные периоды жизни нашей страны крайности централизованного руководства народным хозяйством — преобладание чисто административных методов руководства за счет экономических — объясняются, вопреки утверждениям антикоммунистов, отнюдь не сущностью, не природой самого социалисти-

ческого способа производства и не сплошным проявлением субъективизма, волюнтаризма в практике руководства (хотя, конечно, роль субъективных ошибок полностью отрицать нельзя), а объективными условиями жизни нашей страны, из которой более 20 лет приходилось на войны и восстановление хозяйства.

В 60-е годы стало ясно, что гигантский рост производительных сил страны, назревшие задачи перехода от преимущественно экстенсивного типа хозяйства к интенсивному требуют решительного повышения качества руководства народным хозяйством, серьезного совершенствования практики планирования и управления.

В соответствии с решениями мартовского и сентябрьского (1965 г.) пленумов ЦК КПСС, подтвержденными XXIII съездом партии, в СССР проводится хозяйственная реформа. Как и в других странах социализма, где ныне осуществляются реформы планирования и управления хозяйством, в СССР хозяйственная реформа направлена на дальнейшее повышение эффективности общественного производства путем наиболее полного использования громадных возможностей социалистической системы хозяйства, ее преимуществ.

Реформа осуществляется на основе ленинских принципов и методов хозяйствования, развитых Коммунистической партией СССР, марксистско-ленинскими партиями других стран социализма. Поставлена задача усилить научную обоснованность планов, в планировании и руководстве хозяйством больше учитывать действие объективных экономических законов, устранить проявления субъективизма, произвольные изменения пропорций в развитии отдельных отраслей, слабое обоснование отдельных хозяйственных решений. Усиливаются роль экономического стимулирования производства, значение товарно-денежных отношений. Осуществляется постепенный переход к плановому распределению оборудования, материалов и полуфабрикатов путем оптовой торговли.

Реформа должна обеспечить правильное сочетание централизованного планового руководства с развитием хозяйственной инициативы и самостоятельности промышленных предприятий. XXIII съезд партии указал на необходимость строго и последовательно соблюдать принципы социалистического хозяйствования, не допускать необоснованной регламентации хозяйственной и финансовой деятельности предприятий.

В мероприятиях хозяйственной реформы важную роль играет *совершенствование* централизованного руководства хозяйством. Поставлена задача сосредоточить его в первую очередь на совершенствовании основных народнохозяйственных пропорций, улучшении размещения производства и комплексном развитии экономических районов; обеспечении высоких темпов производства и поставок важнейших видов продукции; проведении единой государственной политики в области технического прогресса, капитальных вложений, оплаты труда, цен, прибыли, финансов и кредита; экономическом контроле за эффективным использованием производственных фондов, трудовых, материальных и природных ресурсов.

В. И. ЛЕНИН
Петроград, январь 1918 г.

Результаты реформы подтвердили правильность идей, лежащих в ее основе, эффективность осуществляемых мероприятий. Вместе с тем опыт первых лет реформы показывает, что имеющиеся в социалистической системе народного хозяйства огромные возможности используются пока еще далеко не достаточно.

Реформа рассчитана на проведение системы тесно связанных между собой мероприятий, и ее полный эффект возможен только при их комплексном осуществлении. Между тем практика показывает, что необходимая комплексность пока еще не достигнута, а ряд важнейших мероприятий, предусмотренных реформой, остается еще неосуществленным.

Исключительно важным элементом реформы является задача освобождения предприятий от мелочной опеки сверху — со стороны главков, министерств, плановых органов, предоставления предприятиям хозяйственно-оперативной самостоятельности в рамках общих принципов, форм и методов социалистического хозяйствования и, соответственно, усиление ответственности предприятия за предоставленные ему государством материальные средства. Признано, что предприятия должны сами составлять свой производственный план на основе получаемых сверху контрольных цифр по капитальному строительству, а производственные планы предприятий, составленные на пятилетие и на год, должны служить основой для составления планов отрасли и всего народного хозяйства. Между тем это важное звено реформы остается пока что нереализованным.

Переход от строго централизованного посредством нарядов материально-технического снабжения предприятий к плановому распределению средств производства путем оптовой торговли осуществляется довольно медленными темпами. Между тем рыночная форма приобретения предприятием средств производства, т. е. путем самостоятельной покупки их предприятием-потребителем у предприятия-производителя, рыночная форма реализации произведенной продукции, т. е. продажа ее потребителю, имеет огромное значение в замене чисто административных методов руководства народного хозяйства экономическими методами. Важнейшим условием успешности работы предприятия является длительная, устойчивая связь его с предприятиями-поставщиками и предприятиями-потребителями. Предприятие должно иметь возможность в нужные сроки приобретать именно то, что ему необходимо. Это могут обеспечить только прямые рыночные, торговые связи между предприятиями. Разумеется, рыночные связи не должны быть стихийными, вызывать конкурентную борьбу между предприятиями. В установлении длительных и устойчивых связей между предприятиями-поставщиками и предприятиями-потребителями значительная роль принадлежит планирующей деятельности объединений предприятий, главков, министерств.

Главным препятствием к широкому переходу от централизованного снабжения предприятий по нарядам к планируемому распределению машин и оборудования, сырья, топлива и других средств производства путем оптовой торговли, договорных отношений, прямых и длительных

хозяйственных связей между предприятиями изготовителями и потребителями продукции считается дефицитность средств производства в народном хозяйстве страны. И это верно, однако с существенными оговорками. Дефицитность средств производства отнюдь не является неизбежным спутником социалистической системы народного хозяйства, равно как и отставание производства предметов потребления от платежеспособной потребности, спроса на них. Дефицитность обусловливается конкретно-историческими условиями, в которых протекает социалистическое хозяйствование в нашей стране, в том числе необходимостью отвлекать значительную часть общественного продукта на нужды обороны страны. Определенную роль играют при этом недостатки планирования народного хозяйства при прежней, дореформенной системе, приведшие к отсутствию необходимых отраслевых пропорций в хозяйстве. Система строго централизованного материально-технического снабжения предприятий посредством нарядов сама по себе часто ведет к образованию излишних запасов продуктов, предназначенных служить средствами производства, на одних предприятиях, и, соответственно, напряженному положению с ними на других. Иначе говоря, резервы средств производства в стране есть, но размещены они не совсем рационально.

Касаясь проблем воспроизводства общественного продукта в условиях послекапиталистического общества, Маркс указывал, что этому обществу необходимо будет иметь «постоянное относительное перепроизводство» основных фондов, сырья, других предметов труда, а также предметов потребления. При капитализме, писал Маркс, относительное перепроизводство продуктов является одним из элементов анархии, при социализме же оно будет равнозначно «контролю общества над материальными средствами его собственного воспроизводства»[34]. Наличие хозяйственных резервов Коммунистическая партия Советского Союза всегда считала одним из условий эффективного планирования народного хозяйства.

В деле совершенствования практики хозяйственных взаимоотношений между государством и предприятиями и между самими предприятиями большая роль принадлежит объединениям предприятий: комбинатам, фирмам, трестам, территориально-производственным объединениям и др. Практически задача широкого создания таких объединений пока еще не получила решения.

Наряду с поставленной реформой задачей проведения на государственных предприятиях СССР полного хозяйственного расчета требуют решения задачи распространения хозрасчетного метода и на высшие звенья хозяйственного руководства.

Главные управления ряда министерств СССР переводятся ныне на хозяйственный расчет. Это значит, что из органов, только отдающих предприятиям административные распоряжения и материально не отвечающие за их эффективность, главки превращаются в оперативные органы, материально заинтересованные в лучших результатах работы

[34] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 24, стр. 533.

подведомственных им предприятий и материально ответственные за недостатки своей деятельности как руководителя данной отрасли производства.

Все больше сторонников находит идея перевода на хозяйственный расчет целых министерств. Кстати сказать, сама идея перевода экономических главков и министерств на хозяйственный расчет является яркой иллюстрацией несостоятельности утверждения, что социалистическое государство есть будто бы только политическая организация общества, только надстройка, возвышающаяся над экономической структурой общества.

Одной из центральных задач хозяйственной реформы является обеспечение широкого простора для технического прогресса. Основная масса капитальных вложений в народное хозяйство остается в компетенции государства, в функцию которого входит и организация научных исследований, технического прогресса. Вместе с тем существующие предприятия получили возможность более самостоятельно, чем это было до реформы, решать и вопросы технического развития своего производства.

Расширение хозяйственно-оперативной самостоятельности предприятий, учет запросов потребителей требует более гибкой политики цен при обеспечении единых принципов ценообразования, единой для всей страны политики цен.

В практике государственного руководства социалистическим народным хозяйством плановое руководство ценообразованием занимает большое и важное место. Проведенная недавно в СССР реформа оптовых цен в промышленности — лишь начало в системе мероприятий, предусматриваемых общей хозяйственной реформой. Установление цен составляет функцию государственных органов, но она осуществляется государственными органами разной ступени — общесоюзными, республиканскими, областными и другими местными органами — в зависимости от подчинения предприятий, производящих продукцию. Цены на определенные виды продукции устанавливаются министерствами, а на некоторые — самими предприятиями (по разовым заказам).

В области ценообразования заслуживает внимания опыт других социалистических стран, например Венгрии, где хозяйственная реформа включает применение разных видов цены на разные группы товара: 1) твердые цены (на важнейшие предметы потребления и средства производства); 2) максимальные цены (в качестве которых признаны цены, существовавшие до реформы); 3) лимитные цены (устанавливаемые по соглашению между продавцом и покупателем, но не выше и не ниже установленных государством предельных величин); 4) свободные цены (устанавливаются по соглашению сторон).

Хозяйственная реформа — живой и творческий процесс, в котором намеченные конкретные мероприятия проверяются жизнью, практикой. Практика показывает, что реформа в целом себя оправдывает и эффективна. Вместе с тем становится ясным, что отдельные конкретные

8*

мероприятия реформы (например, методы материального стимулирования высоких темпов роста производства на предприятиях, методы стимулирования технического прогресса) нуждаются в дальнейшем совершенствовании.

Необходим более широкий обмен опытом по реформам в разных странах. Принципиально одинаковое понимание экономической роли государства, принципов, форм, методов хозяйствования в большинстве стран, где ныне проводятся хозяйственные реформы, отнюдь не исключает различий в конкретных формах осуществления реформ в разных странах.

Имеются, например, более или менее значительные различия в количестве и составе плановых показателей, спускаемых предприятиям сверху, в составе платежей предприятий в государственный бюджет, в порядке материально-технического снабжения предприятий, планирования цен, в механизме стимулирования технического прогресса и т. д.

Конкретные задачи, которые в одних странах продолжают решаться преимущественно прямыми административными методами, в других в большей или меньшей степени решаются уже с помощью косвенных, экономических рычагов. Изучение опыта хозяйственных реформ в различных странах социализма, учет всех достижений и недостатков имеют большое значение для совершенствования реформы в каждой отдельной стране. Игнорирование опыта других стран столь же вредно, как и механическое копирование его, без учета конкретных условий, в которых осуществляется реформа.

Опыт показывает, что для успехов социалистического хозяйствования необходимо прежде всего теоретическое, принципиальное признание ведущей роли централизованного планового руководства хозяйством в сочетании с широкой самостоятельностью, инициативой местных организаций, предприятий; необходимо признание сочетания административных и экономических методов руководства. Одного принципиального признания этого, однако, далеко не достаточно. Практическая реализация ленинского принципа демократического централизма, сочетание планового руководства и рынка, товарно-денежных связей не осуществляются самотеком, автоматически, а являются результатом активной деятельности, правильной экономической политики партии и государства. Необходимо как правильное теоретическое понимание вопросов социалистического хозяйствования, так и умение правильно применить общие принципы хозяйствования к конкретным хозяйственным задачам, к конкретным условиям решения этих задач.

Нельзя не видеть того, что, кроме факторов объективного характера, которые тормозят ныне последовательное проведение в жизнь хозяйственной реформы в том объеме мероприятий и в том направлении, которые определили сентябрьский Пленум ЦК КПСС 1965 г. и XXIII съезд партии, существуют и факторы субъективного характера — нежелание, боязнь части работников нашего хозяйственного аппарата

отказаться от старых, преимущественно административных методов руководства хозяйством и перейти к экономическим методам, настоятельно диктуемым условиями хозяйственной жизни.

В теоретическом плане позиция этих хозяйственников подкрепляется упорным отрицанием некоторыми нашими экономистами товарного характера производства при социализме, действия закона стоимости, которые здесь, конечно, имеют иное социальное содержание и роль, чем в условиях господства частной собственности на средства производства.

Экономисты, отрицающие товарный характер производства, действие закона стоимости при социализме, по существу отрицают необходимость экономических методов руководства хозяйством, стремятся ограничиться преимущественно административными методами. Ведь закон стоимости есть закон возмещения затрат; без признания действия этого закона при социализме и без планомерного использования его невозможны экономические методы руководства хозяйством, материальное стимулирование производства. Не случайно поэтому экономисты, отрицающие товарное производство, закон стоимости при социализме, нынешнюю реформу рассматривают обычно весьма ограниченно. Например, они боятся реальных шагов от чисто административных методов снабжения предприятий средствами производства к планомерному распределению их путем оптовой торговли, боятся прямых связей предприятий, рассуждая по принципу: «как бы чего не вышло».

Отрицание товарного характера производства, действия закона стоимости при социализме представляет собой яркий образец догматического, начетнического отношения к теории марксизма-ленинизма, отворачивания от живой жизни, забвения того, что, как говорили сами творцы научного коммунизма, их теория не есть догма, а руководство к действию. Отрицание закона стоимости, роли рынка, товарно-денежных отношений, экономических методов, без которых невозможно эффективное централизованное руководство хозяйством, есть своеобразное проявление «левачества» в экономической науке.

Несостоятельными являются взгляды и некоторой другой части наших экономистов, которые, правильно признавая товарный характер производства, действие закона стоимости при социализме, вместе с тем не проводят четкой разницы между рынком, законом стоимости при социализме и в условиях частной собственности на средства производства. Справедливо критикуя тех, кто отрицает закон стоимости при социализме, доказывая необходимость широкого перехода предприятий к прямым торговым связям между ними, экономисты этого направления вместе с тем не обнаруживают достаточно четкого представления о том, где же границы самостоятельности предприятий, каков оптимум сочетания плана и рынка, что́ в этом сочетании является ведущим началом.

Примером этого может служить утверждение некоторых наших экономистов, что регулятором развития народного хозяйства при социализме, т. е. силой, обеспечивающей необходимую пропорциональность отраслей народного хозяйства, служит закон стоимости. Забывается при этом, что роль регулятора народного хозяйства закон

стоимости может выполнять и выполняет лишь в условиях частной собственности на средства производства, при рыночной конкуренции, постоянных колебаниях цены вокруг стоимости под влиянием меняющихся соотношений спроса и предложения. Закон стоимости, как и всякий другой экономический закон, действующий при социализме, играет, конечно, большую регулирующую роль, но не он служит основным регулятором социалистического народного хозяйства.

Провозглашение закона стоимости при социализме основным регулятором народного хозяйства равнозначно отказу от признания первостепенной роли социалистического государства, централизованного планового руководства развитием народного хозяйства, равнозначно признанию того, что в сочетании плана и рынка ведущая, направляющая роль принадлежит рынку, а план может всего лишь предвосхищать результаты стихийного действия законов рынка. Утверждение, что основным регулятором народного хозяйства при социализме служит закон стоимости, при логической последовательности неизбежно ведет к порочной и вредной буржуазной концепции «рыночного социализма».

Плановое руководство развитием всего хозяйства при социализме, в том числе обеспечение необходимой пропорциональности отраслей, осуществляет социалистическое государство, которое опирается при этом на общественную собственность на средства производства и на всю совокупность объективных экономических законов социализма, в том числе и на закон стоимости.

В. И. Ленин указывал на необходимость сочетать в строительстве социализма и коммунизма смелый революционный размах с трезвым учетом реальных условий, с практичностью и деловитостью в постановке и решении задач. Этот принцип имеет огромное значение и в вопросах хозяйственной реформы. Его осуществление является необходимым условием успешности реформы, дальнейшего ее развертывания.

А. Г. МИЛЕЙКОВСКИЙ
член-корреспондент АН СССР

ЛЕНИНСКАЯ ТЕОРИЯ ИМПЕРИАЛИЗМА В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОСТИ

Анализ современности в свете ленинской теории империализма — лучший способ глубоко осмыслить закономерности мирового развития, понять его движущие силы, подняться на такой уровень, откуда открывается возможность широкого ви́дения мира во всем разнообразии его общественных укладов и генерального пути всего человечества. С высот ленинской научной мысли еще более отчетливо вырисовывается величие революционных процессов, направляющих общественное развитие по пути перехода от капитализма к коммунизму, от предыстории человечества к его подлинной истории.

Вместе с тем рассмотрение самой ленинской теории империализма через призму современности позволяет нам еще раз убедиться в могучей силе науки как орудия познания и преобразования мира. Мы получаем возможность глубже осознать мощь и совершенство теории, которая благодаря высокому уровню научной абстракции сумела из хаоса фактов, из ошеломляющего многообразия экономической и политической жизни государств и народов, втянутых в империалистическую систему мирового хозяйства, выделить наиболее существенные черты новой стадии развития капитализма, определившие закономерности ее дальнейшего развития. Ленинская теория империализма, выражаясь языком принятой ныне в науке терминологии, создала динамическую модель мирового развития, которая оказалась могучим средством

 его долгосрочного прогнозирования. Она и теперь продолжает служить ключом к познанию тенденций и закономерностей мирового развития. Без ленинской теории империализма нельзя понять и правильно оценить значение процессов, происходящих в экономике и политике современного капитализма.

ЛОГИКА ЛЕНИНСКОЙ ТЕОРИИ ИМПЕРИАЛИЗМА И ИСТОРИЧЕСКАЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНОСТЬ

В. И. Ленин, следуя методу К. Маркса, рассматривал развитие общества как естественноисторический процесс, стремясь выявить новые основополагающие закономерности этого развития. Исследуя империализм, он выполнил миссию гениального ученого и великого революционера.

К тому времени, когда в 1916 г. Ленин создавал основной теоретический труд об империализме как новейшей стадии капитализма, на эту тему было уже опубликовано огромное число книг и статей. Наиболее важные итоговые исследования, суммировавшие господствующие идеи, содержались в труде социал-демократического теоретика Р. Гильфердинга и английского либерального буржуазного экономиста, впоследствии ставшего лейбористом, Д. Гобсона. Но ни Гильфердинг, ни Гобсон не сумели установить главного: обнаружить скрытую от поверхностного наблюдения общую связь явлений, увидеть их глубокие корни, создать теорию, которая свела бы воедино вскрытые Марксом и Энгельсом экономические и политические закономерности капитализма с качественно новыми процессами в его развитии [1]. Это мог сделать только гениальный ученый, который в своем анализе оставался последовательным марксистом.

Исследование Ленина «Империализм, как высшая стадия капитализма» по своей логике, структуре и методу, а также по месту, которое оно занимает в экономической теории, является продолжением анализа капитализма, который Маркс проделал в «Капитале».

Подобно «Капиталу» ленинская экономическая теория империализма служит самой важной основой научного доказательства неизбежности победы мировой социалистической революции, является ориентиром для прогноза исторических событий. Ленин, как и Маркс, ни на минуту не отвлекался от практических революционных задач, которые можно было успешно решить лишь на основе правильной теории. Критерием правильности теории Ленин считал проверку ее в горниле

[1] Характерно, что К. Каутский, имевший в то время репутацию маститого марксиста, даже критиковал тех авторов, которые пытались свести воедино новые черты в экономике капитализма и связать их с империализмом. Он доказывал, что империализм — это не новая фаза хозяйства, а лишь политика. Ленин высмеял плоские, доктринерские суждения Каутского, проявившего полную неспособность понять то, что сумел увидеть даже буржуазный экономист Д. Гобсон (см. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 28, стр. 241—246).

революционной борьбы, в которой он видел источник постоянного обновления и дальнейшего развития теории, животворное средство, предохраняющее ее от окостенения, превращения в мертвую догму. Принятый Лениным Марксов принцип, что теория должна освещать путь практике, служит стимулом для гигантского напряжения его научной мысли, направленной на прогнозирование исторического развития. Теперь, когда долгосрочные прогнозы стали широко распространенным методом научного анализа, особенно уместно помнить, что пионерами долгосрочного прогноза исторического развития явились основоположники марксизма-ленинизма. Ленинская теория империализма, в частности, служит блестящим подтверждением огромной значимости такого прогноза, который продолжает успешно выдерживать длительную и суровую проверку на протяжении эпохи самых бурных за всю историю человечества социальных катаклизмов.

В. И. Ленин прекрасно понимал возможности и границы в прогнозах развития классовой борьбы и путей мировой социалистической революции. Его гениальный ум ученого, охватывающего в едином синтезе итоги развития общественных и естественных наук, учитывал, что в обществе еще больше, чем в природе, играют роль вероятностные процессы. Причиной общественного развития служат не только объективные экономические законы, независимые от воли и сознания людей, но и субъективные факторы, возникающие на основе объективных законов, определяемые волей и сознанием масс и ролью в движении этих масс отдельных личностей, выступающих в качестве их лидеров. Сквозь нагромождение исторических случайностей Ленин стремился отыскать прежде всего ариаднину нить закономерностей, не пренебрегая при этом учетом случайностей, которые могут круто менять ход событий.

Характерен в этом отношении анализ Лениным причин революции 1905 г. Большевистская партия, руководствуясь ленинским анализом, была твердо уверена в неизбежности назревания революции, но не брала на себя задачу точно определить ее сроки. Ленин отмечал, что, когда поп Гапон вывел рабочих на улицы Петрограда, возглавив их шествие к царю, никто не мог предугадать, что это событие послужит началом революции в России. Но именно в условиях, когда созрели объективные предпосылки революции, расстрел царем мирной демонстрации дал последний толчок движению могучей лавины революционной борьбы масс. В годы реакции, в период отлива революционной волны, в обстановке распространившихся настроений пессимизма и утраты перспектив Ленин, вооруженный твердой убежденностью в правильности своего социально-экономического прогноза, предвидел, что потерпевшая поражение революция 1905— 1907 гг. сыграет роль генеральной репетиции будущей победоносной социалистической революции. Этот глубокий научный прогноз служил верным ориентиром для большевиков, источником их исторического оптимизма, который удваивал их силы в борьбе.

Поучителен также подход Ленина к анализу роли закономерности и случайности в развязывании первой мировой войны. Подготовляя свой теоретический труд об империализме, он тщательно изучает все

международные политические кризисы, прослеживая, как на основе борьбы за раздел и передел мира вызревают зловещие предпосылки мировой империалистической бойни. В большой и подробнейшей таблице, составленной Лениным, сделана классификация по периодам и регионам всех более или менее существенных военных, дипломатических и экономических конфликтов между империалистическими странами. Он прослеживает, как кристаллизуются союзы между ними, как складываются группировки и коалиции, какие внутри них происходят столкновения, где и когда империалисты находились на волосок от большой войны. И затем на основе этой таблицы Ленин выделяет узлы международных империалистических противоречий и вехи международных кризисов, приведших к мировой войне и одновременно знаменовавших становление монополистического капитализма — империализма [2]. Когда в напряженной атмосфере лета 1914 г. сербский националист Г. Принцип убил в Сараеве наследника австрийского престола эрцгерцога Фердинанда, то многим казалось, что это всего лишь эпизод в освободительной борьбе сербов против гнета Габсбургов. Но этот факт, включенный в ленинскую схему международных экономических, финансовых, дипломатических, военных и иных связей и зависимостей мирового империалистического хозяйства, подведенного к глубочайшему кризису законом неравномерности экономического и политического развития капитализма, получает совсем иное освещение. Ленин подчеркивает, что национально-освободительные мотивы имели в событиях, развернувшихся в Сараеве, подчиненное значение. Глубинной основой этих событий была империалистическая борьба за передел мира, вытекающая из закономерностей монополистического капитализма, которая с неизбежностью вела к войне.

Конкретно-историческое и абстрактно-теоретическое исследование закономерностей самого хода войны дало Ленину основание для предвидения того, что война империалистическая перерастет в войну гражданскую, что цепь империализма будет прорвана в ее слабых звеньях и одним из этих звеньев будет Россия. Секрет этого удивительного по точности исторического прогноза — в глубине теоретического анализа, который, отвлекаясь от случайностей исторического развития, выясняет долговременные тенденции, те закономерности, которые Ленин называл ключом к «самодвижению» всего сущего.

К. Маркс в «Капитале» проследил «самодвижение» капитализма от его эмбрионального состояния до той стадии, когда возникла акционерная форма капитала, в которой он увидел отрицание частной собственности на базе самого капитализма, предпосылку для возникновения монополий, отвергающих свободную конкуренцию и необходимость вмешательства государства в экономику [3].

В. И. Ленин взял за исходный момент монополию, растущее значение которой прозорливо отметил еще Энгельс [4]. Подвергнув всесто-

[2] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 28, стр. 488—495.
[3] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 25, ч. I, стр. 479, 481—482.
[4] См. там же, стр. 480—481.

роннему анализу экономическое и политическое значение господства монополий, Ленин проследил «самодвижение» капитализма к его высшей и последней стадии. Именно потому, что Ленин вскрыл спонтанные, независимые от воли людей объективные экономические законы монополистического капитализма, он сумел настолько верно определить долговременные тенденции его последней стадии развития, что логика его теоретического анализа сохраняет свою полную силу и поныне, когда социалистическая революция вырывает из системы мирового капиталистического хозяйства одно звено за другим.

Как бы желая подчеркнуть необходимость высокой ступени научной абстракции для понимания «самодвижения» империализма к его гибели, Ленин неоднократно указывал, что экономическую суть империализма составляет монополия. Вместе с тем, предупреждая против схоластического абстрагирования, отрывающегося от реальной действительности, Ленин напоминал, что монополия есть лишь надстройка над старым капитализмом.

Именно наличие двух противоречивых начал — монополии и конкуренции — определяет своеобразие империализма. И, наконец, чтобы исключить всякую возможность догматического истолкования действия объективных экономических законов монополистического капитализма в духе «теорий» его автоматического краха или эволюционного реформистского преобразования капитализма в социализм, Ленин настоятельно напоминает, что монополия влечет за собой гигантское усиление роли государства и внеэкономического принуждения, т. е. усиливает значение субъективного фактора и поднимает классовую борьбу на высшую ступень. Империализм, являясь реакцией по всем линиям, неизбежно вызывает отпор со стороны масс, борющихся за демократию.

В. И. Ленин, закладывая научные основы стратегии и тактики революционной борьбы в условиях империализма, как мы видим, на первое место ставит анализ его экономических особенностей. Исследование этих особенностей было им совершено в Швейцарии в 1916 г. в разгар мировой войны.

В предисловии к работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» Ленин писал, что ее цель — помочь разобраться «в основном экономическом вопросе, без изучения которого нельзя ничего понять в оценке современной войны и современной политики, именно: в вопросе об экономической сущности империализма» [5].

Именно исследование экономической сущности империализма дало самое глубокое объяснение причин этой войны.

Логика ленинского экономического анализа империализма сохраняет свое непреходящее значение для понимания самых сложных и противоречивых явлений и в развитии современного капитализма. Ее надо обязательно учитывать, прежде чем мы далее перейдем к их конкретной характеристике. В чем же суть этой логики?

[5] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 302.

Совершенство теоретического абстрактного анализа империализма проявляется в том, что установленные Лениным пять основных экономических признаков империализма взаимосвязаны, вытекают один из другого и соответствуют ходу исторического развития монополистического капитализма. В совпадении абстрактного, теоретического, логического с долговременными тенденциями исторического развития — секрет неувядаемой силы этого научного анализа, его значения в качестве ориентира в исследовании империализма наших дней.

Исходным моментом анализа служит констатация того, что на определенной ступени развития капитализма концентрация производства приводит к образованию монополий, которые становятся господствующей экономической силой. Установление господства монополий знаменует переход от эпохи капитализма свободной конкуренции к империализму и влечет за собой качественные изменения в механизме воспроизводства общественного капитала. Монопольная прибыль увеличивает возможности накопления капитала крупнейшими фирмами. Падает роль закона стоимости как регулятора, обеспечивающего более или менее пропорциональное распределение капитала между отраслями экономики и уравнение прибавочной стоимости путем преобразования ее в среднюю прибыль [6].

Из *первого*, *исходного* экономического признака империализма следует *второй*. Концентрация монополистического промышленного капитала приводит к росту концентрации банков и их сращиванию с промышленностью. Высвобождающиеся в процессе кругооборота капитала денежные резервы монополий не только увеличивают депозиты банков, но и открывают перед ними более широкие возможности для капиталовложений в акции и ценные бумаги промышленных компаний. Тесное переплетение и слияние банковского и промышленного капитала приводит к образованию финансовой олигархии. Через банки крупнейшие монополии получают в свое распоряжение в форме ссудного капитала денежные ресурсы мелких и средних капиталистов, которые эти монополии используют для еще большего увеличения экономической мощи своих предприятий. Для капитализма свободной конкуренции было типично «право» буржуа на присвоение чужого труда. Финансовая олигархия, в добавление к этому, фактически обретает «право» присваивать чужие деньги, лишая своих выбывших из игры более слабых конкурентов возможности иметь собственные предприятия, вынуждая тех, кто полностью не обанкротился, заводить счет в банке или приобретать акции и ценные бумаги.

[6] Знаменательно, что буржуазная политическая экономия лишь спустя два десятилетия после выхода ленинского труда об империализме констатировала конец эры так называемой совершенной конкуренции и признала решающую роль монополистической конкуренции. Буржуазные экономисты Д. Робинсон и Э. Чемберлин, книги которых вышли почти одновременно (*J. Robinson*. The Economics of Imperfect Competition. London, 1932; *E. Chamberlin*. The Theory of Monopolistic Competition. Cambridge, 1933), сделали «открытие» для тех, кто не потрудился ознакомиться с ленинской теорией империализма или сознательно ее игнорировал.

Н. ЛЕНИНЪ (Вл. ИЛЬИНЪ).

ИМПЕРІАЛИЗМЪ,

КАКЪ НОВѢЙШІЙ ЭТАПЪ КАПИТАЛИЗМА.

(Популярный очеркъ).

СКЛАДЪ ИЗДАНІЯ:
Книжный складъ и магазинъ „Жизнь и Знаніе“
Петроградъ, Поварской пер., 2, кв. 9 и 10. Тел. 227—42.
1917 г.

ОБЛОЖКА КНИГИ В. И. ЛЕНИНА «ИМПЕРИАЛИЗМ, КАК ВЫСШАЯ СТАДИЯ КАПИТАЛИЗМА», ИЗДАННОЙ В 1917 Г.

Сосредоточение в руках финансовой олигархии огромных «избыточных» капиталов, не находящих себе достаточно прибыльного приложения внутри страны, делает необходимым вывоз капитала за границу. Отсюда проистекает *третий* экономический признак империализма. Экспорт капитала как форма внешних экономических связей приобретает особенно важное значение по сравнению с экспортом товаров. Он ведет к изменению международных условий воспроизводства и соответственно всей системы международных отношений. При обычных торговых взаимосвязях между их участниками сохраняются юридически равноправные отношения. Одни страны эксплуатируют другие главным образом путем неэквивалентного обмена. Но такая форма эксплуатации имеет преходящий характер, так как покупатель относительно свободен в выборе продавца. Экспорт же капитала в отличие от торговой сделки влечет за собой длительные и устойчивые кабальные отношения между кредитором и должником. Он приводит к тому, что империалистические страны — экспортеры капитала опутывают сетью финансовой зависимости весь мир. Всемирная система финансового порабощения создает свойственное лишь империализму специфическое международное разделение труда, превращая все страны в звенья мирового капиталистического хозяйства, для которого характерно интернациональное переплетение капитала. Экспорт капитала становится мощным средством борьбы за внешние рынки и сферы влияния, он, по характеристике Ленина, стоит в тесной связи с экономическим и политически-территориальным разделом мира [7].

Из экспорта капитала как решающей формы внешних связей при империализме вытекает *четвертый* его признак — экономический раздел мира международными союзами монополистов. Однако экономический раздел мира не дает сколько-нибудь прочных гарантий сохранения монополии на тот или иной рынок или сферу влияния. Этот раздел мира не устраняет отчаянной конкурентной борьбы между участниками международных картелей. Наиболее прочную основу для монополии создает колониальное владение. Колония — закрытый рынок. Здесь полностью устраняется возможность появления внешней конкуренции и гарантируется монополия на использование всех ее наличных и потенциальных экономических ресурсов. Именно поэтому монополистический капитализм вызывает гигантское усиление колониальных захватов и приводит к быстрому завершению территориального раздела мира. А это порождает новое его зловещее качество: становится неизбежной война за *передел мира*, который и составляет *пятый* экономический признак империализма. Ленин подчеркивает, что это — экономический признак империализма, так как капиталисты делят мир и ведут ожесточенную борьбу за его передел не в силу своей особой злобности, а потому, что при сложившейся в то время системе производственных отношений империализма они не имели других возможностей обеспечить себе прибыли и расширенное воспроизводство капитала.

[7] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 164.

Установив глубокие экономические причины первой мировой войны, Ленин тем самым показал, что устранить войну можно, только свергнув власть монополистического капитала, превратив империалистическую войну в гражданскую путем социалистической революции. Экономический анализ империализма с неопровержимой логикой доказал лживость и иллюзорность социал-реформистской фразеологии о вечном мире, который будто бы должен наступить после войны под влиянием полученных после нее тяжелых уроков.

Исходя из экономического анализа монополии как выражения сущности империализма, Ленин приходит к выводу о неизбежности перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический. В государственно-монополистическом капитализме он увидел такую ступень капиталистического обобществления производства, которая создает материальные предпосылки для социализма.

Определив историческое место империализма как монополистического капитализма, загнивающего или паразитического и умирающего капитализма, Ленин установил исходные моменты для характеристики общего кризиса капитализма и анализа путей развития мировой социалистической революции.

Империализм доводит до высшей точки противоречия между производительными силами и сковывающими их рост производственными отношениями. Порождаемое этим противоречием загнивание производительных сил проявляется не только в тенденции к их стагнации, но и в невиданном расточении экономических ресурсов для создания военной машины и ведения войн. Неспособность буржуазии направлять развитие общественного производства по пути прогресса, ее паразитическое перерождение с особой силой ставят в центре эпохи осуществление рабочим классом его исторической миссии.

Империализм, ускоряя развитие капитализма за счет массового разорения мелкого производства, не только увеличивает тем самым численность пролетариата и его роль в обществе, но и расширяет социальную базу революционной борьбы, во главе которой идет рабочий класс. Потенциальными союзниками рабочего класса становятся разоряемые монополистическим капитализмом мелкобуржуазные слои города и деревни. Империализм выводит также на арену исторической деятельности угнетаемые им народы колоний и полуколоний. В результате экспорта капитала не только усиливается гнет империализма на основе переплетения докапиталистических и чисто капиталистических форм эксплуатации, но и создается материальная база для роста в колониальном мире новых социальных сил — национальной буржуазии, рабочего класса и интеллигенции, которые становятся выразителями интересов противостоящих империализму порабощенных им народов. В результате при империализме соединяются в один поток социалистическое движение рабочего класса и национально-освободительное движение угнетенных народов колоний и полуколоний. Одновременно империализм порождает мощное общедемократическое движение против разжигаемых им войн. Участниками этого движения становятся самые широчайшие массы.

Такова логика теоретического исследования империализма, для которой характерны единство экономического и политического анализа, переход от абстрактного к конкретному, от теории к практике, а также переход от проверки теории на практике к дальнейшему углублению теории.

В. И. Ленин занимался исследованием империализма до последних своих дней. Это исследование можно разделить на три этапа, которые определялись ходом исторического развития и важнейшими требованиями революционной борьбы. Первый этап — исследование экономической сущности империализма, когда важно было разъяснить революционному авангарду и широчайшим массам тайну рождения первой мировой войны. Второй этап наступил после возвращения Ленина в Россию, когда в обстановке назревшей революционной ситуации важно было исследовать государственно-монополистический капитализм как механизм хозяйствования, создающий материальные предпосылки для социализма. Это исследование Ленин проделал в своих работах «Грозящая катастрофа и как с ней бороться» и «Государство и революция». Третий этап — после Октября, когда Ленин, исследуя противоречия империализма, сосредоточил свое внимание на теоретическом обосновании возможности строительства социализма в одной стране и экономического соревнования социализма с капитализмом как решающего фактора победы нового общественного строя и углубления общего кризиса капитализма.

Таким образом, ленинская теория империализма не ограничивается только анализом самого капитализма, а представляет собой лишь одно из звеньев экономического и политического обоснования стратегии и тактики мировой социалистической революции. Она установила новые закономерности всемирно-исторического развития, которые успешно выдержали испытание временем [8].

[8] Большинство буржуазных историков и экономистов, занимающихся исследованием империализма, как правило, проявляют полную неспособность понять значение великого научного открытия Ленина и рассматривают его лишь как автора, суммировавшего исследования Гобсона, Гильфердинга, Каутского, Бауэра и других марксистских и немарксистских исследователей, которые он будто бы дополнил лишь некоторыми новыми положениями. Такой точки зрения придерживаются, например, Р. Коебнер и Х. Д. Шмидт в книге о теориях империализма. Любопытно, что эти авторы, будучи вынужденными признать, что марксисты на основе ленинской теории империализма правильно предсказали неизбежность и первой, и второй мировых войн, отделываются от этой констатации нелепой «философской» сентенцией о том, что «правильное предсказание того или иного события не служит показателем высшей мудрости» (*R. Koebner* and *H. D. Schmidt.* Imperialism, The Story and Significance of a Political World. 1840—1960. Cambridge, 1964, p. 269—270, 282). Еще меньше способны буржуазные авторы возвыситься до понимания того, что ленинская теория империализма представляет собой часть широкой социологической концепции всемирно-исторического развития. Характерна в этом отношении позиция авторов изданного в США труда Гудзонского института, содержащего макроэкономический и макроисторический анализ всемирного развития, на основе которого делается прогноз на 2000 г. В этом труде приводится довольно подробный перечень всех концепций развития, и среди них не удостоилась даже упоминания ленинская теория империализма (*H. Kahn* and *A. Wiener.* The Year 2000. New York, 1967).

Перейдем теперь к конкретному анализу того, как эти закономерности проявляются в современном капитализме, как они модифицировались под влиянием новых исторических условий. Последнее обстоятельство особенно важно для разоблачения извратителей и фальсификаторов ленинизма. Ленинская теория империализма показывает, как некоторые свойства капитализма превращаются в свою противоположность, не меняя при этом его сущности. Такой процесс продолжается и теперь. Нередко вследствие этого поверхностным наблюдателям кажется, что та или иная закономерность утратила силу. Между тем глубокий анализ обнаруживает, что речь идет лишь о новых свойствах, в которых проявляет себя ранее вскрытая тенденция. И то, что наши идеологические противники считают очередным опровержением ленинской теории империализма, на деле представляет собой реальные процессы, вытекающие из развития установленных ею закономерностей.

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ПРИЗНАКИ ИМПЕРИАЛИЗМА И СОВРЕМЕННЫЙ КАПИТАЛИЗМ

Ленинское положение о том, что экономическую суть империализма наиболее полно выражает монополия, сохраняет свою силу и в наши дни.

Как известно, монополия порождает тенденцию к застою техники. Такая тенденция отчетливо проявлялась в начальной стадии империализма и особенно в период между двумя мировыми войнами. На основании этого некоторыми авторами были преданы забвению указания Ленина об одновременном существовании тенденции к росту производства, о том, что в целом при империализме развитие капитализма идет значительно быстрее, чем прежде [9].

Эти авторы стали приходить к выводу о неизбежности стагнации производительных сил капитализма и суженного воспроизводства в мировом капиталистическом хозяйстве. Однако после второй мировой войны в развитых капиталистических странах на протяжении относительно длительного периода были достигнуты среднегодовые темпы роста производства, более чем в 2 раза превышающие те, которые были характерны для довоенного периода [10]. Это со всей очевидностью доказало глубочайший смысл ленинского положения о том, что в основе империализма имеются два противоречивых начала — монополия и конкуренция, которые неизменно сосуществуют, ибо никакая монополия конкуренцию устранить не может.

История подтвердила также и огромное теоретическое значение ленинской критики метафизического понимания монополии Н. И. Буха-

[9] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 422—423.

[10] Средний годовой прирост промышленной продукции в капиталистическом мире составлял в 1889—1913 гг. 4%, в 1913—1937 гг.— 2 и в 1950—1965 гг.— примерно 5% («Учение В. И. Ленина об империализме и современность». Сборник. М., 1967, стр. 28).

риным. Критикуя его, Ленин указывал, что монополия неспособна преобразовать весь капитализм, поэтому «чистого империализма» не существует [11]. Свидетельством этого могут служить две важные особенности современного империализма.

Во-первых, тот факт, что господство монополистического капитализма, основанное на высококонцентрированном индустриальном производстве, сложилось лишь на территории, охватывающей теперь примерно 30% всей площади несоциалистического мира и примерно 30% его населения, где производится около 90% всей его промышленной продукции. На остальной же части капиталистического мира именно империализм способствовал сохранению архаических докапиталистических форм производства и всячески тормозил тем самым развитие более прогрессивного по сравнению с ними капиталистического хозяйства.

Во-вторых, даже в самых развитых империалистических странах монополии не утвердились во всех отраслях хозяйства. Монополии стремятся сохранить мелкое и среднее капиталистическое производство, используя его в своих интересах. Такие предприятия выполняют во многих отраслях роль поставщиков комплектующих изделий для монополистических гигантов, занимаются продажей их продукции в розничной торговой сети, обеспечивают ремонт производимых ими различных машин и изделий, приобретаемых массовым потребителем. Конкуренция между немонополистическими предприятиями приносит только прямую выгоду монополиям.

Кроме чисто коммерческих соображений, монополии должны заботиться о сохранении мелкого и среднего капиталистического предпринимательства, руководствуясь социальными мотивами. В нем они усматривают наиболее прочную политическую опору своего господства. Поэтому, в частности, особое внимание уделяют правительства империалистических стран поддержке капиталистического фермерского хозяйства. В этом одна из главных причин того, что сельское хозяйство в большинстве империалистических стран стало наиболее опекаемой государством отраслью экономики. На значительную часть его продукции установлены твердые гарантированные государством цены. В некоторых странах за счет бюджета проводятся мелиоративные и ирригационные работы, предоставляются безвозмездные ссуды и льготные кредиты наиболее «перспективным» хозяйствам, что помогает им выстоять в конкурентной борьбе.

Боязнь утратить свою социальную опору вынуждает монополии заботиться и о том, чтобы тормозить процесс вытеснения из хозяйственной жизни так называемых средних слоев в городе. Огромное число мелких предприятий, мастерских, лавок, контор и агентств, оказывающих различные услуги, живет в порах любого индустриального капиталистического города. Даже своим рабочим многие монополии стремятся привить дух индивидуального капиталистического предпринимательства, навязывая им акции своей фирмы или концерна, чтобы

[11] См. *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 151.

внушить им иллюзию обогащения на пути развития «народного капитализма» [12].

Таким образом, историческое развитие подтверждает, что монополия неспособна перестроить капиталистическую экономику даже на основе чисто буржуазных форм обобществления производства, которая достигается в самом монополистическом секторе хозяйства.

В США в 1966 г. в фирмах, имеющих менее 100 рабочих и служащих (т. е. таких фирмах, которые не относятся к монополистическим), было занято около 50% всех работников наемного труда. В обрабатывающей промышленности, наиболее монополизированной отрасли экономики США, соответственный показатель занятости составляет примерно 25% [13].

В 1960 г. в США насчитывалось около 7 млн. самостоятельных мелких и средних предпринимателей [14].

В Японии занятость на мелких и средних предприятиях, несмотря на значительный рост монополистического капитализма, остается относительно стабильной. Доля их в общей занятости во всех отраслях экономики (кроме сельского хозяйства, лесоводства и рыболовства) составляла в 1960 г.— 78,7%, в 1963 г. — 77,9 и в 1966 г.— 77,1% [15].

Относительная устойчивость числа лиц, занятых в мелком бизнесе, несмотря на высокую «смертность» предприятий, гибнущих в конкурентной борьбе, объясняется тем, что развитие новых отраслей всегда, как правило, сопровождается появлением мелких и средних предприятий. Эта тенденция, отмеченная Лениным [16], сохраняется и поныне даже в наиболее индустриально развитых странах монополистического капитала. Монополии не могут устранить конкуренцию даже в тех отраслях хозяйства, которые почти целиком контролируются ими. Здесь развились новейшие формы монополистической конкуренции, которые при жизни Ленина отсутствовали, но теоретически были им предвосхищены. Эти формы конкуренции оказались одним из важнейших факторов научно-технической революции, которая в империалистических странах носит на себе печать прогнившей и паразитарной общественной системы.

[12] Наглядное проявление указанных тенденций к сохранению частнопредпринимательской инициативы дает характеристика роли в этом крупнейшей американской корпорации «Дженерал моторс». Председатель этой корпорации, отметив, что на принадлежащих ей предприятиях занято 750 тыс. рабочих и служащих, указал на то, что за счет нее существуют еще 15 тыс. дилеров (продавцов автомобилей), каждый из которых имеет в среднем 40—50 рабочих и служащих, а также 128 тыс. предприятий, обслуживающих потребности корпорации. Кроме того, прибылями корпорации пользуются 1,4 млн. лиц, владеющих ее акциями. Председатель «Дженерал моторс» заявил при этом, что корпорация могла бы сама организовать сбыт автомобилей и производство нужной ей продукции, но считает выгодным использовать «способности» людей, занятых в мелком и среднем бизнесе («United States News and World Report», 10.XI 1969).

[13] Подсчитано по: «Statistical Abstract of U. S.», 1968.

[14] *Ю. Б. Кочеврин.* Малый бизнес в США. М., 1965, стр. 57.

[15] «Тюсё кигё хакусё. 1966» («Белая книга по средним и мелким предприятиям. 1966 г.»). Токио, 1967, стр. 579.

[16] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 17, стр. 25.

Рассмотрим кратко наиболее характерные черты этой монополистической конкуренции, ее влияние на экономику современного капитализма и на структуру монополистического капитала.

Абстрактное представление о том, что концентрация производства, происходящая в какой-либо отрасли, в результате вытеснения мощными компаниями более слабых может привести в конечном счете к монопольному господству в данной отрасли лишь одной компании, логически оправданно. Но в реальной действительности полное господство одной монополии в целой отрасли встречается редко. Классическим примером такой модели развития служила до второй мировой войны алюминиевая промышленность США, которую полностью контролировала «Алюминиум компани оф Америка» (АЛКОА). Но во время второй мировой войны, когда резко возрос спрос на алюминий, в эту отрасль вторглись конкурирующие компании. После войны в ней, как и в большинстве монополизированных отраслей хозяйства, сложилось господство нескольких монополий. Конкуренция между такими компаниями, которые в экономической литературе именуются олигополиями, представляет собой в современных условиях типичную картину внутриотраслевой монополистической конкуренции. Олигополии, когда речь идет о внутреннем рынке, как правило, не делят его на сферы влияния. Их соглашение об ограничении конкуренции сводится обычно к договоренности (в большинстве случаев тайной) об единых ценах на товары и услуги. Но такая договоренность не устраняет конкуренции, а ведет лишь к проявлению ее в новых формах. Одной из таких форм стала так называемая неценовая конкуренция, при которой главным средством в борьбе за покупателя становится предложение ему за ту же цену товаров более высокого качества или наилучших условий их продажи, что в сущности является скрытой формой традиционной конкуренции — ценовой конкуренции. При этом в огромной мере возрастает роль торговой рекламы. На нее возлагается иногда и задача внушить покупателю обманчивую иллюзию лучшего качества товара. Орудием неценовой конкуренции служит также выпуск новых моделей тех же товаров и создание при содействии рекламы моды на ту или иную новинку.

Яркий пример такого типа конкуренции дает автомобильная промышленность США. Конкуренция в ней олигополий в лице «большой тройки» («Дженерал моторс», «Форд» и «Крейслер»), несомненно, служит движущей силой технического прогресса в этой отрасли. Но несомненно и то, что издержки монополистической конкуренции проявляются здесь в бессмысленном расточительстве материальных ресурсов. В погоне за новинками автомобильной моды, которые нередко вовсе не связаны с техническим усовершенствованием, отправляются на слом еще вполне пригодные к использованию автомобили.

Отрасль, в которой сложилось господство нескольких монополий, в большинстве случаев становится труднодоступной для проникновения новых фирм. Сговор между ними создает существенные препятствия для перелива капитала между отраслями. Это служит, в частности, существенным тормозом для радикальной технической реконструкции

ряда старых отраслей. Такую задачу вынуждено брать на себя государство. Однако широким полем для монополистической межотраслевой конкуренции и создания новых рынков стало производство товаров, заменяющих старые, или таких, которые порождают совсем новые потребности. Подобная форма межотраслевой конкуренции монополий, борьба их за сферы более прибыльного вложения капитала на основе использования новейших достижений науки и техники, стала особенно характерной для 1950—1960 гг. Обострение межотраслевой монополистической конкуренции создало дополнительные стимулы для научно-технического прогресса. Эта форма конкуренции придала капитализму новые черты паразитизма и уродливости, которые вытекают из реакционной сущности монополий и свойственных им низменных целей наживы любой ценой.

Следуя ленинскому методу диалектической оценки каждой новой ступени развития монополистического капитализма, на примере современных форм межотраслевой конкуренции можно особенно ясно видеть взаимосвязь объективно прогрессивных и негативных результатов бурного развития новых производств, вызвавшего существенные изменения и в материально-технической базе капитализма, и в структуре самих монополий.

Погоня за производством новых товаров резко увеличила значение для монополий научных исследований и конструкторских работ. Возникла также необходимость научного исследования перспективного производственного и потребительского рыночного спроса, а вместе с тем и долгосрочного внутрифирменного планирования капиталовложений. Но одновременно еще больше возросла роль рекламы, которая призвана искусственно возбуждать потребность на многие новые товары, создать моду на них, пренебрегая зачастую всеми нормами морали и соображениями здравого смысла. Силы рыночной анархии, умножаемые такой конкуренцией, ведут к созданию нерациональной структуры производства, к расточительству труда и материальных ресурсов. В структуре экономики ярко проявляются черты, характеризующие антиобщественные цели монополистической погони за прибылью. По оценке ряда видных американских буржуазных экономистов, в США, где далеко не обеспечены безотлагательные жизненные потребности в просвещении, здравоохранении, жилищах, благоустройстве городов, изготовляется свыше трети товаров, которые обществу не нужны и навязаны покупателю вездесущей рекламой, создающей искусственные потребности, возбуждающей дурные вкусы и низменные инстинкты людей [17]. Знаменательно, что в США расходы на рекламу лишь немногим уступают общей сумме затрат на научные исследования [18].

[17] *A. Hansen*. Economic Issues of 1960's. New York, 1960, p. 46; *J. K. Galbraith*. The New Industrial State. Boston, 1967.

[18] Расходы на науку в США с 1965 по 1967 г. выросли с 20,5 млрд. до 23,8 млрд. долл., а на рекламу — соответственно с 15 млрд. до 16,8 млрд. долл. («Statistical Abstract of U.S.», 1968, p. 525, 782).

Усиление внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции, вызвавшее повышение роли качества продукции и обслуживания, а также ускорение роста новых отраслей, повлекло за собой существенное изменение структуры монополий и значительное повышение уровня монополистической концентрации.

В то время, когда Ленин характеризовал процесс монополистической концентрации, для монополии было характерно слияние лишь промышленного и банковского капитала. В современных условиях крупный концерн включает в свою орбиту уже не только промышленные предприятия и банки, но и торгово-сбытовую сеть, которая тесно смыкается со сферой услуг. Обслуживание потребителя, приобретающего технические изделия долговременного пользования, требующие гарантийного и текущего ремонта, обеспечивает корпорации более прочные связи со своими покупателями. Если еще до второй мировой войны были типичны специализированные монополии, то после нее нарастающими темпами развивается диверсификация. Крупные концерны в погоне за дополнительными сферами вложения капитала, стремясь не отстать в производстве новых товаров, превращаются во многоотраслевые комплексы, включая в свой состав предприятия, нередко не имеющие производственных связей ни по горизонтали, ни по вертикали.

Огромные масштабы капиталовложений, необходимые в условиях современной внутриотраслевой и межотраслевой конкуренции, сделали уязвимыми в борьбе за рынки не только небольшие фирмы, но даже и относительно мощные монополии. Многие из них оказались перед необходимостью безоговорочной капитуляции, не выдержав соперничества со своими противниками. С середины 50-х годов началась небывалая по силе волна слияний, в которой жертвами поглощений сделались сами монополии [19]. Во всех странах развитого капитализма образуются сверхмонополии, диверсифицированные или конгломератные концерны, которые вторгаются в отрасли, производящие чужеродную продукцию, и в сферу услуг.

Стимулом такой концентрации служит не только овладение большей долей рынка. Монополии добиваются расширения масштабов своих концернов, чтобы использовать в качестве источника сверхприбыли повышение производительности труда за счет преимуществ более высокого уровня его обобществления и кооперирования, внедрения мощной техники и осуществления крупных ассигнований на научные исследования [20]. Материальную основу для образования монополистических сверхгигантов создали новые методы управления производством, бази-

[19] Первая значительная волна слияний падает на конец XIX в., вторая — на 20-е — начало 30-х годов XX в.

[20] О том, что сверхприбыли корпораций обеспечиваются не только монопольными ценами, но и более высоким уровнем производительности труда, свидетельствует исследование, проведенное Американским национальным управлением промышленных конференций, опубликованное в начале 1969 г. В нем отмечается, что в большинстве отраслей промышленности США наиболее высокая производительность на предприятиях четырех крупнейших компаний. Выработка на одного рабочего у них в среднем на 5% больше, чем у фирм, конкурирующих с ними. На этом основании делается вывод, что если применением антитрестовского зако-

рующиеся на кибернетических системах и переработке информации при помощи электронно-вычислительных машин. Преимущество в системе управления стало столь же важным фактором в конкурентной борьбе, как превосходство в технике.

Интенсивность концентрационного процесса обусловлена также и активной поддержкой слияний со стороны государства. Для повышения конкурентоспособности своего, национально обособленного империализма государство стимулирует слияние монополий при помощи налоговых льгот, кредитов и субсидий.

О темпах монополистических слияний лучше всего свидетельствуют данные последних лет. В США в 1966 г. произошло 2400 слияний, в 1967 г.— 2965 и в 1968 г.— 3200. В Англии общая сумма поглощенного капитала составляла в 1963 г. 307 млн. ф. ст., в 1966 г.— 535 млн. и в 1967 г.— 1 млрд. ф. ст. Во Франции план развития экономики на 1966—1970 гг. предусматривает укрупнение монополистических объединений по всем важнейшим отраслям с таким расчетом, чтобы иметь в каждой из них два-три объединения. Знаменательно, что эта часть плана выполнялась наиболее последовательно [21].

В Японии правительство в порядке «рационализации» семи ключевых отраслей промышленности стало осуществлять проект слияний, в результате которых в каждой из них будут доминировать только три или четыре «конкурентоспособных производителя массовой продукции» [22].

Повышение уровня монополистической концентрации в развитых капиталистических странах связано также с научно-технической революцией в сельском хозяйстве, в результате которой оно из мануфактурной стадии переходит в машинный период и по органическому строению капитала приблизилось к промышленности, сделавшись одной из наиболее капиталоемких отраслей экономики [23].

Решающую роль в процессе превращения сельского хозяйства в индустриальную отрасль сыграло вторжение в эту сферу экономики монополистического капитала и государственно-монополистическое регулирование, способствовавшее усилению в ней роли монополий.

Монополии внедряются в сельское хозяйство главным образом путем так называемой вертикальной концентрации. В роли фирмы-интегратора выступают преимущественно компании пищевой промышленности и оптовой торговли. На основе долгосрочных договоров с фермами о поставке продукции они подчиняют их не только финансовому,

нодательства будет сделана попытка задержать волну слияний и образование концернов-конгломератов, то это может вызвать падение производительности труда и уменьшить конкурентоспособность США на мировом рынке («United States News and World Report», 17.II 1969, p. 97).

21 «Außenhandels Blätter», № 10, 1968.

22 «The Economist», 26.VIII 1967, p. 747—748.

23 В США с 1940 по 1966 г. основной капитал, вложенный в производственные здания, сооружения, машины и оборудование (его стоимость дается в ценах 1958 г.), увеличился в расчете на одного занятого в сельском хозяйстве с 2679 до 11 987 долл., а в обрабатывающей промышленности — лишь с 7889 до 9905 долл. («Survey of Current Business», December, 1967).

но и агротехническому контролю, чтобы обеспечить себе товары определенных стандартов и качества в установленные сроки. В результате фермы становятся звеньями агропромышленного комплекса, утрачивая свой самостоятельный характер. Производственная кооперация, в которую включены эти фермы, вынуждает фермеров вести планомерное производство в заданном ритме и на высоком уровне интенсивности. Те фермы, в том числе и механизированные, которые не выдерживают такого режима капиталистической рационализации, изгоняются из сельского хозяйства.

«Вертикальная концентрация», осуществляемая стихийным путем отдельными монополиями, привела к формированию нового сектора экономики — агропромышленного комплекса, который стал объектом государственно-монополистического регулирования [24].

В связи с монополистической концентрацией, приведшей к образованию сверхмонополий, охватывающих своим контролем почти все отрасли экономики, в значительной степени утратил злободневность вопрос о том, кто главенствует в финансовой олигархии — промышленность или банки. Однако критика Лениным концепции Р. Гильфердинга о примате банков сохраняет и сегодня свое значение для понимания тенденций развития современной финансовой олигархии. Историческое развитие убедительно показало, что в основе концентрации банков лежат денежные средства, накапливаемые в промышленности. Особенно отчетливо эта тенденция проявилась после второй мировой войны.

Крупные монополии, не имевшие возможности в годы войны осуществлять сколько-нибудь большие капиталовложения в основной капитал отраслей, производящих потребительские товары, накопили на своих счетах в банках огромные денежные резервы. Это позволило им после войны без привлечения заемных средств, на основе самофинансирования резко увеличить норму накопления капитала. Тенденция самофинансирования, сохраняющаяся и поныне, наглядно показывает, что крупнейшие монополии в известной мере могут сами для себя служить банком. О роли самофинансирования в капиталовложениях современных монополий можно лучше всего судить на примере США: доля внутренних источников финансирования в корпорациях США в 1923—1929 гг. составляла 55%, в 1946—1949 гг.— 62, в 1953—1957 гг.— 65, в 1958—1962 гг.— 62 и в 1963—1967 гг.— 65,4% [25].

Нельзя недооценивать и зависимость промышленных корпораций от банковского кредита. Наглядный пример этого — судьба фирмы

[24] Объектом такого регулирования стал и экспорт сельскохозяйственной продукции, особенно продовольствия: оно становится не только важной статьей вывоза некоторых империалистических стран, но и орудием в борьбе за рынок и сферы влияния в тех странах, которые оказываются перед угрозой голода. Спекуляция на голоде, используемая также в целях политического шантажа, лежит в основе многих программ продовольственной «помощи», осуществляемой империалистическими государствами в «третьем мире».

[25] Рассчитано по кн.: *S. Kuznets.* Capital in the American Economy. Princeton, 1961, Table 39; «Survey of Current Business», October 1960; November 1961; May 1963; February 1967; November 1968.

1

Имперіализмъ, какъ высшая стадія капитализма.

(Популярный очеркъ).

За послѣдніе 15-20 лѣтъ, особенно послѣ испано-американской (1898) и англо-бурской (1899-1902) войны, экономическая, а также политическая, литература стараго и новаго свѣта все чаще и чаще останавливается на понятіи „имперіализмъ" для характеристики переживаемой нами эпохи. Въ 1902 году в Лондонѣ и Нью-Іоркѣ вышло въ свѣтъ сочиненіе англійскаго экономиста Дж. А. Гобсона: „Имперіализмъ". Авторъ, стоящій на точкѣ зрѣнія буржуазнаго соціалъ-реформизма и пацифизма — однородной, в сущности, съ теперешней позиціей бывшаго марксиста К. Каутскаго, — далъ очень хорошее и обстоятельное описаніе основныхъ экономическихъ и политическихъ особенностей имперіализма. Въ 1910 году въ Вѣнѣ вышло въ свѣтъ сочиненіе австрійскаго марксиста Рудольфа Гильфердинга: „Финансовый капиталъ" (рус.

ПЕРВАЯ СТРАНИЦА РУКОПИСИ В. И. ЛЕНИНА «ИМПЕРИАЛИЗМ, КАК ВЫСШАЯ СТАДИЯ КАПИТАЛИЗМА». 1916 г.

«Крупп». Семейное предприятие династии «фабрикантов смерти» было превращено в 1967 г. в акционерную компанию диктатом крупнейших западногерманских банков, которые заставили Круппа сделать свою семейную фирму открытой под угрозой отказа предоставить кредиты, без которых нельзя было бы предотвратить банкротство этой фирмы [26]. В результате этой операции фактическим хозяином фирмы «Крупп» стал руководитель «Немецкого банка» Абс.

Велика зависимость от банковских кредитов и у промышленных корпораций Японии.

Усилению роли банковской системы и сохранению ею относительной независимости, несмотря на растущее переплетение банков с промышленностью, способствовало и то, что она нашла новые источники для мобилизации и централизации денежных ресурсов, идущих в распоряжение монополий. В то время, когда Ленин характеризовал процесс слияния банковского капитала с промышленным, клиентами коммерческих банков были преимущественно крупные капиталисты. Только они имели доступ в эти храмы золотого тельца. Но уже в 20-х годах банки начали менять свою политику. Пионером в этом деле стал американский банкир Джанини, который начал привлекать мелкие вклады своих бедных итальянских соотечественников, лицемерно спекулируя на чувстве национальной солидарности. Джанини, которого называют «Фордом банковского дела», благодаря своему новаторству, открывшему новый источник обогащения, превратил находящийся в Сан-Франциско «Бэнк оф Америка» в крупнейший банк США [27]. Вслед за ним открыли свои двери для рядового вкладчика почти все коммерческие банки США и других развитых капиталистических стран. Чековая книжка перестала быть атрибутом буржуа. В США в настоящее время число чековых книжек превышает число семейств. Большинство рабочих и служащих получают заработную плату не наличными: она переводится на их счет в банке. В банках хранятся и пенсионные фонды, создаваемые предприятиями за счет отчисления от заработной платы. Сюда же поступают и профсоюзные взносы. Все это гигантски расширило возможности коммерческих банков в предоставлении монополиям краткосрочного и среднесрочного кредита, т. е. в превращении доходов трудящихся в капитал. Новая форма финансовой эксплуатации трудящихся коммерческими банками значительно увеличила фонд прибавочной стоимости, поступающей в общее пользование финансовой олигархии.

Погоня за превращением сбережений трудящихся в капитал способствовала усилению роли страховых компаний, которые благодаря относительной устойчивости своих вкладов специализируются на предоставлении долгосрочных кредитов промышленности. Большую роль в аккумуляции денежных средств трудящихся и превращении их в капитал приобрели также ссудно-сберегательные ассоциации, пенсионные фонды и инвестиционные компании. О том, насколько выросла роль финан-

[26] «Frankfurter Algemeine Zeitung», 25.I 1968, S. 12.

[27] В 1967 г. активы «Бэнк оф Америка» составили 21,3 млрд. долл. («Fortune», 15.VI 1968, p. 208).

совых учреждений, специализирующихся на мобилизации сбережений трудящихся в инвестициях капитала, можно судить на основе следующих данных о доле сберегательно-страховых учреждений в общей сумме активов финансовых институтов США (в %) [28]:

	1929 г.	*1952 г.*	*1960 г.*	*1967 г.*
Компании страхования жизни	10,5	13,2	13,4	12,1
Пенсионные фонды	0,3	1,6	3,2	4,9
Инвестиционные компании	1,8	1,1	2,6	4,2
Ссудно-сберегательные ассоциации	4,4	4,0	8,0	9,8

Мобилизация личных сбережений трудящихся сильно разросшейся кредитной надстройкой явилась одним из важнейших факторов значительного увеличения нормы накопления капитала в империалистических странах после второй мировой войны. Относительное улучшение материального положения трудящихся за счет «жизни в кредит» связано с тяжелым моральным бременем, увеличивающим износ нервов, неуверенность в завтрашнем дне. Кроме того, «жизнь в кредит» влечет за собой и материальные тяготы: покупка в кредит с учетом оплаты процентов по ссудам примерно на 40—50% увеличивает стоимость товаров долговременного пользования, приобретаемых трудящимися.

Предпосылкой бурного роста кредитной надстройки явилась научно-техническая революция, охватывающая и банковское дело. Крупнейшие банки развитых стран капитализма превратились в предприятия индустриального типа, осуществляющие бухгалтерские операции со счетами не только сотен тысяч предприятий, но и многих миллионов вкладчиков. Электронно-вычислительные машины (ЭВМ) перерабатывают здесь миллиарды чеков [29], проверяя при этом состояние счета клиента, выписавшего чек, и задерживая этот чек, если клиент уже исчерпал средства, хранившиеся на его счете. ЭВМ крупнейших банков составляют ведомости на выдачу заработной платы, производят обсчет сотен тысяч перфокарт и перфолент, поступающих с предприятий и фирм, пользующихся услугами этих банков. Банки значительно расширили свои отделы, занимающиеся трастовыми операциями (ведением по доверенности операций с вкладами и ценными бумагами капиталистов-рантье), полностью освобождая последних даже от заботы о том, как более прибыльно использовать имеющиеся в их распоряжении богатства. Все большее значение приобретают инвестиционные банки, полностью специализирующиеся на операциях такого типа. Приобре-

[28] Рассчитано по кн.: *R. W. Goldsmith.* Financial Intermediaries in the American Economy since 1900. Princeton, 1958, p. 61; *R. W. Goldsmith.* Financial Institutions. New York, 1968, p. 14, 43.

[29] В 1939 г. на банки США было выписано 3,5 млрд. чеков, в 1952 г.— 8 млрд., а в 1963 г.— 15 млрд. В 1962 г. ЭВМ использовали в США 116 банков, в 1967 г.— 943 банка.

тая чужие акции, они выпускают собственные акции, принимая целиком на себя риск инвестирования капитала и биржевой игры на разнице курсов акций.

Разбухание кредитной надстройки увеличивает неустойчивость капиталистической экономики. Эта надстройка не только служит делу усиления финансовой эксплуатации трудящихся, но и еще с большей силой увеличивает свойственный капитализму разрыв между производственными возможностями и потребительной способностью общества, которая в конечном счете ограничена неизбежным отставанием платежеспособного спроса трудящихся.

Экспорт капитала продолжает оставаться важнейшим орудием борьбы за рынки сбыта и сферы влияния, как это было в то время, которое характеризовал Ленин. Разумеется, сохранилось и значение экспорта капитала как одной из форм паразитизма, которую Ленин именовал «паразитизмом в квадрате». Правда, в связи с утратой колониальных владений империалисты потеряли гарантированные и надежные источники монопольной прибыли. Но некоторые гарантии для них теперь создаются искусственно при помощи экспорта государственного капитала. Займы, субсидии в порядке «помощи», предоставляемые освободившимся странам, а также сооружение в них дорог, линий связи и военных баз используются для того, чтобы обеспечить «благоприятный климат» для частных капиталовложений и взять на государственный счет расходы на инфраструктуру, представляющие собой ту часть капитальных затрат, которые имеют длительные сроки окупаемости и невыгодны для монополий. Одновременно империалисты организуют экспорт контрреволюции, финансируя «малые войны», диверсии и провокации, чтобы не допустить глубоких социально-экономических преобразований в странах, стремящихся ликвидировать последствия колониализма. Таким образом, для современного экспорта капитала характерно сочетание «паразитизма в квадрате» с бандитизмом в кубе.

Однако утрата колониальной монополии оказала существенное влияние на изменение географии и структуры экспорта капитала. Монополии все же избегают направлять свои частные капиталовложения в те страны, где политическая обстановка для них ненадежна. В связи с этим растет доля частного капитала, экспортируемого в развитые капиталистические страны. Это вызывается также и усилением монополистической конкурентной борьбы за рынки. При помощи экспорта капитала монополии преодолевают таможенные барьеры, создавая по ту сторону барьера или свои филиалы, или смешанные предприятия с участием местного капитала.

Монополия, развертывающая свою деятельность в чужой стране, достигшей относительно высокого уровня экономического развития, во многих случаях использует с выгодой не только квалифицированную рабочую силу по более низким ставкам заработной платы, но и увеличивает свои денежные резервы за счет местного рынка капиталов, продавая акции и пользуясь кредитом банков.

Экспорт капитала, направляемый из одних империалистических стран в другие, значительно ускорил процесс его интернационального

переплетения. Одновременно происходит также интернациональное переплетение капиталов, направляемых в экономически отсталые страны. Предпосылкой для этого стала политика «коллективного неоколониализма», к которой прибегают для маскировки своей экспансии старые империалистические хищники после распада колониальных империй.

Тенденция интернационального переплетения капиталов, являющаяся экономической основой создания международных союзов монополистов, делящих мировой рынок, проявилась в империалистической интеграции, приведшей к образованию в Западной Европе двух торгово-политических блоков: Европейского экономического сообщества (ЕЭС) и Европейской ассоциации свободной торговли (ЕАСТ). Во внутренней торговле между участниками блоков почти полностью отменены таможенные пошлины на промышленные товары. Внутри них обеспечено также относительно свободное перемещение капитала и рабочей силы.

Американские империалисты стремятся укрепить свои позиции на интегрированных рынках каждой из группировок путем усиленного экспорта капитала. В то же время они хотят включить все страны Западной Европы в так называемое Атлантическое сообщество, расширив масштабы империалистической интеграции в соответствии со своей стратегией борьбы против социализма, за установление своего мирового господства. Руководствуясь такими целями, американские империалисты сразу же после окончания второй мировой войны выдвинули идею создания Соединенных Штатов Европы, подтвердив этим гениальное предвидение Ленина, который, опровергая реформистские иллюзии относительно возможности демократического объединения европейских государств на базе капитализма, указывал, что такое объединение может возникнуть лишь для того, чтобы «сообща давить социализм в Европе, сообща охранять награбленные колонии» [30].

Выступив в роли пособника империалистической интеграции, создав для нее экономические и политические предпосылки на основе «плана Маршалла» и учреждения Европейской организации экономического сотрудничества, США значительно облегчили себе условия для экспорта капитала и товаров в Западную Европу. Но им не удалось полностью реализовать поставленные цели. Империалистическая интеграция способствовала также объединению западноевропейских конкурентов США и для совместной борьбы против более мощных американских монополий. Одним из проявлений этого служит волна слияний монополий в рамках ЕЭС и ЕАСТ, а также образование новых монополий на общеевропейской основе.

Д. Гобсон, объясняя причины усиления экспорта капитала в период империализма, считал, что они коренятся в недостаточном потреблении трудящихся. Он доказывал, что если бы правительство Англии путем прогрессивного налога установило более справедливое распределение доходов, то рост внутреннего рынка поглощал бы капиталы, идущие на экспорт, и тогда отпали бы экономические причины для колониальных

[30] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 354.

захватов. Исходя из этой концепции Гобсона, с попыткой опровержения ленинского анализа экспорта капитала как неизбежного экономического свойства империализма после второй мировой войны выступил английский лейбористский теоретик Д. Стрэчи. Он доказывает, что теперь, когда в развитых капиталистических государствах ликвидировано отставание сельского хозяйства от промышленности и значительно повысился жизненный уровень трудящихся, открылись широкие возможности для вложения капитала внутри страны и благодаря этому будто бы исчезли и экономические предпосылки для колониальной экспансии на основе экспорта капитала [31].

Однако историческая действительность убедительно опровергает несостоятельную теорию Гобсона, раскритикованную Лениным; опровергает она и попытки реабилитации этой теории со стороны Стрэчи. Значение экспорта капитала для империализма не уменьшается. Несмотря на увеличение нормы накопления капитала, рост прибылей и расширение внутреннего рынка во всех развитых капиталистических странах после второй мировой войны, экспорт капитала остается для них важнейшим орудием в борьбе за рынки и сферы влияния. Экспорт капитала по-прежнему служит экономической основой обострения империалистических противоречий, неоколониализма и других форм агрессивного экспансионизма.

О том, насколько растет значение экспорта капитала и как изменяется его структура, можно лучше всего судить, прослеживая динамику частных заграничных инвестиций США (см. табл.).

ПРЯМЫЕ ЗАГРАНИЧНЫЕ ИНВЕСТИЦИИ США *

	1936 г.		*1950 г.*		*1958 г.*		*1963 г.*		*1966 г.*	
	млн. долл.	%	*млн. долл.*	%	*млн. долл.*	%	*млн. долл.*	%	*млн. долл.*	%
Общая сумма	7528	100,0	11 788	100,0	27 409	100,0	38 913	100,0	54 562	100,0
В том числе										
Западная Европа	1259	18,8	1 733	14,7	4 573	16,7	10 351	26,6	16 200	29,7
Канада	1952	29,2	3 579	30,3	9 470	34,5	13 016	33,5	16 840	30,9
Латинская Америка	2847	42,5	4 445	37,7	7 751	28,4	8 424	22,3	9854	18,1

* Рассчитано по: «Survey of Current Business», December 1952; September 1965; September 1967.

Приведенные данные показывают, что при общем бурном росте суммы экспортированного капитала неуклонно увеличивается его доля, идущая в развитые капиталистические страны. Резко уменьшилась роль важнейшей сферы американских частных инвестиций — Латин-

[31] *J. Strachey*. The End of Empire. London, 1959 (см. гл. VI и VII).

ской Америки, где одним из самых популярных лозунгов антиимпериалистической борьбы стало требование национализировать собственность иностранных монополий.

Главным объектом экономической экспансии США, осуществляемой посредством экспорта частного капитала, теперь стали развитые капиталистические страны.

Эта тенденция имеет значение также и как убедительное подтверждение важности критики Лениным тезиса К. Каутского о том, что суть империализма состоит в стремлении промышленной капиталистической нации присоединять к себе или подчинять аграрные области [32]. Этот тезис Каутского был опровергнут уже в ходе первой мировой войны, когда германский империализм пытался реализовать проект создания «срединной Европы» в качестве своей колониальной сферы влияния. Но еще больше несостоятельность утверждений Каутского обнаружил ход второй мировой войны, когда Гитлер уже практически приступил к созданию европейской колониальной империи, превратив Польшу в генерал-губернаторство, Чехию — в протекторат, и применил в Европе две основные формы колониального управления: прямое имперское владение и косвенное управление при посредстве марионеточных правительств.

Тенденция передела мира вооруженным путем, о которой писал Ленин, угрожает существованию народов не только экономически отсталых стран, составлявших колониальную и полуколониальную периферию капиталистического мирового хозяйства, где империалисты осуществляют его путем «малых войн»: не избавлены от этой угрозы и страны Западной Европы. Фашистский переворот в Греции, осуществленный в 1967 г. при поддержке американской военщины, по своему «стилю» напоминает так называемые пронунциаменто, при помощи которых империалисты США издавна создают послушные их воле марионеточные правительства в Латинской Америке. Наличие этой зловещей тенденции было подтверждено разоблачением деятельности американской разведки в Италии, где подготовлялся военно-фашистский переворот такого же типа, как в Греции.

Таким образом, все пять экономических признаков империализма, раскрытых Лениным, сохраняют свое значение как глубинные причины, определяющие важнейшие особенности его современного развития.

ИМПЕРИАЛИЗМ ЭПОХИ ОБЩЕГО КРИЗИСА КАПИТАЛИЗМА

В. И. Ленин, определяя историческое место империализма как кануна социалистической революции, выделил три его свойства. Ленин установил, что империализм, во-первых,— монополистический капитализм, во-вторых,— загнивающий или паразитический и, в-третьих,— уми-

[32] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 28, стр. 242.

рающий капитализм. Появление монополий знаменовало начало отмирания капитализма как экономической системы. Загнивание и паразитизм ускоряют морально-политическую дискредитацию этой системы. Революционная борьба против империализма ведет эту систему к гибели. Умирание капитализма под ударами социалистической революции — длительный исторический процесс, охватывающий одновременно и период его общего кризиса, и период становления новой, коммунистической формации. Суть общего кризиса капитализма состоит в том, что в результате развития внутренних противоречий в системе империализма социалистическая революция вырывает из этой системы одно звено за другим. Вместе с тем в результате национально-освободительных революций происходит распад колониальных империй и разрушается империалистическая структура мирового капиталистического хозяйства.

В определении исторического места империализма, как и при характеристике его пяти основных экономических признаков — та же строгая логика, взаимозависимость их свойств, предопределяющих закономерность и неизбежность гибели последней эксплуататорской формации.

Ленинская характеристика империализма как монополистического капитализма получила завершение в анализе государственно-монополистического капитализма. Ленин и в этом случае, выявляя новые закономерности, используя метод научной абстракции, прочно стоял на почве фактов, опираясь на глубокий анализ исторической действительности.

До первой мировой войны процесс перерастания монополистического капитализма в государственно-монополистический находился лишь в начальной стадии. Развитие этой черты империализма чрезвычайно ускорила война. Силой обстоятельств капитализм был подведен к необходимости перестройки всего хозяйства на военный лад. Такую перестройку нельзя было осуществить без колоссального увеличения экономических функций государства. Изменить номенклатуру продукции многих отраслей производства было невозможно на основе обычно функционирующего механизма капиталистического воспроизводства, который подчиняется стихийным законам рынка. Государство провело мобилизацию промышленности и заставило капиталистов работать по заказам казны. Во время войны возник, по выражению Ленина, «особый вид народного хозяйства», который перестал быть похожим на «чистый» капитализм [33]. В условиях военной экономики государственный аппарат, ведающий распределением заказов и закупкой продукции, тесно сросся с аппаратом монополий, которые создали объединения, охватывающие целые отрасли хозяйства. Централизация и концентрация капитала достигли невиданных масштабов. Государство при посредстве отраслевых монополий и других объединений капиталистов установило контроль над всей экономикой.

Образцовой страной планируемой военной экономики была кайзеровская Германия, где особенно сильно развился государственно-моно-

[33] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 318—319.

полистический капитализм. Ленин, учитывая опыт Германии, сделал вывод, что государственно-монополистический капитализм показывает объективную возможность общественной организации производства не только для создания «рая для капиталистов и военной каторги для рабочих», но и в интересах всего народа. Теоретическое открытие Ленина состояло в том, что в ходе империалистической войны, которая, казалось, ведет к гибели всей цивилизации, он увидел, как государственно-монополистический капитализм, доводя до самой высокой ступени капиталистическое обобществление производства, необычайно быстро ускоряет создание материальных предпосылок для социализма. Контуры будущего Ленин разглядел и в учреждениях по регулированию хозяйства, созданных в качестве надстройки военной экономики. «...Остается,— писал Ленин в сентябре 1917 г.,— *только* превратить реакционно-бюрократическое регулирование в революционно-демократическое...» [34]

Опыт Великой Октябрьской социалистической революции подтвердил научный прогноз Ленина. Развитие государственно-монополистического капитализма в России было чрезвычайно ускорено войной. В руках государства и под его контролем оказались важнейшие отрасли промышленности, работавшие на казну. Создание такого аппарата по учету и контролю экономики, который функционировал, несмотря на разруху и хаос, господствовавший в хозяйстве царской России во время войны, облегчило после победы социалистической революции национализацию командных высот экономики и создание социалистического сектора хозяйства.

Отмечая огромную роль войны в ускорении перехода от монополистического капитализма к государственно-монополистическому, Ленин отнюдь не сводил причины этого процесса к специфическим особенностям военного хозяйства. Он неоднократно подчеркивал, что тенденция к огосударствлению экономики капитализма вытекает из той формы обобществления производства, которая осуществляется на базе монополий.

Необходимость обуздания анархии рыночной стихии, связанной с производством на неизвестный рынок и ставшей особенно разрушительной по мере роста концентрации производства, привела к развитию государственно-монополистического капитализма. Ленин указывал, что «частные и государственные монополии переплетаются воедино в эпоху финансового капитала» [35], происходит соединение «гигантской силы капитализма с гигантской силой государства в один механизм» [36], и государство «теснее и теснее сливается с всесильными союзами капиталистов» [37].

Дальнейшее развитие капитализма полностью подтвердило этот ленинский прогноз. По мере усиления господства монополий вмеша-

[34] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 168.
[35] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 370.
[36] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 83.
[37] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 3.

тельство государства становится все более необходимым для процесса расширенного капиталистического воспроизводства. Раньше диспропорции в развитии народного хозяйства устранялись на основе стихийного перелива капитала, устремлявшегося в отрасли с более высокой прибылью. При господстве монополий, сделавших своей вотчиной целые отрасли, как развитие новых производств, так и реконструкция ряда старых отраслей, необходимых для народного хозяйства, стали невозможны без прямого или косвенного содействия со стороны государства. В возрастающей доле берет на себя государство и капиталовложения в науку, особенно в фундаментальные исследования, которые по самой своей природе не могут стимулироваться погоней за прибылью, лежащей в основе всей политики частных монополий. Не только финансирование, но и организация науки и опытно-конструкторских работ во все возрастающей мере переходит в руки государства. Вместе с научно-техническим прогрессом все более важным фактором воспроизводства общественного капитала становятся государственные мероприятия по обучению и повышению квалификации работников всех отраслей народного хозяйства. Эта функция в значительной мере выходит за пределы возможностей частных монополий и уже не может осуществляться без непосредственного выполнения ее государством.

Ленинский анализ государственно-монополистического капитализма приобрел большое практическое значение для разработки стратегии и тактики классовой борьбы. Основанные на этом анализе важные выводы содержатся в программных документах мирового коммунистического движения и отдельных партий. Этот анализ служит ориентиром для изучения новых явлений в развитии государственно-монополистического капитализма, которые неоднократно были темой дискуссий на международных теоретических конференциях экономистов-марксистов [38].

В теоретических исследованиях экономистов-марксистов большое внимание уделяется изучению механизма воздействия государственно-монополистического капитализма на процесс воспроизводства. Преодоление однобокого подхода, который при анализе государственно-монополистического капитализма сводил все дело к изучению процесса подчинения государственного аппарата монополиями, привело к более глубокому исследованию вопроса о реальном значении относительной самостоятельности государства. Ход исторического развития показывает, что государство не всегда может выполнять волю всех монополий. Кроме того, в целях социального маневрирования, под давлением революционных сил оно должно вопреки корыстным и узким интересам монополий подчас идти на уступки требованиям трудящихся и проводить отдельные мероприятия, отвечающие интересам всей нации.

Большой вклад в исследование проблем государственно-монополистического капитализма вносят компартии развитых капиталистических

[38] См. «Проблемы современного капитализма и рабочий класс». Прага, 1963; «Le Capitalisme Monopoliste d'Etat. Conference Internationale», Choisy-le-Roi, 26/29, Mai 1966; «Учение В. И. Ленина об империализме и современность». М., 1967.

стран. Руководствуясь ленинскими теоретическими положениями, эти партии разрабатывают демократическую и социалистическую альтернативу государственно-монополистическому регулированию экономики. Такая альтернатива служит экономической платформой для образования широкой коалиции сил, противостоящих реакционным целям государственно-монополистического капитализма.

Сущность государственно-монополистического капитализма в современных условиях определяется не только действием внутренних, имманентных законов капитализма. С началом общего кризиса капитализма, когда важнейшей сферой классовой борьбы все больше становится противоборство между социализмом и капитализмом, государственно-монополистический капитализм претерпевает существенную модификацию.

Империализму эпохи общего кризиса капитализма и становления новой, социалистической формации наряду с тенденциями к милитаризму и прямому насилию в классовой борьбе свойственна и тенденция к буржуазному реформизму. Тенденция к реформизму и социальному маневрированию усиливается под влиянием побед мировых революционных сил. Эта тенденция становится для империализма настоятельно необходимой, чтобы дать ответ на «вызов социализма» в соревновании двух систем.

Государственно-монополистический капитализм периода общего кризиса капитализма проявляет себя поэтому не только как орудие милитаризации экономики и установления военно-фашистских диктатур, но и как система, расширяющая возможности социального маневрирования. После разгрома фашизма во второй мировой войне и его дискредитации в глазах народов всего мира существенной тенденцией государственно-монополистического капитализма в большинстве развитых стран капитализма стала вынужденная политика учета необходимости мирного сосуществования двух систем и проведения ограниченных буржуазных реформ в целях сохранения основ эксплуататорского строя.

При современной расстановке мировых сил рабочий класс и широкие народные массы империалистических стран имеют возможность успешно противодействовать наиболее реакционным проявлениям государственно-монополистического капитализма, успешно бороться за обуздание всевластия монополий, за проведение коренных социально-экономических реформ. Даже частичные уступки, вырванные у монополистической буржуазии, могут быть превращены в исходный рубеж для дальнейшего наступления трудящихся масс.

В. И. Ленин указывал, что активная и самостоятельная борьба масс способна «превратить половинчатые и лицемерные «реформы» на почве данного порядка в опорные пункты поступательного рабочего движения на пути к полной эмансипации пролетариата» [39].

По мере расширения экономических функций правительства меняется постепенно и характер государственного аппарата. В нем, несмотря на тенденции милитаризации и бюрократизации, все же падает удель-

[39] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 19, стр. 27.

ный вес учреждений и лиц, призванных осуществлять функцию насилия, и, наоборот, растет значение той части аппарата, которая может составить костяк механизма общественного хозяйствования после ликвидации власти монополий и перехода страны на социалистический путь развития. Это открывает перспективу мирного развития социалистической революции, при которой широкая антимонополистическая коалиция будет иметь прямую поддержку в известных звеньях государственного аппарата, не связанных непосредственно с осуществлением функции насилия.

Однако никакие реформы и социальное маневрирование государственно-монополистического капитализма не могут изменить природы империализма, устранить свойственные ему загнивание и паразитизм.

Монополистическая собственность на производительные силы обрекает их на загнивание и уродливое развитие. Отделение капитала-собственности от капитала-функции, от его применения в производстве превращает монополистическую буржуазию и значительную часть владельцев фиктивного капитала в паразитарный класс, духовное и моральное вырождение которого создает угрозу деградации всего общества, пока этот класс остается господствующим. Эта тенденция, теоретически установленная полвека назад Лениным, получила теперь признание даже со стороны буржуазных социологов, которые характеризуют США — страну наиболее развитого монополистического капитализма — как «больное общество», где материальное богатство расточается самым бессмысленным образом и небывалый подъем науки и техники соседствует с духовной нищетой, вопиющим падением общественной морали и рекордным ростом преступности.

Загнивание и паразитизм, свойственные империализму, наиболее ярко проявляются в небывалом усилении милитаризма. Основой этого процесса является то, что производство оружия дает возможность финансовой олигархии наиболее полно использовать преимущества государственно-монополистического капитализма: только военная промышленность имеет гарантированный государством рынок, где продукция сбывается по монопольным ценам и спрос на нее не нарушается циклическим ходом воспроизводства. Апологеты монополистического капитализма всячески пытаются преуменьшить значение того очевидного факта, что военная промышленность стала отраслью, в значительной мере определяющей развитие экономики и ее государственное регулирование. Однако даже некоторые из них вынуждены признать этот неоспоримый факт. В связи с этим характерно признание американского либерально-буржуазного экономиста Д. Гэлбрейта. Критикуя П. Самуэльсона, автора наиболее распространенного на Западе учебника политэкономии, Гэлбрейт пишет: «Во многих работах по общественным проблемам, в том числе принадлежащих экономистам, существовала тенденция преуменьшать или игнорировать роль военных расходов в регулировании спроса. Мысль о наличии такой зависимости действительно способна обескуражить. Признание того, что успешная деятельность экономической системы зависит от производства оружия с разрушительной силой во много мегатонн, чревато весьма неприятными

 выводами. Оно служит плохой рекомендацией всей системе и тем самым играет на руку марксистской пропаганде. Поэтому в научных и учебных публикациях преуменьшается роль военных расходов в регулировании спроса и сосредоточивается внимание на усовершенствовании налоговой политики или других более привлекательных вопросах. Проблема военных расходов решается просто ссылкой на то, что если бы не соображение высшей национальной безопасности, можно было бы достичь того же эффекта увеличением бюджетных расходов на гражданские нужды или возвращением средств в частное использование» [40].

В милитаризме проявляется полное исчерпание капитализмом его исторической прогрессивной миссии в развитии производительных сил. Умирание капитализма и уничтожение милитаризма делаются непременным условием сохранения жизни человечества. С особой силой этот ленинский вывод, сделанный им при определении исторического места империализма, звучит в наше время, когда человечество, едва только освободившись от гитлеровских маньяков, готовивших ему тысячелетнее порабощение «расой господ», сразу же после второй мировой войны оказалось под угрозой вооруженных атомной бомбой американских империалистических претендентов на мировое господство.

Может ли иметь оправдание экономическая система, которая делает необходимым периодическое разрушение производительных сил при помощи больших и «малых» войн, система, при которой сохранение так называемого равновесия между производством и потреблением достигается, кроме того, посредством кризисов перепроизводства, а значительная часть производственного потенциала при нищете масс используется для изготовления предметов роскоши, идущих на удовлетворение прихотей паразитической части общества? Конечно, нет. Такая экономическая система обречена на гибель.

Анализируя новые данные о развитии капитализма в условиях господства монополий, Ленин не только научно обосновал вывод о неизбежности социалистической революции, он также установил принципиально новые закономерности хода мировой социалистической революции, вытекающие из открытого им закона неравномерности экономического и политического развития капитализма в эпоху империализма. Эта закономерность, проявляющаяся в том, что из системы мирового капиталистического хозяйства социалистические революции вырывают отдельные звенья, из которых складывается мировое социалистическое хозяйство, с удивительной точностью подтверждена историческим развитием.

Руководствуясь идеями великого Ленина, созданная им Коммунистическая партия разработала стратегию и тактику революционной борьбы, которая обеспечила превращение Советского Союза в могучий оплот мировой социалистической революции. Под руководством КПСС советский народ поверг в прах все планы империализма уничтожить первое в мире социалистическое государство и задержать развитие мировой социалистической революции. Эти всемирно-исторические

[40] *J. K. Galbraith.* The New Industrial State, p. 230.

победы привели к превращению социализма в господствующую силу мирового развития. Империалисты, учитывая реальное соотношение сил на мировой арене, должны думать уже не столько о том, как уничтожить социализм, сколько о том, как сохранить капитализм в условиях противоборства двух мировых систем. Это позволяет социализму навязать империалистам необходимость мирного сосуществования и экономического соревнования двух систем. В таком соревновании, где неизбежно проявятся огромные экономические преимущества социализма над капитализмом, Ленин видел важную предпосылку победоносного развития мировой социалистической революции.

Теоретические положения ленинской теории империализма легли в основу второй Программы КПСС, принятой VIII съездом партии в 1919 г. Новая часть теоретического раздела этой программы, в которой содержатся выводы из научного анализа монополистического капитализма, была написана Лениным и целиком воспроизведена в третьей Программе КПСС, принятой XXII съездом партии в 1961 г. Научные результаты ленинского исследования империализма и общего кризиса капитализма положены также в основу программных документов коммунистических партий всех стран и мирового коммунистического движения.

Когда Ленин начинал исследование последней стадии капитализма, он характеризовал ее как эпоху войн и революций. В Программу КПСС, принятую в 1961 г., эту характеристику эпохи уже нельзя было включать. В результате титанической деятельности Ленина — гениального ученого, вождя и организатора победоносной Великой Октябрьской революции, основателя и руководителя Коммунистической партии и первого в мире социалистического государства — были приведены в действие такие силы, которые коренным образом изменили характер нашей эпохи. В третьей Программе КПСС указывается: «Современная эпоха, основное содержание которой составляет переход от капитализма к социализму, есть эпоха борьбы двух противоположных общественных систем, эпоха социалистических и национально-освободительных революций, эпоха крушения империализма, ликвидации колониальной системы, эпоха перехода на путь социализма все новых народов, торжества социализма и коммунизма во всемирном масштабе» [41].

Вряд ли можно найти лучшее обобщение всемирно-исторических результатов, достигнутых на основе практического применения марксистско-ленинской теории, чем то, которое содержится в приведенной характеристике нашей эпохи, освещенной гением Ленина.

[41] «Программа Коммунистической партии Советского Союза». М., 1964, стр. 5

В. М. ЧХИКВАДЗЕ
член-корреспондент АН СССР

ЖИЗНЕННАЯ СИЛА ЛЕНИНСКОГО УЧЕНИЯ О ДЕМОКРАТИИ

Столетие со дня рождения Владимира Ильича Ленина — гениального мыслителя и великого революционера, основателя Коммунистической партии и первого в мире социалистического государства — трудящиеся земного шара отмечают в обстановке торжества ленинских идей. По силе своего воздействия, по масштабам своего влияния идеи ленинизма в наше время не имеют себе равных. По данным ЮНЕСКО, труды Ленина занимают первое место в мировой переводной литературе. Его важнейшие работы изданы более чем на 110 языках народов мира.

В Обращении «О 100-летии со дня рождения Владимира Ильича Ленина», принятом на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в июне 1969 г., подтверждается неизменная верность коммунистов ленинизму, подчеркнуто его всеобщее международное значение. В кратких, но емких словах выражена идеологическая основа единства международного коммунистического движения.

В. И. Ленин был человеком энциклопедических знаний и непревзойденных творческих способностей. Он глубоко и всесторонне изучал и разрабатывал вопросы философии и социологии, истории и экономики, всех областей общественно-политической мысли. Большое внимание уделял Ленин проблемам государства, демократии и права, изучением которых он занимался с самого начала своей революционной

деятельности. Эти проблемы стали предметом его особого внимания в период подготовки и проведения Октябрьской революции, когда сама жизнь поставила их в повестку дня.

Хотя Ленин писал о государстве и демократии в разное время, в разной обстановке и по различным поводам, все написанное им органически связано между собой и составляет стройное учение. Это—творческое и живое учение, непрерывно развивающееся и обогащающееся новым историческим опытом, новейшими результатами научных достижений.

Возглавляя Советское правительство, Ленин непосредственно руководил строительством Советского социалистического государства, созданием нового государственного аппарата, разработкой принципов и институтов социалистической демократии. Его деятельность по созданию и укреплению органов Советской власти, построенных на подлинно демократических началах, служит ярким образцом неразрывной связи революционной теории и практики.

Невозможно переоценить значение богатейшего ленинского теоретического наследия по вопросам демократии вообще, социалистической демократии в особенности. Его глубокое изучение и творческое применение исключительно важно для дальнейшего развития социалистической государственности, для совершенствования социалистической демократии.

Вопросы демократии всегда были объектом острой политической борьбы различных общественных сил. Особую остроту они приобрели в современный период — период напряженной идеологической борьбы двух противоположных общественно-политических систем. Идеологические противники коммунизма пытаются «обосновать» несовместимость диктатуры пролетариата и демократии, очернить социалистический общественный строй. Ленинские идеи помогают вести успешную борьбу против происков антикоммунизма, равно как и против реформистских и ревизионистских (правых и «левых») извращений сущности социалистической демократии.

МАРКСИСТСКО-ЛЕНИНСКОЕ ПОНИМАНИЕ ДЕМОКРАТИИ

Марксизм-ленинизм создал последовательное и строго научное учение о демократии как части общей теории политической организации общества, установил обусловленность ее, как и всякой иной надстройки, материальными условиями жизни общества. Впервые с подлинной научной объективностью были раскрыты исторический характер политической демократии, ее социальная сущность, реальные перспективы и возможности.

В. И. Ленин указывал, что «всякая демократия, как вообще всякая политическая надстройка... служит, в конечном счете, производству и определяется, в конечном счете, производственными отношениями дан-

ного общества» [1]. Тип производственных отношений, т. е. экономическая структура общества, является основой всякой демократии.

Как бы предостерегая от вульгаризаторского понимания связи демократии с экономическим базисом, Ленин неоднократно употреблял выражение «в конечном счете». Экономические отношения определяют характер демократии не непосредственно, а через классовые, социально-политические отношения. Отношения собственности показывают, какому общественному классу принадлежит государственная власть. Ответ на этот вопрос одновременно является ответом на вопрос о социальной природе данной демократии.

В. И. Ленин подверг уничтожающей критике взгляды лидеров II Интернационала, ставивших вопрос о демократии абстрактно, вообще, вне связи с классовой борьбой. По Ленину, демократия представляет собой важнейшую категорию социальной жизни, целиком зависимую от характера господствующей собственности, сущности государственной власти и соотношения классовых сил в обществе.

Выступая против К. Каутского, мещански рассуждавшего о «чистой демократии», Ленин писал: «Если не издеваться над здравым смыслом и над историей, то ясно, что нельзя говорить о «чистой демократии», пока существуют различные *классы*, а можно говорить только о *классовой* демократии. (В скобках сказать, «чистая демократия» есть не только *невежественная* фраза, обнаруживающая непонимание как борьбы классов, так и сущности государства, но и трижды пустая фраза, ибо в коммунистическом обществе демократия будет, перерождаясь и превращаясь в привычку, *отмирать*, но никогда не будет «чистой» демократией).

«Чистая демократия» есть лживая фраза либерала, одурачивающего рабочих. История знает буржуазную демократию, которая идет на смену феодализму, и пролетарскую демократию, которая идет на смену буржуазной» [2].

Строго классовый подход к оценке демократии, рассмотрение демократии с позиций рабочего класса, трудящихся красной нитью пронизывает все высказывания Ленина по этой проблеме. «...Демократия на почве частной собственности или на базе борьбы за отмену частной собственности?» [3] «Свобода,— но для какого класса и для какого употребления?Равенство,—но кого с кем?» [4] — эти вопросы неизменно ставились Лениным, как только заходила речь о тех или иных внешнедемократических институтах.

Провозглашение свободы и равенства и одновременное умалчивание о существовании частной собственности на средства производства Ленин считал ложью и лицемерием буржуазного общества, которое формальным признанием демократии прикрывает экономическое порабощение и неравенство для всех трудящихся и эксплуатируемых

[1] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 276.
[2] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 251.
[3] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 281.
[4] Там же, стр. 424.

Книгоиздательство „ЖИЗНЬ и ЗНАНІЕ“.
Петроградъ, Поварской пер., д. 2, кв. 9 и 10. Телефонъ 227-42.

Библіотека Обществовѣдѣнія. Кн. 40-я.

В. ИЛЬИНЪ (Н. Ленинъ).

ГОСУДАРСТВО
и
РЕВОЛЮЦІЯ

Ученіе марксизма о государствѣ и задачи пролетаріата въ революціи.

ВЫПУСКЪ I.

ПЕТРОГРАДЪ
1918

ТИТУЛЬНЫЙ ЛИСТ КНИГИ В. И. ЛЕНИНА
«ГОСУДАРСТВО И РЕВОЛЮЦИЯ», ИЗДАННОЙ В 1918 Г

капиталом, т. е. для громадного большинства населения в капиталистических странах [5].

«Буржуазная демократия,— писал Ленин,— будучи великим историческим прогрессом по сравнению с средневековьем, всегда остается — и при капитализме не может не оставаться — узкой, урезанной, фальшивой, лицемерной, раем для богатых, ловушкой и обманом для эксплуатируемых, для бедных» [6].

В свое время идущая к власти буржуазия в борьбе против феодального деспотизма и произвола широко рекламировала демократические принципы народовластия, свободы, равенства, братства. История показывает, однако, что эти идеи не являлись изобретением буржуазии. Они были важнейшими общедемократическими требованиями трудящихся в их многовековой борьбе против эксплуататоров задолго до возникновения буржуазной демократии. Шедшая к власти буржуазия ловко воспользовалась ими для борьбы против феодализма и привлечения на свою сторону широких народных масс.

После укрепления своего господства буржуазия превратила демократические принципы и идеи в фикцию. Ее классовым интересам отвечают лишь ограничение и уничтожение демократии для трудящихся. Буржуазия выступает за демократию до тех пор, пока это ей выгодно, пока удается использовать демократические лозунги свободы, равенства и братства в качестве средства обмана трудящихся. Как только в результате ожесточенной классовой борьбы использование трудящимися демократических свобод усиливается, буржуазия отворачивается даже от куцей формальной демократии. Она ведет развернутое наступление на демократию, насаждает реакцию, насилие, террор.

Опыт показывает, что на состояние буржуазной демократии пагубно влияет обстановка подготовки и ведения войны, гонка вооружения, раздувание военной истерии. Уроки прошлого говорят о том, что империалистические государства всегда начинают подготовку к войне с нарушения основных институтов и норм демократии, прав и свобод человека. Так было в Германии после прихода к власти Гитлера. По этому бесславному пути идут ныне милитаристские и реваншистские круги Западной Германии, одобрившие чрезвычайное законодательство, не совместимое с элементарными принципами демократии.

Поворот от демократии к политической реакции составляет, как указывал Ленин, общую закономерность развития империализма. В эпоху империализма наступление реакции на демократические порядки и традиции направлено не только против трудящихся, но и против других слоев общества (за исключением крупной буржуазии) и распространяется на самые широкие области общественно-политической жизни. «И во внешней политике, и во внутренней, одинаково, империализм стремится к нарушениям демократии, к реакции. В этом смысле неоспоримо, что империализм есть «отрицание» *демократии вообще, всей демократии*...» [7]

[5] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 425—426.
[6] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 252.
[7] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 93.

Как указывал Л. И. Брежнев в своем выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий, «там, где эксплуататоры оказываются не в состоянии обеспечить нужный им «порядок» в рамках буржуазной демократии, власть передается в руки откровенно террористических режимов фашистского толка. Примеров тому в наше время немало. Эти режимы пользуются финансовой и политической поддержкой со стороны правящих кругов империалистических держав и крупнейших монополий» [8].

Общая картина современного состояния буржуазной демократии была бы неполной, если не учитывать, что существующая тенденция к свертыванию буржуазной демократии, к насаждению террористических методов управления наталкивается на все растущее сопротивление организованного рабочего класса, всех трудящихся масс, прогрессивной интеллигенции. В обстановке нового соотношения классовых сил на международной арене это сопротивление может привести к определенным успехам трудящихся. Когда рабочему классу, народным массам удается отстоять те или иные позиции буржуазной демократии, превратить ее в орудие своей борьбы, то это происходит против воли буржуазии, отступающей в таких случаях под нажимом трудящихся.

Одной из важных задач коммунистических и рабочих партий капиталистических стран является борьба за использование буржуазной демократии, за превращение ее в средство достижения пролетариатом своих целей. И в этом отношении ленинские идеи имеют непреходящую ценность. Ленин писал: «Социализм невозможен без демократии в двух смыслах: (1) нельзя пролетариату совершить социалистическую революцию, если он не подготовляется к ней борьбой за демократию; (2) нельзя победившему социализму удержать своей победы и привести человечество к отмиранию государства без осуществления полностью демократии» [9].

Здесь Ленин говорит о двух типах демократии: 1) демократии буржуазной, борьба за которую служит подготовкой к социалистической революции; 2) новой демократии победившего социализма, полное осуществление которой является необходимым условием удержания победы и отмирания государства.

Демократия первого типа рассматривается Лениным как школа политической борьбы рабочего класса, как легальная возможность широкого общения коммунистов с народными массами, как возможность разоблачения буржуазных порядков и распространения идей социализма.

В. И. Ленин, как никто другой, видел ограниченность и узость буржуазной демократии, действительной и выгодной лишь для эксплуататоров, и умел беспощадно вскрывать ее язвы и пороки. Однако огонь ленинской критики был направлен против буржуазного характера

[8] *Л. И. Брежнев.* За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы. Выступление главы делегации КПСС Генерального секретаря ЦК КПСС на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве 7 июня 1969 г. М., 1969 г., стр. 9.

[9] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 128.

демократии, а не против всякой демократии, как это пытаются представить враги марксизма-ленинизма. Ленин решительно боролся против мелкобуржуазных иллюзий относительно того, что в условиях капитализма возможно достижение подлинного народовластия, разоблачал и отвергал реформизм, рассматривающий буржуазную демократию как цель, а не средство борьбы.

В. И. Ленин был непримирим и к левосектантским взглядам и настроениям, носители которых утверждали, будто рабочему классу нет никакого дела до демократии, будто борьба за демократию может лишь помешать его борьбе за свои классовые интересы.

Отвергая подобные левацкие заскоки, Ленин указывал: «Было бы коренной ошибкой думать, что борьба за демократию способна отвлечь пролетариат от социалистической революции, или заслонить, затенить ее и т. п.» [10] Он считал, что «демократия имеет громадное значение в борьбе рабочего класса против капиталистов за свое освобождение» [11]. Более того, Ленин подчеркивал, что «пролетариат, не воспитывающийся в борьбе за демократию, не способен совершить экономического переворота» [12].

В полном соответствии с этими ленинскими идеями Заявление московского Совещания представителей коммунистических и рабочих партий 1960 г. констатировало, что коммунисты рассматривают борьбу за демократию как составную часть борьбы за социализм [13].

Такой подход к буржуазной демократии вытекает из объективного положения эксплуатируемых классов при капитализме. Реакционным тенденциям в развитии политической организации современного буржуазного общества противостоит стремление трудящихся масс к демократии. Ленин неоднократно обращал внимание на эту противоречивость в буржуазном обществе. «Капитализм вообще и империализм в особенности,— писал он,— превращает демократию в иллюзию — и в то же время капитализм порождает демократические стремления в массах, создает демократические учреждения, обостряет антагонизм между отрицающим демократию империализмом и стремящимися к демократии массами» [14].

В современных условиях в авангарде борьбы за демократию в капиталистических странах выступает рабочий класс. Ленин еще в 1905 г. отмечал, что классовое положение пролетариата заставляет его быть последовательным демократом в противоположность буржуазии, оглядывающейся назад, боящейся демократического прогресса, усиления пролетариата. Более того, и это следует особо подчеркнуть, буржуазная демократия в том или ином объеме сохраняется лишь в меру народного сопротивления реакции, лишь благодаря активной борьбе прогрессивных сил, благодаря разносторонней деятельности марксистско-ленинских партий в защиту демократии. Трудно переоценить при этом и влия-

[10] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 253.
[11] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 99.
[12] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 71.
[13] «Программные документы борьбы за мир, демократию и социализм». М., 1964, стр. 72.
[14] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 71.

ние, оказываемое историческими победами социализма и успешным строительством коммунизма в СССР и других странах мировой социалистической системы, их миролюбивой внешней политикой.

Защита демократии, к ликвидации которой стремится монополистическая буржуазия, представляет в наше время широкую платформу объединения различных слоев населения, страдающих от экономического и политического гнета монополий. В капиталистических странах ныне все прогрессивные силы нации заинтересованы в ликвидации военно-промышленного комплекса, что и позволяет объединить усилия всех демократических движений, выступающих против союза монополий и военщины в государственном аппарате. Об этом говорил в своем выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве Л. И. Брежнев: «...в капиталистическом мире резко усиливается напор широких народных масс, требующих социальных перемен. При этом характерно, что классовая борьба все теснее переплетается с выступлениями трудящихся против военных авантюр империалистов, против возрождения фашизма, за сохранение и расширение демократических свобод, за национальную независимость.

Резко обостряется антагонизм между империализмом, который усиливает социальный гнет, отрицает демократию, и народными массами, борющимися за свои жизненные интересы, стремящимися к свободе и демократии» [15].

В. И. Ленин писал, что более широкая, более свободная, более открытая форма классовой борьбы дает пролетариату огромные возможности для завоевания своего господства. Чем глубже демократическое движение, тем больше повышается уровень политической сознательности масс, тем очевиднее, что только социализм открывает путь к подлинной свободе, общественному прогрессу и всеобщему благосостоянию. Через борьбу за коренные социально-экономические и политические преобразования массы вплотную подводятся к сознанию несовместимости демократии и капитализма. Сама борьба за демократию во многих странах становится одной из форм проявления социалистических устремлений широких масс. Ныне социалистическая направленность последовательных демократических преобразований становится все более интенсивной [16].

Коммунисты видят сегодня в развитии буржуазной демократии не только средство подготовки социализма, но — при известных условиях — и средство завоевания пролетариатом власти мирным, парламентским путем, без гражданской войны. В Программе КПСС отмечается, что в современных условиях существует возможность завоевания рабочим классом государственной власти и перехода основных средств производства в руки народа без гражданской войны, путем завоевания прочного большинства в парламенте и превращения его из орудия бур-

[15] *Л. И. Брежнев.* За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы, стр. 21.

[16] См. об этом: *А. Румянцев.* Историческое значение VII конгресса Коминтерна и современное коммунистическое движение.— «Коммунист», 1965, № 15.

жуазии в орудие, служащее трудовому народу [17]. Это, конечно, не единственный и не главный, а только возможный путь. При этом в полной мере сохраняют свою актуальность важнейшие положения марксизма-ленинизма о немирном, насильственном пути завоевания власти в определенных, конкретно-исторических условиях. Такая постановка вопроса вытекает из ленинской тактики использования всех и всяческих форм борьбы в интересах социализма.

Основанное на ленинских идеях отношение коммунистов к буржуазной демократии характеризуется, таким образом, глубоким пониманием ее природы и исторической обусловленности. Они видят в буржуазной демократии не цель, а средство борьбы, значение которого конкретизируется в зависимости от исторической обстановки.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ — ВЫСШИЙ ТИП ДЕМОКРАТИИ

Буржуазной демократии противостоит демократия социалистическая — высший тип демократии.

Социализм принес трудящимся освобождение от всяких форм социального и национального угнетения, создав тем самым условия для небывалого ранее развития демократии, для приобщения широчайших слоев трудящихся к активному участию в общественно-политической жизни.

Уже в первые годы Советской власти, обобщая накопленный опыт, Ленин сделал вывод, что «диктатура пролетариата неизбежно должна принести с собой не только изменение форм и учреждений демократии, говоря вообще, но именно такое их изменение, которое дает невиданное еще в мире расширение фактического использования демократизма... со стороны трудящихся классов», обеспечивая для громадного большинства населения «такую фактическую возможность пользоваться демократическими правами и свободами, которой никогда не было, даже приблизительно, в самых лучших и демократических буржуазных республиках» [18].

При исследовании природы социалистической демократии также необходимо пользоваться главным ленинским критерием: демократия для кого, каким производственным и общественным отношениям она служит, чьи интересы выражает и защищает, чью власть охраняет и укрепляет, какие общественные порядки поддерживает? Всякая попытка подменить такой классовый подход сравнением отдельных форм и институтов буржуазной и социалистической демократии уводит в сторону от основного вопроса о природе явления и его исторической обусловленности. При характеристике социалистической демократии абсолютно неприемлемы буржуазные критерии демократии: многопартийность, разделение властей, наличие парламентской оппозиции и т. п. Именно этими критериями и оперируют антикоммунисты, затушевывая

[17] «Материалы XXII съезда КПСС». М., 1961, стр. 348—349.
[18] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 499.

классовую сущность демократии и тщетно стремясь доказать мнимые преимущества буржуазной демократии и мнимые недостатки социалистической демократии.

Другой уловкой антикоммунистов является искусственное противопоставление демократии и диктатуры.

В. И. Ленин глубоко раскрыл соотношение демократии и диктатуры. Он показал, что во всяком обществе, где имеются классы с противоположными интересами, политическая власть, какой бы демократической она ни выглядела, носит классовый характер, служит господствующему классу, являясь тем самым отрицанием «всеобщей» демократии, но предполагая демократию для этого класса. «Всякий знает...,— писал Ленин,— что восстания или даже сильные брожения рабов в древности сразу обнаруживали сущность античного государства, как *диктатуры рабовладельцев.* Уничтожала ли эта диктатура демократию *среди* рабовладельцев, *для* них? Всем известно, что нет» [19].

Таким образом, история подтверждает, что диктатура и демократия хорошо сочетались друг с другом. Выступая как диктатура в отношении одних классов, государство может быть одновременно демократией для других классов. Весь вопрос в том, что́ это за диктатура и что́ это за демократия.

О социалистическом государстве переходного периода Ленин говорил, что оно должно быть «государством *по-новому* демократическим (для пролетариев и неимущих вообще) и *по-новому* диктаторским (против буржуазии)» [20]. Нет поэтому никакого противоречия, когда мы утверждаем, что диктатура пролетариата представляет собой в то же время и новый тип демократии. Диктатура пролетариата и пролетарская демократия — это две стороны одного и того же общественного явления. Недаром Ленин употреблял понятия «пролетарский демократизм» и «диктатура пролетариата» как синонимы, противопоставляя их понятию «буржуазный демократизм». Социалистический строй, по выражению Ленина, представляет «максимум демократизма для рабочих и крестьян, и в то же время он означает разрыв с *буржуазным* демократизмом и возникновение *нового*, всемирно-исторического, *типа* демократии, именно: пролетарского демократизма или диктатуры пролетариата» [21].

Подлинный демократизм социалистического государства подчеркивается уже тем, что сам акт его возникновения — социалистическая революция — представляет собой величайший демократический акт. Она характеризуется массовыми революционными действиями миллионов, благодаря которым и обеспечивается переход государственной власти в руки трудящихся во главе с рабочим классом. Эти действия направлены на разрушение основ угнетения народа и создание на их месте учреждений, призванных обеспечить свободу трудящимся.

[19] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 243.
[20] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 35.
[21] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 147.

Устанавливаемая в ходе социалистической революции диктатура рабочего класса — это по самому существу своему глубоко демократическая власть, потому что она означает господство большинства над меньшинством, в то время как диктатура буржуазии — это господство меньшинства над большинством. «Пролетарская демократия,— подчеркивал Ленин,— *в миллион раз* демократичнее всякой буржуазной демократии; Советская власть в миллион раз демократичнее самой демократической буржуазной республики» [22].

Буржуазная пропаганда и разного рода ревизионисты пытаются изобразить диктатуру пролетариата как сплошное насилие и отсутствие демократии, стремятся превратить ее в некое пугало. Под флагом демагогических лозунгов «демократического социализма» они стремятся отрицать историческую необходимость диктатуры пролетариата, тщатся доказать ее мнимый антигуманизм. Но все это — грубое извращение правды.

Диктатура пролетариата действительно связана с насилием. Ленин подчеркивал, что «когда мы говорим о диктатуре, это означает применение насилия» [23]. Однако весь вопрос заключается в причинах и классовой направленности насилия, в тех основных целях, ради достижения которых оно применяется. «Революционное насилие над эксплуататорами, являющееся ответом на насилие с их стороны,— священное право народа, поднявшегося на борьбу за свое социальное освобождение»[24]. Пролетариат применяет насилие лишь в отношении эксплуататоров, т. е. незначительного меньшинства населения, и только в той мере, в какой это вызывается сопротивлением свергнутых классов. С ликвидацией эксплуататорских классов необходимость применения насилия в отношении каких-либо социальных слоев вообще отпадает.

В силу создавшихся в Советской стране конкретно-исторических условий (обостренная классовая борьба, гражданская война и военная интервенция) государство пролетарской диктатуры вынуждено было применять насилие в целях защиты завоеваний революции для решительного подавления классово враждебных сил, составлявших незначительное меньшинство населения. В этих условиях, по выражению Ленина, «пришлось осуществлять диктатуру пролетариата в самой ее суровой форме» [25].

Однако отличие государства диктатуры пролетариата от всех ранее существовавших государств в том и состоит, что его диктаторская функция в отношении классовых противников не является главной, что диктатура пролетариата имеет своим основным назначением осуществление в интересах трудящихся масс коренных преобразований в политических, экономических и социальных отношениях, построение социализма. Поэтому она и выступает как самая широкая демократия для трудящихся.

[22] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 257.
[23] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 318.
[24] «50 лет Великой Октябрьской социалистической революции». Постановление Пленума ЦК КПСС. Тезисы ЦК КПСС. М., 1967, стр. 11.
[25] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 213.

В. И. Ленин указывал, что диктатура пролетариата «не есть только насилие над эксплуататорами и даже не главным образом насилие. ... пролетариат представляет и осуществляет более высокий тип общественной организации труда по сравнению с капитализмом. В этом суть» [26]. Ленин часто подчеркивал, что перед диктатурой пролетариата чем дальше, тем больше выдвигается задача положительного коммунистического строительства, творчества новых экономических отношений, нового общества [27], «налажения чрезвычайно сложной и тонкой сети новых организационных отношений, охватывающих планомерное производство и распределение продуктов, необходимых для существования десятков миллионов людей» [28].

Наши идеологические противники пытаются извратить сущность диктатуры пролетариата и пролетарской демократии надуманным аргументом о том, что поскольку в Советской стране пролетариат не составлял большинства, поэтому-де диктатура пролетариата представляет господство меньшинства над большинством. При этом намеренно фальсифицируется то бесспорное обстоятельство, что «диктатура пролетариата есть особая форма классового союза между пролетариатом, авангардом трудящихся, и многочисленными непролетарскими слоями трудящихся...» [29] «Высший принцип диктатуры,— подчеркивал Ленин,— это поддержание союза пролетариата с крестьянством, чтобы он мог удержать руководящую роль и государственную власть» [30].

Союз рабочего класса с крестьянством и другими слоями трудящихся имеет глубокую социально-политическую основу — единство задач и устремлений, общую заинтересованность в победе социализма и коммунизма. Этот союз необходим как для пролетариата, так и для остальных трудящихся. Они могут освободиться от капиталистического угнетения лишь под руководством рабочего класса, а пролетариат в состоянии осуществить социалистические преобразования только в союзе с непролетарскими трудящимися массами. Вот почему социалистическое государство с момента своего возникновения выступает как выразитель воли и интересов подавляющего большинства общества, как народное государство, руководимое рабочим классом. Этим и определяется глубоко демократическая природа пролетарской власти, ее принципиальное отличие от эксплуататорского государства, не знающего союза господствующего класса с трудящимися и опирающегося на отношения господства и подчинения.

Во всем этом Ленин видел черты, характеризующие качественную новизну и превосходство социалистического государства как государства трудового народа во главе с рабочим классом над государством эксплуататорского типа. Народность — главная сущность социалистического государства на всех этапах его развития. Ленин считал необходимым подчеркивать народную сущность нашего государства даже

[26] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 13.
[27] См. там же.
[28] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 171.
[29] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 377.
[30] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 47.

при выработке наименований важнейших государственных органов. Известно, что термин «народный» применялся для наименования правительства («Совет Народных Комиссаров»), отраслевых центральных ведомств («Народный комиссариат»), органов суда («Народный суд») и т. д.

В написанной Лениным 26 октября 1917 г. резолюции Петроградского Совета рабочих и солдатских депутатов говорилось, что рабоче-крестьянское правительство «установит общенародный контроль над банками, вместе с превращением их в одно государственное предприятие» [31]. Подготовляя текст декрета о создании нового правительства, Ленин выработал окончательное название: «...рабочее и крестьянское правительство, которое будет именоваться Советом Народных Комиссаров» [32].

Неоднократно подчеркивая народный характер социалистического государства, Ленин придавал особое значение вовлечению широких масс трудящихся в управление делами государства и общества. Хорошо известно классическое определение Лениным сущности Советской власти, данное на I конгрессе Коминтерна: «...постоянной и единственной основой всей государственчой власти, всего государственного аппарата является массовая организация именно тех классов, которые были угнетены капитализмом... те массы, которые даже в самых демократических буржуазных республиках, будучи равноправны по закону, на деле тысячами приемов и уловок отстранялись от участия в политической жизни... привлекаются теперь к постоянному и непременному, притом решающему, участию в демократическом управлении государством» [33].

Привлечение широких масс трудящихся к управлению делами государства и общества является объективной необходимостью при социализме. Создание нового общества требует общих организованных усилий всех трудящихся, широкой инициативы и творческой энергии самых широких народных масс. Ленин подчеркивал, что нельзя победить капитализм и организовать социалистическое строительство, «не привлекая всей массы трудящихся, и пролетариев, и полупролетариев, и мелких крестьян, к демократической организации своих рядов, своих сил, своего участия в государстве» [34]. Отсюда видно, что широкий демократизм вытекает из самой природы пролетарской власти и ее исторического предназначения.

В свою очередь широкий демократизм является в условиях социализма мощным средством укрепления аппарата пролетарского государства, которое является главным орудием социалистического строительства. «...У нас есть «чудесное средство» сразу, одним ударом *удесятерить* наш государственный аппарат, средство, которым ни одно капиталистическое государство никогда не располагало и располагать не может. Это

[31] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 4.
[32] Там же, стр. 28.
[33] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 500.
[34] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 71.

чудесное дело — привлечение трудящихся, привлечение бедноты к повседневной работе управления государством» [35].

Несмотря на то, что условия военной интервенции и гражданской войны не позволяли полностью использовать это «чудесное средство» в первые годы Советской власти, уже на начальном этапе развития политической организации советского общества внедряются несравненно более демократические принципы организации власти и управления, чем в любом буржуазном государстве. Ленин отмечал, что «для демократии действительной, а не бумажной, для привлечения рабочих и крестьян мы сделали столько, сколько за сотни лет не сделали самые лучшие демократические республики и сделать не могли» [36].

Главное отличие и преимущество социалистической демократии по сравнению со всеми предшествовавшими типами демократии состоит в том, что социалистическая революция приводит не к замене одной формы эксплуатации другой, а к ликвидации всякой эксплуатации человека человеком, обеспечивая полную социальную справедливость. С завоеванием политического господства пролетариатом началось осуществление демократии в решающей сфере жизни общества — в экономике. Советское государство в первых же своих правовых актах поставило перед собой социально-политическую задачу — уничтожить всякую эксплуатацию человека человеком, укрепить социалистическую организацию общества. Ликвидация частной собственности на средства производства, объявление их общенародным достоянием, переход средств производства в руки трудящихся означали осуществление важнейшего принципа социалистической демократии, принципа равного, одинакового отношения всех трудящихся к средствам производства. Общественная собственность на средства производства, социалистическая система хозяйства становятся материальной основой социалистической демократии. Уже по одному этому не может быть никакого сравнения социалистической демократии с буржуазной демократией, которая закрепляет частную собственность, неравное отношение людей к средствам производства.

Общественная собственность на средства производства не только создает реальные условия для развертывания социалистического демократизма, но и делает его экономически необходимым, ибо управление социалистической собственностью немыслимо без участия в нем широчайших трудящихся масс, кровно заинтересованных в непрерывном подъеме народного хозяйства. Все это подтверждает ленинский тезис о взаимодействии между демократией и развитием экономики. «Отдельно взятый, никакой демократизм не даст социализма, но в жизни демократизм никогда не будет «взят отдельно», а будет «взят вместе», оказывать свое влияние и на экономику, подталкивать *ее* преобразование, подвергаться влиянию экономического развития и т. д. Такова диалектика живой истории» [37].

[35] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 313.
[36] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 171.
[37] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 79.

Как видно, полновластие трудового народа в условиях социализма является действительным и реальным именно потому, что он, будучи свободен от эксплуатации, не только осуществляет политическую власть, но и распоряжается общественным богатством в интересах подъема социалистического производства и все более полного удовлетворения материальных и культурных потребностей трудящихся.

С полной и окончательной победой социализма социалистическая демократия поднимается на новую, более высокую ступень. Ныне в советском обществе нет эксплуататорских классов и групп, нет враждебных друг другу социальных и политических сил, нет антагонистических противоречий и столкновений. Весь народ имеет одну общую цель — построение коммунизма. Выполнению указанной задачи, выражающей интересы всего общества, и служит Советское государство.

В первые годы строительства социализма в Советской стране социалистическая демократия выражала интересы большинства народа и устанавливала существенные ограничения для численно небольших враждебных народу классов и социальных групп. Ныне вследствие перехода к более высокой ступени своего развития социалистическая демократия в СССР выражает интересы всего советского народа. Народная сущность Советского государства, советской демократии получает свое дальнейшее развитие и обогащение.

«...Каждый представитель массы, каждый гражданин должен быть поставлен в такие условия,— писал Ленин,— чтобы он мог участвовать и в обсуждении законов государства, и в выборе своих представителей, и в проведении государственных законов в жизнь» [38]. Именно такие условия создает экономическая и политическая система социализма как высшая форма демократической организации общества.

Отличительной чертой этой системы является то, что она создает реальные возможности как для свободного участия трудящихся в формировании органов государственной власти, так и для их непосредственного участия в управлении государством. При социализме, писал Ленин, «*масса* населения поднимется до *самостоятельного* участия не только в голосованиях и выборах, *но и в повседневном управлении*» [39]. Это коренным образом отличает политическую организацию социалистического общества от буржуазных политических систем, которые формально допускают граждан к участию в голосовании, но исключают какую бы то ни было возможность их прямого участия в управлении. Здесь еще раз проявляется преимущество социалистической демократии, обеспечивающей осуществление народовластия в самых разнообразных формах.

Курс на всемерное укрепление и развертывание социалистической демократии в различных областях политической, хозяйственной и культурной жизни советского общества составляет непременное условие успешного продвижения к коммунизму, важнейшее средство решения задач, стоящих перед нашей страной. Именно поэтому основная линия

[38] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 157.
[39] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 116.

развития советской социалистической демократии состоит в постоянном возрастании участия населения в управлении государственными и общественными делами страны, в расширении и наполнении все более глубоким содержанием прав и свобод советских граждан. Ведь именно социализм, учил Ленин, дает начало быстрому, настоящему, действительно массовому движению вперед во всех областях общественной и личной жизни при участии большинства, а затем всего населения [40].

Дальнейшее развертывание демократии обеспечивается прочными экономическими, политическими и культурными предпосылками. Неуклонно умножается общественное богатство, возрастает уровень национального дохода, улучшаются условия труда, сокращается рабочее время и увеличивается свободное время, возрастает потребление промышленных и продовольственных товаров, широкое развитие получают народное образование и культура; накоплен огромный опыт государственного строительства, выросла политическая активность миллионов трудящихся — активных строителей коммунистических отношений.

Однако благоприятные социальные условия не могут реализовываться самотеком, сами по себе. Развитие демократии может происходить и происходит в условиях повышения эффективности всей системы политической организации общества, внедрения научных принципов управления. Этим объясняется то пристальное внимание, которое КПСС уделяет совершенствованию деятельности советских представительных органов, развитию непосредственной демократии, улучшению стиля, форм и методов работы общественных организаций.

Решения XXIII съезда партии, а также последующие мероприятия КПСС способствовали вовлечению еще более широких масс трудящихся в решение важнейших вопросов государственного, хозяйственного и культурного строительства. За последние годы значительно активизировалась деятельность высших представительных органов страны: расширены права сельских и поселковых Советов депутатов трудящихся, укреплена их материальная база. Наряду с улучшением деятельности Советов все большее развитие получают различные формы непосредственной демократии: участие рабочих в управлении производством, собрания, съезды и совещания передовиков производства, интеллигенции, молодежи.

Конкретным воплощением и дальнейшим обогащением демократизма советской представительной системы являются, в частности, сессии Верховного Совета СССР седьмого созыва, проходившие в обстановке высокой политической активности и деловитости.

Началу каждой из этих сессий Верховного Совета предшествовали большая подготовительная работа и широкое обсуждение важнейших законопроектов. На пятой сессии (декабрь 1968 г.) по предложению Президиума Верховного Совета СССР были образованы новые постоянные комиссии по делам молодежи Совета Союза и Совета Национальностей. Все основные законопроекты, рассмотренные и принятые Верховным Советом, были предварительно обсуждены на заседаниях

[40] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 99—100.

соответствующих постоянных комиссий. Они начали свою работу почти за месяц до открытия сессии. В заседаниях комиссий активное участие принимали представители министерств и ведомств, руководители крупнейших предприятий, специалисты и ученые.

В результате предварительного обсуждения в постоянных комиссиях проектов государственных планов развития народного хозяйства и бюджета СССР были сформулированы такие важные предложения, как, например, увеличение ассигнований на оборудование для больниц, школ, детских садов, на развитие сети медицинских учреждений, на благоустройство городов и рабочих поселков. Эти предложения были одобрены сессией Верховного Совета СССР.

Постоянные комиссии палат провели большую работу по проекту Основ земельного законодательства СССР и союзных республик. За четыре месяца, пока шло обсуждение проекта, в Верховный Совет СССР поступило около 3 тысяч предложений. После тщательного обсуждения проекта Основ на сессии комиссии вынесли свое заключение о поправках и дополнениях, которые были одобрены Верховным Советом. Подлинно демократической была сама обстановка, в которой проходила сессия. Полное единодушие в принципиальных вопросах сочеталось с откровенной критикой недостатков. Выступления депутатов содержали не только отчеты о своей работе и предложения по ее усовершенствованию, но в них ставились также важнейшие вопросы общегосударственного значения.

Заботой о мирном будущем всего человечества был проникнут доклад Министра иностранных дел СССР А. А. Громыко на шестой сессии Верховного Совета СССР. Советское правительство, полностью подтверждая свою последовательную внешнюю политику, основанную на тесном союзе и сотрудничестве с социалистическими странами, представило богатый комплекс предложений, направленных на мирное урегулирование всех проблем, волнующих современный мир. Сессия Верховного Совета СССР единодушно одобрила внешнеполитический курс Советского правительства.

На этой же сессии Комиссии законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей представили на рассмотрение палат Верховного Совета СССР проекты Основ исправительно-трудового законодательства Союза ССР и союзных республик, Положения о предварительном заключении под стражу и Закона СССР о внесении дополнений в Основы уголовного законодательства Союза ССР и союзных республик. После всестороннего и глубокого обсуждения Верховный Совет единогласно принял все эти законопроекты, которые направлены на дальнейшее укрепление социалистической законности и общественного порядка, охрану прав и интересов советских граждан, на усиление борьбы с преступностью, на искоренение причин, порождающих преступность.

Принятию законов на седьмой сессии опять-таки предшествовала большая работа, в которой принял участие широкий круг депутатов Верховного Совета СССР и Верховных Советов союзных республик, руководителей административных органов, ученых-юристов, представи-

телей общественности. Перед рассмотрением проектов законов в комиссиях законодательных предположений Совета Союза и Совета Национальностей они обсуждались на местах с привлечением практических и научных работников, учитывались предложения, высказанные в письмах трудящихся, в их выступлениях на страницах газет и журналов.

Рассмотренный на седьмой сессии проект Основ законодательства Союза ССР и союзных республик о здравоохранении предварительно был опубликован в печати и широко обсуждался общественностью. В его обсуждении приняли участие многие коллективы заводов и фабрик, колхозов, медицинских и юридических учреждений, государственных органов и общественных организаций, а также большое число советских граждан. Ход обсуждения регулярно освещался в центральной и местной печати, по радио и телевидению. Только в адрес Верховного Совета СССР поступило свыше трех тысяч предложений, многие из которых были учтены при окончательном утверждении проекта закона.

Подготовка и обсуждение проекта Основ законодательства о здравоохранении убедительно продемонстрировали широкий и подлинный демократизм и гуманизм советского строя, глубокую заинтересованность трудящихся в решении вопросов, имеющих важное общественное и государственное значение.

КПСС принимает действенные меры по дальнейшему совершенствованию аппарата управления, укреплению связи государственных и общественных организаций с массами, улучшению обслуживания населения, пресечению проявлений бюрократизма и волокиты в деятельности государственного аппарата.

«Развитие социалистической демократии,— говорил Л. И. Брежнев на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве,— это для нас большая повседневная практическая работа на многих направлениях. Она включает в себя активизацию и улучшение деятельности всех организаций, объединяющих массы, и в первую очередь Советов депутатов трудящихся, профсоюзов, комсомола. Она предполагает и совершенствование законодательных основ нашей демократии. Мы придаем большое значение также развитию демократических начал непосредственно в тех коллективах, где живет и трудится основная масса населения,— на заводах и фабриках, в учреждениях, в колхозах. Одним из примеров этой работы может служить Устав сельскохозяйственной артели, проект которого сейчас вынесен на всенародное обсуждение.

Совершенствование социалистической демократии тесно связано с повышением политической сознательности широких масс, их информированности о политике партии и государства, воспитанием у них глубокой заинтересованности в этих делах, чувства подлинных хозяев страны. На этом направлении мы ведем решительную борьбу против влияния буржуазной идеологии и пропаганды, пережитков капитализма в сознании людей» [41].

[41] *Л. И. Брежнев.* За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы, стр. 55—56.

Как известно, доступность демократии, возможность пользоваться ее благами определяются теми правовыми установлениями — законами и иными актами, которые принимаются государством. В реальной жизни Советского Союза демократия значительно шире и богаче, чем она отражена в правовых актах. Задача сейчас заключается в том, чтобы «перевести» на язык правовых установлений и юридически закрепить все те богатые формы творческой самодеятельности народных масс, которые уже существуют на практике.

СОЦИАЛИСТИЧЕСКАЯ ДЕМОКРАТИЯ И СВОБОДА ЛИЧНОСТИ

В фокусе всех социальных преобразований, ведущих к коммунизму, находится человек, благо которого составляет высшую цель социалистического общества. Демократия, когда она существует не на словах, а на деле, благотворно влияет на все стороны общественной жизни, на становление и развитие человеческой личности.

Социалистическая демократия по-новому поставила и разрешила вопрос о положении личности в обществе, гражданина в государстве: впервые в истории личность освобождается от социального угнетения и эксплуатации. Социализм предоставляет гражданам не только политические, но и социально-экономические права, обеспечивая их осуществление разнообразными гарантиями.

Защитники буржуазных порядков притворно сожалеют о подавлении якобы личности при социализме. Они голословно утверждают, что человек в социалистическом обществе лишен индивидуальности, стандартизирован. При этом вопрос о свободе личности рассматривается в буржуазной литературе абстрактно-теоретически, вне зависимости от конкретных социальных обстоятельств и условий.

Марксизм-ленинизм, напротив, рассматривает человека, его права, свободы и обязанности как результат исторического развития. Объяснение сущности человека, его свобод и прав следует искать в экономических отношениях и классовой структуре общества, в господствующей политической организации и идеях. «Жить в обществе и быть свободным от общества нельзя» [42],— указывал Ленин.

При социализме человек свободен в той мере, в какой объективно существующие общественные условия позволяют ему проявлять и развивать свои способности, удовлетворять свои потребности. В основе свободы личности при социализме лежит прежде всего экономическое освобождение трудящихся от капиталистической эксплуатации.

Можно говорить в этой связи о двух сторонах демократии.

Объективную сторону ее составляют материальные и духовные условия существования, государственные и общественные институты, законность и правопорядок, свободы, права, обязанности, гарантии

[42] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 104.

прав и свобод, доступность демократии, т. е. реальность пользования ею.

Субъективная сторона демократии — это общественное сознание, миропонимание и мироощущение, включающее правильное представление о сущности и назначении социалистической демократии, правах и обязанностях гражданина.

Обе стороны существуют только в единстве, воздействуя одна на другую. Совершенствование социалистической демократии есть одновременно условие и продукт роста общественного сознания.

Всемерное развитие свободы личности и прав граждан является программным требованием коммунистов. Именно социализм, и только социализм, создает необходимые условия для свободного развития общества, коллектива и личности, предоставляет равные возможности всем членам общества для активного участия в общественном производстве, в решении всех государственных и общественных дел, для развития и применения своих творческих способностей. Человек при социализме — не винтик, не бесправный объект политических комбинаций, а равноправный участник созидания нового общества, творец его материальных и духовных благ. В социалистическом коллективе полнее и богаче раскрываются индивидуальные черты, особенности, способности и таланты личности.

Вместе с тем марксизм-ленинизм отвергает буржуазный индивидуализм, иллюзии об абсолютной свободе личности. Не в независимости от социалистического общества состоит свобода личности, а в сообразовании образа жизни и действий отдельного индивидуума с высшими интересами общества и коллектива. Свободен не тот, кто ставит себя над обществом, законностью, правопорядком, а тот, кто действует с полным пониманием своей ответственности перед обществом и государством, с сознанием своего гражданского долга и необходимости уважать и исполнять законы своего социалистического государства.

Человек живет в обществе, и свобода его личности не должна приносить ущерб свободе других и обществу в целом.

Отрицание индивидуальности есть вульгаризация, искажение марксизма-ленинизма. Отрицание индивидуализма не означает игнорирования человеческой индивидуальности, как это пытаются изобразить враги коммунизма. Расцвет личности, всестороннее гармоничное развитие человека, максимальное удовлетворение его растущих материальных и культурных потребностей — все это составляет предмет постоянной заботы коммунистической партии и социалистического государства.

Но это вовсе не значит, что человек может черпать полной мерой общественные богатства и ничего не давать взамен. Это индивидуализм в буржуазном понимании, и он осуждается нравственно и юридически в социалистическом государстве. Требовать от общества вправе лишь тот, кто сам вносит вклад в общее дело по своим способностям.

Социалистическая революция высоко подняла достоинство личности трудящегося человека, впервые в истории обеспечила ему широкие и реальные политические свободы и социальные права: свободу от эксплуатации, право на труд и равную оплату за равный труд, право на

отдых, на бесплатное образование и медицинское обслуживание, право на материальное обеспечение в старости, в случае болезни и потери трудоспособности, свободу слова, печати, митингов и собраний, право избирать и быть избранным, право широкого участия в управлении общественными делами, национальное равноправие, раскрепощение и полное равноправие женщин.

Свобода личности при социализме основана на единстве личных и общественных интересов, на единстве прав и обязанностей. Добросовестное выполнение каждым обязанностей перед обществом и государством является условием реализации демократических прав и свобод. Социалистический демократизм не имеет ничего общего с недисциплинированностью, с либеральным отношением к антиобщественным поступкам.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал огромное значение новой дисциплины и самодисциплины трудящихся, которую характеризовал как дисциплину доверия, товарищества, уважения, как дисциплину самостоятельности и инициативы [43]. Добровольная самодисциплина трудящихся неотъемлема от коммунистического представления о свободе личности. Свобода от дисциплины, от правил социалистического общежития и норм правопорядка — это анархизм, не укрепляющий, а разрушающий свободу личности. Поэтому вполне закономерным требованием подлинной свободы является выполнение обязанностей перед обществом и государством, сознательное соблюдение правил социалистического общежития. Недопустимо прикрывать флагом демократии распущенность, неорганизованность, безответственность. В отчетном докладе ЦК КПСС XXIII съезду партии отмечается, что «социалистическая организованность всего общества — во имя каждого человека и социалистическая дисциплина каждого — во имя всего общества — вот суть социалистической демократии» [44].

Говоря о свободе личности, необходимо отметить, что марксизм-ленинизм связывает понятие свободы с интересами класса. Свобода — это классовое понятие. Коммунисты, ведущие борьбу за дело свободы, не ограничиваются абстрактным призывом к свободе, а всегда ставят вопрос конкретно: свобода для кого, свобода в каких условиях, свобода в чьих интересах.

Социалистическая демократия — это новый, высший тип отношений между людьми, новый, высший тип демократии. Но из этого отнюдь не вытекает свободы для антинародной деятельности, враждебной социалистическому строю. Находятся, однако, и в наше время люди, которые социалистические права и свободы хотели бы рассматривать как «абсолютную свободу», т. е. как несдерживаемый произвол индивида, свободу распространения идей и взглядов, враждебных интересам трудящихся. Это означает не что иное, как сползание с классовых позиций, учет которых имеет решающее значение для определения характера демократии.

[43] См. *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 500.
[44] «Материалы XXIII съезда КПСС», М., 1966, стр. 88.

В. И. Ленин отмечал, что «когда старые буржуазно-демократические конституции расписывали, например, формальное равенство и право собраний,— наша, пролетарская и крестьянская, Советская конституция отбрасывает лицемерие формального равенства прочь... Грош цена «свободы собраний» для рабочих и крестьян, если все лучшие здания захвачены буржуазией. Наши Советы *отняли* все хорошие здания, и в городах и в деревнях, у богачей, *передав все* эти здания рабочим и крестьянам под *их* союзы и собрания. Вот *наша* свобода собраний — ...для трудящихся! Вот смысл и содержание нашей Советской, нашей социалистической Конституции...» [45]

Социалистическое государство всемерно развивает и поощряет демократические свободы, в том числе свободу научного и художественного творчества, но оно, конечно, не может допустить, чтобы под флагом этой свободы велась антисоциалистическая пропаганда, направленная против интересов трудящихся.

Никогда ни одно общество в мире не провозглашало абсолютной свободы слова, абсолютной свободы творчества. Ленин высмеивал абсолютную свободу как буржуазную и анархическую фразу, маскирующую действительную несвободу буржуазного писателя, художника, артиста, их зависимость от денежного мешка. Обязанностью социалистов он считал разоблачение этого лицемерия, срывание фальшивой вывески, противопоставление буржуазной литературе действительно свободной литературы, открыто связанной с пролетариатом [46].

Для выяснения степени демократичности прав и свобод, предоставляемых государством своим гражданам, важное значение имеет установление круга, полноты всех прав и свобод. Характерная черта демократических прав и свобод, которыми располагают граждане в результате победы социалистической революции,— широкий их объем (круг). Ни одна даже самая демократическая буржуазная республика не предоставляла и не может предоставить всем своим гражданам столь широкие права и свободы, какие предоставляет социалистический строй. Законодательство буржуазных государств нередко устанавливает к тому же существенные ограничения формально провозглашаемых прав граждан по признакам расовой или национальной принадлежности, материального состояния, религии, пола, образования, местожительства и т. п., которые немыслимы в условиях демократии социалистической.

Ликвидация эксплуататорских классов, полная и окончательная победа социализма, подлинно народная сущность Советского государства создали благоприятные условия для нового широкого развития гражданских прав и свобод. **«Переход к коммунизму означает всемерное развитие свободы личности и прав советских граждан,**— говорится в Программе КПСС.— Социализм предоставил и гарантировал трудящимся самые широкие права и свободы. Коммунизм несет трудящимся новые великие права и возможности» [47].

[45] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 63.
[46] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 104.
[47] «Материалы XXII съезда КПСС», стр. 400.

ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА ПО ВОПРОСАМ ДЕМОКРАТИИ

События, происходящие в мире, снова и снова привлекают внимание к вопросам демократии. Резкое повышение активности народов — характерная черта современного общественного развития. «Непреложным фактом является обострение классовой борьбы в капиталистическом мире. Достаточно сказать, что в развитых капиталистических странах с 1960 по 1968 год включительно приняли участие в забастовочной борьбе в общей сложности свыше 300 миллионов человек против 150 миллионов за предыдущие 14 лет. Уже один этот факт доказывает несостоятельность утверждений об ослаблении боевого духа рабочего класса»[48]. Всемирная борьба широчайших народных масс развертывается по коренным вопросам демократии, мира и социального прогресса.

Еще в 1845 г. Энгельс выдвинул знаменитую формулу: «Демократия в наши дни — это коммунизм». Прошло свыше 100 лет с того времени, но вряд ли и теперь найдется научная концепция, которая с такой точностью выражала бы самую суть общественного развития.

Проблемы демократии приобрели сейчас огромное значение в борьбе труда и капитала.

В лагере капитализма предпринимаются отчаянные попытки спасти престиж и судьбу буржуазной демократии, используя для этого любые средства, не гнушаясь прямого обмана и фальсификации, прибегая к услугам всякого рода ревизионистов, отступников от марксизма.

В странах социализма идет непрерывный процесс совершенствования общественных отношений, поисков наиболее эффективных форм государственного и общественного управления, углубления и расширения демократии, прав и свобод граждан.

Именно потому, что революционизирующее влияние социалистической демократии на мировое общественное развитие усиливается с каждым днем, буржуазная идеология и пропаганда избрали социалистическую демократию одним из основных объектов своих нападок. Современный антикоммунизм и ревизионизм пытаются отрицать или принизить историческое значение социалистической демократии как демократии нового типа и одновременно изобразить систему политической власти капиталистических монополий как непревзойденный образец демократии.

Эти усилия, однако, не дают желаемых результатов. Поэтому-то буржуазные идеологи, всевозможные реформисты и ревизионисты ищут новых, более изощренных способов подкрашивания, защиты буржуазных порядков. С пристальным вниманием следят они за тем, что происходит в странах социализма, всячески раздувая отдельные трудности разви-

[48] *Л. И. Брежнев.* За укрепление сплоченности коммунистов, за новый подъем антиимпериалистической борьбы, стр. 19.

тия, выискивая малейшие промахи и недостатки для целей идеологических диверсий. Они ведут спекулятивную игру на животрепещущих проблемах свободы личности, избирательной системы, так называемого политического плюрализма, сознательно замазывая различие между формальной, насквозь лживой и лицемерной буржуазной демократией и демократией социалистической, фактической, реальной, жизненной. Анализ классовой природы демократии, ее роли как политического инструмента подменяется плоским сопоставлением одноименных форм и институтов буржуазной и социалистической демократий.

Идеологический фронт — важный фронт борьбы двух систем в мировом масштабе. Враждебная социализму пропаганда пытается внести в умы людей как можно больше путаницы, посеять идейный разброд в лагере социализма, ослабить и расшатать политико-правовые основы социалистического строя, подорвать авторитет коммунистических партий — решающей силы современного общественного развития. Враги социализма снова широко используют методы запугивания простых людей при помощи вымышленных «ужасов» диктатуры пролетариата. Буржуазная пропаганда поставила себе явно непосильную задачу, но сбить с толку политически незрелых людей ей все же удается. Об этом говорят события в Чехословакии, где антисоциалистическим, контрреволюционным силам при поддержке империалистических государств, их разведывательных органов и пропаганды удалось ввести в заблуждение определенную часть населения и столкнуть ее с платформы научного коммунизма на путь реформизма.

Поставив перед собой цель изменить существующий политический строй в Чехословакии, объединенные силы внутренней и внешней реакции тщетно пытались перевести развитие чехословацкого общества с социалистической платформы на рельсы социал-демократизма, буржуазной республики.

Ревизионисты усиленно рекламируют лозунг «демократического социализма», суть которого состоит в сознательном противопоставлении социализма и демократии, в полном игнорировании важнейших положений ленинизма о неразрывном единстве социализма и демократии.

Поборники концепции «демократического социализма» изображают свою программу в качестве некоего третьего пути, расположенного где-то посередине между марксизмом-ленинизмом и идеологией империалистического общества. Учитывая авторитет социализма, они даже признают некоторые его положения, но при этом выступают «лишь» против «крайностей» прежней системы. Они так «очищают» «старую модель социализма», что от подлинного социализма остается только внешняя форма. Все это, по сути дела, означает продуманную программу постепенного сползания общества от социализма к капитализму.

Выдвижение на первый план идей национализма, попытка противопоставлять эти идеи интересам классового развития, делу упрочения и развития социализма имеет вполне определенную направленность: под предлогом особенностей той или иной социалистической страны, необходимости учета ее специфики отказаться от основных устоев и

 принципов социализма, поскольку эти устои и принципы впервые были сформулированы и проверены на практике в СССР.

Ревизионисты пытаются обосновать пагубный для интересов мировой социалистической системы и международного рабочего движения тезис о необходимости ослабления сплачивающей и объединяющей роли Советского Союза в связи с возникновением ряда других социалистических государств. Дело обстоит как раз наоборот, говорил В. Ульбрихт в своем выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий. Международная роль Советского Союза как пионера прогресса повышается закономерно, так как он теперь первым в мире строит коммунистическое общество. Именно с возникновением и ростом нескольких социалистических государств, с формированием мировой социалистической системы возрастает роль Советского Союза. Ныне, в условиях революции в боевой технике и военной науке, оборонная мощь Советского Союза более чем когда-либо является решающей гарантией защиты всех социалистических государств, а также прогрессивных государств, добившихся национального освобождения, гарантией защиты мира во всем мире[49].

Ревизионисты тщетно пытаются подорвать престиж советской демократии, пропагандируя пресловутый «демократический социализм».

Как отмечал Я. Кадар на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве, «ныне вошло в моду отождествлять понятие социалистического государства с бюрократией. Бюрократические проявления и тенденции, разумеется, у нас еще имеются. Мы ведем с этим борьбу. Ни в одной из областей общественной жизни мы не идеализируем достигнутый уровень развития, а неуклонно стремимся к его повышению»[50].

Чтобы опорочить социализм, буржуазные идеологи и ревизионисты всячески превозносят различные стороны буржуазной формальной демократии, раздувая одновременно отдельные недостатки и ошибки, допускавшиеся в ходе социалистического строительства. Однако развитие социалистического общества происходит в силу действия объективных закономерностей, среди которых — прочность принципов социалистической демократии и законности. Как указывал Ленин, «на каждую сотню наших ошибок, о которых кричит на весь свет буржуазия и ее лакеи... приходится 10 000 великих и геройских актов...»[51]

Целям маскировки отхода от принципов социалистической демократии и постепенного сползания к буржуазной демократии служат реформистские концепции «либерализации» и «демократизации» политических режимов в социалистических странах. Авторы и пропагандисты подобных концепций всецело перечеркивают коренные преимущества и достижения социалистической демократии, поднимая одновременно на щит «прелести» буржуазной демократии. События в Чехословакии наглядно показали, чтó скрывается за требованиями либерализации и де-

[49] См. «Правда», 11 июня 1969 г.
[50] «Правда», 12 июня 1969 г.
[51] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 61.

мократизации политической системы. Происходящие в странах социализма процессы ничего общего не имеют с ревизионистскими лозунгами о «либерализации», «демократизации» и т. д. Эти понятия вообще неприменимы к социалистическим странам, общественно-политический строй которых глубоко демократичен по своей природе. О либерализации, о демократизации можно говорить (при наличии к тому оснований) лишь применительно к антидемократическим политическим режимам.

В социалистических же странах происходит закономерный процесс совершенствования демократии, не обходящийся, разумеется, без отдельных ошибок и просчетов. Всестороннее развертывание и совершенствование социалистической демократии является главным направлением, объективной закономерностью развития любой подлинно социалистической страны.

Современные ревизионисты широко рекламируют лозунг «децентрализации» политического режима в социалистических странах, грубо извращают суть ленинского принципа демократического централизма. Под флагом «децентрализации», борьбы с «бюрократическим централизмом» они пытаются подорвать значение единого централизованного руководства со стороны Коммунистической партии, ослабить деятельность государственного аппарата, расшатать организованность и дисциплину, вызвать анархию в различных областях хозяйственного и культурного строительства.

Известно, что суть принципа демократического централизма состоит в диалектическом единстве двух организационных начал построения и деятельности всех органов государственной власти — демократизма и централизма. Демократизм предполагает широкое развитие творческой инициативы народных масс, самостоятельность местных органов власти и управления, общественных организаций и предприятий в решении всех вопросов хозяйственного и культурного строительства, отнесенных к их компетенции. Централизм выражается в проведении единой государственной политики, единого плана, в подчинении низовых органов центральным.

Коммунистические и рабочие партии социалистических стран неустанно заботятся о развитии и укреплении демократических начал управления государственными и общественными делами. Однако совершенствование форм и методов демократизма местных органов власти и управления, общественных организаций и предприятий ничего общего не имеет с оппортунистическим пониманием «децентрализации», т. е. ослаблением централизованного руководства социальными процессами.

Подобное истолкование существа децентрализации противоречит объективным потребностям социалистического и коммунистического строительства, природе и интересам социалистического строя, основанного на общественном и плановом характере современного крупного производства.

Как показывает опыт, на отдельных этапах социалистического строительства в силу особых внутренних и международных условий

развития той или иной социалистической страны могут временно усиливаться централистские начала в руководстве социальными процессами. Перекос в сторону централизма может произойти и по субъективным причинам.

Коммунистические и рабочие партии, руководящие и направляющие весь процесс социалистического и коммунистического строительства, своевременно принимают меры к устранению чрезмерного централизма, создавая условия для усиления демократических начал управления. Вместе с тем коммунистические и рабочие партии ведут борьбу против попыток ослабить роль централизованного руководства, способных повлечь за собой дезорганизацию сложной и взаимосвязанной системы народного хозяйства и другие отрицательные последствия.

Развитие демократии в социалистических странах происходит на основе общих закономерностей с учетом специфических условий и национальных особенностей. Коммунистические и рабочие партии руководствуются ленинским положением о разнообразии форм и методов строительства социализма. «Все нации придут к социализму, это неизбежно, но все придут не совсем одинаково, каждая внесет своеобразие в ту или иную форму демократии, в ту или иную разновидность диктатуры пролетариата, в тот или иной темп социалистических преобразований разных сторон общественной жизни» [52].

Буржуазная пропаганда сочинила, а ревизионисты подхватили и широко рекламируют вздорное измышление, будто советские коммунисты пытаются механически распространить советский опыт строительства социализма и развития демократии на другие социалистические страны. Опыт развития Советского многонационального государства начисто опровергает подобные клеветнические утверждения. Только заклятые враги социализма могут не видеть громадного разнообразия в строительстве экономики, культуры, развитии государственности, демократии, законодательства и т. д. в различных социалистических странах.

В. И. Ленин подчеркивал, что дорога к социализму «никогда прямой не будет, она будет невероятно сложной» [53]. Однако никакие сложности, возникающие на пути строительства социализма в той или иной стране, не могут отменить действие генеральных принципов социалистического развития. КПСС и другие братские коммунистические и рабочие партии стран социализма творчески решают возникающие проблемы и задачи на основе общих принципов марксизма-ленинизма, с учетом конкретных условий своих стран и международной обстановки.

Советский Союз постоянно изучает опыт строительства социализма в других странах, использует все ценное, что может быть применено в условиях нашей страны, что способствует укреплению социалистического строя. Так же поступают и другие социалистические страны. Всестороннее плодотворное сотрудничество братских социалистических стран, которое строится на принципах пролетарского интернацио-

[52] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 123.
[53] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 47.

нализма, предполагает взаимное изучение, обобщение и использование их опыта социалистического строительства.

Отдельные авторы из зарубежных социалистических стран усиленно подчеркивают значение таких факторов, влияющих на состояние социалистической демократии, как высокий уровень промышленного развития страны, наличие в прошлом парламентской системы и оппозиционной партийной системы и т. д. Нельзя абстрагироваться, говорят они, от того, что социализм победил сначала в странах, которые не достигли высокой степени капиталистического развития; что во многих из этих стран уровень промышленного развития был низким и сохранились остатки докапиталистических обществ, которые, очевидно, какое-то время влияют на степень общественной организации; социальная структура, основанная на преобладании крестьянства, не может не оставить следа на социальной и общественной деятельности. Они указывают также на то, что некоторые страны, вступившие на путь социализма, не знали широкого развития буржуазной демократии, более развитой парламентской жизни и в основном очень мало знакомы с политическим диалогом, политическим сопоставлением в тех пропорциях и в той интенсивности, какие существуют ныне во многих развитых капиталистических странах.

Было бы, конечно, неверно игнорировать значение этих факторов. Они, несомненно, оказывают влияние на развитие социалистической демократии. Но природа демократии, ее коренные черты и отличительные особенности определяются прежде всего и главным образом другими, более важными объективными условиями и предпосылками, а именно: характером собственности, наличием государственной власти в руках большинства или меньшинства населения, социальной структурой общества, соотношением классовых сил внутри страны и на международной арене и т. д. На развитие социалистической демократии решающее влияние оказывают общие закономерности строительства социализма и коммунизма, проявляемые в специфических условиях в тех или иных социалистических странах.

Марксистско-ленинская теория обязывает исследователей проблем социалистической демократии в полной мере учитывать как общие закономерности, действующие во всех социалистических странах, так и специфические особенности и условия социалистического строительства в той или иной стране. Марксизму-ленинизму одинаково чужды как игнорирование общих закономерностей, так и недооценка специфических условий и особенностей развития социалистической демократии в отдельных странах.

Советские ученые призваны неустанно трудиться над дальнейшим развитием на основе новейшей общественной практики марксистско-ленинского учения о разнообразии форм перехода к социализму, о пролетарской диктатуре, сломе буржуазной государственной машины и над решением других основных вопросов общей теории государства и права. Это тем более необходимо, что именно по данным вопросам за последние годы выдвигаются новые концепции, ведутся острые дискуссии и полемика в марксистской литературе зарубежных стран.

Ознакомление с марксистской литературой, в большом количестве издаваемой в зарубежных странах, показывает, что некоторые теоретики-марксисты переоценивают роль и возможности мирных путей перехода к социализму, значение буржуазных парламентских институтов в борьбе за завоевание рабочим классом своего господства, оспаривают обязательность слома буржуазной государственной машины, выступают за политический плюрализм и оппозиционные партии, с трудом выговаривают слова «диктатура пролетариата». Причем нередко серьезные отступления от всеобщих истин марксизма-ленинизма о социалистической революции, диктатуре пролетариата, руководящей роли Коммунистической партии в строительстве социализма и коммунизма и по другим коренным вопросам государства мотивируются специфическими условиями, характерными для тех или иных стран, их историческими и национальными особенностями, уровнем культурного развития и т. д. Ошибочность подобных утверждений была подчеркнута в выступлении В. Гомулки на международном Совещании коммунистических и рабочих партий. Многие братские партии в развитых капиталистических странах, говорил он, возлагают определенные надежды на возможность мирного структурного общественно-экономического преобразования своих стран в направлении социализма с использованием парламентских политических механизмов, коалиции различных политических группировок и т. п. Некоторые партии предусматривают в случае успеха такой концепции развития социалистических преобразований возможность сохранения определенных политических институтов буржуазно-либеральной парламентской системы, в частности права на деятельность оппозиционных партий, также в рамках социалистического строя.

Братские партии могут, разумеется, развивать в своих программных концепциях и такую перспективу, хотя она не нашла до сих пор применения в исторической практике. Однако было бы также неправильно, если бы эти партии абсолютизировали свою точку зрения, а в особенности если бы ожидали, что коммунистические партии, стоящие у власти в социалистических странах, будут приспосабливать к этой точке зрения свою политическую практику [54].

Переоценка значения мирных путей победы социалистической революции, буржуазных парламентских институтов, игнорирование основных положений ленинизма о пролетарской революции и диктатуре, о необходимости слома буржуазной государственной машины, о руководящей роли Коммунистической партии в организации победы рабочего класса, в строительстве социализма и коммунизма — все это создает благоприятные возможности для активизации мелкобуржуазных, левацких, псевдореволюционных течений и групп, наносящих вред международному коммунистическому движению. Ярким тому доказательством является антикоммунистическая деятельность «левых» ревизионистов. Прикрываясь ультрареволюционной фразеологией, они толкают массы на авантюристический путь, а партию — на сектантские действия, парализующие деятельность демократических институтов.

[54] См. «Правда», 9 июня 1969 г.

Политико-правовая доктрина «левого» оппортунизма означает на практике не что иное, как ревизию и отрицание основополагающих принципов марксистско-ленинского учения о сущности и политических формах демократии.

Для «левого» оппортунизма характерно не только неверие в творческие способности народа, его революционную энергию, но и прямая боязнь самодеятельности и инициативы трудящихся масс. Взамен коллективного руководства выдвигается доведенный до неслыханных размеров, чудовищно-гипертрофированный культ личности, подавляющий демократические навыки и нормы партийной и государственной жизни, насаждающий беспрекословное, слепое подчинение воле единоличного «вождя».

Ленинскому пониманию демократического централизма как сочетания руководства обществом из единого центра и по единому плану, подчинения нижестоящих органов вышестоящим с широким развитием местного почина, живого творчества масс мелкобуржуазные идеологи противопоставляют собственную схему, сводящуюся к жесточайшем централизму, бездумному выполнению всяких указаний «сверху». Более того, само понятие демократии, предполагающее развертывание форм народовластия, привлечение широких слоев населения к государственной работе, трактуется лишь как средство обеспечения выполнения решений центра.

Одним из главных вопросов современной идеологической борьбы является вопрос о руководящей роли коммунистической партии в системе политической организации социалистического общества. Ревизионисты упорно пытаются навязать социалистическим странам идею многопартийности и политическую оппозицию, считая их главным признаком демократичности политического строя. Основной смысл буржуазных и ревизионистских требований легализовать оппозиционные политические партии в условиях социализма заключается в стремлении подорвать руководящую роль коммунистической партии, являющейся решающей силой прочности социалистического строя. Возврат к оппозиционной многопартийной системе, отказ от руководящей роли коммунистической партии — вот к чему сводится концепция «плюралистической демократии».

Но мерилом демократичности общественного строя является не число политических партий, а наличие или отсутствие власти в руках подавляющего большинства народа, т. е. трудящихся, наличие или отсутствие в руководстве обществом такой политической партии, которая готова до конца и самоотверженно бороться за освобождение труда от гнета капитала, за построение социализма и коммунизма. Марксизм-ленинизм теоретически обосновал, а опыт социалистического строительства показал на деле, что единственной такой партией была и остается Коммунистическая партия, беззаветно преданная делу рабочего класса, интересам народа.

Руководство коммунистических партий — главное условие и прочная гарантия социалистической демократии, ее развития, укрепления,

○ Зак. 2981

 расцвета. Полустолетний опыт Советского Союза, опыт других стран социализма неопровержимо доказал, что именно коммунистические партии выражают кровные интересы рабочего класса, всех трудящихся, всего народа, пользуются полным доверием, обладают ясной политической программой, способны обеспечить мирное развитие своих стран. Коммунисты — ведущая, наиболее передовая, организованная, дисциплинированная, цементирующая сила общества. Напряженным трудом на благо народов, заботой о процветании своих стран, сплочении мира социализма, о развитии и укреплении международных связей коммунистические партии снова и снова подтверждают свое право на руководство общественным развитием. Естественно, что главной мишенью лжи и фальсификаций антикоммунисты и их подголоски избирают руководящую роль коммунистических партий в странах социализма.

Однако выступать в наши дни открыто против марксистско-ленинской партии — задача не только неблагодарная, но и сопряженная с риском неминуемого саморазоблачения. Поэтому всевозможные антисоциалистические силы выступают более осторожно, маскируя свое намерение покончить с руководством коммунистов. Они, как правило, не требуют расправы над коммунистами, разгона партии. Их методы гораздо тоньше, они даже выступают за сохранение коммунистических партий, возлагая при этом надежды на их перерождение. Они предлагают всего лишь создание нескольких оппозиционных партий. Сторонники «демократического» социализма не предлагают на первых порах ломки социалистического государственного строя и выступают за то, чтобы лишить коммунистов прежних позиций в государстве и обществе. Они настойчиво пытаются обосновать необходимость таких изменений в политической системе общества, которые фактически перечеркнули бы руководящую роль коммунистической партии.

Г. Гусак справедливо говорил на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве, что идеологическое воздействие на Чехословакию в духе антикоммунизма в отличие от событий в Венгерской Народной Республике в 1956 г. приобрело новые черты. В прошлом империализм вел наступление против социализма, против руководящей роли коммунистической партии, против идейных принципов марксизма-ленинизма более или менее открыто. В отличие от этого в Чехословакии после января 1968 г. такое наступление внешне прикрывалось социалистической, более того — марксистской и партийной фразеологией. Буржуазные политические и идеологические центры также апеллировали к коммунистам и к партийным работникам. Их целью было и остается сейчас прежде всего дезориентировать социалистическую общественность страны, разложить партию, углубить политический кризис, не допустить или хотя бы затруднить восстановление идейного единства партии и единства ее действий [55].

Характерно, что в течение многих лет, когда СССР был единственной социалистической страной, в числе основных антисоциалистических

[55] «Правда», 13 июня 1969 г.

аргументов фигурировал, как правило, довод об отсутствии в нашей стране других, кроме КПСС, политических партий. После того, как на путь социализма встали страны, в которых сохранилась и нашла свое место в обществе многопартийная система, оказалось, что и такое положение дел не устраивает критиков социалистической демократии.

Опыт строительства нового общества в Советском Союзе и других социалистических странах, говорил Т. Живков в своем выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве, ясно показывает, что сущность социалистической демократии, степень ее зрелости определяются не тем, что, помимо коммунистической партии, существуют другие партии. В Советском Союзе, например, в силу ряда специфических условий КПСС является единственной политической партией. В Болгарии наряду с БКП, плечом к плечу с ней действует и трудится на благо социализма одна из самых старых партий — Болгарский земледельческий народный союз. Почему же тогда теоретики многопартийной системы не довольны по крайней мере болгарами? Почему они считают, что в Болгарии «нет демократии»?

Очевидно, суть вопроса не в том: одна партия в данной стране или их несколько. Очевидно, апологеты многопартийной системы при социализме хотели бы видеть не просто несколько партий. Они хотят, чтобы существовали партии с другой программой, противоречащей программе коммунистической партии. Им нужны оппозиционные партии, которые боролись бы против коммунистической партии, расшатывали бы социалистические страны своей политической и социальной демагогией, разрушали бы единство трудящихся [56].

Однопартийная система не является обязательным признаком социализма. Обязательным является существование коммунистической партии, но наряду с ней, как известно, в ряде социалистических стран функционируют и другие партии. Коммунисты не стремятся отстранить другие партии от участия в строительстве социализма. Жизнь показывает, что социалистическое преобразование общественных отношений может успешно осуществляться и при наличии нескольких партий, если они стоят за социализм, выражают и защищают интересы трудящихся и признают руководящую роль коммунистической партии — самого передового и надежного авангарда рабочего класса. Таким образом, однопартийная или многопартийная система — не продукт произвольного выбора, а естественный результат строительства социализма в конкретных условиях. Опыт развития политической структуры социалистических государств свидетельствует о том, что при обеспечении руководящей роли коммунистической партии и многопартийная система может функционировать отнюдь не менее успешно, чем однопартийная система.

На первом этапе победы социалистической революции и в нашей стране легально действовали разные политические партии. Представители некоторых из них входили даже в состав Советского правительства. Однако в ходе борьбы за утверждение власти рабочего класса эти

[56] «Правда», 12 июня 1969 г.

партии встали на путь предательства и вооруженных выступлений против Советской власти. Именно в результате этого меньшевики, эсеры и другие буржуазные партии сами сошли с исторической сцены. Как показало дальнейшее развитие событий, исчезновение различных буржуазных и мелкобуржуазных партий не только не затормозило, а содействовало упрочению и расширению советской демократии. С ликвидацией эксплуататорских классов и достижением морально-политического единства общества в стране полностью отпали условия, причины и база для существования других политических партий.

Идеологи «демократического социализма» обычно подкрепляют свои призывы к созданию оппозиционных партий ссылками на опыт буржуазной демократии. Вспоминают нередко они и о том, что коммунисты в условиях буржуазных республик активно выступают за легализацию политической оппозиции, за эффективное использование своих позиций в парламенте, органах местного самоуправления, во всей общественной жизни для претворения в жизнь своей политики.

Действительно, оппозиция в условиях буржуазного общества имеет положительное значение, особенно когда в противовес партиям монополистического капитала выступает подлинный представитель трудящихся — марксистско-ленинская партия. Но нельзя забывать при этом, что речь идет об обществе, для которого характерны непримиримые, антагонистические противоречия, острая борьба за политическую власть между буржуазией, с одной стороны, и рабочим классом, действующим в союзе со всеми остальными трудящимися массами,— с другой. Оппозиция в этих условиях может иметь прогрессивный характер, как правило, в том случае, если ее деятельность подчинена задачам свержения капиталистического господства, перехода власти в руки народа.

Что касается оппозиции и соперничества среди буржуазных политических партий, то их роль в значительной мере сводится к борьбе за министерские портфели и депутатские мандаты и ни в коей мере не затрагивает устоев господства монополистических кругов. Более того, борьба между собой буржуазных партий есть, по сути дела, их соревнование в борьбе за увековечивание и упрочение господства капитала.

Возрождение оппозиции в условиях социалистического общества означало бы, что на политической арене появились организованные силы, выступающие с программой, принципиально отличающейся от той, которая разрабатывается марксистско-ленинской партией и отвечает потребностям всех трудящихся. Вопреки тому, что народ решительно и бесповоротно сделал свой выбор в пользу социализма, в стране стало бы действовать несколько партий, преследующих прямо или замаскированно иные цели, которые в конечном итоге сводились бы к восстановлению порядков старого общества. Вместо укрепления единства народов на основе программы построения социализма и коммунизма возросла бы угроза раскола общества, создались легальные условия для действий сил, враждебных социализму.

Следовательно, настойчивые и назойливые предложения идеологов буржуазии и ревизионистов о возрождении в странах социализма оппозиционных партий продиктованы не заботой о развитии демократии, а стремлением добиться восстановления буржуазных порядков. Но все это — напрасная затея!

Марксистско-ленинское учение о демократии — оружие политическое, классовое. Мы должны умело пользоваться этим оружием, рассматривая все явления современной общественно-политической и государственно-правовой жизни с классовых позиций, с точки зрения основных интересов рабочего класса.

Как уже отмечалось, империалистические государства всячески пытаются подорвать позиции мировой социалистической системы. В своих политических и идеологических диверсиях враг коварен, изворотлив. Он знает, что не может действовать прямо и открыто — такая тактика заранее обречена на провал. Поэтому он действует хитро, всячески маскируя свои намерения. Это требует от наших ученых и всех работников идеологического фронта умения раскрыть и разоблачить любые ухищрения враждебной пропаганды. В вопросах идеологической борьбы не может быть никакой терпимости, никакого компромисса.

Ленинской непримиримостью к враждебной идеологии, к чуждой пропаганде должны отличаться все работы советских обществоведов, вся деятельность идеологических работников.

Ф. В. КОНСТАНТИНОВ
академик

ВЕЛИКИЙ МЫСЛИТЕЛЬ НАШЕЙ ЭПОХИ

Исторические деятели и мыслители всемирно-исторического масштаба, как правило, появляются в переломные эпохи мировой истории, когда перед человечеством встают новые великие задачи, требующие своего разрешения. При этом каждая такая эпоха выдвигает особый тип исторической личности, отвечающий характеру, потребностям и задачам своего времени.

Эпоха Возрождения породила могучие таланты в области мысли и художественного творчества. Титаны ее мысли и действия нанесли сокрушительные удары по идеологии мрачного средневековья, по духовной диктатуре церкви и подняли знамя гуманизма.

В канун Великой французской буржуазной революции 1789 г. выдвинулась блестящая плеяда философов — от Руссо, Монтескье и Вольтера до Гольбаха, Гельвеция и Дидро. Эти мыслители — идеологи революционной буржуазии — были предвестниками грядущей революции.

Появление в середине XIX в. нового революционного класса — пролетариата ознаменовалось и появлением величайших мыслителей и революционных борцов — Карла Маркса и Фридриха Энгельса, основоположников научного мировоззрения, диалектического материализма и научного коммунизма.

В эпоху Маркса и Энгельса мировой капитализм развивался еще по восходящей линии. Объективные и субъективные предпосылки

мировой социалистической революции еще только созревали, но уже обозначились такие противоречия и антагонизмы, которые в своем развитии должны были в конечном счете неизбежно привести к пролетарской революции, к смене капитализма более высоким общественным строем.

Гениальность Маркса состояла в том, что он уже тогда, в XIX в., смог не только предвосхитить, но и научно обосновать неизбежную гибель капитализма и победу социализма.

В 1893 г. появились первые научные труды Владимира Ильича Ленина.

ВЕЛИКИЕ ПРОБЛЕМЫ ЭПОХИ

Конец XIX — начало XX в. ознаменовались вступлением капитализма в новую, высшую и последнюю стадию своего развития — в эпоху империализма, характерную крайним углублением и обострением всех его противоречий и антагонизмов со всеми разрушительными, катастрофическими последствиями в виде мировых экономических кризисов и истребительных, разрушительных мировых войн, политической и идеологической реакции. Мир вступил в новую эру истории — в эру величайших классовых битв всемирного пролетариата против буржуазии, в эру социалистических революций и национально-освободительных движений.

Выразителем стремлений и надежд человечества в эту эпоху явился Владимир Ильич Ленин — гениальный мыслитель и вождь революционного российского и всемирного пролетариата и угнетенных народов всей нашей планеты. Ленин — создатель и руководитель марксистской партии нового типа, соединял в себе редчайший дар великого мыслителя и мудрого, проницательного вождя, пользовавшегося безграничным авторитетом, уважением и любовью широчайших народных масс. В канун возникновения этой партии Ленин, перефразируя слова Архимеда, говорил: «Дайте нам партию революционеров, и мы перевернем Россию». И Ленин создал эту великую революционную партию — ум, честь и совесть нашей эпохи.

Жизнь, деятельность и творчество Ленина необычайно многогранны. Он явился вождем Великой Октябрьской социалистической революции, основателем первого в мире Советского социалистического государства. Советский народ под руководством Коммунистической партии успешно воплощает в жизнь научно обоснованный ленинский план строительства нового общества, который стал примером и стимулом исторического творчества для народов других стран, вступивших на путь социализма. Ленин был основателем и вождем III Коммунистического Интернационала. Имя Владимира Ильича Ленина стало символом «крупнейших революционных свершений, которые в корне изменили социальный облик мира, ознаменовали поворот человечества к социализму и коммунизму» [1].

[1] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.» М., 1969, стр. 331.

Бессмертны заслуги Ленина — выдающегося теоретика марксистской науки. Он осуществил дальнейшее всестороннее развитие марксизма применительно к новой эпохе. То новое, что внес Ленин в развитие марксизма, справедливо названо его именем. Ленинизм — это марксизм современной эпохи, эпохи перехода от капитализма к социализму и коммунизму.

Научная деятельность Ленина многообразна. Он — великий философ, социолог и экономист, создатель новой теории социалистической революции. В каждой из этих областей его вклад знаменовал собой выдающееся научное свершение.

Если взять наиболее общее, что характеризует всю теоретическую, научную деятельность Ленина, то перед нами он предстает как величайший мыслитель, охватывающий своим духовным взором мир и тенденции его развития. Идет ли речь о его фундаментальных философских, экономических, социологических исследованиях, таких, как «Материализм и эмпириокритицизм», «Развитие капитализма в России», «Империализм, как высшая стадия капитализма», «Государство и революция», или о таких статьях и фрагментах, как «Три источника и три составных части марксизма», «О нашей революции (По поводу книги Н. Суханова)», всюду перед нами смелая, ясная, дерзновенная и покоряющая ленинская мысль, опрокидывающая устаревшие воззрения, идеи, взгляды и формулирующая, утверждающая новые, революционные положения, глубокие теоретические выводы.

В круг научных интересов Ленина входили и природа как великое целое, и вновь открытый физикой микромир. Он творчески развивал и обосновывал марксистское философское мировоззрение и писал о неисчерпаемости электрона, что было подтверждено дальнейшим ходом развития науки.

Но естественно, что в центре внимания Ленина были прежде всего человеческое общество, его развитие и насущные проблемы, судьбы и перспективы революционной борьбы российского и всемирного рабочего класса и национально-освободительного движения народов Азии, Африки и Латинской Америки, борьба за новый мир, свободный от эксплуатации, угнетения и порабощения, борьба за социализм и коммунизм, т. е. за счастье всех людей труда.

Чтобы правильно понять и оценить все значение теоретического подвига Ленина, надо учитывать как характер новой, революционной эпохи, ее потребности и задачи, так и исторические судьбы марксизма после смерти Маркса и Энгельса. Как показали всемирно-исторические события XX в., эпоха, в которую жил и работал Ленин, самая сложная, самая трудная и наиболее значительная в истории человечества. Это начало конца предыстории человечества и вступления его в новую эру — эру сознательного исторического творчества нового мира.

В. И. Ленин характеризовал начало XX в. как эпоху империализма, империалистических войн и социалистических революций. Это определение означало, что капитализм, который так глубоко и всесторонне был изучен Марксом, вступил в новую стадию развития — в стадию

монополистического капитализма, в стадию, когда борются и переплетаются друг с другом две тенденции — тенденция дальнейшего развития производительных сил и тенденция к загниванию, обнаруживающая нисходящую линию в развитии капитализма.

Колоссальный рост милитаризма и мировые империалистические войны принесли с собой величайшие бедствия для народов. Где выход, как спасти народы от истребительных мировых войн, каковы возможные пути социалистических революций, новые закономерности, вытекающие из условий монополистического капитализма, связанные с усилением экономической и политической неравномерности в развитии разных стран? Кто может быть союзником пролетариата, как сплотить силы для натиска на капитализм (а в России сначала на царизм), как обеспечить в новой исторической обстановке, в условиях империализма, перерастание буржуазно-демократической революции в социалистическую? Какую роль в предстоящих событиях и битвах должна была сыграть революционная, пролетарская партия?

Необходимо было идейно и организационно подготовить рабочий класс и его союзников к грядущей революции. А это было возможно только в результате непримиримой борьбы с реакционными — буржуазными, оппортунистическими и ревизионистскими — идеями.

В. И. ЛЕНИН — РЕВОЛЮЦИОННЫЙ БОРЕЦ И МЫСЛИТЕЛЬ

К концу 90-х годов прошлого века марксизм одержал победу над немарксистскими социалистическими течениями. Прудонизм, анархизм, синдикализм, лассальянство, позитивизм Дюринга — одно за другим были развенчаны и опровергнуты научным социализмом, марксизмом. Но диалектика истории такова, что оппортунистические, мелкобуржуазные течения, которые раньше боролись против марксизма, теперь стали выступать под популярным флагом марксизма, вытравляя из него революционное содержание.

Теоретическая и политическая борьба с ревизионизмом, оппортунизмом и социал-шовинизмом составила значительную часть жизни и деятельности Ленина. Без учета характера и значения этой борьбы нельзя понять теоретического подвига Ленина и ленинизма. Бернштейнианство и каутскианство в Германии, струвизм, экономизм, меньшевизм, в том числе и троцкизм, в России — это течения, которые ревизовали и опошляли марксизм, приспосабливая его ко вкусам и потребностям буржуазии. Без борьбы против ревизионизма, оппортунизма правого и «левого» и буржуазного опошления марксизма нельзя было отстоять марксизм как революционное мировоззрение, нельзя было победить буржуазию и проложить путь вперед революционному рабочему движению.

Анализируя причины краха II Интернационала и выясняя связь между национализмом, шовинизмом, с одной стороны, и ревизионизмом

и оппортунизмом — с другой, Ленин писал: «Струвизм есть не только русское, а, как показывают особенно наглядно последние события, международное стремление теоретиков буржуазии убить марксизм «посредством мягкости», удушить посредством объятий, путем якобы признания «всех» «истинно научных» сторон и элементов марксизма, *кроме* «агитаторской», «демагогической», «бланкистски-утопической» стороны его. Другими словами: взять из марксизма все, что приемлемо для либеральной буржуазии, вплоть до борьбы за реформы, вплоть до классовой борьбы (без диктатуры пролетариата), вплоть до «общего» признания «социалистических идеалов» и смены капитализма «новым строем», и отбросить «только» живую душу марксизма, «только» его революционность» [2].

Ревизионизм, как правый, так и «левый», затрагивал не только социальные проблемы, но и область коренных общетеоретических, философских основ марксизма. Так, Бернштейн «очищал» марксизм от революционной диалектики, объявлял ее пережитком гегельянщины, проповедовал мирную эволюцию, плавное развитие без противоречий, без борьбы и без революционных скачков. Он, как и Струве, предлагал дополнить марксизм кантианством. Для всех ревизионистов правого и «левого» толка всегда было характерно стремление оторвать общественную теорию Маркса от ее философских основ, от диалектического материализма, соединить марксизм или с кантианством, или с махизмом, или, как в наши дни, с экзистенциализмом, или с заимствованиями из феноменологии Гуссерля и из различных позитивистских учений.

В отличие от ревизионистов Ленин видел в марксизме единое стройное учение, вылитое как бы из одного куска стали. Все составные части марксизма — философия, политическая экономия, научный социализм — внутренне и неразрывно связаны и логически вытекают одна из другой, составляя единое целое. В диалектике, в диалектическом материализме Ленин видел душу марксизма, его коренное теоретическое философское основание.

Вот почему Ленин уделил исключительное внимание дальнейшему развитию материалистической философии, революционной диалектики, ее применению к анализу новых явлений, новых закономерностей новой эпохи.

В 1969 г. исполнилось 60 лет со времени выхода главного философского произведения Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», в котором дается глубокий анализ сложнейших проблем диалектико-материалистической теории познания и критика представителей буржуазной и ревизионистской философской мысли, которые стали специализироваться на гносеологических проблемах, пытаясь опереться на ложные выводы и идеалистическое истолкование новейшей революции в естествознании. В этой книге Ленин противопоставил научную, диалектико-материалистическую теорию познания эмпириокритицизму, махизму, вскрыл несостоятельность, реакционный, антинаучный характер теории познания субъективного идеализма, показал, на чем сбились,

[2] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 227.

запутались ревизионистские критики диалектического материализма. Он показал, что источник их заблуждений и путаницы в незнании или игнорировании диалектики, неумении и неспособности понять действительную, реальную связь между познающим субъектом и объектом, между относительной, объективной и абсолютной истиной, между относительностью наших знаний и их объективностью.

Махисты абсолютизировали относительный характер человеческого знания, метафизически противопоставляя его тому объективному, что содержится в научном познании. Ленин показал, что различие между релятивным и абсолютным тоже относительно. Применив диалектику к процессу познания и к теории познания, он показал, что диалектика включает в себя момент релятивизма, сомнения, отрицания, но не сводится к релятивизму, признает относительность всех наших знаний, но не в смысле отрицания объективной истины, а в смысле исторической обусловленности пределов приближения наших знаний к этой истине в ходе ее поступательного и бесконечного развития и обогащения.

Как природа бесконечна, так бесконечно и наше познание, отражающее эту природу и общество, а потому оно не может быть полным, всеохватывающим и абсолютным. Диалектический взгляд на действительность и познание предохраняет нас от догматизма, от абсолютизации и омертвления добытых знаний. Но научное познание вместе с тем не домысел, не субъективная конструкция нашего ума. Конечно, были и есть произвольные и субъективистские теории и учения. Но мы говорим о познании, истинность которого проверена и доказана практикой. Такое познание отражает вне нас существующие природу и общество. «С точки зрения современного материализма, т. е. марксизма,— пишет Ленин,— исторически условны *пределы* приближения наших знаний к объективной, абсолютной истине, но *безусловно* существование этой истины, безусловно то́, что мы приближаемся к ней. Исторически условны контуры картины, но безусловно то́, что эта картина изображает объективно существующую модель. Исторически условно то́, когда и при каких условиях мы подвинулись в своем познании сущности вещей до открытия ализарина в каменноугольном дегте или до открытия электронов в атоме, но безусловно то́, что каждое такое открытие есть шаг вперед «безусловно объективного познания». Одним словом, исторически условна всякая идеология, но безусловно то́, что всякой научной идеологии (в отличие, например, от религиозной) соответствует объективная истина, абсолютная природа. Вы скажете: это различение относительной и абсолютной истины неопределенно. Я отвечу вам: оно как раз настолько «неопределенно», чтобы помешать превращению науки в догму в худом смысле этого слова, в нечто мертвое, застывшее, закостенелое, но оно в то же время как раз настолько «определенно», чтобы отмежеваться самым решительным и бесповоротным образом от фидеизма и от агностицизма, от философского идеализма и от софистики последователей Юма и Канта» [3]. Обращаясь к махистским

[3] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 138—139.

ревизионистам, отвергавшим объективную истину и объявлявшим наше знание относительным и только относительным, но не объективным. Ленин писал дальше: «Тут есть грань, которой вы не заметили, и, не заметив ее, скатились в болото реакционной философии. Это — грань между диалектическим материализмом и релятивизмом» [4].

В. И. Ленин всесторонне развил и обосновал теорию отражения как важнейшую основу диалектико-материалистического учения о познании. Вслед за Марксом и Энгельсом он рассматривал наши ощущения, представления, понятия как отражения, образы действительности — природы и общества — в мыслящем мозгу. От живого созерцания действительности к абстрактному мышлению и от него к практике — таков ход человеческого познания.

Правильность или ложность понятий, теорий, учений проверяется и доказывается или отвергается общественно-исторической практикой и экспериментом.

Критики ленинизма говорят о конформизме, пассивности теории отражения, якобы не учитывающей активной творческой роли познания и познающего субъекта. Но это обвинение вздорно. Ленину принадлежит заслуга всесторонней разработки проблемы объективной, творческой роли субъекта в познании. Вся историческая деятельность Ленина как политического вождя и теоретика, ученого, проложившего новые пути марксистской науки в решении величайших теоретических и социальных проблем, свидетельствует о том, какую роль он отводил субъекту, творчеству, смелой мысли в процессе познания и в революционной практике.

«Познание,— говорил он,— есть вечное, бесконечное приближение мышления к объекту. *Отражение* природы в мысли человека надо понимать не «мертво», не «абстрактно», *не без движения*, *не без противоречий*, а в вечном ***процессе*** движения, возникновения противоречий и разрешения их» [5].

В «Философских тетрадях» Ленин разрабатывал диалектику как философскую науку, обратив особое внимание на роль диалектики в процессе познания. Он установил и обосновал единство, тождество диалектики, логики и теории познания марксизма. В те годы перед партией и рабочим классом встали сложнейшие проблемы всестороннего анализа противоречий империализма и характера, природы империалистической войны, поиски выхода из войны, задачи критики ревизионизма, шовинизма, национализма. Социал-демократы типа Каутского и Плеханова софистически использовали диалектику для оправдания своего шовинизма, оборончества, предательства дела рабочего класса и марксизма. Против этих «столпов» II Интернационала, пользовавшихся еще огромным авторитетом, надо было выступить во всеоружии. Необходимо было не просто разоблачить противников политически, но и показать, в чем заключалось теоретическое отступление их от мар-

[4] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 139.
[5] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 177; см. также стр. 188 и 203.

ксизма, от интернационализма. Надо было показать всю фальшь псевдодиалектических выкрутасов, подмену ими диалектики софистикой. И Ленин это показал мастерски, блестяще в целой серии своих работ. Он опирался не только на то, что было сделано гением Маркса и Энгельса в развитии революционной диалектики. Основываясь на этом, он предпринял дальнейшую разработку диалектики, опираясь на историю философии, на произведения Гегеля, на современное естествознание и особенно на глубокое проникновение в диалектику экономического и социально-политических процессов эпохи империализма.

Разрабатывая диалектику как науку, Ленин дает в это время и образцы применения диалектики к анализу новых проблем общественного развития. Такие труды, как «Крах II Интернационала», «Об ошибках Юниуса», «О карикатуре на марксизм» и другие, показывают, какое научное и политическое значение имела работа Ленина над философскими вопросами, вопросами теории познания и диалектики.

Для характеристики Ленина как мыслителя показательно то, что он глубоко раскрыл и показал философское значение основного труда Маркса — «Капитала». Многие искренние сторонники марксизма видели в «Капитале» чисто экономическое произведение, не понимали его философской основы. Ленин видел в «Капитале» не только экономическое, но и социологическое, философское произведение. В «Философских тетрадях» он писал, что хотя Маркс и не оставил нам «Логики» с большой буквы, но он оставил логику «Капитала».

ТРИУМФ ЛЕНИНИЗМА И ЕГО ПРОТИВНИКИ В НАШЕ ВРЕМЯ

Столетие со дня рождения Ленина социалистические страны, революционный пролетариат в капиталистических странах и его марксистские партии, а также другие прогрессивные силы во всех странах мира отмечают в обстановке величайшего торжества идей и дела ленинизма. В XX в. ни одно теоретическое учение не оказало такого могучего преобразующего воздействия на ход мирового развития, какое оказал и оказывает ленинизм. Из экономически и политически отсталой страны Россия превратилась в могучую, передовую социалистическую державу. Целый ряд стран в Европе, Азии, а также в Западном полушарии (Куба) вступил на путь строительства социализма. Во всех странах мира возникли марксистско-ленинские коммунистические партии, ведущие за собой десятки миллионов трудящихся. Мировая колониальная система — важнейшая опора империализма — распалась. В Африке и Азии образовались десятки новых государств, освободившихся от колониального ига.

Все эти революционные преобразования и могучие революционные движения на всех континентах есть результат прямого или косвенного воздействия ленинизма. Ленинизм — марксизм нашей эпохи — стал самым влиятельным идейно-политическим учением настоящего времени.

 Однако как сама экономическая, общественная, идеологическая и политическая жизнь нашего времени, так и победоносное движение идей ленинизма проходят через преодоление огромных противоречий.

Каждая победа ленинизма как в прошлом, при Ленине, так и в наше время достигалась и достигается в борьбе, в величайших идейно-политических битвах с врагами, явными и скрытыми, выступающими нередко на словах за марксизм, за социализм, а на деле ревизующих марксизм, противопоставляющих Маркса Ленину и ленинизму. К тому же некоторые противники ленинизма пытаются представить его как чисто русское явление, неприменимое будто бы к другим промышленно развитым странам.

Буржуазия в борьбе против ленинизма возлагает свои особые надежды на ревизионизм и национализм, на идеологическую эрозию в странах социализма и в коммунистическом движении. Борьба ревизионистов против революционного марксизма, против ленинизма в разных странах ведется в различных формах. Одни под фальшивым флагом защиты и развития абстрактного гуманизма поднимают на щит ранние «Экономическо-философские рукописи 1844 года» Маркса, которые впервые были опубликованы на русском языке в 1927 г., и противопоставляют их зрелым работам Маркса и Энгельса. Эти теоретики пишут, что подлинный ключ к истинной гуманистической сущности марксизма дают якобы только эти ранние работы Маркса. «Экономическо-философские рукописи 1844 года» Маркса Ленин не знал, но революционно-гуманистическую сущность марксизма он понимал неизмеримо глубже, чем те, кто хотел бы принизить роль Ленина и ленинизма в борьбе за коммунистический гуманизм.

Другие ревизионисты пытаются утверждать, будто Ленин в области философии исходит из работ Энгельса, а не из работ Маркса. Энгельс был-де в философии сциентист, а Маркс — гуманист. Противопоставление Энгельса Марксу и наоборот — не новость. Эта форма ревизии философских основ марксизма была характерна еще для русских махистов.

Немало еще ревизионистов, которые вновь и вновь пытаются соединить общественную теорию Маркса, его политическую экономию, исторический материализм и научный социализм с различными модными формами философского идеализма, позитивизма.

Эти потуги «обогатить» марксизм «приобретениями» современной буржуазной философии, стремление стереть грань между марксистской философией и буржуазными идеалистическими учениями становятся тем упорнее, чем острее разгорается борьба между силами социализма и капитализма, между двумя непримиримыми мировоззрениями нашей эпохи.

Один из таких зарубежных ревнителей соединения марксизма и буржуазной философии в статье «Марксизм и направление философии» писал: «Можно ли в течение длительного времени защищать различные точки зрения философии или даже принадлежать к различным направлениям в философии, не отворачиваясь в то же время от марксизма и социализма?» Автор статьи, задав этот отнюдь не риторический воп-

рос, склоняется к утвердительному ответу, что свидетельствует о том, что он понимает марксизм не как единое целостное диалектико-материалистическое учение, а лишь как одно из социалистических течений общественной мысли, которое, как показал опыт, приемлемо, по крайней мере на словах, для буржуазии и ее идеологов. Буржуазии ненавистен революционный марксизм, проникнутый духом материализма и революционной диалектики.

На Всемирном философском конгрессе в Вене в сентябре 1968 г. югославский философ Враницкий вместо доклада представил свои 11 тезисов по философии под общим названием «О необходимости различных вариантов в марксистской философии». Смысл, цель и назначение этих тезисов и защищаемых в них идей — та же попытка доказать совместимость с марксизмом иных вариантов философии.

Автор исходил из положения, что «философия в качестве мысли зависит от сущности и смысла практики, даже от уровня этой практики». А так как эта практика различна и многосторонна и различен подход к ней, то в силу этого прежняя философия должна была быть и была разнообразной. Враницкий не ставит вопроса о том, какие философские школы представляли и защищали объективную истину, научное мировоззрение, передовые взгляды, а какие, наоборот, отстаивали реакционные, ненаучные, ложные взгляды. Он говорит лишь о *различии* и *многообразии*, чтобы доказать, что этот «принцип» многообразия распространяется и на марксистскую философию. Автор считает, что было бы недиалектическим решением «объявлять марксистскую философию в одной определенной форме в качестве теоретической основы одной партии и давать этой партии право определять философские вопросы». «Идеологическому догматизму недоступно понимание того, что в истории происходят известные сдвиги. Он не понимает того, что философские концепции, которые имели исторический резонанс в одних условиях, не обязательно должны иметь его в других условиях». Вывод автора: «Именно эти способы подхода к исторической проблематике вызывают проявление самых различных концепций марксистской философии, а также расхождений между ними».

Конечно, каждая философская система есть детище своей эпохи. В каждую эпоху в соответствии с различием социальных условий и исторической практики господствуют различные философские системы, которые различно и даже противоположно подходят к проблемам своего времени. Верно даже и то, что вместе с коренным изменением условий, характера исторической практики и выдвижением на историческую арену новых исторических сил, общественных классов, должна изменяться и философия как осознание, отражение и выражение условий, потребностей и задач этой новой эпохи. Это азбука марксизма, но марксизм, защищая данное положение, не останавливается на нем, марксизм идет дальше. Он исходит из того, что в каждую эпоху противостоят друг другу и борются противоположные философские мировоззрения. Одни из них защищают старое, отживающее, другие выступают как поборники нового, передового, зовут к ликвидации старых, реакционных порядков и к созданию нового общества. Философские миро-

воззрения, стоявшие на защите отживающих реакционных сил, как правило, не были носителями и защитниками объективной истины, тогда как передовое философское мировоззрение представляло и защищало объективную истину.

Маркс, Энгельс и Ленин с глубоким уважением относились к французским материалистам, к Гельвецию, Дидро, критикуя французский материализм за его ограниченность и созерцательность, за незнание диалектики. Классики марксизма-ленинизма отдавали дань уважения материалисту Фейербаху, сыгравшему огромную роль в формировании их философских взглядов. Они оценили по достоинству, как никто до них и после них, великий вклад Гегеля в развитие философской мысли (диалектика), критикуя его идеализм и мистику.

Но Маркс, Энгельс и Ленин были партийными в философии. Они видели в ней орудие в борьбе классов и партий, презирали и критиковали тех, кто защищал самую гнусную партию «середины», кто делал принципиальные уступки буржуазному и мелкобуржуазному мировоззрению.

Философия, по выражению Маркса, есть духовный синтез эпохи, ее духовная квинтэссенция. Конечно, далеко не всякая философия отвечает этому высокому требованию. Лишь та философская система может быть признана философией данной эпохи, которая адекватно отражает характер противоречий, потребностей и задачи данной эпохи и правильно указывает направление общественного развития. Такой философией для XVIII в. во Франции была философия французских материалистов. Для первой трети XIX в. в Германии такой философией была немецкая классическая философия Канта, Фихте, Гегеля и Фейербаха.

С середины XIX в., когда на историческую арену вышел рабочий класс, философией передовых, революционных сил новой эпохи является марксизм, диалектический материализм.

Какая философская система наиболее адекватно отражает революционный характер, революционный дух нашей эпохи? Неотомизм, экзистенциализм, позитивизм, различные их эклектические соединения, состоящие из обрывков различных буржуазных философских теорий и кусочков, вырванных из произведений Маркса, и выдаваемые за новейшее, самое модное направление философской мысли? Нет, только диалектический материализм. Революционная диалектика отражала и отражает бурный, динамичный, революционный характер современной эпохи со всеми ее противоречиями, антагонизмами, революционными скачками, переворотами, перерывами постепенности. Ленинская мысль о том, что только философия диалектического материализма отвечает духу и характеру современного естествознания, вновь и вновь подтверждается всеми великими открытиями естественных наук.

А как же быть с диалектикой развития познания, в том числе и философского? Утверждая, что и сегодня, как и во времена Маркса, Энгельса и Ленина, только философия диалектического материализма отвечает духу, характеру современной эпохи, в том числе достижениям современного естествознания, не вступаем ли мы тем самым в проти-

воречие с коренным требованием диалектики, с ее учением об относительности всякого познания, о бесконечности его движения от относительной истины к абсолютной? Не впадаем ли мы тем самым в догматизм, в метафизику? Нет, диалектический материализм, как и сама революционная жизнь общества, претерпевает изменения, развивается. Он обогащался и обогащается результатами обобщений революционной практики, практики строительства нового, социалистического общества, результатами анализа противоречий и закономерностей развития современного капитализма, а также обобщениями и философскими выводами на основе результатов достижений современного естествознания. Эти выводы и обобщения делаются ныне не только профессионалами-философами, но и многими естествоиспытателями, прочно ставшими на позиции диалектического материализма. Характерно, что на философском конгрессе в Вене с великолепным докладом, насыщенным философскими идеями, выступил советский ученый-астрофизик В. А. Амбарцумян. На собрании Академии наук в Москве, посвященном 150-летию со дня рождения Маркса, с интереснейшим анализом ряда актуальных проблем диалектического материализма выступил лауреат Нобелевской премии академик Н. Н. Семенов. В выступлениях, посвященных общетеоретическим философским вопросам, академик М. В. Келдыш всегда и неизменно защищает и развивает принципы диалектического материализма, подтверждая его истинность и правоту данными современного естествознания.

В настоящей книге, посвященной Владимиру Ильичу Ленину, представлены работы не только философов-марксистов, экономистов, литературоведов, историков, правоведов, но и наших выдающихся естествоиспытателей. Это, в частности, одно из многих свидетельств того, что союз философов-марксистов с естествоиспытателями-материалистами, к чему призывал Ленин в своей последней философской статье «О значении воинствующего материализма», стало фактом. Это большая победа нашего диалектико-материалистического мировоззрения, победа ленинизма.

Великая заслуга Ленина состояла в том, что он первым из марксистов дал философский анализ новейших данных в естествознании и показал пути правильного решения философских проблем, связанных с революцией в естествознании. Ленин писал: «Электрон так же *неисчерпаем*, как и атом...» Если бы ничего другого не было сказано в книге Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», то и это одно было бы такой идеей, которая делала книгу великим событием в науке.

Теоретически мыслящие физики в СССР и за рубежом (например, английский физик Пауэлл) отдали и отдают должное этой мысли Ленина и в связи с этим значению диалектического материализма, диалектики как философского метода для науки.

В одном из итальянских журналов помещена заметка Умберто Черрони о выходе в свет 41-го тома Полного собрания сочинений В. И. Ленина, публикуемого в Италии издательством «Эдитори Риунити». Останавливаясь на помещенном в томе «Плане лекций о марксизме», Черрони пишет, что этот план был составлен в «тот период, когда Ленин

писал или уже написал «Материализм и эмпириокритицизм» — книгу весьма спорную с философской точки зрения. Но зачем же требовать от политического гения, чтобы он был одновременно и философским гением? Это было бы равноценно возрождению платоновского требования, чтобы философы были также и политическими руководителями. Как политический деятель В. И. Ленин хорошо выполнял свою задачу. Пусть же философы выполняют свою!»

Так мимоходом, без всякой попытки анализа, без аргументов, доказательств, одним росчерком пера одно из великих философских произведений марксистской науки объявляется спорным, а Ленин развенчивается как философ и мыслитель. С такой же «смелостью» решается важнейшая теоретическая проблема об отношении философии и политики вообще и соотношении их в марксизме.

Вокруг книги Ленина «Материализм и эмпириокритицизм» действительно на протяжении 60 лет шла и продолжается идейная теоретическая борьба. И в этом Черрони прав. Но ведь эта борьба идет между сторонниками книги, представителями диалектического материализма, с одной стороны, и его буржуазными, а также ревизионистскими противниками — с другой. И разве на этом основании марксист может объявлять эту книгу «спорной»? Ведь и вокруг «Капитала» Маркса, главного произведения марксизма, кипела и до сих пор кипит страстная борьба между защитниками капитализма и его противниками. Но может ли на этом основании марксист объявить «Капитал» или «Коммунистический манифест» «спорным» произведением?

Замечательное философское произведение Энгельса «Анти-Дюринг» противники марксизма, диалектического материализма также объявляли «спорным». Но главные идеи этого произведения живы, сохраняют свою истинность и действенную силу, хотя Дюринг и его «основополагающие» философские идеи давно забыты и о Дюринге читатели XX в. узнают только по названию книги Энгельса.

Передовая философия является духовной квинтэссенцией эпохи. Она не может не быть связана с политикой. Политический деятель-марксист не может быть равнодушен, безразличен к философии. Маркс в начале 40-х годов прошлого века писал Руге по поводу «Философских афоризмов» Фейербаха, что они не удовлетворяют его «лишь в том отношении, что он слишком много напирает на природу и слишком мало — на политику. Между тем, это —единственный союз, благодаря которому теперешняя философия может стать истиной [6]. Философия приобретает в лице пролетариата свое материальное оружие, а пролетариат в передовой, революционной философии — свое духовное оружие. Это законный и необходимый союз. И когда Маркс упрекает всех предшествующих философов в том, что они так или иначе объясняли мир, тогда как задача состоит в том, чтобы изменять, революционизировать мир, Маркс имеет в виду изменение через революцию, через политическую борьбу. Изменение мира, общественных отношений невозможно без вторжения в политику, а правильная революционная

[6] См. *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 27, стр. 374—375.

политика невозможна без научной философии как ее общетеоретической основы. Философия разрабатывалась Марксом и Энгельсом как теоретическое орудие изменения старого мира, обнаружения, вскрытия его противоречий и поиска путей и средств их преодоления, как действенное орудие строительства нового мира.

Маркс был величайшим мыслителем, гениальным философом и политическим вождем всемирного пролетариата. Таков же и продолжатель учения и дела Маркса — Ленин.

В статье «Карл Маркс» Ленин писал, что Маркс еще в 1844—1845 гг. выяснил один из основных недостатков старого материализма — неумение понять значение революционной практики.

Анализируя переписку Маркса и Энгельса, Ленин делает вывод о том главном, решающем, что проходит красной нитью через всю переписку великих учителей рабочего класса,— это диалектика познания действительности, природы и общества, применение диалектики к стратегии и тактике классовой борьбы пролетариата. В этом Ленин видит решающее значение Маркса и Энгельса в развитии философской и общественной мысли.

Но эти же черты характеризуют и Ленина как мыслителя и вождя широчайших пролетарских масс и угнетенных народов.

В. И. Ленин обозревал шире, чем кто-либо из его современников, поле политических битв нашей эпохи, глубже видел расстановку классов, тенденции, направление развития событий. Ленин видел дальше, чем другие. Сила его предвидения была изумительна. И это было связано не только с его природной гениальностью, но и с тем, что этот гений был вооружен революционной диалектикой.

В. И. ЛЕНИН И К. МАРКС

Буржуазные идеологи утверждают как нечто само собой разумеющееся, что в отличие от Маркса — объективиста, детерминиста в понимании исторического процесса и будущей социальной революции, ее движущих сил — Ленин будто бы порвал с этой ортодоксальной марксистской доктриной и освободил марксизм от «кандалов» исторического детерминизма. В качестве доказательства этих положений буржуазные (и некоторые ревизионистские) теоретики ссылаются, во-первых, на факт создания Лениным партии большевиков как партии, ядро которой составляют профессиональные революционеры; во-вторых, на самое значительное событие современности — на Великую Октябрьскую социалистическую революцию, которая якобы не вытекала ни из внутренней логики развития тогдашней России, ни из логики мирового развития и была-де результатом необусловленных действий революционного меньшинства в лице партии большевиков.

Тот факт, что Ленин в работе «Что делать?» считал, что социалистическое сознание, социалистическая идеология привносятся в стихийное рабочее движение представителями революционной интеллигенции,

вставшей на позиции пролетариата,— это рассматривается как свидетельство того, что, по Ленину, рабочий класс был не в состоянии самостоятельно прийти к научному социализму, к социалистической идеологии, что одних объективных условий существования пролетариата недостаточно, чтобы он сам пришел к социалистическому мировоззрению. Это положение противниками ленинизма рассматривается как нечто якобы противоречащее марксизму.

Подобная критика велась давно, еще до революции 1905 г., но критики Ленина нарочито извращают его мысль об условиях зарождения и распространения социалистического сознания, социалистической теории. Ленин исходил из исторического факта. Опираясь на историю возникновения марксизма и распространение идей научного социализма, он исходил и из того, что научный социализм как теория, как учение нуждался в философских и экономических основах, т. е. в диалектическом и историческом материализме и в политической экономии. А это требовало в свою очередь изучения истории философии и буржуазной политической экономии, их критики и преодоления их ограниченности. Рабочий класс, задавленный нуждой, политическим и духовным гнетом, сам был не в состоянии проделать такую работу, как создание нового мировоззрения, опирающегося на высшие достижения общественной и философской мысли передовых народов. Конечно, в конце концов и рабочий класс может из своей среды выделить Дицгенов и сам дойти до понимания законов общественного развития и до научного социализма, писал Ленин. Но исторически дело происходило иначе. Научный социализм в целом был создан не рабочими, а представителями революционной интеллигенции, вставшими на позиции пролетариата. Возникающая партия рабочего класса внесла это социалистическое учение в стихийное рабочее движение. Так было в Германии времен Маркса и Энгельса, в предреволюционной России, где сначала возникла марксистская группа «Освобождение труда» (1883 г.), пропагандировавшая марксизм, и особенно тогда, когда возникли петербургский «Союз борьбы за освобождение рабочего класса» и марксистская революционная партия большевиков, состоявшая из передовых рабочих.

Не будь рабочего класса, никакой гений не мог бы создать научный социализм. Не будь благоприятных объективных условий, глубоких потребностей в научном социализме, марксизме, научный социализм не получил бы широкого распространения в рабочем классе, если бы он не отражал его положение, не отвечал его коренным интересам, чаяниям и стремлениям. Партия большевиков не могла бы стать массовой пролетарской партией, если бы ее программа, цели, лозунги не отвечали коренным, насущным нуждам рабочего класса и всех трудящихся.

Но объективные причины сами по себе не порождают социальной революции. Нужны были субъективный фактор, революционная деятельность рабочего класса, его союзников, революционная воля, революционное руководство большевистской партии во главе с Лениным, опирающихся на научно обоснованную стратегию и тактику революционной борьбы. Нужны были великое революционное стратегическое,

тактическое, политическое искусство и мудрость, прозорливость Ленина. Без этого субъективного фактора нельзя было реализовать возможность революции, превратить ее в действительность. Ленин, верный духу марксизма, историческому материализму, революционной диалектике, правильно учитывал роль как объективных условий, так и субъективного фактора, роль революционной, преобразующей деятельности передового класса и его партии.

Враги Ленина и ленинизма пытаются опираться на некоторые выхваченные из контекста цитаты из произведений Маркса о том, что социалистическая революция совершится прежде всего в экономически наиболее развитых странах, где пролетариат составляет большинство населения, где более высокий уровень культуры, необходимый для социализма. Правда, Маркс писал, что страны, экономически более развитые, показывают завтрашний день странам экономически отсталым. Но Маркс и Энгельс были не доктринерами, а революционерами, они знали, что историческое движение совершается не прямолинейно. Они допускали возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую в 1848 г. в Германии, поскольку там революция совершалась при более зрелых экономических и политических условиях, чем в Англии в XVII в. и во Франции в XVIII в. К тому же в Германии 1848 г. пролетариат был политически более зрелым, во главе его была партия — Союз коммунистов, имевшая таких вождей, как Маркс и Энгельс. Перерастание буржуазно-демократической революции было бы тогда возможным, если бы можно было осуществить союз пролетариата с крестьянством или, как говорил Маркс, подкрепить революционное движение рабочего класса вторым изданием «крестьянской войны». Но этого важнейшего фактора тогда не было. Революция 1848 г. потерпела поражение. Возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую реализовать тогда было нельзя, но такую возможность Маркс и Энгельс допускали, хотя Германия середины XIX в. была экономически и культурно менее развитой страной, чем Россия 1917 г., являвшаяся одной из стран монополистического капитализма, империализма, представляя самое слабое и уязвимое звено в общей цепи мирового капитализма.

История вообще, история социалистического движения в частности не совершается по расписанию. Жизнь, история сложнее и «хитрее», чем те интерпретации марксизма, которые ему давали Бернштейн, Каутский, Кунов и русские меньшевики.

В. И. Ленин не был бы великим революционером и величайшим мыслителем, если бы он опирался на букву учения Маркса, а не на дух марксовой теории, на ту или иную цитату из сочинений своих учителей, а не на их революционную диалектику. Ленин был врагом доктринерства и догматизма. Он был революционером во всем — в теории и в политике, в мысли и в действии.

В. И. Ленин был учеником Маркса, самым верным его последователем, но Ленин был и великим продолжателем учения Маркса. А это означало не просто повторять тексты Маркса и Энгельса, а, опираясь

на метод и принципы марксизма, уметь творчески развивать и применять марксизм в новых условиях, в новой обстановке, обобщая опыт, революционную практику, открывать новые закономерности развития, которые не были и не могли быть известны Марксу. Положение диалектики «абстрактной истины нет, истина всегда конкретна» было для Ленина решающим в его научных исследованиях, в революционной практике, в стратегии и тактике.

Революционная теория, любил повторять Ленин, не догма, а руководство к действию. Единство марксистской теории и революционной практики для него всегда было высшим законом.

Показательна в этом отношении судьба германской социал-демократии и ее вождей: Бернштейна, Каутского, Кунова, Гильфердинга, Эберта, Шейдемана и Носке. Когда-то германская социал-демократия была самой передовой пролетарской партией в мировом рабочем движении, но в 1914—1918 гг. она вступила на путь предательства германского пролетариата, перейдя на сторону кайзеровского правительства. В 1918 г. она предала ноябрьскую революцию и пролетариат, отказавшись от борьбы за социализм, и спасла германский империализм от гибели. Расколов рабочий класс Германии, немецкая социал-демократия тем самым объективно облегчила приход к власти фашизма со всеми его страшными последствиями и злодеяниями для немецкого народа, для СССР, для всего человечества.

Перерождение германской социал-демократии началось с ревизии марксизма Бернштейном и примиренческого отношения к Бернштейну «ортодокса» Каутского и других лидеров немецкой социал-демократии. Каутский из марксиста (правда, в философии он всегда был путаником) превратился в догматика, педанта, не умевшего диалектически подойти к анализу новой эпохи — эпохи империализма. Он не мог правильно, по-марксистски оценить характер, природу войны 1914—1918 гг.

Каутский и другие вожди германской социал-демократии не поняли великого значения Октябрьской революции и оказались в лагере буржуазии, на стороне контрреволюции. Так ревизионизм и догматизм привели германскую социал-демократию к политической измене рабочему классу и полному отказу от марксизма и на словах, и на деле. Такова же судьба австрийской социал-демократии во главе с Реннером, О. Бауэром, Ф. Адлером.

Скажут, что в эволюции немецкой и австрийской социал-демократии повинны не только ревизионизм и догматизм, но и некоторые особенности в развитии германского империализма. Конечно, на ревизионистское и догматическое извращение марксизма оказали определенное влияние экономические, социальные и политические условия тогдашней Германии. Это верно. Но это объяснение не снимает с немецкой и австрийской социал-демократии ответственности перед рабочим классом, перед историей и перед марксизмом.

Борьба Ленина и большевиков за чистоту марксизма была нелегкой, но они с честью выдержали эту борьбу. Без такой борьбы за чистоту марксизма, за его творческое развитие нельзя было одержать победу над капитализмом и буржуазией. Только Ленин и ленинцы остались

В. И. ЛЕНИН В ПРЕЗИДИУМЕ IX СЪЕЗДА РКП(б)
В СВЕРДЛОВСКОМ ЗАЛЕ КРЕМЛЯ

Москва, март — апрель 1920 г.

верными марксизму. Ленинизм — законный и самый последовательный марксизм нашей эпохи.

Открытие Лениным закона неравномерности экономического и политического развития в эпоху империализма и новая теория социалистической революции, учение о возможности первоначальной победы социализма в нескольких или даже в одной, отдельно взятой стране были возможны благодаря разработке Лениным материалистической диалектики как науки, как метода познания действительности, благодаря гениальному применению их к анализу изменившейся действительности, к стратегии и тактике классовой борьбы.

Без борьбы Ленина против империалистической войны, за превращение ее в войну пролетариев и крестьян, всех трудящихся против царизма и капитализма Великая Октябрьская социалистическая революция была бы невозможной. Ни одно из научных открытий нашего века не оказало такого великого воздействия на весь ход мирового развития, какое оказали ленинские открытия, ленинизм.

Один американский автор писал о Ленине: «Его мысль была замечательным инструментом..., она охватывала весь мир, его историю, его печали, его глупость, его позор и прежде всего его несправедливость. Она освещала в своем фокусе все факты: самые непривлекательные так же, как и самые вдохновляющие... Его интеллект был во многих отношениях великолепным. Он был способен к такому универсальному пониманию, которое редко достигаемо среди людей... Но мысль Ленина использовалась и направлялась волею не менее исключительной» [7].

В. И. ЛЕНИН И ГУМАНИЗМ

Некоторые марксисты в конце 50-х — начале 60-х годов XX в. «открыли» в Марксе и марксизме гуманизм как самое существенное, главное его содержание. Эти люди писали, что Маркс в ранних своих работах был продолжателем лучших традиций гуманизма, а затем будто бы порвал с этими традициями, встав на позиции классовой борьбы, социалистической революции, необходимости диктатуры пролетариата.

Но абстрактный гуманизм с его утверждениями, что «все люди братья», что «человек представляет собой высшую ценность», и т. п., проповедовались в Европе в течение многих веков, а рабство, угнетение, эксплуатация продолжали существовать, изменялись лишь их формы. Высшие достижения человеческого гения, все результаты человеческой деятельности, в том числе и общественные отношения и социальные институты, противостояли и противостоят человеку труда в мире капитализма как чуждая, враждебная ему сила.

Марксизм открыл объективные законы развития общества и указал пути и средства достижения великой цели — реального освобождения человека, трудящегося человечества, рабочего класса от всех видов

[7] «The World crisis 1918—1922». New York, 1929.

гнета, подавления и всех видов отчуждения и порабощения — через борьбу рабочего класса за социализм и коммунизм. Только бесклассовое общество — коммунизм — является реальным гуманизмом. Только здесь обеспечивается на деле свободное и всестороннее развитие личности.

С первых лет своей революционной деятельности Ленин боролся за условия, обеспечивающие свободу и развитие каждого трудящегося человека. Так, в период создания «Искры», когда шла работа над проектом программы марксистской социал-демократической партии в России, Плеханов в одном из своих проектов программы писал об организации в будущем обществе производства, рассчитанного на удовлетворение нужд «как всего общества, так и отдельных его членов». Ленин в своих замечаниях на этот проект по этому вопросу написал: «Этого мало. Этакую-то организацию, пожалуй, еще и тресты дадут. Определеннее было бы сказать «за счет *всего* общества» (ибо это включает и планомерность и указывает на направителя планомерности), и не только для удовлетворения нужд членов, а для обеспечения *полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития *в с е х* членов общества» [8]. Вот великий, самый сокровенный и глубокий смысл, значение и цель борьбы рабочего класса за социализм и коммунизм, вот в чем Ленин видел уже тогда, в обстановке царского гнета смысл учения марксизма, его подлинно гуманистическую сущность.

В. И. Ленин, как и Маркс, понимал, что только через борьбу классов можно достигнуть великой цели — освобождения рабочего класса и всего человечества. Все трудящиеся лишь через революционную борьбу могут освободиться от грязи, пошлости, низости и предрассудков старого мира и стать способными управлять обществом и создать новый мир отношений, достойных человека.

Может быть, самым убедительным примером отношения к человеку и гуманизму Ленина и ленинцев, с одной стороны, и вождей социал-демократии, в том числе и сторонников так называемого этического социализма, — с другой, служит отношение тех и других к империалистической войне 1914—1918 гг.

Как всегда в истории, большие события, такие, как война и революция, являются самой верной и радикальной проверкой классов, партий и их вождей, их сущности и роли не на словах, а на деле.

Как известно, в канун империалистической войны все партии II Интернационала и их вожди выступали против войны и угрожали всеобщей забастовкой и революцией в случае, если буржуазные правительства объявят войну. Произносились страстные речи, писались гневные статьи и принимались соответствующие антивоенные манифесты. Но когда самая несправедливая, грабительская, разбойничья империалистическая война разразилась и в нее были втянуты все народы Европы, Америки и Азии, т. е. сотни миллионов людей, вожди социал-демократии перешли на сторону своих правительств и стали участниками и защитниками этой позорнейшей из войн. Только Ленин и партия боль-

[8] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 232.

шевиков в России и немногие из левых представителей социал-демократических партий — Карл Либкнехт, Роза Люксембург, Франц Меринг и Вильгельм Пик — остались верными знамени социалистического интернационализма, не поддались националистическому и шовинистическому угару, вели на деле самую последовательную борьбу против империалистической войны, которая принесла людям неисчислимые страдания. Разбойничья война разоблачила фальшивые речи о свободе, братстве, человеколюбии правых социал-демократических, буржуазных и мелкобуржуазных «гуманистов». Их «гуманизм» оказался сплошным лицемерием и обманом. Истинными же гуманистами оказались лишь Ленин и ленинцы, выдвинувшие лозунг превращения империалистической войны в войну гражданскую, в войну против ее виновников, т. е. против своих правительств и эксплуататорских классов, против несправедливого общественного строя, порождающего войны и бедствия народов.

Октябрьская революция осуществила самые гуманные цели: мир всем народам; фабрики, заводы, железные дороги тем, кто их создал; землю тем, кто ее обрабатывает; вся власть Советам рабочих и крестьянских депутатов, т. е. всем трудящимся. Это самые гуманные и справедливые лозунги и требования, и они были выдвинуты Лениным и партией большевиков.

В. И. Ленин открыл в Советах самую высшую форму политической власти рабочих и крестьян. Он мечтал, чтобы каждая кухарка могла научиться управлять государством, чтобы Россия покрылась сетью школ и университетов, чтобы двери их были широко открыты для всех трудящихся. Ленин боролся за то, чтобы вся необъятная Советская страна покрылась сетью электростанций. И эти великие идеалы ныне воплощены в жизнь.

В. И. Ленин был интернационалистом. Его идеал — великое братство и равенство всех народов.

Национализм, идеология национализма — это старое, испытанное оружие буржуазии. Когда-то буржуазный национализм играл прогрессивную роль в борьбе против феодализма, в национально-освободительной борьбе. И в наше время в антиимпериалистической борьбе освободившихся народов прогрессивный национализм сплачивает воедино народы и в известных границах играет прогрессивную роль. Но сегодня буржуазный национализм разделяет народы, натравливает их друг на друга, ослабляет и парализует силы рабочего класса в общей борьбе пролетариев всех стран против общего врага, против буржуазии и империализма. Положению, интересам и целям рабочего класса всех стран отвечает лишь социалистический интернационализм. Это важнейшая черта его мировоззрения. Мелкая буржуазия, подпадая под влияние империалистической буржуазии, ее идеологии, нередко заражается буржуазным национализмом. Пролетариат должен систематически вести борьбу за свое интернационалистическое мировоззрение.

Социалистический пролетариат противопоставляет буржуазному национализму и расизму свой социалистический интернационализм.

Под этим знаменем он вел борьбу против империалистической войны. Под этим знаменем свершилась Октябрьская революция, положившая начало великому братству и равенству народов в Республике Советов. Дружба, братство, равенство и взаимопомощь советских народов — это одно из высших проявлений социалистического гуманизма. Тот, кто изменяет интернационализму и проповедует национализм и антисоветизм, не может быть гуманистом, он — лжегуманист.

На позиции национализма и антисоветизма сбиваются правые и «левые» ревизионисты. Правые ревизионисты на словах выступают за гуманизм и в то же время защищают национализм. Но одно исключает другое. Националист, шовинист, антисоветчик, противник ленинизма не могут быть искренними, подлинными гуманистами.

Правые ревизионисты лозунгом «гуманного социализма» прикрывают их переход на буржуазные националистические, антисоветские позиции.

Конечно, в среде современной интеллигенции на Западе немало искренних сторонников и защитников гуманизма. В их рядах такие философы, как Сартр или Рассел и их последователи, многие христиане, католики, которые являются искренними борцами за мир, выступают против войн, против насилий и других злодеяний империализма. Это наши союзники в общей борьбе за мир.

В. И. Ленин требовал принципиальности, теоретической ясности и последовательности от коммунистов, от марксистов. Теоретическая ясность в собственных рядах дает возможность коммунистам, ленинцам объединить в общей борьбе против империализма, за мир, за социальный прогресс, за гуманизм все прогрессивные антиимпериалистические силы.

В. И. ЛЕНИН И ИДЕОЛОГИЧЕСКАЯ БОРЬБА

Вся жизнь и революционная деятельность Ленина — это непрерывная борьба против буржуазной и мелкобуржуазной идеологии. В битвах против мелкобуржуазной идеологии народников, идеологии «легального марксизма», теории стихийности, против меньшевизма, различных форм правого и «левого» оппортунизма, против тех, кто извращал марксистскую философию, политическую экономию, научный социализм, Ленин отстаивал и развивал научную социалистическую идеологию рабочего класса. Или буржуазная, или социалистическая идеология — третьего не было и не могло быть — так ставил вопрос Ленин. Тот, кто не ведет борьбы против различных форм буржуазной идеологии, тот вольно или невольно открывает ей путь.

В наше время буржуазия выдвинула лозунг деидеологизации. Долой идеологию! — восклицает американский социолог Даниель Белл. Наука, техника сближают народы и страны, а различие идеологий разъединяет, утверждают буржуазные идеологи. Поэтому надо освободиться от идеологического груза и установить мирное сосущество-

вание идеологий. За мирное сосуществование идеологий выступают и правые ревизионисты (например, Э. Фишер в Австрии).

Но идеологии упразднить нельзя. Их нельзя и примирить, как нельзя примирить интересы противоположных классов — пролетариата и буржуазии. Идеологии отражают не только противоположность стран социализма и капитализма, но и противоположность классов капиталистического общества. Социалистическая идеология, марксизм-ленинизм, научный социализм возникли не в СССР, а в странах капитализма. В СССР эта идеология одержала впервые победу над буржуазной идеологией. Мирное сосуществование государств с различным общественным строем и идеологическая борьба — это различные вещи. Идеологическая борьба в буржуазном мире начата не социалистическими странами.

Э. Фишер и другие ссылаются на Маркса и Энгельса, на их характеристику идеологии как ложного, превратного сознания. Но эта характеристика классиков марксизма относилась к буржуазной и мелкобуржуазной идеалистическим идеологиям, которые действительно в превратном виде отражают действительность. В противовес этим идеологиям Маркс и Энгельс создали научную социалистическую идеологию — научный социализм, адекватно отражающий положение, цели, стремления рабочего класса и прогрессивного человечества. Эта идеология — надежное, испытанное орудие в борьбе рабочего класса, всех трудящихся за социализм. За всеми криками, лозунгами, требованиями теоретиков и идеологов буржуазии о деидеологизации скрывается на деле требование устранить влияние социалистической идеологии и утвердить господство буржуазной идеологии.

ЛЕНИНИЗМ И АКТУАЛЬНЫЕ ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОСТИ

Идеологи буржуазии не раз объявляли марксизм устаревшим, умышленно умалчивая о том, что марксизм не оставался неизменным, что он применительно к эпохе империализма и пролетарских революций был дальше всесторонне развит Лениным и ленинцами. Но, говорят критики ленинизма, со времени последних произведений, написанных Лениным (1923 г.), также прошло уже почти полвека, и каких полвека!

Да, это верно. За последние полвека произошло много великих и величайших событий. Мир изменился и обновился и продолжает изменяться. Изменение и обновление мира происходило и происходит на основе объективных законов, открытых марксизмом-ленинизмом. Ленинизм на протяжении последнего пятидесятилетия, богатого всемирно-историческими событиями, был и остается идейно-теоретическим оружием, знаменем и путеводной звездой для всех передовых революционных сил на всех континентах. За эти последние десятилетия ленинизм развивался и продолжает развиваться и обогащаться на основе обобщения исторического опыта нашей революционной эпохи.

Это творческое развитие ленинизма осуществляет наша ленинская партия, ее Центральный Комитет и братские коммунистические и рабочие партии всех стран. Изменения, которые произошли в государственно-монополистическом капитализме в результате продолжающегося обобществления производства и вследствие влияния научно-технической революции; обострение старых и возникновение новых противоречий, прежде всего между социализмом и капитализмом; проблемы, связанные с перспективами развития мировой революции; закономерности развития мировой социалистической системы; закономерность перехода от социализма к коммунизму; взаимоотношение войн и революций; возможности предотвращения мировой войны в результате изменения соотношения сил в пользу социализма и мира; мирное сосуществование и классовая борьба; идеологическая борьба, ее место и роль на современном этапе развития; природа фашизма; разоблачение фашистской идеологии и борьба с ней; критика противников марксизма-ленинизма в области философии и идеологии; пути некапиталистического развития стран, освободившихся от колониального ига,— эти и другие сложные проблемы стояли перед КПСС, подвергались и подвергаются научному анализу ее Центральным Комитетом, а также всеми другими братскими марксистско-ленинскими партиями социалистических и капиталистических стран.

Революционная диалектика была и остается для марксистов-ленинцев творческим методом всестороннего научного анализа процессов в современном капиталистическом мире, полном противоречий и антагонизмов и насыщенном непримиримой борьбой противостоящих друг другу социальных сил. Развитие социалистического общества в разных странах представляет собой также сложный процесс, связанный с возникновением противоречий и трудностей особого характера. Огромное значение в научном освещении актуальных проблем современности с позиций ленинизма имело международное Совещание коммунистических и рабочих партий, проходившее в 1969 г. в Москве. В замечательном докладе Л. И. Брежнева, в выступлениях руководителей коммунистических и рабочих партий был дан глубокий анализ современного капитализма, его противоречий, анализ мирового революционного процесса и его перспектив. Это значительный вклад в сокровищницу ленинизма.

Ленинизм не может устареть, так как условия и проблемы, вызвавшие его к жизни, существуют. Ленинизм по своему внутреннему существу не может устареть, так как он не стоит на месте, а постоянно развивается, проверяется и обогащается новым опытом. Догматизм всегда был и остается врагом ленинизма, как и ревизионизм. Революционная материалистическая диалектика была и остается душой марксизма-ленинизма. Она настоятельно требует непрекращающегося развития революционной теории.

Осуществляя ленинскую политику строительства социализма и коммунизма, политику защиты мира и прогресса, борьбы против империализма, ленинская партия стояла и стоит в авангарде мирового коммунистического движения.

Все эти годы нашей партии, ее Центральному Комитету пришлось отстаивать ленинизм в борьбе против троцкизма, правого и «левого» оппортунизма, теории стихийности и самотека, субъективизма и волюнтаризма. Все эти годы наша партия вела непримиримую борьбу против национализма разных мастей, расизма и расистских теорий, за интернационализм, за равенство, братство и дружбу народов, за подлинный гуманизм. Без этой борьбы нельзя было отстоять дело социализма, решить важнейшие проблемы строительства нового общества.

В наши дни противники ленинизма много говорят и пишут о кризисе марксизма, мирового коммунистического движения. Они пророчили провал международного Совещания коммунистических и рабочих партий. Но Совещание — этот замечательный идейно-политический форум марксистов-ленинцев всех континентов — явилось новой победой ленинизма, ленинского интернационализма, дела сплочения коммунистического движения и ударом по империализму, а также по ревизионизму и оппортунизму. Коммунистические партии, мировое коммунистическое движение, народы социалистических стран видят в ленинизме надежное, испытанное теоретическое оружие в борьбе против империализма, в борьбе за социализм, за коммунизм.

Ленинизм составлял и составляет идейную основу мирового коммунистического движения. Подорвать эту идеологическую основу — сокровенное желание врагов коммунизма. Поэтому они так внимательно следят за ревизионистскими тенденциями внутри коммунистического движения, независимо от того, идет ли речь о правом ревизионизме или так называемом «левом», крикливом, ура-революционном на словах, но чуждом ленинизму на деле.

Борьба за дальнейшее сплочение социалистического лагеря, мирового коммунистического движения, всех антиимпериалистических сил требует от марксистов-ленинцев систематической наступательной борьбы за чистоту ленинизма, против правого и «левого» ревизионизма. Это требует нового и нового анализа возникающих современных проблем и, следовательно, дальнейшего творческого развития марксистско-ленинской теории. Отступления от ленинизма, отказ от его принципов вели и ведут к переходу на буржуазные и мелкобуржуазные националистические позиции, на позиции социал-демократического реформизма и левацкого псевдореволюционализма.

Некоторые из современных теоретиков, претендующих на дальнейшее развитие марксизма, допускают ту серьезную ошибку, что пренебрегают общими законами и принципами марксизма и различие в его применении к особенностям отдельных стран раздувают до таких пределов, что порывают с основными законами и революционными принципами марксизма-ленинизма. Только диалектическое понимание проблемы соотношения общего и особенного, национального и интернационального является правильным путем, подтвержденным всей историей ленинизма. Ленин и ленинизм дали классические образцы решения этих проблем.

Не ради истории и не во имя прошлого, а во имя настоящего и будущего мы не должны забывать уроков истории марксизма-ленинизма.

П. В. КОПНИН
академик АН УССР

СОВРЕМЕННЫЕ ПРОБЛЕМЫ ДИАЛЕКТИЧЕСКОГО МАТЕРИАЛИЗМА

Сложны и многообразны процессы современной общественной жизни, развитие которой ставит множество мировоззренческих проблем. Обостряется идейная борьба вокруг животрепещущих вопросов социального движения человечества.

Философия стоит в центре борьбы, происходящей в современном мире между двумя идеологиями: социалистической и буржуазной.

Представление о марксистской философии как наборе некоторых теоретических положений, имеющих абсолютный характер и составляющих вечные истины, действительные для всех процессов, времен и народов, очень далеко от ее сущности и содержания; оно наносит вред ее развитию и восприятию различными слоями современного общества. Такого рода философия становится легкой добычей буржуазных мыслителей, на ее пороках спекулируют различные ревизионистские концепции, питающиеся идеями буржуазной философии.

Более чем столетний опыт марксизма убедительно доказывает, что успешную борьбу против различных течений современной буржуазной философии и ревизионизма можно вести только на основе систематической разработки новых проблем, выдвигаемых ходом развития общественной практики, в частности научного знания, непрерывного пополнения марксистской философии теоретическими выводами и построениями, соответствующими духу и стремлениям нашей эпохи.

Именно этим путем шел Ленин, развивая марксистскую философию в новых исторических условиях, на другом, более высоком уровне человеческой цивилизации с более зрелым научным познанием. «Учение Маркса,— говорил Ленин,— всесильно, потому что оно верно». Но истина — не застывшее состояние, а процесс непрерывного постижения мыслью действительности.

Отставание в области разработки актуальных философских проблем незамедлительно скажется на характере и методе мышления во всех областях научного знания как гуманитарного, так и естественнонаучного, ибо материалистическая диалектика призвана не только философски обобщать опыт развития наук, но в какой-то мере предвидеть их методологические потребности.

ЛЕНИНСКИЙ ПОДХОД К РАЗРАБОТКЕ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Предмет любой области науки относится к числу тех проблем, которые постоянно дискутируются. Это и понятно, ибо науки, развиваясь, непрерывно ищут и обновляют объект своего исследования. На каждом этапе развития они приблизительно очерчивают круг своего познавательного интереса, определяют те закономерности, которые составляют содержание и метод данной науки.

Все это тем более относится к философии, в развитии которой все ясней определяется ее предмет. И если ведутся в настоящее время дискуссии вокруг предмета марксистско-ленинской философии, то не следует думать, что когда-нибудь они закончатся окончательным решением спорных вопросов и нахождением жесткого определения, пригодного на все времена, объекта философских исследований. Происходящие обсуждения имеют смысл главным образом постольку, поскольку они приводят к обнаружению новых проблем, стоящих сейчас перед философией, помогают определить то, на что философия или вовсе не обращала своего внимания, или касалась вскользь. Наконец, они заставляют посмотреть на традиционные проблемы с точки зрения нынешних потребностей, с позиций современных методов научно-теоретического мышления.

Но, решая вопрос о предмете марксистской философии, ни в коем случае нельзя забывать того обстоятельства, что она немыслима без своей души, сердцевины, т. е. материалистической диалектики.

Не случайно противники марксистской философии в качестве объекта своей критики избрали именно диалектику. Диалектический метод познания подвергается искажениям современным философским ревизионизмом, представляющим его в урезанном, опошленном виде. Особенно неприемлемым оказалось для современных представителей ревизионизма ленинское понимание сущности и путей развития материалистической диалектики.

С середины 90-х годов начинается новый этап в развитии марксистской философии — ленинский.

Выяснение сущности ленинского подхода к развитию диалектического и исторического материализма привлекает внимание исследователей давно, особенно начиная с 30-х годов XX в. Среди буржуазных мыслителей очень распространена точка зрения, что Ленин в области философии либо не создал ничего оригинального, либо отошел от подлинного марксизма. Эти мысли повторяют в различных вариантах ревизионисты, умаляющие роль Ленина в развитии марксистской философии. Они утверждают, что Ленин был политиком, вождем великой революции в России и совершенно не обязательно от него требовать, чтобы он был еще и столь же гениальным философом. В этой связи довольно снисходительно говорят о его произведении «Материализм и эмпириокритицизм», которое якобы не стоит на уровне выдающихся марксистских философских произведений своего времени, написано в целях политической борьбы, которая уже утратила свое значение.

Но, во-первых, науку интересует не то, что́ можно требовать от мыслителя, а то, кем он в действительности был, какой вклад сделал в движение научной мысли, в данном случае марксистской философии. Во-вторых, связь между революционной практикой и развитием философской мысли в марксизме никогда не была случайной, а, наоборот, органической. Ленин — политик и революционер неотделим от Ленина — гениального философа, в трудах которого нашла выражение новая ступень в развитии диалектики и материализма. Он мог подняться на эти высоты философской мысли именно потому, что теоретически осмыслил современную ему эпоху, ее революционную суть: борьбу пролетариата в капиталистических странах, национально-освободительное движение, социалистические преобразования общества, новейшие достижения науки о человеке и природе.

Советским философам в статье «О значении воинствующего материализма», написанной для журнала «Под знаменем марксизма», Ленин завещал систематически разрабатывать марксистский метод познания и практического действия, руководствуясь «образцами применения диалектики у Маркса, а также теми образцами диалектики в области отношений экономических, политических, каковых образцов новейшая история, особенно современная империалистическая война и революция дают необыкновенно много» [1].

Развитие современного общества — обострение противоречий капитализма, ликвидация колониальной системы, развитие мировой социалистической системы, происходящая научно-техническая революция — ставит перед нами еще бо́льшие задачи. Философская мысль не может сделать шага вперед, не решая проблем, выдвигаемых социальной практикой нашего времени. При этом в качестве исходных методологических принципов анализа должны выступать идеи Ленина, который положил начало изучению капитализма на новой ступени его развития, обратил самое серьезное внимание на исследование процесса освобождения стран от колониальной зависимости и включения в орбиту рево-

[1] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 30.

люционного движения стран Азии, а в последних своих работах изложил результаты пристального наблюдения и вдумчивого размышления о начальных этапах нашего социалистического развития. Наконец, Ленин заложил основы философского анализа революции в естествознании, когда она делала лишь первые шаги.

Следовательно, марксизм в начале нашего века уже был обогащен идеями, которые отражают основные черты современного социального развития. Представить в настоящее время марксизм вне ленинизма или ленинизм как только одну ветвь марксизма, связанную с узкой практикой одной страны, означает отнять у марксизма то главное, что его делает действительной философией XX в., лишить себя исходных методологических принципов, которые составляют фундамент философского анализа современной эпохи.

Внутренне необходимая связь между революционной практикой и философскими идеями развенчивает созданный ревизионистами миф, согласно которому Ленин вслед за Энгельсом в понимании материалистической диалектики отошел от Маркса. В то время как Маркс во главу угла ставил диалектику человеческого общества, Энгельс и Ленин якобы переместили центр философских рассуждений с общества и человека на природу. Возникла дилемма — природа или человек и его общество.

Где подлинная диалектика — в первом или втором? Но для Ленина, как и для Маркса и Энгельса, не стояло проблемы выбора между природой и обществом, ибо в изоляции друг от друга их нельзя понять. Отстаивая в борьбе против субъективного идеализма махистов тезис философского материализма: природа существовала и существует до и независимо от человека, Ленин, как и Маркс, исходит из того, что она постигается человеком как объект не созерцания, а чувственно-материальной деятельности, став предметом его практики.

В марксизме нет отдельно взятых философии природы и философии общества, он создал единое мировоззрение, в центре которого стоит человечество. Историческое движение человечества невозможно уяснить без познания законов природы, лежащих в основе практической и теоретической деятельности человека.

Перед философией в качестве главной задачи стоит изучение объективных закономерностей движения вещей, процессов и отношений. Познание этих закономерностей и служит основой инициативы и творчества людей.

Следуя доктрине Маркса о человеке как творце, Ленин рассматривал проблему человека в связи с его бытием в объективном мире, в процессе общественного освоения им природной действительности и создания культуры.

Поэтому философскому методу Ленина чужд, с одной стороны, субъективизм, рассмотрение объективных процессов под углом зрения предвзятых оценок и установок, субъективных мнений людей, с другой — созерцательный объективизм, ставящий человека в безысходную зависимость от естественной необходимости движения вещей и

процессов природы и общественной жизни. «...*Объективность* рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе)» [2] — этот принцип лежит в фундаменте материалистической диалектики, составляет ее важнейший элемент. Но объективность, научная истина и художественная правда важны потому, что в них выражены сам предмет, его свойства, отношения и закономерности, которые постигаются для целей активной деятельности человека, для господства над природой и общественными силами, осуществляемого через практику.

Одни обвиняют Ленина в следовании механическому детерминизму, другие же, наоборот,— в волюнтаризме. В действительности же Ленин продолжал идеи Маркса и Энгельса, вырабатывая новое понимание социального детерминизма, исходящего, с одной стороны, из объективных закономерностей развития общества, с другой — из роли активно преобразующей деятельности человека (класса и партии). Объективная необходимость движения в обществе не означает автоматизма смены одной общественно-экономической формации другой. Социальная закономерность и деятельность масс — не два рядоположенных и взаимоисключающих фактора. Новая социальная действительность создается революционной человеческой практикой, основывающейся на объективных законах движения общества.

Социальная закономерность таит в себе ряд возможностей, тенденций и ставит человека (класс, партию) перед выбором — пойдет ли он стихийно в русле одной из этих возможностей и будет вовлечен в определенный общественный процесс или же сознательно выберет другую возможность и сосредоточит всю свою деятельность, творчество и инициативу на ее практической реализации и таким образом направит социальное развитие по иному пути.

Поэтому марксистско-ленинское понимание социального детерминизма исходит из диалектики объективного и субъективного, включает активную деятельность человека в процесс движения к новой социальной действительности.

Отсюда видна совершенная беспочвенность всех утверждений, что марксизм видит только экономические силы и законы, игнорируя человека и его собственный потенциал в истории. Именно Ленин, развивая идеи Маркса, обосновал теоретически, а Октябрьская революция доказала практически, что социализм и коммунизм как новая общественная реальность наступают в результате активной деятельности широких масс, рабочего класса и его партии, опирающихся на знание объективных законов истории.

На примере понимания социального детерминизма видно, что сердцевиной марксистской философии, по Ленину, выступает материалистическая диалектика, ибо на основе ее метода решаются другие сложные философские проблемы.

В. И. Ленин не создавал нового типа диалектики, а развивал в новых исторических условиях диалектический метод, начало которому

[2] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 202.

положил Маркс. В современной зарубежной философской литературе имеется тенденция оторвать ленинизм и его философское учение от марксизма. В этой тенденции выражено не только непонимание сути ленинизма, хотя и оно имеет место, но и классовое стремление к принижению содержания и значения ленинского этапа в развитии марксистской философии.

Развивая марксистскую философию, В. И. Ленин придал материалистической диалектике форму, соответствующую новому опыту сознания и преобразования мира, в соответствии с которым он произвел «пересмотр» философских категорий, обогатил их содержанием, выражающим особенности и потребности человеческого познания на новом этапе.

Ленинский этап в развитии марксистской философии связан прежде всего с дальнейшим обоснованием и развитием идеи о совпадении диалектики, логики и теории познания.

Изучая «Капитал» Маркса, Ленин увидел, что в нем практически к анализу экономической структуры капитализма применен принцип совпадения диалектики, логики и теории познания [3], но ни Маркс, ни Энгельс его не поставили в центр своего понимания предмета и особенностей философии.

Мысль о совпадении диалектики, логики и теории познания является не случайно брошенной фразой, а центральной и принципиально важной идеей ленинских «Философских тетрадей», к которой он возвращается неоднократно [4] и последовательно проводит в трактовке всех вопросов диалектики. И каждый раз при этом он вспоминает Гегеля. Причем Ленин показывает, что положение о совпадении диалектики, логики и теории познания является закономерным результатом развития всей истории философии.

Сейчас оживленно обсуждается вопрос о содержании идеи совпадения диалектики, логики и теории познания.

Односторонне мыслящий рассудок видит в этом положении ограничение диалектики учением о мышлении, его законах и формах. Само собой разумеется, что Ленин, развивая идею тождества диалектики и логики и теории познания, был абсолютно чужд этому ограничению, которое могло импонировать только в одном смысле кантианству, а в другом — неопозитивизму. Для марксистской философии диалектика всегда была и остается методом живого анализа исторически развивающейся действительности, и поэтому диалектика должна сделать объективный мир своим предметом. Диалектика является методом движения чело-

[3] «Если Marx,— замечает Ленин,— не оставил *«Логики»* (с большой буквы), то он оставил *логику* «Капитала», и это следовало бы сугубо использовать по данному вопросу» (*В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 301).

[4] «В таком понимании,— пишет Ленин в «Философских тетрадях»,— логика совпадает с *теорией познания.* Это вообще очень важный вопрос». Говоря о той части логики Гегеля, в которой излагается учение о понятии, Ленин отмечал, что в ней содержится «**ЕДВА ЛИ НЕ САМОЕ ЛУЧШЕЕ ИЗЛОЖЕНИЕ ДИАЛЕКТИКИ**. Здесь же замечательно гениально показано совпадение, так сказать, логики и гносеологии» (см. там же, стр. 156, 174).

веческой мысли и действия, приводящим к объективной истине в познании и реальным результатам в практике по овладению силами природы и общества, но для этого само мышление должно стать предметным по своему содержанию, идти по законам объекта, говорить его языком.

Утверждение, что диалектика совпадает с теорией познания и логикой, не отрицает предметного содержания ее законов и категорий. Оно направлено против попыток представить диалектику в виде современной модернизированной онтологии — науки о всеобщих связях, свойствах вещей, о мире в целом, т. е. отжившей свой век натурфилософии. Развитие научного знания показало, что оно не нуждается в такой науке наук, и в этом смысле прежней философии, которая претендовала на эту роль, пришел конец. Но она сохранила свое значение как научное мировоззрение, выступающее всеобщим методом научного познания, материалистической диалектикой, вырабатывающей категории мышления на основе познания объективных закономерностей.

В. И. Ленин всегда рассматривал категории философии как содержательные формы постижения объективных закономерностей, и никак иначе. Поэтому материалистическая диалектика включает в себя учение о категориях мышления, в которых отражены свойства и закономерности вещей и процессов.

Ленинский подход к разработке диалектического материализма предполагает союз философии марксизма с различными областями научного знания. Подлинная философия, соответствующая своему назначению в обществе, должна быть системой научного знания. В процессе своего длительного развития она выработала общий с другими науками метод постижения явлений вещей и процессов путем создания понятий и теорий, выражающих объективную истинность, допускающих проверку и доказательство. Она не может не опираться на опыт научного знания. Попытки изолировать философию от знания, достигаемого различными науками о природе и обществе, обрекают ее на отрыв от реальной действительности.

Но союз философии со специальными областями знания не следует понимать упрощенно, как простое заимствование готовых понятий и теорий, а также методов, возникающих на их основе. Опыт доказывает невозможность сведéния философии к методу какой-то частной области знания, к такой, например, как современная формальная логика в ее символической форме. Попытки решения философских проблем методами и приемами такой логики приводят к тому, что исчезает собственно философия с ее предметом. И это верно не только в отношении к формальной логике, но и ко всем попыткам сведéния философии к частной области знания или даже какой-либо их совокупности. Правда, к сожалению, находятся среди философов и такие, которые, желая как бы продемонстрировать связь философии с другими науками, особенно естественными, пытаются изобрести свой «философский» эксперимент или матричное исчисление. Точно так же ни одна наука не может свой метод познания заменить философским, например эксперимент — натурфилософскими построениями.

Такое стремление заимствовать из других областей знания их понятия и методы иногда связывается с идеей превращения самой философии в науку, подобную некоторым областям естествознания. Уже в конце XIX — начале XX в. среди буржуазных философов возникло движение за превращение философии в строгую науку. Этой идеей был одержим в свое время неопозитивизм. Но это ни к чему положительному не привело, кроме усвоения некоторыми философами модной научной терминологии. В итоге получилось, что философия сводилась к «чистой» логике, какой выступала в том или другом виде формальная логика: получалось, что иной философии и быть не может. Но дело заключается в том, что формальная логика, как и психология, физика, биохимия, лингвистика, давно уже не входят в философию.

Марксизм убедительно доказал, что путь развития философии связан с усвоением ею результатов научных знаний. Но знания, достигнутые различными науками, не непосредственно входят в философию, а составляют ее своеобразную основу, которая осмысляется философией в своих категориях и формах.

Философия обобщает результаты научного познания, зафиксированные в теориях и понятиях различных наук, результаты развития общественного сознания, выраженные в произведениях искусства, в нормах нравственности, в истории своего собственного движения. Все это в совокупности и составляет опыт, из которого философия исходит в процессе выдвижения и обоснования своих построений. Никакая другая наука не имеет такого богатого и разнообразного опыта. Ни одна из них не делает исходным моментом, эмпирическим базисом совокупный опыт духовного развития человека. Итак, теории научного познания, результаты художественного освоения действительности и т. п. выступают исходным пунктом философского анализа.

К опыту духовного развития человека, в частности к научному познанию, материалистическая диалектика подходит, конечно, критически, но не в смысле исправления его результатов для своих потребностей и не в виде философского надзора за развитием отдельных областей знания и духовной культуры. Она осознает его нужды и прежде всего в области метода мышления, совершенствования его категориального аппарата и с этой стороны критически анализирует весь предшествующий опыт познания, выявляя тенденции его развития. В этом состоит задача материалистической диалектики как специфической системы знания. Различные науки, хотя и содержат в своих результатах имплицитно философские категории, но не выделяют, не делают их предметом исследования, орудием движения к новым результатам в познании.

Путем научного экстраполирования, исходя из совокупного опыта духовного развития человечества, философия выдвигает свои категории и законы. Результаты этой экстраполяции, несомненно, не обладают строгостью и точностью, доказательностью математического знания, однако это нисколько не умаляет их значения. По своей особенности и функции в научном познании философия не связана с подобной строгостью. Да и способы доказательств философии иные. Законы

и категории философии проверяются на практике, но не путем простого сопоставления с отдельными ее актами, нахождением соответствующих им вещей, отношений. Такое сопоставление ничего не дает (примеры могут служить иллюстрацией положений, но такие иллюстрации всегда приблизительны и не выражают существа дела). Философские понятия и теории всеобщи. Проверка их в действительности происходит лишь тогда, когда результаты философского мышления, будучи выраженными в категориях, становятся методом научно-теоретического познания и практического действия человека. Понятия и теоретические построения философии проверяются как мировоззрение, ставшее основой теоретической и практической деятельности классов, партий, ученых, художников и т. д. Если действия, согласующиеся с принципами и категориями, приводят к практическому осуществлению человеческих целей, к созданию разумного и прекрасного мира вещей и отношений, достижению нового знания в науке и т. д., то тем самым доказывается их объективная необходимость.

Таким образом, материалистическая диалектика как наука, обладая своим предметом исследования, своим собственным способом анализа и языком, тем не менее не замыкается в себе, а имеет общее значение в движении знаний к объективной истине, решает в общем теоретическом плане проблемы, так или иначе имеющие отношение к любой конкретной области знания, и поэтому она активно воздействует на развитие научного знания, на логику науки.

В. И. Ленин вслед за Энгельсом настойчиво проводил мысль о том, что диалектический метод научно-теоретического мышления не дан человеку от рождения, он вырабатывается в процессе исторического развития философии, являясь высшим достижением и синтезом интеллектуальной культуры человечества. Поэтому развить свои теоретические способности человек может только в том случае, если он освоит философию в ее развитии.

Логика мышления органически связана с его историей. В ленинское понимание задач систематической разработки теории материалистической диалектики входит: 1) теоретическое осмысление истории философских идей, логики их движения, особенно он выделил материалистическую переработку диалектики Гегеля; 2) освоение и развитие методов мышления Маркса, получившего наиболее полное выражение в «Капитале»; 3) философское осмысление данных современного научного познания и технического прогресса. «Продолжение дела Гегеля и Маркса,— писал Ленин,— должно состоять в *диалектической* обработке истории человеческой мысли, науки и техники» [5].

И все это должно быть направлено на постижение в формах мысли реальной исторической действительности, противоречий ее движения на основе сочетания трезвого научного анализа с партийностью, с обоснованием и развитием материалистического мировоззрения.

[5] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 131.

ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ — МЕТОДОЛОГИЯ СОВРЕМЕННОГО НАУЧНОГО ПОЗНАНИЯ

Философией марксизма является диалектический материализм. Это положение сейчас оспаривается как буржуазными мыслителями, так и ревизионистами. Первые говорят, что Маркс не был материалистом в философии вообще, хотя для характеристики своей ранней позиции употреблял термин «материализм», но совершенно в ином смысле, чем потом Энгельс и Ленин. Материализм Маркса, по мнению американского марксолога Д. Клайна,— только разговорное, идиоматическое выражение, действительной же его позицией является не философский или онтологический материализм, а «экономический объективизм» или «объективистский экономизм», не имеющий никакого отношения к материалистическому решению основного вопроса философии, распространенного на всю объективную реальность (и природу, и общество).

Фальшь этого утверждения очевидна. В. И. Ленин писал, что «гениальность Маркса и Энгельса состоит как раз в том, что в течение очень долгого периода, *почти полустолетия*, они развивали материализм, двигали вперед одно основное направление в философии...»[6]

Другие не отрицают материализма Маркса, но пытаются найти его принципиальное отличие от материализма Энгельса и Ленина. Становящееся модным в буржуазных кругах определение философской позиции Маркса как «субъективного материалиста» пытается урезать материализм Маркса, изъять природу из решения основного вопроса философии, гипертрофировать роль субъекта и его сознания.

Конечно, Маркс исходил из принципа активной роли субъекта, однако никакая активность сознания не снимает главного в материализме — признания первичности материи и вторичности сознания.

Современные ревизионисты, стыдливо признавая или обходя вообще материализм Маркса, видят суть философии марксизма не в диалектическом материализме, а в его концепции человека и соответственно в гуманизме. Конечно, марксистский гуманизм имеет огромное значение для философии; несомненно и то, что Маркс сформулировал принципиально отличное от буржуазной философии оригинальное понимание человека как творца самого себя и своей истории в процессе общественно-производственной практики. Однако лишено всякого основания противопоставление марксистского гуманизма диалектическому материализму. В основе марксистской концепции человека лежит диалектико-материалистическое мировоззрение, выступающее методологией научного познания и практического действия. Эта методология и подвергается атакам со стороны буржуазной философии, которая все чаще в своей аргументации старается использовать происходящую научно-техническую революцию.

[6] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 356.

Роль научно-технической революции в познании состоит не только в том, что открываются новые фундаментальные законы природы, создаются новые понятия и теории, целые области знания, происходит дифференциация и интеграция науки. Для философии большое значение приобретает изменение структуры научного знания, метода его движения к новым результатам и т. п.

Научно-техническая революция затрагивает почти все основные проблемы теории знания, и прежде всего она побуждает к более глубокой постановке вопроса об его отношении к объективной реальности. В связи с этим по-новому встает проблема борьбы материализма и идеализма.

Несомненным является факт, что новые научные открытия стали возможными благодаря усилению активности субъекта познания, включения им в сферу своей деятельности все новых предметов, конструирования новых материальных средств проникновения в объект, создания понятийных построений, носящих инструментальный характер, и т. п. Все это делает вопрос об отношении знания к объекту не менее актуальным, чем раньше. Противники марксизма в связи с этим усиливают свои нападки на теорию отражения, которая якобы низводит роль субъекта до пассивного регистратора свойств вещей. Разработка теории отражения применительно к результатам и потребностям современного научного познания со всеми его характерными особенностями дает возможность и ответить на некоторые вопросы, которые встают сейчас перед диалектическим материализмом, и подорвать гносеологические основы спекуляцией на процессе познания со стороны представителей современного идеализма в философии.

Марксизм с самого начала своего существования выдвинул положение о познании как активном творческом процессе, соединяющем субъект с объектом. Познание — целенаправленное, практическое отражение действительности. Этим самым уже подчеркнута активная роль субъекта, его общественных целей в выборе объекта познания, в создании познавательного образа, необходимого для практического освоения объективной реальности.

Тезис «познание — результат деятельности субъекта», взятый в своей односторонности, порождает неверное представление, изолирующее содержание знания от объекта, его свойств, отношений и закономерностей. Этот тезис необходимо должен быть дополнен утверждением, что познание — такая субъективная деятельность, которая приводит к отражению объекта во всей его конкретности.

Но не противоречит ли понятие отражения творческому подходу познания к объективной реальности? Ни в какой мере, ибо отражение как целенаправленная деятельность включает в себя постижение объекта не только таким, каким он существует в данное время, но и во всех его потенциях, возможных формах изменения посредством практической деятельности человека.

Давно, десятки лет назад, активная форма процесса отражения вошла в поле зрения советских исследователей, однако потом в работах по теории познания главное внимание обращалось на естественно-

научную сторону понятия отражения, на связь человеческого познания с теми формами отражения, которые биологически «родственны» ему и являются свойствами материи. Для изучения материального субстрата и борьбы против идеалистических концепций, отрывающих познание от мыслящей материи, естественнонаучный аспект проблемы необходим, он важен и сейчас. Но понимание специфики человеческого познания, диалектики субъекта и объекта приводит нас к анализу его связи с предметной, практической деятельностью человека. Поэтому, когда дело касается отношения знания к отражаемому предмету, то оно не может быть описано только в терминах «изоморфизм» и «гомоморфизм», которые подчеркивают только одну сторону — сходство знания с предметом, а сторона отношения к нему, определяемая практическими целями человека, при этом остается в тени. Рассмотрение материальной практической деятельности открывает как раз эту сторону процесса отражения человеком объективной реальности.

Развитие философии показало, что без понятия отражения невозможна теория познания, которая бы научно ставила и решала возникающие в гносеологии проблемы. Столь же очевидным является вред, приносимый схематизмом и примитивизмом в понимание познания как отражения.

В настоящее время большое значение приобретает разработка проблемы социальности в процессе отражения действительности. Познает действительность человек, находящийся на определенной ступени общественного развития, и в этом смысле познание любого объекта (природного или общественного) несет в себе социальный момент.

Социальность отражения действительности в человеческом знании выполняет двойную функцию. С одной стороны, она служит причиной того, что люди встают на путь заблуждения даже тогда, когда существуют все гносеологические условия для достижения истинного, достоверного знания объекта. Причина иллюзий и мифологий, которыми опутываются в современных условиях даже некоторые элементы естественнонаучного знания, состоит в том, что на характер отражения действительности оказывает влияние бытие человека в общественном мире. С другой стороны, именно социальность отражения служит источником активности познания, средством достижения подлинной объективной истинности его результатов. Проблема выявления сущности и особенности познания разрешается на пути исследования социальности процесса отражения действительности человеком.

Это подводит к идее необходимости философского анализа результатов познания как природы, так и социальных процессов. К сожалению, не только теория отражения, но и законы и категории диалектического материализма вообще разрабатывались у нас преимущественно применительно к естествознанию. Нет никакого сомнения, что данные современной науки о природе дают большой материал для философских обобщений таких категорий, как движение, причинность и т. д. Но материалистическая диалектика, направляя процесс познания, не может не учитывать того, что само знание является духовным, человеческим освоением действительности и по своей природе носит обще-

 ственно-исторический характер. Опыт познания социальной жизни людей необходим для раскрытия содержания природы познания, в частности его отношения к отражаемому предмету. Отсюда понятно, почему так важно изучение методологии общественных наук не только для их развития, но и для понимания познания вообще. Больше того. По существу ни одна категория диалектического материализма, включая такие, как пространство и время, конечное и бесконечное и т. п., не может развиваться и обогащаться новым содержанием, а тем самым быть формой мышления без учета опыта познания истории и теории современного общества.

Особое значение в этой связи приобретает категория практики. Сейчас нет необходимости доказывать важность включения понятия практики в философию, в теорию познания в частности. Но истолкование понятия практики превратилось в арену ожесточенной философской борьбы.

Казалось бы, что плохого в том, что журнал «Праксис» Хорватского философского общества взял понятие практики в качестве своего философского кредо. Ведь, действительно, не только истолкование познания, но всей общественной жизни предполагает понятие практики. Здесь для марксиста нет проблемы. Однако понимание самой практики может быть различным, что со всей очевидностью показал уже прагматизм, приспособивший это понятие к субъективно-идеалистической философии. К сожалению, некоторые авторы «Праксиса» идут именно по этому пути, когда они понятие практики изолируют и противопоставляют природе с ее объективной закономерностью, представляют практику вне действительного исторического развития человечества. В таком случае это понятие приобретает абстрактный характер, становится деятельностью человека как родового существа, лишенной своего объективного источника и содержания. Отсюда гуманизм, основанный на этом субъективистском понимании практики, превращается в прекраснодушную фразу, в простое морализирование. Не случайно, что он не затрагивает в своей критике античеловеческих основ капиталистического общества. Говоря о «демонизме» современной техники, о разрушении личности, об уродливом характере научно-технического прогресса, словом, об отдельных явлениях отчуждения, этот гуманизм вовсе не подвергает научно-критическому анализу объективные социальные отношения, порождающие эти явления. Отсюда его критицизм по отношению к современному обществу работает на холостом ходу, а чаще приводит к противоположным результатам, поскольку объектом критики выступают не собственно буржуазные отношения, а новейшие технико-экономические тенденции развития общества, а также тот, кто протестует, направляет борьбу на реальный путь,— рабочий класс и его авангард.

Марксистская философия берет практику не в изоляции от объективных законов природы и общества, а в тесной связи с ними. Анализ практики, ее сущности и целей неминуемо приводит к изучению общества на данном этапе его развития, иначе она станет абстрактной, вне мира витающей деятельностью субъекта. Понятие практики должно

обогащаться анализом общественно-исторического движения, совершающегося в нашу эпоху, и его отражения в понятиях и теориях социальных наук. Современный мир человека расширился, обогатилась практика не только за счет включения в сферу его деятельности новых объектов природы, таких, как микромир и космос. В активную историческую деятельность вошли новые народы, страны, социальные слои. Философия призвана не описывать эпоху, а отразить в своих категориях ее сущность и устремления, она не может довольствоваться фиксацией эмпирического материала, а должна выразить глубокие связи и закономерности, направив в соответствии с ними практическую и теоретическую деятельность человека, его действия и мысли на осуществление идеалов.

Разработка диалектики как метода научного мышления ставит перед исследователями ряд вопросов. Во-первых, исчерпывается ли методология науки диалектикой, ее законами и категориями или последняя составляет только общефилософскую основу методологии науки, которая включает наряду с ней методы других специальных наук, особенно таких, как математическая логика, кибернетика, семиотика. Во-вторых, какое отношение существует между содержательными и формальными методами познания, между формальными и содержательными компонентами в теории.

Решение этих проблем привело к необходимости исследования логики современного научного познания, основываясь как на методе материалистической диалектики, так и на других специальных методах, раскрывающих ту или иную сторону движения к истине.

Здесь мы сталкиваемся с вопросами, которые либо ранее совсем не возникали, либо их решение не было столь настоятельным требованием времени. К ним следует отнести философский анализ языка науки и методологические проблемы системно-структурного анализа.

Проблема философского анализа языка науки особенно остро встала после того, как в результате революции в науке произошли коренные изменения в самой форме выражения результатов знания. Научная теория внешне все чаще стала выражаться системой знаков, допускающей различную интерпретацию. Встал вопрос: как выявить познавательное содержание такой теории, ее предметную область? Выяснилось, что формально-логические средства и способы интерпретации научной теории хотя и необходимы, но далеко не достаточны для решения данной задачи. Поэтому возникла еще более острая необходимость в категориальном аппарате философии как логическом средстве выявления познавательного значения научной теории, определения ее предметной области.

Философия начиная с древности пыталась создать такой категориальный аппарат, который был нацелен на решение этой задачи. Гераклит, Демокрит, Платон, Аристотель, Спиноза, Кант, Гегель — вот далеко не полный перечень мыслителей, которые бились над проблемой создания категориального строя мышления, выступающего орудием проникновения в объективную природу вещей и нашего знания о них. К сожалению, эта традиция в философии многими просто

игнорировалась как не имеющая непосредственного отношения к логике. В действительности же, начиная с Гераклита, провозгласившего существование в мире логоса, всеобщего в вещах и процессах, философия требовала от мышления идти его путем и обнаруживать их собственные свойства и определения.

Реализуя эту идею, она создала предельно общие понятия, которые и выступают методом научно-теоретического мышления. Процесс познания не может начаться ни с чего. Человеку для теоретического овладения объектом мало иметь его просто перед собой, практически взаимодействовать с ним; ему нужны средства, помогающие в определенных формах постигнуть объект. Этими средствами является категориальный аппарат диалектики.

Философия, определив значение категорий в мышлении, решила несколько связанных между собой задач: 1) обобщая опыт познания, выработала эти наиболее общие понятия; совершенствование категориального аппарата — постоянная забота философов; 2) анализировала природу этих понятий, выясняя их отношение к объективной реальности и практической деятельности человека, и 3) наконец, выявила способы функционирования категорий в процессе движения мышления.

Говоря о последнем, надо отметить, что уже Кант анализировал роль категорий в синтезе знания, в процессе суждения. В настоящее время стоят новые, более широкие задачи, а именно выявление роли философских категорий в интерпретации научной теории, в движении мышления, в выдвижении фундаментальных идей и понятий, дающих начало новым теоретическим построениям в науке, т. е. истолкование функции категорий в научном постижении действительности. Как бы ни были совершенны математический аппарат и эксперимент современной науки, к своим новым результатам, прорывающим старые горизонты, она всегда будет двигаться путем умозрения, научной экстраполяции, орудием которой выступают категории мышления. Несовершенство категориального аппарата сдерживает творческие порывы мысли, ищущей новые ходы и пути, которые, быть может, с точки зрения строгой формально-логической детерминации и правильно поставленного эксперимента кажутся совершенно недопустимыми, но в действительности они-то и открывают новую страницу в науке.

Марксистско-ленинская философия как научная методология решает широкий круг вопросов, в частности ей принадлежит определенная роль в интерпретации научной теории. Здесь она ставит одну задачу: с помощью категориального аппарата включить язык научной теории в общий ход движения знания, в интеллектуальное развитие человечества. Поэтому ни одна теория не может быть понята как система человеческого знания, если для ее интерпретации использовать только ее собственный понятийный аппарат. Категории философии наряду с языком данной теории и аппаратом формально-логического анализа составляют необходимый арсенал средств интерпретации языка научной теории.

Понятия, создаваемые современной философией, должны быть направлены на постижение объективной реальности, однако эту реаль-

ность они должны охватывать, во-первых, со стороны ее всеобщих свойств и законов развития, во-вторых, исходя из потребностей преобразования мира. Таким понятием и является категориальный аппарат диалектического материализма, помогающий ученому включить результаты той или иной теоретической системы в общий поток развития познания и практики. Философские категории и язык, их выражающий,— это интеллектуальный фон эпохи, без которого невозможна продуктивная деятельность в науке и практике. Эти категории и придают языковой системе характер социально значимого знания.

Роль категорий марксистской философии в теоретическом мышлении весьма многообразна: они обеспечивают, с одной стороны, простор ему, с другой — детерминируют его, направляют на постижение объективной реальности в формах, необходимых для человеческой практики.

Творческая функция категорий философии объясняется тем, что они создаются на более широкой основе, чем понятия любой конкретной области знания, в них обобщен и экстраполирован опыт всего познания, а не одного какого-либо определенного объекта.

За последние годы советские исследователи в области материалистической диалектики обратили внимание на системно-структурный метод исследований явлений действительности и результатов научного познания. Основы его заложены Марксом при анализе системы капиталистических производственных отношений как органической целостности. Однако дальнейшее развитие этого метода связано с распространением на другие явления как природного, так и общественно-духовного характера, в частности языка. Но при этом философские положения Маркса о способах анализа органических систем служат фундаментом анализа сложных систем в других науках.

Вопрос о структурно-системном методе для философов важен в нескольких отношениях. Но при этом необходимо знать его возможности и границы применения в различных областях науки. В противном случае есть опасность подменить диалектический метод структурализмом и, таким образом, превратить системно-структурный анализ во всеобщую методологию современного научного познания. С последним связано противопоставление структурализма историзму, замена познания развития объекта познанием его структуры, отношений между ее элементами. Системно-структурный анализ — это специальный метод познания, ставящий конкретные цели, его разработка для диалектики так же важна, как и любые другие частные способы познания, имеющие место в современной науке.

Далее, в качестве методологической основы системно-структурного подхода к изучению предмета выступает материалистическая диалектика, в частности, ее категории логического и исторического, понятие единства этих методов исследования, которое обеспечивает органическую связь в познании истории (развития) и структуры объектов реальности.

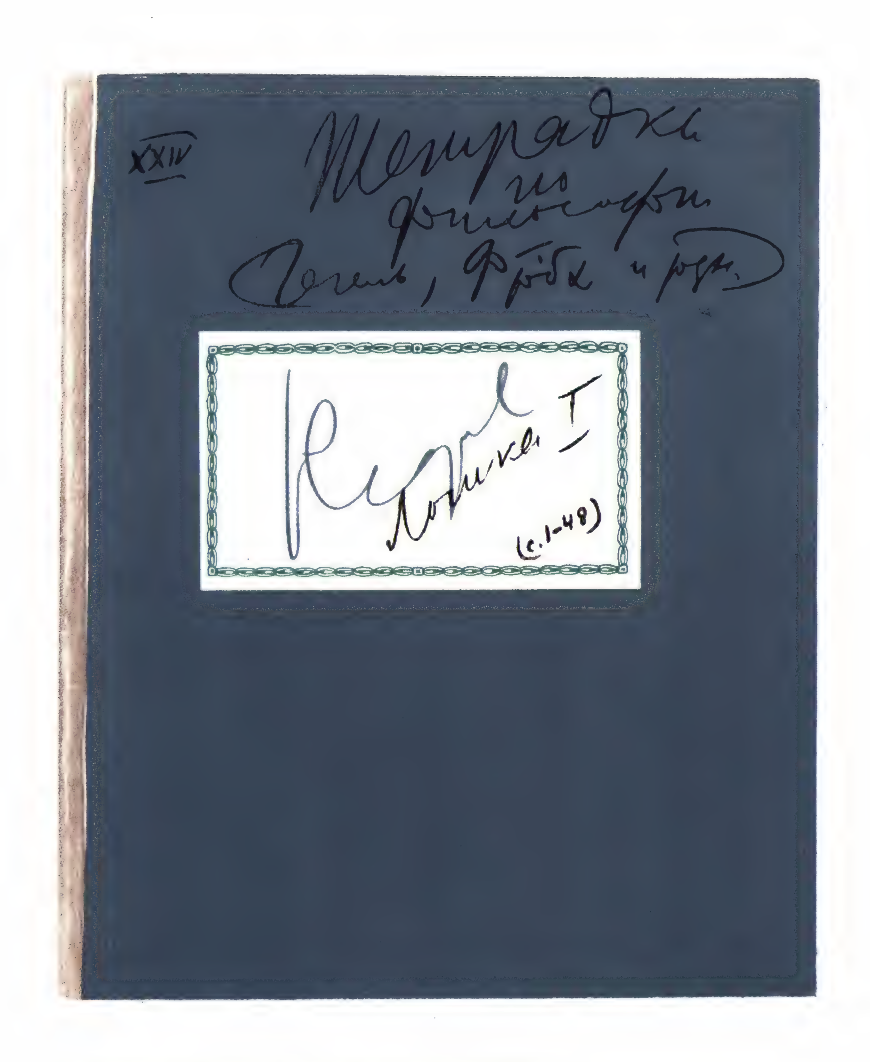
Поэтому изучение системно-структурного анализа может быть плодотворным, когда он, с одной стороны, основывается на категориальном аппарате диалектики, с другой — способствует его развитию.

ОБОГАЩЕНИЕ И СОВЕРШЕНСТВОВАНИЕ ЗАКОНОВ И КАТЕГОРИЙ — МАГИСТРАЛЬНЫЙ ПУТЬ РАЗВИТИЯ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКОЙ ДИАЛЕКТИКИ

Начиная приблизительно с середины 50-х годов в нашей литературе по материалистической диалектике стала оживленно обсуждаться проблема категорий материалистической диалектики. Решение этой задачи связано с реализацией идей Ленина о воплощении содержания материалистической диалектики в логике движения категорий.

Само собою понятно, что исследователи столкнулись здесь с множеством трудностей. Исторически системе категорий марксистской философии предшествовала логика Гегеля, которая воплотила в себе итоги движения научно-теоретического мышления, интеллектуального развития человечества и выразила некоторые устремления его в будущее В этом отношении она предвосхитила некоторые пути развития научного познания XIX в. Поэтому, конечно, трудно решать задачу построения системы категорий диалектики, минуя переосмысление логики Гегеля. Однако было бы по крайней мере большим упрощением свести проблему построения категорий диалектики в настоящее время к материалистической переработке «Науки логики» Гегеля, с простым внесением некоторых корректив в нее, требуемых современной наукой. Тем более, что, основываясь на опыте гегелевской диалектики, схематизме перехода в ней от одной категории к другой, вообще можно прийти к сомнению в возможности и необходимости создания системы категорий материалистической диалектики. В этой связи советские исследователи сосредоточили свое внимание на двух аспектах данной проблемы: 1) выявлении принципов построения системы категорий, 2) установлении возможности построения систем категорий для разных целей. Отмечая позитивное значение предпринятых попыток решения проблемы системы категорий, следует сказать, что наши исследователи еще довольно далеки от создания относительно законченной системы категорий, которая выражала бы сущность современного научно-теоретического мышления и его дальнейшие устремления.

Опыт построения такой системы приводит к двум важным выводам. Во-первых, он подсказывает мысль, что без глубокого, тщательного изучения истории человеческой мысли, логического анализа ее, эту задачу, нельзя разрешить. Во-вторых, чтобы эта система эффективно работала в современном научном познании, недостаточно предложить наиболее рациональную систему уже известных в истории философии категорий. В мышлении XX в., в его структуре и методах произошли известные изменения по сравнению не только с XVII—XVIII вв., но и с серединой XIX в., поэтому современная система категорий должна включать в себя не только новые принципы ее построения, но и новые по содержанию сами категории. Поэтому без выявления этих категорий трудно решить проблемы построения их системы.

ОБЛОЖКА ПЕРВОЙ ТЕТРАДИ С КОНСПЕКТОМ
В. И. ЛЕНИНА КНИГИ ГЕГЕЛЯ «НАУКА ЛОГИКИ».
СЕНТЯБРЬ—ДЕКАБРЬ 1914 г.

В настоящее время в марксистской литературе накоплен значительный теоретический опыт, связанный с применением диалектики к анализу явлений действительности вообще и к обществу в частности. На обществе акцентируется внимание потому, что его изучение, с одной стороны, представляет особое значение для практики коммунистического строительства, с другой — на этом пути диалектика обогащается новыми идеями.

Опыт применения диалектики к анализу явлений действительности, имевший место у нас, содержит как позитивные, так и негативные стороны. Отдельные философы избрали здесь, можно сказать, облегченный путь. Не затрудняя себя самостоятельным анализом на основе диалектического метода острых и актуальных проблем современности, хода развития общественной жизни и науки, они брали готовые диалектические формулы и подводили под них отдельные факты из практики общественной жизни, из опыта развития науки. Такой подход сводил диалектику к сумме примеров, и на практике часто в качестве образцов диалектики выступают либо еще не проверенные факты науки, либо не оправдавшие себя мероприятия непродуманной реорганизации. Поэтому нередко они от огульного отрицания какой-либо научной гипотезы переходили к столь же огульному ее оправданию со всеми незрелыми элементами, которые допустимы в ходе рождения нового знания, или, наоборот, от восторженного восхищения переходили к полнейшему отрицанию выдвинутых теоретических построений.

Метод Маркса и Ленина служит необходимой теоретической основой для изучения современного общества — и капиталистического, и социалистического, обобщения результатов научного познания. Материалистическая диалектика направляет теоретическую мысль на постижение логики ее функционирования и развития. Применение диалектики к анализу практики современного общества приведет к изменению и обогащению ее категориального аппарата.

Этим путем философия устанавливает реальную связь с ходом современного научного познания и общественной практики в целом, оказывает глубокое воздействие на них, нацеливает на эффективное разрешение грандиозной задачи строительства коммунизма.

М. Э. ОМЕЛЬЯНОВСКИЙ
член-корреспондент АН СССР

СОВРЕМЕННЫЕ ФИЛОСОФСКИЕ ПРОБЛЕМЫ ФИЗИКИ И ДИАЛЕКТИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ

О ДИАЛЕКТИКЕ В СОВРЕМЕННОМ ЕСТЕСТВОЗНАНИИ

Естествознание еще с начала своего существования как научного систематического исследования природы стремится соединить накопляемую громаду фактов и открываемые им отдельные связи и закономерности. Эта черта естествознания наиболее адекватно выражается в физике, которая по своему основному духу, содержанию и методам познания была и, надо полагать, останется в будущем своего рода управляющим центром наук о природе.

Физика, если сопоставить ее с любой другой естественной наукой, занимается относительно более общими и фундаментальными явлениями материального мира. Отсюда проистекают широта ее содержания и соответствующее глубочайшее влияние на другие естественные науки, а также ее по-особому тесная связь с философией. И в прошлые эпохи развития естествознания в исследованиях Галилея, Декарта, Ньютона, Ломоносова, Фарадея, Максвелла, Гельмгольца, Менделеева физические проблемы переплетались с философскими вопросами. Та же картина наблюдается в современной физике, о чем убедительно свидетельствуют работы основателей теории относительности и квантовой теории. Интересно в этом отношении высказывание Эйнштейна: «Замечательный характер имеет взаимосвязь, существующая между наукой и теорией познания. Они зависят друг от друга. Теория познания без соприкосновения с наукой вырождается в пустую схему. Наука без теории

познания (насколько это вообще мыслимо) становится примитивной и путаной» [1].

Физика XVIII—XIX вв., или классическая физика, стихийно принимавшая материалистическую теорию познания, удовлетворяла свои философские потребности на почве механистического мировоззрения, а ее методология, с точки зрения ученых того времени, по существу замыкалась пределами формальной логики. Современная физика, материалистическая по своему основному духу, все теснее и органичнее связывается с диалектикой. Последняя мысль была сформулирована и доказана Лениным еще в начальный период новейшей революции в естествознании: «Современная физика лежит в родах. Она рожает диалектический материализм» [2]. Этими словами Ленин завершает в книге «Материализм и эмпириокритицизм» свой философский анализ эпохальных достижений физики конца XIX — начала XX в., к которым относится прежде всего открытие электронов и радиоактивности.

С той поры естественные науки и физика в особенности необычайно изменились и далеко, отнюдь не в тривиальном смысле, отошли от классического естествознания. Современная физика по своему теоретическому принципиальному содержанию, структуре и стилю мышления резко отличается от физики классической. Принцип внутреннего единства временны́х и пространственных понятий в теории относительности; отрицание жесткого однозначного детерминизма и признание идеи единства корпускулярных и волновых свойств материи в квантовой теории; идея об изменчивости и взаимопревращаемости всех физических тел и полей, вплоть до элементарных частиц материи, в физике элементарных частиц; соединение различных и противоположных понятий, положений, теорий в более глубокие синтезы теоретических структур; отрицательное отношение к догмам в науке и необходимость в ее развитии диковинных идей и теорий — таковы некоторые характерные черты в развитии современной физики.

На место физики Ньютона и Максвелла, сохранивших свое значение для определенного круга физических явлений, стала релятивистская и квантовая физика, выросшая из научной революции начала нашего столетия. Гипотетический неделимый атом науки XIX в. оказался в действительности сложной системой, подчиняющейся квантовым законам. Современная астрономия открыла неведомые классическому естествознанию ядра галактик, квазары и другие космические объекты, физическое понимание которых выходит, возможно, за пределы известных ныне теорий. Возникли новые научные направления и отрасли знания, на стыках «классических» областей естествознания особенно.

И в настоящее время идеи Ленина о диалектическом материализме как единственно верном методе и единственно верной философии естествознания, о философских выводах из новой физики, о том, что

[1] *А. Эйнштейн.* Замечания к статьям.— Собрание научных трудов, т. IV. М., 1967, стр. 310.
[2] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 332.

в материалистической диалектике естествоиспытатели найдут ряд ответов на философские вопросы, поставленные революцией в естествознании, продолжают освещать путь развития наук о природе.

Казавшаяся вечной система понятий классических теорий была сломлена, и эти понятия превратились в предельные случаи более глубоких и общих понятий теории относительности и квантовой теории, далеких от привычной наглядности классических представлений и охватывающих явления микромира и космоса, которых не знала классическая физика.

Совершенно неожиданно и очень своеобразно встали в современной физике вопросы о реальности и материи, времени и пространстве, абсолютном и относительном, причинности и закономерности, элементарном и сложном. Пространство и время, например, представлялись в классической теории самостоятельными, внутренне не связанными сущностями. Теория относительности, возникшая при изучении электромагнитного поля, радикально пересмотрела эти представления. Пространство и время являют собой нечто единое, в котором, однако, сохраняется их отличие друг от друга. Такова основная идея теории относительности. Она приводит к диковинным с точки зрения классической теории и обыденного опыта выводам об относительности времени, его «замедлении» при быстрых движениях и т. п.

Философские вопросы, поставленные новой физикой, пытались решать, отвергая материалистическую теорию познания, позитивисты, начиная с Маха и кончая логическими позитивистами. В современном естествознании позитивизм не привел ни к каким положительным результатам. Не случайно против него выступали, особенно в последнее время, Планк, Эйнштейн, Бор, Борн, Гейзенберг. Мы назвали далеко не всех великих ученых, возражавших против позитивистских установок в науке. Полное фиаско потерпели и другие модные ныне философские течения в капиталистических странах, вроде неотомизма, который хочет соединить современную физику с идеей бога. Макс Борн хорошо сказал о тех, кто думает, что единственно важная реальность — область идей, духовное: «Они не должны заниматься естествознанием» [3].

Развитие современной физики выдвигает на первый план проблемы логического и методологического характера. Что означает соединение времени и пространства в нечто единое, о чем говорится в теории относительности? Не бессмысленно ли сочетание прерывных частиц и непрерывных волн, как об этом трактуется в квантовой механике? Как осмыслить превращение частиц вещества в невещественный свет, а света — в вещество, о чем идет речь в квантовой электродинамике? Как понять взаимопревращаемость фундаментальных частиц материи, которая имеется в виду в теории элементарных частиц?

Природа оказалась неизмеримо богаче того мира, который представлялся классической физике, возникшей на почве обыденного «макроскопического» опыта. Тончайшие электромагнитные явления, атомный

[3] *M. Born*. Physik und Metaphysik.— «Naturwissenschaftliche Rundschau», 1955, H. 8, S. 301.

и субатомный миры, грандиозные явления масштаба галактик — вот объекты современной физики с ее точнейшими приборами, индустриализованными экспериментами и колоссальной технической вооруженностью. Именно потому, что все эти миры глубоко отличаются от макроскопического мира и одновременно связаны с ним многообразными переходами, возникли и развились «диковинные», по выражению Ленина, представления и теории современной физики, которые отражают природу вернее, полнее, нежели физика классическая.

В естествознании стала реальной задача познания всесторонней универсальной закономерности развивающейся природы в таких понятиях, которые, как говорил Ленин, должны быть «гибки, подвижны, релятивны, взаимосвязаны, едины в противоположностях, дабы обнять мир»[4]. Диалектический материализм и дает необходимую базу для решения возникающих вопросов.

О диалектике и ее принципах в физике высказываются, не употребляя соответствующих терминов (за отдельными исключениями), сами ученые, создавшие релятивистскую и квантовую теории. Известно, например, что Бор, дискутируя с Эйнштейном о проблемах теории познания в атомной физике, говорил о «глубоких истинах», представляющих, по его словам, такие утверждения, что «противоположные им тоже содержат глубокую истину»[5]. Подобного рода замечаний, свидетельствующих по существу дела, что диалектика меньше всего является чем-то экзотическим в современной физике, немало в работах и других ее выдающихся представителей. В этом отношении показательно высказывание Эйнштейна о связи теории познания и физики, часть которого была приведена выше. Продолжим его.

По мнению Эйнштейна, если философу удается разработать стройную систему, он тотчас же начинает толковать содержание науки в духе своей системы и отвергать все, что выходит за ее рамки. Ученый же, говорит Эйнштейн, «не может позволить себе зайти столь далеко в своем стремлении к теоретико-познавательной систематике. Он с благодарностью принимает гносеологический анализ понятий, но внешние условия, поставленные перед ним опытными фактами, не позволяют ему чрезмерно ограничивать себя принадлежностью к некоторой философской системе при построении понятий».

И Эйнштейн делает важное заключение: «Поэтому в глазах последовательно мыслящего философа он предстает как оппортунист, бросающийся из одной крайности в другую. Как человек, пытающийся описать мир, не зависящий от актов восприятия, он кажется *реалистом*. Как человек, считающий понятия и теории свободными (не выводимыми логическим путем из эмпирических данных) творениями человеческого разума, он кажется *идеалистом*. Как человек, считающий свои понятия и теории обоснованными *лишь* в той степени, в которой они позволяют логически интерпретировать соотношения между чувственными восприятиями, он является *позитивистом*. Он может показаться точно так

[4] *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 131.
[5] *Н. Бор*. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961, стр. 93.

же и *платоником* и *пифагорейцем*, ибо он считает логическую простоту непреложным и эффективным средством своих исследований»[6].

Здесь Эйнштейн по существу выступает (если отвлечься от неточностей в отдельных терминах) за *многосторонность* познания (ее олицетворяет ученый) и возражает против односторонности и прямолинейности систем традиционной философии и философского релятивизма. С Эйнштейном нельзя не согласиться, но в *марксистской* философии то, о чем в данном случае он говорил, выражено несравнимо точнее и глубже. В фрагменте Ленина «К вопросу о диалектике» характеризуется «диалектика как *живое*, многостороннее (при вечно увеличивающемся числе сторон) познание с бездной оттенков всякого подхода, приближения к действительности (с философской системой, растущей в целое из каждого оттенка)...», основная *беда* «метафизического» материализма — это, подчеркивает Ленин, «есть неумение применить диалектики... к процессу и развитию познания»[7]. В этом же фрагменте дается замечательный анализ гносеологических корней идеализма, который, пишет Ленин, «с точки зрения *диалектического* материализма... есть *одностороннее*, преувеличенное... развитие (раздувание, распухание) одной из черточек, сторон, граней познания в абсолют, *оторванный* от материи, от природы, обожествленный»[8].

Пример с приведенным высказыванием Эйнштейна иллюстрирует лишний раз то положение, что диалектика ученых, которые не принадлежат к сознательным сторонникам диалектического материализма (как и вообще стихийный естественнонаучный материализм), недостаточна для разрешения философских вопросов науки. Уязвимые пункты такого рода воззрений ученых улавливаются в своих целях представителями реакционной философии: соответствующих фактов, относящихся к философским высказываниям Эйнштейна, Бора и других основателей современной физики, сколько угодно.

Только сознательное применение материалистической диалектики действительно освобождает ученого от тех или других односторонностей и предвзятых точек зрения в исследовании философских проблем естествознания, открывая правильную, отвечающую данным опыта, перспективу поискам их решения. В формировании и утверждении материалистического и диалектического понимания теории относительности и квантовой механики как новых (по сравнению с классической физикой) вех познания природы развивающейся наукой сыграли определяющую роль идеи и концепции диалектического материализма о философской категории материи, о пространстве и времени как объективно реальных формах бытия, о причинности и необходимости, об абсолютном и относительном, о диалектике познавательного процесса и т. д.

Идея диалектики о единстве возможности и действительности лежит в основании точки зрения на квантовую механику, проводимую академиком В. А. Фоком и представляющую результат критической разра-

[6] *А. Эйнштейн.* Собрание научных трудов, т. IV, стр. 310—311.
[7] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 321—322.
[8] Там же.

ботки, развития и уточнения идей Бора [9]. Появилась, особенно за последнее время, богатая марксистская литература по философским вопросам естествознания. Из недавних работ отметим статьи академиков Н. Н. Семенова «Марксистско-ленинская философия и вопросы естествознания» («Коммунист», № 10, 1968) и В. А. Амбарцумяна «Современное естествознание и философия» («Успехи физических наук», т. 96, сентябрь 1968). В них выпукло показывается, что сознательное применение учеными диалектического материализма способствует более быстрому развитию естествознания, и в этой связи анализируются собственные открытия авторов этих статей.

В плане рассматриваемых вопросов примечательна диалектическая идея о неисчерпаемости электрона, высказанная впервые Лениным. Она все более и более входит в теорию современной физики, как отмечают крупнейшие современные ученые, в их числе американский физик Дайсон, английский физик Пауэлл, японский физик Саката и др. Эта идея особенно рельефно выражает мощь ленинского диалектического подхода к физической науке и силу мысли Ленина. Мы на ней кратко остановимся в заключение настоящего параграфа.

Открытиями электрона — этой впервые обнаруженной элементарной частицы в современном смысле слова — и радиоактивности на рубеже нашего века были поставлены важнейшие философские вопросы о материи и ее познании. Старый, механический материализм, обративший в философские догмы представления классической физики о материи и движении, не справился с ними. В философской литературе того времени получили широкое распространение взгляды идеалистов и позитивистов, которые из открытий электрона и радиоактивности сделали свои выводы об «исчезновении материи», будто единственная реальность физика — это его ощущения, будто объективным закономерностям нет места в природе и т. д.

На самом же деле, как показал Ленин в книге «Материализм и эмпириокритицизм», открытия, которые положили начало новой физике, еще более укрепили материалистические основы научного познания природы и обогатили философию материализма. Очень важно здесь следующее высказывание Ленина: ««Сущность» вещей или «субстанция» *тоже* относительны; они выражают только углубление человеческого познания объектов, и если вчера это углубление не шло дальше атома, сегодня — дальше электрона и эфира, то диалектический материализм настаивает на временном, относительном, приблизительном характере всех этих *вех* познания природы прогрессирующей наукой человека. Электрон так же *неисчерпаем*, как и атом, природа бесконечна, но она бесконечно *существует*, и вот это-то единственно категорическое, единственно безусловное признание ее *существования* вне сознания и ощущения человека и отличает диалектический материализм от релятивистского агностицизма и идеализма» [10].

[9] *В. А. Фок.* Квантовая физика и строение материи.— «Структура и форма материи». М., 1967, стр. 143.

[10] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 277—278.

Таким образом, вместо неделимого, «исчерпаемого» атома, который в той или другой форме фигурировал в классическом естествознании, Ленин выдвинул «бесконечность материи вглубь»[11]. Догмы о неделимости и неизменности атомов были подорваны открытиями электрона и радиоактивности; материалистическая диалектика получила новое подтверждение своих идей и новое поприще для их развития.

Абстрактно рассуждая, электронам и другим объектам, поведение которых подчиняется законам теории электромагнетизма, можно было приписать роль «неизменных элементов», «неизменной сущности вещей» и т. п. Так думали в свое время многие ученые, увлеченные успехами электромагнитной картины мира. Ленин, однако, указал на несостоятельность взгляда, будто материализм утверждает, «обязательно «механическую», а не электромагнитную, не какую-нибудь еще неизмеримо более сложную картину мира, как *движущейся материи*»[12].

И действительно, мысль Ленина полностью подтвердилась. Классическая теория электромагнетизма оказалась, как и классическая механика, относительной истиной, верной лишь в определенных границах. Возникла квантовая теория; она не только объяснила структуру атома (чего не могла сделать ни классическая механика, ни классическая теория электромагнетизма), ее развитие привело к открытию мира различных заатомных частиц — и самое существенное — к открытию взаимопревращаемости этих фундаментальных частиц материи.

Выяснилось, что элементарные частицы, сохраняя сходство с обычными частицами вещества, радикально отличаются от них. Они обладают характерными для каждого их вида массой покоя, временем жизни, спином, особыми квантовыми свойствами, разного типа зарядами, т. е. такими свойствами, о которых с точки зрения классической физики нельзя было даже помыслить.

Обнаружение этих свойств, как и открытия различных видов элементарных частиц (они продолжаются по настоящий день),— триумф ленинской идеи о неисчерпаемости электрона и материи. После электрона, фотона, протона в 30-е годы были открыты нейтрон, мюон и позитрон (античастица электрона). Тогда же была высказана догадка о существовании нейтрино (нейтральной частицы с исчезающе малой массой), экспериментально обнаружить которую удалось значительно позже. Открытия антипротона и антинейтрона (в 50-е годы) явились важными вехами по пути экспериментального доказательства взаимопревращаемости элементарных частиц.

В 40—50-е годы были обнаружены различные мезоны (частицы с массой, промежуточной между массой протона и электрона) и различные

[11] К мысли о бесконечности материи и процесса ее познания Ленин возвращается в «Философских тетрадях» (см. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 100), из которых и приводится выше в тексте выражение «бесконечность материи вглубь».

[12] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 296.

ВЛ. ИЛЬИНЪ.

МАТЕРІАЛИЗМЪ
И
ЭМПИРІОКРИТИЦИЗМЪ

критическія замѣтки объ одной реакціонной философіи.

ИЗДАНІЕ „ЗВЕНО"
МОСКВА
1909

ОБЛОЖКА ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ КНИГИ В. И. ЛЕНИНА «МАТЕРИАЛИЗМ И ЭМПИРИОКРИТИЦИЗМ». 1909 Г.

гипероны (частицы более тяжелые, чем протон), установлены типы взаимодействия элементарных частиц при их превращениях (электромагнитные, слабые и сильные взаимодействия).

Эксперименты последних лет намного обогатили представления об элементарных частицах. Выяснилось, что протон и нейтрон, а также π-мезон обладают своеобразной структурой. Открыты целые семейства сверхкоротко живущих частиц—резононов. Но уже задолго до этих экспериментов определилось, что термин «*элементарная* частица» в применении к заатомным частицам потерял свой обычный наглядный смысл. Отсюда явствовало: либо необходимо радикально пересмотреть понятие элементарности применительно к миру заатомных частиц, либо известные элементарные частицы не являются *истинно* элементарными и их надо искать. В современной теории элементарных частиц скрупулезно исследуются обе возможности. В частности, гипотеза кварков — одно из воплощений последней возможности— позволяет представить все сильно взаимодействующие частицы составленными из особого типа частиц, обладающих массой, во много раз большей, чем построенные из них известные частицы[13], и дробными зарядами.

Продвижение физики в глубь микромира явственно раскрывает значение идей диалектики для решения ее принципиальных проблем. Квантовая механика в своем содержании реализовала идею об одинаковой необходимости противоположных корпускулярных и волновых представлений для понимания движения материи на ее атомном уровне. В квантовой теории поля синтез корпускулярных и волновых представлений становится более полным. В ней каждое поле рассматривается одновременно как совокупность частиц, а совокупность частиц — как поле.

Вне применения положений диалектики невозможно найти решение вопросов об элементарном и сложном, об элементе и системе, структуре и т. д., которые по-новому встали в современной теории элементарных частиц. Еще не существует логически стройной единой теории, которая разобралась бы в необычайном обилии элементарных частиц и объяснила бы богатое разнообразие экспериментальных данных об этих частицах. Обнаруживаются неведомые прежде, неожиданные грани проблемы элементарных частиц, относящиеся к их роли в грандиозных явлениях во Вселенной. Необходимы новые фундаментальные физические принципы и понятия, которые в их связи с эмпирическим материалом отразили бы мир элементарных частиц[14].

Итак, электрон и материя в целом поистине неисчерпаемы.

[13] Дефект массы при соединении кварков в частицу очень велик, и соответственно частица обладает массой во много раз меньшей, чем масса составивших ее кварков. До сих пор попытки экспериментально обнаружить кварки не привели к успеху.

[14] О неисчерпаемости материи и ее частиц см. «Философские проблемы физики элементарных частиц» (М., 1963), а также статью В. С. Барашенкова, Д. И. Блохинцева «Ленинская идея неисчерпаемости материи в современной физике» («Ленин и современное естествознание». М., 1969).

НАБЛЮДЕНИЕ, ДОПОЛНИТЕЛЬНОСТЬ И ДИАЛЕКТИКА

Открытия корпускулярных свойств света и волновых свойств вещества в явлениях атомного масштаба поставили физику перед задачей объединения корпускулярных и волновых представлений о веществе и поле применительно к атомным процессам. Решить ее было не просто прежде всего потому, что, с точки зрения классических теорий, объект в таком процессе не мог существовать одновременно и как частица, и как волна. В «лучшем» случае в любом данном процессе волна и частица могли, так сказать, *сосуществовать*, представляясь в виде некоторой классической модели. С этим затруднением, казалось, должна была справиться копенгагенская интерпретация квантовой механики.

Последний термин применяет Гейзенберг. По его мнению, копенгагенская интерпретация квантовой механики начинается с парадокса: принимается, что каждый эксперимент (все равно, относится ли он к явлениям повседневной жизни или к явлениям атомной физики) должен описываться в понятиях классической теории, и вместе с тем утверждается, что применимость их ограничена соотношением неопределенностей [15]. Корпускулярная и волновая характеристики атомных объектов, разъясняет Гейзенберг далее идею дополнительности Бора, взаимоисключают одна другую, ибо определенная вещь не может быть одновременно частицей (т. е. субстанцией, ограниченной очень малым объемом) и волной (т. е. полем, распространяющимся в пространстве большого размера). Обе эти характеристики, как отмечает Гейзенберг, дополняют друг друга.

Следует указать на два аспекта копенгагенской интерпретации. Первый из них, разработанный Гейзенбергом, сводится к следующему. Если в классической физике в принципе возможно освободиться от влияния процесса наблюдения или измерения на объект, то в квантовой механике такое освобождение невозможно, так как в ней имеется соотношение неопределенностей, которое обусловливает неточности в измерениях (идея «принципиальной неконтролируемости»). Второй аспект, развитый Бором, можно изложить таким образом. Микрообъекты нельзя рассматривать ни как частицы, ни как волны в смысле классической физики. В одних экспериментальных условиях наиболее естественным является описание микрообъектов, исходя из корпускулярных представлений, в других — исходя из волновых. Оба они находятся в дополнительном соотношении друг к другу, и это соотношение обеспечивает непротиворечивое применение классических понятий в области микроявлений.

Принято думать, что эти аспекты равнозначны. Гейзенберг, например, часто пользуется идеей дополнительности в своих рассуждениях; также и Бор привлекает идею «неконтролируемого взаимодействия между объектом и прибором». Все же эти аспекты — далеко не одно и то же,

[15] *В. Гейзенберг*. Физика и философия. М., 1963, стр. 25.

что достаточно определенно прослеживается в последних произведениях Бора, особенно в его статье «Квантовая физика и философия» (1959 г.) [16].

В аспекте копенгагенской интерпретации, разработанной Гейзенбергом, не столько обращается внимание на ту идею, что микрообъектам нельзя приписывать свойства и поведение макрообъектов, сколько выпячиваются «неточности», связанные с применением к микрообъектам классических понятий. Этим «неточностям» и соответственно интерпретированному соотношению неопределенностей Гейзенберг придает не свойственное им фундаментальное значение в квантовой механике. В духе такой интерпретации он и решает парадокс, о котором говорилось выше.

Почему классические понятия, посредством которых описываются эксперименты с атомными объектами, не точно соответствуют этим объектам? Ответ, по Гейзенбергу, состоит в том, что «наблюдение играет решающую роль в атомном событии и реальность различается в зависимости от того, наблюдаем ли мы ее или нет» [17].

С этой точки зрения (если ее последовательно придерживаться) импульс или энергия, например, не столько объективно реальны, сколько возникают или стираются в зависимости от выбора того или другого способа наблюдения; математический аппарат квантовой механики имеет не объективный, а символический характер (нужный лишь для согласования показаний приборов); соотношение неопределенностей становится абсолютной границей человеческого познания и т. д.

Обращаем внимание на то, что сформулированная выше точка зрения Гейзенберга ведет к философским выводам нематериалистического характера, *если ее последовательно придерживаться*. Дело в том, что у самого Гейзенберга она применяется фактически далеко не однозначно. Когда Гейзенберг рассматривает вопросы философского плана, *тесно* связанные с теоретическим содержанием современной физики, ее основной материалистический и диалектический дух дает о себе знать, зачастую очень ощутимо в высказываниях Гейзенберга. Когда же он удаляется от физики больше в область общих философских проблем, идеалистическая и метафизическая линии берут верх в его рассуждениях.

В этой связи представляет большой интерес статья Гейзенберга «О языке квантовой теории», опубликованная в мартовском выпуске журнала «Physikalische Blätter» за 1969 г. В ней рассматривается в духе принципа дополнительности, без всяких ссылок на «наблюдателя» (и соответствующую «философию») философская суть квантовой теории. Гейзенберг отмечает, в частности, что среди физиков укрепился язык понятий, который образовался за время становления квантовой теории. Заимствованные из классической физики и естественного языка, понятия «частицы» и «волны» применяются на равных основаниях. «Физик,— говорит Гейзенберг,— не рассматривает квантово-механическое описание как дуалистическое; он свыкся с тем, что при переводе этого мони-

[16] *Н. Бор*. Атомная физика и человеческое познание. М., 1961.
[17] *В. Гейзенберг*. Физика и философия, стр. 32.

стического описания на естественный язык могут появиться различные дополнительные картины»[18]. Не будем излагать содержание всей статьи Гейзенберга, но нельзя не отметить, что в ней по существу подчеркивается диалектика понятий в физике.

Однако такого рода идеи Гейзенберга как бы уходят в тень в других его работах, в которых, о чем уже говорилось, на первый план выдвигаются взгляды, далекие от материализма. Мы остановимся на воззрениях Гейзенберга по вопросу познания человеком природы, именно на тех воззрениях, которые лежат в основании его философских рассуждений о квантовой механике.

По мнению Гейзенберга, человек описывает и объясняет не саму природу, а природу, которая подвергается «нашим способам постановки вопросов и методам исследования»[19]. Мысль современного немецкого философа и физика К. Вейцзекера «Природа была до человека, но человек был до природы» высоко оценивается Гейзенбергом. «Первая половина этого высказывания,— пишет он,— оправдывает классическую физику с ее идеалом полной объективности. Вторая половина объясняет, почему мы не можем освободиться от парадоксов квантовой теории и от необходимости применения классических понятий»[20].

Получается, с этой точки зрения, что переход науки от физики классической к физике квантовой не столько еще крепче связал человека с природой, сколько удалил их друг от друга. Дело в том, что, по Гейзенбергу, эксперименты с атомными процессами так же действительны, как любые повседневные явления, для описания которых применяются классические понятия. Но атомные или элементарные частицы не точно так же действительны. Они образуют мир потенциальных возможностей, а не мир наблюдаемых вещей или фактов и могут лишь символически представляться математическими абстракциями. Другими словами, согласно Гейзенбергу, атомные и другие микрочастицы оказываются в царстве своего рода вещей в себе. «Для физики,— пишет Гейзенберг,— «вещь в себе»... в конечном счете есть математическая структура. Однако в противоположность Канту эта структура косвенно выводится из опыта»[21]. Сами же классические понятия (к ним, по Гейзенбергу, относятся пространство, время и причинность) считаются в известном смысле априорными по отношению к области теории относительности и квантовой механики, к которым они применяются с соответствующими ограничениями[22].

Верно ли, что в современной физике имеются серьезные основания для пересмотра понятия объективной реальности?

К философскому вопросу об отношении человеческого сознания к физическому миру не имеет непосредственного касательства истинное содержание того, что у Гейзенберга выражено фразой: «Современная

[18] «Physikalische Blätter», 1969, H. 3, S. 113.
[19] *В. Гейзенберг.* Физика и философия, стр. 36, 57.
[20] Там же, стр. 35.
[21] Там же, стр. 66.
[22] См. там же, стр. 65—66.

физика имеет дело не с природой, а с нашим отношением к природе». Квантовая физика появилась и развилась, как известно, на основе признания объективной реальности физического мира, в том числе атома, элементарных частиц и т. д.; сам же Гейзенберг отмечает, что «квантовая теория не содержит никаких действительно субъективных черт и она вовсе не рассматривает сознание физика как часть атомного события»[23]. С другой стороны, квантовая теория необходимо учитывает условия наблюдения (фиксированными приборами), в которых находятся объекты ее исследования, из-за двуединой корпускулярно-волновой природы этих объектов (относительность к условиям наблюдения)[24], тогда как классическая теория вправе отвлекаться от условий наблюдения.

Описание физических явлений на основе идеи относительности к условиям (или средствам) наблюдения означает, что квантовая теория совершает новый шаг в познании объективной реальности природы, а не ограничение ее объективной реальности рамками классической физики, как утверждает Гейзенберг.

Нельзя также согласиться с Гейзенбергом, будто только классическая теория давала идеализацию природы самой по себе, а с возникновением квантовой теории утвердилась точка зрения, что естествознание описывает природу уже не такую, какова она сама по себе, а подвергнутую человеческим методам исследования. Ведь картина природы в классической теории огрублена, упрощена, и это доказано и теорией относительности, и квантовой теорией. Но тогда неверно утверждение, будто классическая физика описывает и объясняет природу, не принимая во внимание нас самих. То же по существу содержится и у Гейзенберга в его замечаниях об ограниченности классических понятий. Но дальше этих замечаний он не идет, сужая в своих рассуждениях философское понятие объективной реальности до представления ее в классической теории.

Если иметь в виду, что отображение природы наблюдением и мышлением идеализирует, упрощает, огрубляет отображаемое и что вместе с этим продвижение познания, теории, науки в целом преодолевает это упрощение, неизбежное в каждом отдельном познавательном акте, то становится ясным, что развитие от классической к релятивистской и квантовой теориям отражает в системах понятий все полнее и глубже природу, не исчерпывая ее до конца. При таком продвижении вперед физического познания открываются новые основные понятия и принципы науки, вводятся новые методы описания явлений природы. Понятно, что это развитие познания совсем не похоже на одностороннее увеличение субъективных элементов в науке за счет познания объективного ее содержания, хотя Гейзенберг придерживается противоположного мнения[25].

[23] *В. Гейзенберг.* Физика и философия, стр. 34.
[24] Об относительности к условиям (или средствам) наблюдения см.: *В. А. Фок.* Квантовая физика и строение материи. Л., 1965, стр. 11.
[25] См. *В. Гейзенберг.* Физика и философия, стр. 80—81.

Обратимся теперь к концепции дополнительности, которую изложим на основе последней работы Бора «Квантовая физика и философия». В ней отсутствует понятие «неконтролируемое взаимодействие». Термин «дополнительность», сохраненный Бором, обозначает своеобразное соотношение различных опытных данных об атомных объектах, полученных при помощи разных экспериментальных установок. Эти данные, указывает Бор, хотя и кажутся противоречащими друг другу при попытке свести их в единую картину, на самом деле исчерпывают все, что мы можем узнать о предмете [26].

Описание атомных явлений, подчеркивает Бор, носит «совершенно объективный характер в том смысле, что оно обходится без явной ссылки на какого-либо индивидуального наблюдателя» [27]. Он утверждает также, что в квантовой механике мы имеем дело «не с ограничениями точности измерений, а с ограниченной применимостью пространственно-временны́х понятий и динамических законов сохранения».

В квантовой механике, пишет Бор, слово «измерение» должно употребляться в своем прямом смысле количественного сравнения (сравнения с эталоном). Он высказывается против применения таких выражений, как «наблюдение возмущает явление» или «измерение создает физические атрибуты объектов» [28].

Подводя итог, Бор приходит к заключению: «... более широкие рамки дополнительности отнюдь не означают произвольного отказа от идеала причинности. Понятие дополнительности непосредственно выражает наше положение в вопросе об отображении фундаментальных свойств материи, которые считались подлежащими классическому физическому описанию, но оказались вне пределов его применимости» [29].

Таким образом, в названной работе Бора явственно выражены материалистическая в своей основе и диалектическая позиции. Бор, связывая математический формализм квантовой механики с наглядными представлениями и классическими понятиями, раскрыл, как сказал бы философ, антитетику корпускулярных и волновых представлений. Сопоставление этих представлений в некоторой антиномии всегда играло решающую роль в концепции дополнительности Бора. Однако в ранних его работах по квантовой механике указанная антитетика была затушевана идеей «неконтролируемого взаимодействия», в работе же «Квантовая физика и философия» этот недостаток преодолен.

Серьезное философское значение идеи дополнительности для физической теории заключается в том, что, согласно ей, не только можно, но при определенных условиях даже необходимо применять противоположные понятия к одному и тому же предмету. Такое применение, как показал Бор (особенно в своих дискуссиях с Эйнштейном), не ведет ни к каким формально-логическим противоречиям в физической теории

[26] *Н. Бор*. Квантовая физика и философия.— «Успехи физических наук», 1959, т. 17, вып. 1, стр. 40.
[27] Там же, стр. 39.
[28] Там же, стр. 41.
[29] Там же, стр. 42.

и позволяет истолковать математический аппарат квантовой механики в соответствии с экспериментальными данными.

И все же антиномия дополнительности, хотя и свободна от агностицизма антиномий Канта, несет в своем содержании слабости, свойственные антиномической форме диалектики. В концепции дополнительности внимание концентрируется больше на истолковании ограниченности основных классических понятий, а не на анализе новых основных понятий квантовой механики (относительность к средствам наблюдения, понятие вероятности как численной меры потенциально возможного и др.)[30]. Хотя Бор и возражает против экстраполяции формальных методов за пределы той области познания, описание которой явилось их первоначальной целью (достаточно вспомнить в этой связи знаменитое замечание Бора о том, что теория единого поля Гейзенберга для новой теории недостаточно «сумасшедшая»), он не раскрывает конкретно позитивного содержания своих соображений.

Рассмотрим в заключение вопрос: образует ли концепция дополнительности новую философию? Вопрос этот может показаться странным, так как отрицательный ответ на него с точки зрения всего того, о чем говорилось выше о концепции дополнительности, сам собой разумеется. Однако он ставится в современной литературе по философии естествознания. Например, в статье Гейзенберга «Развитие интерпретации квантовой теории» мы можем прочитать: «Бор сформулировал новую интерпретацию квантовой теории на философском языке, к которому он привык за те 15 лет, когда занимался атомной физикой, и который, казалось, лучше всего подходил для затронутого круга вопросов. Но это не был язык одной из традиционных философских систем — позитивизма, материализма или идеализма; по содержанию он был другим, хотя и включал в себя элементы всех трех систем мышления»[31].

Аналогичные мысли высказывают Эйнштейн (в первом параграфе приводился соответствующий текст), М. Борн[32] и другие физики.

Сам Бор, когда затрагивал вопрос о распространении концепции дополнительности на области биологических или социальных явлений, всегда отмечал сложность возникающих ситуаций по сравнению с более простыми ситуациями в физике, хотя и не развивал соответствующих выводов. Уже сопоставление той информации, которую получает социолог, применяя концепцию дополнительности к проблемам, скажем, национальной культуры, и богатейших результатов исследования той же проблемы на основе марксизма-ленинизма позволяет осязаемо представить то, что концепция дополнительности меньше всего является философией общественных наук. В физике же концепция дополнительности по-своему органична, и эта органичность выражается в ней, в част-

[30] На этот минус концепции дополнительности обратил внимание В. А. Фок, который указал также примерный перечень «новых первичных понятий» в квантовой механике (*В. А. Фок.* Замечания к статье Бора в его дискуссиях с Эйнштейном.— «Успехи физических наук», 1958, т. 16, вып. 4, стр. 599—600).

[31] «Нильс Бор и развитие физики». М., 1958, стр. 28.

[32] *M. Born.* Symbol und Wirklichkeit.— «Physikalische Blätter», 1964, H. 12; 1965, H. 2, 3.

ности, в том, что обстоятельства, без которых не было бы концепции дополнительности, находят себе количественное выражение, а именно выражение в соотношениях неопределенностей.

Во взглядах Гейзенберга и других ученых, будто общие концепции неклассической физики определяют существо философии современной науки, довольно явственно чувствуется неудовлетворенность современных естествоиспытателей традиционной философией. Но, с другой стороны, в этих взглядах дает о себе знать превратное представление о диалектическом материализме, который многие западные ученые фактически не отличают от старого механического материализма. Причины последнего явления и относящиеся сюда вопросы — особая тема, и в данной статье мы не собираемся на ней останавливаться.

Подводя итог, следует сказать, что диалектика входит в современную физику также через концепцию дополнительности и олицетворенный в ней стиль мышления. В дальнейшем это будет показано более конкретно.

ИДЕЯ ЕДИНСТВА КОРПУСКУЛЯРНЫХ И ВОЛНОВЫХ СВОЙСТВ МАТЕРИИ

В основе взглядов Бора на материю по существу лежит признание двуединой корпускулярно-волновой природы объектов микромира. Соображение о фундаментальном характере для квантовой теории соединения корпускулярных и волновых представлений разрабатывалось и уточнялось многими физиками. Диалектическая позиция в этом вопросе была ясно определена С. И. Вавиловым [33]. Материя, т. е. вещество и поле (согласно этой позиции), не есть совокупность частиц или совокупность волн в смысле классических теорий, не есть она также объединение корпускулярных и волновых свойств в некоторой классической модели. Корпускулярные и волновые свойства материи в своей противоположности едины, т. е. материи присущи одновременно свойства и частиц, и волн.

С точки зрения такого понимания материи утверждения о том, что в квантовой физике коренным образом изменяется не только понятие частицы классической механики, но и понятие волны классической теории поля, осмысливаются отнюдь не в духе традиционных философских учений. Ограничение, без которого не существует в квантовой механике классического понятия движения частицы, не сужает возможности познания движущейся материи, а открывает путь к более глубокому познанию ее корпускулярных свойств с учетом также ее волновой природы, т. е. позволяет точнее и глубже познать материю, нежели это совершается в классической механике. Высказывание «в квантовой теории система

[33] *С. И. Вавилов.* Микроструктура света. М., 1959; его же работы по философским проблемам физики см.: Собрание сочинений, т. III. М., 1956.

частиц математически описывается волнами в многомерном конфигурационном пространстве» выражает не идеалистическое положение об исчезновении наблюдаемого мира в математике, а ту странную для метафизического ума истину, что совокупность частиц есть одновременно поле (а поле есть в то же время совокупность частиц).

В квантовой механике о различии между частицей и волной можно говорить лишь как об относительном различии. Понятия частицы и волны в этой теории утрачивают свою абстрактную противоположность, например понятие частицы изменяется и получает новое определение (поскольку понятия частицы и волны имеют смысл в квантовой механике не сами по себе, а только в своем взаимоотношении). Это полностью отвечает тому факту, что ни в одном опыте микрообъекты не проявляют свои свойства в точности как свойства частицы или в точности как свойства волны. В предельных лишь случаях в одних условиях наблюдения микрообъекты ведут себя подобно частицам, а в других—подобно волнам. Следовательно, при описании явлений атомного масштаба нельзя отвлекаться от условий (они фиксируются приборами или средствами наблюдения), в которых эти явления наблюдаются. В этой относительности к средствам наблюдения, составляющей отличительную черту описания в квантовой механике, выражается истина о единстве противоположных корпускулярных и волновых свойств микрообъектов. Итак, отличие квантовых понятий частицы и волны от аналогичных классических понятий состоит в том, что квантовые понятия частицы и волны в пределах своей теории относительны. Это означает, что для характеристики поведения микрообъекта необходимо вводить в рассмотрение средства наблюдения (относительность к средствам наблюдения), тогда как для соответствующей характеристики в классической теории от такого введения можно отвлечься.

Сказанное позволяет разрешить парадокс, о котором говорил Гейзенберг. В соотношении неопределенностей указываются пределы применимости классического понимания движения частицы, пределы применимости классического способа описания. В квантовой механике как физической теории по существу речь идет не о классической координате или классическом импульсе (вообще не о величинах, которыми в классической механике определяется состояние физической системы). Эти (фигурирующие в классической механике) величины имеют смысл безотносительно к средствам наблюдения. В квантовой же механике понятия координаты или импульса частицы не имеют смысла безотносительно к средствам наблюдения.

Например, координата в уравнениях квантовой механики — это не координата точки, которую «пробегает» электрон, а координата точки, в которой электрон будет найден, если совершить опыт, в котором электрон переходит в состояние с определенным положением. Из «относительности к средствам наблюдения» совсем не получается, будто законы квантовой механики не имеют объективного характера и, допустим, в эпоху ихтиозавров о них нечего сказать, поскольку в то время не существовало наблюдателя с его средствами наблюдения. Авторы подобных суждений вольно или невольно подменяют понятие микрообъекта (с его

двуедиными корпускулярно-волновыми свойствами) классическим понятием частицы. «Относительность к средствам наблюдения» (последние реализуют условия, в которых проявляются взаимоисключающие свойства микрообъектов) составляет непременную черту квантового описания, вытекающую из признания двуединой корпускулярно-волновой природы микрообъектов. Законы квантовой механики (с ее понятием относительности к средствам наблюдения), как и законы классической механики (с ее понятием относительности к системам отсчета), отражают объективную закономерность природы.

В заключение рассмотрим вслед за Борном известный опыт Юнга. Этот разбор позволит нам поставить некоторые философские точки над i. Борн анализирует интерференционный опыт Юнга (допуская, что экран установки можно сделать из вещества, чувствительного к фотоэлектрическому эффекту), когда диафрагма имеет две щели. На экране обнаруживается система интерференционных полос, причем корпускулярная природа света демонстрируется именно на полосах интерференции. Здесь как будто бы нельзя сомневаться в том, что свет обладает двуединой корпускулярно-волновой природой. Однако Борн отрицает, что в этом опыте «свет выступает одновременно в обоих своих обличиях — и в виде корпускул, и в виде волн»[34]. Какова же его аргументация?

По мнению Борна, «говорить о частице абсолютно лишено смысла, пока не определены экспериментально по крайней мере две точки ее траектории», и также «совершенно бессмысленно говорить о волне, пока не зарегистрированы по крайней мере два интерференционных максимума»[35]. С этой точки зрения в опыте Юнга экспериментальное определение частицы превращает в иллюзию волновые представления об интерференции, и, наоборот, если в эксперименте зафиксирована интерференционная картина, то нельзя в принципе определить ни одной точки пути фотона до того, как он попадает на экран. Действительно, согласно рассуждениям Борна, для демонстрации в эксперименте частицы необходимо выяснить, через какую из двух щелей пролегает ее путь к экрану. Для этого придется использовать какое-нибудь приспособление (вроде тонкой фотографической пленки), позволяющее решить, сквозь какую щель прошел свет. Но это приспособление в щели неизбежно столкнет фотон с его невозмущенной траектории, и вероятность его попадания на ту же точку экрана будет отличаться от первоначальной. Отсюда Борн и делает свой отрицательный вывод.

Борн абсолютно прав в своих соображениях, если рассматривать частицы и волны в духе классической физики и под их соединением понимать некоторую классическую модель, в которой они ведут лишь параллельное существование. Но в квантовой механике корпускулярные и волновые понятия, хотя и сходны со своими классическими аналогами, качественно отличаются от последних именно тем, что вне друг друга они не имеют смысла, о чем шла речь выше. Собственно, опыт Юнга наглядно иллюстрирует это обстоятельство, и Борн фактически показал,

[34] *М. Борн.* Атомная физика. М., 1965, стр. 125.
[35] Там же.

что дело обстоит именно таким образом, хотя его намерения были совсем другие.

О вопросах, относящихся к опыту Юнга, в свое время хорошо сказал С. И. Вавилов: «Весьма распространено мнение, что в опытах одного типа (например, в опыте с кольцами Ньютона) свет полностью ведет себя как волновое движение, а в опыте другого типа (например, выцветание окрашенной ткани) свет целиком проявляет себя как поток частиц. Это, однако, ошибочно. Если опыт Ньютона производить с чрезвычайно слабым светом, то при некоторых условиях есть возможность наблюдать статистические беспорядочные колебания яркости светлых колец, свидетельствующие о том, что энергия света и в этом типично волновом явлении сосредоточена в отдельных центрах, фотонах. С другой стороны, если освещать окрашенную ткань через узкие отверстия, то при выцветании обнаруживаются дифракционные явления.

Материя, т. е. вещество и свет, одновременно обладает свойствами волн и частиц, но в целом это не волны и не частицы и не смесь того и другого»[36].

К ВОПРОСУ О ПРИЧИННОСТИ В СОВРЕМЕННОЙ ФИЗИКЕ

Проблеме причинности в современной физике уделено огромное внимание в философской литературе, включая и марксистские работы. Не касаясь богатейшего содержания как самой проблемы, так и сделанного в области ее исследования, мы обратимся к вопросу о причинности в том плане, как он может быть рассмотрен в нелокальной квантовой теории поля. Нас будет интересовать, разумеется, не столько физическая сторона проблемы, сколько философский ее аспект.

Причинность, или причинная связь,— это объективно реальная генетическая связь двух (по меньшей мере) событий или явлений, протекающих в разных местах; если определено, что в таких-то условиях событие А есть причина, а событие В — действие, то заключают, что событие В происходит позже события А. В классической механике считается, что изменения системы, вызванные внешним воздействием, могут (но не обязательно из-за дальнодействия) образовать причинную цепь. Если учесть, что причинная связь — это по необходимости связь во времени, то сформулированное положение о причинности выражается в известной в физике форме: сигнал можно передать не в прошлое, а только в будущее. Но законы классической механики, поскольку в них находят свое выражение обратимые механические процессы, не содержат утверждения о причинности, относящегося к сигналу. Такое утверждение представляет собой добавление к законам классической механики, которые сами по себе не определяют направления времени.

[36] *С. И. Вавилов*. Глаз и Солнце.— Собрание сочинений, т. IV. М., 1956, стр. 191.

Другая картина в теории относительности и в квантовой механике, которые принимают положение о причинности в указанном выше смысле с тем, однако, существенным для теории относительности новым элементом, что в ней скорость света в пустоте является предельной скоростью сигнала.

Как следствие из существования предельной скорости в теории относительности вытекает разделение событий на последовательные во времени и квазиодновременные, которое тесно связано с причинностью. Оказывается, что если два события причинно связаны между собой, то лишь в этом случае их последовательность носит абсолютный характер, т. е. последовательность во времени этих двух событий сохраняется во всех инерциальных системах отсчета. Что касается квазиодновременных событий, т. е. событий, которые не могут быть связаны воздействием, то последовательность двух таких событий относительная, т. е. она может меняться в зависимости от системы отсчета. Таким образом, известное философское положение: post hoc никогда не может обосновать propter hoc — получает в теории относительности своеобразное и довольно явственное выражение.

В данной связи представляет интерес замечание Эйнштейна о событиях, связанных сверхсветовым сигналом ($W > c$, где W — скорость распространения некоторого действия, c — скорость света), и о времени T, необходимом для переноса сигнала от А в В. Эйнштейн пишет: «Скорость v (т. е. скорость наблюдателя.— *М. О.*) может принимать любое значение, меньшее c. Если же $W > c$, как мы предположили, то v всегда можно выбрать так, что $T < 0$. Этот результат показывает, что мы вынуждены считать возможным механизм передачи сигнала, при использовании которого достигаемое действие предшествует причине. Хотя этот результат с чисто логической точки зрения и не содержит, по-моему, в себе никаких противоречий, он все же настолько противоречит характеру всего нашего опыта, что невозможность предположения $W > c$ представляется в достаточной степени доказанной»[37].

В квантовой теории поля вопрос о причинности, думается, должен рассматриваться в несколько другой плоскости, нежели в доквантовой физике и (нерелятивистской) квантовой механике.

При так называемом аксиоматическом подходе к построению квантовой локальной теории поля эта последняя принимает принцип релятивистской инвариантности и принципы унитарности и локальности (некоторые другие требования мы оставим в стороне). Квантовые поля ассоциируются с элементарными частицами, а процесс взаимодействия элементарных частиц (очень высоких энергий) описывается при помощи так называемой матрицы рассеяния, которая представляет собой оператор, переводящий волновую функцию (состояние) частицы до реакции (рассеяния) в состояние после реакции[38].

[37] *А. Эйнштейн.* О принципе относительности и его следствиях.— Собрание научных трудов, т. I. М., 1965, стр. 76.

[38] *И. Е. Тамм.* Элементарные частицы.— «Глазами ученого». М., 1963, стр. 187—188.

При описании посредством матрицы рассеяния существенно иметь в виду (именно в этом исток нового подхода к проблеме причинности в квантовой теории поля по сравнению с классической физикой), что дело заключается не в выяснении деталей поведения частиц при их очень малых сближениях, а в вопросе о конечных после реакции состояниях и вероятностях их возникновения. С этой точки зрения в теории взаимодействия частиц высоких энергий (ее только начали строить) понятие деталей поведения частиц при малых сближениях лишено смысла (принципиально ненаблюдаемо).

Предполагаемое обстоятельство, что понятие деталей поведения частиц при их сближении до очень малых расстояний принципиально ненаблюдаемо, открывает определенные перспективы нелокальной квантовой теории поля (в своей первоначальной форме эта теория возникла вскоре после того, когда в физике встретились с парадоксами о расходимостях, присущими современной квантовой теории с ее постулатом локальности взаимодействия полей). В «обычной» квантовой теории постулат о локальности взаимодействия, собственно, заимствуется из классической теории точечных частиц. Он требует, чтобы взаимодействия полей относились к одной и той же точке пространства — времени. Это требование соответствует теории относительности, в которой отвергается допущение о размерах и структуре элементарных частиц, так как иначе приходится принимать, что сигнал может распространяться со скоростью, большей скорости света, и, следовательно, как отмечалось выше, принимать, что событие — действие должно предшествовать событию — причине.

Таким образом, постулат локальности неотделим от положения о причинности, что событие — причина не может следовать после события — действия.

По своему замыслу нелокальная квантовая теория должна избавить современную квантовую физику от трудностей с расходимостями. Она отказывается от постулата локальности взаимодействия полей и пытается это сделать различными путями; соответственно разрабатываются не одна форма и не один вариант нелокальной теории. Не будем останавливаться на этих формах и вариантах, как и на трудностях нелокальной теории (представляется ныне, что эти трудности не так уж принципиальны) [39]. Нас интересует философская суть нелокальной теории поля: верно ли, что она не оставляет ничего от принципа причинности и приводит к необходимости отказаться от пространственных и временных понятий в применении их к миру элементарных частиц, как утверждают отдельные авторы? Или, точнее, как обстоит дело с принципом причинности и с пространством и временем на той ступени материи, которая называется элементарной частицей?

Напомним, что для материалистической диалектики причинность, обычно нами понимаемая, есть лишь малая частичка объективно реальной всемирной связи. Ленин весьма положительно характеризует то

[39] *Д. А. Киржниц.* Нелокальная квантовая теория поля.— «Успехи физических наук», 1966, т. 90, вып. 1.

обстоятельство, что Гегель сравнительно мало остановился на излюбленной кантианцами теме о причинности. Для Гегеля, как диалектика, пишет Ленин, причинность «есть лишь *одно* из определений универсальной связи», которую он гораздо глубже и всесторонне охватил во всем своем изложении, *всегда* и с самого начала подчеркивая эту связь, взаимопереходы и etc., etc. [40] Именно в этом плане вопросы, поставленные относительно нелокальной теории, содержат в себе нечто необычное.

Прежде всего, этой теорией должна удовлетворяться возможность выполнения условия макроскопической причинности, т. е. нелокальная теория не должна приводить к экспериментально наблюдаемым следствиям, расходящимся с утверждением о причинности в макроскопических (включая и атомные) масштабах пространства и времени. По существу это означает, что нелокальная теория, будучи обобщена применительно к большим масштабам пространства и времени, переходит в «привычную» локальную квантовую теорию (по принципу соответствия).

В нелокальной теории фигурирует новая мировая постоянная размерность длины, или элементарная длина, которая как бы «отделяет» область ультрамалых масштабов, в какой «нарушена» причинность и, быть может, требуется коренной пересмотр физических представлений о пространстве и времени, от области, пространства — времени, где выполняется принцип причинности и законы геометрии. Таким образом, к мировым постоянным c и h, на которых покоится квантовая теория поля, присоединяется константа, специфичная для физики высоких энергий, которая связывает (или должна связать) близкодействие и дальнодействие в нечто единое.

Введение элементарной длины при определенных предположениях [41] ставит на физическую основу вопрос о пересмотре привычной формы геометрии: метрическое пространство — время перестает существовать, понятия «ближе» и «дальше», «раньше» и «позже», «длины» и «продолжительности» теряют макроскопический смысл в ультрамалом и т. д. Естественно, что должно также отпасть разделение явлений на события — причины и события — действия и математический аппарат теории должен отразить эту ситуацию.

Означает ли сказанное, что нелокальная квантовая теория поля в свой философский фундамент полагает некую идеалистическую и теистическую линию в вопросе о причинности? Из всего того, как материалистическая диалектика понимает причинную связь, ответ на поставленный вопрос вырисовывается вполне определенно.

[40] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 146.

[41] Дело в том, что пересмотр понятия локального взаимодействия в применении к «ультрамалому» может осуществляться различными путями. Один из таких возможных путей состоит в том, что само понятие точечного взаимодействия рассматривается как принципиально ненаблюдаемое подобно тому, как в квантовой механике лишено смысла классическое понятие траектории. Другая возможность связывается с предположением о принципиальной ненаблюдаемости понятия определенной точки пространства — времени (ведет к теории квантованного пространства — времени). Конкретные вопросы, относящиеся к такого рода возможным путям построения нелокальной теории, не рассматриваются в настоящей статье.

Формы связи и взаимозависимости не исчерпываются причинной связью в обычном ее понимании. Современное развитие квантовой физики ведет к открытию новых форм связи и взаимозависимости явлений неживой природы, которые не укладываются в схемы ныне существующих физических теорий. В этом, в частности, заключается новое подтверждение объективного характера мировой связи, ее неисчерпаемости, перехода одних ее форм в другие, более глубокие и общие. Причинность в обычном ее понимании может не иметь смысла в области ультрамалого, здесь на передний план выступает в условиях взаимопревращения по определенным законам фундаментальных частиц материи более глубокая и общая форма связи — взаимодействие. Оно предстает, однако, не как постоянная смена причины и действия, а как их основание и порождающее их целое.

Конечно, абстрактно рассуждая, не запрещается взаимодействие рассматривать в качестве причины, но в этом случае перед нами причина не в обычном ее понимании. Эта последняя есть отдельная причина, которая действует в отдельный момент времени и в отдельном месте, т. е. такая форма связи, которая в старых философских системах называется causa efficiens (действующая причина). Взаимодействие же как причина — это не causa efficiens, а скорее, если пользоваться старыми философскими понятиями, causa finalis (конечная причина); в известном высказывании Спинозы: «substantia est causa sui» идет речь о «конечной причине».

Нет, однако, никакой необходимости вино современной науки вливать в старые философские мехи. «...Уже у Гегеля,—как отметил еще Энгельс,— противоположность между causa efficiens и causa finalis снята в категории взаимодействия»[42].

В мире большого (включая атомные масштабы) внутренне оправдана абстракция отдельных явлений, вырванных из их всеобщей связи и рассматриваемых, следовательно, разделенно (в пространственном и временно́м отношениях); принцип причинности и предполагает, как видно из сказанного выше, законность этой абстракции. В ультрамалом же мире, или в мире взаимодействующих, превращающихся друг в друга элементарных частиц высоких энергий, такая абстракция лишается смысла, а вместе с ней теряет кредит и положение причинности в обычном ее понимании.

Несомненно, что последнее слово в выяснении такого рода важнейших для физики больших энергий вопросов остается за опытом. И вместе с тем нельзя оставлять в стороне то, что для поисков правильного решения этих вопросов непреходящее значение имеет (примененная объективно) всесторонняя, универсальная гибкость понятий[43]. Опыт, собственно говоря, как раз и удостоверяет, что гибкость понятий была применена объективно, т. е. как правильное отражение вечного развития мира.

[42] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 20, стр. 558.
[43] О диалектическом требовании гибкости понятий см.: *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 99.

НЕКОТОРЫЕ МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ

В условиях современного стремительного развития науки и техники парадоксальные ситуации стали в физике обычным явлением, и это обстоятельство еще и еще раз подчеркивает характерные особенности физического знания XX в. Теория относительности возникла в результате разрешения парадоксов, появившихся на стыке классической механики и классической электродинамики. Создание квантовой механики тоже началось с парадоксов, когда экспериментальные данные поставили задачу своего рода объединения корпускулярной и волновой картин движения атомных объектов. Развитие квантовой теории полей и современной астрофизики тоже представляет целую цепочку парадоксов, разрешение которых, быть может, коренным образом изменит существующие ныне фундаментальные физические теории.

Возникновение парадоксов и необходимость их решения показывают, что в современной физике нет места окостеневшим идеям и теориям, что поиск новых теоретических представлений и новых способов рассуждения — непременная ее черта.

Таким образом, в современной физике приобретает особо существенное значение для ее прогресса проблема теоретических методов. Эта проблема в той форме, в которой она существует ныне, не вставала в естествознании классического периода по той причине, что в то время наблюдаемые явления было принято объяснять на основе механической макроскопической модели, и такое объяснение считалось единственно возможным, не вызывающим в принципе никаких логических неясностей, хотя и порождающим в сложных случаях практические трудности. Ныне другое положение вещей. В ходе развития современной физики, как уже отмечалось, стали появляться парадоксальные теоретические ситуации, требующие своего разрешения. Теоретические методы собственно и намечают пути такого рода решения. К этим методам относятся метод математической гипотезы, структурный подход, вероятностный подход, метод, основанный на принципе наблюдаемости, и некоторые другие: все они предполагают связь друг с другом. Рассмотрим здесь только метод принципиальной наблюдаемости, название которого, как отмечают многие физики, не совсем точно передает его содержание.

Эйнштейн справился с непреодолимыми для классической теории затруднениями электродинамики движущихся тел, отказавшись (предполагая «принципиально ненаблюдаемой») от принятого в классической физике понятия абсолютной одновременности событий в различных местах. В построенной им новой теории (ее он назвал частной теорией относительности) фигурирует не абсолютная, а относительная одновременность (чуждая классической теории). Эйнштейн, таким образом, создавая теорию относительности, изменил понятия времени и пространства классической физики.

Гейзенберг разрешил трудности планетарной модели атома Бора и создал матричную механику (эту первоначальную форму современной квантовой механики), предполагая «принципиальную ненаблюдаемость» положения и скорости электрона на орбите в атоме. Гейзенберг, таким образом, в матричной механике поставил вопрос о необходимости пересмотра понятия траектории движущейся частицы, принятого в классической механике, применительно к движущемуся в атоме электрону.

Предположение о «принципиальной ненаблюдаемости» только тогда играет эвристическую роль в физике, когда оно «навевается экспериментом». Исключение «абсолютной» и введение «относительной» одновременности, например, приведшее к теории относительности, представляет идеализированное выражение отрицательного результата опыта Майкельсона, который должен был установить так называемое абсолютное движение Земли.

Теоретические методы современной физики по самой своей сути покоятся на той идее, что основные понятия и принципы такой-то фундаментальной теории не являются некими абсолютами, а относительны, приблизительны и могут изменяться, когда наукой охватывается новая сфера явлений, с познанием которой эта теория не справляется.

В этом находит свое конкретное проявление в физике диалектика познания. Ленин отмечал, что «обламывание» и «вывертывание» слов и понятий, которому предается Гегель (в той части своей «Науки логики», где говорится о законе), есть «борьба с абсолютированием понятия *закона*, с упрощением его, с фетишизированием его. *N B* для современной физики!!!»[44] На этом пути диалектического познания и возникли теории относительности и квантовая механика. Эти теории не просто обобщают классические теории; они одновременно с обобщением уточняют их основные понятия и принципы, подчиняя их более глубоким понятиям и положениям, отражающим новые сферы явлений.

Современная физика проникла ныне в химию, биологию и другие отрасли естествознания, вызвав их бурное развитие. Здесь возникает немало вопросов философского характера, из которых мы рассмотрим лишь следующий. Появятся ли в будущем новые фундаментальные теории физики, т. е. возникнут ли более общие и глубокие физические теории, нежели известные ныне? Современные ученые настолько свыклись с идеей изменения и развития, что для них нет ничего необычного в положительном ответе на поставленный вопрос. Это в образной форме было подчеркнуто Бором, который охарактеризовал единую теорию материи Гейзенберга (она, по мысли ее автора, должна была в какой-то мере разрешать трудности современной теории элементарных частиц) как «недостаточно сумасшедшую» для новой теории. Разумеется, здесь шла речь не об алогичности новой теории (такая теория должна быть безупречно логичной), а имелись в виду диковинность, парадоксальность теории с точки зрения установившихся физических представлений, подобно тому как представлялись «безумными» в свое время теория относительности и квантовая механика.

[44] *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 135.

С другой стороны, в литературе встречаются взгляды, что число принципиально новых поворотных пунктов в развитии физики может быть конечным и что, например, современная теория тяготения Эйнштейна вместе с выросшей из нее теорией «расширяющейся Вселенной» Фридмана и есть при некоторых условиях такая «законченная» теория.

Какая из этих концепций более жизненна? Современная теория элементарных частиц не выходит из трудностей, пытаясь объединить теорию относительности с квантовой механикой, которые не могут применяться в отдельности в мире элементарных частиц. Полно глубокого смысла замечание Бора: отсутствие успехов в физике элементарных частиц объясняется тем, что в этой области еще не столкнулись с процессом, который в достаточной мере противоречил бы современным физическим идеям и, следовательно, мог бы показать, каким образом надо изменить эти идеи. В современной астрономии картина представляется иной. Факты о громадных запасах энергии в ядрах галактик, о которых стало известно в последнее время и которые не поддаются объяснению на основе современных физических представлений, приводят к убеждению, подчеркивает академик В. А. Амбарцумян, что точка зрения об универсальности фундаментальных теорий современной физики буквально повисает в воздухе. Допустим теперь, что удалось глубоко синтезировать теорию относительности и квантовую механику и даже связать полученную завершенную теорию элементарных частиц с современной теорией тяготения (которая сейчас находится в стороне от квантовой физики). И эта (гипотетическая пока что) единая теория не будет, на наш взгляд, «окончательной» теорией; она окажется относительно завершенным синтезом физического знания, который по мере дальнейшего исследования природы будет обогащаться дальше. При этом совсем не обязательно монотонное повторение принципиально новых поворотных пунктов: развитие науки возможно и без ломки ее принципов, как об этом свидетельствует движение вперед марксистско-ленинской теории.

Диковинность с точки зрения «здравого смысла», необычность, странность открытого новой физикой — это лишнее подтверждение диалектического материализма. Мысль эта, сформулированная Лениным на основе фактов начального периода развития современной физики, удивительно точно охватывает все ее развитие в целом. Ограничение законов классических теорий определенной областью явлений природы, пределы применимости основных понятий классической физики, подчинение этих законов и понятий более глубоким законам теории относительности и квантовой механики не удивляют более физиков, и все же основные понятия и принципы современных ведущих теорий в физике остаются диковинными, необычными, странными с точки зрения классических представлений. То же по существу, имея в виду принципиальную сторону дела, следует сказать и об основных понятиях и положениях современных физических теорий. А все это свидетельствует об относительности всякого научного положения о свойствах и строении материи, законов ее движения, о том, что ни одна физическая

теория не исчерпывает закономерности природы, что познание объективно реального физического мира развивается от незнания к знанию, от знания менее глубокого к знанию более глубокому и т. д.

Укрепляющиеся связи современного естествознания и диалектического материализма усиливают нападки на марксизм-ленинизм его идеологических противников. Используя незнакомство читателя на Западе с действительными фактами развития марксистской философии, фальсифицируя эти факты, буржуазные идеологи приписывают марксистам отрицание теории относительности и других фундаментальных теорий современной науки как якобы идеалистических учений; утверждают на разные лады, будто диалектика не привела ни к одному научному открытию; пытаются доказать — который раз! — будто современное естествознание чуждо материализму и т. д. и т. п. Реальная действительность прогресса науки опровергает все эти и подобные инсинуации; борьба с различными «ниспровергателями» диалектического материализма в современном естествознании — существенная часть борьбы марксизма-ленинизма против буржуазной идеологии.

В нашу эпоху революционного преобразования мира философские проблемы, выдвигаемые развитием физики и всего естествознания, решаются только на основе диалектического материализма, обогащенного Лениным новыми теоретическими представлениями. Душа диалектики — принцип развития в его наиболее свободной от односторонностей форме — душа и современного естествознания.

В. Ж. КЕЛЛЕ
доктор философских наук

ИСТОРИЧЕСКИЙ МАТЕРИАЛИЗМ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Исторический материализм относится к числу тех наук, развитие которых неразрывно связано с творческой деятельностью Ленина. В развитие этих наук Ленин непосредственно внес весомый вклад, составивший эпоху в их истории и определивший в значительной степени направление дальнейших исследований. Поэтому лишь в свете идей ленинизма могут быть правильно определены и современное состояние исторического материализма, и стоящие перед ним задачи.

Исторический материализм возник как завершение здания материалистической философии, как плодотворный результат научного поиска, направленного на то, чтобы рассмотреть общество с единой материалистической точки зрения, исходя из признания первичности общественного бытия по отношению к общественному сознанию. Принадлежность к философии обусловливает свойственные этой науке широту и цельность теоретической концепции общества и присущую философии марксизма методологическую направленность. «Наше понимание истории,— писал Энгельс,— есть прежде всего руководство к изучению, а не рычаг для конструирования на манер гегельянства» [1].

В борьбе с философским ревизионизмом Ленин последовательно отстаивал и защищал идею неразрывной связи диалектического и ис-

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 37, стр. 371.

 торического материализма, их внутреннего единства, взаимного проникновения. Имея в виду именно единство диалектического и исторического материализма, Ленин писал: «В этой философии марксизма, вылитой из одного куска стали, нельзя вынуть ни одной основной посылки, ни одной существенной части, не отходя от объективной истины, не падая в объятия буржуазно-реакционной лжи» [2]. Этот тезис сохраняет свое принципиальное значение и в настоящее время как для критики новых попыток ревизии философии марксизма, так и при определении дальнейших тенденций ее развития.

Выступая за единство марксистской философии, Ленин отмечал наличие особого круга проблем, решаемых в рамках исторического материализма, и специфичности его понятий и категорий. Исторический материализм органически включен также в систему общественных наук, занимает в ней определенное место. Если конкретные общественные науки исследуют отдельные стороны общественной жизни, отдельные общественные явления (экономику, государство, проявления духовной жизни и т. д.), если история как наука изучает исторический процесс во всем его конкретном многообразии, то на долю исторического материализма падает анализ общества как цельной системы, взаимосвязи и взаимодействия его сторон, познание социологических законов исторического развития и механизма их проявления в деятельности людей. Иначе говоря, исторический материализм выступает в качестве общесоциологической теории марксизма, предметом которой являются самые общие теоретические проблемы обществознания. Взаимосвязь диалектического и исторического материализма можно определить как соотношение общефилософской и философско-социологической концепций марксизма. Поэтому развитие исторического материализма невозможно понять, не рассматривая его в связи с развитием марксистской философии, в контексте всей совокупности общественных наук и той социальной практики, которая лежит в их основе.

Исторический материализм как теория и методология открывает доступ к научному познанию социальной действительности, к ее объективному исследованию. Практическую потребность в таком знании испытывает прежде всего революционное рабочее движение, которому необходимо научное самосознание для определения целей и перспектив, средств и способов борьбы. Практика революционной борьбы, социальное творчество масс — конечная основа развития исторического материализма. Именно в связи с практикой революционного движения и строительства нового общества Ленин разрабатывал кардинальные проблемы исторического материализма: соотношение объективных условий и субъективного фактора, экономики и политики, теорию классов и классовой борьбы, теорию революции и диктатуры пролетариата, теорию культуры и культурной революции, теорию наций и национальных отношений и т. д. Сложность современной социальной практики обусловливает также многообразие ее требований к социально-

[2] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 346.

философской теории марксизма, ко всему общественному познанию. Перед историческим материализмом встают новые задачи.

Мировой революционный процесс ныне включает в себя весьма разнородные социальные силы как в главных капиталистических, так и в развивающихся странах. Рабочий класс играет ведущую роль в революционном процессе, но социальная база этого процесса становится все более широкой, в борьбу втягиваются различные слои мелкой буржуазии и крестьянства, интеллигенции и служащих, а в ряде случаев — и национальная буржуазия. Сама эта борьба происходит в чрезвычайно разнообразных социальных и национальных условиях стран, стоящих на разных ступенях общественного развития, экономически развитых и чрезвычайно отсталых, империалистических и лишь недавно вырвавшихся из-под колониального ига, богатых и бедных, больших и малых, в странах с населением в десятки и сотни миллионов человек и с небольшой численностью населения и т. д. Все это создает почву для различных идеологических влияний, приводит к своеобразному, иногда совсем не адекватному восприятию идей научного социализма. В каждой стране трудящиеся решают свои конкретные задачи, и вместе с тем имеются общие проблемы сплочения революционных демократических и социалистических сил в борьбе против империализма, за мир и демократию, социальный прогресс и социализм. Задачи и направление антиимпериалистической борьбы в современных условиях определило международное Совещание коммунистических и рабочих партий в Москве (1969 г.).

Наряду с социальной революцией в мире развивается научно-техническая революция, вызывающая ряд изменений в социальной структуре, несущая с собой ряд новых и сложных социальных проблем, требующая иногда нового переосмысления уже решенных вопросов.

Естественно, что разобраться в этом динамичном, противоречивом мире с его новыми и сложными проблемами, предвидеть и направлять развитие революционного движения, усиливать влияние научной идеологии можно только с помощью марксистской социальной науки. Поэтому роль ее в революционном движении возрастает. Чтобы определить возможности дальнейшего развития, которые содержатся в складывающейся ныне социальной реальности, необходимы ее анализ и обобщение на уровне самой общей теории общественного развития — исторического материализма.

Развитие социалистического общества, процесс строительства коммунизма выдвигают новые задачи перед обществознанием и предъявляют к нему качественно новые требования. В плане всемирно-историческом социализм решает принципиально новые социальные проблемы, которые не могло ставить ни одно предшествующее общество.

Главным итогом всей предшествующей истории является достижение высокой степени господства человека над природой, т. е. такое развитие материального производства, науки и культуры, которое позволяет ныне поставить на службу человечеству могучие силы природы. Конечно, такого уровня общество достигло не всюду, ибо его развитие

 шло неравномерно, и возник разрыв между технически развитыми и экономически отсталыми странами.

Социалистическое общество начинает решать новую социальную проблему, перед которой остановилась предшествующая история. Социализм создает социальную систему, дающую возможность сознательно регулировать и развивать общественные отношения и с их помощью направить все достижения науки и техники, материального производства и духовной культуры на всестороннее развитие человека, развитие свободной человеческой личности, сплачивать общество для решения стоящих перед ним проблем. Насколько исторически назрела эта задача, показывает сама жизнь.

Уже более ста лет назад марксизм обосновал идею, что высокоразвитое промышленное общество несовместимо с отношениями частной собственности и эксплуатации. Однако история пошла таким образом, что в экономически развитых странах капитализм удержался. И эта задержка с решением назревшей социальной проблемы обернулась огромной опасностью для человечества. Историческая необходимость перехода к социализму все более становится для него вопросом жизни и смерти. Если общество уже владеет техническими средствами своего самоуничтожения, а в нем сохраняются социальные антагонизмы, общественные отношения не поддаются сознательному контролю и регулированию, то угроза, нависшая над человечеством, остается реальной. Только социализм может кардинально решить эти вопросы. Его прогрессивная роль проявляется уже в настоящее время в том, что он сдерживает агрессивные устремления империалистов, сковывает силы агрессии, выступает с мирной инициативой и делает все, чтобы не дать вспыхнуть пожару мировой войны. В этих условиях политика и любые попытки раскола социализма и мирового коммунистического движения играют на руку империализму. Угроза глобальной войны с применением современных технических средств — это лишь наиболее очевидный показатель тех опасностей, которые таит в себе общество, не способное подчинить своему сознательному контролю действие объективных социальных законов и социальных отношений, допускающее стихийные процессы и господство частных интересов группы монополистов. Здесь возникает и масса других проблем, вызываемых разрывом в уровне технического развития различных районов мира, угрозой голода для сотен миллионов людей, социальным и национальным гнетом, расовыми конфликтами, хищническим использованием природных ресурсов и т. д. Капитализм не способен справиться с этими проблемами и противоречиями. Его система переживает глубокий кризис. Мировой революционный процесс является обратной стороной этого кризиса, средством выхода из него на путях социалистического развития.

Социализм — общество, которое с самого начала строится на основе науки. Овладеть общественными отношениями, поставить их под контроль общества, превратить социальные и экономические законы из отчужденной от человека и господствующей над ним стихийной силы в основу сознательного творчества истории невозможно без всестороннего использования общественной науки. Последняя становится в

условиях социализма необходимым компонентом социальной системы и прежде всего управления экономическими и социальными процессами в обществе. Потребности социально-экономического управления в условиях обобществленной и централизованной экономики, планового ведения хозяйства предъявляют к общественным наукам новые требования.

Маркс и Энгельс анализировали экономику капитализма. Но они раскрывали закономерности капитализма не для того, чтобы научить капиталиста хозяйствовать. Они обосновывали и разрабатывали научные основы классовой борьбы пролетариата. В условиях социализма, напротив, марксистская наука обслуживает прежде всего созидательные задачи научно-технического, социально-экономического и духовного развития общества, формирование гармонически развитой личности. Изучение общества на всех его уровнях — от отдельного коллектива до процессов, происходящих в масштабах страны, и во всех его сферах — экономической, социально-политической, духовной, исследование взаимодействия этих сфер, а также социологических законов функционирования и развития коммунистической общественной формации, социальной структуры социалистического общества и характера процессов, происходящих в мировой системе социализма, анализ международных условий строительства социализма и коммунизма, разработка методов социального прогнозирования и планирования — все это необходимо для научного управления социалистическим развитием, для разработки оптимальных моделей функционирования различных социально-экономических институтов, для сознательного регулирования социалистических общественных отношений и их дальнейшего совершенствования в процессе продвижения общества к высшей фазе коммунизма. Здесь перед историческим материализмом постоянно стоят задачи: во-первых, учитывать и обобщать опыт предшествующего развития; во-вторых, совершенствовать социальную теорию и методологию общественного познания; в-третьих, разрабатывать теоретические основы методов социального прогнозирования, научного планирования и управления. Развитие общественной науки является необходимым условием недопущения субъективизма и волюнтаризма, преодоления факторов, тормозящих развитие социалистического общества.

Имеется еще и другая, весьма важная сторона функционирования социальной науки в условиях социализма. Общественные науки играют весьма важную роль в формировании сознания членов социалистического общества, в выработке у них научного мировоззрения, в пропаганде научных знаний, касающихся политики коммунистической партии и ее реализации в практической деятельности масс. Велика их роль в идеологической борьбе с противниками марксизма, в борьбе с антикоммунистическими и другими интерпретациями социально-исторического процесса.

Исходя из потребностей развития нашего общества, КПСС уделяет большое внимание проблемам развития общественных наук. Реализуя решения XXIII съезда партии, Центральный Комитет партии принял

 в августе 1967 г. специальное постановление «О мерах по дальнейшему развитию общественных наук и усилению их роли в коммунистическом строительстве». Это постановление ориентирует работников общественных наук, теоретические кадры на дальнейшие творческие поиски, на разработку крупных проблем, имеющих значение для практики коммунистического строительства, на наступательную борьбу с буржуазной идеологией в общественных науках.

В решении всех этих проблем историческому материализму принадлежит весьма важная роль, поскольку он является теоретико-методологической основой всей системы общественных наук в условиях социализма. Дальнейшее развитие общесоциологической марксистской теории и методологии общественного познания осуществляется именно в рамках исторического материализма. Его развитие стимулирует связь с диалектическим материализмом, с конкретными общественными науками, с практикой международного рабочего движения, социалистического развития, коммунистического строительства.

Как и любая наука, исторический материализм служит практике тем, что дает объективное знание и вырабатывает способы его практического применения. Его функцией является осуществление постоянного процесса познания действительности, постоянное развитие теории, что предполагает ориентацию на истину, верность действительности, связь с практикой, творческое отношение к теоретическому наследию.

Исторический материализм занимается исследованием самых общих закономерностей и связей исторического процесса. Это надо учитывать, когда мы говорим о его развитии, ибо в любой науке общие законы открываются не так уж часто. Вся социально-историческая практика последнего столетия подтверждает правильность тех общих принципов, которые были внесены в общественную науку историческим материализмом и на которых он базируется. Но вместе с тем с развитием общества возникает задача рассмотрения этих принципов в свете новых фактов и данных, которые предоставляет социальная действительность и общественная наука. Это сопоставление позволяет проверить действенность принципов при объяснении новых фактов, разрабатывать и конкретизировать их дальше на основе обобщения фактов и быть во всеоружии в борьбе с буржуазной идеологией, которая часто спекулирует на новых фактах и использует их для отрицания и извращения существа исторического материализма.

Поскольку исторический материализм, как и марксизм-ленинизм в целом, связан с практикой революционного движения, с идейно-политической борьбой, постольку из буржуазного лагеря на него обрушиваются потоки враждебной критики, находится немало желающих его извратить, приспособить к нуждам классов и социальных групп, вовсе не заинтересованных в победе и утверждении социализма. Отсюда вытекает постоянная необходимость борьбы с буржуазной идеологией, реформизмом, ревизионизмом, отстаивания принципов исторического материализма от искажения и извращений. И Ленин умел диалекти-

чески сочетать эти задачи. В идейной борьбе он развивал теорию, а результаты ее развития использовал для аргументированной критики своих противников, для совершенствования революционной практики.

Так, защищая философию марксизма в полемике с махистами, Ленин опирался на философское обобщение новых достижений естествознания, а не игнорировал их, как это делал Г. В. Плеханов. Именно это позволило Ленину дать аргументированную убедительную критику махизма, показать его несовместимость с наукой. И в наше время в борьбе с буржуазной идеологией нельзя опираться лишь на предшествующие этапы развития науки. Такой подход не соответствует творческому духу марксистской философии. Лишь на указанном Лениным пути возможно плодотворное развитие социальной теории марксизма, в том числе и исторического материализма.

Одним из коренных принципов исторического материализма является признание им естественноисторического характера развития общества, признание объективной закономерности в истории, материальной обусловленности общественного сознания и деятельности людей. Этот принцип был сформулирован Марксом и блестяще воплощен при анализе капитализма. Его отстаивал и защищал Ленин, в частности, в полемике с субъективной социологией народников. Борьба вокруг этого принципа не прекращалась на протяжении всей истории марксизма и шла главным образом по двум направлениям: против его прямого отрицания, с одной стороны, и против его примитивизации и вульгаризации — с другой. Эта борьба продолжается и в настоящее время.

Трактовка общественного развития как естественноисторического процесса не только дает возможность научно подойти к прошлой истории человечества, но имеет и важнейшее мировоззренческое значение для анализа современности, обоснования исторической неизбежности замены капитализма социализмом, исторической необходимости социалистической революции. Поэтому не случайно буржуазные теоретики используют любые аргументы для отрицания объективных законов истории. В буржуазной социологии широко распространена идея, что якобы современная наука не дает оснований говорить о закономерном развитии общества, его направленной эволюции. Идея развития подменяется концепцией «социальных изменений», а вопрос о направленности этих изменений снимается [3].

Широкой известностью на Западе пользуются работы философа-позитивиста К. Поппера, развернувшего борьбу против марксистской концепции исторического детерминизма. Признавая наличие известных тенденций в истории, он целиком относит их за счет влияния идей и отрицает объективную общественную закономерность, а следовательно, и возможность научного предвидения в социальной области. «Будущее зависит от нас самих,— писал он,— а мы не зависим ни от какой исторической необходимости» [4].

[3] См. *Ю. Н. Семенов.* Общественный прогресс и социальная философия современной буржуазии. М., «Наука», 1965.

[4] *К. Popper.* The Open Society and its Enemies, v. 1. London, 1952, p. 3.

Однако материалистический анализ и прошлой истории и современного общества свидетельствует о том, что в истории существуют и действуют объективные закономерности, что люди творят историю не по произволу. В истории происходила закономерная смена общественных формаций на основе развития производства. Совершенно закономерным процессом является распад колониальной системы империализма в результате мощного подъема национально-освободительного движения, происходившего на наших глазах. Закономерным является упадок капитализма, возникновение и развитие мировой системы социализма. Конечно, все эти процессы происходят не помимо людей, не сами по себе, а в результате активной деятельности, острой борьбы, столкновений различных классов, ибо сами общественные закономерности существуют и проявляются лишь в деятельности людей, есть законы этой деятельности.

Марксизм давно уже раскритиковал и преодолел механистическое понимание исторического детерминизма. Общественные закономерности действуют как исторические тенденции, которым противостоят другие тенденции, и конечный результат является следствием взаимодействия массы разнообразных составляющих. Поэтому история движется не прямолинейно, а сложно, зигзагообразно. Ни один закон в истории не действует в «чистом» виде. И задача общественной науки в том, чтобы разбираться в сложном механизме действия социальных законов, а не отбрасывать их.

Маркс открыл тенденцию к обнищанию пролетариата, вытекающую из всеобщего закона капиталистического накопления. Но ей противостоит борьба пролетариата за улучшение своего экономического положения, заставляющая буржуазию идти на уступки, и целый ряд других факторов, отчасти нейтрализующих или видоизменяющих действие этой тенденции. Но наличие социальных завоеваний рабочих в капиталистических странах вовсе не означает, что тенденция к обнищанию вообще преодолена капитализмом. Объективные закономерности определяют какие-то общие рамки деятельности и в сочетании с конкретными условиями создают разнообразные возможности для различных социальных сил, действующих в соответствии со своими интересами. Победа тех или иных тенденций достигается в конечном счете лишь в борьбе. Историческая необходимость прокладывает себе дорогу через противоречия.

Историческая необходимость победы социализма вовсе не гарантирует от поражений те или иные революционные выступления пролетариата, ибо победа или поражение в каждом конкретном случае зависит непосредственно не от общей исторической необходимости, а от соотношения сил, от правильности политической линии и других конкретных факторов и условий. Каждая объективно обусловленная ситуация создает, как правило, целый спектр различных возможностей, выбор и реализация которых осуществляются людьми.

Анализируя обстановку в России в начале века, Ленин увидел возможность перерастания буржуазно-демократической революции в социалистическую, хотя Россия не принадлежала к числу самых раз-

витых капиталистических стран. Благодаря Ленину и созданной им большевистской партии, вставших во главе революционных масс, эта возможность была реализована и завершилась победой социалистической революции в октябре 1917 г. Этой возможности не видели меньшевики. Они заняли оппортунистическую линию и были отброшены ходом истории.

Поражение фашизма во второй мировой войне создало возможность прорыва цепи империализма в ряде стран, но лишь активная борьба трудящихся против сил реакции позволила ее реализовать. Следовательно, признание исторической закономерности вовсе не означает ни фатальной предопределенности исторического развития, ни какого-либо принижения значения человеческой деятельности. Напротив, такое признание является могучим стимулом действия.

В советской историко-материалистической литературе последних лет активно разрабатываются проблемы социального детерминизма, объективных законов в истории, ведутся разнообразные дискуссии по этим вопросам. Здесь поднимаются важные проблемы о механизме действия законов, о различении законов функционирования систем и законов их развития, о статистических социальных законах, о соотношении исторической необходимости и социальной деятельности, о соотношении общесоциологических и частносоциологических законов, о формах детерминации и стимулирования человеческой деятельности и т. д. [5] Разработка этих проблем, а также исследование форм проявления объективных социальных законов в современных условиях, углубленная, учитывающая современные данные трактовка марксистской идеи исторической необходимости — весьма актуальная задача исторического материализма.

Уже анализ объективной закономерности в истории приводит к рассмотрению человеческой деятельности, ибо социальные законы, как мы говорили, не действуют сами по себе автоматически, вне и помимо человека. Но деятельность общественного человека не является простым проводником социальной закономерности, она является активным фактором, формирующим конкретный рисунок истории. В этом смысле, действительно, будущее зависит от нас самих.

Руководствуясь ограниченными стереотипными представлениями, буржуазные теоретики не могут понять, как можно совместить признание объективных законов с активной творческой ролью человека в истории. Для них существует либо одно, либо другое. По их мнению, признание объективных законов отрицает активность субъекта, а признание творческой роли субъекта в истории обязывает исключить всякую закономерность. Исторический материализм впервые преодолел

[5] См., например: *Г. Е. Глезерман.* О законах общественного развития. М., 1960; *Д. И. Чесноков.* Общественный интерес и механизм действия социальных законов.— «Вопросы философии», 1966, № 9; *В. Мишин.* Объективные законы истории и социальная активность.— «Философские науки», 1968, № 3; *А. И. Вербин, П. М. Егидес.* О соотношении законов исторического материализма и исторической науки.— «Вопросы философии», 1968, № 2; *А. Я. Гуревич.* Общественный закон и конкретные закономерности в истории.— «Вопросы истории», 1965, № 8.

метафизическое противопоставление объективной закономерности и творческой роли социального субъекта, дал диалектическое решение этого вопроса. Вопрос о роли субъективного фактора, революционной теории и организации занимает большое место в трудах Ленина. Разрабатывая эти проблемы, Ленин боролся и против преклонения перед стихийностью, и против всякого волюнтаризма.

«Марксизм,— писал Ленин,— отличается от всех других социалистических теорий замечательным соединением полной научной трезвости в анализе объективного положения вещей и объективного хода эволюции с самым решительным признанием значения революционной энергии, революционного творчества, революционной инициативы масс,— а также, конечно, отдельных личностей, групп, организаций, партий, умеющих нащупать и реализовать связь с теми или иными классами» [6]. Следовательно, надо трезво учитывать «объективное положение вещей», «объективный ход эволюции», исходить из объективных условий. На этой и только на этой основе всякое социальное творчество, инициатива, почин могут привести к успеху, а не превратиться в прожектерство, волюнтаризм, авантюризм. Инициатива и почин — это нахождение возможностей, таящихся в объективном ходе эволюции, и нахождение форм их реализации для продвижения по пути общественного прогресса.

Понятия «общество», «общественная формация», «общественная закономерность», «социальный субъект» и т. п. остаются весьма абстрактными, если их не связывать с деятельностью различных классов, социальных групп, с борьбой классов, поскольку речь идет об антагонистическом обществе. Из этого вытекает значение анализа социальной классовой структуры общества в конкретных условиях его существования, различных видов классовых отношений (борьба, сотрудничество, союз и т. д.).

Марксизм-ленинизм разработал научные принципы анализа социальной структуры общества [7]. Конкретизация этих принципов применительно к условиям развитых капиталистических стран, стран «третьего мира», выявление классовой структуры и происходящих в ней изменений под влиянием разнообразных экономических и социальных процессов, среди которых важную роль в настоящее время играет научно-техническая революция, определение специфических интересов и задач, объективно стоящих перед теми или иными классами и группами, являются необходимой исходной основой марксистского подхода к действительности, оценки реального положения этих стран, выработки программ революционного действия. Эта задача является весьма актуальной в связи с теми изменениями, которые происходят в мире.

Особая задача — изучение социальной структуры социалистического общества, где уничтожены эксплуататорские классы, происходит постепенное стирание классовых граней между трудящимися классами

[6] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 16, стр. 23.

[7] См. *В. Келле, М. Ковальзон.* Ленинские принципы классового анализа.— «Коммунист», 1968, № 18.

и социальными группами. Но социальная структура социалистического общества, если учитывать не только межклассовые, но и внутриклассовые различия, разнообразна и сложна [8]. Детальное знание динамики социальной структуры социалистического общества необходимо для руководства социальными процессами, для осуществления программной задачи построения бесклассового социально однородного общества.

Общеизвестно, что при социализме роль субъективного фактора возрастает. Это положение давно разработано и принято в историческом материализме. Вся система социализма с его плановым ведением хозяйства, развитием социальной активности, культуры и коммунистического сознания масс, проведением научно обоснованной политики коммунистической партии создает гораздо больший простор для действия субъективного фактора, для сознательного творчества новых форм социальной жизни, чем это когда-либо было в прошлом. В этих условиях ленинская традиция ориентации на революционное творчество масс, ленинские идеи о значении научной идеологии, роли теории, организации для успешного решения назревших социальных проблем приобретают особо актуальное звучание, являются теоретической основой исследования механизма сознательного исторического творчества.

Внимание многих ученых привлекают различные аспекты исследования социального субъекта: соотношение объективного и субъективного в обществе, стихийного и сознательного, сознания и деятельности, научного управления, руководящей роли партии, факторов, способствующих росту социальной активности масс, а также проблемы общественного сознания, соотношения индивидуального и общественного сознания. Эти вопросы усиленно разрабатываются в нашей литературе, и уже достигнуты определенные результаты [9]. В рамках статьи нет возможности подробно касаться всех этих тем. Возьмем в качестве примера некоторые проблемы общественного сознания.

Общественное сознание в целом можно исследовать в двух планах: как определенную сторону общественной жизни, как общественное явление и как реальное массовое сознание, существующее в данном обществе. Эти аспекты исследования, конечно, связаны с друг с другом, но первый является преимущественно теоретическим, второй — более конкретным.

Исходные принципы научного подхода к общественному сознанию сводятся к тому, что его следует рассматривать как вторичное по отношению к общественному бытию, но обладающее относительной самостоятельностью, выражающейся в преемственности, внутренней логике

[8] «Строительство коммунизма и развитие общественных отношений». М., 1966; «Проблемы изменения социальной структуры советского общества». М., 1968.

[9] *В. Г. Афанасьев.* Научное управление обществом. М., 1968; *Ю. А. Левада.* Сознание и управление в общественных процессах.— «Вопросы философии», 1966, № 5; *Г. М. Гак.* Учение об общественном сознании в свете теории познания. М., 1960; «Строительство коммунизма и духовный мир человека». М., 1966; *Б. А. Чагин.* Субъективный фактор. М., 1968; *В. И. Приписнов.* Проблема субъективного фактора в историческом материализме. Душанбе, 1966.

развития, способности активно воздействовать на общественное бытие и т. д.

Исторический анализ общественного сознания позволяет решить ряд актуальных проблем, связанных с определением тенденций его развития, закономерностей идеологической борьбы, процессами воспитания, формированием личности и т. д.

Исследования последнего времени внесли значительно больше ясности в понимание самой структуры общественного сознания, представляющего весьма сложное образование. Внутренние разграничения в общественном сознании связаны с наличием различных форм и уровней сознания. Формами общественного сознания являются политические идеи, правосознание, мораль, религия, философия, искусство, наука (здесь берется, конечно, только ее теоретическая сторона); по уровням общественное сознание делится на теоретическое и обыденное сознание, идеологию и общественную психологию. Выделение этих структурных элементов общественного сознания, определение их специфики является не какой-то формальной классификацией, а позволяет более детально изучить его с точки зрения происхождения, внутренних взаимодействий, социальных функций. Так, принципиальное значение имеет разграничение идеологии и общественной психологии. Ленин в своих трудах различал чувства и настроения масс, классов, порождаемые непосредственными условиями их жизни, т. е. их психологию, и научную идеологию пролетариата, которая возникает из развития общественной мысли, носит теоретический характер и вносится в массы извне партией пролетариата. Это разграничение дало возможность Ленину теоретически опровергнуть и идейно разгромить русских «экономистов», ориентировавшихся на чисто стихийное развитие рабочего движения, не понимавших существенной разницы между психологическим настроем масс и научным выражением их интересов в идеологии пролетариата. Без научной идеологии рабочий класс может оказаться обезоруженным перед давлением идеологии буржуазной, и его движение пойдет по пути тред-юнионизма, чисто экономической борьбы. Поэтому без революционной теории не может быть революционного движения — таков знаменитый вывод Ленина, который полностью сохраняет свое значение и в наше время.

В то же время Ленин высоко ценил «классовый инстинкт» пролетариата, его стремление к социализму, чувство пролетарской солидарности и другие социально-психологические черты пролетариата, порождаемые самими условиями жизни рабочего класса.

Таким образом, указанное разграничение имеет не только чисто теоретическое значение, но легко переводится на язык политики, связано с практическими задачами рабочего движения.

Вопрос о взаимоотношении идеологии и общественной психологии в условиях социалистического общества имеет большое значение для практики коммунистического воспитания, для борьбы с пережитками старого в сознании людей. В частности, речь идет о воздействии идеологии на общественную психологию, о формировании последней под влиянием различных факторов, в том числе идеологии. В последние

годы у нас усилился интерес к проблемам общественной психологии и развертываются исследования в этой области[10]. С этим связано также изучение общественного мнения как определенного состояния общественного сознания [11].

Большой и сложный комплекс проблем связан с изучением идеологии [12]. Идеология играет огромную роль в жизни современного общества. Идеология в систематизированной теоретически разработанной форме отражает общественные отношения, выражает коренные интересы различных классов и социальных групп. Именно в сфере идеологии формулируются цели и задачи социальной деятельности, осмысливаются и выражаются с позиций различных классов возникающие в обществе социальные проблемы. Противоречия между миром капитализма и миром социализма отражаются во все усиливающейся борьбе буржуазной и социалистической идеологий. Вместе с тем буржуазные теоретики сеют иллюзии о происходящей якобы «деидеологизации» современного общества. При этом они извращенно толкуют само понятие идеологии. Спекулируя на том, что в обществе имеются различные идеологии, что их связь с интересами социальных групп иногда прослеживается довольно явно, буржуазные теоретики вслед за К. Маннгеймом объявляют всякую идеологию «мифом», «деформированным сознанием», противопоставляют идеологию науке. На основании этого марксизм подводится ими под общее понятие идеологии и отвергается как иллюзорное сознание.

Вот один из образцов подобной критики, взятый из «солидного» антикоммунистического компендиума, изданного в ФРГ: «Диалектический и исторический материализм Маркса в прошлом был утопией, средством борьбы с недостатками раннего капитализма, как критика существующего он имел историческую ценность и влияние, хотя и не соответствовал фактам». Теперь же он является «средством стабилизации» социализма, является сущностью идеологии, которая содержит в себе все признаки «ложного сознания» [13].

Марксисты никогда не скрывали своей партийности, но партийность идеологии вовсе не означает, что последняя всегда противостоит науке, как пытаются представить дело буржуазные теоретики. Нет идеологии вообще. Есть идеология научная и иллюзорная. Марксизм-ленинизм есть наука и идеология, т. е. научная идеология. В марксизме заложено органическое сочетание научности и партийности, ибо лишь научное определение социальных задач пролетариата отвечает его интересам и потребностям развития социалистического общества. Та система идеалов и духовных ценностей, которые выработал марксизм-ленинизм,

[10] «Проблемы общественной психологии». Сборник статей. М., 1965; *Б. Парыгин.* Социальная психология как наука. Л., 1965; *Б. Поршнев.* Социальная психология и история. М., 1966 и др.

[11] *А. Уледов.* Общественное мнение советского общества. М., 1963; *Б. Грушин.* Мнения о мире и мир мнений. М., 1967.

[12] *В. Ядов.* Идеология как форма духовной деятельности общества. Л., 1961; «Социология и идеология». Сборник статей. М., 1969.

[13] «Politik im 20. Jahrhundert». Braunschweig, 1967, S. 271.

вытекает из научного понимания всего хода исторического развития. Отход от науки есть измена марксизму-ленинизму. Эту измену совершают те, кто использует марксистскую фразеологию для прикрытия своих националистических целей, проведения антисоветской политики, т. е. для решения задач, ничего общего не имеющих ни с марксизмом, ни с интересами социализма. Таким целям научная идеология служить, конечно, не может.

Кроме разграничения научной и ненаучной идеологии, важно отличать также идеологическое сознание от неидеологического. Например, естественнонаучные теории не носят классового характера. Не существует буржуазной или социалистической математики, физики, биологии и т. п. Развитие естественных наук имеет свою специфику, и к ним неприложимы идеологические критерии. Но это не значит, что наука не связана с идеологией. Современная наука — имеются в виду естественные и технические науки — развивается в обществе, где идет острая идеологическая борьба, и сама наука является ареной этой борьбы. Через философию, различную философскую интерпретацию научных открытий и теорий наука вступает в контакт с идеологией. Поэтому речь должна идти не об освобождении науки от идеологии, а об установлении ее связи с передовой, научной идеологией, об установлении союза философии диалектического материализма и естествознания. Так ставил вопрос Ленин в своем известном философском завещании «О значении воинствующего материализма».

Мы говорили о науке как одной из форм общественного сознания. Это определение науки характеризует ее лишь с одной стороны — как систему объективного знания. Это весьма существенная характеристика науки, но она отнюдь не исчерпывает всей сложности и многообразия этого общественного явления, особенно в наше время, когда научная деятельность становится массовой профессией, а технологическое применение науки превращает ее в непосредственную производительную силу. В результате развития современной научно-технической революции меняется статус науки в обществе, возрастает ее влияние на общественную жизнь. Изучение науки приобретает все больший размах. Наряду с традиционными науками, изучающими развитие научного знания (история естествознания, теория познания, психология творчества и т. д.), возникают экономика, социология и логика науки, развивается информационный аспект исследования науки, приобретает права гражданства науковедение, занимающееся комплексным исследованием науки и частично вбирающее в себя традиционные направления исследования процесса развития науки. Все эти качественные изменения, которые произошли и в самой науке, и в «науках о науке», существенно касаются и исторического материализма, который продолжает исследовать науку как компонент социальной системы и от которого фактически отпочковывается социология науки [14].

Новая социальная проблематика рождается самим процессом развертывания в мире научно-технической революции. Вопрос о ее сущ-

[14] *Г. Волков.* Социология науки. М., 1968.

ности, тенденциях развития, непосредственных и более отдаленных социальных последствиях для капитализма и социализма, проблемы военно-технической революции и т.д. стали в последние годы предметом пристального внимания целых групп специалистов [15]. Огромные задачи, стоящие перед социалистическим обществом в деле использования результатов научно-технической революции, делают весьма важной разработку этих вопросов на современном материале с использованием трудов Маркса и Ленина, где заложены многие идеи по вопросам развития науки и техники, приобретающие новое звучание в современных условиях. Речь идет, в частности, о проблемах автоматизации, противоречиях технического прогресса в условиях капитализма, о непосредственной производительной силе науки и т. д.

Наконец, следует остановиться еще на одной теме, которая вызвала в последние годы большой поток разнообразных исследований, статей, монографий,— о проблеме человека, личности [16]. Интерес к этой теме вызван многими обстоятельствами: и тем, что одно время ей действительно уделялось недостаточно внимания, и той остротой, с которой встал в нашу эпоху вопрос о личности, и необходимостью конкретизации наших представлений о гармонично развитой личности в связи с практическими задачами строительства коммунизма, и потребностью более всесторонней аргументированной критики буржуазных философско-социологических концепций личности и т. д., критики ревизионизма слева, отрицающего гуманистическое начало в марксизме, и справа, критикующего социализм с гуманистически-утопических позиций.

Исторический материализм рассматривает личность в ее органической связи с обществом, ибо сама личность есть общественный продукт, продукт исторического развития. Исходным принципом марксистского подхода является известный тезис Маркса, что человек в своей сущности есть совокупность всех общественных отношений. Абстрактный внеисторический подход к человеку совершенно бесперспективен в научном отношении. Но и теория общества, исключающая «личностный аспект», была бы односторонней. Личность не растворена в обществе, а является своеобразной индивидуальностью, несет ответственность за свои действия, имеет определенные права и обязанности. Именно в этом плане, а не в плане абстрактного противостояния ставится в историческом материализме проблема личности и общества.

Марксизм выдвинул и поставил на реальную практическую почву задачу создания такого общества, высшая цель которого — свобода и

[15] Научно-техническая революция и общественный прогресс. М., «Мысль», 1969; *В. Г. Марахов* и *Ю. С. Мелещенко*. Особенности и социальные следствия научно-технической революции.— «Философские науки», 1968, № 5; *Ю. С. Мелещенко*. Характер и особенности научно-технической революции.— «Вопросы философии», 1968, № 7; *Ю. Шейнин*. Научно-техническая революция и некоторые проблемы современности.— «Мировая экономика и международные отношения», 1968, № 2; *С. В. Шухардин*. Сущность и место современной научно-технической революции в историческом процессе. М., 1968 и др.

[16] *П. Кряжев*. Общество и личность. М., 1961; *В. П. Тугаринов*. Личность и общество. М., 1965; «Коммунизм и личность». Сборник статей. М., 1964; *М. И. Петросян*. Гуманизм. М., 1964; Человек и эпоха. М., 1964.

всестороннее развитие человеческой личности, имеющей возможности и средства для полного развития и проявления своих способностей. В коммунистическом обществе, считали Маркс и Энгельс, свободное развитие каждого будет условием свободного развития всех в отличие от предшествующих обществ, где развитие одних индивидов шло за счет подавления, угнетения и эксплуатации других. В нашей стране, где уничтожены эксплуатация, социальный и национальный гнет, создание такого общества стало уже практической задачей. Это требует конкретизации общих положений, касающихся путей преодоления остатков старого общественного разделения труда, дальнейшего подъема культуры, путей формирования всесторонней личности в условиях растущей специализации материального и особенно духовного производства, развития принципов сочетания общественных и личных интересов. Широкие дискуссии по этим вопросам показали: имеется ряд сложных и противоречивых проблем, требующих дальнейшей разработки [17].

Степень реального практического решения проблем личности зависит от достигнутой ступени и вытекающих отсюда возможностей социалистического общества, от того, насколько каждый индивид в соответствии с уровнем собственного развития способен эти возможности использовать. Как отрицание гуманистической природы социализма, так и претенциозное провозглашение абстрактно-гуманистических требований, не считающееся с достигнутой ступенью материального и духовного развития социалистического общества, означают разрыв с марксизмом-ленинизмом, играют на руку врагам социализма.

Если социалистическое развитие есть реальный процесс воплощения идеалов гуманизма, то капитализм в ходе своего развития все очевиднее обнаруживает свою антигуманистическую природу. Не говоря уже об освобождающихся от гнета колониализма странах, где масса людей еще задавлена нуждой и лишениями, даже в развитых капиталистических государствах, где обеспечен сравнительно высокий жизненный уровень для значительной части населения, проблема личности не только не решается, но принимает все более острые болезненные формы. Личность уродуется системой капиталистического разделения труда.

Государственно-монополистический капитализм с его развитой и жесткой бюрократической системой превращает человека в безликий винтик бездушного механизма. Бюрократизация общества, стандартизация жизни, отношения чистогана, поток суррогатов «массовой культуры», который обрушивается на человека средствами массовой коммуникации, приводят к развитию процессов деперсонализации личности, развивают психологическое состояние «отчуждения», антагонизм личности и общества. Происходит рост социальных болезней личности. Тревожные размеры принимают преступность, алкоголизм, наркомания, психические заболевания и т. п. [18]

[17] «Вопросы философии», 1964, № 6; «Личность при социализме». Сборник статей. М., 1968; «Проблемы ценности в философии». М.— Л., 1966.

[18] *Ю. А. Замошкин.* Кризис буржуазного индивидуализма и личность. М., 1966; *И. С. Кон.* Социология личности. М., 1967.

Симптомом общей неудовлетворенности тем образом жизни, который навязывается буржуазным обществом, являются вспышки протеста среди молодежи, студенчества. Идейно незрелое и неопределенное в своей позитивной программе, это движение выражает протест против существующего. Вместе с тем буржуазия настойчиво изыскивает способы сглаживания социальных конфликтов, воздействия на общественное мнение в своих интересах. Но все это лишний раз показывает, что заявления буржуазных идеологов о свободе личности как «устое» западной демократии оказываются чистым фарсом. Только революционное движение рабочего класса, переход от капитализма к социализму могут дать радикальное решение всех порожденных капитализмом социальных проблем, в том числе и проблемы свободы и развития личности. Теория исторического материализма служит решению этой социальной задачи.

Общественная жизнь и процесс ее познания выдвигают перед историческим материализмом целую совокупность общих методологических проблем, без рассмотрения которых (или хотя бы некоторых из них) нельзя понять современное состояние и перспективы этой науки [19].

Исторический материализм возник как теория и методология исследования общественного развития. Принцип развития в его материалистической трактовке является фундаментальной основой исторического материализма. Отсюда вытекает органически присущий ему исторический метод исследования социальных явлений, стремление рассмотреть каждое из них в его собственных конкретно-исторических связях и отношениях, прослеживать всюду нить развития, вскрывать борьбу консервативных и прогрессивных тенденций, реакционных и революционных сил, отсюда устремленность в будущее, направленность на преобразование социальной действительности и самого человека.

Создание системы социалистических отношений выдвинуло еще и другую задачу, которая прежде ни в теоретическом, ни в практическом плане не стояла так непосредственно перед марксизмом, хотя, как мы увидим, марксизм ее вовсе не обходил. Это задача обеспечения нормального функционирования вновь созданной социальной системы. Отсюда в методологическом плане возникают два вопроса. Во-первых, разработка методов системного подхода к обществу, т. е. методов представления социальных образований как систем и способов исследования этих систем и подсистем. Во-вторых, выяснение того, как конкретно соотносятся в обществе процессы функционирования и развития.

Исходные основания для разработки этих проблем заложены в марксизме. Оценивая марксистскую теорию общества, Ленин писал, что общество нельзя рассматривать как «механический агрегат индивидов», что общественная формация есть «социальный организм», т. е.

[19] *В. Келле.* О некоторых направлениях развития исторического материализма.— «Вопросы философии», 1967, № 10.

система. Это согласуется с общей тенденцией развития современного знания, тяготеющего к системности, комплексному подходу. «Системная» тематика разрабатывается в биологии применительно к живым системам, в кибернетике — применительно к информационным системам; имеются попытки создать и общую теорию систем. Системный подход к социологической теории, бесспорно, весьма перспективен [20].

Проблема функционирования системы связана с обеспечением ее стабильности, устойчивости и на первый взгляд, казалось бы, противостоит идее развития, является ее отрицанием. В первом случае речь идет о сохранении, во втором — об изменении. Поэтому не случайно в буржуазной антропологии, в американской социологии функционализм выступил в противовес историческому методу, как отрицание эволюционистских концепций XIX в. Общепризнано также, что структурно-функциональная школа в американской социологии (Т. Парсонс и др.) носит политически консервативный конформистский характер, поскольку во главу угла ставит «устойчивость» капиталистической системы США. Эта школа подвергалась критике не только со стороны марксистов, но и со стороны противников функционализма в среде буржуазных социологов. Под влиянием этой критики Т. Парсонс сделал попытки найти переходы от функционирования к развитию, но это ему сделать так и не удалось. Вопрос остался нерешенным. Перед этой проблемой буржуазная социология встала в тупик [21]. Между тем Маркс уже в «Капитале» наметил пути ее решения. Он показал, что процесс воспроизводства капитала — это и есть процесс его функционирования (формула Д—Т—Д ^{1}). Однако воспроизводство капитала является не простым, а расширенным воспроизводством, связанным с прогрессом техники, ростом производительности труда. Поэтому в процессе воспроизводства капитала происходит изменение его органического состава, что ведет к дальнейшему обобществлению производства, обострению противоречия между производительными силами и капиталистическими производственными отношениями, т. е. к накоплению элементов отрицания капитализма. Таким образом, из процесса функционирования капитала возникает определенная тенденция развития капитализма, возникают материальные предпосылки для перехода от капитализма к новой, более высокой ступени общественного прогресса. Следовательно, у Маркса функционирование и развитие не исключают одно другое, а переходят одно в другое, из одного процесса закономерно вырастает другой. Здесь в конкретной форме решается общая методологическая проблема соотношения функционирования и развития, проблема, перед которой спасовала буржуазная социология.

В условиях социализма процессы функционирования и развития тоже не могут быть отделены один от другого непроходимой стеной, не могут противопоставляться одно другому, поскольку социалистическое общество заинтересовано не только в стабильности системы, но и в ее

[20] *И. Блауберг, Э. Юдин.* Системный подход в социальных исследованиях.— «Вопросы философии», 1967, № 9.

[21] *Н. Наумова.* Некоторые уроки развития западной социологии.— «Вопросы философии», 1968, № 1.

дальнейшем развитии, в переходе от социализма к коммунизму. Поэтому функционирование социалистической системы должно строиться таким образом, чтобы обеспечить возможность совершенствования социалистических общественных отношений, их постепенного перерастания в отношения коммунистические. Идея самосовершенствования заложена в самом принципе, в самом понятии социализма как низшей ступени коммунистической общественной формации. Функционирование социалистической системы ведет к развитию производства, его материально-технической базы, росту материального благосостояния трудящихся, развитию социалистической культуры, включающему как создание новых духовных ценностей, так и рост культурного уровня всех членов общества. Научно-техническая революция и рост культурно-технического уровня всего народа сопровождаются совершенствованием общественных отношений (при социализме ничто в принципе этому процессу препятствовать не должно), которые затем используются как рычаг и стимул дальнейшего развития производства и культуры.

Эффективность управления зависит еще от одного существенного обстоятельства, которое в кибернетике именуется обратной связью. Речь идет о систематическом самопознании общества, осуществляемом совокупностью наук, которые обеспечивают непрерывное изучение реальных экономических и социальных процессов, происходящих в обществе. Обобщенные данные науки доставляют материал, используемый при принятии решений, отвечающих намеченным планам, объективным условиям и общественным потребностям. Так, социалистическое общество не может допустить роста общественного неравенства. Поэтому процесс функционирования социалистического производства, системы распределения и т. д. должен не только воспроизводить существующие структуры, но и включать в себя моменты развития, в данном случае идти в направлении к сужению сферы неравенства и расширению сферы социального равенства. Этим обеспечивается планируемое движение к социально однородному обществу.

Следовательно, систематическое и конкретное изучение социальных процессов является необходимостью для социализма.

Среди наук, осуществляющих эту необходимую для общества функцию, наряду с экономическими, юридическими, историческими и другими науками все большее значение начинает, особенно в последние годы, приобретать социология [22]. Ее особенность состоит в том, что она изучает взаимодействие различных сфер общественной жизни, деятельность людей в системе общественных отношений, социологические закономерности функционирования и развития социальных структур, механизмы проявления этих закономерностей в конкретных условиях, происходящие в обществе социальные процессы.

Структура марксистской социологии, как она вырисовывается в настоящее время, является довольно сложной, многоступенчатой. Эта наука имеет свою эмпирическую базу в виде конкретных социологи-

[22] *А. М. Румянцев, Г. В. Осипов.* Марксистская социология и конкретные социальные исследования.— «Вопросы философии», 1968, № 6.

ческих исследований. С помощью этих исследований социология получает прямой и непосредственный выход к социальной действительности. Объективность социологической информации и ее представительность обеспечиваются, с одной стороны, общими методологическими принципами марксизма, с другой — разработанной процедурой, методикой и техникой социальных исследований, включающих в себя использование количественных методов [23] (хотя математический аппарат социологии пока еще находится в процессе становления).

Обобщение получаемого эмпирического материала происходит прежде всего на уровне специальных социологических теорий, таких, как социология труда, социология семьи, социология науки, социология образования и т. д. Социологические проблемы возникают при изучении самых различных социальных явлений и процессов: политики и права, искусства и религии, города и деревни, общественного мнения и средств массовой коммуникации, идеологической работы и проблем управления, целых обществ и отдельных коллективов, классовой и профессиональной структуры, проблем воспитания и явлений преступности и т. д. Специальные социологические теории имеют различную степень общности, но их объединяет то, что они призваны дать содержательное объяснение отражаемых общественных явлений и процессов, обеспечивая возможность предвидения и прогнозирования в конкретной области общественной жизни, что имеет важное значение для социального планирования и управления. Создание и разработка этих теорий являются в настоящее время насущной потребностью общественной науки.

По отношению к специальным направлениям социологических исследований исторический материализм прежде всего выполняет те же самые функции, что и по отношению ко всем конкретным общественным наукам. Исторический материализм является методологией всего общественного, в том числе социологического познания.

Но в области социологии исторический материализм выполняет, кроме этого, еще ряд особых функций. Исторический материализм — вершина всей системы социологического знания. В отличие от специальных социологических теорий исторический материализм является марксистской общесоциологической теорией, объединяющей, интегрирующей все специальные направления социологии в единую марксистскую социологическую науку. Всю социологическую конкретику, конечно, было бы неправильно включать в исторический материализм, так как он тогда бы потерял свое общее философское методологическое значение. Поэтому социологическая наука не может исчерпываться историческим материализмом. Но неправильно было бы исключать его и из сферы социологии.

Только в неразрывной органической связи с историческим материализмом и на его основе возможно успешное развитие марксистской

[23] «Количественные методы в социологии». М., 1966; «Математические методы в современной буржуазной социологии». М., 1966; «Методика и техника статистической обработки первичной социологической информации». М., 1968.

СТРАНИЦА РУКОПИСИ В. И. ЛЕНИНА. КОНСПЕКТ КНИГИ ГЕГЕЛЯ «ЛЕКЦИИ ПО ИСТОРИИ ФИЛОСОФИИ». 1915 г.

социологии. Все основные проблемы, которые исследует исторический материализм,— проблема общественных формаций, роль производства в общественной жизни, теория классов и классовой борьбы, государства, революции, соотношение материальных и идеологических отношений, базиса и надстройки, объективных условий и субъективного фактора — все это социологические проблемы, являющиеся теоретико-методологической основой любого социологического исследования.

Ленинское положение, высказанное им в полемике с народниками — представителями так называемой субъективной социологии, о том, что возникновение исторического материализма создало основу научной социологии, в настоящее время звучит более чем актуально в связи с развитием у нас конкретных социологических исследований, которые не могут рассматриваться просто как источник социальной информации и плодотворно развиваться без специальных социологических теорий.

В естествознании хорошо известно, что эксперимент, накопление эмпирических фактов всегда связаны с гипотезой, т. е. с определенным теоретическим построением. Так же и в общественных науках накопление фактов вне связи с социальной теорией является бессмысленным занятием, ничего не дающим науке. Частносоциологические теории «среднего уровня» являются как бы посредствующим звеном между общей социологической теорией и эмпирической базой социологии, без которого само применение общей теории к социальной эмпирии становится невозможным, ибо лишь путем постепенного перехода от менее широких обобщений к более широким можно сохранить содержательную связь эмпирии и теории.

У колыбели конкретных социальных исследований в СССР также стоит Ленин, который уже в 1918 г. писал о необходимости проведения ряда социальных исследований и с большим интересом встретил книгу А. И. Тодорского «Год—с винтовкой и плугом», являвшейся по существу опытом социологического исследования. Нелепостью было бы полагать, что эмпирические социальные, в том числе и социологические, исследования привнесены к нам из буржуазной социологии. Это нелепость, потому что всякое познание начинается с эмпирии, а что касается эмпирических исследований в марксистской социологии, то они полностью идут в русле марксистских традиций. Кроме того, в противоположность буржуазной социологии марксистская социология опирается на исторический материализм как общесоциологическую теорию, как метод социального познания.

Одной из важнейших и актуальных задач научных исследований в области исторического материализма является разработка и решение методологических проблем конкретных общественных наук. Но пользоваться методологией исторического материализма — вещь далеко не простая. В процессе применения исторического материализма к специфическим социальным объектам, изучаемым теми или иными науками, возникают разнообразные методологические проблемы, лишь разрешая которые исторический материализм может содержательно влиять на развитие данной отрасли общественного познания.

Таких проблем накопилось достаточно много, и они часто выдвигаются самим ходом общественного развития. Например, при исследовании экономической системы социализма наука сталкивается с вопросом о критерии материальности общественных отношений при социализме, где сознательно создаются новые отношения в производстве. Возникают методологические трудности с трактовкой роли социалистического государства, которое, с одной стороны, определяется как политическая надстройка, с другой — в своих экономических функциях выступает как необходимый компонент механизма (управление, планирование) действия экономических законов социализма. То или иное решение подобных вопросов тянет за собой целую цепь других проблем. Почти во всех общественных науках, имеющих теоретическое, а не просто прикладное значение, идут острые дискуссии по методологическим вопросам [24]. Сложные методологические проблемы возникают «на стыке» исторического материализма и исторической науки: вопрос о соотношении социологических и исторических закономерностей, о применении при исследовании истории системно-структурных представлений, об азиатском способе производства, о признаках и генезисе наций и т. д. [25]

Уже приведенные примеры показывают, что методологические проблемы общественных наук, так же как и философские вопросы естествознания,— это весьма важная область исследований и разработок, выходящая за рамки той или иной конкретной науки и составляющая пограничную область между конкретным и философским знанием. От развития этой сферы исследования зависят в большой мере успех применения исторического материализма в конкретных областях обществознания и развитие проблематики самого исторического материализма.

Основоположники марксизма-ленинизма, создав исторический материализм, начали перестройку всей системы общественных наук на методологической основе исторического материализма. Разработка методологических проблем конкретных общественных наук есть продолжение этой работы. Необходимость дальнейшего развития и творческого применения исторического материализма вызывается потребностями практики коммунистического строительства и развитием обществознания. Ленинские идеи являются ориентиром во всей этой большой исследовательской работе.

[24] «Методологические проблемы науки». Сборник статей. М., 1964; «Методологические вопросы общественных наук». М., 1966.

[25] «История и социология». Сборник статей. М., 1964. «Проблемы истории докапиталистических обществ». М., 1968.

А. М. РУМЯНЦЕВ
академик
Г. В. ОСИПОВ
доктор философских наук
Ф. М. БУРЛАЦКИЙ
доктор философских наук

В. И. ЛЕНИН И СОЦИОЛОГИЯ

В эпоху бурного развития рабочего движения и социализма марксизм уже нельзя игнорировать: его влияние со все возрастающей силой сказывается на развитии общественной мысли. И все же буржуазная социологическая наука пытается либо замалчивать марксизм, либо трактовать его как чисто экономическое учение, отказывая ему в научном обосновании философских основ и политических выводов. На самом же деле именно марксизм доказал, что он—единственная теория, способная превратить социологию в науку, не только собирающую факты, но и объясняющую их, предвидящую ход исторического развития.

Все общественные науки, в том числе и социология, стали науками в подлинном смысле этого слова только с открытием материалистического понимания истории. Всесторонне осмыслил значение последнего для социологии Ленин. «Эта гипотеза (материалистическое понимание истории.— *Авт.*),— отмечал он,— впервые создала возможность *научной* социологии... только свéдение общественных отношений к производственным и этих последних к высоте производительных сил дало твердое основание для представления развития общественных формаций естественно-историческим процессом» [1].

[1] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 138.

Исторический материализм — живая душа всех общественных наук, их методологическая и теоретическая основа. Но, как подчеркивал Ленин, «материализм в истории никогда не претендовал на то, чтобы все объяснить, а только на то, чтобы указать «единственно научный», по выражению Маркса («Капитал»), прием объяснения истории» [2].

Заслуга Маркса, Энгельса и Ленина состоит в разработке материалистических основ социологической теории, в создании метода социологического анализа, в строго последовательном, объективном и одновременно классово-партийном решении главнейших социологических проблем. Совпадение партийности и объективности, отличающее марксистскую социологию, вытекает из самой сути материалистического понимания истории.

Благодаря историческому материализму пришел конец безраздельному господству субъективизма в социологической науке, ибо был найден, наконец, тот объективный критерий, который позволил не только упорядочить многочисленные социальные факты, но и вскрыть их внутреннюю связь и взаимозависимость. «До сих пор,—писал Ленин,— социологи затруднялись отличить в сложной сети общественных явлений важные и неважные явления (это — корень субъективизма в социологии) и не умели найти объективного критерия для такого разграничения. Материализм дал вполне объективный критерий, выделив *производственные отношения*, как структуру общества, и дав возможность применить к этим отношениям тот общенаучный критерий повторяемости, применимость которого к социологии отрицали субъективисты» [3].

Поистине неоценим вклад Ленина в марксистскую социологию. Он оставил нам здесь огромное, до конца еще не освоенное наследство, ставящее его на первое место среди крупнейших социологов XX в.

Деятельность Ленина как политика и стратега пролетарской революции органически слита с работой Ленина-социолога. Победа русского рабочего класса, руководствовавшегося революционным марксизмом, была немыслима без точного анализа соотношения классовых сил, специфики поведения конкретных социальных групп, особенностей национальных отношений как в условиях медленного эволюционного процесса, так и в период бурных революционных изменений. Победа пролетарской революции еще более увеличила диапазон этой работы и потребовала глубокого изучения основных процессов современного капитализма, его крупнейших социальных антагонизмов, а также оперативного, вдумчивого исследования процессов рождающегося социалистического общества, путей становления его структуры и функционирования его институтов, развития и разрешения его собственных противоречий.

Все это, разумеется, было возможно лишь при точном анализе социальной действительности с позиций науки, охватывающей обществен-

[2] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 144.
[3] Там же, стр. 137.

ные процессы в их целостности, динамике и взаимодействии. Такой наукой является марксистская социология. Именно с ее позиций Ленин анализировал и решал крупнейшие социальные проблемы своего времени.

Но «конкретный анализ конкретной ситуации» (одно из важнейших сформулированных Лениным требований революционного, а не схоластического марксизма) означал вместе с тем разработку некоторых общих теоретических принципов, создание научного метода анализа и построения социального знания. И если решение Лениным конкретных социально-политических вопросов является образцом стратегии и тактики революционного марксизма в определенную историческую эпоху, то сами принципы, теория и методология, лежащие в основе этих решений, представляют собой образец подлинно научной социологической работы вообще.

Необходимо подчеркнуть, что позитивная разработка Лениным марксистской социологической науки была неразрывно связана с критикой буржуазной социологии, с разоблачением всевозможных проявлений идеализма и метафизики в данной области знания. Ленин-ученый, Ленин-социолог никогда не превращался в кабинетного мыслителя, стремящегося отгородиться от бушующей в мире идейной борьбы и тем самым сохранить свою мнимую «независимость» от идеологии. Напротив, он всегда вступал в решительную схватку с ложными концепциями и построениями, показывал их подлинную классовую сущность и открыто становился на защиту интересов передовых классов, блестяще демонстрируя тем самым, что подлинная партийность вовсе не «мешает» научной объективности, а, напротив, способствует ее достижению.

Домарксовские теории исторического процесса на $^9/_{10}$ состояли из чисто априорных и абстрактных взглядов на понятия общества и социального прогресса. Полемизируя с Н. К. Михайловским, Ленин утверждал, что начинать с этих вопросов — значит начинать с конца: «Откуда возьмете вы понятие об обществе и прогрессе вообще, когда вы не изучили еще ни одной общественной формации в частности, не сумели даже установить этого понятия, не сумели даже подойти к серьезному фактическому изучению, к объективному анализу каких бы то ни было общественных отношений? Это самый наглядный признак метафизики, с которой начинала всякая наука: пока не умели приняться за изучение фактов, всегда сочиняли a priori общие теории, всегда остававшиеся бесплодными» [4]. Ленин, таким образом, подчеркивает, что действительный прогресс науки состоит в том, чтобы, отбросив априорные общие теории и философские построения, поставить на научную почву изучение фактов, характеризующих те или иные общественные процессы. В труде «Развитие капитализма в России» Ленин, опираясь на громадный и разнообразный фактический материал, дает всесторонний анализ экономики пореформенной России, характеризует объективное экономическое положение всех общественных

[4] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 141.

классов, их коренные интересы и линию их поведения в общественной борьбе.

Субъективистская социология предлагала положить в основу исследования общества изучение «живой личности со всеми... помыслами и чувствами». В работе «Экономическое содержание народничества и критика его в книге г. Струве» Ленин ставил вопрос иным образом. Помыслы и чувства личности не появляются случайно и произвольно, они вытекают «необходимо из данной общественной среды, которая служит материалом, объектом духовной жизни личности... по каким признакам судить нам о *реальных* «помыслах и чувствах» *реальных* личностей? Понятно, что такой признак может быть лишь один: *действия* этих личностей,— а так как речь идет только об общественных «помыслах и чувствах», то следует добавить еще: *общественные действия* личностей, т. е. *социальные факты*... социолог-материалист, делающий предметом своего изучения определенные общественные отношения людей, тем самым уже изучает и реальных *личностей*, из действий которых и слагаются эти отношения» [5]. Социолог-субъективист начинает якобы с «живых личностей», но изучает не их действительные помыслы и чувства, а те, которые считает «рациональными», т. е. вкладывает в них свои собственные представления, выражающие только точку зрения и интересы мещанства (английского торгаша, российского мелкобуржуазного демократа и утописта и т. п.). Методология субъективизма и материализма и здесь остается диаметрально противоположной: «...рассуждая о «личности», субъективисты определяли *содержание* этого понятия (т. е. «помыслы и чувства» этой личности, ее социальные действия) *a priori*, т. е. подсовывали свои утопии вместо «исследования социальной группы»» [6].

С чего бы ни начинала субъективистская идеалистическая социология — с предельно абстрактного (общество, прогресс) или с предельно конкретного (живая личность), ее основным методологическим оружием остаются априоризм и аксиоматика (выведение действительности из некоторых заранее данных «утопических» идеальных конструкций). «Общество вообще» и «личность вообще» представляют собой полюсы абстракций, в рамках которых бесплодно движется метафизическая субъективистская социология. Эти абстракции не могут явиться основанием изучения фактов, экспериментального освоения действительности.

Научный метод в социологии состоит в том, отмечал Ленин, что «общество рассматривается как живой, находящийся в постоянном развитии организм (а не как нечто механически сцепленное и допускающее поэтому всякие произвольные комбинации отдельных общественных элементов), для изучения которого необходим объективный анализ производственных отношений, образующих данную общественную формацию, исследование законов ее функционирования и развития» [7].

[5] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 423—424.
[6] Там же, стр. 435.
[7] Там же, стр. 165.

[3

ИЗДАНІЕ М. И. ВОДОВОЗОВОЙ.

ВЛАДИМІРЪ ИЛЬИНЪ.

РАЗВИТІЕ КАПИТАЛИЗМА

ВЪ РОССІИ.

Процессъ образованія внутренняго рынка для крупной промышленности.

Цѣна 2 р. 50 к.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.
Типо-литографія А. Лейферта, Бол. Морская 65.
1899

ОБЛОЖКА ПЕРВОГО ИЗДАНИЯ КНИГИ В. И. ЛЕНИНА «РАЗВИТИЕ КАПИТАЛИЗМА В РОССИИ». 1899 Г.

Законы функционирования общественно-экономических формаций (соотношение базиса и надстройки, общественного бытия и общественного сознания, экономики и политики, политики и идеологии и др.) — это главным образом законы взаимосвязи и взаимовлияния различных структур общества: экономической, социальной и политической.

Исторический материализм предполагает строгую субординацию этих структур и выяснение того, какая из них играет решающую роль в тех или иных конкретно-исторических условиях общественного процесса, оказывая решающее воздействие на все остальные социальные структуры. Ленин указывал, что социальная структура характеризуется изменениями, без уяснения которых нельзя сделать ни шагу в какой угодно области общественной деятельности. От уяснения этих изменений зависит вопрос о перспективах общественного развития, если, конечно, имеются в виду не пустые гадания насчет того, чего не ведает никто, а основные тенденции экономической и политической жизни — те тенденции, в соответствии с которыми должен строить свою деятельность общественный деятель, сознательно выступающий с позиций прогрессивного класса. Сочетая исторический и функциональный методы в исследовании конкретных социальных ситуаций, Ленин последовательно развенчивал и разбивал идеалистическую социологию народников, вульгарных экономистов, меньшевистских догматиков, героев «левой» фразы и научно определял направление и содержание политической линии Коммунистической партии в каждый конкретный исторический период.

В. И. Ленин понимает социологию как науку со сложной структурой. В этой структуре решающее значение имеют общая социологическая теория и метод. Для научной социологии единство общей теории и метода вытекает из сущности исторического материализма. Последовательный философский материализм трактует общественное движение как такое сложное взаимодействие, в котором материальное обусловливает идеальное, экономический строй — политическую и иные надстройки, как *закономерное* движение, в котором из одного уклада общественной жизни развивается другой, более высокий, как движение, *познаваемое*, подобно всем остальным формам движения материи. «Точно так же, как познание человека отражает независимо от него существующую природу, т. е. развивающуюся материю, так *общественное познание* человека (т. е. разные взгляды и учения философские, религиозные, политические и т. п.) отражает *экономический строй* общества» [8].

Каждая общественно-экономическая формация возникает и изменяется не случайно, не по произволу гениальных личностей, а в силу собственных объективных законов, спонтанного самодвижения, происходящего с силой естественного закона.

Подобно тому, как организмы животных и растений различаются между собой, так различаются и особые социальные организмы (экономические формации). «Каждая такая система производственных отно-

[8] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 44.

шений,— отмечает Ленин,— является, по теории Маркса, особым социальным организмом, имеющим особые законы своего зарождения, функционирования и перехода в высшую форму, превращения в другой социальный организм» [9].

Конкретное изучение особого социального организма требует целостного, системного подхода. Диалектика общего, особенного и единичного, целого и части, конкретного и абстрактного пронизывает все труды корифеев научного социализма, посвященные конкретному исследованию социальных явлений. Маркс в «Капитале» рассматривает капиталистическую формацию в динамике—с ее производственными отношениями, бытовыми сторонами, социальными антагонизмами, политической надстройкой, идеологией, семейными отношениями и т. п. В особом социальном организме — формации — взаимодействует несколько крупных подсистем — экономических, политических идеологических и др., регуляция которых в большинстве формаций осуществляется стихийно, со слепой силой и неотвратимостью закона природы. Возникавшие в ходе деятельности людей общественные отношения и материальные силы становились над ними и подчиняли их себе. Переход от стихийности к сознательному управлению социальным организмом требует революционного изменения всей социальной и политической структуры общества, объективного познания и предвидения социальных изменений и процессов. Тем самым научная социология становится одним из оснований революционного преобразования действительности.

Специфика социологии состоит в том, что она изучает социальные системы, явления и процессы с точки зрения их воздействия на развитие классовых, групповых и межличностных социальных связей, на формирование человека, его сознание и поведение, а также обратное влияние определенных систем этих социальных связей на экономическое и политическое развитие общества. Ядром, сердцевиной всей системы научной социологии, как, впрочем, и других общественных наук, являются законы и категории исторического материализма, что, конечно, не означает, что она может быть сведена к исследованию этих законов и категорий.

Структура научной социологии может быть, на наш взгляд, охарактеризована следующим образом:

1) общая социологическая теория — исторический материализм,— исследующая общие социальные законы: законы отношения, развития и смены общественно-экономических формаций;

2) теория социальной структуры общества, исследующая законы взаимодействия и функционирования различных социальных систем в рамках данной формации;

3) теория социальных систем, изучающая специфические закономерности функционирования отдельных сторон общественной жизни и социальных институтов (социология труда, социология семьи, социология искусства и т. д.);

[9] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 429.

4) эмпирическая социология — конкретные исследования социальных фактов и их научная систематизация.

При этом следует иметь в виду, что структура научной социологии характеризуется органической взаимосвязью всех ее элементов, не исключающей, разумеется, их специфики. Для нее, как уже сказано, в равной мере чужды как пустая абстракция схоластики, так и голый эмпиризм.

Социология, по мысли Ленина, изучает общественные действия людей, из которых складываются их отношения, т. е. социальные факты. Но она не сможет добиться успеха, если будет оперировать фактами как бессистемной грудой сырого материала или отдельными произвольно взятыми из этого материала данными. «В области явлений общественных,— писал Ленин,— нет приема более распространенного и более несостоятельного, как выхватывание *отдельных* фактиков, игра в примеры... Факты, если взять их в их *целом*, в их *связи*, не только «упрямая», но и безусловно доказательная вещь. Фактики, если они берутся вне целого, вне связи, если они отрывочны и произвольны, являются именно только игрушкой или кое-чем еще похуже» [10].

Работа с социальной информацией требует ее анализа по определенной научно обоснованной системе. Отсюда вытекает вполне закономерный интерес Ленина к статистике, фиксирующей определенные мировые или национальные процессы. В своем анализе русского капитализма, аграрного вопроса в России и в других странах Ленин показал себя мастером статистической обработки материала. После Великой Октябрьской социалистической революции он продолжал широко пользоваться статистикой как могучим орудием социального познания.

Глубокий социальный анализ первой всероссийской переписи населения дан Лениным во втором издании «Развития капитализма в России» (гл. VII). По его же инициативе была проведена перепись населения в 1920 г., а ее результаты легли в основу одной из последних ленинских работ — «Странички из дневника». Подчеркивая значение этой проблемы, Ленин писал: «Социальная статистика вообще, экономическая статистика в частности, сделала громадные успехи в течение двух-трех последних десятилетий. Целый ряд вопросов и притом самых коренных вопросов, касающихся экономического строя современных государств и его развития, которые решались прежде на основании общих соображений и примерных данных, не может быть разрабатываем сколько-нибудь серьезно в настоящее время без учета массовых данных, собранных относительно всей территории известной страны по одной определенной программе и сведенных вместе специалистами-статистиками» [11].

Конкретные социальные исследования основываются на статистических методах. При этом совершенно не обязательно, чтобы они охватывали весь массив объектов исследования. Конкретное исследование может строиться на основе выборки, но при этом обязательно,

[10] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 350.
[11] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 19, стр. 323.

чтобы модель выборки совпала в основных своих показателях с моделью генеральной совокупности.

Принцип репрезентации (выборка «малого» из «большого») действует на основании закона больших чисел и является объективным, достаточно надежным, многократно проверенным в статистике и социологии. Выборка как раз и направлена на то, чтобы устранить опасность произвольного, тенденциозного подбора фактов, приводящего к опасному «смещению» и искажению объективного положения вещей. Выборочные опросы и наблюдения прочно вошли в арсенал современной социологии именно потому, что благодаря им у науки создается фундамент из точных и бесспорных фактов. Это и есть одна из форм реализации важнейшего методологического принципа, сформулированного Лениным: «...надо попытаться установить такой фундамент из точных и бесспорных фактов, на который можно бы было опираться, с которым можно было бы сопоставлять любое из тех «общих» или «примерных» рассуждений, которыми так безмерно злоупотребляют в некоторых странах в наши дни. Чтобы это был действительно фундамент, необходимо брать не отдельные факты, а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов, *без единого* исключения...» [12]

Характерны и следующие ленинские слова: «Статистика была в капиталистическом обществе предметом исключительного ведения «казенных людей» или узких специалистов,— мы должны понести ее в массы, популяризировать ее, чтобы трудящиеся постепенно учились сами понимать и видеть, как и сколько надо работать, как и сколько можно отдыхать,— чтобы *сравнение деловых итогов* хозяйства отдельных коммун стало предметом общего интереса и изучения, чтобы выдающиеся коммуны вознаграждались немедленно...» [13]

Социологическую науку подстерегает опасность увлечения «фактологией». Изучение «упрямых» фактов необходимо, но нелепо надеяться, что сами факты «подскажут» или «родят» теорию. Соотношение эмпирического и теоретического познания не столь схематично и просто, как это кажется представителям грубого эмпиризма в социологии, пытающимся приспособить собранные эмпирические факты к общим законам, минуя посредствующие звенья, многоступенчатые переходы от конкретного к абстрактному. Маркс в грубом эмпиризме видел обратную сторону догматизма и схоластики, когда говорил: «Грубый эмпиризм превращается в ложную метафизику, в схоластику, которая делает мучительные усилия, чтобы вывести неопровержимые эмпирические явления непосредственно, путем простой формальной абстракции, из общего закона или же чтобы хитроумно подогнать их под этот закон» [14].

Эмпиризм игнорирует исключительное значение теоретического мышления в процессе социального познания, роль научных абстракций, которые включают в себя все богатство конкретного.

[12] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 350—351.
[13] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 192.
[14] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 26, ч. I, стр. 64.

Вопросы о соотношении эмпирического и теоретического познания, соотношении общих и частных методов исследования связаны с пониманием общефилософских методологических основ социологии — материалистической диалектики. Опыт многих буржуазных эмпирических исследований показывает, что, как бы ни была совершенна их методика, они оказываются безрезультатными и бесплодными, не имеют серьезного научного значения именно в силу пренебрежения общей теорией социального развития. Тесная связь с жизнью, неразрывное единство теоретических и конкретных социологических исследований, теории и метода — такова одна из важнейших отличительных черт марксистско-ленинской социологии.

Чтобы направлять развитие конкретных процессов жизни общества, недостаточно знать лишь основные закономерности его развития. Только знание общих закономерностей и конкретных форм их проявления дает возможность научного воздействия на развитие общества. Это знание достигается посредством проведения в самых различных областях социальной жизни конкретных социальных, в том числе и социологических, исследований совместными усилиями практиков, социологов и работников смежных отраслей общественной науки.

Основные моменты процесса конкретно-социологического исследования содержат:

1) выявление и социологический анализ факторов, определяющих формирование данных социальных отношений в конкретных условиях труда и быта, т. е. в сфере производственной и непроизводственной жизнедеятельности человека; при этом широко применяются различные статистические методы, а также методы наблюдения и т. п.;

2) установление конкретной закономерной связи между этими факторами и сознанием людей и, соответственно, их социальным поведением; в данном случае при помощи анкет и опросов выясняются вопросы, связанные с сознанием интересующих нас групп людей и их социальными отношениями;

3) статистический и социологический анализ этих связей; соразмерность полученных результатов с целями общества, обусловленными развитием социальной жизни; выявление условий и фактов, мешающих становлению новых общественных отношений и гармоническому развитию целостной личности; соответственные практические рекомендации по изменению этих условий и факторов;

4) исследование конкретного механизма, определяющего функционирование данного социального явления; такое исследование должно приводить к новым теоретическим выводам и обобщениям, способствующим развитию общей социологической теории, с одной стороны, и разработке конкретных практических мероприятий, реализация которых позволит сознательно регулировать развитие тех или иных социальных процессов в направлении, определяемом объективным развитием общества,— с другой.

В действенности этого сознательного регулирования социальной жизни и заключается вторая особенность и отличительная черта марксистско-ленинской социологии.

Цель советского общества — непрерывное поступательное движение к коммунизму в соответствии с объективными закономерностями социального развития. В этом смысле социология является не только наукой об управлении социальными процессами и явлениями, но и наукой о планировании социальных изменений. Разработка научных основ планирования социальных изменений — третья особенность и отличительная черта марксистской социологии.

Коммунистическое строительство в нашей стране характеризуется постоянным усложнением системы социальных связей, неуклонным повышением научного уровня организации общественной жизни. В связи с этим на передний план выдвигается задача дальнейшей разработки и совершенствования методов руководства развитием общества, таких методов, которые обеспечили бы максимальную реализацию внутренних возможностей и преимуществ социалистического строя.

Еще Энгельс в свое время писал: «Лишь сознательная организация общественного производства с планомерным производством и планомерным распределением может поднять людей над прочими животными в общественном отношении точно так же, как их в специфически биологическом отношении подняло производство вообще» [15].

Централизованное плановое руководство производством является, как отмечал Ленин, одним из решающих преимуществ социализма. Однако методы этого руководства не могут не меняться, поскольку сам объект планирования подвергается существенным изменениям. Современная общественная жизнь, развивающаяся в условиях срастания производства, науки и различных социальных элементов в единый общественный комплекс, представляет собой сложное динамическое, дифференцированное целое, имеющее системный, вероятностный характер. Из всего этого следуют важность и актуальность разработки научных основ руководства развитием экономики, науки и техники в их взаимодействии со всеми остальными социальными процессами. Совершенно очевидно, что здесь недостаточен лишь общетеоретический, «глобальный» подход к явлениям общественной жизни, который детально не раскрывает тонкого и сложного механизма функционирования социальных систем различного уровня, их иерархию, каналы связи между ними и т. д. Разумеется, проводимое экономической наукой изучение существующих в обществе экономических отношений составляет важнейший и необходимый аспект анализа всей общественной структуры в целом. Однако чем шире проводятся экономические исследования, чем конкретнее и точнее они становятся, тем яснее обнаруживается необходимость их дальнейшего развертывания с целью охвата всей сложной системы социальных отношений, взаимосвязь которых и образует жизнь современного общества. В эту систему входят не только экономические, но и другие общественные отношения и связи, не только объективные, но и субъективные процессы и явления.

В обществе как сложной органичной системе связей не существует простой функциональной зависимости между ее составляющими (эко-

[15] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 20, стр. 359.

номикой, социальными отношениями, политикой, наукой, правом, различными формами идеологии и т. п.). Эти составляющие взаимно обусловливают друг друга, так что зависимость между ними выступает не в виде линейного причинного ряда (где каждое следствие является пассивным результатом причины), а в сфере своеобразного замкнутого «круга», внутри которого каждый элемент связи является условием другого и в то же время обусловлен им.

Весь этот сложный механизм социального взаимодействия, по выражению Энгельса, «бесконечного количества перекрещивающихся сил», объединенных в определенные группы, коллективы и т. п., является объектом изучения социологической науки и в качестве такового — объектом тщательного социального планирования. В текущих и перспективных планах развития СССР уделяется большее внимание планированию социальных отношений. Такое планирование осуществляется на основе учета структурно-функциональных зависимостей всей системы социальных сил. Уровень развития современной науки позволяет с известной степенью точности учесть действия этих сил и дать им количественные характеристики. Оставляя без внимания весь этот механизм, полагаясь на то, что изменения в экономике почти автоматически влекут за собой нужные нам преобразования социальных отношений и сознания людей, мы не выходим за пределы «экономического детерминизма», несостоятельность которого была блестяще раскрыта Лениным.

С вопросами планирования социальных отношений тесно связаны и проблемы социального прогнозирования. Если говорить вообще о соотношении планирования и прогнозирования, то последнее — начальная ступень планирования. Планирование строится на основе качественного и количественного анализа существующих тенденций. Искусство любого планирования, в том числе и планирования социальных отношений, заключается в том, чтобы, не отрываясь от объективных законов развития тех или иных явлений, суметь вместе с тем направить их развитие в соответствии с поставленной целью.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что марксистская теория ставит вопросы не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению.

Известно, что Ленин, анализируя сущность империализма и господствующие в данную эпоху тенденции общественного развития, научно обосновал вывод о том, что империализм является «умирающим капитализмом» и, следовательно, кануном социалистической революции. На основании этого прогноза Ленин в своих многочисленных трудах разработал план грядущей пролетарской революции.

Разрабатывая принципы научного предвидения, Маркс, Энгельс и Ленин вели борьбу не только против утопизма с его надуманным детальным «конструированием» будущего общества, но и против агностицизма в отношении к проблемам будущего ряда буржуазных ученых, пытавшихся доказать якобы принципиальную невозможность научного прогноза социальных процессов. Маркс, Энгельс

и Ленин боролись также против позитивизма с его эмпирическим подходом к проблемам будущего, с его отрицанием возможности научного предвидения качественных изменений в дальнейшем развитии общества.

В настоящее время марксистские исследования в области социального прогнозирования прямо продолжают ленинские традиции. Новый подъем этих исследований связан с новым этапом общего кризиса капитализма, с превращением социализма в мировую систему, с современной научно-технической революцией и ее социальными последствиями. Вопрос о путях развития общества в будущем приобретает ныне чрезвычайно актуальный, остро политический характер, а стремительный рост науки и техники требует развернутых концепций перспектив дальнейшего развития социальных отношений.

Партия и правительство неустанно развивают ленинские традиции в области конкретных исследований по проблемам социального прогнозирования для повышения научного обоснования наших народнохозяйственных планов. В принятом осенью 1968 г. постановлении ЦК КПСС и Совета Министров СССР «О мероприятиях по повышению эффективности работы научных организаций и ускорению использования в народном хозяйстве достижений науки и техники» специально подчеркивается необходимость того, чтобы «по важнейшим проблемам развития народного хозяйства впредь разрабатывались научно-технические прогнозы на длительный период (на 10—15 и более лет)».

Живым примером развития ленинских традиций в области конкретных социальных исследований, связанных с теорией и практикой социалистического строительства, является разрабатываемая партией проблема кооперирования сельскохозяйственных и промышленных предприятий, проблема постепенного (в меру экономической целесообразности) возникновения аграрно-промышленных объединений, в которых сельское хозяйство органически сочетается с промышленной переработкой его продукции при рациональной специализации и кооперировании сельскохозяйственных и промышленных предприятий. Характеризуя значение этой проблемы, тов. Л. И. Брежнев на III Всесоюзном съезде колхозников говорил: «Аграрно-промышленные объединения, безусловно, имеют большое будущее. Это не только организационно новая форма, но и важное социально-экономическое явление» [16].

В нашей стране научно-техническое прогнозирование включает в себя также и прогнозирование социальных аспектов науки и таких отраслей, как энергетика, материально-сырьевая база, промышленность, сельское хозяйство, строительство, транспорт, связь и их различных подразделений. Разумеется, здесь речь должна идти не о попытках предвидеть принципиально непредвидимые научно-технические открытия (в противном случае они таковыми бы не являлись), а об исследовании различных вариантов перспектив развития науки и техники, что позволяет повысить эффективность стратегии научного поиска и соответствующих материальных затрат.

[16] «Правда», 26 ноября 1969 г.

Наряду с этим развиваются также и социологические исследования, включающие в себя различные аспекты демографического прогнозирования (перспективы роста народонаселения, его миграции, изменения структуры и т. п.); прогнозирования этнического характера (перспективы развития наций, языка, письменности, обычаев и т. п.); прогнозирования антропологического характера (физический, морально-психический облик человека будущего и т. п.); прогнозирования в области социальной структуры общества, социальных аспектов градостроительства, системы здравоохранения, народного образования, культуры, искусства, морали, права и многих других направлений.

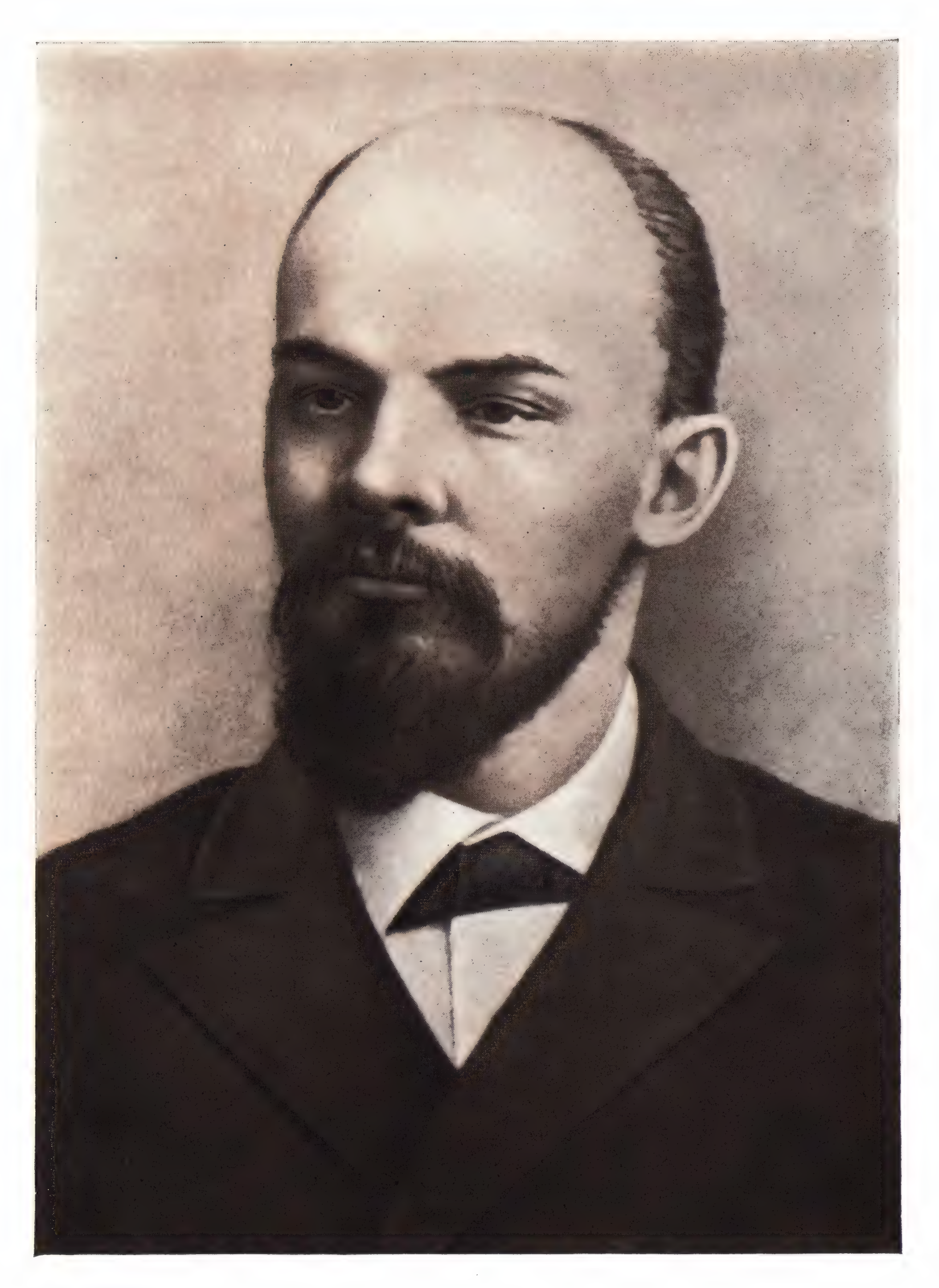
Во всех перечисленных аспектах быстро разрабатывается методика прогнозирования: и в экстраполяциях на базе различных методик анкетирования, включая опрос экспертов, и в экстраполяциях на базе методики моделирования (многовариантные иерархии прогностических моделей, привязанных к определенной дате), и в усложненных статистико-математических приемах экстраполирования, позволяющих избегать недочетов прямой экстраполяции, и в экстраполяциях на основе аналогии и т. д. Разрабатываются также методики прогнозирования на базе анализа массивов патентной информации.

В последние годы начинают все более широко применяться математические методы в области социального прогнозирования (теории вероятности, пределов, игр и т. п.). Дальнейшее развитие их позволит, поднять уровень прогнозирования на еще более высокую ступень.

Проблемы будущего были и остаются полем идейной борьбы между двумя мировыми системами — социализмом и капитализмом. Буржуазным социальным прогнозам может и должна противостоять развитая марксистская прогностика, опирающаяся на общеметодологические основы научного предвидения будущего, разработанные Марксом, Энгельсом и Лениным.

Создание в СССР материально-технической базы коммунизма непосредственно связывается с сознательным формированием социальных отношений и гармонической, целостной личности. Функция социологии в данном случае заключается в том, чтобы установить, в какой степени те или иные материальные и духовные формы отражают требования объективных законов развития общества, в какой степени эти формы способствуют формированию коммунистических отношений и целостной личности, содействуют новому, еще более высокому подъему культурного уровня масс.

В. И. Ленин рассматривал развитие экономических и культурных основ социализма как две стороны единого процесса. Его знаменитая формула, что «коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны», подразумевала, конечно, под электрификацией не просто высокий современный уровень техники и труда, но и *всю сумму* знаний, культурных навыков, дисциплины, организации, точности, компетентности, которая стоит за этим уровнем и которая, будучи слита с советскими политическими условиями и целями, приведет к установлению новых человеческих отношений, к развитию социалистического самовоспитания.

В. И. ЛЕНИН
С.-Петербург, 1897 г.

Строить новое общество без общих и специальных знаний нельзя, потому что это строительство возможно лишь на плановой основе, противостоящей мелкобуржуазной стихии одиночного, разрозненного хозяйствования, т. е. на основе науки, научного общественного предвидения и расчета; нельзя потому, что это строительство требует сознательности широких масс трудящихся, а такая сознательность вырабатывается не только жизненным опытом, но и знанием.

Чем сложнее общественная задача, тем выше должны быть уровень ее понимания трудящимися, *самостоятельность их мышления*, приобретаемая, разумеется, лишь в результате творческой учебы. Вот почему Ленин, обращаясь к молодежи, настаивал на систематическом овладении знаниями, культурой, но предупреждал об опасности зубрежки и принятия на веру любых книжных фраз, в том числе и о коммунизме. Наконец, новое общество, указывал Ленин,— такой социальный организм, который предъявляет особые требования к *культуре управления*, ибо это управление опирается на почин и самодеятельность всего народа, на революционный социалистический демократизм.

В. И. Ленин утверждал, что знание, культура, повседневные просветительские усилия в условиях капитализма сами по себе не могут привести к социальному преобразованию. Но если власть в наших руках, если мы Россию завоевали и убедили, то центр тяжести переносится на культуру, на «умение управлять», на «умение торговать», на то, чтобы «учиться работать». В этом суть очередных задач Советской власти, указывал Ленин. «Мы превосходно знаем,— писал он,— что значит культурная неразвитость России, что делает она с Советской властью, в принципе давшей неизмеримо более высокую пролетарскую демократию, давшей образец этой демократии для всего мира,— как эта некультурность принижает Советскую власть и воссоздает бюрократию» [17].

В успехах современного естествознания, точных и технических наук некоторые недальновидные люди усматривают признак того, что гуманитарные науки отодвигаются на второй план. Дело обстоит как раз наоборот. Ничто так не способствует повышению роли общественных наук, как научная революция, как современный технический прогресс. Этот прогресс вызвал и вызывает к жизни такие материальные силы, так перестраивает структуру общества и поведение индивидов, так усложняет задачи управления и координации, что в итоге решающим оказывается вопрос, насколько общество в состоянии регулировать свое развитие, насколько общественная организация готова к разумному использованию завоеваний науки, которые могут принести каждому народу и каждой личности счастье, а не новые страдания. Это значит, что центральная проблема научно-технической революции во всемирно-историческом масштабе заключается в *социальных* последствиях этой революции.

Острая потребность в анализе социальных процессов все шире осознается и в буржуазном мире. В последние годы в США и многих

[17] *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 165.

западноевропейских странах резко выросли ассигнования и кадры в области общественных наук: социологии, психологии, демографии, политэкономии, социальной антропологии и т. п. Во всеуслышание признается важность этих наук для выработки инструментов политики. Специалисты накопили и непрерывно расширяют интереснейший исследовательский материал. Однако сложность исследования явлений общественной жизни заключается в том, что исследователь-гуманитарий в отличие от естествоиспытателя находится не вне исследуемого объекта, а внутри него. Это определяет идеологическую позицию исследователя-гуманиста, а следовательно, и направление его мысли, приводящее в классово-антагонистическом обществе зачастую не к установлению истины, а к ее искажению. Поэтому даже самая объективная научная информация не может привести там к эффективным результатам, ибо она не имеет подлинной социальной перспективы.

В принципиально ином положении находится общественно-научная мысль в странах социализма, где сам исторический процесс превращается из простого объекта этой мысли в ее закономерную реализацию.

Советская общественная наука в целом и социология в частности находятся на передовом рубеже борьбы за новый мир. Ее важнейший долг, о котором постоянно напоминает нам партия,— способствовать эффективному использованию преимуществ социализма. От выполнения этого долга зависит не только внутренний рост советского общества, но и рост его притягательной силы, интернационального воздействия на человечество наших идей, нашего опыта, нашей культуры. Нельзя переоценить значение этого опыта и с точки зрения современного этапа борьбы, и с точки зрения процесса интернационализации культуры в целом.

Максимальное совершенствование существующих социальных форм, формирование коммунистических отношений и гармонично развитой личности — кардинальная задача, в решении которой активно участвует марксистская социология. Именно в этом и заключается ее подлинный гуманизм.

Исключительное значение приобретает ныне и проблема изучения общественного мнения, которая чрезвычайно актуальна и важна, особенно для нашего общества — в условиях широкого развития советской демократии, повышения роли общественности в деле управления социальными процессами. И здесь Ленин оставил нам ряд принципиально важных указаний. Он неоднократно подчеркивал, что социализм могут ввести десятки миллионов, когда они научатся это делать сами... для нас важно привлечение к управлению государством поголовно всех трудящихся»[18]. Поскольку же общественная собственность предполагает и общественное управление производством, функции управления должны исполняться всеми членами общества, переставая быть особыми функциями особого слоя людей [19].

[18] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 53.
[19] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 50.

Привлечение миллионных масс трудящихся к активной исторической деятельности становится необходимым и в силу особенностей строительства новой социальной системы: речь идет о движении по неизведанным путям исторического развития, открывающим невиданные прежде возможности для творческой самостоятельности и инициативы. Поднимая народные массы к активной творческой деятельности, коммунизм уже на первой стадии своего развития стремится создать соответствующие формы, в которых может находить свое выражение и функционировать народное общественное мнение.

Социализм предполагает не только использование представительной демократии, но и создание принципиально новых форм вовлечения народа в управление.

Сегодня этот процесс развивается по крайней мере в трех направлениях: 1) участие масс в обсуждении и решении вопросов, выдвигаемых государственными, хозяйственными и партийными органами, как в масштабе всей страны, так и в местном масштабе; 2) повышение роли общественных организаций; 3) появление представительных органов народной самодеятельности и т. п. Наряду с этим в условиях социализма огромную роль играют те формы и каналы, через которые осуществляется выражение мнения широкими массами народа. Это прежде всего митинги, манифестации, демонстрации, общие собрания и, наконец, средства массовой коммуникации.

По всем этим каналам активно и весьма целенаправленно, продуманно и планомерно идет процесс развития прямого участия общественности в законодательной и исполнительной деятельности, тем самым приближая к осуществлению ленинскую мечту о том, чтобы впервые в истории масса населения поднялась до «*самостоятельного* участия не только в голосованиях и выборах, *но и в повседневном управлении*» [20].

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что «государство сильно сознательностью масс. Оно сильно тогда, когда массы все знают, обо всем могут судить и идут на все сознательно» [21]. Демократический принцип организации «значит, что каждый представитель массы, каждый гражданин должен быть поставлен в такие условия, чтобы он мог участвовать и в обсуждении законов государства, и в выборе своих представителей, и в проведении государственных законов в жизнь» [22].

В то же время изучение общественного мнения есть непременное условие правильного функционирования и постоянного совершенствования механизма власти. «В народной массе мы все же капля в море,— говорил на XI съезде партии Ленин,— и мы можем управлять только тогда, когда правильно выражаем то, что народ сознает. Без этого коммунистическая партия не будет вести пролетариата, а пролетариат не будет вести за собою масс, и вся машина развалится» [23]. И это ленинское

[20] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 33, стр. 116.
[21] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 21.
[22] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 157.
[23] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 112.

положение относится не только к механизму власти в целом, к ее экономическим, политическим, идеологическим аспектам, но и ко всей системе социальных отношений, которая может правильно регулироваться лишь при учете общественного мнения. Формулируя принципиальное отношение партии к этому вопросу, Ленин писал: «...жить в гуще рабочей жизни, знать ее вдоль и поперек, уметь безошибочно определить по любому вопросу, в любой момент настроения массы, ее действительные потребности, стремления, мысли, уметь определить, без тени фальшивой идеализации, степень ее сознательности и силу влияния тех или иных предрассудков и пережитков старины, уметь завоевать себе безграничное доверие массы товарищеским отношением к ней, заботливым удовлетворением ее нужд» [24].

Известно, что Ленин внимательнейшим образом относился к письмам, жалобам трудящихся, статьям и материалам, помещаемым в социалистической прессе, которую он считал важнейшим аккумулятором и выразителем общественного мнения масс. Он опирался на мнение масс при определении коренных вопросов политики партии и государства.

Используя ленинское наследие, советские социологи глубоко изучают природу, формы выражения и функционирования общественного мнения, играющего существенную и притом непрерывно возрастающую роль в общем процессе преобразования политической и экономической организации общества, в ходе коммунистического строительства.

Современный мир разделен на две системы — социалистическую и капиталистическую, между которыми идет острая идеологическая борьба. В этой схватке идей принимает активное участие и советская социологическая наука, стремящаяся и в данном отношении следовать замечательным ленинским традициям.

В. И. Ленин не раз подчеркивал, что борьба с враждебной нам идеологией не должна сводиться к голому отрицанию всего того, что выходит из-под пера буржуазных ученых: в области фактических специальных исследований буржуазные социологи могут давать порой ценные работы. И этот их опыт необходимо учитывать.

Что касается буржуазных общесоциологических теорий, то все они представляют собой ту или иную разновидность идеализма, субъективизма. Ленин подчеркивал, что «*ни единому* профессору политической экономии, способному давать самые ценные работы в области фактических, специальных исследований, нельзя верить *ни в одном слове,* раз речь заходит об общей теории политической экономии. Ибо эта последняя — такая же *партийная* наука в современном обществе, как и *гносеология.* В общем и целом профессора-экономисты не что иное, как ученые приказчики класса капиталистов...» [25]

[24] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 348.
[25] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 363—364.

Ленинские традиции борьбы с буржуазной социологией состоят, таким образом, в том, чтобы, с одной стороны, не отбрасывать с порога, а, напротив, перерабатывать все ценное, что дают специальные исследования, проводящиеся в капиталистических странах, с другой — решительно разоблачать их общеметодологические концепции, базирующиеся на признании «вечности» капиталистического строя.

При этом критика буржуазных социологических теорий, представляющих собой попытку дать объяснение тем или иным процессам, характерным для современности, должна сопровождаться позитивной разработкой данных проблем социологии с позиций марксизма-ленинизма. Только такой подход позволит воочию продемонстрировать громаднейшие преимущества марксистского метода анализа общества, которым вооружена советская социологическая наука. Только на этом пути мы сможем одержать над буржуазной социологией реальную, эффективную победу.

Ленинизм является единственным наследником тех ценностей, которые были созданы прогрессивной общественной мыслью человечества на протяжении столетий. В наши дни он выступает как носитель творческого, прогрессивного начала в науке об обществе, как учение, которое, опираясь на научный фундамент, возведенный основоположниками марксизма, продолжает развивать дальше их наследие. Широкий фронт исторических, экономических, социологических и других социальных исследований, развертывающихся в нашей стране на базе глубоких теоретических положений марксистской политической экономии, научного коммунизма, диалектического и исторического материализма,— еще одно свидетельство жизненной силы марксистско-ленинского учения.

Т. С. ХАЧАТУРОВ
академик

МЕТОДЫ СОЦИАЛИСТИЧЕСКОГО ХОЗЯЙСТВОВАНИЯ В СВЕТЕ ЛЕНИНСКИХ ИДЕЙ

Экономические реформы, проводимые в настоящее время в СССР и в других социалистических странах, направлены на совершенствование механизма управления народным хозяйством. В основе этих реформ лежат ленинские идеи хозяйствования при социализме. Механизм социалистического хозяйствования складывался постепенно после перехода власти в руки трудящихся, по мере овладения ими нитями управления экономикой. Развитие экономики социализма отличается от развития экономики всех предшествовавших социально-экономических формаций тем, что оно сознательно направляется обществом, его представителем —государством — по пути строительства социализма и коммунизма. Ленин не раз высказывал мысль, что в книгах не написано о том, как надо строить экономику социализма. Требовалось создать, разработать новые методы хозяйствования, присущие социализму.

Методы хозяйствования определяются производственными отношениями и изменяются в каждой общественно-экономической формации. Принципы ведения хозяйства при социализме иные, чем при капитализме. В капиталистических условиях противоречия между общественным характером производства и частной формой присвоения имеют следствием растрату производительных сил, торможение их развития. Хозяйство ведется в интересах каждого данного собственника средств

производства, будь то монополия или отдельный предприниматель, и характеризуется усилением эксплуатации наемного труда, безработицей, милитаризацией экономики. При социализме общественная собственность на средства производства является предпосылкой народнохозяйственного планирования, оптимального использования средств, которыми располагает общество. Тем самым создаются условия рационального ведения хозяйства в интересах всего общества, осуществления в этих целях принципа наибольших результатов, получаемых от затрат общественного труда. В Программе КПСС записано, что это — непреложный закон хозяйственного строительства.

Но и при социалистической системе методы хозяйствования не остаются неизменными, они совершенствуются. Системы управления народным хозяйством приводятся в соответствие с достигнутым уровнем развития производительных сил, тенденциями научно-технического прогресса, особенностями данного этапа социалистического строительства. Этим определяются и различия в проведении экономических реформ в отдельных социалистических странах, обусловленные уровнем экономического развития этих стран и его спецификой.

Разработка методов хозяйствования и их совершенствование — важная задача экономической науки и обобщения практики. Политическая экономия социализма, выявляющая и изучающая характер экономических законов и механизм их взаимодействия, освещает путь практике, определяет конкретные методы ведения социалистического хозяйства. Громадное значение для создания и развития политической экономии социализма имело то, что у ее истоков стоял Ленин. Его идеями руководствуются марксистско-ленинские партии, экономисты социалистических стран в разработке теории и практики социалистического хозяйствования.

Основа социалистического хозяйствования — общественная собственность на средства производства. Марксистско-ленинская теория учит, что социалистическая общественная собственность на средства производства является решающим признаком социалистического способа производства. Только при социалистической собственности возможно развитие производства в интересах всего общества, а значит, и реализация принципа достижения максимума результатов при данных затратах.

В. И. Ленин еще в своих дооктябрьских работах выдвинул идею обобществления средств производства путем национализации земли, банков и крупной промышленности, установления рабочего контроля над производством и распределением продуктов, монополии внешней торговли, введения всеобщей трудовой повинности. Это стало осуществляться с первых же дней Великой Октябрьской социалистической революции.

Уже на II съезде Советов был принят Декрет о земле, ликвидировавший помещичье землевладение. В декабре 1917 г. была проведена национализация банков, в течение первых двух месяцев после Октября и в первой половине 1918 г. повсеместно установлен рабочий контроль и осуществлена национализация промышленности. В течение всего

последующего развития социалистической экономики на протяжении более полувека происходило укрепление государственной социалистической собственности как всенародного достояния, и в настоящее время она является основой народного хозяйства СССР, основой системы управления экономикой.

В. И. Ленин подчеркивал, что национализация есть лишь первый шаг к утверждению социалистической собственности, к «обобществлению на деле». Этот процесс охватывает развитие нового типа производственных отношений — товарищеского сотрудничества и социалистической взаимопомощи, установление учета и контроля общества за мерой труда и мерой потребления, укрепление социалистической дисциплины труда, наконец, всемерное повышение производительности труда как самого главного, самого важного для победы нового общественного строя. Принципы «обобществления на деле» внедрялись и развивались таким образом, чтобы подчинить развитие производства интересам и потребностям социалистического общества, задачам повышения благосостояния и культурного уровня народа, совершенствованию социалистических производственных отношений.

Укрепление государственной социалистической собственности и проведение в жизнь ленинской идеи «обобществления на деле» все более повышало новую экономическую роль государства наряду с его административной функцией. В Программе РКП(б), выработанной комиссией под председательством Ленина, говорится, что «государственная власть перестает быть паразитическим аппаратом, стоящим над производственным процессом; она начинает превращаться в организацию, непосредственно выполняющую функцию управления экономикой страны...» [1] Государство принимает на себя задачу согласования экономических интересов различных групп трудящихся, рабочих, крестьян и интеллигенции, составления народнохозяйственных планов и контроля за их исполнением, руководства развитием науки и обеспечения технического прогресса в стране. Государство назначает и сменяет хозяйственные кадры, ведает вопросами ценообразования, заработной платы, капитальных вложений, размещения производства и т. д.

Сочетание экономической и административной функций государства имеет громадное принципиальное значение. Ленин указывал, что «политика есть концентрированное выражение экономики, ее завершение», исходя из марксистского понимания экономики как базиса и политики, как надстройки. Это предопределяет необходимость считаться с экономическими законами развития общества, с объективно складывающейся системой производственных отношений.

Вместе с тем Ленин подчеркивал необходимость активных действий в строительстве нового общества; он выступал против пассивности, самотека, призывал массы, прежде всего рабочий класс, во главе с Коммунистической партией стремиться к поставленной цели и принимать каждое решение с учетом политических задач строительства социалистического общества, стоящих перед рабочим классом, перед партией.

[1] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 442.

В этом смысле Ленин неоднократно говорил о первенстве политики перед экономикой.

И здесь нет никакого противоречия со сказанным выше. В руководстве развитием экономики надо исходить из политических целей, политических задач. Только в этом случае получит правильную оценку каждое экономическое мероприятие, намеченное к осуществлению, и будут отобраны те из них, которые направлены к скорейшему построению коммунизма.

Руководствуясь принципом примата политики над экономикой, трудящиеся России во главе с большевистской партией совершили пролетарскую революцию в 1917 г., взяли в руки государственную власть, разрушили буржуазно-политический строй и стали создавать строй социалистический. Исходя из этого принципа, была осуществлена и политика индустриализации страны и коллективизации сельского хозяйства. В настоящее время необходимо активно влиять на экономику, ускорять ее развитие, сосредоточивать силы на решении новых вопросов с целью скорейшего построения коммунизма.

Экономические законы объективны,но от людей зависит, как их лучше использовать, как сочетать их действие, направлять экономическую политику, чтобы получить наиболее эффективные результаты. Нет сомнения, что волюнтаризм при проведении экономической политики, нежелание считаться с экономическими законами вредны и опасны. Но бороться с волюнтаризмом не значит полностью отрицать роль волевого фактора в развитии социалистического общества. Уже одно то, что общество после социальной революции ставит перед собой цель построить социализм, а потом коммунизм, показывает, что эта цель является выражением чаяний, воли народа. Верно, что эта цель объективна, что общественное развитие закономерно направлено к построению социалистического и коммунистического общества, но если цель поставлена и общество сознательно к ней стремится, оно сделает все от него зависящее, чтобы сократить путь, ведущий к этой цели, сократить время, требующееся для решения этой задачи.

Таким образом, соотношение политики и экономики должно быть таково, чтобы, с одной стороны, учитывать объективные законы общественного развития, а с другой — направлять это развитие так, чтобы скорее и эффективнее достичь поставленной цели.

С ленинским принципом примата политики над экономикой не имеет ничего общего «идея» о «командующей силе» политики по отношению к экономике. Эта политика в современном Китае направлена как раз на то, чтобы обосновать попытки «построить коммунизм» при низком уровне развития производства. Марксизм-ленинизм учит и практика общественного развития подтверждает, что политика только тогда реальна и успешна, когда она правильно учитывает объективные экономические законы, конкретные условия развития и своевременно их использует.

Экономическая роль государства тем более эффективна, чем более экономические методы хозяйственного руководства правильно сочетаются с административными методами и с мерами убеждения, направ-

ленными на обеспечение интересов общества, на сохранение и укрепление социалистической собственности, на выполнение планов. Сочетание экономических и административных методов и функций государства создает большие преимущества в развитии социалистической экономики. Современное производство невозможно без централизации управления им. Даже в капиталистических условиях государственное регулирование экономики приобретает в настоящее время все большее значение. В частности, велика роль государства в стимулировании развития науки и техники, в подготовке кадров, что является особенно важным фактором ускорения научно-технического прогресса и общего повышения темпов развития экономики.

В. И. Ленин со всей прозорливостью видел объективную необходимость всемерного укрепления и развития экономической функции социалистического государства. Он решительно возражал против идей децентрализации управления производством, которые неоднократно высказывались в первые годы Советской власти, например предложение так называемой рабочей оппозиции передать управление промышленностью профсоюзам и т. д. Ленин утверждал, что коммунизм требует и предполагает централизацию управления производством. При наличии централизованной крупной промышленности именно единоначалие больше всего «обеспечивает наилучшее использование человеческих способностей и реальную, а не словесную проверку работы» [2]. Отрицание централизации управления, по мнению Ленина,— не коммунизм, а анархо-синдикализм [3]. Вместе с тем централизация управления промышленностью должна умело сочетаться с управлением через местные органы, с инициативой масс [4].

В основе управления социалистическим производством лежит ленинский принцип демократического централизма. Этот принцип предусматривает, с одной стороны, что основные средства производства находятся в руках государства, которое централизованно управляет ими, планирует их развитие, обеспечивает их современную организацию, концентрацию производства, специализацию и кооперирование, технический прогресс, рациональное размещение; с другой стороны, демократический централизм предполагает широкое участие работников предприятий, их коллективов, местных органов в управлении производством. Это обеспечивает всестороннее проявление инициативы масс, использование внутренних ресурсов производства.

Последовательное проведение в жизнь принципа демократического централизма — одна из важных основ современной экономической реформы, предусматривающей совершенствование централизованного планирования и недопущение мелочной опеки со стороны центра, а также развитие хозяйственной инициативы на местах, усиление заинтересованности местных органов, коллективов предприятий и отдельных работников в улучшении использования оборудования, сырья и ма-

[2] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 76.
[3] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 392.
[4] См. там же, стр. 152.

териалов, в повышении производительности труда. На это направлено усиление материального стимулирования предприятий и отдельных работников, проведение полного хозрасчета, развитие системы прямых договоров, сокращение количества централизованно планируемых показателей.

С ленинским принципом демократического централизма как сочетания централизованного государственного управления с инициативой коллективов и работников идут вразрез взгляды некоторых экономистов социалистических стран, утверждающих, что социалистическая экономика якобы должна развиваться без вмешательства государства, как саморегулирующаяся, без заданий народнохозяйственного плана, с передачей регулирующей роли рынку. Функции хозяйственного руководства должны быть децентрализованы. В основе этих утверждений лежит идея о том, что будто бы высшей формой социалистической собственности на средства производства является не государственная, а групповая собственность коллективов, работающих на данном предприятии. Эта идея не выдерживает критики. Групповая собственность существует и при капитализме, например собственность кооперативов, хотя в тех условиях она имеет еще буржуазный характер. При социализме кооперативная собственность приобретает новые черты, становится социалистической. Ленин писал, что кооператив есть социализм, «если он охватывает все общество, в котором социализирована земля и национализированы фабрики и заводы...» [5] Значит, именно национализация основных средств производства придает кооперативной собственности социалистический характер. Отсюда ясно, что национализированная, т. е. государственная, собственность как собственность всенародная — более высокая форма социалистической собственности, чем кооперативная. И наконец, наиболее развитой, высшей формой общественной собственности является единая всенародная собственность, на основе которой осуществляется переход к коммунизму.

Национализация средств производства явилась предпосылкой великого социального сдвига, осуществленного на основе ленинского кооперативного плана — социалистической перестройки сельского хозяйства. В работе «О кооперации» Ленин указывал, что в социалистическом преобразовании сельского хозяйства кооперация является «путем наиболее *простым, легким и доступным для крестьянина*». Большую роль в деле социалистического переустройства сельского хозяйства Ленин придавал совхозам, внедрению новейшей техники. Коммунистическая партия провела в жизнь кооперативный план Ленина. В стране развернулось кооперирование крестьян, а затем коллективизация миллионов мелких хозяйств в крупные коллективные хозяйства, вооруженные передовой техникой, социалистическими методами хозяйствования. Большое значение для подъема сельского хозяйства имеют решения мартовского (1965 г.) и октябрьского (1968 г.) Пленумов ЦК КПСС и XXIII съезда КПСС. Совершенствуется планирование,

[5] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 161.

совхозы и колхозы переводятся на хозяйственный расчет. Повысилась рентабельность хозяйства, материальный и культурный уровень работников. Открылись широкие перспективы дальнейшего роста сельского хозяйства на базе укрепления и развития социалистической собственности.

Социалистическая собственность — условие планомерного развития народного хозяйства. Это одно из важнейших преимуществ хозяйствования в условиях социалистической экономики, позволяющей использовать на благо народа, общества все его ресурсы и достичь максимально возможных темпов экономического роста. Только при государственном планировании можно добиться полного расцвета науки и техники, поставить на службу обществу все плоды научно-технической революции.

Основоположники марксизма-ленинизма подчеркивали, что важнейшим преимуществом социалистической экономики является планомерный характер ее развития, обеспечивающий возможность пропорциональности и достижения максимальных результатов затрат общественного труда (или достижения намеченных целей с минимальными затратами). Объективная возможность народнохозяйственного планирования обусловлена социалистической собственностью на средства производства, ее сосредоточением в руках единого хозяина — общества трудящихся - производителей и заменой противоречивых интересов частных собственников общими интересами всего народа. Действующие на базе социалистической собственности объективные экономические законы социализма — основной экономический закон, закон планомерного пропорционального развития народного хозяйства, закон стоимости — используются обществом и определяют сущность и содержание народнохозяйственного планирования. Задача заключается в том, чтобы полностью реализовать создаваемые этими законами возможности и в максимальной мере повысить эффективность планирования. Разумеется, народнохозяйственное планирование не есть что-то застывшее и неизменное, оно развивается и совершенствуется по мере роста социалистического хозяйства, укрепления и развития социалистических производственных отношений.

В. И. Ленин еще в работах, написанных до Октябрьской революции, подчеркивал громадное экономическое значение народнохозяйственного планирования для построения и развития социалистической экономики. В 1902 г. в «Замечаниях на второй проект программы Плеханова» Ленин сформулировал задачу, которой объективно подчинено производство в условиях социализма. Предлагаемая им формулировка «...включает и планомерность и указывает на направителя планомерности... и не только для удовлетворения нужд членов, а для обеспечения *полного* благосостояния и свободного *всестороннего* развития *всех* членов общества» [6]. В более поздних дореволюционных работах Ленин писал, что «социалистическое общество есть одно большое потребительное общество с планомерно

[6] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 6, стр. 232.

организованным производством для потребления» [7]. В «Материалах по пересмотру партийной программы» Ленин определял социализм как «планомерную организацию общественно-производительного процесса для обеспечения благосостояния и всестороннего развития всех членов общества[8]. Во всех этих определениях сущности социалистического общества обязательно указывается на планомерность его развития как на его характерную черту. Планомерность — это не что иное, как осознанная обществом пропорциональность. «Постоянно, сознательно поддерживаемая пропорциональность... означала бы планомерность»,— подчеркивал Ленин еще в 90-х годах прошлого века. Планомерность должна обеспечивать пропорциональность, которая является условием полного использования ресурсов при оптимальном их сочетании для достижения поставленных обществом целей развития производства. Эти положения остаются весьма актуальными и для настоящего времени, поскольку мы еще далеко не достигли нужной пропорциональности и сами ее нередко нарушаем частыми пересмотрами и коррективами планов.

Задачу планирования народного хозяйства Ленин поставил в первые же месяцы существования Советской власти. Уже в марте 1918 г. он писал о необходимости составить единый хозяйственный план и создать для этого соответствующий орган. Необходимость планового ведения хозяйства Ленин выводил из условий уровня развития производительных сил, характеризующегося развитием крупной машинной индустрии, как об этом говорится в первоначальном варианте статьи «Очередные задачи Советской власти». В окончательном, опубликованном Лениным варианте статьи подчеркивается необходимость «безусловного и строжайшего *единства воли*, направляющей совместную работу сотен тысяч и десятков тысяч людей», работников производства. Ленин неоднократно высказывал идею единства руководства социалистическим народным хозяйством, которое представляет собой целостный хозяйственный организм, как бы единую фабрику, работающую по общему плану. В статье «О «левом» ребячестве и о мелкобуржуазности» Ленин писал, что «социализм немыслим без... планомерной государственной организации, подчиняющей десятки миллионов людей строжайшему соблюдению единой нормы в деле производства и распределения продуктов» [9].

Для того чтобы сделать планирование действенным, требовалось создать органы управления производством, которые решали бы и задачи планирования. Буквально на другой день после Октябрьской революции Ленин поставил вопрос о создании высшего экономического центра. И вскоре же, в декабре 1917 г., был организован Высший совет народного хозяйства, на который были возложены задачи объединения, координации и согласования деятельности ведомств, а также местных советов народного хозяйства. Во время гражданской войны решением

[7] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 369.
[8] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 32, стр. 149.
[9] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 300.

наиболее острых и неотложных военно-экономических вопросов стали заниматься высшие правительственные инстанции — Совет Народных Комиссаров и вновь созданный Совет рабоче-крестьянской обороны, преобразованный в апреле 1920 г. в Совет Труда и Обороны. В октябре 1920 г. на заседании Совета Народных Комиссаров Ленин сделал доклад об объединении работы экономических комиссариатов по выработке единого хозяйственного плана. В феврале 1920 г. при ВСНХ была образована государственная комиссия по электрификации России (ГОЭЛРО). В статье «Об едином хозяйственном плане» Ленин высказал мнение о том, что комиссия ГОЭЛРО, составившая план электрификации, должна остаться общеплановым органом страны [10]. В феврале 1921 г. на основе комиссии ГОЭЛРО была создана Государственная общеплановая комиссия — Госплан.

В апреле 1918 г. Ленин составил «Набросок плана научно-технических работ», в котором предлагал поручить Академии наук с привлечением специалистов разработать план реорганизации промышленности и экономического подъема России на базе наиболее передовой техники и использования богатейших ресурсов страны. В «Наброске» были намечены задачи электрификации промышленности и транспорта и применения электричества в земледелии.

К необходимости составления такого плана Ленин возвращался не раз. В декабре 1919 г. он поручил Г. М. Кржижановскому разработать план электрификации страны, считая, что электрификация — быстрейшая и вернейшая база восстановления промышленности, социалистической организации производства [11].

По идее Ленина, единый хозяйственный план — это план создания материально-технической базы социализма, создания в стране крупной промышленности. «Единственной материальной основой социализма может быть крупная машинная промышленность, способная реорганизовать и земледелие» [12]. Развитие промышленности должно происходить на самой передовой технической основе — на базе электрификации. В речи на Московской губернской партийной конференции в ноябре 1920 г. Ленин выдвинул свою знаменитую формулу: «Коммунизм есть Советская власть плюс электрификация всей страны». На VIII Всероссийском съезде Советов Ленин назвал план электрификации второй программой партии.

Единый хозяйственный план — план ГОЭЛРО — определял не только рост производства, но и вопросы социально-культурного развития народа, совершенствования производительных сил. В «Заметках об электрификации», посвященных плану ГОЭЛРО, Ленин наметил широкий круг вопросов восстановления и развития производительных сил, а также подъема культуры и уровня образования трудящихся [13]. Задачи социально-культурного развития народа в соответствии с идея-

[10] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 345—346.
[11] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 51, стр. 105.
[12] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 9.
[13] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 227.

ми Ленина стали неотъемлемой составной частью всех народнохозяйственных планов.

Большое значение Ленин придавал экономическим расчетам при осуществлении народнохозяйственного планирования, прежде всего применению балансового метода. Он высоко оценивал приведенные в самом плане ГОЭЛРО сметные расчеты, определившие объемы строительных работ для выполнения программы электрификации, капитальных вложений, затраты материалов, оборудования и рабочей силы. Эти расчеты позволяли судить о реальности всего плана, который, как известно, был выполнен в более короткий срок, чем первоначально намечалось, а также определить мероприятия по изысканию ресурсов, необходимых для его выполнения.

Применение балансового метода—основного метода планирования—отражает ленинскую идею об осознанной пропорциональности как сущности планомерности. Практические возможности обеспечения пропорциональности в народном хозяйстве заключены именно во всестороннем применении балансовых сопоставлений, балансовых расчетов. Балансовый метод соизмерения потребностей и источников их покрытия, примененный в ленинском плане ГОЭЛРО, стал основным методом планирования и широко используется при составлении планов. Наряду с плановыми балансами стали разрабатываться и отчетные, также имеющие большое значение в планировании. Первый такой баланс был разработан Центральным статистическим управлением СССР по данным за 1923/24 хозяйственный год и охватывал систему межотраслевых связей по производству и потреблению продукции, а также затраты на капитальное строительство и оборудование. Балансовый метод совершенствовался, и в настоящее время все большее значение в народнохозяйственном планировании приобретает межотраслевой баланс. Схемы и методы баланса народного хозяйства и межотраслевого баланса стали заимствовать у СССР экономисты США и других стран и использовать их в статистических разработках.

В. И. Ленин подчеркивал необходимость расчетов экономической эффективности. В письме Г. М. Кржижановскому о плане ГОЭЛРО 14 марта 1920 г. он советовал произвести экономические расчеты для обоснования развития народного хозяйства на базе электрификации, сопоставляя затраты средств труда и рабочей силы при электрификации и без нее следующим образом:

«I. Транспорт. Восстановить по-старому —
надо α миллионов (по довоенным ценам)
или α топлива $+ \beta$ рабочих дней.
А для восстановления на базе электрификации
$\alpha - x$ млн. рублей
$\alpha - y$ топлива $+ (\beta - z)$ рабочих дней.

Или *то же* $\frac{\alpha}{\alpha + \beta}$, но с эффектом во столько-то раз больше прежнего.

II. Паровые силы. Если восстановить промышленность по-старому, нужно затратить **больше**, чем для восстановления на базе электрификации.

III. Земледелие.
Восстановить, скажем, +5 млн. плугов и конных упряжек.
Стоимость этого по-старому и при электрификации?»[14]

Таким образом, Ленин предлагал сопоставлять затраты по вариантам, вести расчеты сравнительной эффективности электрификации. Расчеты по принципу приведенных затрат были проведены при обосновании всех объектов плана с применением нормативного коэффициента эффективности, равного 6%.

Методы сравнения вариантов по приведенным затратам получили широкое применение в проектировании, но пока еще в недостаточной мере используются в планировании.

Придавая большое значение экономическим расчетам и обоснованиям в планировании, Ленин в статье «Об едином хозяйственном плане», критикуя многих писавших на эту тему экономистов, требовал, чтобы «не болтали о плане вообще, а детально изучали выполнение наших планов, наши ошибки в этом практическом деле, способы исправления этих ошибок»[15]. «Дельный экономист, вместо пустяковых тезисов, засядет за изучение фактов, цифр, данных, проанализирует наш собственный практический опыт и скажет: ошибка там-то, исправлять ее надо так-то»[16].

Идеи Ленина о пропорциональности, о значении планирования в развитии социалистической экономики, о содержании и методах планирования, об экономическом обосновании планов были положены в основу методологии планирования, в основу перспективных и годовых планов, определивших путь развития народного хозяйства за истекшие полвека. За это время страна из отсталой, крестьянской превратилась в могучую индустриальную державу с передовой техникой, высоким уровнем развития производительных сил. Удельный вес СССР и других социалистических стран достиг 40% мирового промышленного производства. Быстрые темпы научно-технического прогресса, изменение структуры хозяйства, подъем новых районов, усиление экономических связей между отраслями производства и районами страны, рост материального и культурного уровня населения — все это усложнило задачи управления экономикой и планирования ее. Возникла необходимость дальнейшего совершенствования планирования и управления хозяйством, приведения их в соответствие с достигнутым уровнем развития производительных сил. Были подготовлены и стали осуществляться экономические реформы в СССР и других социалистических странах. Содержанием этих реформ с некоторыми различиями, связанными с особенностями развития каждой страны, является улучшение планирования и усиление экономического стимулирования производства, повышение хозяйственной инициативы и ответственности предприятий, широкое использование материальной заинтересованности с таким расчетом, чтобы интересы общества, предприятий и каждого работника в наибольшей степени соответствовали бы друг другу.

[14] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 51, стр. 160.
[15] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 344.
[16] Там же, стр. 345.

Согласно принципам экономической реформы, осуществленной в СССР, совершенствование планирования предполагает освобождение общеплановых организаций от мелочной опеки над предприятиями и резкое сокращение круга показателей, по которым составляются их плановые задания. Вместе с тем повышается роль перспективных планов развития народного хозяйства как важнейшего условия непрерывного роста и совершенствования производства. Основной формой народнохозяйственного планирования становятся пятилетние планы. Помимо пятилетних планов, должны составляться плановые предложения и прогнозы развития на более длительные сроки (10—15 и более лет), которые необходимо составлять и по отдельным отраслям, и по крупным народнохозяйственным проблемам, и по народному хозяйству в целом. Наличие таких долгосрочных планов облегчит задачу обеспечения пропорциональности развития народного хозяйства, взаимную увязку перспектив развития отдельных отраслей и районов, обоснованное составление пятилетних планов.

Составление пятилетних и долгосрочных планов — воплощение в жизнь ленинских идей о планировании. Не случайно план ГОЭЛРО, названный Лениным второй программой партии, был рассчитан на 10—15 лет.

При такой долгосрочной перспективе есть возможность предусмотреть генеральную линию развития хозяйства и правильно наметить промежуточные этапы. После плана ГОЭЛРО делались прогнозы по некоторым отраслям народного хозяйства на 10—15 лет, а в 1959—1960 гг. были подготовлены перспективные материалы на 20 лет вперед, до 1980 г.

Перспективные планы должны строиться на основе внедрения в народное хозяйство достижений науки и техники. Это имеет громадное значение в свете происходящей в настоящее время научно-технической революции, определившей значительное ускорение темпов экономического развития во всем мире. Задача заключается не только в том, чтобы правильно наметить основные направления развития науки и техники и их использования в народном хозяйстве, но и в том, чтобы программы и планы технического развития стали неотъемлемой составной частью народнохозяйственного плана. Необходимо, чтобы задания плана по объемам продукции, величине затрат, производительности труда, капитальным вложениям были бы обоснованы расчетами, исходя из данных о мощностях, стоимости и количестве того нового технического вооружения, которое будет внедряться в промышленности, сельском хозяйстве, на транспорте и в других отраслях экономики. Только при таком условии под планирование может быть подведен прочный базис технико-экономических обоснований. Конкретные задания по внедрению новой техники должны содержаться не только в перспективных, но и в годовых планах.

Большое значение имеет обеспечение территориального разреза планов. В 1918 г. в «Наброске плана научно-технических работ» Ленин выдвинул важный принцип социалистического размещения производительных сил: рациональное размещение промышленности в России

с точки зрения близости сырья и возможности наименьшей потери труда при переходе от обработки сырья ко всем последовательным стадиям обработки полуфабрикатов вплоть до получения готового продукта. Разработка вопросов размещения производства была важной составной частью плана ГОЭЛРО. Ленин придавал большое значение тому, что в плане ГОЭЛРО содержались программы развития районов страны. Он отмечал: «По каждому району имеем расчет на электрические станции не только первой очереди; затем имеем так называемую «программу *А* Гоэлро», т. е. план использования *существующих* электрических станций наиболее рационально и экономно» [17].

В первом и втором пятилетних планах развития народного хозяйства содержалась проектировка развития отдельных экономических районов. Территориальный разрез плана — задания по республикам и экономическим районам — предусматривался и в директивах по составлению планов последующих пятилетий. Однако проектировки по размещению производства не всегда были надлежащим образом экономически обоснованы и увязаны с отраслевыми данными.

В настоящее время составляется генеральная схема размещения производительных сил, предусматривающая долгосрочную перспективу развития всех союзных республик и экономических районов СССР. В такой схеме все проектировки по размещению должны быть обоснованы экономическими расчетами с выбором наиболее эффективных вариантов по перспективным данным производства, потребления, затрат и результатов. Это — сложная и трудная задача, так как нужно правильно предусмотреть все возможные изменения объемных, качественных и стоимостных показателей, учесть ресурсы, потребности и т. д. Без таких расчетов и обоснований вряд ли можно доказать оптимальность предлагаемой схемы размещения, а значит, и целесообразность ее использования.

Чрезвычайно важной задачей совершенствования планирования является обеспечение принципа комплексности и системного подхода. Чем выше уровень развития экономики и интенсивнее применение достижений науки и техники, тем более сложны и всеобъемлющи хозяйственные связи. Дальнейшее развитие хозяйства, осуществление структурных сдвигов в экономике, проведение крупных технических мероприятий, как правило, затрагивает большое количество отраслей, предприятий, ресурсов. Все эти связи должны быть учтены в плане, чтобы обеспечить полную эффективность намеченного и не допустить диспропорций.

Так, чтобы разработать проблему развития топливно-энергетической базы народного хозяйства, надо определить потребность в топливе и энергии, учитывая запроектированные темпы экономического роста страны. Далее, необходимо сопоставить эти потребности с возможностями роста производства, с имеющимися природными ресурсами — первичными источниками топлива и энергии — и предусмотреть развитие их добычи, а значит, строительство шахт, нефтепромыслов, газовых сква-

[17] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 342.

жин, тепловых и гидравлических электростанций, средств транспорта — железных дорог, водных путей, трубопроводов, линий электропередач. Необходимы капитальные вложения в развитие и совершенствование топливно-энергетического хозяйства у потребителей с целью обеспечить экономное расходование топлива и энергии. Должно быть согласованное во времени строительство предприятий — потребителей энергии, для того чтобы созданные энергетические мощности были полностью использованы. Наконец, должно быть предусмотрено развитие отраслей, производящих необходимые для осуществления всей программы оборудование и материалы: турбогенераторы, котлы, средства транспорта, строительные конструкции и материалы и т. д. Громадное значение имеют своевременная подготовка кадров строителей и эксплуатационников, строительство городов и поселков, обеспечение снабжения населения. Таким образом, программа развития топливно-энергетической базы страны затрагивает большое число отраслей и звеньев народного хозяйства.

Недоучет какого-либо из элементов программы может существенно сказаться на ее осуществлении и эффективности.

Другой пример — химизация народного хозяйства. Программа химизации начинается с выявления потребностей в готовых химических продуктах: пластмассах, синтетических волокнах, заменителях кожи, искусственном каучуке, моющих средствах, удобрениях, средствах защиты растений и сопоставления этих потребностей с возможностями увеличения производства. Выявляются сырьевая база и возможности развития производства исходных материалов: нефти и газа, серной кислоты, фосфоритов, калийных солей и т. п. Затем разрабатывается программа строительства химических заводов и предприятий, перерабатывающих химические продукты. Далее определяется развитие производства оборудования для этих заводов, в первую очередь химического машиностроения. Наконец, предусматривается доставка химической продукции и ее применение потребителем, например, транспорт и хранение химических удобрений, определение необходимых для данных условий видов удобрений, устройств для внесения удобрений в почву.

Примером удачных крупных комплексных мероприятий, требующих весьма четкого планирования, являются космические программы, которые предусматривают решение ряда тесно связанных между собой вопросов, зависящих от многих отраслей и предприятий. Здесь и вопросы конструкции наземных устройств и космических кораблей, а также применяемых для этого материалов и топлива, электронной аппаратуры, в частности вычислительных устройств, радиотехники и телевидения, и вопросы физиологии и биологии с учетом космических условий, и множество других проблем, нуждающихся в глубокой теоретической и практической проработке. Решение этих задач возможно лишь при высоком уровне развития науки и техники и при строгой согласованности.

Необходимость комплексного подхода при решении хозяйственных задач ясна и очевидна: только так можно обеспечить пропорциональ-

ность, а следовательно, и планомерность. Однако в практике планирования комплексность достигается далеко не всегда, и в результате появляются диспропорции, неиспользование мощности из-за несвоевременного вступления в строй предприятий-потребителей, пустующие производственные площади из-за неподготовленности оборудования, залежи невывезенных грузов из-за недостатка транспортных средств и т. п. Эти диспропорции—в значительной мере результат встречающегося узкоотраслевого подхода к решению народнохозяйственных проблем, частых коррективов народнохозяйственного плана без достаточного учета взаимозависимости отраслей и звеньев, результат распыления средств, невыполнения плановых сроков.

Одна из важных задач совершенствования планирования заключается в том, чтобы обеспечить полный охват всех связей, возникающих при проведении того или иного планового мероприятия. Система таких связей и вместе с тем совокупность затрагиваемых ими объектов могут быть легко установлены, например, по данным межотраслевого баланса. Из тех же данных могут быть получены и коэффициенты затрат материалов и рабочей силы в натуральном и стоимостном выражении, а также величины удельных капитальных вложений, что дает возможность определить и количественное выражение всех этих затрат. При системном подходе и комплексном решении плановых хозяйственных задач весьма важно разработать графики такого решения, отражающие связи между предприятиями и организациями разных отраслей, принимающих участие в осуществлении программ, и сроки осуществления. При составлении графиков надо использовать имеющийся опыт сетевого планирования. За выполнением графиков должны вестись систематическое наблюдение и контроль специально созданным диспетчерским аппаратом, оснащенным современными средствами связи и электронно-вычислительными машинами.

В планировании и народного хозяйства в целом, и отдельных комплексных программ, определяющих развитие производства, структурные изменения, прогресс техники, должны широко применяться вариантные расчеты, позволяющие правильно установить и общие направления развития, и выбор конкретных путей решения хозяйственных задач. Эти вариантные расчеты должны предусматривать оптимальные технические и экономические решения, позволяющие осуществить поставленные задачи с минимальной затратой общественного труда. Современная электронно-вычислительная техника значительно упрощает задачу выбора оптимальных вариантов по приведенным затратам с применением нормативного коэффициента эффективности. Мы не будем описывать методы решения таких задач. Однако важно подчеркнуть, что требование оптимума обязательно должно включать указание, к какому сроку этот оптимум относится. Если, например, стремиться к обеспечению оптимума на текущий момент, исходя из наличных производственных возможностей, то все имеющиеся ресурсы должны быть направлены на полное их использование теперь же, без учета перспективы дальнейшего развития. Если речь идет о достижении оптимума через 5, 10 и 20 лет, то, очевидно, значительная часть средств должна

быть направлена на накопление, проведение долговременных мероприятий, предусматривающих отдачу по прошествии определенного времени.

В. И. Ленин придавал чрезвычайно важное значение социальной стороне планирования, определению перспектив развития производственных отношений на основе роста производительных сил. Он говорил, что создание крупной машинной индустрии, электрификация страны будут способствовать ликвидации противоположности между городом и деревней, между физическим и умственным трудом, даст возможность громадного повышения производительности сельскохозяйственного труда и социалистического переустройства сельского хозяйства.

Хозяйственный план, по мысли Ленина, должен быть планом экономического и социального строительства. Таким был план ГОЭЛРО, такими были и последующие пятилетние планы. Планирование направлено на повышение материального и культурного уровня общества: на развитие строительства, просвещения, здравоохранения, улучшение снабжения, обеспечение населения всеми видами услуг. Целью всего развития социалистического производства, как неоднократно указывал Ленин, является всемерное удовлетворение общественных потребностей. При социализме все более полное удовлетворение растущих материальных потребностей должно происходить в меру роста производительности труда и стимулировать этот рост. Чем выше производительность труда, тем выше объем производства, тем полнее могут быть удовлетворены и потребности общества.

Народнохозяйственные планы предусматривают подготовку кадров для народного хозяйства, т. е. создание решающего условия экономического роста. Задача подготовки кадров была исключительно острой в самый начальный период восстановления народного хозяйства и в последующие годы индустриализации и коллективизации сельского хозяйства. Замена ручного труда машинным, техническое перевооружение всех отраслей народного хозяйства были невозможны без обученных кадров, которые могли бы управлять новыми техническими средствами. И эти кадры были подготовлены. Еще большее значение подготовка квалифицированных кадров приобретает в настоящее время в условиях ускорившегося прогресса науки и техники. Сдвиги в производстве, вызываемые научно-технической революцией, требуют все более высокого уровня подготовки и командиров производства, и рабочих. Поэтому с каждым годом при составлении планов возрастает значение планирования подготовки кадров.

Неотъемлемой частью плановой работы является анализ выполнения планов. Ленин в письмах Г. М. Кржижановскому подчеркивал, что плановые работники должны заниматься систематическим контролем выполнения планов, сравнением выполнения за разные годы. Они должны отвечать не только за составление плана и анализ его выполнения, но и непосредственно за развитие экономики страны, «за рациональное употребление топлива и хлеба, за максимум заготовки того и другого, максимум подвоза, экономию топлива... экономию продоволь-

ствия... повышение производительности труда *и т. п.*» [18] Отсюда требования Ленина к Центральному статистическому управлению работать в тесном контакте с Госпланом, снабжая плановые органы повседневным и точным статистическим и отчетным материалом. Развернутая и своевременная статистическая информация — необходимое условие составления обоснованных народнохозяйственных планов. В связи с современными задачами по совершенствованию планирования она нуждается в дальнейшем улучшении, сокращении сроков собирания и обработки данных, унификации материалов по отраслям, большем отражении эффективности проводимых хозяйственных мероприятий и т. д.

С совершенствованием планирования тесно связано и улучшение организации управления народным хозяйством, в первую очередь промышленностью. Еще в период военного коммунизма в составе ВСНХ были созданы главки — главные управления по отраслям промышленности. Позднее, при переходе к новой экономической политике, по предложению Ленина были организованы производственные объединения — тресты, в состав которых вошли производственные предприятия по отраслевому признаку с учетом их размещения, и синдикаты — более высокая ступень, охватывающая тресты целой отрасли. Тресты и синдикаты были органами государственного управления промышленностью, действовавшими на началах хозяйственного расчета.

За прошедшее с тех пор время организация управления промышленностью неоднократно совершенствовалась, создавались промышленные министерства, происходило их разделение и укрупнение; в годы семилетки были организованы совнархозы и государственные комитеты по укрупненным отраслям. С проведением экономической реформы складывается на новой основе отраслевая система управления. В настоящее время организуется среднее звено системы управления промышленностью — производственные объединения, работающие на условиях хозрасчета, и таким образом создается система управления, напоминающая ту, которая действовала при Ленине. Создание производственных объединений — мероприятие, необходимое на современном уровне развития промышленности, соответствующее процессу концентрации и централизации производства и типичное для всех индустриальных стран.

Важную роль в улучшении организации управления имеет разработка ее научных основ. Ленин придавал громадное значение научной организации труда. При нем был организован Центральный институт труда, наделенный большими правами, проводились мероприятия по внедрению принципов и методов НОТ в промышленности.

Научная организация управления становится особенно необходимой в условиях достигнутого высокого уровня и значительного усложнения производства. Новые возможности создаются с развитием электронно-вычислительных машин. Все это способствует разработке и внедрению автоматизированных систем управления производством, кото-

[18] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 64.

рые позволяют не только снизить материальные и трудовые затраты на сферу управления, но и намного ускорить выбор наилучших решений и в результате сократить затраты производства и повысить его эффективность. Изучение опыта внедрения автоматизированных систем управления в США показывает, что они являются одним из основных факторов значительного повышения эффективности производства за последние годы и более высокого его уровня по сравнению с европейскими странами. Внедрение научных основ управления социалистическим производством и автоматизированных систем управления, представляющее собой дальнейшее развитие ленинских идей,— один из важнейших путей повышения эффективности общественного производства в СССР.

Ленинский принцип демократического централизма и управления народным хозяйством означает, что централизованное руководство должно сочетаться с хозяйственной инициативой мест, предприятий, их коллективов. Централизованное руководство отнюдь не следует понимать как голое администрирование. Народнохозяйственное планирование и управление экономикой основаны на использовании экономических законов, на применении экономических расчетов, на выборе оптимальных вариантов развития. Но экономическое стимулирование является одним из средств совершенствования планирования. Оно предполагает такую организацию хозяйства, при которой было бы обеспечено соответствие интересов общества в целом, отдельных предприятий и каждого рабочего.

Материальное стимулирование — одно из важнейших элементов экономической реформы, тесно связанное с совершенствованием планирования. Материальное стимулирование должно действовать как важный рычаг планирования, с помощью которого можно повысить качество самих планов, нацеливая их на лучшие экономические результаты, и степень их выполнения. Материальное стимулирование, повышая эффективность производства, способствует увеличению накопления и тем самым создает возможность повышения темпов экономического роста. Речь идет в сущности об использовании закона стоимости, который, не являясь регулятором народного хозяйства, действует в системе экономических законов социализма, прежде всего закона планомерного пропорционального развития народного хозяйства и в конечном счете — основного экономического закона социализма, определяющего цель развития социалистического производства — систематическое повышение материального и культурного уровня общества — и общее его направление. Экономические законы социализма выражают внутреннюю связь и взаимозависимость процессов развития социалистического хозяйства. Экономическая политика партии и государства строится с учетом всей системы экономических законов, прежде всего основного экономического закона социализма.

Необходимость использования товарно-денежных отношений в период построения социализма, а затем и коммунизма выявилась уже после Октябрьской революции, в ходе социалистического строительства,

налаживания новой системы ведения хозяйства самим народом. Практика показала, что господствовавшее ранее представление о том, что после обобществления средств производства товарооборот будет заменен прямым распределением, место стоимостного учета займет учет затрат труда в рабочем времени, а место денег — квитанции, не соответствует стадии социализма. Это может быть достигнуто лишь на более высокой ступени развития, в ходе коммунистического строительства. Методы хозяйствования пришлось применять иные. Да и невозможно было заранее разработать все конкретные пути хозяйственного строительства.

В работе «Очередные задачи Советской власти» Ленин, говоря о необходимости «обобществления на деле», подчеркивал, что, после того как средства производства стали принадлежать трудящимся, им надо овладеть методами ведения хозяйства, использовавшимися буржуазией. «Веди аккуратно и добросовестно счет денег, хозяйничай экономно, не лодырничай, не воруй, соблюдай строжайшую дисциплину в труде,— именно такие лозунги, справедливо осмеивавшиеся революционными пролетариями тогда, когда буржуазия прикрывала подобными речами свое господство, как класса эксплуататоров, становятся теперь, после свержения буржуазии, очередными и главными лозунгами момента... Практическое проведение в жизнь этих лозунгов *Советскою* властью, *ее* методами, на основании *ее* законов, является необходимым и *достаточным* для окончательной победы социализма» [19].

Это писалось в условиях кратковременной мирной передышки. Гражданская война и интервенция заставили по-другому поставить вопросы управления хозяйством. Начался период военного коммунизма. Ленин писал, что, когда страна разорена войной и доведена до края гибели, то главным, основным, коренным экономическим условием является спасение рабочего.

Однако в тот период падения производства, резкого недостатка снабжения городов, усиленной инфляции, быстрого обесценения денег, когда стала широко обсуждаться возможность перехода к прямому учету затрат труда в трудочасах, отмена денег все же не была признана возможной. В Программе Коммунистической партии, принятой VIII съездом РКП(б), записано, что, пока еще не организовано полностью коммунистическое производство и распределение продуктов, уничтожение денег представляется невозможным.

Когда с окончанием гражданской войны встала задача восстановления и дальнейшего развития народного хозяйства, Ленин вновь ставит вопрос о новых методах хозяйствования. Новыми они были по отношению к тому, что практиковалось в период военного коммунизма, по существу же основы их были разработаны еще в 1918 г. Их развитие в систему, известную как «новая экономическая политика», и является результатом работ Ленина, относящихся к 1921—1923 гг. Уже в начале 1921 г. в речи на заседании пленума Московского Совета Ленин говорил,

[19] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 174.

что нельзя вести хозяйство методами, которые были применены в период гражданской войны. «С такой привычкой нельзя идти на хозяйственную работу... во всех видах работы... нужно уметь сделать расчет, вести его нужно так, чтобы стать хозяином всей нашей республики» [20].

Вопрос о новой экономической политике Ленин первоначально поставил в связи с необходимостью укрепления отношений между городом и деревней, союза рабочего класса и крестьянства. Первоначально была выдвинута задача товарообмена между городом и деревней как прямого обмена продуктов промышленности на продукцию сельского хозяйства. Однако товарообмен в такой форме не получился, и пришлось, не останавливаясь на полдороге, пойти дальше — к развернутой торговле и денежному обращению. На VII Московской губпартконференции в октябре 1921 г. Ленин говорил об этом в своем докладе: «Предполагалось более или менее социалистически обменять в целом государстве продукты промышленности на продукты земледелия и этим товарообменом восстановить крупную промышленность, как единственную основу социалистической организации. Что же оказалось? Оказалось... что товарообмен сорвался: сорвался в том смысле, что он вылился в куплю-продажу» [21].

Переход к нэпу ознаменовался в отношении сельского хозяйства заменой разверстки продовольственным налогом, а в отношении промышленности — переводом промышленных предприятий на хозяйственный расчет. При этом государство сохраняло за собой централизованное руководство экономикой. Ленин отмечал, что «овладеть торговлей, дать ей направление, поставить ее в известные рамки пролетарская государственная власть может... мы *начинаем* овладевать *оборотом* между промышленностью и земледелием, овладевать оптовой торговлей...» [22] И в другом месте: «...теперь допущены и развиваются свободная торговля и капитализм, которые подлежат государственному регулированию, а, с другой стороны, государственные предприятия переводятся на так называемый хозяйственный расчет...» [23]

Некоторые советские экономисты высказывают мнение, что идеи Ленина об использовании механизма товарно-денежных отношений, торговли, цен, денег, кредита и т. д. имеют якобы не общее значение для социалистического строительства, а ограниченное — только для периода перехода от капитализма к социализму в условиях существования миллионов мелкотоварных крестьянских хозяйств. Однако у Ленина нигде не говорится о таком ограниченном во времени толковании значения товарно-денежных отношений. Более того, Ленин имел в виду, что они будут действовать далеко за пределами этого периода. В статье «К четырехлетней годовщине Октябрьской революции» он писал: «Не на энтузиазме непосредственно, а при помощи энтузиазма, рожденного великой революцией, на личном интересе, на личной заинтересованности, на хозяйственном расчете потрудитесь построить

[20] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 361.
[21] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 207.
[22] Там же, стр. 227.
[23] Там же, стр. 342.

сначала прочные мостки, ведущие в мелкокрестьянской стране через государственный капитализм к социализму; иначе вы не подойдете к коммунизму, иначе вы не подведете десятки и десятки миллионов людей к коммунизму» [24].

То, что категории товарно-денежных отношений имеют не ограниченное, а более широкое значение для развития экономики, для хозяйственного расчета, всего процесса социалистического воспроизводства, подтверждается и другими высказываниями Ленина. Перевод государственных предприятий на хозрасчет он связывал с «настоятельнейшею необходимостью повысить производительность труда, добиться безубыточности и прибыльности каждого госпредприятия...» [25] Ленин подчеркивал, что категория прибыли приобретает новое значение в социалистических условиях. Отсюда забота о ее увеличении для обеспечения роста социалистической экономики. «Прибыль тоже удовлетворяет «общ[ест]в[енные]» потребности... *прибав*[*очный*] *продукт* идет не классу собственников, а всем трудящимся и только им» [26]. Как видно из плана статьи «Коммерческая постановка дела», Ленин намечал рассмотреть с общетеоретических позиций вопрос о значении прибавочного продукта и окупаемости производства для накопления и обеспечения общественных нужд (содержание государства), т. е. для процесса воспроизводства [27].

В других конспективных набросках конца 1921 г. Ленин писал о том, что цель коммерческой постановки дела в условиях социализма — удовлетворение потребностей трудящихся. Надо найти потребителя-трудящегося, удовлетворить его, выгадать в интересах народного потребления. Для осуществления этих целей надо умело, расчетливо и выгодно хозяйничать. Эти указания относятся не только к переходному периоду, но и к социалистическому хозяйствованию вообще и весьма актуальны в настоящее время.

Задачи развития экономической реформы заключаются в настоящее время в улучшении системы планирования и более широком применении экономических стимулов, осуществлении полного хозяйственного расчета. Совершенствование планирования, перевод на новые условия работы объединений, главков, министерств, распространение реформы на сферу материально-технического снабжения, на строительство, более широкое использование кредита, применение долгосрочных нормативов — вот те мероприятия, которые предстоит осуществить, чтобы полностью завершить реформу.

Одной из важнейших черт социалистических методов хозяйствования является использование материальной заинтересованности, личного интереса работников.

В условиях гражданской войны и интервенции, когда страна находилась на положении осажденной крепости, пришлось применять урав-

[24] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 151.
[25] Там же, стр. 343.
[26] «Ленинский сборник», XI, стр. 381—382.
[27] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 473.

нительный принцип распределения. В тот период **«было стремление снабдить всех возможно более поровну, прокормить, поддержать, пока невозможно было взяться за восстановление производства»**[28]. Применение этого принципа было вынужденным и вовсе не представляло собой какую-то высшую форму распределения. Более того, уравнительность отрицательно сказывалась на производительности труда, так как подрывала материальную заинтересованность и инициативу работников. «То распределение продовольствия, которое мы основывали на началах уравнительных, создавало уравнительность, иногда вредную для того, чтобы повысить производство» [29]. Была давно известна мысль Маркса, высказанная им в «Критике Готской программы», что социализму соответствует принцип равной оплаты за равный труд, что право производителей на получение продукта «*пропорционально* доставляемому ими труду: равенство состоит в том, что измерение производится *равной мерой* — трудом». Именно этот вид равенства при социализме имел в виду и Ленин, когда писал, что при социализме должны определяться и мера труда, и его вознаграждение.

На стадии социализма, когда еще не достигнуто изобилие продуктов, осуществляется принцип «от каждого по способности—каждому по труду», заработная плата является важным стимулом повышения производительности труда. В ряде выступлений и статей Ленин подчеркивал необходимость проведения в жизнь системы оплаты по труду. «Государство не только убеждает, но и вознаграждает хороших работников лучшими условиями жизни...» [30] «Трудность в том, чтобы лично заинтересовать. Нужно заинтересовать также каждого специалиста с тем, чтобы он был заинтересован в развитии производства... надо построить всякую крупную отрасль народного хозяйства на личной заинтересованности» [31]. При конкретном решении вопросов в области заработной платы Ленин последовательно отстаивал такую систему оплаты труда, которая способствовала бы более высокой производительности труда, повышению опыта и квалификации работников.

Практика подтвердила жизненность, действенность ленинских методов хозяйствования, показала их соответствие системе социалистических производственных отношений.

Социалистическое производство есть непосредственно общественное производство. Социалистические предприятия представляют собой общественную собственность. Товарно-денежные отношения в социалистической экономике имеют иной социальный характер, чем при капитализме, и их наличие объясняется рядом причин.

Прежде всего развитие производительных сил не достигло еще того уровня, при котором наступило бы изобилие продуктов и стало возможным распределение по потребности, т. е. переход к прямому безденежному распределению. Кроме того, хотя труд имеет непосредственно об-

[28] «Ленинский сборник», XX, стр. 103.
[29] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 43, стр. 358.
[30] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 42, стр. 151.
[31] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 165.

щественный характер, остаются социально-экономические различия между трудом промышленным и сельскохозяйственным, умственным и физическим, квалифицированным и неквалифицированным, простым и сложным. Это и вызывает необходимость товарно-стоимостной меры приравнивания труда. Распределение по труду происходит в стоимостной форме на основе эквивалентности. Работники получают оплату по труду в форме заработной платы и затем приобретают необходимые им предметы потребления. Но принцип эквивалентности имеет место не только в отношениях между обществом и каждым его членом, но и в отношениях между предприятиями. Вся продукция, производимая социалистическими предприятиями, реализуется в порядке эквивалентности в товарной форме, в том числе и средства производства, переходящие от одного предприятия к другому и оплачиваемые им, и предметы потребления, поступающие в торговую сеть и продаваемые потребителям.

Значение товарных отношений и в том, что через реализацию, обмен, продажу осуществляется общественная проверка результатов производства. Ленин указывал, что при социализме необходим строжайший контроль за мерой труда и мерой потребления. Планомерно организованные товарные отношения позволяют осуществлять этот контроль. Необходимость для предприятия реализовать свою продукцию и получить прибыль стимулирует выполнение плана выпуска продукции по количеству и качеству, повышение производительности труда и экономию материальных затрат, снижение себестоимости и повышение эффективности производства.

Товарно-денежный механизм является необходимым элементом социалистического планирования и управления производством. Его совершенствование обусловливает необходимость использовать закон стоимости, стоимостные категории как орудие планирования и контроля за его выполнением.

Таким образом, ленинские методы хозяйствования, творчески развитые Коммунистической партией, Советским государством, экономической наукой, на практике показали свою жизненность, эффективность.

При социализме производство является непосредственно общественным и планомерно организованным, но вместе с тем товарным, поскольку продукты производятся как товары. Существует взаимопроникновение непосредственного обобществления производства и товарно-денежных отношений. Отрицание некоторыми экономистами необходимости производства товаров при социализме объясняется догматическим подходом к особенностям социалистического производства, непониманием того, что в условиях социализма товарные отношения качественно отличаются от капиталистических, попытками объявить товарно-денежные категории лишь внешними формами, допуская тем самым существование формы в отрыве от содержания. Есть и попытки отрицать действие закона стоимости при социализме, заменив его теорией предельной полезности. Попытки использовать вместо затрат общественного труда как общественного показателя ведения социали-

стического хозяйства показатель полезности различных благ, мера сравнения которых неизвестна, теоретически необоснованны.

Нельзя согласиться и с мнением, преувеличивающим значение товарно-денежных отношений, рынка, закона стоимости при социализме. Некоторые экономисты и у нас, и в отдельных социалистических странах недооценивают значение централизованного планового руководства народным хозяйством и предлагают заменить его «саморегулированием», а фактически создать условия для возможно более широкого действия закона стоимости как регулятора экономики.

Своеобразное сочетание рекомендаций относительно «саморегулирования», установления цен согласно спросу и предложению, равнения на максимальную прибыль как критерий эффективности, с одной стороны, и отрицания действия закона стоимости в социалистических условиях — с другой, можно найти в высказываниях некоторых ученых-экономистов [32]. Авторы этой концепции считают, что вместо теории стоимости к социалистическому хозяйству следует применить теорию предельной полезности, которая якобы лежит в основе цен.

Отказ от использования товарных отношений при социализме или необоснованное ограничение, сужение сферы их действия не только не способствовали бы развитию социалистической экономики, а привели бы к искусственным трудностям и осложнениям, к замедлению оборота и снижению эффективности связей между предприятиями, к затруднению в использовании материальных стимулов, к ухудшению удовлетворения потребностей и т. д.

Задачи дальнейшего развития экономической реформы и совершенствования предусмотренных ею мероприятий заключаются как раз в улучшении системы планирования и более широком использовании экономических стимулов, при этом учитываются товарные отношения, заработная плата, цена, прибыль, кредит.

Принципы и методы социалистического хозяйствования, сформулированные Лениным, остаются жизненными, действенными, их надо еще более развивать. Это обеспечит дальнейший путь социалистического строительства и перерастание социалистических производственных отношений в коммунистические.

[32] См., например: «Дискуссия об оптимальном планировании». М., 1968.

Т. В. РЯБУШКИН
член-корреспондент АН СССР

ЛЕНИНСКИЕ ИДЕИ В СОЦИАЛЬНО-ЭКОНОМИЧЕСКОЙ СТАТИСТИКЕ И ДЕМОГРАФИИ

В многосторонней научной и революционной деятельности Ленина статистика играла большую роль. Каждая работа Ленина социально-экономического характера была неразрывно связана с критическим анализом статистических методов и освещала направление, по которому должны были улучшаться и совершенствоваться эти методы. Под его руководством были созданы органы советской государственной статистики.

Ряд работ Ленина специально посвящен коренным вопросам статистической науки. К ним относятся, например, статьи: «К вопросу о нашей фабрично-заводской статистике», «К вопросу о задачах земской статистики», «Статистика и социология». В многочисленных докладах, статьях и письмах послеоктябрьского периода Ленин продолжал совершенствовать методы анализа статистических показателей, используя эти методы для решения больших экономических и политических задач, стоявших перед молодым Советским государством.

Мастерство Ленина в использовании и анализе статистических данных всегда поражало современников. Крупный советский статистик, первый управляющий Центральным статистическим управлением П. И. Попов, который много раз встречался с Лениным, в своих воспоминаниях писал: «... всегда я чувствовал, что... передо мной находится глубокий знаток и выдающийся аналитик статистических материа-

лов, понимающий до тонкости... даже мелочи и особенности организации статистических работ» [1].

В. И. Ленин чрезвычайно высоко оценивал роль статистики в научном познании. Ему принадлежат известные слова о социально-экономической статистике как об одном из самых могущественных орудий социального познания [2]. Используя это орудие, Ленин раскрывал с его помощью сложнейшие закономерности и законы развития общественных явлений. Характерно, что применение статистики в трудах Ленина никогда не носило чисто академического характера. Оно всегда было связано с решением актуальных задач революционного движения, с острой политической борьбой, проводимой Лениным с противниками марксизма, с ревизионизмом и оппортунизмом в рабочем движении.

Значение ленинского наследия в области статистической науки огромно. Проблемы статистической методологии всегда решались Лениным в процессе конкретного социально-экономического исследования. Но тем не менее общие принципы его подхода к экономико-статистическому анализу, принципы обоснования выбора статистических показателей, приемов обработки статистических материалов, методы сводных расчетов, указания по организации статистики имеют общенаучное значение и плодотворно используются в самых различных областях применения статистики.

Ленинские идеи начали оказывать влияние на содержание статистических работ еще до революции как непосредственно, так и благодаря трудам других марксистов—учеников и соратников Ленина. Но свое полное воплощение и дальнейшее развитие они получили после революции в практической и теоретической деятельности советских статистиков. В рамках нашей статьи можно будет рассмотреть лишь некоторые вопросы, связанные с богатейшим ленинским наследием в области статистики, причем именно те вопросы, которые требуют на современном этапе развития науки большого внимания.

Определяя основные задачи советской статистики в перспективе в тот момент, когда только еще начали формироваться статистические органы молодой Советской республики, Ленин отмечал важность «методического изучения народного хозяйства в целом»[3]. Некоторые основные теоретические принципы такого изучения были уже сформулированы в трудах Ленина. В них же были поставлены и важнейшие методологические проблемы этого изучения. Раскрывая замысел таких своих крупнейших работ, как «Развитие капитализма в России», «Новые данные о законах развития капитализма в земледелии», «Империализм, как высшая стадия капитализма», Ленин подчеркивал важность задачи изучения экономических процессов в целом. Характерно, что на протяжении многих лет эта мысль повторялась Лениным как цент-

[1] «Воспоминания о В. И. Ленине», т. 2. М., 1957, стр. 297.

[2] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 19, стр. 334.

[3] Это положение было сформулировано Лениным в его беседе с П. И. Поповым (*П. И. Попов.* Государственная статистика и В. И. Ленин.— «Вестник статистики», 1924, № 1—3).

 ральная идея фундаментальных социально-экономических исследований. Бедность, разнородность и несопоставимость статистических данных в дореволюционной статистике служили причиной того, что эта идея могла найти свое воплощение в общих чертах. Ленину приходилось затрачивать много труда на переработку исходной статистической информации, для проведения многочисленных косвенных расчетов и использования опосредствованных показателей для того, чтобы получить представление об общих закономерностях развития народного хозяйства или основных тенденциях развития мирового хозяйства.

Возникновение социалистического способа производства поставило перед статистикой ряд принципиально новых задач, в том числе и в области сводных народнохозяйственных процессов. Необходимость государственного руководства экономикой, осуществление общегосударственного учета производства и распределения продуктов как конкретное воплощение знаменитой ленинской формулы «социализм — это учет», установление и развитие народнохозяйственного планирования, естественно, вызывали потребность в развитии таких методов статистики, которые позволяли бы представить в статистических показателях и в их взаимоотношениях и взаимосвязях народное хозяйство как единое целое.

Одним из важнейших средств, с помощью которых решались сложнейшие народнохозяйственные проблемы, было создание системы показателей (и классификаций) и построение баланса народного хозяйства. Обе эти задачи начали решаться уже в годы гражданской войны в самых трудных условиях. Были разработаны, например, первые варианты классификации отраслей народного хозяйства и других классификаций, в которых использовались марксистско-ленинские принципы политической экономии. Уже при жизни Ленина началась большая работа над построением первого в мире баланса народного хозяйства, результаты которой были опубликованы в 1926 г. в известном труде ЦСУ СССР: «Баланс народного хозяйства Союза ССР 1923/1924 года». Несмотря на значительные методологические недостатки, эта работа положила начало новому, весьма плодотворному этапу в развитии сводных народнохозяйственных расчетов. В частности, уже в этой работе рассматривается проблема изучения межотраслевых связей, хотя еще и в очень несовершенной форме.

Дальнейшее развитие синтетических работ советской экономической статистики проходило с помощью конкретизации и реализации ленинской идеи о методическом изучении народного хозяйства в целом. Балансовый метод непрерывно расширялся и обогащался, охватив не только сферу статистического анализа, но и сферу плановых расчетов. В настоящее время баланс народного хозяйства представляет сложную и разветвленную систему отдельных балансов, выражающих собой различные стороны общественного воспроизводства, взаимосвязи отраслей, систему народнохозяйственных пропорций и соотношений. Новой органической частью баланса народного хозяйства явился межотраслевой баланс производства и распределения продукции в народном хозяйстве СССР (в ценностном и натуральном выражениях). Такой ба-

ланс был построен ЦСУ СССР сначала по данным за 1959 г., а затем по данным за 1966 г. Интересным экспериментом явилось построение межотраслевого баланса труда.

В работе по составлению межотраслевого баланса проявилось тесное содружество коллективов научных работников и органов государственной статистики. Исследования по балансу народного хозяйства СССР, так же как и по другим сводным экономическим расчетам, оказали большое влияние на развитие зарубежной статистики. Идея межотраслевых связей, выраженная в балансе 1923/24 г., много лет спустя нашла свое отражение в методе, получившем на Западе название метода «затрат-выпуска». Основные черты капиталистического способа производства и связанные с ними особенности в организации и методах статистики не дали там возможности развиваться системе баланса народного хозяйства в том виде, как она была создана в СССР. Наоборот, в социалистических странах эта система получила широкое развитие для решения важнейших аналитических задач [4].

В области построения всеобъемлющей системы показателей, одной из важнейших целей которой является всестороннее и взаимосвязанное изображение народнохозяйственных процессов, в СССР также была проделана большая теоретическая работа, результаты которой получили международное признание. Так, несколько лет назад в органах Совета экономической взаимопомощи был подготовлен уникальный труд по системе показателей, характеризующих уровень и темпы развития народного хозяйства, в основу которого легли принципы и методы, теоретически разработанные и апробированные в советской статистике. Это первая такого рода работа и в практике международных организаций.

В приведенном выше положении Ленина о задаче советской статистики не случайно говорится *о методическом изучении* народного хозяйства в целом. Мы понимаем это положение как последовательное и систематическое исследование структуры народного хозяйства, пропорций и взаимосвязей между отраслями и элементами народного хозяйства, изображение статистическими средствами в сводном виде общих экономических процессов, последовательный анализ развития отдельных сфер и частей народного хозяйства в разнообразных аспектах. Непрерывное усложнение экономики и все большее многообразие отраслей и элементов народного хозяйства, а также все возрастающие требования к методам руководства и планирования народного хозяйства в многократной степени увеличивают требования, предъявляемые к

[4] В настоящее время важнейшим видом балансовых построений в капиталистических странах является так называемая система национальных счетов, в которой использованы некоторые методы анализа взаимосвязи показателей внутри отдельного предприятия, для изображения народнохозяйственных пропорций и взаимосвязей. Интересно, однако, отметить, что некоторые принципы современной системы национальных счетов были высказаны советскими экономистами в 1926—1928 гг. в ходе большой дискуссии, проводившейся тогда по вопросам баланса народного хозяйства. Отметим, в частности, работы академика С. Г. Струмилина по данному вопросу.

системе показателей и балансовому методу. Расширение инициативы предприятий и сокращение директивных показателей планирования усиливают требования к полноте и достоверности системы статистических величин для анализа народнохозяйственных процессов.

Развитие электронно-вычислительной техники и математических методов обработки экономической информации позволяет сделать новые успехи в изучении народного хозяйства как единого целого. Применение матричного исчисления в обработке данных межотраслевого баланса и современных вычислительных машин позволило произвести такие расчеты, которые были бы невозможны обычными методами, и значительно углубило наши знания о взаимосвязи отраслей. Однако этот шаг является лишь началом в деле дальнейшего использования математических методов в балансе народного хозяйства. В самих принципах баланса заложена возможность представить совокупность статистических показателей как систему линейных уравнений. Отсюда вытекают и дальнейшие шаги по применению электронно-вычислительной техники и математических методов в обработке балансовых таблиц. Возможно также использование методов корреляционного анализа, поскольку зависимость между многими экономическими показателями имеет корреляционный характер.

Еще 40 лет назад была выдвинута идея о единой системе народнохозяйственного учета. С тех пор было много сделано для практического осуществления этой идеи как в области методологии, так и в организационном отношении. Но еще нельзя сказать, что в современных условиях необычайной дифференциации народного хозяйства и многообразия форм и методов учета достигнута полная увязка как системы показателей, так и методов получения и передачи первичной информации от предприятий и организаций до центральных учреждений страны. Создание в ближайшем будущем единой сети государственных вычислительных центров, оснащенных современной вычислительной техникой и средствами связи, и дальнейшая унификация форм и методов учетно-статистической информации, механизация и автоматизация в сборе и обработке статистических данных послужат новым этапом в укреплении и развитии единого народнохозяйственного учета, повысят роль статистики в планировании и руководстве народным хозяйством.

Потребности более дифференцированного руководства экономическими процессами и их анализа в сочетании с необычно возросшей техникой обработки информации делают необходимой и возможной большую детализацию в системе показателей и в системе балансов.

Современные межотраслевые балансы имеют относительно небольшой объем, например в балансе 1966 г. представлено немногим более 100 отраслей. Такой объем достаточен для решения важнейших задач экономического анализа и сводного планирования. Однако для более глубокого и оперативного использования статистических данных в текущем планировании требуется значительно бо́льшая отраслевая и продуктовая детализация. Возрастают требования к детализации балансовых построений и в территориальном разрезе. В этом направлении уже много сделано в последнее время. Баланс стал методом изучения

не только народного хозяйства страны в целом, но и народного хозяйства отдельных республик. На очереди — построение и анализ сводных синтетических показателей и отдельных балансов для экономических районов.

Много сложных вопросов возникает в решении проблем сопоставимости показателей народного хозяйства СССР и других стран. И в этой области разработка более дробных номенклатур и классификации, а также применение мощной вычислительной техники открывают большие возможности для сравнительно быстрого перехода от одной системы учета к другой, в частности, для сопоставления и сравнения показателей баланса народного хозяйства и показателей системы национальных счетов, для построения (хотя бы по упрощенной схеме) балансовых таблиц по нашей методологии для капиталистической экономики с целью более глубокого изучения народнохозяйственных пропорций и процессов воспроизводства в капиталистических странах и т. д.

В. И. Ленин всегда уделял большое внимание сопоставимости и соизмеримости статистических показателей. В его работах мы находим ряд классических расчетов по сопоставлению уровней экономического развития различных стран. В труде «Развитие капитализма в России» после тщательной обработки материалов первой Всероссийской переписи населения Лениным произведены знаменитые расчеты распределения населения по сферам общественного разделения труда и классовым признакам и сопоставления с данными других стран. Из анализа этих расчетов Ленин сделал очень важные выводы о том, что, с одной стороны, товарное производство вполне прочно стоит в России. «С другой стороны,— писал он,— отсюда видно, что Россия еще очень отстала, по сравнению с другими капиталистическими странами, в своем экономическом развитии» [5]. Последний вывод в известной мере предопределял постановку задачи эпохального значения о преодолении этой отсталости. Впоследствии Ленин анализировал также данные о производстве важнейших продуктов на душу населения в дореволюционной России и развитых капиталистических странах.

Сопоставление ряда важнейших статистических показателей помогло Ленину сформулировать после Великой Октябрьской социалистической революции крупнейшую политико-экономическую проблему современности — соревнования социализма с капитализмом. Возможности современной статистики в анализе решения этой проблемы неизмеримо возросли. Теперь мы используем не только натуральные показатели (производство и потребление на душу населения и т. д.), но и ряд экономических показателей, таких, например, как национальный доход или уровень производительности труда в отдельных отраслях народного хозяйства. Однако предстоит решить еще много важных методологических проблем сравнения. Так, нуждаются в уточнении методы

[5] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 3, стр. 502. Для этого вывода Ленин использовал в первую очередь данные о доле населения, занятого в промышленности и сфере обращения. В конце XIX в. эта доля составляла в России 18%, а в развитых капиталистических странах — 50% и более.

сравнения объемов национального дохода в различных странах. Не разработана еще методология сравнения системы показателей, характеризующих уровень жизни, уровень и динамику эффективности общественного производства, степень и темпы технического прогресса в отдельных отраслях и т. д. Особое значение приобретает в настоящее время сопоставление показателей структуры и качества, так как в соревновании двух мировых систем все бóльшую роль начинают играть использование достижений научно-технической революции, изменение структуры производства, повышение качества продукции и обслуживания.

В сферу методического изучения народного хозяйства в целом включается и проблема конъюнктурного анализа экономики. Долгое время проблеме конъюнктуроведения в экономико-статистических исследованиях уделялось очень мало внимания. В последние годы интерес к такому анализу сильно возрастает. Но его задачи понимаются еще очень ограничительно: преимущественно как изучение потребительского спроса. Между тем анализ текущей экономической жизни должен охватывать все стороны общественного воспроизводства, а следовательно, и сферу производства, распределения, обращения и потребления общественного продукта. В отличие от коренных длительных изменений и скачков в экономическом развитии конъюнктура представляет собой текущие временные процессы. Можно сказать, что это — совокупность внешних текущих процессов в экономической жизни, служащих конкретной формой выражения внутренних закономерностей развития народного хозяйства. Ленин обращал самое серьезное внимание на анализ текущей экономической жизни. Центральное статистическое управление он представлял себе как орган социально-экономического анализа, причем анализа, связанного с экономической политикой и повседневной деятельностью Коммунистической партии и Советского правительства. Главную задачу ЦСУ Ленин видел не только и даже не столько в сборе статистических данных, сколько в их анализе, в умении осветить основные проблемы экономической политики и трудности в ее осуществлении. В письме первому председателю Госплана Г. М. Кржижановскому Ленин категорически заявлял, что «из Центрального статистического управления надо сделать орган анализа для нас, *текущего*, а не «ученого»»[6]. Госплан, по мнению Ленина, также должен был решать аналитические задачи, составлять обзоры хозяйственной жизни.

Важнейшую задачу анализа конъюнктуры Ленин видел в систематических расчетах сводных показателей народного хозяйства в целом. Задачей ЦСУ он считал составление единого экономического показателя: «...надо составить вместе с Госпланом своего рода index-number

[6] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 52, стр. 215. В приведенном выше высказывании, а также в некоторых других случаях Ленин иронически пишет об «ученом» анализе, ставя слово «ученый» в кавычки. Конечно, он имел в виду при этом статистику, оторванную от практической деятельности, псевдонаучный анализ. Текущий анализ статистических данных, о котором заботился Ленин, требовал серьезной и притом новой научной базы.

(число-показатель) для оценки состояния всего нашего народного хозяйства и обязательно вырабатывать его не реже раза в месяц...»[7]

В отличие от анализа конъюнктуры капиталистического хозяйства при социализме главные показатели конъюнктуры — это показатели выполнения текущих народнохозяйственных планов и государственных заданий, показатели, выявляющие причины невыполнения этих планов и заданий, а также неиспользованные резервы и возможности роста производства. Одной из задач советской статистики является разработка системы конъюнктурных показателей, характеризующих процесс общественного воспроизводства во всех его конкретных особенностях и за короткие промежутки времени, и выработка единого экономического показателя для общей характеристики текущего хозяйственного положения.

Еще более сложной задачей является проблема экономического прогнозирования. Она охватывает не только область конъюнктурных процессов, но и установление долговременных, длительных тенденций и закономерностей экономического развития. Прогнозирование не только не следует противопоставлять научному планированию, но оно должно составлять его важный элемент. Статистические методы расчетов перспективной численности населения, определения потребностей и резервов сроков службы элементов основных фондов служат базой для прогнозов.

Принципиально важное значение для прогнозирования имеет разработка методов учета и анализа стохастических процессов в общественной жизни. Действие закона планомерного, пропорционального развития в социалистической экономике не означает отсутствия случайностей в социально-экономических процессах, но увеличивает возможности для научного анализа этих случайностей и создает предпосылки для сознательного предупреждения и преодоления их последствий.

Расширение сферы применения теории вероятностей и математической статистики к изучению общественных явлений ставит ряд важных принципиальных проблем и в области общей теории статистики. Ошибочно полагать, что теоретико-вероятностные понятия нужны только для уяснения модели выборки. Элиминирование случайностей, определение общей тенденции в массе явлений необходимы в анализе рядов динамики, в оценке индексов экономических явлений и особенно в анализе корреляционных связей. Теоретической основой для применения методов теории вероятностей и математической статистики служат понятия статистической закономерности и закона больших чисел. В 30-х годах в нашей экономической и статистической литературе распространились совершенно неправильные представления о том, что в условиях планового хозяйства нет места для этих понятий[8]. В последнее время довольно много сделано для выяснения особенностей применения этих понятий в общественных науках. Однако мы не можем еще

[7] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 53, стр. 122—123.

[8] Подобные утверждения в какой-то мере созвучны представлениям, отрицавшим товарное производство и закон стоимости при социализме.

сказать, что их философское и научно-методологическое обоснование раскрыто с достаточной глубиной.

В своих работах, особенно в «Развитии капитализма в России» и в статье «Карл Маркс», Ленин применял понятие статистической закономерности для условий капиталистической экономики. В этих условиях, писал Ленин, «закономерность не может проявляться иначе как в средней, общественной, массовой закономерности при взаимопогашении индивидуальных уклонений в ту или другую сторону» [9]. Определение Лениным статистической закономерности как средней, общественной, массовой не представляет собой перечисления синонимов, а является стремлением углубленно подойти к существу понятия этой закономерности. Характеристика закономерности как средней, массовой является важным шагом в научном познании тех особенностей, в которых проявляется содержание общественных событий. Примечательно также, что в ленинском описании статистической закономерности фигурирует тезис о взаимопогашении индивидуальных отклонений. Это высказывание полностью соответствует и развивает аналогичные высказывания Маркса в «Капитале» о процессе взаимопогашения отклонений цен от стоимости, индивидуального труда от общественного и т. д.

Естественно, что Ленин, как и Маркс, не ставил своей задачей детально рассмотреть концепцию статистической закономерности. Они глубоко разбирали формы и содержание явлений конкретного общественного строя — капиталистического. Естественно, что проблема статистической закономерности в будущей формации, как очень специфическая, ими не рассматривалась. Но если сделать анализ категорий статистической закономерности (и закона больших чисел) в аспекте всего марксистско-ленинского учения, то мы придем к выводу о важности этой категории и для социалистического общества. Основополагающее значение для обоснования этого понятия имеют положения Ленина в его труде «Материализм и эмпириокритицизм» и в «Философских тетрадях», в которых развиваются понятия всемирной связи явлений, причинности, закона. Ленин исходил из бесконечно сложного и многообразного характера объективных причин связей в природе и обществе, а наше познание их рассматривал как бесконечный процесс углубления и все более точного воспроизведения этих связей в научных понятиях и категориях. Он считал неправильным смешивать вопрос об объективном характере причинных связей с вопросом о степени точности в их изображении [10].

В конспекте гегелевской «Науки логики» Ленин неоднократно подчеркивал мысль о богатстве и всесторонности объективных связей явлений. Он обращал внимание на то, что они отнюдь не сводятся только к причинным связям: «Каузальность, обычно нами понимаемая, есть лишь малая частичка всемирной связи...» [11] Причины и следствие, говорил Ленин,— лишь моменты универсальной связи, лишь звенья в цепи развития ма-

[9] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 68.
[10] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 164.
[11] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 144.

терии. Причинность выражает связь явлений односторонне, отрывочно, неполно. Эта глубочайшая мысль Ленина дает нам ключ к пониманию того, почему мы, изучая корреляционную связь между двумя (или несколькими) признаками, в ряде случаев можем попеременно рассматривать каждый из признаков то как причину, то как следствие.

Труды Ленина не дают никакого основания толковать марксистские положения о необходимости и случайности, о многообразии и сложности причинных связей, о многообразных и сложных формах проявления законов как положения, связанные с какой-то определенной исторической формацией. Но, разумеется, конкретные формы и характер действия законов и проявления закономерностей имеют свои черты в различных исторических условиях.

Таким образом, в категории статистической закономерности следует различать две стороны: конкретное социально-экономическое содержание закономерностей и их общий механизм действия. Первая сторона, естественно, зависит от специфических черт каждого общественного строя. Там, где есть различные моменты в самом содержании некоторых общих социально-экономических законов, мы наблюдаем и своеобразие в механизме действия статистической закономерности. Так, отклонения цен от стоимости в плановом хозяйстве имеют существенные черты, отличные от аналогичного процесса в стихийно-рыночном хозяйстве. Более того, этот процесс в условиях современного государственно-монополистического капитализма протекает по-другому, чем в эпоху домонополистического капитализма.

Общий механизм статистической закономерности как формы проявления конкретных законов обусловлен не конкретными, преходящими социально-экономическими чертами явлений, а соотношением необходимости и случайности, общего и отдельного, т. е. такими категориями, которые свойственны любому общественному строю, являются общеисторическими. Рассматривая, например, с этой точки зрения процесс выполнения народнохозяйственного плана, его можно трактовать как необходимость. Но этот процесс отнюдь не протекает строго функционально, как фатально установленное предопределение того, что каждое предприятие как индивидуум дает строго фиксированную величину выполнения плана. Напротив, каждый объект имеет свою величину плана, а общая закономерность отчетливо выявится лишь в массе событий.

Значит ли, что отклонения данных о выполнении индивидуальных заданий от общего уровня выполнения плана всегда будут укладываться в нормальное распределение отклонений вариантов от их среднеарифметической? Отнюдь нет! И в то же время вовсе не следует считать, что только та закономерность, которая укладывается в кривую нормального распределения, подпадает под понятие статистической закономерности. Нормальное распределение — лишь один из частных способов выражения статистической закономерности при очень определенных условиях и является, таким образом, скорее математической абстракцией, чем реально осуществляющимся конкретным случаем массовой закономерности. Что касается процесса выполнения плана,

то он также подпадает под понятие средней общественной закономерности (как и другие экономические закономерности), хотя и имеет более сложные формы, порой очень далекие от нормального распределения.

Советская школа ученых в области теории вероятностей и математической статистики, вооруженная ленинскими методами познания, заняла начиная с 30-х годов передовые позиции в мировой науке и дала большое число работ, расширивших и углубивших наши знания понятий вероятностей, стохастического процесса, закона больших чисел и ряда других категорий. В частности, понимание вероятности как объективной характеристики степени возможности дает строго философскую опору для теории вероятностей и математической статистики, углубляет наше понимание причинных связей вообще.

Соображения, высказанные о статистической закономерности, в значительной мере относятся и к закону больших чисел. Закон больших чисел служит одним из характерных проявлений единства необходимости и случайности. Он показывает, что в массе событий основной закон или тенденция, выражающая необходимость, проявляется путем взаимопогашения случайных элементов (отклонений от основной линии развития). Чрезвычайно большая распространенность такой формы причинной связи в природе и обществе обусловливает исключительно важное значение закона больших чисел в теории и практике научных исследований. В этом смысле он является в известной мере универсальным законом, не ограниченным какой-либо одной областью явлений. Свойство этого закона представить устойчивое в изменчивых явлениях объясняет, почему так часто приходится прибегать к его помощи. К сожалению, математические средства пока дают возможность в так называемых предельных теоремах охватить только самые простейшие случаи действия закона больших чисел при очень строгих и ограниченных условиях. Можно надеяться, что в конечном счете математике удастся найти форму выражения закона больших чисел в условиях, максимально приближенных к реальным, когда принимается во внимание зависимость (и притом в довольно сильной степени) между любыми элементами статистической совокупности.

Рассмотрим теперь некоторые проблемы демографических исследований, поскольку исторически демография всегда развивалась в очень тесной связи со статистикой, а некоторые ученые рассматривали ее даже как особую ветвь статистической науки. Сфера демографических явлений представляется наиболее благоприятной для самого широкого использования статистических методов (а также методов теории вероятностей), поскольку в массовых явлениях, связанных с движением населения, наиболее ярко и непосредственно проявляется сочетание отдельного и общего, случайного и необходимого. Сравнительно долгое время демографическим исследованиям в нашей литературе уделялось мало внимания. Лишь в последние годы в этой области науки произошли известные сдвиги. Результаты таких исследований приобретают все бóльшую значимость не только для расчета параметров народнохозяйственных планов, но и для разработки важных государственных мер в области политики народонаселения.

В своей научной деятельности Ленин неоднократно обращался к проблемам, связанным с изучением структуры и динамики населения, рассматривая их в плане решения больших социально-экономических и политических задач. Еще в своих ранних работах им были высказаны принципиально важные положения о характере основных законов движения народонаселения [12]. В настоящее время, когда во всем мире чрезвычайно остро ставятся демографические проблемы и необычайно широкое развитие получили различного рода неомальтузианские идеи, особое методологическое значение приобретает ленинская критика неомальтузианства. Ей, в частности, посвящена специальная статья Ленина «Рабочий класс и неомальтузианство», опубликованная в «Правде» в 1913 г. В этой статье Ленин категорически отвергал неомальтузианство как социальное учение, призывая к беспощадной борьбе против попыток навязать его рабочему классу [13]. Вместе с тем Ленин высказывался за свободу медицинской пропаганды, охрану азбучных демократических прав гражданина и гражданки, имея в виду в данном случае возможность использования предохранительных мер, абортов и т. д.

Современная мировая демографическая ситуация отличается необычайной сложностью и остротой. Господствующей тенденцией в экономически развитых странах является процесс снижения рождаемости, перекрывающий параллельно идущий процесс сокращения смертности. Так как коэффициенты смертности достигли или близки к некоторым предельным значениям и нельзя предполагать в ближайшем будущем их заметного снижения, внимание исследователей как и у нас, так и за рубежом сосредоточено на анализе факторов рождаемости. В этом направлении советские статистики и социологи уже провели ряд выборочных обследований.

Анализ большого материала, накопленного советскими и иностранными демографами, показывает сложность и противоречивость тенденций в движении народонаселения. Так, для развивающихся стран характерно в настоящее время сравнительно медленное снижение рождаемости и соответственно с этим значительно более быстрый прирост населения, чем в прошлом, что создает несоответствие между темпами роста народонаселения в этих странах и темпами экономического развития вообще, ростом производства продовольствия в особенности. Это обстоятельство и является причиной необычайно широкого распространения неомальтузианских взглядов, которые используются правящими кругами и идеологами буржуазии для того, чтобы отвлечь трудящиеся массы развивающихся стран от решения коренных социально-экономических проблем. Недооценка значения вопросов народонаселения, особенно в развивающихся странах, может привести к отрицательным последствиям, к просчетам в прогнозах и перспективных планах развития. В развитых странах положение несколько иное, так как здесь достаточно устойчивая закономерность падения рождаемости.

[12] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 476.
[13] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 257.

Своеобразные условия сложились в Советском Союзе, где в одних районах сохраняется еще довольно быстрый прирост населения, тогда как в других районах (например, центральных районах РСФСР, на Украине, в прибалтийских республиках) имеет место значительное снижение коэффициентов рождаемости, что заставляет поставить вопрос о принятии специальных мер для поощрения рождаемости.

Ленин писал: «Условия размножения человека непосредственно зависят от устройства различных социальных организмов...» [14] Это положение мы можем толковать в смысле обусловленности процессов рождаемости не только биологическими, но и социально-экономическими факторами.

Доказано, что снижение рождаемости в настоящее время является процессом, связанным с экономическим развитием общества, ростом культуры, вовлечением женщин в сферу общественного производства и общественной деятельности и т. д.

Естественность тенденций к снижению рождаемости в современном обществе и на современном этапе не означает, однако, что государство не может принимать мер, которые или прямо, или опосредствованно оказывали бы влияние на скорость указанного процесса. В частности, возможно предусмотреть некоторые социально-экономические мероприятия, которые способствовали бы повышению рождаемости в отдельных группах населения или в отдельных районах. Таким образом, демография из описательной или абстрактно познавательной дисциплины превращается в отрасль науки, помогающую регулировать ход общественного развития.

Снижение смертности и значительное повышение средней продолжительности жизни вызывают второй крупнейший феномен современности, так называемое «постарение» общества, статистически выражающееся в резком повышении доли старших возрастов. Указанные явления в свою очередь требуют проведения ряда крупных социально-экономических мероприятий (в частности, развитие системы пенсионного обеспечения) для нормального функционирования общества.

Из важнейших методологических вопросов демографии следует указать еще на разработку достаточно точных приемов прогнозирования численности и структуры населения на длительную перспективу. Как показал опыт многочисленных расчетов населения в СССР и особенно за рубежом, простая экстраполяция эмпирических закономерностей, выявленных за определенный отрезок времени, приводит к очень большим ошибкам в определении численности и структуры населения. Небольшие коррективы коэффициентов рождаемости, устанавливаемые экспертным путем, ненамного увеличивают достоверность расчетов. Более детальное и глубокое изучение факторов рождаемости, выяснение характера и формы корреляционной зависимости коэффициентов рождаемости от этих факторов, максимально возможная дифференциация расчетов по группам населения и районам страны позволят добиться

[14] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 476.

большей точности прогнозов, практическое значение которых для народнохозяйственного планирования не нуждается в обосновании.

Из общетеоретических проблем, которые относятся не только к демографии, но и к политической экономии, следует назвать вопрос о законе народонаселения при социализме. Ленин возражал против того, чтобы изучать закон народонаселения «без отношения к исторически различным формам общественного устройства» [15]. Маркс и Ленин показали особенности закона народонаселения в условиях капиталистического способа производства. В советской литературе имеется ряд попыток сформулировать этот закон для социалистического способа производства [16]. Однако пока мы не имеем общепризнанной формулировки этого закона и достаточно четкого объяснения механизма его действия. Решение поставленной задачи будет способствовать объяснению ряда демографических закономерностей в нашем обществе. Новым толчком к развитию демографических исследований в СССР послужит проведение Всесоюзной переписи населения 1970 г., которая позволит анализировать богатейшие материалы по структуре и динамике населения нашей страны. Программа проведения и обработки материалов переписи предусматривает применение новейших методов и современной вычислительной техники.

В заключение следует сказать, что советская статистика, вооруженная марксистско-ленинской методологией, давно вышла на передовые рубежи в мировой статистической науке и практике и прочно их держит. Опыт нашей статистики сыграл огромную роль в формировании статистики других социалистических стран и в формировании международной статистики мировой социалистической системы.

Однако советские ученые знают, что период строительства коммунистического общества, в который вступила наша страна, выдвигает все новые и все более сложные задачи и в теории, и в практике статистики.

Как и прежде, гениальные ленинские идеи будут служить компасом, который помогает определить направление для решения этих задач.

[15] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 476.
[16] Этому вопросу, в частности, посвящено несколько статей в XIV томе «Ученых записок по статистике» («Изучение воспроизводства населения». М., 1968).

Е. М. ЖУКОВ
академик

СОВРЕМЕННАЯ ИСТОРИЧЕСКАЯ НАУКА И ЛЕНИНИЗМ

Нет такой отрасли общественных наук, где бы не проявлялось могучее, все возрастающее воздействие марксизма-ленинизма. Это в полной мере относится и к исторической науке.

Несмотря на то, что люди очень давно начали интересоваться своим прошлым, только марксизм, открывший в середине прошлого века исторический материализм, превратил историю в точную науку. Ленинизм, являющийся прямым продолжением, развитием и обогащением марксизма, оказывает самое непосредственное, вдохновляющее влияние на все виды творческой, в том числе и научной, деятельности человека, является также мощным импульсом совершенствования и углубления материалистического понимания истории.

Со времени Маркса и Энгельса в мире произошли гигантские перемены. Великая Октябрьская социалистическая революция положила начало коренному социалистическому преобразованию всего общества. Теоретические положения марксизма получили свое воплощение в реальной жизни, в революционной борьбе и в созидательной деятельности широчайших народных масс. Всемирно-исторический процесс выдвинул новые проблемы.

В. И. Ленину принадлежит великая роль теоретического и практического руководителя первой в мире социалистической революции. Естественно, что ленинизм, будучи творческим развитием марксизма,

не мог не внести в него много нового, рожденного коренным изменением исторической обстановки, поставившей новые теоретические и практические задачи.

Необходимо, однако, еще раз подчеркнуть, что Ленин — продолжатель дела Маркса и Энгельса, что ленинизм — марксизм современной эпохи. Это следует сделать потому, что существует немало любителей искусственного противопоставления Ленина Марксу. Марксизм-ленинизм — единое интернациональное научное мировоззрение, все элементы которого органически слиты между собой и которое вместе с тем не представляет собой ничего застывшего, закостенелого. Творческая деятельность Коммунистической партии Советского Союза и других марксистско-ленинских коммунистических и рабочих партий непрерывно обогащает теоретическую сокровищницу марксизма-ленинизма, позволяет разрешать новые проблемы, выдвигаемые жизнью.

Многие положения марксизма, сформулированные или только намеченные в трудах основоположников научного коммунизма, были обстоятельно разработаны Лениным с учетом новых данных и в новой исторической обстановке, потребовавшей не только уточнения, но и развития теоретических взглядов Маркса и Энгельса. Ленин детально разработал вопрос о передовой роли рабочего класса в развитии общества, о партии, о диктатуре пролетариата, о соотношении объективного и субъективного факторов в революционном процессе, о государстве. Исключительно важное значение имеет теоретическая постановка Лениным национального вопроса.

Развитие советской исторической науки, ее достижения неразрывно связаны с деятельностью Ленина. Изучение истории современной эпохи было бы практически невозможно без основополагающих трудов Ленина по империализму, по истории российского и международного революционного движения, по истории Коммунистической партии, по конкретным вопросам строительства социализма. Ленинская теория социалистической революции заложила фундамент исследования основных процессов и закономерностей исторической эпохи перехода от капитализма к социализму. Более чем полувековой опыт подтвердил правильность ленинской теории.

Развитие Лениным материалистической диалектики обогатило все отрасли общественных наук, укрепило методологические основы познания путей прогрессивного движения человечества.

Для развития исторической науки жизненно важным условием является правильная марксистско-ленинская методологическая основа. Научное осмысление гигантского исторического опыта человечества необходимо не только для обоснования и укрепления диалектико-материалистического миропонимания, для воспитания социалистического патриотизма и интернационализма, но и для практической помощи в деле строительства нового, коммунистического общества. Изучение многих идей, ставших достоянием истории, анализ предпринимавшихся в прошлом попыток реализовать эти идеи, выяснение конкретных обстоятельств, обусловивших успех или неудачу многих прошлых начинаний,— все это представляет собой материал, исключительно ценный

 и для практической деятельности. Богатое наследие прошлого может быть должным образом мобилизовано и использовано в интересах строительства коммунизма лишь при том условии, что оно будет находиться в руках историков, вооруженных марксистско-ленинской методологией, твердо стоящих на позициях коммунистической партийности науки, т. е. способных извлечь из материала действительно объективные «уроки истории».

Мировоззренческое значение исторической науки, которое исключительно велико, делает важными как исторические исследования, относящиеся к новому и новейшему времени, так и те, которые связаны с самыми отдаленными историческими эпохами.

В трудах Ленина впервые получило свое научное определение понятие исторической эпохи. Ленин установил, что характер исторической эпохи зависит от того, какой класс в данной конкретной обстановке находится в центре исторического процесса, направляет его развитие. Ленин вооружил историческую науку пониманием того, что эпоха определяется ведущей тенденцией движения общества. Именно потому, что речь идет о тенденции развития, конкретные хронологические грани эпохи относительны, условны. Ленин подчеркивал, что «грани здесь, как и все вообще грани в природе и в обществе, условны и подвижны, относительны, а не абсолютны» [1].

Методологическое значение ленинских теоретических положений об исторической эпохе невозможно переоценить. Социально-экономические формации представляют собой определенные комплексы, выражающие этапы общественного развития. Само же это развитие предполагает прогрессивную смену социально-экономических формаций. Историческая эпоха в ленинском понимании и охватывает этот процесс перехода от одной формации к другой, включающий зарождение новых общественных отношений, идущих на смену старым, борьбу нового со старым и победу нового. Определение ведущей тенденции движения общества, составляющей содержание исторической эпохи,— надежная путеводная нить для историка. Научное определение, например, современной эпохи перехода от капитализма к социализму имеет не только теоретическое, но и сугубо практическое значение.

Для Ленина как для мастера революционной диалектики особенно характерен историзм в подходе к анализу любых общественных явлений. Ленин жестоко бичевал метафизическое, абстрактно-социологическое отношение к событиям, фактам в жизни общества. Он подверг сокрушительной критике как идеалистические, так и вульгарно-материалистические, механистические концепции исторического процесса. Работы Ленина, в частности по истории России, дали образец конкретного научного анализа, основанного на глубоком проникновении в суть происходивших социально-экономических явлений. При этом ленинский анализ опирался на исследование гигантского фактического, в том числе статистического, материала, что позволяло сделать вполне

[1] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 143.

обоснованные серьезные выводы и обобщения. В этом отношении труды Ленина по истории капитализма в России, по истории революции 1905—1907 гг., по истории Февральской буржуазно-демократической революции и, наконец, по истории Великой Октябрьской социалистической революции служат не только непревзойденным примером теоретической глубины, но и образцом применения объективных методов конкретно-исторического исследования. Ленин показал, что, несмотря на относительную отсталость дореволюционной России, она в целом была страной со средним уровнем развития капитализма, отличалась высокой степенью концентрации производства и централизации капитала и, главное, обладала революционным рабочим классом и боевой пролетарской партией, вооруженной передовой теорией.

В. И. Ленин широко использовал принцип историзма для разоблачения несостоятельности разного рода антинаучных метафизических концепций, выдвигавшихся противниками марксизма. Он подчеркивал, что «самое надежное» в общественной науке — это «не забывать основной исторической связи, смотреть на каждый вопрос с точки зрения того, как известное явление в истории возникло, какие главные этапы в своем развитии это явление проходило, и с точки зрения этого его развития смотреть, чем данная вещь стала теперь» [2]. Отвергая как абстрактно-схематический подход к истории, так и эмпиризм, довольствующийся простым коллекционированием фактов, без их объяснения, Ленин требовал достоверного знания всего доступного историку фактического материала. «...Необходимо брать не отдельные факты,— учил Ленин,—а *всю совокупность* относящихся к рассматриваемому вопросу фактов *без единого* исключения...» [3]

Только при таком обстоятельном, безусловно объективном подходе к анализу исторических процессов открывается возможность серьезных обобщений, выведения определенных уроков из исторического опыта человечества. Ленин подчеркивал важность исторического анализа проблем общественного развития «не в смысле одного только объяснения прошлого, но и в смысле безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...» [4]

Историзм, пронизывающий все произведения Ленина, ярко проявился в его оценке марксизма как высшего развития «всей исторической и экономической, и философской науки Европы» [5]. Ленин внес огромный вклад в исследование важнейших проблем русской истории. Но исключительно богато ленинское наследие и в изучении всеобщей истории. Обращая главное внимание на историю международного рабочего движения, Ленин дал оценку буржуазных революций во Франции, Германии, Англии, национально-освободительных движений в странах Азии. В работах Ленина содержится множество ценнейших, глубоко обоснованных характеристик развития революционного движения в Италии

[2] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 67.
[3] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 351.
[4] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 75.
[5] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 25, стр. 49.

США, Австрии, Венгрии и других странах. Какую бы историческую проблему ни затрагивал Ленин, он всегда подходил к ней с позиций оценки возможной связи данной проблемы с перспективами революционной борьбы международного рабочего класса, с вопросами социалистической революции.

«Гениальность Маркса,— писал Ленин,— состоит в том, что он сумел раньше всех сделать отсюда и провести последовательно тот вывод, которому учит всемирная история. Этот вывод есть учение о *классовой борьбе*.

Люди всегда были и всегда будут глупенькими жертвами обмана и самообмана в политике, пока они не научатся за любыми нравственными, религиозными, политическими, социальными фразами, заявлениями, обещаниями разыскивать *интересы* тех или иных классов. Сторонники реформы и улучшений всегда будут одурачиваемы защитниками старого, пока не поймут, что всякое старое учреждение, как бы дико и гнило оно ни казалось, держится силами тех или иных господствующих классов. А чтобы сломить сопротивление этих классов, есть *только одно* средство: найти в самом окружающем нас обществе, просветить и организовать для борьбы такие силы, которые могут — и по своему общественному положению *должны* — составить силу, способную смести старое и создать новое» [6].

Такая сила была найдена — международный пролетариат. Все усилия буржуазии оказались направлены на то, чтобы ослабить этого противника, помешать единству рабочего класса, расколоть его ряды, отвлечь внимание от классовой борьбы.

Показательно, что уже более полувека назад самые первые проявления ревизионизма в социалистическом движении были связаны со стремлением преуменьшить остроту классовых противоречий пролетариата и буржуазии, распространить иллюзию о возможности «классового мира», подорвать веру в осуществимость социалистических идеалов. Особые усилия были направлены на то, чтобы внушить идею о внеклассовой или надклассовой природе государства. Это весьма поучительно с точки зрения уроков истории, так как главное содержание идеологических диверсий, предпринимаемых современными ревизионистами и националистами, почти полностью совпадает с идеями Э. Бернштейна и других ревизионистских «апостолов». Современная апологетика буржуазной демократии прямо перекликается с каутскианскими наскоками на диктатуру пролетариата. А численно внушительная армия современных буржуазных, реформистских и ревизионистских социологов и историков усиленно, хотя и безуспешно, подкапывается под научное представление о классовой структуре общества. Отказаться от классового, партийного подхода к общественным явлениям призывают в настоящее время не только явные антикоммунисты, но и так называемые новые левые.

Нападение на понятие классовой структуры, разумеется, не случайно. Ленин подчеркивал в «Лекции о государстве», что правильно

[6] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 47.

разобраться во всех общественных вопросах «можно в том только случае, если твердо держаться, как руководящей основной нити, этого деления общества на классы, изменения форм классового господства...» [7] При этом существенно, что объективный анализ социальных процессов и явлений не соответствует интересам именно тех общественных сил, классов, партий, которые заинтересованы в консервации существующих форм классового господства, в торможении социального прогресса.

Во многих работах Ленина проявляется его громадное внимание к изучению социальных движений, порожденных классовыми интересами, к историческому опыту классовых битв. Именно в этом Ленин усматривал ключ к пониманию исторического процесса в целом. «Со времени великой французской революции,— писал он,— европейская история с особой наглядностью вскрывала в ряде стран эту действительную подкладку событий, борьбу классов» [8].

Для Ленина характерно глубокое проникновение в мотивы и движущие силы массовых народных движений, относящихся к отдаленным историческим эпохам. Ленин учил тщательно анализировать сильные и слабые стороны этих движений, причины их успехов и неудач. С величайшим уважением Ленин относился к революционерам, деятельность которых отвечала злободневным требованиям своего времени, способствовала социальному прогрессу, хотя нередко и оканчивалась для них неудачей и приводила к трагическим последствиям. Анализируя опыт Парижской Коммуны 1871 г., Ленин вслед за Марксом отмечал причины ее поражения, ее ошибки. Объективные исторические условия, внутренние и внешние, сложившиеся во Франции во второй половине XIX в., не были благоприятны для утверждения власти рабочего класса. О преждевременности выступления коммунаров предупреждал и Маркс. Но это не мешало ему с величайшей энергией поддержать дело Парижской Коммуны, популяризировать ее. Точно так же и Ленин не переставал восторгаться героизмом коммунаров, признавать огромное историческое значение первого в истории опыта диктатуры пролетариата.

В. И. Ленин всегда придавал огромное значение опыту революционной борьбы народных масс, рассматривая их как главных творцов истории. Существующая в настоящее время обширная марксистская литература, посвященная истории революционной активности масс в различные эпохи, неизменно вдохновлялась трудами Ленина.

Марксистско-ленинская историография сделала немало для рассмотрения классовой борьбы как основной движущей силы социального прогресса. Многочисленные труды, посвященные анализу узловых переломных моментов в жизни общества, раскрыли конкретную деятельность народных масс, классов и их партий, политических лидеров, а также влияние социально-политических идей и программ в ускорении или временном замедлении поступательного движения человечества.

[7] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 39, стр. 72.
[8] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 59.

Ныне документально подтверждена принципиальная общность направления общественного развития народов всех континентов. В частности, получил подтверждение тезис о том, что первой, хотя и не универсальной, формой классового господства и подчинения были рабовладельческие отношения. Дальнейшее развитие марксистской исторической науки позволило установить, что в ряде случаев первоначальной формой эксплуатации и соответственно первичным типом классового общества был феодализм. Это ни в малейшей степени не поколебало марксистско-ленинского учения о социально-экономических формациях. На громадном фактическом материале было показано, что при различных типах рабовладельческих или раннефеодальных отношений в основе их лежат единые закономерности. Изучение истории аграрных отношений, истории городов, различных форм производственной деятельности людей, а также истории надстроечных категорий — государства, общественной мысли и т. п. позволило марксистским историкам воссоздать живую картину общемирового исторического процесса, преодолев некоторые элементы схематизма, ощущавшиеся вначале.

Буржуазная, реформистская, ревизионистская и буржуазно-националистическая историография, выступающая против признания закономерностей исторического развития, т. е. против признания обреченности капитализма, стремится изобразить Великую Октябрьскую социалистическую революцию как «случайность», как локальное явление, порожденное исключительно российской действительностью. Причины этого понять легко — капиталистическому миру трудно примириться с мыслью о закономерности и, следовательно, неизбежности социалистической революции.

Историки-марксисты различных стран и прежде всего советские историки на основе богатого документального материала показали международное, всеобщее значение Октябрьской революции.

Вопрос об историческом значении Великой Октябрьской социалистической революции не сводится только к проблеме ее непосредственного или косвенного воздействия на революционное движение в других странах, хотя некоторая часть буржуазно-националистических историков, склонных игнорировать внешний, международный фактор революционного процесса, пытается преуменьшить влияние Октября на подъем революционной борьбы в своих странах. Основное заключается в другом — в признании закономерности общих черт социалистической революции. Работы историков-марксистов показали, что народно-демократические революции, торжество которых привело к превращению социализма в мировую систему, при всех своих местных особенностях воспроизвели главные черты, характеризовавшие Октябрьскую революцию 1917 г. в России.

Вопрос о классах, о классовом подходе к оценке общественных явлений продолжает занимать центральное место в идеологической борьбе на историческом фронте. Десятилетия, истекшие со дня смерти Ленина, показали, что противники марксизма-ленинизма с исключительным упорством атакуют теорию классов и классовой борьбы. В современных условиях научно-технической революции предпринимаются особо

ожесточенные «массированные» попытки выдать частные структурные изменения в рабочем классе, связанные с внутренней передвижкой в его рядах, за полную ликвидацию классовых различий в капиталистическом обществе.

Буржуазные социологи предлагают новую «стратификацию» общества, согласно которой директора банков, руководители крупных капиталистических концернов оказываются в одной общей графе не только с инженерами и служащими, но и с рабочими. Реформистские теоретики пытаются доказать, что никаких антагонистических классовых противоречий в современном «индустриальном обществе» быть не может. «Ультралевые» профессора утверждают, что пролетариат полностью обуржуазился и перестал быть активной революционной силой. Заявления о «деидеологизации» современного общества ставят своей целью подорвать марксистский тезис об особой роли рабочего класса в революционном преобразовании мира. Пекинские руководители приписывают решающее значение в борьбе против империализма крестьянским массам афро-азиатских стран.

Наконец, ревизионистские, троцкистские и буржуазно-националистические элементы в ряде зарубежных стран грубо клевещут на Советский Союз и другие социалистические государства, пытаясь принизить или отрицать ведущую роль рабочего класса в этих странах, умалить их значение как ведущей силы в современном прогрессивном развитии человечества. Современные атаки антикоммунистических сил на марксистско-ленинское учение о рабочем классе, о диктатуре пролетариата, о подлинной, т. е. социалистической, демократии, о социалистическом интернационализме показывают, каким острым идейным орудием международного рабочего класса является это учение, как заинтересована мировая реакция в том, чтобы затупить это орудие и убрать его из революционного арсенала.

Враги марксизма-ленинизма, в том числе и те, которые выступают на поприще исторической науки, постоянно пытаются извратить марксистско-ленинские теоретические положения, приписав им безжизненный схематизм или догматизм. Особенно усердствуют фальсификаторы в попытках представить объективную обусловленность закономерной смены социально-экономических формаций как некий исторический фатализм, якобы придающий всемирно-историческому процессу характер мистической предопределенности.

Маркс, Энгельс и Ленин не раз останавливались на этом вопросе. Экономический детерминизм исторического процесса не носит абсолютного характера. Он представляет собой логическое выражение того не зависящего от воли людей процесса развития производительных сил, которое лишь в конечном счете влечет за собой и изменение форм хозяйственной деятельности общества, и изменение его структуры. Но сами эти изменения, их конкретный характер, их сроки, темпы осуществления целиком определяются результатами живой деятельности народных масс, их революционной активностью, их трудом. Поэтому конкретный

исторический процесс лишен всякой прямолинейности, чужд всякому «предопределению» и нередко выступает в весьма осложненных формах.

Маркс разъяснял, что события, «поразительно аналогичные, но происходящие в различной исторической обстановке, привели к совершенно разным результатам. Изучая каждую из этих эволюций в отдельности и затем сопоставляя их, легко найти ключ к пониманию этого явления; но никогда нельзя достичь этого понимания, пользуясь универсальной отмычкой в виде какой-нибудь общей историко-философской теории, наивысшая добродетель которой состоит в ее надысторичности» [9]. Ленин с возмущением отвергал обвинения по адресу марксистов, приписывавшие им схематизацию исторического процесса. ««Марксисты исповедуют непреложность абстрактной исторической схемы»!!

Да ведь это же сплошная ложь и выдумка!» [10]

Современные критики марксизма-ленинизма повторяют излюбленный прием своих предшественников, заключающийся в том, чтобы искусственно догматизировать, довести до абсурда некоторые положения материалистического понимания истории, в частности тезис о примате экономики. Противникам марксизма весьма выгодно подменять диалектический материализм плоским экономическим материализмом с тем, чтобы затем с легкостью «ниспровергать» ими же самими сфальсифицированный, выхолощенный марксизм.

Марксистско-ленинское учение о социально-экономических формациях, являющееся краеугольным камнем материалистического понимания истории, не имеет ничего общего с вульгарным игнорированием всех других сторон деятельности общественного человека, кроме «чисто» хозяйственной. Социально-экономическая формация отнюдь не сводится к способу производства, она представляет собой совокупность взаимосвязанных политических, экономических и идеологических элементов в развитии общества, выступает как диалектическое единство базиса и надстройки. Понятие социально-экономической формации включает в себя не одну только «экономию», как презрительно фыркали теоретики русского народничества, а все богатство социальной и духовной жизни общества, находящегося на определенной стадии развития.

Марксизму-ленинизму органически чуждо представление о фаталистическом предопределении тех конкретных форм, в которых протекает прогрессивное движение человечества. Еще Плеханов в полемике с Михайловским подчеркивал, что «диалектический материализм никаких стран ни к чему не приговаривает, что он не указывает пути, общего и «обязательного» для всех народов во всякое данное время; что дальнейшее развитие всякого данного общества всегда зависит от соотношения общественных сил внутри его, и что, поэтому, всякому серьезному человеку надо, не гадая и не ноя по поводу какой-то фантастической «обязательности», изучать прежде всего это соотношение; только

[9] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 19, стр. 121.
[10] *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 1, стр. 195.

такое изучение и может показать, что «обязательно» и что «необязательно» для данного общества» [11].

Необходимость конкретного исторического анализа исключает заранее данные, предвзятые суждения о характере любого общественного явления. История, которую Маркс определял как «саморазвивающееся общественное состояние» людей [12], дает исключительное разнообразие форм и типов общественных отношений, требует от исторической науки не одноцветного схематического чертежа с изображением «кривой» фундаментальных социальных изменений, а диктует использование многокрасочной палитры, лишь при помощи которой окажется возможным воссоздавать широкие полотна многогранной жизни общества на всех этапах его движения. Но, для того чтобы эти изображения отличались научной достоверностью, необходим единый и объективный принцип подхода к изучению исторического пути человечества.

Как уже сказано, марксизм превратил историю в подлинную науку, открыв общие закономерности развития общества. Ленин писал, что «марксизм указал путь к всеобъемлющему, всестороннему изучению процесса возникновения, развития и упадка общественно-экономических формаций, рассматривая *совокупность* всех противоречивых тенденций, сводя их к точно определяемым условиям жизни и производства различных *классов* общества, устраняя субъективизм и произвол в выборе отдельных «главенствующих» идей или в толковании их, вскрывая *корни* без исключения всех идей и всех различных тенденций в состоянии материальных производительных сил» [13].

Современным критикам марксизма-ленинизма из породы ревизионистов не по душе признание закономерностей общественного развития. Они склонны делать ударение только на многообразии конкретных путей движения общества. Из факта многовариантности этих путей ревизионистские историки делают вывод, что никакого общего и единого магистрального направления развития человечества вообще якобы не существует. Именно этот вывод и составляет основной тезис господствующего направления в современной буржуазной историографии. Большинство буржуазных историков устремляют свое внимание на скрупулезное изучение искусственно изолируемых отдельных фрагментов прошлого, больше всего интересуясь узкими, частными вопросами и решительно избегая всякой генерализации, считая ее вредной и опасной.

Нарочитый скептицизм ярко характеризует кризис буржуазной исторической мысли, приводящий по существу к распадению исторической науки на ряд прикладных дисциплин преимущественно источниковедческого характера. Буржуазная историография в лице ее наиболее добросовестных представителей готова предоставить в распоряжение читателей обильный фактический материал, нередко обоснованный

[11] *Г. В. Плеханов.* К вопросу о развитии монистического взгляда на историю. М., 1938, стр. 140.
[12] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс.* Сочинения, т. 9, стр. 136.
[13] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 57—58.

и подтвержденный тщательным критическим изучением источников. Однако на этом дело и заканчивается. Никакого обобщения материала, никаких серьезных выводов, позволяющих определить ведущую тенденцию общественного развития, обычно не дается. Налицо глубокий кризис мировоззрения, прикрываемый словами о стремлении избежать «субъективной оценки» исследуемого материала.

Разумеется, в данном случае речь идет о тех действительно добросовестных буржуазных историках, которые при всей своей теоретической несостоятельности не хотят становиться на явно реакционные позиции и отказываются быть орудием антикоммунизма. В условиях необычайного обострения идеологической борьбы в буржуазных странах подвизается немало «историков», деятельность которых целиком и полностью определяется интересами обоснования и защиты реакционной империалистической политики. Расистские, милитаристские и прочие человеконенавистнические «теории», лежащие в основе многих «исторических» изысканий, находятся вообще за пределами какой-либо науки.

Но существует ряд таких направлений в буржуазной и реформистской историографии, само появление которых является результатом определенного воздействия марксистско-ленинских теоретических положений на тех зарубежных ученых, которые, сознавая слабость своих теоретических позиций, все еще не хотят отказаться от идеалистических взглядов. Попытки эклектического соединения немарксистских и марксистских представлений об историческом процессе получили достаточно широкое распространение в зарубежной историографии. Это отчасти отражается и на изменении тематики исторических исследований. Все больше возрастает внимание к экономической истории, к роли массовых народных движений, к истории революций.

При огромном разнообразии индивидуальных «точек зрения» и подходов к анализу исторического материала следует выделить некоторые наиболее характерные тенденции в буржуазной историографии, представляющие собой попытки, с одной стороны, «использовать» отдельные положения марксизма, с другой — противопоставить ему иную, глубоко враждебную по существу концепцию.

Наиболее показательным является стремление вульгаризировать «материалистический» метод объяснения исторического процесса, исключив из этого процесса... человека. История сводится к истории материальных ценностей, техники. Налицо пародия на марксистское положение об объективной революционной роли изменений в производительных силах. Смысл этой своеобразной диверсии состоит в выхолащивании решающего момента в историческом процессе — социально-классовых отношений. Обнаженно апологетическое выражение эта тенденция получила в известном «некоммунистическом манифесте» У. Ростоу, который своими пятью «стадиями роста» решил «заменить» марксистско-ленинское учение о социально-экономических формациях.

Значительная группа буржуазных историков посвящает свои чисто эмпирические исследования экономической истории, не делая тех «генерализирующих» выводов, которые формулирует Ростоу, но, по-

добно ему, рассматривая экономические явления изолированно от социально-классовых проблем. Формальная «уступка» марксизму в признании первоочередного значения экономики оборачивается полемикой с подлинно материалистическим пониманием истории, его отрицанием. Отказ от классового анализа нередко сопровождается изобретением нарочито расплывчатых «социальных структур» с явной целью уйти от рассмотрения не только классовых антагонизмов, но и всей динамики общественного развития.

Некоторые зарубежные историки соглашаются отдать скромную «дань» марксизму, признавая экономику лишь «одним из факторов», определяющих ход исторического процесса. Распространенная среди буржуазных историков «плюралистическая теория», придающая одинаковое значение разным «факторам» истории, включая и экономику, в большинстве случаев носит позитивистский характер.

Своеобразным поиском альтернативы марксистскому пониманию закономерности общественного развития выступает и рассмотрение человеческой истории как суммы «цивилизаций» или культурно-исторических комплексов. Известную популярность в этой связи завоевала себе одно время теория А. Тойнби о последовательной смене 21 цивилизации, каждая из которых прошла определенный цикл возникновения, подъема и упадка. Но концепция Тойнби вследствие своей слишком явной уязвимости не смогла стать ведущим направлением в современной буржуазной историографии. Ее откровенно идеалистическая, искусственная конструкция оказалась слабо приспособленной для того, чтобы стать каким-либо «противовесом» марксизму. Проповедь обновленного «истинного» христианства, которому, по мнению Тойнби, надлежит стать высшей цивилизацией, способной «спасти» человечество, не выдерживает научной критики.

Значительно большее значение в идеологической войне против марксизма имеет «материалистическая» линия последователей У. Ростоу и Р. Арона, выдвигающих концепцию «индустриального общества», в котором якобы исчезают принципиальные различия между капитализмом и социализмом. Развернутый Ароном тезис о «деидеологизации» рабочего класса теснейшим образом связан с главным тактическим приемом антикоммунизма — распространением теории конвергенции, т. е. «синтеза» капитализма и социализма. В согласии с этой установкой реформистские и ревизионистские историки с особым рвением атакуют марксистско-ленинское учение о прогрессивной смене социально-экономических формаций в основном для того, чтобы попытаться «лишить» социализм его принципиальных отличительных особенностей. Для удобства маскировки атака на учение о социально-экономических формациях предпринимается исподволь, начиная с пересмотра характера первых антагонистических обществ — рабовладельческого и феодального. Под предлогом наличия многовариантности форм становления и развития докапиталистических формаций берется под сомнение само существование этих формаций. Дискуссия об «азиатском способе производства» также во многих случаях используется для пересмотра и «исправления» установившихся марксистско-ленинских положений.

Однако никаких серьезных аргументов в пользу отказа от марксистско-ленинских взглядов на закономерность и единство всемирно-исторического процесса никем никогда выставлено не было.

Зато марксистско-ленинская историческая наука за последние годы обогатилась и непрерывно обогащается большим количеством конкретных исследований, которые показывают, что многообразие форм и путей прогрессивной смены социально-экономических формаций подтверждает основы материалистического понимания истории.

Различие типов общественных отношений вызывает лишь необходимость тщательного изучения всех обстоятельств времени и места, конкретных объективных и субъективных условий возникновения тех или иных ситуаций. Но при всех различиях конкретных типов феодализма в Западной Европе, Азии или Африке исторический анализ подтверждает, что это феодализм, т. е. единая и вполне определенная стадия исторического развития общества.

В. И. Ленин неоднократно подчеркивал, что все народы в конечном итоге придут к социализму, но придут по-разному, не обязательно одинаковым путем. Социалистические общественные отношения победят повсюду, но при этом не исключено известное разнообразие их конкретного воплощения.

Попытки «упростить» с тем, чтобы дискредитировать марксистско-ленинское материалистическое понимание истории,— излюбленное занятие его критиков. Но эти попытки выдают сокровенное желание антимарксистской историографии: отвергнуть существование объективных законов общественного развития, «обосновать» необязательность социалистической революции, «увековечить» капиталистические порядки. С этой точки зрения история — весьма опасная наука для современного буржуазного общества. Историческая наука раскрывает преходящий характер тех социальных отношений, которые составляют квинтэссенцию капиталистической цивилизации. В этом и состоит основная причина глубокого кризиса современной буржуазной историографии. Революционный характер марксистско-ленинского учения о прогрессивной смене социально-экономических формаций, о наличии общих закономерностей всемирно-исторического процесса несовместим с интересами защиты незыблемости капиталистических отношений.

Историзм, являющийся органическим составным элементом марксистско-ленинской методологии, по существу враждебен буржуазному миропониманию. Но так как никто не может игнорировать разительные перемены, происходящие в современном мире, то для объяснения их привлекаются такие теории, которые не допускают глубоких революционных выводов. Это либо позитивистские построения, не выходящие за рамки признания постепенной эволюции общественных отношений под воздействием многих факторов, либо провозглашение совершенно случайными и неповторимыми тех процессов и явлений, которые не укладываются в русло «нормального» капиталистического развития.

Обострение идеологической борьбы на современном этапе приводит к поляризации противоположных классовых концепций и в сфере исторической науки. За последнее время заметно активизировалась на-

ционалистическая историография, представители которой стремятся искусственно оторвать течение исторического процесса в одной определенной стране от хода мировой истории. В этом по существу также проявляется общая тенденция антимарксистской историографии, направленная на отрицание общих закономерностей общественного развития и на выпячивание специфического, выступающего в данном случае в национальной оболочке.

Объективность марксистско-ленинской исторической науки включает в себя дух интернационализма, решительный отказ от предвзятого отношения к истории какого-либо народа, недопущение умаления или преувеличения роли какой-либо национальности в общем историческом процессе. Марксистская историография имеет значительные достижения в освещении исторического пути, пройденного многими народами Азии, Африки и Латинской Америки. Ей глубоко чужд принцип «европоцентризма» в трактовке проблем всемирной истории. Выступая против любых националистических или расистских концепций, марксистско-ленинская историческая наука решительно отвергает и «釉оцентристские» претензии, получившие за последнее время известное распространение.

Ленинизм — неиссякаемый источник творческой научной мысли. Историческая наука в СССР и в других социалистических странах, деятельность историков-марксистов в несоциалистических странах вдохновляются и направляются великим революционным учением Маркса — Ленина.

В познании объективных уроков истории прогрессивное человечество черпает дополнительные силы для успешной борьбы за коммунизм.

Н. Н. ИНОЗЕМЦЕВ
академик

ЛЕНИНСКИЙ АНАЛИЗ ПРОБЛЕМ ВОЙНЫ И МИРА И СОВРЕМЕННОСТЬ

На пороге новой эры в истории человечества, открытой первой победоносной социалистической революцией, Ленин проник взором гениального ученого и политика в сокровенные глубины мирового развития. Мысль его не только обнимала бурные и противоречивые события своего времени, но и решительно опережала их, устремляясь в будущее, смело предвидя динамику сложнейших процессов, которые в наши дни определяют жизнь настоящих и грядущих поколений.

Ленинская мысль, ленинская система взглядов, ленинский подход к анализу сложнейших общественных явлений — неоценимое богатство нашей партии и международного коммунистического движения, надежнейшая основа всестороннего исследования и успешного решения наиболее острых проблем, стоящих перед человечеством. Это в полной мере относится к марксистско-ленинскому учению о войне, мире и революции, к вопросу о мировых войнах, который «с 1914 года стал краеугольным вопросом всей политики всех стран земного шара. Это вопрос жизни и смерти десятков миллионов людей» [1].

Веками и тысячелетиями история человечества была неразрывно связана не только с социальным гнетом, но и с непрерывными захватническими войнами. В этих войнах истреблялось множество людей,

[1] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 148.

гибли целые страны и культуры, уничтожались огромные материальные и духовные ценности. В чем причина этого? Почему основой политики государств всех общественно-экономических формаций прошлого стала сила, а целью политики — борьба за еще бо́льшую силу? Почему развитие международных отношений шло по спирали: подготовка войны — война — победа одних и поражение других — подготовка еще более разрушительной войны и т. д.? Почему именно войны стали в конечном счете важнейшим средством мировой политики, а каждая последующая война превосходила предыдущие по своим разрушительным последствиям? И главное, что́ надо сделать, чтобы разорвать этот порочный круг и избавить человечество от войн?

Над этими острейшими вопросами задумывались и задумываются наиболее дальновидные государственные и политические деятели разных эпох и воззрений. Их стремились и стремятся разрешить ученые самого различного профиля — историки и философы, физики и математики, экономисты и социологи — множество людей, которым нельзя отказать в таланте, честности, чувстве ответственности за будущее человечества.

Но лишь одна научная теория — теория марксизма-ленинизма, воплотившая все лучшее, созданное человеческим гением, и неразрывно связавшая науку с революционной практикой, сумела дать ответ на насущнейшие вопросы мирового развития, в том числе на проблемы войны и мира. Лишь одна политическая сила — международное коммунистическое движение, опирающееся на эту теорию,— показала народам выход из порочного круга нескончаемых войн.

Войны, говорят марксисты,— не фатальный злой рок, тяготеющий над человечеством, не неминуемая расплата за его грехи, как утверждают многочисленные представители различных религий. Войны — не результат проявления «звериных инстинктов» и «иррациональных разрушительных эмоций», будто бы органически присущих людям, как заявляют многие социологи. Войны — не последствие «неполноценности» одних людей и «совершенства» других, не результат якобы неизбежной «борьбы за существование» и «жизненное пространство», как уверяют расисты.

В основе всех конфликтов, порождавших войны, всех катаклизмов, взрывающих нормальное течение международных отношений, лежат глубокие социальные корни, совокупность экономических, политических, правовых, идеологических, военных связей и взаимоотношений между классами, нациями, государствами и системами государств, связей, вытекающих из характера общественно-экономических формаций прошлого и присущей им эксплуататорской основы. Такова точка зрения марксизма, получившая глубокое, всестороннее развитие в творчестве В. И. Ленина.

Исследуя капитализм на его высшей и последней стадии развития, Ленин пришел к выводу, что основные черты империализма, главные его экономические, политические, идеологические особенности привели

к тому, что агрессивность, органически свойственная старому, «классическому» капитализму, с переходом к капитализму монополистическому еще более возросла.

В области экономики это было вызвано такими факторами, как расширение масштабов производства и создание могущественных монополий, больших хозяйственных комплексов, требующих более емких рынков, перешагивающих границы национальных государств; складывание всемирной финансовой олигархии и выделение горстки государств, претендующих на господствующее положение; увеличение вывоза капитала и обострение борьбы за сферы его приложения, источники сырья, области торгового, финансового и иного влияния; экономический раздел мира между союзами капиталистов и территориальный раздел его между великими державами на колониальные империи, стремление к переделу со стороны всех «опоздавших». К этому добавлялся и такой рычаг, действовавший в направлении агрессивности, как создание все более обширного военно-экономического комплекса, развитие во многих странах процесса милитаризации экономики, подталкивающего правящие круги этих стран к войнам.

В области политики рост агрессивности диктовался прежде всего тем обстоятельством, что неотъемлемое свойство империализма — реакция по всей линии и усиление национального гнета в связи с гнетом финансовой олигархии и устранением свободной конкуренции. Концентрация производства и капитала сопровождалась сращиванием монополий с государством, концентрацией власти в руках монополистической буржуазии и ее ставленников, усилением тенденции к наиболее реакционным, авторитарным режимам. Монополистические государства обрушивали на массы, борющиеся за демократию и социальное освобождение, все формы насилия; во внешней экспансии и захватнических войнах они видели один из важных рычагов подавления революционного движения внутри каждой из стран капитала.

В области идеологии переход к империализму сопровождался всемерным раздуванием культа силы, подогреванием шовинистических устремлений, насаждением расизма, подрывом общественной морали. Под все эти процессы подводилась соответствующая материальная база в виде все более широких средств массовой информации, используемых в целях обмана масс.

Таким образом, перерастание капитализма домонополистического в капитализм монополистический привело к дальнейшему усилению агрессивности внешней политики всех мировых капиталистических держав. В результате главным содержанием этой политики стало непрерывное соперничество из-за того, как господствовать над миром, как обеспечить наибольшие прибыли финансового капитала, захватившего весь мир в цепь своего влияния.

Экономическое соперничество, раздел сфер влияния, интересов, колоний проявлялись в обстановке непрерывно изменяющегося соотношения сил. В условиях империализма с особой остротой стал действовать закон неравномерности экономического и политического развития капиталистических стран. Это создавало предпосылки для опережения

одних стран другими, для нарушения сложившегося статус-кво, что не замедлило сказаться во всей сфере международных отношений. Переход к империализму сопровождался целой серией локальных (прибегая к современной терминологии) войн и подготовкой к развязыванию первой мировой империалистической войны, которая оказалась неизбежной.

В. И. Ленин пришел к выводу, что господство империализма влечет за собой такой рост милитаризма, при котором войны становились мировыми в самом точном географическом, демографическом, социальном смысле этого слова, охватывая страны различных континентов, вовлекая в свой водоворот все больше народов, все классы и социальные группы воюющих стран. Он до конца обнажил механизм империалистической политики, осуществляющий воспроизводство войн. Нельзя объяснить социальный характер войны, ее истинное значение, не ставя их в связь с классовым содержанием предшествовавшей политики данного государства («война есть продолжение политики»), и не только данного, но и всей системы государств в их экономических и политических взаимоотношениях.

Исследуя социально-экономическую и политическую историю империалистических войн, основатель нашей партии и государства подверг всестороннему анализу последствия этих войн для общества, прежде всего для рабочего класса и широких масс трудящихся, которые неизменно оказывались в самом средоточии военных катастроф, выносили на своих плечах все их бремя. Ленин в полной мере оценил масштабы разрушительной силы оружия, примененного в первой мировой войне, современником которой он являлся. Вместе с тем он предвидел зловещую динамику этих масштабов, гигантский рост потерь в будущих войнах.

И действительно, если в первой мировой войне было 10 млн. убитых и 20 млн. искалеченных, то во второй — 50 млн. убитых и 35 млн. искалеченных. Достаточно сопоставить эти цифры с числом жертв от войн за 300 лет, предшествующих войне 1914—1918 гг. (25 млн. человек), чтобы оценить прогрессию потерь. Если в 1914—1918 гг. расходы на войну, включая стоимость причиненного ущерба, составили 260 млрд. долл., то в 1939—1945 гг. они превысили 3300 млрд. долл.

Марксисты всегда исходили из того, что научно-технический прогресс, оказывая определяющее влияние на производительные силы, воздействует на все сферы жизни общества, в том числе на деятельность вооруженных сил, на военную технику и организацию, на средства и способы ведения войны. Переход от «века пара» к «веку электричества» сопровождался такими качественными сдвигами в средствах вооружения, как появление скорострельного оружия и тяжелой артиллерии, танков, самолетов, подводных лодок, т. е. обращением возросших достижений науки и техники на создание все более мощных средств уничтожения и разрушения.

В. И. Ленин подчеркивал, что полное и безраздельное господство империализма ведет к тому, что основные завоевания науки и техники, более того, все производительные средства в такой мере ставятся

на службу истребления, что все большее число стран охватывает одичание, голод, упадок производительных сил. Такова тенденция развития милитаризма, вытекающая из самой природы империализма. Эта тенденция в большой мере проявилась уже в годы первой мировой войны, когда Ленин пришел к выводу, что на определенном этапе она «может повести,— и что она неминуемо поведет,— к подрыву самих условий существования человеческого общества» [2].

Угроза подрыва самих условий существования человеческого общества, связанная с развитием милитаризма, стала особенно реальной в наше время. Современная научно-техническая революция не знает себе равных по широте диапазона и масштабам открытий, по их стремительности, по глубине воздействия на все стороны жизни общества. Никогда еще перед народами не открывались такие широчайшие перспективы овладения силами природы. Это обусловлено блестящими успехами физики, проникающей в тайны микро- и макромира; математики, сделавшей возможным создание электронно-вычислительной техники, гигантски повышающей производительную силу умственного труда; химии, создающей новые материалы с заранее заданными свойствами; биологии, проникающей в структуру клетки и раскрывающей механизм наследственности, а также многих других наук. В то же самое время никогда не были так велики опасности, нависшие над человечеством. В условиях существования империализма неотъемлемой частью происходящей научно-технической революции стала и революция в области военной техники, кардинальные качественные сдвиги в области создания средств поражения и доставки их к цели.

Термоядерное оружие обладает такими смертоносными качествами, как несравнимая со всеми прошлыми видами оружия ударная сила взрыва, испепеляющее тепловое и световое излучение, способное охватить большие пространства, проникающая радиация, выходящая далеко за пределы театра военных действий. Что касается средств доставки этого оружия к цели, современных ракет, оснащенных электронно-вычислительными устройствами, то для них характерны практически беспредельная дальность действий, огромная скорость, автономность управления, резко затрудняющие борьбу против них, возможность применения во всех сферах: на суше, на море, в атмосфере и космическом пространстве.

К этому надо добавить, что идет процесс быстрого количественного накопления и непрерывного качественного развития ракетно-ядерного оружия. Достаточно сказать, что, по данным буржуазной печати, разрушающий потенциал уже накопленных в середине 60-х годов ядерных зарядов (в пересчете на тонну тротила) в 20—25 тыс. раз превышал разрушающую мощь всех взрывчатых веществ, примененных на протяжении всей второй мировой войны.

В результате, если в прошлых мировых войнах людские потери исчислялись миллионами и десятками миллионов людей, то в новой войне с применением не только термоядерного, но, возможно, также

[2] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 396.

химического и бактериологического оружия они будут исчисляться сотнями миллионов жизней. В такой войне, фактически не делающей различий между фронтом и тылом, между воюющими и невоюющими государствами, неизбежно были бы стерты с лица земли целые государства, превратились бы в развалины крупнейшие центры мирового производства и мировой культуры. И последствия такой войны не ограничились бы, условно говоря, одноразовым эффектом ядерного столкновения, сколь широкие пространства и сколь значительные массы населения оно ни поразило бы. Термоядерная война неизбежно привела бы к опасному отравлению земной атмосферы, к генетическим последствиям, которые самым отрицательным образом сказались бы не только на нынешнем, но и на будущих поколениях. Все это — не плод досужей фантазии, а факты, установленные наукой и проверенные практикой держав, проводивших испытания термоядерного оружия. И спор между различными учеными идет не о разных принципиальных оценках последствий ракетно-ядерной войны для человечества, а о том, в состоянии ли современная наука в полной мере предусмотреть все бедствия и несчастья, которые обрушатся на народы в случае такой войны.

Из этого видно, сколь несостоятельны и безответственны дилетантские рассуждения «ультралевых» элементов на тему о том, будто бы народам нечего бояться новой мировой войны, так как она, по их словам, приведет не только к поражению империализма, но и породит условия для создания «в тысячу раз более высокой цивилизации». Несомненно, мировая термоядерная война стала бы последним преступлением империализма. Однако разве можно закрывать глаза на то, что она привела бы к разрушению районов, где сконцентрированы основной промышленный, сельскохозяйственный, научно-технический и культурный потенциал человечества, его наиболее политически организованный отряд — международный рабочий класс. И разве это могло бы способствовать прогрессу мировой цивилизации, успеху социально-политического развития народов? Напротив, социальный прогресс народов, мировой революционный прогресс были бы существенно заторможены, а, быть может, и вообще прерваны.

Настоящие коммунисты, подлинные марксисты-ленинцы не могут мириться с подобной перспективой. Она находится в вопиющем противоречии с самими основами нашего учения, с великими, наиболее гуманными в истории человечества принципами, заложенными в нашем движении. Коммунисты с глубочайшим реализмом подходят к оценке возможных последствий мировой термоядерной войны и считают своим священным революционным долгом, своей первейшей обязанностью перед народами сделать все необходимое, чтобы не допустить такой гибельный для человечества апофеоз империалистической политики. Ученики и последователи Ленина глубоко убеждены, что пресечение всех попыток империализма развязать подобную войну — категорический императив нашей эпохи.

Этим руководствовалось и международное Совещание коммунистических и рабочих партий, состоявшееся в Москве в июне 1969 г., подчерк-

 нув в Основном документе, что борьба против военной опасности остается основным звеном единых действий антиимпериалистических сил.

Действенность, огромная жизненная сила марксизма-ленинизма проявилась и проявляются в том, что он не только показал трудящимся причины, характер и возможные последствия развязываемых империализмом войн, но и указал на средства выхода из них, пути их предотвращения.

Ни в своем научном анализе, ни в страстном политическом обличении империалистических войн Ленин никогда не оказывался в плену субъективистских представлений о фатальном ходе человеческой истории, вызывающем войны и в свою очередь ими подталкиваемом. Он всегда проводил глубокое различие между материально-техническими факторами, предопределяющими все более разрушительные последствия каждой последующей войны, и факторами социально-политическими, от которых зависят вопросы, быть или не быть войне, каково будет классовое содержание каждой будущей войны, ее место в истории.

В. И. Ленин исключительно точно соизмерял в своем исследовании стихию развития империализма и сознательную политику империалистических правительств, процессы стихийного нарастания народного протеста против империалистических войн и сознательную политику политического авангарда рабочего класса, которая вела к революционному выходу народов из войн, подрывала самые основы агрессивной империалистической политики.

Выявляя соотношение и взаимодействие объективных и субъективных факторов, одни из которых толкают к войне, а другие ее затрудняют, Ленин уделял особое внимание положению и возможностям трудящихся масс, противодействующих империалистической политике, выдвижению на авансцену мировой истории международного рабочего класса. Судьбы войны и мира он неизменно связывал с характером эпохи, с вопросом о том, какой класс стоит в центре той или иной эпохи, определяя главное ее содержание.

Переход к империализму означал не только усиление господства монополий и финансовой олигархии, но и быстрое увеличение всей армии наемного труда, рост численности и организованности международного рабочего класса, постепенное его превращение в решающую историческую силу. Рост милитаризма, свойственный капитализму на его монополистической стадии, сопровождался ростом сил, способных противодействовать этому процессу, предотвратить его развитие до катастрофических для человечества масштабов.

История полностью подтвердила правильность марксистско-ленинской оценки диалектики развития милитаризма, пророческих слов основоположников марксизма, что милитаризм уже в себе самом несет зародыш своей гибели. Рост милитаризма, усиление агрессивности империалистической политики, приведшие к мировой войне 1914—1918 гг., имели вместе с тем своим неизбежным следствием резкое углубление всех антагонизмов буржуазного общества, способствовали обострению

революционных кризисов, порожденных внутренними условиями ряда стран.

Чтобы покончить с первой мировой войной, необходимо было разорвать цепь империализма, противопоставить силе империализма силу нового строя, его политике — принципиально новую, социалистическую политику. Эту всемирно-историческую миссию выполнила Великая Октябрьская социалистическая революция в России. Победа революции предрешила сравнительно скорое окончание войны, спасла от гибели многие и многие миллионы людей в самых различных странах и предотвратила дальнейшее разрушение производительных сил, явилась сокрушительным ударом по империалистическим планам послевоенного устройства мира. «Из империалистской войны, из империалистского мира вырвала *первую сотню миллионов людей* на земле *первая большевистская революция*,— писал Ленин.— Следующие вырвут из таких войн и из такого мира все человечество» [3].

С победой Октября навсегда было покончено с господством капитализма как всеохватывающей социально-экономической системы, диктующей миру свои законы. Созидая новый строй, укрепляя Советскую власть, Советский Союз делал максимум осуществимого в одной стране для развития, поддержки, пробуждения революции во всех странах. Вместе с тем советские люди неизменно оказывали всю возможную непосредственную помощь пролетариату капиталистических стран, национально-освободительной борьбе народов колоний и полуколоний.

Октябрь знаменовал собой в полном смысле слова революцию в международных отношениях. Агрессивной политике империализма была противопоставлена социалистическая политика мира и дружбы между народами; действиям империализма, направленным на гонку вооружений и подрыв международной безопасности,— действия Советской державы, направленные на разоружение, обуздание агрессоров и оказание помощи жертвам агрессии, на создание системы коллективной безопасности.

У первой в мире страны социализма, у международного рабочего и национально-освободительного движения не было в конце 30-х годов достаточно сил, чтобы предотвратить вторую мировую войну. Но революционные, прогрессивные силы во главе с Советским Союзом сыграли решающую роль в придании этой войне антиимпериалистического, освободительного характера, в сокрушительном разгроме фашизма, в демократическом характере послевоенного мирного урегулирования. Если первая мировая война привела к прорыву цепи империализма в одном звене, к социалистической революции в России, то вторая — к фронтальному прорыву одновременно в ряде звеньев, к социалистическим революциям в целой группе стран Восточной и Центральной Европы, в Китае и других государствах Азии.

Образование мировой социалистической системы, огромный подъем международного рабочего движения, перерастание кризиса колониальной системы империализма в ее распад, образование многих десятков

[3] *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 150.

молодых независимых государств, нарастание могучих общедемократических движений — все это повело к резкому обострению общего кризиса капитализма, к дальнейшим кардинальным сдвигам в соотношении сил на мировой арене в ущерб империализму.

Развитие этих процессов позволило XX съезду КПСС сделать исторический вывод, что силы мира во главе с социалистической системой способны своей активной борьбой не допустить новой мировой войны, принудить империализм к мирному сосуществованию государств с различным строем. Этот вывод, поддержанный всем международным коммунистическим движением, основывается на ленинском подходе к вопросам войны и мира, является логическим развитием ленинских мыслей применительно к новой международной обстановке.

Однако возможность предотвращения новой мировой войны ни в коей мере не означает, что в наше время снимается самая опасность такой войны, так сказать, автоматически гарантируется мир. Нет, в реальной жизни все обстоит гораздо сложнее.

Послевоенный период дал достаточно доказательств, что империализм отнюдь не намерен отказываться от политики силы, от войн как средства сохранения своего господства в тех районах, где оно поставлено под угрозу, и реставрации власти капитала там, где она была сметена социалистическими и национально-освободительными революциями. Примеры тому — борьба империализма, прежде всего американского, против народной революции в Китае, вооруженные действия английских, французских, бельгийских и иных колонизаторов против своих бывших колоний и полуколоний, акты агрессии США против Кубы и война во Вьетнаме, действия империалистов на Ближнем Востоке и многие другие акты насилия и произвола.

Невиданные в прошлом масштабы приобрел размах военных приготовлений в главных капиталистических странах, в первую очередь в США. Достаточно сказать, что прямые военные расходы Соединенных Штатов Америки за 1946—1968 гг. составили (в ценах 1957—1959 гг.) свыше 1 тыс. млрд. долл., что в 2 раза превышает военные затраты этой страны с начала существования американского государства до 1945 г., включая ее расходы на первую и вторую мировые войны. Впервые в истории создана постоянно действующая в мирное время система военно-политических союзов и блоков (НАТО, СЕАТО, СЕНТО, АНЗЮС и другие, а также двухсторонние военные договоры США, заключенные с Японией и рядом других государств), включающие основные капиталистические страны. Общая численность вооруженных сил, охватываемых этой системой, составляла на начало 1969 г. свыше 9 млн. человек.

В США и других империалистических государствах созданы могущественные военно-промышленные комплексы, оказывающие серьезное воздействие на экономику и политику, идеологию и пропаганду. В правящих группировках, в политической жизни многих капиталистических стран значительно возросла роль военщины. В некоторых странах капитала у власти находятся фашистские и военные режимы; неофашизм поднимает голову в ФРГ.

Все это — факты, значение которых ни в коем случае нельзя недооценивать. Вместе с тем фактом является и то, что империализм, сколотив в послевоенный период невиданную по своим масштабам военную машину, оказался не в состоянии использовать ее в тех целях, ради которых эта машина создавалась: для большой войны, призванной покончить с мировым социализмом и вернуть капитализму его былые позиции. В чем причины этого?

Есть прежде всего две основные, тесно связанные друг с другом причины, породившие острейшее противоречие между созданием непомерно раздутой военной машины современного империализма и практическими возможностями эффективного ее использования.

Во-первых, это экономическое и научно-техническое могущество Советского Союза, его огромная оборонная мощь, которые стали не только главным материальным фактором обеспечения безопасности социалистических государств, но и важнейшим фактором международной безопасности, упрочения мира во всем мире. Успехи Советского Союза в создании термоядерного оружия, положившие конец атомной монополии США, в области ракетостроения, освоения космоса и ликвидация на этой основе былой стратегической неуязвимости Соединенных Штатов — вот что принудило империализм воздержаться от осуществления его планов «отбрасывания» коммунизма вооруженным путем, от развязывания новой мировой войны.

Во-вторых, это вероятные последствия мировой войны с применением современного ракетно-ядерного оружия. Если в прошлых мировых войнах возможность поражения означала для империалистов любой страны риск утраты тех или иных внешних позиций, утраты части собственности в своей стране, то в мировой термоядерной войне на карту ставится судьба капитализма как системы и вместе с тем речь идет об угрозе самой возможности физического существования человечества, в том числе и правящего класса каждой капиталистической страны. Иначе говоря, возникла реальная опасность, что мировая термоядерная война означала бы самоубийство тех, кто ее развязывает.

Таким образом, создалась качественно иная по сравнению с кануном первой и второй мировых войн международная обстановка, при которой новая мировая война не может явиться эффективным средством империалистической политики. Однако фактически сложившиеся объективные условия — лишь одна сторона проблемы, хотя и очень важная. Другая сторона проблемы, от которой также весьма многое зависит, это — субъективное восприятие этих условий, возникшего соотношения сил той правящей верхушкой империалистических держав (финансовая олигархия, наиболее высокопоставленные представители государственной власти, высшее военное командование), которая принимает решения, теми лицами, которые, образно говоря, могут нажать на пусковую кнопку механизма, приводящего в движение весь ракетно-ядерный потенциал империалистического лагеря.

Любая принципиально новая ситуация, как это обычно бывает в истории, осознается далеко не сразу. Это имеет место и с оценкой буржуаз-

ными государственными, политическими, военными деятелями и того, что привнесено в мировую политику научно-технической революцией в области средств ведения войны, накапливанием и развитием ракетно-ядерного оружия. Хорошо известно, что ряд буржуазных политиков, облеченных немалыми полномочиями, до сих пор уповает на то, что США могут и должны обеспечить количественное превосходство над Советским Союзом в области ядерного оружия, — именно это было положено в основу американской доктрины «массированного возмездия». Однако подход к ракетно-ядерному оружию со старыми мерками, применимыми к обычному вооружению,— дело явно бессмысленное. «Вряд ли имеет значение, сколько раз мы сумеем разрушить Россию, если она может разрушить нас хотя бы один раз»,— признавал американский влиятельный журнал «Форин афферс».

Тем не менее гонка вооружений, в том числе ракетно-ядерных, ни на минуту не прекращается. Она приобретает все большие размеры, в нее втягивается все больший круг стран. В этом сказывается и воздействие военно-промышленного комплекса, и упования наиболее авантюристических представителей правящей верхушки главных империалистических держав на то, что не сегодня-завтра удастся найти такое новое «сверхоружие», которое приведет к новым коренным изменениям в соотношении сил на мировой арене, на этот раз-де в пользу империализма, позволит «поставить на колени» социалистические государства.

Продолжающиеся накапливание и совершенствование наиболее разрушительных видов вооружения — серьезнейшая угроза делу мира. Эта угроза тем более велика, что термоядерное оружие становится относительно все более дешевым, что его производство уже доступно государствам со средним уровнем развития, что им могут воспользоваться различного рода авантюристы. К этому надо прибавить и увеличивающуюся опасность ракетно-ядерных столкновений по «случайным» причинам, будь то технические неисправности тех или иных материальных систем или психическая неуравновешенность кого-либо из личного состава, управляющего любой из огромного количества этих систем, включая многие сотни атомных бомбардировщиков и подводных лодок, непрерывно находящихся в воздухе и на море.

Из этого видно, сколь несостоятельна концепция «равновесия страха», упорно выдвигаемая многими буржуазными политиками в качестве оправдания продолжающейся гонки вооружений. Твердая и последовательная борьба СССР за запрещение термоядерного оружия, за разоружение, которое Ленин называл «идеалом социализма»,— фактор огромного значения. Без разоружения, т. е. ликвидации материального аппарата войны, нельзя добиться полного и окончательного устранения опасности мировых войн.

Следовательно, Советский Союз и другие социалистические страны, все силы мира ни на минуту не могут притуплять бдительность в отношении процесса милитаризации, происходящего в лагере империализма, в отношении сил, угрожающих человечеству мировой термоядерной войной.

В то же время было бы ошибочным не учитывать и ряда серьезных изменений в политической и военной стратегии современного капитализма, прежде всего американского, вызванных кардинальными изменениями в соотношении классовых сил в общемировом масштабе и спецификой развития мирового революционного процесса, научно-технической революцией вообще и революцией в области вооружения в особенности.

В 60-х годах стала складываться новая глобальная стратегия империализма, и прежде всего империализма США. Не отказывась от подготовки к мировой термоядерной войне, американские правящие круги больший упор сделали на дифференциацию средств борьбы против мировой социалистической системы и других революционных сил. Была выдвинута доктрина «гибкого реагирования», предусматривающая использование не только стратегических ракетно-ядерных сил, но и высокомобильных обычных вооруженных сил, ведение не только всеобщей войны, но и ряда ограниченных, так называемых локальных войн, применение в развязываемых международных конфликтах не только военной силы, но и других инструментов политики, а главное — более широкое использование экономических, политических, дипломатических, идеологических форм борьбы.

Выдвигая и осуществляя эту стратегию, правящие круги США стремятся использовать следующие особенности современной обстановки:

— разногласия внутри мировой социалистической системы, связанные с политическим курсом руководства КНР. Интервенция США во Вьетнаме, эскалация американской агрессии в этой стране неотделимы от расчетов воспользоваться этими разногласиями. Буржуазные политики стремятся всячески использовать в своих интересах любые националистические проявления, активизируют усилия, направленные на раскол социалистического содружества, на его «эрозию», используя для этого различные методы, в том числе политику «наведения мостов»;

— изменения в расстановке сил в капиталистическом лагере, связанные с относительным ослаблением экономических позиций США и усилением роли Западной Европы, особенно ФРГ и других стран, входящих в «Общий рынок», а также Японии. Удельный вес США в мировом капиталистическом хозяйстве, резко увеличившийся в результате второй мировой войны, в последнее десятилетие существенно сократился по сравнению с первыми послевоенными годами (так, доля США в промышленном производстве капиталистического мира уменьшилась более чем на $^1/_5$, в экспорте — примерно в 2 раза). Это, с одной стороны, потребовало от США большей гибкости в отношении их союзников, с другой — явилось дополнительным стимулом увеличения внимания американского правительства к темпам роста экономики и масштабам научно-технического прогресса;

— процессы, происходящие в ряде развивающихся стран: серьезные экономические трудности многих из них, углубляющийся разрыв в национальном доходе на душу населения в индустриально развитых и экономически слаборазвитых государствах, быстрые темпы прироста населения, угроза голода во многих частях Азии и Африки, усиливающаяся социальная дифференциация в молодых национальных государ-

ствах, неустойчивость политических режимов в некоторых из этих государств. Империализм прибегает в этих странах к самой широкой гамме средств вмешательства: прямой вооруженной интервенции в целях поддержки реакционных режимов, контрреволюционным заговорам и переворотам, сговору с местной буржуазией, втягиванию соответствующих государств в империалистические военные блоки и экономические группировки, различным видам помощи и т. д.;

— политические кризисы, возникающие в различных районах мира, такие, например, как индийско-пакистанский конфликт, вооруженные столкновения в ряде африканских государств, связанные с расовыми, племенными и иными противоречиями; территориальные конфликты в Латинской Америке и т. п. От каждого из таких кризисов империалисты стремятся получить какой-то выигрыш, используют их для того, чтобы ослабить единый фронт антиимпериалистических сил.

Из этого видно, насколько важна последовательная и решительная борьба КПСС, Советского государства против усиления международной напряженности и любых локальных войн, развязываемых империализмом, какое большое значение для международной безопасности имеет укрепление единства мировой социалистической системы и всех антиимпериалистических сил.

Необходимое условие успешной борьбы против агрессивной политики империализма — всесторонний учет расстановки сил в капиталистическом мире, в том числе и в его правящей верхушке, использование всех резервов, прямых и косвенных, в интересах дела мира.

В. И. Ленин всегда призывал учитывать как тенденцию к авантюризму во внешней политике, присущую значительной части буржуазных государственных, политических, военных деятелей, так и тенденцию к реализму, «мирные чувства не только рабочих и крестьян... но и громадной части благоразумных представителей буржуазии и правительств» [4]. В наше время указанное ленинское требование приобретает особое значение. Этому есть несколько причин.

Одна из них, как уже отмечалось, заключается в том, что кардинально изменились возможные последствия мировой войны, что весьма отрезвляюще подействовало на влиятельную часть финансовой олигархии, на многих буржуазных лидеров. Для их позиции характерно следующее заявление покойного президента США Дж. Кеннеди: «Человеческая семья может пережить различия в расе и религии... Она может пережить их в идеологии, политике, экономике. Но она не может пережить в той форме, которая нам известна, ядерную войну».

Совпадение национальных интересов различных стран в деле предотвращения мировой термоядерной войны создает объективную основу для расширения политического сотрудничества государств с разным социально-экономическим строем в целях разрядки международной напряженности и сохранения мира.

Другая причина — глубокие изменения в экономике и политике капитализма, связанные с воздействием научно-технической револю-

[4] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 287.

ции, соревнованием двух систем, развитием государственно-монополистического капитализма.

Все эти факторы привели к тому, что значительно возросла емкость внутренних рынков капиталистических стран, относительно ускорились темпы экономического роста (за 1950—1968 гг. прирост промышленной продукции всех капиталистических стран составил 5,5% по сравнению с 3,9% в 1900—1937 гг. и 2% в 1913—1937 гг.), снизились размеры и глубина кризисных явлений, были созданы существенные дополнительные возможности маневра в социальной области. Характерно, что в двух наиболее агрессивных в прошлом империалистических державах — ФРГ и Японии, опередивших в послевоенный период по темпам развития большинство других капиталистических стран, факторы милитаризации в 50-е — начале 60-х годов играли весьма скромную роль.

Большие изменения произошли в вывозе капитала: основная его масса устремилась не в слаборазвитые районы, а из одних индустриально развитых капиталистических стран в другие развитые капиталистические страны. Аналогичная картина наблюдается и в области внешней торговли. Широкое распространение получили процессы экономической интеграции, которые также охватили прежде всего наиболее развитые страны.

Все это, естественно, отнюдь не свидетельствует о том, что империализм будто бы вообще утратил свою агрессивность, как уверяют оппортунисты и ревизионисты различного толка. Нет, дело в другом: империализм был и остается империализмом, но формы, методы, направления империалистической экспансии подверглись существенным изменениям, равно как и формы и методы борьбы за передел резко сузившегося капиталистического мира. И в наше время сохраняется неискоренимая рознь экономических интересов монополий разных стран как основа межимпериалистических противоречий. Но конкретные проявления и методы разрешения этих противоречий стали иными; в современных условиях они отнюдь не обязательно связаны с войнами. В обстановке гигантского по своим масштабам противоборства двух мировых систем империализм всячески стремится предотвратить военные столкновения внутри своих собственных рядов, хотя и такие столкновения нельзя считать исключенными.

Весьма важной причиной, усиливающей реалистические тенденции в капиталистической политике, является упрочение позиций СССР и других социалистических стран во всемирном хозяйстве, в развитии научно-технической революции, глубоко интернациональной в своей основе, в мировой торговле. Если уже в начале 20-х годов Ленин говорил о наличии общих экономических всемирных отношений как о силе большей, чем желание, воля и решение любого из враждебных нам правительств или классов, то теперь, когда на социалистическую систему приходится свыше трети мирового промышленного производства, заинтересованность многих капиталистических стран в экономическом и научно-техническом сотрудничестве с СССР выросла в огромной мере. Убедительное тому свидетельство — связи Советского Союза

 с Францией, Италией, Японией, Финляндией, Австрией и многими другими капиталистическими государствами.

Значение международного экономического и научно-технического сотрудничества возрастает и в связи с тем, что в наше время возникает все больше проблем, требующих решения на базе международных межгосударственных соглашений. Таковы, например, проблемы наиболее эффективного использования накопленной научно-технической информации, освоения космоса, ряд задач, стоящих перед медициной, проблемы «демографического взрыва» и борьбы с голодом, освоения ресурсов Мирового океана, управления климатом и многие другие.

Из этого видно, как велико значение дальнейшего расширения наших экономических и научно-технических связей с капиталистическим миром, а также и то, насколько необходимым для него становится участие Советского Союза в межгосударственном сотрудничестве. Такое сотрудничество — один из факторов, способствующих дальнейшему подъему советской экономики и развитию научно-технического прогресса. В наше время любая хозяйственная автаркия не только экономически невыгодна, но и угрожает неизбежным отставанием стран, которые вступили бы на этот путь, даже если дело касается наиболее могущественных государств. Обладая четвертой частью всех имеющихся в мире научных кадров, мы не можем реально рассчитывать на то, чтобы во всех областях науки, во всех сферах развития техники и применения ее в производстве сделать больше, чем другие три четверти. В то же время международное экономическое и научно-техническое сотрудничество — надежный фундамент политики мирного сосуществования государств с различным строем, важный фактор мира и безопасности народов.

Опыт истории, уроки XX в., доставшиеся человечеству весьма дорогой ценой, полностью подтверждают ленинскую мысль, что развитие международных отношений нового типа, имеющих целью избавление человечества от войны, неразрывно связано с борьбой против империализма, с революционным переустройством общества, с воплощением в жизнь принципов научного социализма. Теснейшая взаимосвязь и взаимозависимость развития международных отношений с основными внутренними экономическими, социальными, политическими процессами, происходящими в различных странах, с развитием классовой борьбы, мирового революционного процесса — неотъемлемый элемент ленинской теории войны, мира и революции.

Рассматривая в качестве исторически неизбежного такой этап, когда будут сосуществовать рядом социалистические и капиталистические государства, Ленин исходил из того, что этот этап будет отнюдь не какой-то идиллией, а периодом упорной борьбы двух противоположных общественных систем, противоречия между которыми составляют основное противоречие эпохи. Вождь нашей партии многократно подчеркивал глубокую заинтересованность молодой социалистической державы в том, чтобы ее сосуществование с капиталистическими странами было мирным, носило характер мирного сожительства. Вместе с тем

он исходил из того, что период сосуществования государств двух систем будет наполнен нарастанием и развертыванием революционных процессов. Это не могло и не может быть иначе, ибо капитализм самим фактом своего существования порождал и порождает острейшие классовые антагонизмы, революционные ситуации в различных странах.

Поэтому политика мирного сосуществования государств с различным строем не имеет ничего общего с сохранением социального статус-кво, с мирным сосуществованием эксплуататоров и эксплуатируемых, угнетателей и угнетенных. Стержень политики мирного сосуществования — в диалектическом переплетении, органическом сочетании сотрудничества государств двух противоположных систем во имя сохранения мира и классовой борьбы между социализмом и капитализмом, но такой борьбы, которая исключала бы использование оружия в интересах насаждения тех или иных идей, того или иного строя.

Марксисты-ленинцы — убежденные противники как экспорта революции (революцию нельзя вызвать искусственно, социализм нельзя, как говорил Ленин, навязать с помощью «красноармейских штыков»), так и экспорта контрреволюции. Важнейшее требование ленинского принципа мирного сосуществования — невмешательство во внутренние дела народов, признание за каждым народом права самому решать все вопросы своей страны, осуществлять любые революционные преобразования, используя для этого те средства, которые он сочтет необходимыми, отстаивать свою свободу и независимость, если нужно — с оружием в руках.

В этом коренное отличие миролюбивой внешней политики Советского Союза и других социалистических стран от буржуазного пацифизма, какие бы формы и окраску он ни принимал. В этом ключ к анализу несостоятельности любых разновидностей буржуазной теории конвергенции, получившей весьма широкое распространение в последние годы.

Сторонники этой теории (имеются в виду не прожженные антикоммунисты и антисоветчики, прикрывающие ширмой конвергенции подрывные политические и идеологические акции против Советского Союза и других социалистических государств, а ряд буржуазных деятелей, искренне стремящихся к нормализации международной обстановки) нередко изображают дело так, что путь к упрочению мира — это постепенное слияние, взаимное растворение двух систем: социалистической и капиталистической. При этом делаются ссылки на то, что в современную эпоху в большей мере, чем когда-либо прежде, проявляется ряд общих объективных закономерностей общественного развития. Действительно, такой, скажем, процесс, как научно-техническая революция, охватывает и социалистические и капиталистические страны. Однако нельзя не видеть, что ее социальные последствия весьма различны при социализме и при капитализме. Аналогичным образом дело обстоит с экономической интеграцией, индустриализацией сельского хозяйства, ростом числа работников умственного труда, развитием образования и многими другими процессами, развертывающимися в общемировом масштабе.

В условиях социализма подобные процессы ведут не только к росту производительных сил, но и способствуют свободному, всестороннему развитию личности, укрепляют социально-политический строй, основанный на общественной собственности, создают условия для коммунистического строительства. Напротив, в условиях капитализма те же самые процессы, двигая вперед производительные силы, в то же время обостряют старые и вызывают ряд новых противоречий, сопровождаются нарастанием острых социально-политических кризисов, усилением классовой борьбы.

Это одна сторона вопроса, свидетельствующая о несостоятельности надежд сторонников конвергенции на классовый мир в странах капитала, на то, что научно-техническая революция предотвратит социальную революцию в этих странах. По мысли авторов этой теории, «послеиндустриальное общество», вобрав все лучшее, созданное современной цивилизацией (в том числе методы плановой экономики социалистических стран, которым многие буржуазные авторы стали отдавать должное), само собой, без каких-либо коренных социальных и политических преобразований может отрешиться от всех пороков капитализма. Нет, история идет не по пути симбиоза капитализма с социализмом, а по пути социальных революций, перехода от капитализма к социализму во всемирном масштабе. Закон смены социально-экономических формаций, перехода от низшей к высшей так же неотвратим, как эволюционное развитие в окружающей нас природе.

Другая сторона вопроса — оценка сторонниками конвергенции ее значения для развития проблем войны и мира. Они фактически исходят из того, будто бы основным источником угрозы новой войны является сам факт наличия в современном мире государств двух различных систем. Однако первая мировая война началась, когда социалистической системы не было и в помине. Известно и то, что вторую мировую войну развязали империалистические государства — страны, однотипные по своему социально-политическому строю.

Следовательно, ключ к миру не в устранении самого факта сосуществования государств различных систем, не в поглощении — под видом конвергенции — стран социализма миром капитала, а, напротив, в дальнейшем упрочении социалистической системы и развитии мирового революционного процесса, в обуздании наиболее реакционных и агрессивных империалистических кругов, в осуществлении принципов мирного сосуществования государств с различным строем.

Таким образом, в мировом балансе экономических, политических, военных сил конца 60-х годов социализм занимает столь значительное место, что это существенным образом ограничивает возможности империалистической политики, воздействует на многие процессы, развивающиеся внутри империализма, порождает у него стремление так или иначе приспосабливаться в своей внутренней и внешней политике к реальной обстановке наших дней. Объективная мировая ситуация уже не дает возможности империализму действовать, как ему заблагорассудится, ни в глобальных масштабах, ни в отдельных регионах, даже если он и сохраняет в этих регионах временный и локальный перевес сил. Эпоха

диктует свои законы, создает определенные, подчас весьма жесткие пределы для международной деятельности империализма.

Это, однако, не дает оснований для каких-либо односторонних выводов: ни об автоматическом росте агрессивности мирового империализма, неизбежно ведущем к военным столкновениям большого масштаба, ни о столь же автоматическом снижении этой агрессивности. В действительности имеет место весьма сложный процесс воздействия ограничений, налагаемых эпохой, на цели, формы и методы империалистической политики. Положение в современном мире характеризуется сложным переплетением и взаимодействием двух различных тенденций в этой политике, двумя, так сказать, типами приспособления империализма к реальностям эпохи.

Бесспорно, что такое соотношение сил, при котором империализм уже не обладает своими былыми преимуществами, несколько охлаждает его воинственный пыл, выдвигает на первый план более умеренных политических деятелей, побуждает капиталистические страны к нормализации отношений, к расширению деловых и политических контактов с миром социализма. Но столь же верно и другое: что империалистические силы хотели бы изменить невыгодное для них состояние дел в мире, вернуть себе утраченное превосходство, используя для этого различные методы, включая попытки изнурить социализм гонкой вооружений и локальными вооруженными конфликтами, постепенно отбивать какие-то, хотя бы малые, части от социалистической системы, ослабляя содружество социалистических стран в целом.

В диалектике современного развития обе эти тенденции редко выявляют себя в «чистом» виде. В текущей политике буржуазных правительств каждая из них то выходит на поверхность, то развивается подспудно. Необходимо не только учитывать обе эти тенденции, но и, как учил Ленин, активно воздействовать на борьбу между ними, стимулируя ту из них, которая направлена на расширение мирного сотрудничества с социализмом. Первостепенная роль в этом принадлежит политике Советского Союза.

В. И. Ленин не раз подчеркивал мысль, что в партийном, марксистско-ленинском руководстве, в социалистическом строительстве политика и наука должны быть органически связаны, что «политика есть наука». При этом он никогда не считал процесс выработки на основе научного анализа тех или иных конкретных политических решений, а тем более широкого и долговременного политического курса делом простым и легким. Он исходил из того, что «политика больше похожа на алгебру, чем на арифметику, и еще больше на высшую математику, чем на низшую» [5].

В наше время научный механизм политики, в том числе политики внешней, стал исключительно сложным. Это связано с тем, что современная эпоха неотделима от происходящей научно-технической революции, властно вторгающейся в самые различные стороны обществен-

[5] *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 88.

ной жизни и предопределяющей невиданную быстроту социальных и политических сдвигов. Это связано с огромной напряженностью противостояния двух систем на международной арене, с исключительным своеобразием обстановки, складывающейся под влиянием особых условий в отдельных сферах борьбы, в различных географических районах. Это связано с динамизмом изменений в соотношении сил на мировой арене, требующим постоянного учета этих изменений, последовательных целеустремленных действий, отвечающих указанным изменениям.

КПСС, коммунистические и рабочие партии братских социалистических стран, все международное коммунистическое движение обладают таким огромным преимуществом, основанным на теории марксизма-ленинизма, как знание законов общественного развития, возможность осмысливания на этой основе глубинных объективных процессов, происходящих во всех сферах общественной жизни, возможность направлять политическое руководство массами в соответствии с познанными законами.

Чтобы быть на уровне новых, более ответственных задач, выдвигаемых всем ходом социально-политического и научно-технического прогресса, необходимы непрерывное творческое развитие марксистско-ленинской теории, всесторонний и трезвый учет изменений, происходящих на мировой арене, умелое использование в международной политике социальных и материальных механизмов современного мира. КПСС и братские партии уделяют этим вопросам первостепенное внимание, как об этом свидетельствуют Программа нашей партии и решения ее XX—XXIII съездов, важнейшие программные документы других коммунистических и рабочих партий, вся практическая деятельность коммунистов. Большим вкладом и в укрепление единства мирового коммунистического движения, всех антиимпериалистических сил, и в теоретическое обобщение важнейших процессов мирового развития явилось международное Совещание 75 коммунистических и рабочих партий.

Научно обоснованная политика требует, как указывал Ленин, «самого точного, объективно проверимого учета соотношения классов и конкретных особенностей каждого исторического момента» [6].

Это требование предполагает скрупулезное изучение многоликих конкретных условий и обстоятельств, различных звеньев экономической, научно-технической, социальной, культурной, политической жизни, знание всех функций того или иного общества и государства, присущих ему социальной психологии, интересов и запросов отдельных социальных слоев и групп. Необходимы глубокий анализ всех сфер и плацдармов борьбы двух мировых систем, умение своевременно увидеть, на какой из них переносится основной центр тяжести борьбы, способность найти главное звено в цепи событий, ухватившись за которое можно удержать всю цепь, направить развитие в желаемом направлении.

[6] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 132.

В наше время основным звеном в мировой политике является задача предотвращения мирового термоядерного конфликта. На решение этой задачи направлены постоянные энергичные усилия советской внешней политики. Ее осуществление, как уже отмечалось, требует неослабных усилий Советского Союза в укреплении своей оборонной мощи. В то же время — и в этом особенность последнего периода — ни в коей мере нельзя преуменьшать значение борьбы с капитализмом на таких важнейших плацдармах, как развитие экономики, научно-технический прогресс, развитие образования, сфера идеологии.

В современных условиях военная мощь любого государства особенно тесно связана с его экономическим и научно-техническим потенциалом, с уровнем развития образования и наличием высококвалифицированных кадров во всех областях деятельности. Это во все большей мере учитывают в своей политике капиталистические державы, прежде всего американские правящие круги. Современная стратегия государственно-монополистического капитализма США, о которой шла речь, исходит из того, что приоритетом должны пользоваться не текущие военные меры, связанные с производством, накапливанием и развертыванием существующих систем оружия, а меры перспективного порядка, направленные на ускорение темпов роста всей экономики, на дальнейшее развитие научно-технического прогресса (что, кстати сказать, является основой исследования и разработки новых, более эффективных видов оружия).

Характерно, что если абсолютные военные расходы США увеличились за последние полтора десятилетия примерно в 1,7 раза (1954 г.— 47 млрд. долл., 1969 г.— 84,4 млрд. долл.), то доля этих расходов в валовом национальном продукте сократилась за то же время примерно на $^{1}/_{3}$ (1953 г.— 14,8%, 1965 г.— 8,1%, 1968 г.— 9,2%). Вместе с тем общие расходы в стране на исследования и разработки выросли за этот период более чем в 6 раз (4,1 млрд. долл. в 1952 г., 26 млрд. долл. в в 1968 г.).

Следовательно, придавая первостепенное значение должному уровню обороноспособности страны в каждый данный момент, мы в то же время неизменно должны думать о соотношении не только военных, но и экономических и научно-технических потенциалов в перспективе, как ближайшей, так и более отдаленной. Это имеет не только военное, но и важнейшее политическое значение.

От того, насколько быстрым и успешным будет экономический рост Советского Союза и других социалистических государств, в какой мере они сумеют еще дальше двинуть вперед научно-технический прогресс и на этой основе поднять благосостояние народов, повысить их материальный и духовный уровень, в огромной мере зависят действенность силы примера социалистических стран, масштабы и темпы мирового революционного процесса.

В наше время особенно актуальна ленинская мысль о том, что окончательная победа нового строя теснейшим образом связана с обеспечением более высокой производительности общественного труда.

Основные внутренние задачи коммунистического строительства, международная обстановка и выполнение интернационального долга в отношении других революционных отрядов — все это требует от Советского Союза неослабных усилий, направленных на дальнейшее развитие экономики, науки и техники, совершенствование методов управления экономикой и всего хозяйственного механизма, повышение эффективности всех звеньев народного хозяйства, его интенсивного развития. Именно эти вопросы, как известно, находятся в центре внимания ЦК КПСС и Советского правительства.

Необходимое требование успешной борьбы против империализма, за дальнейшее развитие мирового революционного процесса, за торжество новых принципов во всей системе международных отношений — ленинское умение соединять строжайшую преданность идеям коммунизма с выбором наиболее важных плацдармов, наиболее эффективных средств и методов борьбы, принципиальность с гибкостью, смелость с осторожностью и осмотрительностью.

Важный критерий научной обоснованности политики — объективный анализ конкретной действительности, умение «воспользоваться приемами марксистского исследования для анализа новой политической ситуации» [7], трезвый учет реальных фактов. Этим ленинским требованием руководствуются в своей внешнеполитической деятельности ЦК КПСС и Советское правительство.

Внешняя политика второй половины XX в. особенно не терпит приблизительного представления о действительности, создания самоуспокаивающей картины положения дел, субъективизма и прожектерства. Это предъявляет новые, более высокие требования к научным исследованиям международных отношений, к советским международникам.

Все большее значение приобретает задача получения максимальной при существующих условиях, наиболее достоверной информации об основных процессах современности, об их своеобразном преломлении в отдельных проблемах и районах, задача правильного и всестороннего научного осмысливания этой информации.

При громадной сложности и противоречивости современной жизни можно подыскать любое количество данных в подтверждение того или иного предвзято выдвинутого положения. Следовательно, речь идет о другом: о том, чтобы на основании возможно более полной информации, глубокого знания предмета, обеспечить охват и изучение всех сторон, всех связей исследуемых явлений и ситуаций, обеспечить комплексный системный анализ, учет сложных и опосредствованных связей отдельных элементов рассматриваемой системы. Такой анализ — непременное условие предотвращения ошибок и просчетов, связанных с применяемой нашими противниками дезинформацией, сколь бы тонкой она ни была, с сознательной или бессознательной увлеченностью, ведущей либо к самоуспокоенности, либо, напротив, к необоснованной возбужденности происходящими процессами.

[7] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 237.

Научный подход к внешней политике требует в наши дни дальнейшего совершенствования не только исторического, но и политико-социологического и экономического анализа, более активного развития науки о международных отношениях как комплексной, включающей анализ ряда военных, демографических, географических, правовых, философских, психологических и иных проблем.

Важной практической задачей становится применение формализующих и количественных (математических) методов переработки все более обильной международной информации, исследования процессов международной жизни.

Марксизм-ленинизм никогда не довольствовался анализом происходящего сегодня, он неизменно уделял первостепенное внимание тенденциям развития, проблемам будущего. Он дал великолепные примеры научного предвидения, прогнозирования в наиболее сложных областях общественного развития, будь то социально-экономические и политические проблемы империализма, причины, характер и масштабы войн, закономерности победы русской революции или пути развития мирового революционного процесса.

Разработка все более точных и надежных методов прогнозирования внешней политики и международных отношений это, на наш взгляд, весьма важная составная часть работы советских ученых-международников.

Для советских международников — экономистов, историков, социологов, юристов, философов — сегодня особенно злободневно звучат слова Ленина о том, чтобы наука не оставалась мертвой буквой или модной фразой, а действительно превращалась в составной элемент многообразной и исключительно ответственной деятельности Советского государства на международной арене.

О. Т. БОГОМОЛОВ
доктор экономических наук

ЛЕНИНСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ СОТРУДНИЧЕСТВА СТРАН СОЦИАЛИЗМА В ДЕЙСТВИИ

Ленинское учение проложило путь к самым выдающимся революционным свершениям нашей эпохи. Оно осветило и главные направления развития мировой социалистической системы, возникновение которой стало крупнейшим историческим событием после победы Великой Октябрьской социалистической революции. Намечая перспективы революционной борьбы трудящихся, Ленин выражал твердую уверенность, что в будущем появится содружество социалистических стран, которое будет расширяться и крепнуть. «...Я глубоко убежден,— говорил он,— что вокруг революционной России все больше и больше будут группироваться отдельные различные федерации свободных наций. Совершенно добровольно, без лжи и железа будет расти эта федерация, и она несокрушима» [1].

Начатая Октябрем в России и продолженная победами социалистических революций в других странах, практика революционного обновления мира подтвердила ленинское убеждение. Объединение социалистических государств в политическое и социально-экономическое содружество — закономерный результат общественного прогресса, знаменательная веха на пути перехода человечества от капитализма к социализму и коммунизму. Оказалась решенной задача «превращения

[1] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 35, стр. 288.

диктатуры пролетариата из национальной (т. е. существующей в одной стране и неспособной определять всемирную политику) в интернациональную (т. е. диктатуру пролетариата по крайней мере нескольких передовых стран, способную иметь решающее влияние на всю мировую политику)» [2]. Как и предвидел Ленин, с появлением мировой социалистической системы возникла могучая интернациональная сила, которая оказывает все возрастающее воздействие на судьбы мировой цивилизации. Выдвижение международного рабочего класса, мировой системы социализма в центр современной эпохи — убедительное доказательство преобразующей силы ленинизма, истинности этого великого учения.

ЛЕНИНСКИЕ ИДЕИ ОБЪЕДИНЕНИЯ И СОЮЗА СОЦИАЛИСТИЧЕСКИХ СТРАН И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сплочение стран, вступивших на путь строительства нового общества, происходит в процессе укрепления разносторонних связей и сотрудничества между ними. Отношения, сплачивающие социалистические государства и народы в единое содружество, развиваются на основе общности коренных политических и экономических интересов.

Общие интернациональные интересы стран социализма — это то, что отвечает их глубоким жизненным потребностям, что их роднит, что лежит в основе образования мирового социалистического содружества. Общие интересы возникают у этих стран в результате однотипности социально-экономического и политического устройства, единой господствующей марксистско-ленинской идеологии, общих целей развития к социализму и коммунизму, общей солидарности с революционным и национально-освободительным движением. Отсюда и потребность во взаимной поддержке при решении задач социалистического строительства, совместной защите социалистических завоеваний, обмене опытом общественных преобразований, совместном развитии и защите марксистско-ленинского учения.

Убежденный интернационалист, Ленин неустанно подчеркивал и разъяснял глубокие классовые основы интернациональной общности наций, которые изберут социалистический путь развития. Ленин рассматривал достижение ими добровольного, свободного объединения и единства как важнейшую программную задачу коммунистов. Трудные условия первых лет существования и защиты социалистической Республики Советов, равно как и необходимость поддержать революции в Европе, побуждали Ленина ставить эту задачу особенно решительно и бескомпромиссно.

«Мы хотим..., — писал он, — как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великорусами; мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привле-

[2] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 165.

чения к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся разных наций. Мы хотим *революционно-пролетарского* единства, *соединения*, а не разделения. Мы хотим *революционного* соединения, поэтому не ставим лозунга объединения всех и всяких государств вообще, ибо на очереди дня социальная революция ставит объединение *только* государств, перешедших и переходящих к социализму, освобождающихся колоний и т. д. Мы хотим *свободного* соединения и потому мы обязаны признать свободу отделения (без свободы отделения соединение не может быть названо свободным).

...Мы хотим, чтобы республика русского... народа *привлекала* к себе иные нации, но чем? Не насилием, а исключительно добровольным соглашением» [3].

В этих словах гениального стратега социалистической революции начертана программа объединения социалистических наций и государств вокруг Советской России, объединения, которое Ленин часто ассоциировал с федерацией, хотя допускал и другие основанные на государственной самостоятельности его формы. Ленинская программа в ее главных и существенных чертах не только стала руководством в строительстве Союза Советских Социалистических Республик, но и легла три десятилетия спустя в основу формирования мировой социалистической системы.

Сегодня наша партия и братские партии стран социализма, хранящие верность ленинским заветам, делают все для того, чтобы углублять сотрудничество своих стран, укреплять их сплоченность, обеспечивать единство действий всех революционных, антиимпериалистических сил. Коммунистические партии сознают: чем острее становится противоборство нового и старого мира, тем большее значение приобретает использование всех возможностей, заложенных в единстве социалистических стран, широкая и всесторонняя координация их усилий.

Известно, что империалисты, стремясь противопоставить странам социализма свой объединенный фронт, прибегают к различным формам экономической и политической интеграции. Несмотря на растущие взаимные противоречия, они нередко действуют против стран социализма весьма согласованно, причем не гнушаются никакими средствами. Их тактика включает попытки использовать в качестве экономической приманки кредиты и либерализацию торгового режима с социалистическими государствами, открытую поддержку антисоциалистических сил, организацию контрреволюционных заговоров и даже прямую военную агрессию, как, например, во Вьетнаме.

Дать надлежащий отпор силам империализма и реакции социалистические государства в состоянии лишь сообща. И в этом состоит важная объективная основа их интернационального единства.

У социалистических стран существуют глубокие общие интересы, порожденные наличием объективной тенденции к их экономической интеграции. Это— интересы использования преимуществ социализма как

[3] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 379.

мировой хозяйственной системы, развития международного социалистического разделения труда, интересы укрепления Совета экономической взаимопомощи.

От зоркого ленинского взгляда не ускользнула тенденция «к созданию единого, по общему плану регулируемого пролетариатом всех наций, всемирного хозяйства как целого, каковая тенденция вполне явственно обнаружена уже при капитализме и безусловно подлежит дальнейшему развитию и полному завершению при социализме» [4]. Опыт развития и укрепления отношений между странами социализма подтвердил существование этой объективной тенденции длительного исторического действия. Разумеется, это еще не означает, что ее конечные цели осуществимы в настоящее время. От полного осуществления данной тенденции социалистические государства отделяет большая историческая дистанция. Показательно, однако, что социалистические страны — участницы Совета экономической взаимопомощи, разрабатывая меры по углублению и интенсификации взаимных экономических связей, стремятся к тому, чтобы эти меры находились в русле отмеченной Лениным тенденции к международной хозяйственной интеграции.

Благодаря совпадению коренных интересов и потребностей общественного развития отношения между трудящимися социалистических стран, между государственными, политическими и экономическими институтами, представляющими интересы национальных отрядов рабочего класса, все более пронизываются духом социалистической солидарности и приобретают все более разительное отличие от отношений между капиталистическими нациями. «Старому миру, миру национального угнетения, национальной грызни или национального обособления,— писал Ленин,— рабочие противопоставляют новый мир единства трудящихся всех наций, в котором нет места ни для одной привилегии, ни для малейшего угнетения человека человеком» [5].

Принцип пролетарского, социалистического интернационализма, который начертан на боевом знамени коммунистов, требует гармоничного сочетания в практической политике потребностей каждой социалистической страны с потребностями всего социалистического содружества, правильного согласования национального и интернационального начал, развития братской взаимопомощи и взаимоподдержки.

Оставаться верным социалистическому интернационализму — значит развивать взаимное товарищеское сотрудничество и взаимопомощь стран социализма в экономической, политической и культурной областях в интересах борьбы за социализм и коммунизм, во имя защиты революционных завоеваний от империалистических посягательств, в целях преодоления исторически сложившегося неравенства в уровнях социально-экономического развития отдельных стран. Нет другого способа объединения и сплочения социалистических стран, кроме углубления взаимного сотрудничества, совершенствования его форм и методов, обмена опытом и совместного анализа возникающих проблем.

[4] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 164.
[5] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 150.

Интернациональный долг каждого социалистического государства повелевает максимально использовать внутренние ресурсы и преимущества нового общественного строя для развития сотрудничества с братскими странами, для укрепления мировой системы социализма. Быть интернационалистом, указывал Ленин, это значит делать «максимум осуществимого в одной стране *для* развития, поддержки, пробуждения революции *во всех странах*» [6].

Ленинизм учит, а историческая практика подтверждает, что социалистическое содружество может быть прочным лишь как добровольное объединение равноправных, самостоятельных государств. По мысли Ленина, обязательным условием союза с большими социалистическими государствами малых, но экономически развитых и политически требовательных наций должно быть полное взаимное доверие, добровольное согласие, равноправие, взаимная выгода.

«Трудящиеся массы, освобождающиеся от ига буржуазии,— писал Ленин,— всеми силами *потянутся* к союзу и слиянию с большими и передовыми социалистическими нациями, ради этой «культурной помощи», лишь бы вчерашние угнетатели не оскорбляли высокоразвитого демократического чувства самоуважения долго угнетавшейся нации, лишь бы предоставили ей равенство во всем, в том числе и в государственном строительстве, в опыте построить «свое» государство» [7].

Международные отношения социалистического типа исключают решение проблем одними странами за счет других. Каждое социалистическое государство на равных правах принимает участие в использовании преимуществ взаимного сотрудничества. Равноправные, взаимовыгодные отношения, содействуя политическому и экономическому укреплению каждой социалистической страны, составляют непременное условие консолидации этих стран, их братской солидарности. Разумеется, соблюдение принципа уважения взаимных интересов еще не равнозначно оказанию социалистическими странами помощи друг другу, но оно подготавливает здоровую основу для таких отношений.

Теоретически обосновывая необходимость и неизбежность объединения стран, переходящих к социализму, их тесного и всестороннего сотрудничества во имя осуществления общих целей и интересов, Ленин указывал в то же время на сложность строительства такого интернационального союза, отмечая, что до этого добровольного союза надо доработаться с величайшей терпеливостью и осторожностью... [8].

И действительно, опыт становления мировой социалистической системы свидетельствует о том, что во взаимоотношениях между социалистическими государствами возникают сложные проблемы и различные трудности. О многих из них предупреждал Ленин, когда писал, что национальные антипатии и рознь, развившиеся на протяжении веков, быстро не исчезают, что еще долго при социализме может сохраняться недоверие трудящихся масс угнетавшихся в прошлом стран к тем на-

[6] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 37, стр. 304.
[7] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 36.
[8] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 43.

циям, которые их угнетали, в том числе и к пролетариату этих наций [9]. «С другой стороны,— отмечал Ленин,— чем более отсталой является страна, тем сильнее в ней мелкое земледельческое производство, патриархальность и захолустность, неминуемо ведущие к особой силе и устойчивости самых глубоких из мелкобуржуазных предрассудков, именно: предрассудков национального эгоизма, национальной ограниченности. Так как эти предрассудки могут исчезнуть лишь после исчезновения империализма и капитализма в передовых странах и после радикального изменения всей основы экономической жизни отсталых стран, то вымирание этих предрассудков не может не быть очень медленным» [10].

Жизнь подтвердила эти теоретические выводы ленинизма и вместе с тем дала исключительно богатый материал для новых обобщений, для дальнейшего развития ленинской теории. В свете вновь приобретенного опыта особенно очевидна исключительная важность правильного сочетания общих интернациональных интересов социалистических стран с их национально-государственными интересами. Коммунистические и рабочие партии социалистических стран находят в ленинском научном наследии отправные указания для решения кардинальной проблемы укрепления единства и сплоченности мировой социалистической системы.

В природе социализма нет таких противоречий, какие присущи природе капитализма. Но практика тем не менее дает примеры несовпадения специфических национальных интересов отдельных стран социализма, расхождений между национальными и общими интернациональными интересами. В основе этого несовпадения интересов (которое, кстати говоря, возможно, но вовсе не обязательно) лежат и объективные, и субъективные причины, исторические и национальные особенности отдельных стран.

Интерес — побудительный фактор деятельности людей, общественных слоев и классов, государств и групп государств. Интерес может заключаться в удовлетворении определенных потребностей, получении тех или иных преимуществ, создании благоприятных условий для жизни и развития. Общественные интересы, в том числе и национально-государственные, выражают потребности внутреннего и международного развития. Но вместе с тем, говоря о национально-государственных интересах, нельзя забывать, что они отражаются в общественном классовом и национальном сознании, становятся атрибутом волевой деятельности господствующих классов. В зависимости от степени познания объективных интересов они могут играть различную роль в общественном развитии, в политике правящих партий.

Национально-государственные интересы той или иной страны — это совокупность общественных потребностей, порождаемых внутренними и международными условиями ее развития, потребностей, определенным образом осознаваемых и формулируемых господствующим классом в соответствии с его особым положением и его особыми целями.

[9] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 167.
[10] Там же, стр. 168.

В учении Ленина содержится ответ на вопрос, как проявляются национально-государственные интересы во внешней политике страны. На протяжении всей истории развития антагонистических общественно-экономических формаций интересы господствующих эксплуататорских классов составляли основное содержание национально-государственных интересов тех или иных стран. Только с утверждением власти рабочего класса, с появлением социалистических государств национально-государственные интересы этих стран стали представлять собой совокупность объективных потребностей развития их народов.

При этом, разумеется, нельзя исключать того, что подчас внешняя политика той или иной социалистической страны, формируясь правящей партией и правительством, может по тем или другим причинам (вследствие давления мелкой буржуазии, национализма, субъективистских ошибок и т. д.) не отражать адекватно объективных национально-государственных интересов данной страны. Поэтому не следует отождествлять действительные национально-государственные интересы и сознательно осуществляемую внешнюю политику, которая может преследовать и ложно понятые интересы.

Марксистско-ленинская теория говорит о том, что национально-государственные интересы всех социалистических стран в их основном, первостепенном, основополагающем содержании совпадают, ибо единая цель социального развития предопределяет общность в определении и противников, и союзников на международном поприще. Следовательно, в самом коренном и главном национально-государственные интересы стран социализма не отличаются от их общих интернациональных интересов. Именно в этом заключается залог преодоления тех или иных расхождений между социалистическими странами в других вопросах, хотя и играющих порой очень существенную роль в жизни отдельных стран, но все же уступающих по своему значению тому основному и главному, что объединяет эти страны.

Специфические национально-государственные интересы не могут, естественно, игнорироваться (это не способствовало бы соблюдению общих интернациональных интересов), но они не должны и абсолютизироваться, превращаться в препятствие на пути совместных действий стран социализма. Единство мировой социалистической системы, говоря словами Ленина, «требует не устранения разнообразия, не уничтожения национальных различий (это — вздорная мечта для настоящего момента), а такого применения *основных* принципов коммунизма... которое бы *правильно видоизменяло* эти принципы *в частностях*, правильно приспособляло, применяло их к национальным и национально-государственным различиям» [11].

Поскольку интернациональные интересы любой социалистической страны непосредственно связаны с природой нового общественного строя, с его историческими целями и перспективами, они являются наиболее существенными, коренными, долгодействующими. Важнейший критерий истинности национально-государственных и интернациональ-

[11] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 77.

ных интересов стран социализма — соответствие тех и других интересов исторической перспективе развития мирового социализма, начертанной классиками марксизма-ленинизма.

Это, конечно, не означает, что содержание интернациональных интересов остается неизменным. Например, в то время, когда Советский Союз был единственной социалистической страной, интернациональные интересы советского народа и всего революционного рабочего движения сходились в одном: в обеспечении условий для максимально успешного строительства нового общества в СССР.

С возникновением мировой социалистической системы интернациональные интересы входящих в нее стран приобрели новое, более богатое содержание: они стали заключаться в обеспечении максимально успешного развития и укрепления каждой отдельной социалистической страны и всей системы в целом, в совместной защите социализма, где бы над ним ни нависла угроза.

Интернациональные интересы, разумеется, не существуют отдельно от национально-государственных, помимо них. Каждая социалистическая страна, преследуя свои национально-государственные интересы, тем самым преследует как интересы общие для нее и других социалистических стран (т. е. совпадающие), так и интересы специфические, которые характерны только для данной страны и которые, следовательно, иногда могут не совпадать с интересами других стран.

В силу того, что отдельные социалистические страны занимают свое особое место в мире, в международном и социалистическом разделении труда, находятся на неодинаковом уровне экономического развития, имеют различия в экономической и политической структуре, традиционные связи и т. д., совокупность потребностей, составляющих национально-государственные интересы этих стран, не может быть полностью тождественной. У каждой страны есть свои специфические интересы, свои главенствующие проблемы. Так, национально-государственные интересы ДРВ в политической сфере в настоящее время концентрируются вокруг проблем, связанных с отпором агрессии американского империализма, с мирным объединением Севера и Юга и т. д. Национально-государственные интересы ГДР состоят в упрочении международного положения страны, в противодействии провокациям западногерманского империализма и т. д.

Как мы знаем, социалистические государства проявляют неодинаковую заинтересованность в тех или иных формах международного экономического сотрудничества и социалистической интеграции, что в известной мере обусловлено разной степенью концентрации и технической зрелости национального производства, а также разной емкостью внутреннего рынка. По-разному проявляется заинтересованность этих стран в экономических связях с индустриально развитыми капиталистическими государствами: в одних случаях такого рода связи достигают значительного размаха, включают производственное и научно-техническое кооперирование, использование крупных заемных средств у капиталистических фирм и банков; в других — ограничиваются преимущественно торговым обменом, который к тому же составляет

небольшую часть всего внешнеторгового оборота этих социалистических стран.

В теории и на практике возникает вопрос: каким интересам, национальным или интернациональным, в случае их несовпадения должно быть отдано предпочтение? Ответ на него не всегда представляется однозначным. Конечно, возможны такие острые ситуации, когда приходится делать выбор в пользу тех или других. И этот выбор равнозначен выбору между интернационализмом и национализмом. Но в обычных, нормальных условиях общественного развития происходит сочетание, гармонизация этих интересов. Причем такое сочетание и есть практическое осуществление принципов интернационализма.

Когда коммунистические партии, стоящие у власти, борются за укрепление национального суверенитета, за строгое соблюдение равноправия, взаимной выгоды, за удовлетворение специфических национальных интересов, они выполняют свой долг перед страной, перед народом. Однако национальные интересы — не самодовлеющая ценность. Если за национальными интересами исчезают интересы интернациональные, то слова о суверенитете и независимости превращаются в ширму, служащую прикрытием фактического отхода от марксистско-ленинских принципов в отношениях между социалистическими странами.

На практике согласование национально-государственных и интернациональных интересов стран социализма не совершается автоматически. Оно требует терпеливой совместной работы, глубокого анализа причин расхождений, выработки различных вариантов взаимоприемлемых решений. При этом необходим опыт хозяйственной и политической деятельности, существенно отличающийся от опыта решения внутренних проблем.

Политика, как подчеркивал Ленин, играет особую роль при социализме, так как социалистические государства выполняют важную функцию организации всей общественной жизни, руководства и планирования общественного производства и внешнеэкономических связей. Ни одна крупная внутренняя или внешняя проблема не может быть успешно решена без правильной политики социалистического государства и его правящей партии. Поэтому нет ничего удивительного, что политические отношения между социалистическими государствами накладывают заметный отпечаток на развитие всех их взаимосвязей, в том числе экономических.

Общность коренных интересов стран социализма создает благоприятные объективные возможности для оптимального решения самых сложных проблем во взаимоотношениях этих стран. Но практическая реализация этих возможностей зависит в первую очередь от марксистско-ленинских партий, от их способности по-ленински подходить к таким проблемам. И, как известно из практики, ленинская закалка партий, их умение правильно решать новые и трудные задачи налаживания международных отношений нового типа приобретаются не сразу, а в ходе длительной революционной борьбы и обучения партий на собственном опыте успехов и неудач.

В марксистско-ленинской политике коммунистических и рабочих партий жизненные потребности и интересы общества находят самое концентрированное выражение. Благодаря этому неизмеримо возрастают сила и действенность политического руководства, опирающегося на анализ объективных социально-экономических законов. Оно превращается в ведущий фактор формирования и углубления тесных отношений между социалистическими государствами.

Политический подход с научных позиций марксизма-ленинизма, пролетарского интернационализма позволяет правильнее оценивать и использовать преимущества тех или иных совместных мероприятий в области производства и обмена, видеть не только текущие, но и долговременные выгоды от этого. На основе политического сотрудничества, обеспечивающего согласование жизненно важных интересов и целей стран социализма, создается прочная основа для расширения и интенсификации их взаимных хозяйственных связей.

Только при правильной внешней политике социалистических стран, учитывающей весь комплекс интернациональных и национально-государственных задач, возможны упрочение единства этих стран, углубление их сотрудничества, их дальнейшее экономическое и политическое сближение.

МЕЖДУНАРОДНАЯ ЭКОНОМИЧЕСКАЯ ИНТЕГРАЦИЯ СТРАН СОЦИАЛИЗМА В СВЕТЕ УЧЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

Научное наследие Ленина постоянно обогащается новыми выводами и обобщениями. В ходе социально-экономического прогресса возникают многочисленные проблемы, требующие дальнейшего развития ленинской теории. Это особенно относится к проблематике экономического сотрудничества и сближения социалистических стран.

Международное социалистическое разделение труда — исторически новый процесс, играющий жизненно важную роль в социалистическом и коммунистическом строительстве на современном этапе. Чтобы сознательно направлять и ускорять этот процесс, социалистическим государствам — членам СЭВ приходится решать трудные задачи, овладевать опытом международной хозяйственной деятельности. Одна из задач—разработка перспективных направлений, эффективных методов и организационных форм взаимодействия национальных хозяйственных систем.

Развитие разнообразных производственных отношений между социалистическими государствами — результат объективного процесса *интернационализации науки, техники, производства и обмена*. Ленин отмечал глубоко прогрессивный характер этого процесса: «...Вся хозяйственная, политическая и духовная жизнь человечества все более интернационализируется уже при капитализме. Социализм целиком интернационализирует ее» [12]. Опыт развития мировой социалистической

[12] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 318.

системы вновь подтвердил эти слова Ленина: социализм действительно оказался мощным ускорителем интернационализации хозяйственной жизни и международного разделения труда.

Формирование и углубление устойчивого (по выражению Ленина «упроченного») разделения труда между социалистическими странами является, с одной стороны, непосредственным продолжением естественно развившегося процесса интернационального разделения труда, с другой — выражением международных производственных отношений нового типа.

В. И. Ленин специально изучал влияние прогресса техники и экономики на постоянное расчленение производственной деятельности на отдельные стадии и фазы, которые выделяются в самостоятельные отрасли, концентрируются в виде особых производств. Благодаря научно-техническому и социально-экономическому прогрессу становится более разнообразным ассортимент выпускаемой продукции и возникают все новые и новые потребности. Наряду с этим отмирают некоторые старые производства, однако число появившихся новых отраслей намного превосходит число отмерших. Это одна из тенденций, лежащих в основе международного разделения труда.

Другая тенденция связана с действием закона концентрации производства. Непрерывное возрастание оптимальных размеров производственных мощностей и повышение их технического уровня вызывают не только все большее углубление разделения труда внутри отдельных стран, но и объективно необходимое разделение труда в международном масштабе. Как известно, наиболее прогрессивны в техническом и экономическом отношении предприятия, рассчитанные на массовый, серийный выпуск продукции. Они обеспечивают самое эффективное снижение материалоемкости и энергоемкости производства, повышение фондоотдачи, создают наилучшие условия для внедрения передовых достижений науки и техники, современных технологических процессов. Однако не в каждой стране и тем более не в каждой отрасли ее народного хозяйства имеются благоприятные предпосылки для этого, т. е. емкий внутренний рынок, способный поглотить продукцию крупного предприятия, необходимое сырье, кадры ученых и специалистов соответствующего профиля и т. д. Отсюда возникает необходимость распределения труда между производителями разных стран, обмена продукцией между странами. С прогрессом науки и техники эта необходимость все настоятельнее проявляется еще и потому, что быстро увеличиваются затраты на научные исследования и конструкторские работы, причем многим странам не под силу самим совершенствовать технику во всех областях.

Ни одна даже самая крупная страна в современных условиях не может обеспечить в одиночку полноценный научный поиск и разработку проблем одновременно на всех направлениях фундаментальных и прикладных наук, совершенствовать только собственными силами технологию всех отраслей производства. Современная научно-техническая революция интернациональна по своей природе и требует неослабных усилий всего человечества.

Одна из важных объективных предпосылок международного разделения труда — неравномерность распределения ресурсов топлива, сырья, рабочей силы, различия в природных и климатических условиях. Например, страны, объединяемые Советом экономической взаимопомощи, располагают практически всеми видами минерального сырья, занимая по их разведанным запасам ведущее место в мире. На долю этих стран приходится $^4/_5$ мировых запасов марганцевых руд и апатитов, около половины запасов железных руд, $^2/_5$ природного газа, около $^1/_3$ запасов угля. Однако большая часть этих ресурсов находится на территории Советского Союза. Другие страны — члены СЭВ богаты лишь отдельными видами полезных ископаемых, которые могут иметь международное значение. Таковы, в частности, запасы угля, меди и серы в Польше, калийных солей — в ГДР, бокситов — в Венгрии, полиметаллических и марганцевых руд — в Болгарии, нефти и газа — в Румынии.

Имеющиеся запасы минерального сырья и топлива в общей сложности достаточны для полного удовлетворения растущих потребностей народного хозяйства стран СЭВ, но только при условии рационального разделения труда между ними, объединения их экономических усилий, с тем чтобы увеличить производство сырья и топлива на экспорт в странах, располагающих соответствующими природными ресурсами.

Таким образом, международное социалистическое разделение труда имеет свои естественноисторические и технологические основы. Как отмечал Ленин, выделившиеся в результате дифференциации производственной деятельности отдельные ее виды и стадии сосредоточиваются в тех странах, районах или центрах, где этому благоприятствуют соответствующие природно-климатические и экономико-географические условия. Своеобразие естественных и исторически сложившихся предпосылок развития производства в отдельных странах и районах обусловливает, таким образом, развитие территориального разделения труда, которое, по словам Маркса, закрепляет «определенные отрасли производства за определенными районами страны» [13].

Международное разделение труда и при капитализме, и при социализме представляет собой процесс устойчивой концентрации в отдельных странах определенных видов и стадий производства сверх внутренних потребностей, сопровождающийся обменом товаров между странами. Новая социальная природа разделения труда внутри мирового социалистического содружества проявляется в том, что инициаторами и организаторами такого разделения труда выступают социалистические государства в лице своих плановых и хозяйственных органов. Страны социализма сознательно и планомерно устанавливают между собой такое разделение труда, которое отвечает требованиям коллективного ведения хозяйства. Разумеется, труд распределяется между полностью суверенными в своей экономической деятельности государствами — коллективными социалистическими собственниками. И хотя между разделением труда, участниками которого являются государства

[13] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 23, стр. 366.

 как суверенные социалистические собственники, и разделением труда, существующим в единой системе социалистической собственности, имеются немалые различия, сущность обоих процессов одинакова: и здесь, и там исключаются неравенство, эксплуатация, конкурентная борьба и т. п.

В противоположность международному капиталистическому разделению труда, которое выражает отношения эксплуатации слабого сильным, складывается стихийно в ходе острой конкурентной борьбы и экспансии капиталистических монополий, углубляет неравенство экономического развития, приводит к образованию уродливой, однобокой структуры экономики слаборазвитых стран, международное социалистическое разделение труда осуществляется сознательно и планомерно в соответствии с жизненными интересами и задачами гармоничного и всестороннего развития всех социалистических стран, ведет к укреплению их единства [14]. Объективный процесс международного социалистического разделения труда лежит в основе все более полного использования преимуществ социализма как мировой хозяйственной системы.

Всестороннее использование преимуществ социализма как мировой хозяйственной системы — такая же политическая и экономическая необходимость для каждой из социалистических стран, как укрепление и дальнейшее совершенствование нового общества внутри этих стран. Чем больше достижения стран социализма в области экономического и научно-технического сотрудничества, тем прочнее их позиции в мирном соревновании с капитализмом, тем меньше предпосылок для оживления национального эгоизма и тем меньше перспектив у мирового империализма в его политике, направленной на экономическую дезинтеграцию социалистического содружества, на подрыв социалистических завоеваний.

Современный этап развития содружества стран — членов СЭВ можно охарактеризовать как этап, на котором имеются возможности с наибольшей полнотой реализовать преимущества социалистического общества в важнейших областях социально-экономического прогресса: в применении достижений научно-технической революции, повышении эффективности всего общественного производства, подъеме материального благосостояния населения, дальнейшем развитии культуры, углублении международного экономического сотрудничества.

В большинстве стран СЭВ сложилась система достаточно развитых и упрочившихся социалистических производственных отношений, имеются большие достижения в создании современной материально-технической базы и в формировании прогрессивной отраслевой структуры производства. На ряде решающих участков эти страны выдвинулись на авангардные позиции в развитии науки и техники, образования, культуры. Заметно вырос уровень жизни рабочих, служащих, крестьян. Разработаны и внедряются более совершенные экономические и

[14] Об этом подробнее см.: «Основные принципы международного социалистического разделения труда». М., 1964, стр. 6.

политические формы, соответствующие потребностям зрелого социалистического общества.

Перестройка общественной жизни на социалистических началах ускорила экономический рост стран, отличавшихся в прошлом недостаточным уровнем индустриального развития и ослабленным пульсом хозяйственной жизни. Ныне их народное хозяйство существенно изменило свой профиль, причем индустриальные методы производства, механизация и химизация в значительной мере преобразовали и аграрный сектор экономики этих стран.

Трудящиеся стран — членов СЭВ под руководством коммунистических и рабочих партий внесли большой вклад в дело увеличения экономической мощи всего социалистического содружества, одержали ряд побед в экономическом соревновании с капитализмом. Теперь они в состоянии сделать новый шаг вперед, используя колоссальные возможности, заключенные в социалистическом строе, в развитии международного сотрудничества.

Система экономического сотрудничества социалистических государств в той наиболее развитой форме, которая характерна для стран — членов СЭВ, имеет бесспорные достижения. В частности, эти страны достигли значительной общности хозяйственной жизни. Например, доля взаимной торговли в их общей внешней торговле составляет в настоящее время 62%, что выше соответствующего показателя стран «Общего рынка». Торговля между странами СЭВ весьма динамична: с 1951 по 1968 г. ее объем увеличился почти в 6 раз, тогда как между индустриально развитыми капиталистическими странами за это время торговля выросла в 4 раза.

Благодаря сотрудничеству в рамках СЭВ достигнута высокая степень самообеспеченности стран этого объединения топливом и сырьем (под самообеспеченностью понимается удовлетворение потребностей за счет собственного производства и взаимных товарных поставок внутри СЭВ). Эта самообеспеченность стран СЭВ достигает практически 100% в отношении всех видов топлива и электроэнергии, атомного сырья, чугуна, проката черных металлов, алюминия, пиломатериалов, бумаги и многих других товаров; в отношении большинства цветных металлов, железной руды, удобрений и целлюлозы страны — члены СЭВ удовлетворяют свои потребности за счет собственного производства и взаимных поставок на 80—90%. «Общий рынок» не располагает такими возможностями удовлетворения потребностей входящих в него стран в сырье и топливе за счет собственных ресурсов и взаимной торговли.

На рынке стран СЭВ осуществляется обмен материальных ценностей на сумму около 30 млрд. руб. в год, что составляет 6,5% объема мировой торговли. Эти данные, конечно, значительно уступают показателям «Общего рынка». Но в данном случае не может быть прямой аналогии, поскольку исходный уровень, с которого начиналось развитие тесного экономического сотрудничества стран внутри этих двух объединений, был весьма различным.

Обращение огромных масс товаров между странами — членами СЭВ все больше предопределяется глубоким, долговременным и целе-

 сообразным разделением труда. В отдельных странах СЭВ оно уже превратилось в необходимый фактор расширенного воспроизводства. На это, например, указывает тот факт, что металлообрабатывающая промышленность ГДР и Чехословакии около $^1/_4$ своей продукции поставляет в другие страны СЭВ, а в отношении снабжения важнейшими видами сырья зависит от последних в еще большей мере.

Во взаимоприспособлении экономических структур стран — членов СЭВ, в сближении их экономики большую роль сыграла координация многих важных показателей народнохозяйственных планов. Такого рода координация была проведена на ряд пятилетних периодов (1956—1960, 1961—1965, 1966—1970) и в настоящее время ведется на 1971—1975 гг. Кроме того, страны СЭВ коллективно разработали и приняли рекомендации относительно международной специализации отдельных стран по выпуску 2300 типов машин и оборудования, свыше 2300 типоразмеров подшипников, около 3000 химических продуктов. Важную роль сыграли также двусторонние соглашения о кооперировании производства узлов и деталей, о совместном проведении научно-исследовательских работ, о финансировании развития производства сырья на экспорт и т. д.

Чрезвычайно большое значение в обстановке развертывающейся научно-технической революции приобрели сотрудничество стран — членов СЭВ в развитии науки и техники и взаимопомощь в ускорении технического прогресса производства. За 60-е годы Советский Союз передал странам СЭВ почти 8 тыс. проектов на капитальное строительство, чертежей машин и оборудования, описаний технологии и получил свыше 4 тыс. комплектов такой документации. Многие из этих документов — итог передовых достижений техники, высокоэффективные результаты изобретательской деятельности. По оценкам экономистов братских стран, конструкции и технологические решения, получаемые в ходе взаимного сотрудничества, составляют 15—20% всех технических результатов, находящих применение в национальном производстве. Растущая общность хозяйственной жизни стран—членов СЭВ проявляется весьма наглядно и убедительно в развитии совместного транспорта, в деятельности международных отраслевых организаций и объединений энергетических систем.

С 1964 г. действует Общий парк железнодорожных вагонов стран СЭВ, насчитывающий более 100 тыс. единиц. Вагонами Общего парка перевозится ежегодно более 100 млн. тонн грузов. Трансевропейский нефтепровод «Дружба» уже обеспечил наиболее экономичную транспортировку примерно 90 млн. тонн советской нефти в Венгрию, Польшу, ГДР и Чехословакию. Взаимные поставки электроэнергии между странами — участницами объединенной энергосистемы «Мир» составили в 1960 г. всего 150 млн. квт.-ч, а в 1967 г. достигли 8,5 млрд. квт-ч.

Когда Ленин писал, что «современная передовая техника настоятельно требует *электрификации всей страны — и ряда соседних стран* — по *одному* плану» [15], его слова были лишь смелым предначертанием.

[15] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 44, стр. 280.

Сегодня это признанный и подтвержденный практикой факт. Более того, развитие техники в других отраслях (например, в металлургии, химии, машиностроении, радиоэлектронике, на транспорте) столь же неумолимо, как и в энергетике, подводит страны социализма к необходимости совместной плановой деятельности и разработки совместных планов.

Большие возможности планомерного разделения труда между странами СЭВ используются, однако, еще далеко не полностью. На это, в частности, указывает сравнение среднегодовых темпов роста валовой продукции промышленности и сельского хозяйства, национального дохода и внешнеторгового оборота стран — членов СЭВ:

	1951—1955 гг.	*1956—1960 гг.*	*1961—1965 гг.*	*1966—1968 гг.*
Валовая продукция промышленности	13,3	10,3	8,3	8,7
Валовая продукция сельского хозяйства	3,8	4,7	2,2	4,2
Национальный доход	10,7	8,3	6,1	7,7
Внешнеторговый оборот	13,6	11,3	8,3	6,7

Из приведенных данных видно, что именно в последние годы рост внешнеторгового оборота стал заметно отставать от увеличения национального дохода и промышленного производства. Причем если взять не весь внешнеторговый оборот, а только оборот взаимной торговли, то отставание в темпах будет еще большим.

Страны СЭВ возлагают серьезные надежды на развитие международного социалистического разделения труда как на средство быстрого и эффективного решения ряда острых народнохозяйственных проблем: во-первых, сырьевой и топливной проблем этих стран, во-вторых, проблемы обновления парка машинного оборудования, в-третьих, проблемы удешевления производства готовой продукции, повышения ее качества и технического уровня до мировых стандартов.

Говоря о сырьевой и топливной проблемах, необходимо подчеркнуть, что страны СЭВ в состоянии полностью удовлетворить перспективные потребности своей промышленности в сырье и топливе, используя имеющиеся у них природные ресурсы. Продолжающаяся нехватка многих видов сырья объясняется не природными, а экономическими причинами: недостаточным развитием добывающей промышленности и высокими нормами расхода топлива и материалов на единицу продукции. Особенно отстает развитие экспортных мощностей в добывающей промышленности из-за неблагоприятного соотношения мировых цен на сырье и готовую продукцию и высоких капитальных затрат на единицу экспортной выручки.

В социалистических странах, как известно, нет избыточных капиталов, которые можно было бы без всяких затруднений вложить в сырьевые отрасли. Ограниченность ресурсов для капитальных вложений

сдерживает увеличение производства сырья на экспорт. И это вступает в противоречие с быстрорастущими импортными потребностями многих стран — членов СЭВ в основных видах сырья и топлива. В 1975 г. по сравнению с 1970 г. потребности европейских стран социализма (без СССР) в сырье и топливе вырастут примерно в 1,5 раза. Поскольку эти страны не в состоянии за счет внутренних ресурсов удовлетворить свои потребности, они предъявляют спрос на советские товары.

Поставки топлива и электроэнергии из Советского Союза в европейские страны социализма достигнут в 1970 г. 80 млн. тонн условного топлива (электроэнергия переведена на условное топливо), а железной руды (в пересчете на металл) — 16 млн. тонн. Однако при этом будут покрыты не все потребности. Чтобы преодолеть существующий дефицит и удовлетворять растущий спрос в течение не только ближайших пяти лет, но и в более отдаленном будущем, необходимы большие капиталовложения для расширения имеющихся и создания новых производственных мощностей. Необходимо решить крупные научно-технические проблемы, связанные с комплексным использованием сырья и более эффективной его переработкой, а также увеличить мощности международного транспорта.

Решать такие задачи социалистические страны в состоянии только совместно, на основе перспективной программы сотрудничества, объединения необходимых средств и материальных ресурсов.

Аналогичные вопросы встают и в связи с задачей обновления парка оборудования. Известно, что страны — члены СЭВ обладают крупным машиностроительным потенциалом. Однако выпуск многих видов машин и оборудования неоправданно дублируется и осуществляется мелкими сериями. На рынке стран — участниц СЭВ еще предлагаются машины устаревших конструкций, которые не находят спроса.

В 1961—1968 гг. продукция машиностроения стран — участниц СЭВ увеличилась в 2,5 раза, тогда как оборот взаимной торговли по этой группе товаров вырос всего в 2,2 раза. Известно, однако, что процесс углубляющейся интеграции в машиностроении характеризуется иной зависимостью: опережением роста взаимных поставок машин и оборудования по сравнению с увеличением самого производства машин.

В настоящее время на очереди дня у многих стран СЭВ стоит вопрос о массовом обновлении парка машин и оборудования и переходе на самую передовую технику. Некоторые страны СЭВ, особенно Германская Демократическая Республика, уже приступили к практическому решению этой задачи. Соответственно повышается спрос на современную технику на рынке СЭВ. Чтобы удовлетворить спрос наилучшим образом, страны СЭВ также должны выработать долгосрочную программу взаимовыгодной, устойчивой кооперации и специализации производства.

Развитие химической промышленности требует углубления экономической кооперации. Несмотря на увеличивающиеся год от года объемы производства продукции основной химии, важнейших полимерных материалов и других видов химической продукции, разделение труда

между странами — членами СЭВ в этой области развивается медленно. Доля этой группы товаров во внешнеторговом обороте стран — членов СЭВ остается на протяжении последних лет на весьма низком уровне (3—3,5%). При общем росте продукции химической промышленности этих стран за 1961—1968 гг. в 2,6 раза объем их внешней торговли продукцией химии увеличился лишь в 1,9 раза. Сейчас, когда эти страны быстрыми темпами наращивают мощности в химии, налаживают новые производства, ассигнуют на это большие средства, особенно много может дать взаимная увязка национальных программ и концепций развития многих химических производств.

Таким образом, объективные потребности дальнейшего развития стран — членов СЭВ все настойчивее ставят на повестку дня необходимость решения вопросов экономической интеграции этих стран, планомерного развития мирового социалистического хозяйства. В разработке теории этих вопросов чрезвычайно важное значение имеют немногочисленные, но очень ясные и четкие указания Ленина. Он подчеркивал, что «при социализме трудящиеся массы сами не согласятся нигде на замкнутость по чисто экономическим... мотивам» [16], что «экономический расчет, равно как инстинкт и сознание интернационализма и демократизма» [17], требуют скорейшего сближения социалистических наций. Связь интеграционных процессов с развитием техники и экономики Ленин отмечал постоянно: «Марксизм выдвигает на место всякого национализма — интернационализм, слияние всех наций в высшем единстве, которое растет на наших глазах с каждой верстой железной дороги, с каждым международным трестом, с каждым (международным по своей экономической деятельности, а затем и по своим идеям, по своим стремлениям) рабочим союзом» [18].

В историческом плане мировое социалистическое хозяйство приходит на смену мировому капиталистическому хозяйству, которое сложилось в процессе перерастания домонополистического капитализма в империализм.

В работе «Империализм, как высшая стадия капитализма» Лениным дана «*итоговая картина* всемирного капиталистического хозяйства, в его международных взаимоотношениях» [19], показана неизбежность его замены более прогрессивными формами организации международной хозяйственной жизни. «Мы видим,— писал Ленин,— как быстро вырастает густая сеть каналов, охватывающих всю страну, централизующих все капиталы и денежные доходы, превращающих тысячи и тысячи раздробленных хозяйств в единое общенациональное капиталистическое, а затем и всемирно-капиталистическое хозяйство» [20]. Весь мир, по словам Ленина, сливается в один хозяйственный организм, весь мир оказывается поделенным между горсткой великих держав [21].

[16] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 37.
[17] Там же, стр. 121.
[18] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 24, стр. 131.
[19] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 303.
[20] Там же, стр. 329.
[21] См. *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 289.

 Ныне мировое капиталистическое хозяйство больше не является всемирным, всеохватывающим. Оно вынуждено уступать место быстро развивающемуся мировому социалистическому хозяйству, и это наряду с крушением колониальной системы империализма наиболее наглядно демонстрирует историческую обреченность империализма.

Как же происходит формирование мирового социалистического хозяйства?

Международное социалистическое разделение труда усиливает взаимозависимость хозяйственного развития отдельных социалистических стран. Их экономические системы все в большей мере начинают дополнять друг друга, что делает необходимым поддержание соответствия между производством и потреблением товаров в международном масштабе. Все больше появляется таких проблем, с которыми социалистическим странам трудно справляться в одиночку и которые они успешнее решают объединенными усилиями. Словом, возникает известная общность хозяйственной жизни стран социализма, характеризующаяся, в частности, наличием собственного международного рынка, некоторых общих экономических пропорций, общих хозяйственных и производственных организаций и институтов.

Возникновение этой общности свидетельствует о начале формирования мирового социалистического хозяйства. Его неправильно было бы рассматривать как простую совокупность национальных социалистических хозяйств, как их сумму, которая сохраняет все свойства отдельных слагаемых, отличаясь от них только количественно, размером. Речь идет об особом образовании с иными свойствами и институтами.

Внутри мирового социалистического хозяйства существуют и в обозримом будущем сохранятся государственные и экономические границы, отделяющие одну национальную систему организации планирования и руководства социалистической экономикой от другой, одну систему материально-технического снабжения, торговли, финансов, денежного обращения от другой. Поэтому экономическое единство, характеризующее образование мировой системы социалистического хозяйства, создается особыми путями и на протяжении сравнительно длительного периода. Речь идет о единстве отдельных хозяйственных систем, развивающихся на основе государственной самостоятельности и полного суверенитета. Их интегрирование не сопровождается утратой самостоятельности составных частей. Необходимое единство достигается на основе марксистско-ленинской интернационалистской политики социалистических государств, направленной на развитие между ними дружбы, сотрудничества и взаимопомощи при полной добровольности и равноправии.

Таким образом, мировое социалистическое хозяйство на современном этапе — это основанная на государственной самостоятельности система международной организации социалистического производства и обмена на плановых началах. Его можно определить и как комплекс взаимосвязанных государственных социалистических хозяйств. Наиболее

существенная сторона мирового социалистического хозяйства — развитие системы международных социалистических производственных отношений, а также особого механизма осуществления и организации этих отношений.

Мировое социалистическое хозяйство существует наряду с мировым капиталистическим хозяйством, с которым оно связано разнообразными торгово-экономическими отношениями и отношениями мирного экономического соревнования. Различия социально-экономических систем не являются, как известно, препятствием для взаимовыгодной торговли и сотрудничества между социалистическими и капиталистическими государствами. Объективной основой этих взаимосвязей служит всемирное разделение труда, процесс интернационализации производства и обмена, охвативший все страны, независимо от их общественного устройства. Поэтому и при наличии двух противоположных мировых хозяйственных систем сохраняется всемирное хозяйство как диалектическое единство этих противоположностей. В нем переплетены международные экономические отношения различных социальных типов: социалистические, капиталистические, смешанные, включающие элементы и тех, и других, переходные.

Новый тип международных отношений, основанных на полном равноправии, взаимной выгоде, братском сотрудничестве и солидарности, утверждается в ходе острой борьбы между социализмом и капитализмом в рамках всемирного хозяйства по мере достижения социалистическими государствами решающих побед в экономическом соревновании.

На определенном этапе развития процесс формирования мировой системы социалистического хозяйства приобретает характер социалистической экономической интеграции.

Интеграция экономики стран социализма представляет собой сознательный, планомерно регулируемый процесс сближения, взаимного приспособления и оптимизации их национальных хозяйственных структур в едином международном комплексе формирования глубоких и устойчивых кооперационных связей в ведущих отраслях производства, науки и техники, расширения и укрепления международного рынка этих стран путем создания соответствующих политических, экономических, технологических и организационных условий. Этот процесс, основанный на использовании объективных экономических законов социализма, особенно закономерностей международного социалистического разделения труда, тесно связан с научно-технической революцией в социалистических странах и задачами повышения эффективности общественного производства. Он означает качественно более высокую ступень их экономического сотрудничества. Интеграционные тенденции проявляются наиболее полно в отношениях между теми социалистическими странами, в политике которых правильно учитываются раскрытые Лениным объективные законы развития мировой социалистической системы.

Состоявшаяся в апреле 1969 г. сессия СЭВ с участием руководителей стран приняла решение о разработке комплексной, рассчитанной

на длительный срок программы развития социалистической экономической интеграции.

В соответствии с решением этой сессии основную роль в сближении, взаимном приспособлении, оптимизации народнохозяйственных структур стран — членов СЭВ призваны сыграть координация народнохозяйственных планов, совместное экономическое прогнозирование, согласование экономической политики и совместное планирование.

Наряду с этим формированию глубоких и устойчивых связей в ведущих отраслях производства, науки и техники должно активно способствовать также совершенствование механизма многосторонней торговли и расчетов. Страны СЭВ уже приступили к разработке предложений по установлению и согласованию реальных курсов между их валютами, а также между национальными валютами и коллективной валютой. Обсуждаются пути совершенствования цен взаимной торговли, подготавливаются меры по развитию кредитных отношений, предусматривающие, в частности, создание совместного инвестиционного банка для финансирования и развития производства сырья, развития специализированных в международном масштабе производств. Обсуждаются также меры по повышению авторитета и роли коллективной валюты этих стран. Речь идет о том, чтобы со временем обеспечить более широкую многостороннюю обратимость этой валюты, лучше обеспечить ее высококачественными товарами, а также запасами мировых резервных валют.

Важным фактором усиления сотрудничества будет также и развитие основанных на экономическом расчете непосредственных хозяйственных связей между производственными и другими организациями стран СЭВ. Укрепятся договорно-правовые основы экономического сотрудничества. Приобретет новое содержание деятельность органов Совета экономической взаимопомощи.

Приступая к осуществлению этих мер, страны — члены СЭВ стремятся на практике продемонстрировать перед капиталистическим миром свои преимущества в деле международной экономической интеграции. Объединение усилий даст им уже в ближайшие годы миллиарды рублей дополнительной экономии средств, ускорит технический прогресс, позволит высвободить для важных научных работ десятки тысяч квалифицированных научных сотрудников.

Однако самый важный эффект будет получен в политической области — окрепнет сплоченность социалистических стран, и это произойдет на самой добровольной и демократической основе в результате возросшей взаимной экономической заинтересованности. Тем самым будет дано новое убедительное доказательство правоты ленинской концепции создания и всемерного укрепления содружества социалистических государств.

Б. Г. ГАФУРОВ
академик

ТОРЖЕСТВО ЛЕНИНСКОЙ НАЦИОНАЛЬНОЙ ПОЛИТИКИ ПРИ СОЦИАЛИЗМЕ

В начале XX в. трудно было предположить, что в мире есть сила, способная вывести десятки угнетенных наций и народностей царской, буржуазно-помещичьей России на широкую дорогу социального прогресса и помочь им в короткий исторический срок пройти путь от родо-племенного строя, патриархально-феодальной отсталости к социализму.

Но такая творческая, созидательная, революционная сила нашлась. Это была Коммунистическая партия, вооруженная марксистско-ленинским учением. Именно она, опираясь на идеи пролетарского интернационализма, обеспечила все необходимые условия для всестороннего развития бывших колониальных окраин царской России.

Социалистическая революция в стране, насчитывавшей свыше 100 наций, народностей и национальных групп, могла осуществиться лишь при условии тесного сплочения всех эксплуатируемых против угнетателей, независимо от национальной принадлежности. Точно так же закрепление победы Октября было немыслимо без непосредственного и активного участия трудящихся всех краев и областей в борьбе против контрреволюции, внутренней и внешней.

Свержение царского самодержавия и ликвидация кратковременного господства буржуазии, триумфальное шествие Советской власти были в значительной степени облегчены и обусловлены тем, что возглавившая народные массы революционная рабочая партия пришла к Октябрю

с четко продуманной и разработанной программой по национальному вопросу. Для Российской империи, для государства, в котором представители основной национальности — русские — составляли примерно половину всего населения, в котором правящие круги веками разжигали национальную рознь, чтобы отвлечь внимание трудящихся от классовой борьбы, в котором население окраинных территорий отличалось крайней забитостью и отсталостью, наличие программы, названной впоследствии по имени ее творца ленинской, было очень важным.

В. И. Ленин отправлялся от исходных позиций, данных основоположниками научного коммунизма К. Марксом и Ф. Энгельсом. Они установили подчиненное значение национального вопроса по отношению к социальным проблемам и убедительно показали, что попытка решить его неразрывно связана с классовой борьбой, что ликвидация национального гнета и вражды между народами возможна лишь в результате пролетарской революции. «В той же мере,— писали они,— в какой будет уничтожена эксплуатация одного индивидуума другим, уничтожена будет и эксплуатация одной нации другой.

Вместе с антагонизмом классов внутри наций падут и враждебные отношения наций между собой» [1].

Уже в одной из своих первых классических работ «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?», Ленин уделил много внимания национальным проблемам; они глубоко волновали руководителя и вдохновителя пролетарской революции на протяжении всей его деятельности. На рубеже XIX и XX вв. он разработал принципиально новую теорию, рассматривающую национальный вопрос в качестве составной части общего вопроса о социалистической революции и диктатуре пролетариата. Ленин постоянно подчеркивал объективную сложность национальной проблемы, поскольку она затрагивала интересы народностей и наций с различным психическим складом, говорящих на разных языках, находящихся на неодинаковом уровне социально-экономического развития, и призывал самым внимательным образом подходить к ее решению, причем предлагал на каждом историческом этапе рассматривать национальные отношения не в статике, а в развитии, в динамике, порождавшей подчас неизбежные трудности и противоречия.

Во многих произведениях Ленина нашла отражение мысль о единстве социального, национального и интернационального факторов, ему принадлежит заслуга развития учения Маркса и Энгельса о пролетарском интернационализме.

В статье «Рабочий класс и национальный вопрос», опубликованной в 1913 г. в газете «Правда», он указывал: «Старому миру, миру национального угнетения, национальной грызни или национального обособления, рабочие противопоставляют новый мир единства трудящихся всех наций, в котором нет места ни для одной привилегии, ни для малейшего угнетения человека человеком» [2].

[1] *К. Маркс* и *Ф. Энгельс*. Сочинения, т. 4, стр. 445.
[2] *В. И. Ленин*. Полное собрание сочинений, т. 23, стр. 150.

Огромное значение имел ленинский тезис о праве наций на самоопределение вплоть до государственного отделения. Он неоднократно подчеркивал коренное положение марксизма, гласящее, что не может быть свободен народ, угнетающий другие народы. «Социалисты не могут достигнуть своей великой цели,— писал Ленин летом 1915 г.,— не борясь против всякого угнетения наций. Поэтому они безусловно должны требовать, чтобы с.-д. партии *угнетающих* стран (так называемых «великих» держав особенно) признавали и отстаивали право *угнетенных* наций на самоопределение, и именно в политическом смысле слова, т. е. право на политическое отделение. Социалист великодержавной или владеющей колониями нации, не отстаивающий этого права, есть шовинист...

Социалисты *угнетенных* наций, в свою очередь, должны безусловно бороться за полное (в том числе организационное) единство *рабочих* угнетенных и угнетающих народностей...

Не может быть социалистическим пролетариат, мирящийся с малейшим насилием «его» нации над другими нациями» [3].

Та же идея лежала в основе работы «Социалистическая революция и право наций на самоопределение» (1916 г.): «Пролетариат должен требовать свободы политического отделения колоний и наций, угнетаемых «его» нацией. В противном случае интернационализм пролетариата останется пустым и словесным; ни доверие, ни классовая солидарность между рабочими угнетенной и угнетающей наций невозможны» [4].

Признавая право наций на самоопределение, марксисты-ленинцы вместе с тем призывали в каждом конкретном случае подходить к данному вопросу с классовых позиций, с учетом интересов трудящихся масс. С этой точки зрения наиболее приемлемой и целесообразной формой устройства послереволюционной России был добровольный союз всех населявших ее народов. В работе «Задачи пролетариата в нашей революции», написанной в сентябре 1917 г., Ленин указывал: «Пролетарская партия стремится к созданию возможно более крупного государства, ибо это выгодно для трудящихся, она стремится к *сближению и дальнейшему слиянию* наций, но этой цели она хочет достигнуть не насилием, а исключительно свободным, братским союзом рабочих и трудящихся масс всех наций» [5].

В канун революции, в октябре 1917 г., подчеркивая необходимость совместного натиска трудящихся всех наций Российской империи на монархию и буржуазно-помещичий строй и важность объединения всех наций в рамках одного государства, Ленин писал: «Мы хотим... как можно более тесного союза, как можно большего числа наций, живущих по соседству с великорусами; мы хотим этого в интересах демократии и социализма, в интересах привлечения к борьбе пролетариата как можно большего числа трудящихся разных наций. Мы хотим *революционно-*

[3] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 328—329.
[4] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 27, стр. 257.
[5] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 31, стр. 167.

пролетарского единства, *соединения*, а не разделения. Мы хотим *революционного* соединения... Мы хотим *свободного* соединения...» [6].

После победы революции глава молодой Советской республики неизменно подчеркивал огромное значение правильного решения национального вопроса для становления, укрепления и развития вновь созданного государства. Великий вождь трудящихся отмечал важность решения этой задачи и «для сотен миллионов народов Азии, которой предстоит выступить на исторической авансцене в ближайшем будущем, вслед за нами» [7].

Исходя из конкретной обстановки, сложившейся в России, руководимая Лениным Коммунистическая партия выдвинула в качестве первостепенной задачи ликвидацию в кратчайшие сроки недоверия и вражды между народами и сплочение всех трудящихся в единую братскую семью. Речь шла о полном и всестороннем равноправии тружеников любой нации, народности или национальной группы, как бы малочисленна она ни была.

В знаменитом «Письме к рабочим и крестьянам Украины по поводу побед над Деникиным» говорилось: «Мы хотим *добровольного* союза наций,— такого союза, который не допускал бы никакого насилия одной нации над другой,— такого союза, который был бы основан на полнейшем доверии, на ясном сознании братского единства, на вполне добровольном согласии. Такой союз нельзя осуществить сразу; до него надо доработаться с величайшей терпеливостью и осторожностью, чтобы не испортить дело, чтобы не вызвать недоверия, чтобы дать изжить недоверие, оставленное веками гнета помещиков и капиталистов, частной собственности и вражды из-за ее разделов и переделов» [8].

Одним из главных средств обеспечения полнейшего доверия и братского единства ленинская партия считала последовательную, решительную и непримиримую борьбу как против великодержавного шовинизма, так и против местного национализма. С особой силой Ленин заострил этот вопрос в заметках «К вопросу о национальностях или «об автономизации»»: «...никуда не годится абстрактная постановка вопроса о национализме вообще. Необходимо отличать национализм нации угнетающей и национализм нации угнетенной, национализм большой нации и национализм нации маленькой.

По отношению ко второму национализму почти всегда в исторической практике мы, националы большой нации, оказываемся виноватыми в бесконечном количестве насилия, и даже больше того — незаметно для себя совершаем бесконечное количество насилий и оскорблений...

Интернационализм со стороны угнетающей или так называемой «великой» нации (хотя великой только своими насилиями, великой только так, как велик держиморда) должен состоять не только в соблюдении формального равенства наций, но и в таком неравенстве, которое воз-

[6] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 34, стр. 379.
[7] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 362.
[8] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 40, стр. 43.

мещало бы со стороны нации угнетающей, нации большой, то неравенство, которое складывается в жизни фактически» [9].

Коммунистическая партия и Советское правительство планомерно и последовательно проводили в жизнь принципы ленинской национальной политики. Одним из первых документов, принятых после победы Великого Октября, была провозглашенная 15 ноября 1917 г. «Декларация прав народов России». В ней торжественно подтверждались суверенность и равенство всех народов страны, их право на самоопределение вплоть до государственного отделения, отменялись какие бы то ни было национальные ограничения и привилегии, гарантировалось всестороннее и свободное развитие всех народов и народностей.

Историческим этапом в решении национального вопроса явилось образование в декабре 1922 г. Союза Советских Социалистических Республик.

Это братское и добровольное объединение отвечало насущным экономическим, политическим и культурным интересам всех наций, народностей и национальных групп страны, сплотившихся для построения первого в истории социалистического государства.

Однако юридическое провозглашение равенства и даже его политическое обеспечение еще не исчерпывали проблемы. Учитывая сложившуюся ситуацию и руководствуясь марксистско-ленинским учением, Коммунистическая партия при решении национального вопроса исходила из следующих принципов.

Необходимо было, во-первых, ликвидировать *фактическое* неравенство между народами, огромную экономическую, политическую и культурную отсталость тех из них, которые не прошли капиталистической стадии развития, перевести их на рельсы социалистического строительства, минуя мучительную для трудящихся стадию капитализма.

Мысль о возможности для отставших в социально-экономическом отношении народов при определенных условиях перешагнуть через целую историческую эпоху — гениальный вклад Ленина в марксистскую теорию национального и национально-колониального вопросов. С особой четкостью эту мысль он выразил в «Докладе Комиссии по национальному и колониальному вопросам» 26 июля 1921 г. на II конгрессе Коммунистического Интернационала: «Если революционный победоносный пролетариат поведет среди них (отсталых народов.— *Б. Г.*) систематическую пропаганду, а советские правительства придут им на помощь всеми имеющимися в их распоряжении средствами, тогда неправильно полагать, что капиталистическая стадия развития неизбежна для отсталых народностей... Коммунистический Интернационал должен установить и теоретически обосновать то положение, что с помощью пролетариата передовых стран отсталые страны могут перейти к советскому строю и через определенные ступени развития — к коммунизму, минуя капиталистическую стадию развития» [10].

[9] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 358—359.
[10] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 246.

Надо было, во-вторых, дать возможность народностям, которые до революции не успели сформироваться в нации, консолидироваться в рамках своей государственности.

Надлежало, в-третьих, обеспечить добровольность объединения трудящихся масс всех национальностей в борьбе против контрреволюции, за построение социалистического и коммунистического общества.

Подлинного решения национального вопроса, уничтожения национальной розни, достижения фактического равноправия наций, подъема их материального благосостояния и расцвета национальной культуры можно было добиться лишь при создании ряда важнейших условий:

— установление диктатуры пролетариата, самого последовательного революционного класса, по своей социальной природе лишенного национальной ограниченности;

— ликвидация эксплуататорских классов как «внешних» (т. е. для народов, например, Средней Азии, колонизаторских классов царской России — помещиков и капиталистов), так и местных (ханов, баев и иных феодалов);

— настойчивое осуществление ленинской национальной политики.

Политические мероприятия, проводившиеся в Советском Союзе в этом направлении, полностью соответствовали теоретическим положениям национальной программы партии. После образования в 1917 г. Российской Федеративной и Украинской советских социалистических республик, в 1919 г. возникли Белорусская, в 1920 г. — Азербайджанская и Армянская, а в 1921 г. — Грузинская советские социалистические республики. В 1924 г. в результате национального размежевания Средней Азии вместо Туркестанской АССР были созданы Узбекская и Туркменская ССР, а также Таджикская АССР (в 1929 г. преобразована в ССР). В 1936 г. статус союзных республик приобрели Казахстан и Киргизия, а в 1940 г. в Советский Союз вошли Литовская, Латвийская и Эстонская республики. Многие народности и национальные группы обрели свою государственность в форме автономных республик и округов.

Обеспечение политического равноправия всех наций и национальностей СССР имело огромное значение. Теперь задача заключалась в том, чтобы подвести под него прочный фундамент экономического равноправия. Поэтому развитие экономики советских республик, выравнивание их экономического уровня явилось первостепенной целью партии и правительства. Ее достижение предполагало, что народы Страны Советов, по ряду исторических причин оказавшиеся впереди в экономическом отношении, помогут народам бывших колониальных окраин в кратчайшие сроки преодолеть отсталость и развить собственную промышленность, подготовить национальные кадры технической и гуманитарной интеллигенции.

Формам и способам осуществления данных ответственных задач уделялось огромное внимание на VIII съезде РКП(б), что нашло отражение в принятой этим съездом Программе партии. Выполняя намеченные решения и придавая особое значение их претворению в жизнь, Центральный Комитет партии и Советское правительство проявляли неустанную

заботу о развитии хозяйства ранее отсталых республик и областей. Победивший рабочий класс, создавший государство диктатуры пролетариата, помог им «перейти к употреблению машин, к облегчению труда, к демократии, к социализму». Им отпускались в среднем гораздо более значительные средства, больше машин, строительных материалов.

Так, в годы первой пятилетки бюджет РСФСР возрос на 207%, Украинской ССР — на 285, Узбекистана — на 477, Туркменистана — на 535, Таджикистана — на 900%.

Само собой разумеется, что энергичная поддержка народов национальных окраин позволила достичь весьма ощутимых результатов. Об этом убедительно свидетельствуют цифры. К концу второй пятилетки продукция всего Советского Союза возросла в 8,5 раза по сравнению с 1913 г., тогда как валовая продукция Казахстана увеличилась в 14,6 раза, Киргизии — в 114, а Таджикистана — в 187 раз. Для конца 1940 г. цифры еще более показательны: в целом по СССР продукции выдано почти в 11 раз больше, чем в 1913 г., по Казахстану — в 22, Киргизии — в 160, Таджикистану — в 242 раза[11].

Руководствуясь принципами ленинской национальной политики, Коммунистическая партия осуществляла и социалистическое преобразование сельского хозяйства. В национальных районах аграрный вопрос имел свою специфику. Здесь вследствие колониальной политики царизма еще сохранялись пережитки патриархально-родового быта и феодальных отношений. Поэтому в Средней Азии, например, прежде чем приступать к аграрной реформе, нужно было сначала преодолеть давние традиции в земельно-водных отношениях.

Земельные преобразования, начатые в 1921 г., проводились в особенно крупных масштабах в 1926—1928 гг. В результате было ликвидировано помещичье-байское землевладение и отняты земельные излишки у кулаков и торговых элементов. Высвобождение бедняков и середняков из-под влияния баев в значительной степени способствовало советизации кишлаков. Но самыми эффективными методами борьбы с кулацкими элементами в республиках явились кооперация бедняков и колхозное строительство. Коллективизация сельского хозяйства, хотя и сталкивалась с серьезными трудностями (проходила в обстановке острейшей классовой борьбы, осложнялась необходимостью перехода многих кочевых и полукочевых хозяйств к оседлости, нехваткой подготовленных кадров, а также соответствующей техники), все же была отмечена колоссальными достижениями.

Революционные изменения, совершившиеся в сельском хозяйстве России, подтвердили правильность ленинского положения, что идея советской организации «может быть применяема не только к пролетарским, но и к крестьянским феодальным и полуфеодальным отношениям [12].

Борьба партии за индустриализацию национальных республик, за социалистическое преобразование их сельского хозяйства была нераз-

[11] *И. И. Грошев.* Исторический опыт КПСС по осуществлению ленинской национальной политики. М., 1967, стр. 234.
[12] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 41, стр. 245.

рывно связана с борьбой за укрепление Советской власти и повышение классового самосознания трудящихся. Народные массы все шире вовлекались в управление страной, все активнее включались в социалистическое строительство.

Чтобы дать возможность представителям местных национальностей взять в собственные руки строительство социализма, добиться революционных изменений в промышленности, сельском хозяйстве, в общем облике городов и сел, всей жизни республик, надо было обеспечить подготовку своих кадров, т. е. осуществить коренные преобразования в области культуры, провести культурную революцию.

Хотя в разных районах культурная революция протекала по-разному, в ней можно наметить три общих этапа. На первом из них создавалась массовая база для ликвидации неграмотности и малограмотности (начальное образование), на втором — готовились специалисты средней квалификации (среднее образование), на третьем, относящемся уже ко второй половине 30-х годов, осуществлялась подготовка кадров высшей квалификации (высшее и всеобщее образование). Понятно, что на каждом из этапов с той или иной степенью интенсивности решались все вопросы подготовки кадров.

Конкретно культурная революция выражалась в открытии сотен и тысяч школ, училищ, курсов по ликвидации неграмотности и малограмотности, институтов и других высших учебных заведений на местах, в отправке десятков тысяч узбеков, таджиков, казахов, киргизов, туркмен, кара-калпаков, юношей и девушек Северного Кавказа и Закавказья, Крайнего Севера в учебные заведения Москвы, Ленинграда, Киева, Свердловска и других городов Советского Союза, в аспирантуру и докторантуру к крупнейшим специалистам, наконец, в создании сначала филиалов и баз Академии наук СССР, а потом и национальных академий наук.

Проделанная в этом направлении титаническая работа вполне оправдала себя и дала богатейшие результаты — превращение некогда темных, отсталых районов в районы сплошной грамотности, появление многочисленных кадров местной интеллигенции — технической и гуманитарной, подлинный расцвет культуры, национальной по форме и социалистической по содержанию. В национальных республиках были созданы оперные и драматические театры, консерватории и музыкальные училища, издательства, клубы и библиотеки, обеспечивающие нужды и запросы местного населения.

В построение социалистического общества в СССР вклад внесли все народы Советского Союза. Именно их братская дружба, сцементированная ленинской национальной политикой Коммунистической партии, позволила в кратчайшие исторические сроки воздвигнуть величественное здание социалистического государства.

Суровые испытания выпали на долю нашей отчизны в годы второй мировой войны. Широко известно, что немецко-фашистские захватчики, вероломно напавшие на СССР, делали, в частности, ставку на внутренние разногласия, на распад нашего Союза. Война продемонстрировала нерушимость дружбы советских народов. На фронтах Великой Отече-

ственной войны плечом к плечу героически сражались русский и казах, украинец и таджик, белорус и узбек, грузин и туркмен и т. д. Немало солдат и офицеров из восточных республик отдало свои жизни делу освобождения русских, украинских, белорусских, молдавских городов и деревень.

В тылу, где, как надеялись гитлеровцы, «вспыхнут национальные антисоветские восстания», ковалось оружие для героической Советской Армии. Самые отдаленные горные кишлаки посылали на фронт делегации с подарками для советских воинов.

Послевоенный период — это период перехода трудящихся СССР к развернутому строительству коммунистического общества. Для многих республик это означает, что они перешагнули через мучительную капиталистическую стадию, прошли некапиталистический путь развития. Дорога к коммунизму лежит через дальнейшее развитие экономики и культуры, совершенствование политических форм жизни советских народов.

Давно ушла в прошлое экономическая отсталость Средней Азии. Было бы напрасным искать на дореволюционных картах, например, Узбекистан. Эта республика в полном смысле слова создана Октябрем: ранее узбеки были расчленены на три части: они жили в Туркестанском генерал-губернаторстве царской России, Бухарском и Хивинском ханствах. Ныне суверенная и полноправная Узбекская республика представляет собой высокоразвитое индустриально-аграрное государство. Она добывает больше природного газа, чем Франция, Италия и Федеративная Республика Германии вместе взятые. За годы Советской власти там построено свыше тысячи крупных предприятий, в том числе металлургический комбинат, множество предприятий горнодобывающей, химической, текстильной промышленности, на которых заняты десятки тысяч трудящихся.

В одной лишь Ферганской области, далеко не самой крупной из областей Узбекистана (до революции во всей Ферганской долине промышленность была представлена несколькими примитивными хлопкоочистительными и маслобойными заводиками, где трудилось в среднем не более 35 человек, и множеством кустарных заведений, на которых работало в среднем 1—2 человека), построены Ферганский текстильный комбинат, Маргиланский шелковый комбинат, Кокандский чулочно-прядильный комбинат, Ферганский нефтеперерабатывающий завод, Кувасайский цементный комбинат, заводы азотных удобрений. В Фергане строится крупнейшая обувная фабрика, в Коканде — завод ацетатного шелка, в Кувасае — стеклотарный завод и др. Продукция ферганских предприятий (а здесь перечислены лишь те, что появились за последние годы) идет не только во многие города Советского Союза, но и в 17 зарубежных стран.

Бурно развивались и другие республики Советского Востока. Так, валовая продукция промышленности в Казахстане в 1968 г. возросла по сравнению с 1913 г. в 125 раз, в Киргизии—в 152 раза. Одним из наиболее характерных показателей экономического развития того или иного государства является его энерговооруженность. С этой точки зрения

любопытно обратиться к данным по советским республикам. В 1913 г. Белоруссия выработала 3 млн. квт-ч электроэнергии, в 1967 г.—около 11 млрд. Узбекистан — соответственно 3,3 млн. и 14,4 млрд., Казахстан — 1,3 млн. и 23,6 млрд., Грузия — 19,8 млн. и 6,6 млрд. В Киргизии и Таджикистане до революции электроэнергии вообще не производилось, в 1967 г. они выработали соответственно 2,9 млрд. и 2,2 млрд. квт-ч. Сравнительно небольшая Молдавия почти в 5 тыс. раз увеличила производство электричества. О скачке в развитии энергетического хозяйства бывших царских окраин свидетельствует хотя бы тот факт, что маленькая Армения в 1967 г. выработала в 2 раза, а Казахстан — в 12 раз больше электричества, чем вся Российская империя. По энергооснащенности республики Советского Востока далеко превзошли соседние государства Азии и не отстают от самых крупных государств Европы.

Не менее показательны исторические сдвиги в области культуры. «Страна сплошной грамотности» — так часто именуют наше Отечество. При этом надо учитывать необъятные просторы СССР, численность его населения, приближающуюся к 240 млн. человек, ибо ясно, что, чем меньше территория и население, тем легче добиться высокого процента грамотности жителей. Решающую роль в наших успехах играют социальный строй, политика правительства.

Рабоче-крестьянское государство, обеспечившее осуществление культурной революции, продолжает неустанно бороться за дальнейший рост и подъем культурного уровня советских людей. Достаточно сказать, например, что в 1966 г. общеобразовательные школы Таджикистана посещало 613 тыс. детей по сравнению с 400 в 1914 г. В крае, где до революции не было ни высших, ни средних специальных учебных заведений, функционировали 7 вузов с 35 тыс. студентов и 32 средних специальных учебных заведения с 27 тыс. учащихся.

По уровню медицинского обслуживания национальные республики СССР превосходят многие капиталистические страны. В Киргизии на 10 тыс. человек приходится более 19 врачей, в Индии — 1,9, в Пакистане — 0,9, в Турции — 3,3, в Иране — 3,7, в Японии — 14,3, во Франции — 15,4, в Англии — 14,7, в США — 18,6.

Можно привести великое множество фактов, убедительно свидетельствующих об изменении облика некогда отсталых окраин Российской империи. Даже в самых глухих селениях нашей страны над крышами домов возвышаются радио- и телевизионные антенны, жители этих селений широко пользуются услугами Аэрофлота и за несколько часов долетают до некогда недоступных им краев. Возросшее материальное благосостояние позволяет сибиряку провести отпуск на черноморских курортах, а жителю Прибалтики отправиться в туристскую поездку на Сахалин и Камчатку. Сейчас республики Советского Востока — всесторонне и гармонично развитые суверенные государства. Происшедшие перемены порождены ленинской национальной политикой Коммунистической партии и осуществлены героическим трудом всего советского народа. Но величайшим завоеванием социалистического государства является дружба советских народов — залог всех наших успехов.

Нынешний этап в развитии национальных отношений характеризуется углублением сотрудничества братских наций, их сближением. Этот процесс идет довольно быстро, что объясняется влиянием научно-технического прогресса и интернационализации общественной жизни. Мы являемся свидетелями интенсивного взаимодействия интернациональных и национальных моментов в развитии народов.

Наряду с прогрессивными местными традициями складываются традиции общесоюзные. Разумеется, все это в высшей степени положительные факторы.

Определенные итоги проведения национальной политики в СССР почти за полвека подвел XXIII съезд КПСС. В отчетном докладе Центрального Комитета съезду Генеральный секретарь ЦК Л. И. Брежнев с полным основанием констатировал: «Наша Родина — великий Советский Союз — основана на братстве, дружбе и сотрудничестве всех народов страны, на общности социально-экономического строя, политической системы, единой социалистической идеологии. Экономические и культурные связи народов СССР становятся все более тесными и многообразными. Идет великий процесс сближения народов, укрепления нерасторжимых уз их дружбы и братства, единства и сплоченности.

На протяжении полувека партия неустанно крепила, ковала, совершенствовала этот союз, пока он не превратился в ту неодолимую и могучую силу нашего государства, какой являются ныне дружба и братство народов Советского Союза. Наши враги не раз пытались подорвать и поколебать крепость этой дружбы и силой оружия, и ядом своей буржуазной идеологии. Но все их надежды рассыпались прахом, а дружба советских народов уверенно набирает силы, цветет, крепнет и развивается» [13].

И на современном этапе важнейшими задачами являются развитие промышленности национальных республик, строительство новых электростанций, заводов, фабрик, предприятий горнодобывающей промышленности.

Многие делегаты съезда — представители коммунистических организаций национальных республик — рассказали о новых победах, достигнутых в развернутом строительстве коммунистического общества. Они доложили съезду о выполнении заданий семилетнего плана по ведущим отраслям промышленного и сельскохозяйственного производства, о крупных успехах в области науки и просвещения, здравоохранения и искусства.

В основе принятых по докладу Председателя Совета Министров СССР А. Н. Косыгина директив съезда по пятилетнему плану развития народного хозяйства СССР на 1966—1970 гг. лежали ленинские идеи братской дружбы народов нашей страны, гармоничного и быстрого развития всех наций, народностей и национальных групп Советского Союза.

Взаимопомощь и сотрудничество всех советских трудящихся вне зависимости от национальной принадлежности — важнейшее условие

[13] «XXIII съезд Коммунистической партии Советского Союза». Стенографический отчет, I. М., 1966, стр. 103.

успешного продвижения СССР к светлому коммунистическому будущему, достижения его в кратчайшие исторические сроки. Буржуазная пропаганда прилагает немалые усилия, чтобы опорочить идеи дружбы народов, раздуть, поднять на щит националистические пережитки и предрассудки, проявления национальной узости и ограниченности.

Империалисты хотят оживить эти пережитки. Они приветствуют любые попытки вытащить из забвения всевозможных завоевателей, реакционных националистических деятелей прошлого Средней Азии, Закавказья и других национальных территорий, окружить ореолом национального героизма участников антинародных феодально-клерикальных или буржуазно-националистических движений и течений (мюридизм, джадидизм, не говоря уже о панисламизме и пантюркизме). В своем стремлении ослабить советское общество буржуазная пропаганда всячески пытается противопоставить друг другу различные народы Страны Советов, особенно всех их — русскому народу, сплотившему и объединившему вокруг себя прогрессивные силы всех национальностей в борьбе против царизма, угнетателей — феодалов и буржуазии, против иностранных интервентов, а в наши дни возглавившему борьбу за строительство коммунизма.

Советские люди должны помнить указания Ленина об особой сложности национального вопроса, о том, что националистические пережитки невероятно живучи. Даже сейчас, вступив в новый полувек существования советского рабоче-крестьянского государства, мы не можем быть гарантированы от рецидивов великодержавного шовинизма и местного национализма, расистско-националистических взглядов, противоречащих ленинской национальной политике КПСС. Это обязывает коммунистов с особой осторожностью подходить к национальным проблемам, решать их с принципиальных классовых позиций. Бескомпромиссная борьба против любых проявлений национализма способствует укреплению Союза Советских Социалистических Республик. В ее основе лежит глубокая и принципиальная мысль Ленина о том, что с великодержавным шовинизмом надлежит бороться русским, а с национализмом на местах — трудящимся национальных республик.

Еще встречающиеся иногда попытки идеализировать феодальное прошлое, возвеличить, приукрасить деятельность князей и царей, эмиров и ханов служат признаком того, что где-то ослаблена политико-воспитательная работа, забыта необходимость острейшего классового анализа исторических событий.

Некоторым историкам, подходящим слишком общо, неконкретно к изучению отдельных движений в нашей стране, особенно в национальных районах — в Средней Азии, Закавказье, на Северном Кавказе, не мешало бы вспомнить знаменательные слова Ленина: «...*не* всякую борьбу против империализма мы вправе поддержать. Борьбу реакционных классов против империализма мы *не* поддержим, восстания реакционных классов против империализма и капитализма мы *не* поддержим» [14].

[14] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 30, стр. 116.

Вряд ли у кого-нибудь может возникнуть мысль, что Ленин испытывал какие-нибудь симпатии к капиталистическому строю, к империализму.

Завет Ильича неустанно бороться с пережитками национализма не теряет своей актуальности и в наши дни. Каждый советский человек принадлежит к определенной нации, народности или национальной группе. Но было бы в корне неверно и вредно забывать, что все: русские и украинцы, белорусы и узбеки, казахи и грузины — граждане великого Советского Союза, полноправные и взаимоответственные члены единой семьи народов СССР. Каждый из советских граждан может жить в любой республике, пользоваться всеми правами: он везде на своей Родине.

Непрерывное развитие и укрепление взаимосвязей советских народов является закономерностью социалистического общества. Именно поэтому существенное значение имеет воспитание трудящихся в духе идей интернационализма. Неустанная массовая пропаганда этих идей является одной из важных основ политико-воспитательной работы партийных органов и Советского государства.

В настоящее время в нашей стране наблюдается все большее сближение наций и национальных групп, усиление связей между ними, укрепление их экономического, политического и культурного содружества. Этот процесс отмечен серьезными достижениями. Широко известны факты, когда в интересах социалистического Отечества полюбовно пересматривались республиканские границы и часть территории одной республики передавалась другой.

Нормой жизни советских людей неизменно является братская взаимопомощь, неизвестная и не всегда понятная капиталистическому миру. Тысячи жилых домов возводят бескорыстно и безвозмездно в разрушенном землетрясением Ташкенте строительные организации Москвы и Ленинграда, Российской Федерации, Киева и Харькова, Литвы и Белоруссии, Эстонии и Казахстана, Латвии и Киргизии, Грузии и Молдавии, Азербайджана, Армении, Таджикистана и Туркменистана. Примеры такого же внимания к интересам каждой национальной республики со стороны ее сестер многочисленны.

Всячески способствуя дальнейшему сближению наций, народностей и национальных групп СССР, следует, однако, иметь в виду, что в настоящий период развития социалистического общества национальные различия и особенности выражены достаточно ярко и, видимо, будут существовать довольно длительное время. Нет оснований их подчеркивать, но еще меньше оснований их игнорировать.

Это обязывает союзные республики исключительно внимательно относиться к представителям тех национальностей и национальных групп, которые находятся в меньшинстве по сравнению с ведущим населением, так сказать, к «местным нацменьшинствам». Надо крайне бережно подходить к их потребностям, заботам и нуждам, обеспечивать обучение их на родном языке, издание книг, журналов и газет, активное участие в общественно-политической, научной и культурной жизни республики.

В последние годы серьезно усилилась массовая работа по интернациональному воспитанию трудящихся в столице нашей Родины и других крупных центрах страны.

На XXIII съезде КПСС отмечались важность расширения полезной практики организации декад и недель братских литератур и искусства, углубление их содержания, изучение и внедрение других форм обмена духовными ценностями, который должен быть систематическим и постоянным.

Философы, историки, экономисты, социологи, юристы много сделали в области исследования различных аспектов ленинской национальной политики КПСС и национального вопроса. Но стоящие перед ними задачи не менее значительны. В известном углублении нуждается теоретический анализ и уже освещавшихся и новых рождаемых жизнью проблем, в частности таких, как источники националистических предрассудков и пережитков, соотношение интернационального и национального и т. п. Недостаточно, на наш взгляд, разработаны вопросы взаимоотношений наций и народностей, которые при многонациональном составе республик представляют отнюдь не только теоретический интерес. Важную роль играет также осмысление перспектив развития наций в СССР и образования интернациональной общности. Наконец, имеются все предпосылки для подготовки и издания фундаментального коллективного труда, научно обобшающего огромный опыт, накопленный Коммунистической партией в осуществлении национальной политики в отдельных районах и в стране в целом.

Неуклонное претворение в жизнь марксистско-ленинских положений по национальному вопросу, подтвержденных практикой строительства социализма и коммунизма в СССР,— гарантия того, что идеи пролетарского интернационализма, равенства народов, рас и наций чем дальше, тем шире будут распространяться по всему земному шару. Эти передовые идеи берут на вооружение народы Азии, Африки, Латинской Америки, перед которыми стоят многие задачи, уже решенные советским народом.

Непреходящее значение опыта борьбы советского народа против расизма и национализма, против великодержавного шовинизма и мелкобуржуазных антинародных извращений по национальному вопросу на местах заключается в том, что советские люди практически показали, как нужно созидать общество, в котором все равны, независимо от цвета кожи или национальной принадлежности. Еще в 1922 г., подчеркивая значение опыта советской национальной политики для антиколониального движения, Ленин писал: «...завтрашний день во всемирной истории будет именно таким днем, когда окончательно проснутся пробужденные угнетенные империализмом народы и когда начнется решительный долгий и тяжелый бой за их освобождение» [15].

Сделанный Лениным точный марксистский прогноз блестяще оправдался. Уже окончательно проснулись «угнетенные империализмом народы», и в мире идет «решительный долгий и тяжелый бой» за их окон-

[15] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 45, стр. 362.

чательное и бесповоротное освобождение. Важным оружием в этой борьбе выступают теория и практика решения национального вопроса в Советском Союзе. Трудно переоценить их международное значение.

Как правило, освободившиеся страны Азии и Африки либо многонациональны, либо в них быстрыми темпами развивается процесс национальной консолидации. Правильное решение национального вопроса для этих государств особенно актуально. Изучение и использование нашего опыта во многом облегчает их задачу. Не случайно советские национальные республики и прежде всего республики Советского Востока стали в полном смысле слова местом паломничества многочисленных делегаций из Индии и Пакистана, Ирана и Афганистана, Алжира и Сирии, Объединенной Арабской Республики и т. д. Приезжая в СССР, представители этих стран наглядно убеждаются в неограниченных возможностях, предоставляемых социализмом для всестороннего развития народов. На конкретных примерах эти делегации изучают перспективы некапиталистического пути развития, знакомятся с принципами ленинской национальной политики и методами ее осуществления.

Имеется и другая сторона дела. Установление дружественных и равноправных отношений между СССР и этими странами Востока, оказание Советским Союзом всесторонней бескорыстной помощи им, выступления СССР на мировой арене в поддержку их справедливых требований — все это способствует пробуждению и росту национального самосознания ранее угнетенных народов, активно содействует укреплению их суверенитета. Самым характерным проявлением такого подхода Советского Союза к международным проблемам можно назвать последовательную поддержку героической борьбы мужественного вьетнамского народа против американских империалистов, содействие арабским народам в их борьбе за ликвидацию последствий израильской агрессии.

Сущность ленинской национальной политики КПСС проявляется во внимательном отношении к повседневным жизненным нуждам развивающихся стран. Экономическая помощь СССР этим странам направлена на решение важнейших задач становления их национальной экономики, ослабления и освобождения от иностранной зависимости. Советские кредиты предоставляются на выгодных условиях и не связаны с какими-либо политическими требованиями. Они направляются на создание таких важнейших промышленных объектов, как Бхилайский металлургический комбинат в Индии, Асуанский гидроэнергетический комплекс в Объединенной Арабской Республике, Евфратский гидроэнергетический комплекс в Сирийской Арабской Республике и др.

Следует отметить братскую помощь советских людей народам Азии и Африки в подготовке собственных, национальных кадров. Империалистическое господство препятствовало созданию в этих странах местных кадров. Отсутствие здесь своих врачей, инженеров, агрономов, педагогов весьма тормозит политико-экономическое и культурное развитие народов Востока. При прямом участии родины Октября во многих государствах Азии и Африки построены и открыты политехнические и иные высшие учебные заведения. В Советском Союзе десяткам важнейших специальностей обучаются многие представители зарубежного

Востока. Во всем мире известен Университет дружбы народов имени Патриса Лумумбы в Москве. Не одна сотня его выпускников в настоящее время применяет полученные тут знания на стройках Ирака и Йемена, Демократической Республики Гвинеи и Камбоджи, Сомали и Республики Конго.

Все это дает основания для четкого вывода о том, что ленинское учение по национальному вопросу имеет огромное значение не только для народов Союза Советских Социалистических Республик, но и для всех народов мира. Иначе и быть не может, ибо оно опирается на принцип пролетарского интернационализма и связано с последовательной борьбой против империалистического угнетения, против порабощения одного народа другим, с разоблачением неоколониализма.

Положения марксистско-ленинской теории в области национального вопроса, предусматривающие глубочайшее уважение прав любой нации или национальной группы, обязывают нас не допускать никаких преувеличений национальных особенностей и роли отдельных народов. В создании мировой цивилизации, в успехах культуры и искусства, в достижениях современной науки и техники содержится вклад всех народов планеты. И если некоторые из них еще отстали в своем развитии, то в этом не вина, а беда их. Вина же лежит на тех, кто сотнями лет грабил и унижал эти народы, лишал их человеческого достоинства, обрекал на голод, нужду и вымирание.

Поддерживая национально-освободительное движение, «национализм угнетенных наций», марксисты-ленинцы решительно выступают против реакционного национализма колонизаторов, против «национализма угнетающих наций», против шовинизма и расизма. Развивающиеся народы Востока всегда могут рассчитывать на всестороннюю поддержку Советским Союзом их справедливой освободительной борьбы, их усилий, направленных на укрепление своей политической и экономической независимости, на развитие своей культуры.

Порукой в том — ленинская национальная политика Коммунистической партии и Советского правительства. Эта политика обусловила успешное строительство социалистического общества в Стране Советов. Она является надежной гарантией новых достижений, приближающих советский народ к светлому коммунистическому будущему.

Выступая на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в июне 1969 г., Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев подчеркнул: «Своей важной задачей мы считаем дальнейшее укрепление союза всех наций и народностей нашей многонациональной страны... Нынешний этап строительства коммунизма требует, чтобы достигнутые успехи были не только закреплены, но и развиты. Речь идет о еще более тесном сближении всех наций и народностей, о дальнейшем улучшении работы, связанной с воспитанием советских людей в духе советского патриотизма и социалистического интернационализма, непримиримости к идеологии национализма и расизма» [16].

[16] «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы. Москва, 5—17 июня 1969 г.». М., 1969, стр. 87.

М. Б. ХРАПЧЕНКО
академик

ПРОБЛЕМЫ СОВРЕМЕННОЙ ЭСТЕТИКИ

I

В любой сфере духовной жизни современного мира, в развитии теоретической мысли, касающейся самых различных ее сторон, находят свое отражение процессы, порожденные Октябрьской революцией 1917 г., успешным строительством социализма в Советском Союзе и других странах. Революционный поворот в движении общества, претворение в жизнь принципов научного социализма неразрывно связаны с именем Ленина. Глубочайший теоретик и мыслитель, Ленин раскрыл характерные особенности нашей эпохи, ее ведущие тенденции, в том числе и в области культуры. Ленинские идеи помогают понять сложные пути развития современного искусства, современной эстетики, борьбу, которая в ней происходит, противоречия, с которыми она сталкивается.

В центре острых споров, ведущихся длительное время, находится и сейчас вопрос о коммуникативных свойствах литературы и искусства, об их внутренней природе, о возможностях восприятия эстетических ценностей широкой аудиторией. В конечном счете споры эти сводятся к проблеме: искусство и демократия. Целый ряд буржуазных теоретиков защищает то положение, что подлинное искусство всегда предназначено для немногих, избранных. Только они и могут якобы по

достоинству оценить его качества, только они и содействуют его росту. Этим взглядам решительно противостоят позиция художников и теоретиков демократического направления, теория и практика социалистического искусства, занимающего столь важное место в современной художественной культуре.

Теория некоммуникабельности истинного искусства, его обращения к немногим предстает в различных своих модификациях и прежде всего в виде признания социальной элиты единственным вдохновителем живого художественного творчества. Такого рода идеи высказывались и раньше. Достаточно ясно они были сформулированы, например, уже Ницше. Но в своей наиболее заостренной форме — применительно к современному искусству — взгляды эти развиты испанским философом Ортега-и-Гассетом и английским поэтом Т. Элиотом.

Характеризуя социальные процессы, происходящие в XX в., Ортега-и-Гассет писал: «Существует один факт, который — как к нему ни относиться — имеет большое значение в общественной жизни нашего времени. Этот факт — стремление масс стать полновластной общественной силой... Факт этот означает, что Европа страдает от величайшего кризиса, который приносит несчастья народам, нациям, цивилизации. Такой кризис встречался не однажды в истории. Его характерные особенности и следствия хорошо известны, так же как и его имя. Он называется восстанием масс» [1].

Ортега-и-Гассет с нескрываемой враждебностью воспринимает возросшую роль широких слоев народа в современном обществе. Однако он убежден в том, что это преходящее явление. Реальной и постоянной величиной исторического процесса, по его мнению, является меньшинство. Оно в отличие от массы состоит из мыслящих индивидуальностей, обладает большим опытом, квалификацией, культурой. Наступит время, заявляет Ортега-и-Гассет, когда общество, от политики до искусства, реорганизуется в два ряда, в два класса — избранных и обычных. Процессы этого рода ясно ощущаются в искусстве, культуре. «Новое искусство,— пишет Ортега-и-Гассет,— очевидно, адресуется не ко всякому, а к особо одаренному меньшинству»; по самому своему существу это—искусство привилегированной аристократии высокого разума. Отсюда его важнейшая особенность: «...новое искусство помогает элите понять самое себя и других в серой массе общества, узнать свою миссию, которая состоит в том, чтобы быть немногими и удерживать свои позиции против многих» [2].

Среди горячих сторонников некоммуникабельности художественного творчества находятся не только апологеты социальной элиты, но и представители различных течений так называемого авангардного искусства, которые неизменно подчеркивают разрыв, существующий между интеллектуальным меньшинством, включающим в себя созда-

[1] *J. Ortega-y-Gasset*. The Coming of the Masses.— «Mass Culture. The Popular Arts in America». Illinois, 1957, p. 41.

[2] *J. Ortega-y-Gasset*. The Dehumanisation of Art and other Writings on Art and Culture. New York, 1956, p. 6, 7.

телей современной культуры, и широкой публикой. Истинное искусство, по мнению авангардистов, возникает и развивается в постоянном конфликте с мнением, вкусами массовой аудитории. Широкая публика привыкла восторгаться привлекательными дешевыми поделками, разного рода суррогатами. Искусство подлинное, новаторское ей недоступно, непонятно, она его отвергает.

Для авангардистов популярное — чаще всего синоним банального, вульгарного. Степень отдаленности от широко распространенного, степень непонятности явлений искусства выдвигается многими авангардистами в качестве одного из важнейших критериев их реальной ценности. Так, видный сюрреалист Ж. Кокто писал о художественном произведении: «Чем менее оно понятно, тем медленнее оно раскрывает свои лепестки и тем медленнее увядает... Произведение, которое не сохраняет тайну и раскрывается слишком быстро, сильно рискует угаснуть, и от него останется только мертвый стебель» [3].

Ограничение связей искусства с обществом, людьми простирается до того, что оно нередко провозглашается монологом художника, явлением, которое интересно и хорошо понятно лишь ему самому. Один из зачинателей литературы абсурда, С. Беккег, считает, что «искусство является апофеозом одиночества»; по его мнению, между людьми «не может быть общения, потому что не существует средств общения».

Вместе с тем при защите некоммуникабельности искусства авангардисты стремятся иногда использовать некоторые достижения современной науки, в частности теории информации, кибернетики. Ясность информации и ее объем, утверждают теоретики неоавангардизма,— явления совершенно различные. Бóльшая доступность, легкое усвоение информации всегда предполагают малое ее содержание. С другой стороны, оригинальность, новизна сообщения повышают трудность его восприятия. Однако количество информации, ее значение при этом существенно возрастают. Между оригинальностью, своего рода «неорганизованностью» информации и ее объемом существуют прямые соответствия. «Количество информации,— пишет итальянский теоретик неоавангардизма Умберто Эко,— зависит не от упорядоченности, а от беспорядка, по крайней мере известного типа неупорядоченности».

Признание невозможности широкого духовного общения между людьми, отход от коммуникативного характера искусства, осуществляемый будто бы ради сохранения и развития его истинных ценностей, составляют важнейшую черту ряда течений в художественной культуре XX в., которые обычно объединяются под общим названием «модернистское искусство». Но так как в это понятие часто вкладывается разное содержание, а на Западе оно нередко используется для обозначения всяких новых явлений в современном художественном развитии, то эти течения, вероятно, правильнее было бы охарактеризовать как нонкоммуникативное искусство.

По своим социально-эстетическим тенденциям оно неоднородно. Рядом с новейшим элитным эстетизмом, который легко сочетается с

[3] *J. Cocteau.* Entretiens autour du Cinematographe. Paris, 1951, p. 32.

воинствующей реакционностью, рядом с различными видами буржуазного декаданса в нонкоммуникативном искусстве проявляются и мироощущение смятенности, и настроения протеста против устоявшихся форм жизни и культуры, и попытки найти новые пути художественного творчества. Эти различные начала и тенденции в достаточной мере не обособлены одни от других, и, кроме того, в смысле своего удельного веса они существуют не на паритетных началах. В нонкоммуникативном искусстве преобладают тенденции первого рода. Но при всем том нельзя не учитывать его сложности, внутренней противоречивости.

И с точки зрения отношений с широкой аудиторией, и по своим эстетическим особенностям авангардистское, некоммуникативное искусство часто противопоставляется искусству массовому и раньше всего массовой коммерческой культуре капиталистических стран. Достоинства первого, по мнению сторонников авангарда, весьма отчетливо выступают как раз в сравнении с той продукцией, которая предлагается массовой аудитории многочисленными коммерческими предприятиями различных стран, которые в целом составляют мощную индустрию искусства. Но пороки массовой коммерческой культуры, как бы они велики ни были, спонтанно не влекут за собой признания особого места и значения авангардистского, некоммуникативного искусства.

Противопоставление этих двух видов художественной продукции, естественно, не дает оснований сделать тот вывод, что литература и искусство капиталистических стран преимущественно к ним и сводятся. Динамика социальной жизни и борьбы порождает многие другие явления искусства, в том числе и искусство, формирующееся под воздействием революционно-освободительного движения. Однако сами взаимоотношения между творчеством авангардистов и широкими слоями общества, между массовой коммерческой культурой и искусством для немногих выявляют глубокие противоречия в развитии художественной культуры капиталистических стран.

В значительной мере несомненным признается здесь то, что реальные творческие завоевания могут быть достигнуты только ценой утери живых связей художника с большинством его современников. Однако такого рода взгляды оказываются простой иллюзией. Некоммуникативное искусство чаще всего действительно обособлено от значительных процессов жизни, нередко оно вообще отказывается от каких-либо соприкосновений с реальностью человеческого бытия. Но, ограничивая себя сферой тощих абстракций, чистого формотворчества, искусство неизбежно уходит от больших художественных обобщений; оно утрачивает свой внутренний эстетический потенциал, деградирует.

Настоятельную необходимость для художника постоянных и глубоких контактов с жизнью общества отмечал даже такой последовательный противник демократической культуры, как Н. Бердяев. «Редко творческий гений,— писал он,— может жить в атмосфере культурно утонченной элиты, ему нужно дышать мировым воздухом. Лучшие среди утонченного культурного круга стремятся выйти из социального уединения, из замкнутой тепличной атмосферы и приобщиться к реальным ценностям, к перспективам мировой истории».

Именно потому, что талантливые художники, разделявшие или разделяющие позиции некоммуникативного искусства, преодолевают эстетскую обособленность, узкие рамки мелочного формального экспериментирования, они нередко создают интересные, ценные произведения.

Авангардисты часто говорят о том, что, изолируясь от всего преходящего, временного, они восстанавливают истинную сущность искусства. Но отход от его коммуникативной функции как раз и приводит к решительному искажению природы художественного творчества. Очевидно, что, например, театр, как бы ни хотели того его избранные ценители, не может жить и развиваться без публики. Киноискусство и творческий монолог — понятия, решительно противоречащие друг другу. Не случайно, что при всей сложности, а иногда и запутанности своих творческих экспериментов такие выдающиеся мастера киноискусства, как Антониони, Феллини, Бергман, выдвигают в созданных ими фильмах крупные социальные проблемы, стремятся найти свои связи со зрителем, хотя и не всегда в этом достигают успеха.

Стремление представить модернистское искусство авангардом отнюдь еще не делает его передовым в реальном развитии художественной культуры. Сартр справедливо отмечает, что в те эпохи, когда остро ощущается движение мира, сам по себе вопрос о творческом авангарде не имеет существенного значения. «Елизаветинцы не авангардисты, как не авангардисты Пушкин или Мандзони, и все же они в авангарде... Наши авангарды определяются больше тем, что они отрицают, чем тем, что они создают. Их работа негативна» [4].

И если представители авангарда кичатся своим пренебрежением к «толпе», то массовое коммерческое искусство проникнуто идеей завоевания возможно большего круга «потребителей». При этом оно, однако, отнюдь не стремится к творческим открытиям, оно чуждо духу подлинного художественного новаторства. Открытия, если они не сулят хорошей прибыли, хозяев индустрии искусства совершенно не интересуют. Отсюда, конечно, не следует, что в искусстве, создаваемом на коммерческой основе, не бывает «прорывов», возникающих вследствие внутреннего конфликта между художниками и хозяевами индустрии искусства, «прорывов» к большим творческим завоеваниям. Но это, однако, не меняет сущности массовой коммерческой культуры, истинное «призвание» которой — извлечение максимальных доходов.

В отличие от творчества авангардистов в массовом коммерческом искусстве ясно проявляются «позитивные» начала, но они состоят преимущественно в сентиментальном приукрашивании, всяческой идеализации буржуазного образа жизни. Стандартизированные, окрашенные в розовый цвет описания добродетелей сильных мира сего соседствуют в произведениях массового коммерческого искусства с картинами беспощадной жестокости, нескончаемых убийств, насилий, изуверства. Стремясь поразить читателей, зрителей необыкновенным, исключительным, создатели массового коммерческого искусства изображают патологию в качестве своеобразной нормы человеческого существования.

[4] «Nouvelle observateur», 20.X 1965.

Культ секса, порнография, возбуждение интереса к аномалиям в психике человека, его поведении, изображение «извечной» вражды людей между собой — все это неотъемлемые свойства массового коммерческого искусства. Нередко произведения его проникнуты духом злобного антикоммунизма. Создатели этого искусства духовно развращают публику, прививают ей примитивные, дурные вкусы. Массовая коммерческая культура, по словам одного из американских авторов, Б. Розенберга, «угрожает не только кретинизировать наш вкус, но и довести до звероподобного состояния наши чувства, прокладывая путь к тоталитаризму» [5].

Некоторые американские теоретики стремятся доказать, что специфические особенности массовой культуры вообще обусловлены развитием техники; массовая культура — продукт индустриальной революции, которая урбанизировала массы Европы и Америки и создала универсальную грамотность. С этой точки зрения они пытаются найти общие черты, будто бы свойственные массовой культуре США и Советского Союза. Однако попытки эти лишены каких-либо реальных оснований. Американские буржуазные теоретики преднамеренно затушевывают то решающее обстоятельство, что сущность массовой культуры капиталистических стран — в ее типических образцах — определяется коммерческим характером этой культуры, ее ролью проводника идеологии господствующих классов капиталистического общества. Отсюда все ее качества. С ними ничего общего не имеет культура социалистическая.

II

В статье «Партийная организация и партийная литература» Ленин, обосновывая принципы новой, социалистической литературы, отмечал: «...мы не хотим идти и не пойдем в плен буржуазно-торгашеских литературных отношений» [6]. Положение это, естественно, касается прежде всего социалистической печати и литературы, возникающих в условиях капитализма. Но оно в полной мере относится и к литературе нового типа, развивающейся после революционных изменений в обществе; положение это подчеркивает существенные особенности социалистической литературы, чуждой духу коммерции, предпринимательства, ее отличия от литературной продукции, создающейся на буржуазно-торгашеской основе.

Одно из важнейших свойств социалистической литературы Ленин видел в ее тесных связях с широкими слоями народа. Он решительно отрицал идеи искусства для избранных, идеи, нашедшие свое достаточно широкое выражение в некоторых литературных направлениях начала XX в. Именно в это время с глубоким проникновением в будущее, с горячей убежденностью Ленин высказывал мысль, что новая лите-

[5] «Mass Culture. The Popular Arts in America», p. 9.
[6] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 102.

ратура будет служить «не скучающим и страдающим от ожирения «верхним десяти тысячам», а миллионам и десяткам миллионов трудящихся, которые составляют цвет страны, ее силу, ее будущность» [7].

Развитие многонациональной советской литературы и искусства, литературы и искусства других социалистических стран представляет собой замечательное подтверждение прозорливого ленинского предвидения. Подлинно демократическое по всей своей внутренней устремленности, искусство нового типа не только обращается к широким слоям трудящихся, но и неизменно увеличивает сферу своего влияния.

Новое искусство развивается как глубоко демократическое, народное не только вследствие своей ориентации на широкую аудиторию, но и в силу того, что оно опирается на передовые стремления трудового народа, что оно проникнуто идеями социализма. Массовость сама по себе еще не является решающим признаком народного характера литературы и искусства. Об этом со всей ясностью свидетельствует коммерческая культура капиталистических стран. Только в сочетании с содержанием, которое отвечает глубоким духовным потребностям людей труда, выражает их интересы, массовость литературы и искусства приобретает свои подлинно демократические черты.

Противники социалистической культуры многократно, на всякие лады повторяли тот тезис, что сближение литературы и искусства с народом, расширение возможностей их воздействия неизбежно влекут за собой резкое снижение их художественного уровня. Часто этими противниками высказывалась мысль о том, что в Советском Союзе и других социалистических странах сознательно проводился и проводится курс на такое поощрение доступности, массовости произведений литературы и искусства, которое означает реальную утрату ими эстетической ценности. Не так давно, например, Пристли в этой связи заявил: «Решение, совершенно ошибочное, снизить литературу и искусство до уровня, на котором рабочие и крестьяне смогли бы их воспринимать, было сделано в то время, когда от этого народа требовали новых жертв» [8]. Пристли рисует совершенно неверную картину развития нашей художественной культуры как процесса планомерного ее «опрощения» и обеднения. Но это только свидетельствует о том, что он очень мало ее знает и относится к ней явно недоброжелательно.

Хорошо известно, что в самые трудные, первые годы Советской власти Ленин, Коммунистическая партия заботились не только о приобщении широких слоев трудящихся к культурным ценностям прошлого, но и о развитии нового искусства высокого идейного и эстетического уровня. В беседе с К. Цеткин Ленин говорил, что рабочие и крестьяне «получили право на настоящее великое искусство». Коммунистическая партия никогда не противопоставляла массовость, доступность произведений литературы, искусства их художественному качеству. Этого рода взгляды всегда были чужды виднейшим деятелям советской культуры.

[7] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 12 стр. 104.
[8] *J. B. Priestley.* Literature and Western Man. London, 1960, p. 326.

И что бы ни говорили об этом сторонники элитарности искусства, рокового противоречия между доступностью художественных произведений и их эстетической значимостью не существует. Это убедительно подтверждает опыт мирового искусства, опыт социалистической культуры. В статье «О роли писателя в современном обществе» Ромен Роллан отмечал: «Я с недоверием отношусь к писателям, доступным лишь кучке читателей. Еще в молодости я хорошо запомнил шутливую фразу старика Толстого: «Мне неинтересно писать меньше, чем для ста тысяч читателей»» [9]. Роллан рассказывает, что при соприкосновении с народными университетами, организациями просвещения рабочих он убедился в том, как живо и непосредственно воспринимаются Бальзак, Золя, Диккенс, Толстой.

В том конфликте, который возникает между народом и определенными группами писателей, художников, повинны отнюдь не те, кто воспринимает искусство. «Если разрыв между народом,— пишет Роллан,— и коллегами Пруста и Валери увеличился, не делайте вывода, что отдалился народ! Отдалились вы, господа избранные, столь гордые сознанием своей исключительности. Если вы действительно хотите, чтобы вас услышали, приблизьтесь!.. Не бойтесь, что, став общедоступным, ваше искусство «опошлится». Если бы вы владели стилем Вольтера, искусство, поверьте, ничего бы не утратило, в нем ничего не было бы утрачено для народа; вас понимал бы весь мир... В настоящем искусстве всякий найдет чем утолить свой голод» [10].

Теория об обратно пропорциональном соотношении между доступностью и художественной значительностью глубоко неверна. Понятное ни в какой мере не равнозначно упрощенному, банальное отнюдь не является непременным спутником ясного и доступного. Весьма часто банальность предстает как раз в виде всякого рода усложненных «структур». Многие классические произведения искусства покоряют сочетанием мудрой ясности и глубины своего содержания, своих художественных обобщений.

Но это, естественно, не означает, что доступность, массовость искусства всегда проявляется одинаково и в каких-то обязательных, универсальных формах. Доступность отнюдь нельзя уравнивать с легкостью усвоения. Социалистическое искусство ни в какой мере не исключает появления «трудных» произведений. Они не только возможны, но и необходимы, если иметь в виду многообразие путей художественного отражения действительности, творческие эксперименты и искания, служащие целям обогащения социалистического искусства. По разным основаниям к числу «трудных» творческих созданий можно отнести, например, эпопею Горького «Жизнь Клима Самгина», некоторые произведения Маяковского, сочинения Шостаковича, Прокофьева и других авторов. Но само по себе это обстоятельство не мешает им быть значительными явлениями социалистической культуры. Произве-

[9] *Ромен Роллан.* Собрание сочинений, т. 14. М., 1958, стр. 572.
[10] Там же, стр. 573—574.

дения эти своими глубокими корнями уходят в народную почву, они проникнуты социалистическим мироощущением.

Доступность не предполагает одинаковой степени интереса читателей, зрителей, слушателей к различным явлениям социалистического искусства. Разнообразие духовных запросов, вкусов, существующих в социалистическом обществе, обусловливает предпочтительное внимание отдельных групп, слоев населения к тем или иным художественным произведениям. Поэтому массовость — не статическая, а динамическая величина. Она может быть и бывает разной, в зависимости от таланта художника, качеств его творческих созданий. Ее необходимо оценивать не как исходную данность, а как возможность и цель художественного творчества, цель, достигаемую прежде всего масштабностью творческих обобщений, высоким мастерством.

Важнейшая особенность социалистического искусства состоит в том, что, признавая своей незыблемой основой связи с широкими слоями народа, оно решительно отрицает приспособление к отсталым взглядам и эстетическим вкусам. Лучшие творческие создания социалистического искусства играют огромную роль в формировании нового человека, его мировоззрения, его эстетического сознания. Обращаясь к массовой аудитории, социалистическое искусство во многом создает своего читателя, зрителя, слушателя, создает, учитывая дифференциацию их духовных запросов. Распространяемая буржуазными теоретиками идея об эстетической унификации, якобы насаждаемой в социалистическом искусстве и при его посредстве, принадлежит к числу тех легенд, которые усердно фабрикуются нашими противниками и которые развеиваются реальными фактами, характеризующими развитие социалистической художественной культуры.

III

Важнейший для художественного творчества различных эпох вопрос об искусстве и действительности в наше время приобрел особый смысл. Целый ряд течений в современном искусстве выдвигает в качестве одного из основных своих творческих принципов решительный отказ от эстетического освоения жизни, ее воссоздания и обобщения. Некоторые теоретики оценивают освобождение художника от «гнета» действительности как величайшее завоевание, равное по своему значению научным открытиям Коперника. Эти теоретики утверждают, что реализм давно полностью исчерпал себя, он уже решительно ничего не может дать современной культуре.

Однако вопреки заявлениям модернистских пифий в XX в. происходит мощный подъем реалистического искусства в целом и особенно рост искусства социалистического реализма. Подъем выражается не только в выдвижении новых принципов и творческом обобщении явлений, с которыми мало или совсем не соприкасался реализм XIX в., но и в создании новых крупных эстетических ценностей.

Пути и формы бегства от реальной действительности в современном искусстве неодинаковы, но они сближаются в своем конечном результате.

Обособление от жизни нередко происходит под знаком всяческого возвеличивания субъективизма художника, противопоставления его «я», внутреннего мира человека реальным явлениям и процессам действительности. Для литературы и искусства, заявляют сторонники их крайней субъективизации, существенно и интересно не описание предметов, явлений, всего того, с чем соприкасаются люди, не внешние черты существования человека, а тайны его психологии, его духовные коллизии. В современной литературе между писателем и его героями, по мнению ряда теоретиков, не существует той разграничительной дистанции, которая характерна, например, для литературы XIX в. Субъективные настроения и чувства автора тесно соприкасаются с душевными переживаниями действующих лиц его произведений, а нередко они и полностью сливаются.

На развитие субъективистского искусства, особенно субъективистской литературы, значительное влияние оказал и оказывает фрейдизм с его преклонением перед загадочным «я», с его культом бессознательного. Отрицая значение социальных факторов в формировании личности, ее поведении, психологии, фрейдисты, как известно, главенствующую роль в духовной жизни человека отводят биологическим стимулам, в первую очередь сексуальному комплексу. Сущность художественного творчества, в понимании фрейдистов, состоит в том, что художник выражает преимущественно самого себя, подсознательную сферу своей психики, открывая глубины внутреннего мира человеческой индивидуальности, ту борьбу, которая в нем происходит.

Не меньшее, а, пожалуй, даже большее воздействие, чем фрейдизм, на современное искусство оказывает экзистенциализм в различных его разветвлениях. Личность, рассматриваемая как независимая, абсолютная субстанция, ее существование, ее отношения с миром являются исходным началом экзистенциалистской философии, экзистенциалистского искусства. Человеческая индивидуальность резко обособлена от общества, от других личностей. Глубокое одиночество — неизбежный удел человека. Существование людей лишено какого-либо смысла, оно иррационально. Страх перед смертью — это то, чем пронизано все человеческое бытие. В стремлении поставить личность вне общества экзистенциализм в немалой степени близок фрейдизму.

Барьеры, воздвигаемые между развивающейся жизнью и человеком, крайне затрудняют понимание многосторонности его облика как социального существа, его психологии. Субъективизм неизбежно ведет к распаду искусства. Некоторые из противоречий, присущие писателям, которые основной сферой своего творчества избрали субъективные представления отчужденного человека, метко охарактеризовал американский ученый Ч. Гликсберг. «Обитая во вселенной, которая кажется ему чужой и враждебной,— пишет он,— человек сегодня отступает в крепость собственного «я» только для того, чтобы убедиться, что он не знает самого себя... Поглощенный бесконечным монологом, он разви-

вает привычку самоанализа до такой степени, что приходит к чувству совершенного одиночества, отрезая себя от связи с другими. Мыслящий, интеллектуальный герой современной литературы свободно становится солипсистом и в конечном счете научается тому, чтобы не доверять своему восприятию, своим мыслям, языку, который он использует, и верованиям, которые он лелеял. Ничто не кажется реальным и менее всего он сам» [11]. Крайний субъективизм делает призрачным то, о чем намерен рассказать писатель. Объект его творчества растворяется в процессе анализа, лишая в сущности труд писателя реального внутреннего смысла.

Сторонники и почитатели некоммуникативного искусства часто и настойчиво высказывают ту мысль, что художник нашего времени не подражает действительности, не копирует ее, а создает новую реальность. Именно в этом, по их мнению, в полной мере и проявляются неповторимые особенности художника как творца. «Наше искусство,— пишет, например, А. Мальро,— это создание мира, чуждого реальному и не являющегося его выражением».

Идея создания новой реальности получила свое воплощение в разных течениях современного искусства, в том числе в различных концепциях мифотворчества, которое его теоретиками рассматривается как магистральный путь развития искусства современной эпохи. И если для одних, например для Кассирера, миф не отделим от постижения бога, если для других миф — это проникновение в трансцендентную сущность мира, то третьи видят в мифе воплощение творческой активности человека, его исторической инициативы. Такого рода концепцию, как известно, защищает Роже Гароди.

Свои представления о первостепенной роли мифотворчества в современном искусстве Гароди стремится обосновать, ссылаясь на принципы марксизма, подчеркивая созидательные начала человеческой деятельности, активность художественного творчества. Однако Гароди не достиг успеха в этой своей попытке. Не достиг и не мог достичь потому, что пренебрег одним из основных положений марксистско-ленинской теории — рассматривать и оценивать идейные процессы, явления художественной культуры с позиций их реальной связи с социальной действительностью, с точки зрения их живой общественной функции. Гароди считает, что существуют мифы, которые либо не приносят никакой пользы, либо вредят нам, но есть разумные современные мифы, открывающие творческое начало в нас самих. В такого рода мифах, по мнению Гароди, и нуждается сейчас человечество. Однако и эти разумные мифы отнюдь не заключают в себе какого-либо отражения реальной жизни. «Марксист,— пишет Гароди, — не может понимать миф только как *отношение к бытию*, он для него призыв к действию. Символ не отсылает нас к окружающей действительности, в которой мы живем, движемся, существуем. Он является способом выражения потребности» [12].

[11] *Charles Glicksberg*. The Self in Modern Literature. Pensylvania, 1963, p. XI.
[12] *Roger Garaudy*. Marxisme du XX-ème siècle. Paris — Genève, 1966, p. 187.

С большой настойчивостью Гароди развивает мысль о том, что миф, символ не только не соприкасаются с существующей действительностью, но и противостоят ей. «До сих пор,— заявляет он,— мы посредством чувств или понятий обращались к тому, что уже сделано. Миф же требует от нас обращения к тому, что еще предстоит сделать. Он призывает нас быть не только создателями предметов или калькуляторами отношений, но и дарителями смысла и творцами будущего. Символ требует этого отрыва от бытия, этого преодоления бытия в сознании и творчестве» [13].

Но всякая устремленность в будущее, всякий призыв к действию только тогда приобретают реальный смысл, когда они опираются на коренные, ведущие тенденции современности.

Абстрактные призывы к созиданию, горячие стремления подготавливать будущее, формировать его — вне познания действительности настоящего — неизменно предстают в нашу эпоху не только как бесплодное, но и как вредное фантазерство. По разным поводам это неоднократно подчеркивал Ленин. Программы и действия некоторых радикально настроенных мелкобуржуазных групп во Франции и других странах наглядно подтверждают это. Какими бы соображениями ни руководствовались отдельные теоретики и художники, преодоление бытия в сознании и творчестве означает, что искусство ограничивает себя иллюзорными «видениями», туманными аллегориями, лишенными боевого социального значения.

Среди сторонников авангардистского искусства широко распространена идея о действительности видимой, которая не может быть источником творчества, и той, которая находится за пределами повседневного опыта; она собственно и интересует художника и постигается им интуитивно. Идея эта неоднозначно интерпретируется разными течениями и представителями некоммуникативного искусства.

Утверждение ирреальности человеческого бытия принадлежит к числу характерных выражений излюбленного авангардистами тезиса о конфликте между зримым и трансцендентным. «Именно чувство ирреальности,— пишет Эжен Ионеско в предисловии к одной из своих пьес,— поиски основной реальности, забытой, невысказанной, вне которой я не представляю себе своего существования, я хотел выразить своими персонажами, которые блуждают в бессвязном пространстве, не имея по существу ничего, кроме своего страха, угрызений совести, ощущения своих неудач, пустоты своей жизни». И это не суждение локального характера, а отражение своеобразной философии искусства.

Представления об иной реальности, которая не совпадает с чувственно воспринимаемой нами действительностью, явились одним из источников, питающим абстрактное искусство. Целый ряд его представителей, особенно в начальный период развития этого течения, крикливо твердили, что формы, освобожденные от хаоса и случайностей эмпирической реальности, в том числе различные геометрические построения, передают сущность вещей, которая остается непостижимой

[13] *Roger Garaudy.* Marxisme du XX-ème siècle, p. 188.

при творческом воссоздании их реального, конкретного облика. Некоторые теоретики называют абстрактное искусство метафизическим, имея в виду как раз то, что оно будто бы и позволяет проникнуть за границы видимого, созерцаемого. «Абстрактные закономерные формы,— пишет, например, В. Воррингер, — являются единственными и высшими, в которых при огромной запутанности мира человек может отдохнуть...» По его мнению, в абстрактном искусстве выражено стремление «избавить отдельный объект внешнего мира, поскольку он представляет интерес, от его зависимости с другими вещами, вырвать его из хода событий, сделать абсолютным» [14].

И в претензиях представителей абстрактного искусства, и в том, какое место ему до сих пор отводится социальной элитой, с особой очевидностью выявляется тот глубокий упадок, в котором пребывает современное буржуазное искусство в целом. Фикция выдается за величественное достижение, духовный распад объявляется подъемом к новым вершинам художественной культуры. Конечно же, абстрактное искусство не принесло с собой никаких значительных открытий, как бы ни стремились это доказать его апологеты. Калейдоскопическая смена фаворитов, «звезд», непрерывное мелькание «измов», которые очень быстро один за другим падают в Лету, подчеркивают эфемерность шумно провозглашенных завоеваний. Если перечислять современные мифы, которые без колебаний нужно признать вредными, к ним с полным основанием следует отнести миф об абстрактном искусстве и других видах декадентского искусства как о большом завоевании современной культуры, миф, столь усердно распространяемый в течение длительного времени.

В последние годы в авангардистском искусстве возникли новые течения — поп-арт, оп-арт, кинетическое искусство, но они не вносят каких-либо существенных изменений в уже сложившуюся творческую практику. Одновременно среди художников, находившихся под влиянием эстетских идей авангарда, сейчас намечается известный поворот к реалистическому воссозданию действительности. Но и масштабы этого явления, и пути его развития в достаточной мере еще не определились. В разных видах искусства сторонники эстетизма XX в. стремятся обновить свою художественную палитру, признавая незыблемыми его основные принципы.

Авангардистско-декадентское искусство исходит из признания высшего значения формы. И хотя создатели его нередко говорят о постижении через ее посредство сверхчувственного, абсолютного, форма в произведениях крайних авангардистов предстает в качестве самодовлеющего начала. «Чтобы оценить произведение искусства,— пишет Клайв Бэлл,— мы не нуждаемся ни в чем из жизни, ни в каком знании ее идей и событий, ни в каком знакомстве с ее переживаниями. Искусство переносит нас из мира человеческой деятельности в мир эстетического наслаждения». Восприятие искусства, эстетическое удовольствие опреде-

[14] *В. Воррингер*. Абстракция и одухотворение.— «Современная книга по эстетике». М., 1957, стр. 472—473.

ляются только формой. Для того чтобы верно понять и оценить художественное произведение, «не требуется ничего, кроме чувства формы, цвета и знания трехмерного пространства» [15]. Из составного элемента произведений искусства форма, таким образом, превращается в их единственную незыблемую ипостась.

Разными путями и в различной мере авангардистско-декадентское искусство «освобождается» от реальности и человека. В своем законченном виде это «освобождение» предстает в искусстве абстрактном. Но процесс такого рода чрезвычайно характерен для целого ряда течений искусства авангарда. Социальное и индивидуальное бытие человека рассматривается многими представителями авангардизма как нечто чуждое художественному творчеству. Все то, что связано с проявлениями человеческих чувств, страстей, по их мнению, мешает восприятию чистых форм, искусства как такового, его эстетической оценке. Дегуманизация искусства — это и реальное стремление, и результат, достигнутый авангардистско-декадентскими течениями нашего времени.

Осуществление дегуманизации искусства сторонники этих течений оценивают как свое крупное творческое завоевание. Ортега-и-Гассет, о котором уже шла речь, писал: искусство «дегуманизировано не только потому, что оно не содержит в себе очеловеченных вещей, но и потому, что оно фактически состоит из дегуманизирующих действий. В своем бегстве от человеческого оно не столько уделяет внимания термину ad quem, странной фауне, к которой оно приближается, сколько термину a quo — тому человеческому аспекту, который оно разрушает... Эстетическое наслаждение для нового художника проистекает из этой победы над «человеческим»: по этой причине необходимо в каждом случае конкретизировать победу и показывать удушенную жертву» [16]. Торжество по поводу исчезновения человека и человеческого — это ли не убедительное саморазвенчание декадентства, это ли не свидетельство его утонченной дикости, выданное им самим?

IV

Поносся реалистическое искусство, буржуазные эстетики обычно наделяют его не свойственными ему качествами. Они преднамеренно отождествляют реализм с плоским, незатейливым натурализмом. Но реализм и натурализм, как известно, весьма существенно отличаются один от другого. Смешивать их могут люди либо невежественные, либо пренебрегающие ради специфических целей историческими фактами.

Многократно высказанное авангардистами различных видов положение о том, что реализм — пассивное копирование жизни, легко оп-

[15] *Клайв Бэлл.* Значимая форма.— «Современная книга по эстетике», стр. 354—355.
[16] *Ortega-y-Gasset.* The Dehumanisation of Art and other Writings on Art and Culture, p. 21.

ровергается творческой практикой великих художников мира. Было бы нелепо характеризовать как смиренных «копиистов» Шекспира, Рембрандта, Бальзака, Курбе, Толстого, Достоевского, Чехова, Горького. А их принадлежность к реалистическому искусству вне всяких сомнений.

Реализм всегда был и остается пытливым исследованием действительности и человека, исследованием, раскрывающим глубинные процессы жизни, сложность внутреннего мира людей. И именно потому, что выдающиеся художники-реалисты в полной мере достигают этого, их произведения несут в себе ту творческую энергию, которая заражает многие поколения. Их художественные обобщения помогают людям разных эпох понять себя и развивающуюся жизнь. Изображение внешнего облика действительности, ее копирование, конечно, не может привести к такого рода результатам, равно как и чистое формотворчество, вряд ли имеющее основания рассчитывать на благожелательную оценку времени.

Творческое исследование мира предполагает не только исключительную чуткость к тому, что в нем происходит, но и решимость художника проникать в сущность явлений и процессов, в каком бы внешнем облике они ни представали, во всей полноте передавать правду жизни, защищать то, что содействует росту человека, социальному прогрессу. В своей книге «Человек как цель» итальянский писатель Альберто Моравиа пишет, что «реализм — это мужество». «Художник,— отмечает, он,— является свидетелем. Свидетельствовать — значит называть вещи, т. е. устанавливать их и утверждать их объективное значение для нас». И уже вследствие того, что реализм выявляет истинное существо вещей, утверждает их подлинную роль в человеческом обществе, он заключает в себе глубокие действенные начала.

Они — эти действенные начала — с особой ясностью выражены в искусстве социалистического реализма, внутренний пафос которого заключается в многообразном освещении процессов переустройства общества, формирования и роста нового человека. Художник социалистического реализма — не сторонний наблюдатель этих процессов, а их активный участник. Он не только изучает действительность и воссоздает ее в художественных образах, но и вмешивается в решение жизненных конфликтов, раскрывая их истоки и следствия, высказывая свое отношение к ним.

Совершенно очевидно, что активность искусства социалистического реализма неотделима от глубокого художественного анализа и синтеза явлений действительности, ее развития. Вне раскрытия реальных начал и противоречий объективного движения жизни совершенно невозможна по-настоящему действенная оценка тех или иных его сторон. Само по себе художественное обобщение вовсе не противостоит оценке. Вместе с тем это и не два разных момента в исследовании жизни; они представляют собой единое целое.

Ленинская партийность искусства социалистического реализма воплощена в самом подходе к явлениям действительности, в их художественном анализе. И это закономерно, потому что принципы ком-

мунистической партийности не только не противоречат объективности, но позволяют с наибольшей глубиной выявить объективное содержание, реальные тенденции жизненных процессов. Свое выражение ленинская партийность находит и в том, что художники социалистического реализма открыто становятся на сторону передовых сил общества, на сторону коммунизма, горячо защищают то движение, которое ведет к коренному обновлению социального мира.

Различные противники социалистического реализма обвиняют его то в субъективизме, то в неоправданном подчинении художника диктату хаотической действительности. Но ни то, ни другое вовсе не является грехом социалистического реализма как литературного направления и творческого метода. Упреки относительно неразборчивого преклонения художника перед действительностью часто соединяются с нападками на ленинскую теорию отражения как основу социалистической эстетики. Во влиянии ленинских идей и принципов на художников многие противники искусства социалистического реализма видят его коренной недостаток и вместе с тем опасность для современного искусства вообще. Но воздействие ленинских идей составляет не слабость, а великую силу передового искусства, искусства нового типа, проявляющуюся на всем протяжении его развития.

Исследовать действительность, передавать ее характерные черты в художественных образах вовсе не значит находиться в плену у ее «хаоса». Создание глубоких художественных обобщений как раз и представляет собой преодоление равнозначности существенного и случайного, преходящего и типичного. Тесная связь искусства социалистического реализма с жизнью, трудом и борьбой народа — основа его мощного воздействия на общественное сознание, на разум, чувства и волю людей.

Те, кто обвиняет социалистический реализм в субъективизме, имеют в виду прежде всего коммунистическую партийность. Но субъективизм при этом явно смешивается с субъективностью. Без субъективности же невозможно художественное творчество, в том числе и реалистическое. Подлинное произведение искусства всегда несет на себе отпечаток личности его создателя, его убеждений. Здесь существенно подчеркнуть то, что убеждения, партийность каждого из художников социалистического реализма всегда раскрываются по-своему, особенным образом. Идеи партийности получают свое индивидуальное, личностное воплощение, потому что они составляют неотъемлемую часть творческого «я» художников социалистического реализма, их жизненных, эстетических исканий.

В реалистическом искусстве выражено наиболее динамичное сочетание объективного и субъективного. Поразительное богатство этого искусства основывается как на неисчерпаемости непрерывно изменяющейся действительности, так и на богатстве, разнообразии творческих индивидуальностей, чье образное освоение мира и обусловливает создание новых эстетических ценностей.

Противники реализма утверждают, что свобода искусства от диктата действительности порождает расцвет творческих индивидуально-

стей. Существенный недостаток этого заявления состоит в том, что оно не соответствует истине. Когда творческое «я» остается наедине с самим собой, его своеобразие постепенно стирается, затухает. И это особенно отчетливо видно в творчестве художников-абстракционистов. Произведения их совершенно безличны.

В то же время развитие реалистического искусства, искусства социалистического реализма показывает, сколь яркими и значительными индивидуальностями были и являются его крупные создатели, сколь оригинально и своеобразно их творчество. Если иметь в виду искусство социализма, то об этом убедительно свидетельствуют произведения Горького, Маяковского, Шолохова, Леонова, А. Толстого, Фадеева, Твардовского, Рыльского, Ивашкевича, Броневского, Вапцарова, Аттилы Йожефа, Неруды, Бехера, Эйзенштейна, Пудовкина, Довженко, Коненкова, Мухиной, Шадра, С. Герасимова и многих других талантливых мастеров, чьи произведения широко известны во многих странах мира.

Характерную черту искусства социалистического реализма составляет раскрытие творческой активности человека, богатства внутреннего мира людей, переустраивающих жизнь. В то время как современное буржуазное искусство либо вовсе отказывается от изображения человека, либо изображает поражение всего подлинно человеческого, воспевает самые низменные наклонности и побуждения, искусство социалистического реализма рисует духовный рост нового человека, преодоление им индивидуалистических стремлений, суровую борьбу со всем, что мешает движению общества по пути социалистических преобразований. При этом и частичные поражения в конфликтах со злом старого мира выступают как свидетельство неуклонной решимости людей социалистического склада создавать новое. «Для меня,— заявлял Горький,— человек — всегда победитель, даже и смертельно раненный, умирающий» [17].

Реализм, в том числе реализм социалистический, по самой своей природе подвижен; он подвижен во всех своих составных элементах, включая средства художественного обобщения, форму. Брехт писал по этому поводу: «Сама жизнь меняется, чтобы отобразить ее, нужно изменить и способы отображения». Оставаясь в пределах самого искусства, невозможно выработать верное понимание его реалистического характера. «Реалистично то или иное произведение или нет,— продолжает Брехт,— нельзя решить, лишь устанавливая соответствие или несоответствие его произведениям, считавшимся — и для своего времени по праву — реалистическими. В каждом отдельном случае надо сравнивать отражение жизни не столько с другими отражениями, сколько с самой отражаемой жизнью...» [18] Реализм не может ограничивать себя уже сформировавшимися приемами и способами отражения действительности, он непрестанно ищет новых впечатляющих средств ее

[17] *М. Горький.* Собрание сочинений, т. 22. М.— Л., 1933, стр. 99.
[18] «Вопросы литературы», 1967, № 10, стр. 11.

художественного обобщения. Воссоздавая движение и обновление мира, он обновляет сам себя.

Широта реализма не означает, однако, что он не имеет границ. Коренной недостаток выдвинутой Р. Гароди теории «реализма без берегов» состоит не просто в неоправданном расширении сферы реалистического искусства, не в присоединении к нему отдельных художников иного склада, а в том, что принципиально отвергается возможность различий между реалистическим искусством и другими художественными течениями. «Беспредельность» ведет к тому, что исчезает само понятие реализма как крупнейшего явления современной художественной культуры.

В сущности единственным критерием реализма Гароди считает «присутствие» художника в творческом создании. Однако эта особенность, как известно, свойственна искусству разных эпох, различных направлений. Для реализма же характерно признание действительности основой и источником художественного творчества. И вовсе не случайно то, что об этом его решающем свойстве Гароди ничего не говорит. «Реализм без берегов» тесно соприкасается с теорией мифотворчества, является для нее предпосылкой, исходным пунктом. Ту и другую теорию объединяет отказ от изучения жизни. Так «защита» реализма переросла в его отрицание.

В социалистической художественной культуре ведущее место принадлежит социалистическому реализму; он — наиболее значительный и самый боевой ее отряд. Однако социалистическое искусство и социалистический реализм — понятия не тождественные. Социалистическое искусство включает в себя и другие течения. Это выясняется прежде всего при рассмотрении процессов становления социалистического искусства. На ранних этапах его развития социалистические идеи нередко находили свое выражение в патетико-романтических формах, в форме обобщенных символов. Так было, например, в советской поэзии периода гражданской войны. Очень своеобразное воплощение получили идеи социализма в чешской и польской литературах 30-х годов.

Но и романтика, и символика не означали в этих случаях ухода от исторической действительности. Ее характернейшей чертой явились глубокое воздействие социалистических идей на человеческое общество, борьба за их осуществление. И потому сближение с социализмом было в то же самое время сближением с исторической действительностью, хотя и специфическим в смысле своего образного раскрытия.

И в более поздние периоды развития искусства нового типа немало писателей, которым было присуще социалистическое мироощущение, которые создавали свои произведения, не обращаясь к непосредственному раскрытию социальных конфликтов. Среди этих писателей следует назвать Пришвина, Ахматову, Пастернака, Цветаеву, А. Грина и др. Связи их творчества с действительностью иные, чем у художников социалистического реализма.

Некоторые критики отмечают, что и при освещении конкретных социально-психологических проблем в советской литературе достаточно отчетливо проявляется то течение, которое по характеру художест-

венного обобщения жизни, по способам обрисовки героев можно назвать романтическим. Однако романтизм этот совсем иного рода, чем многие виды романтической литературы прошлого и настоящего. Он принципиально отличен и от мифотворчества. Его определяющее свойство — не забвение действительности, а своеобразное ее художественное претворение. Важнейшим началом социалистического искусства, взятого в целом, является критерий — человек и действительность, критерий, характеризующийся широтой и ясностью, цельностью и динамизмом.

V

«Ангажированная литература», «нонконформистское искусство», «внеидеологическая творческая деятельность» — этими и другими близкими к ним терминами пестрят сейчас зарубежные работы по вопросам искусства. А за терминами, понятиями вырисовываются проблемы, разные точки зрения, столкновения передовой эстетической мысли с реакционными идеями.

Столкновения в этой области касаются прежде всего вопроса о назначении искусства, о свободе творчества и ответственности художника. Тема соотношения социального детерминизма и творческой свободы, естественно, привлекает к себе большое внимание. Освещение ее чаще всего тесно соприкасается с рассмотрением таких проблем, как искусство и социальная борьба нашей эпохи, роль и место идеологии в творческой деятельности, независимость художника и его общественный долг. Мировоззренческие, социально-политические аспекты эстетических дискуссий раскрываются здесь более отчетливо и выпукло, чем в некоторых других сферах эстетики. Но это как раз и заставляет буржуазных теоретиков нередко прибегать к разнообразным способам вуалирования подлинного существа споров, уходить от конкретно-исторического содержания проблем, придавать им мистифицированный облик.

В современной идеалистической эстетике господствуют два основных типа воззрений на свободу творчества. Одни из теоретиков, абсолютизируя творческую свободу, придавая ей внесоциальный характер, обращаются в конце концов к богу как первоисточнику художественной способности, позволяющей создавать удивительное, необыкновенное. Для других, в частности для экзистенциалистов, свобода творчества, сохраняя тот же абсолютный смысл, представляет собой постулат, проистекающий из природы человеческой личности, замкнутой в самой себе; ее свойства и проявления имеют непреложное значение.

Религиозную сущность искусства, творческой свободы в наше время настойчиво стремятся обосновать неотомисты. Один из виднейших неотомистов, Ж. Маритен, утверждает, что искусство является «теологией в образах». Высшая свобода художника и одновременно его ответственность, с точки зрения Маритена, состоят в постижении божественной истины. Но, может быть, наиболее рельефно религиозно-

мистическое понимание творческой свободы выражено в работах Н. Бердяева, идеи которого пользуются сейчас большой популярностью среди сторонников идеалистической эстетики. «Детерминирована только эволюция,— писал Бердяев,— творчество не вытекает ни из чего предшествующего. Творчество — необъяснимо. Творчество — тайна. Тайна творчества есть тайна свободы. Тайна свободы — бездонна и неизъяснима, она — бездна» [19]. Бердяев заявляет далее, что есть две свободы — божественная и дьявольская. Эта последняя и означает необходимость, порабощение. Преодолевается же детерминизм в учении Христа.

Глубоко мистифицированная трактовка вопросов художественного творчества подчеркивает одну из определяющих тенденций современной идеалистической эстетики — обособить искусство от больших проблем современности. Затушевывая общественную природу художественного творчества, буржуазные теоретики, помимо всего иного, пытаются конкретным художественным явлениям, несущим на себе печать определенной идеологии, придать надысторическое, всеобщее значение.

Асоциальный, абстрактно-метафизический подход к проблеме свободы характеризует и индивидуалистические концепции свободы личности. Вот что, например, пишет по этому вопросу известный экзистенциалист К. Ясперс: «Под свободой отдельного человека мы понимаем само мышление и действие по собственному усмотрению и тем самым ведение жизни в рамках собственного существа» [20]. В соответствии с этим свобода творчества — это одновременно и осознание личностью своего одиночества в мире, и любое произвольное выражение своего творческого «я».

Иллюзорность идеалистических, в том числе буржуазно-индивидуалистических, концепций свободы творчества прекрасно показал Ленин. «Жить в обществе,— писал он,— и быть свободным от общества нельзя». «Свободны ли вы от вашего буржуазного издателя, господин писатель? от вашей буржуазной публики, которая требует от вас порнографии в рамках и картинах, проституции в виде «дополнения» к «святому» сценическому искусству? Ведь эта абсолютная свобода есть буржуазная или анархическая фраза...» [21] Многочисленные и неопровержимые факты свидетельствуют о повседневном, активном вмешательстве крупных буржуазных дельцов в самые разнообразные области культуры и искусства, их влиянии на сам процесс, направленность художественного творчества. Произведения современного искусства давно уже стали объектом самых беззастенчивых спекуляций, на которых дельцы наживают огромные состояния.

Показательно то, что в сферу постоянного воздействия капиталистического рынка, различных организаций и «обществ» вошли участ-

[19] *Н. Бердяев.* Смысл творчества. М., 1916, стр. 138; см. также: *N. Berdyaev.* The Meaning of Creative Act. New York, 1962, p. 134.
[20] *K. Jaspers.* Rechenschaft und Ausblick. München, 1951, S. 293.
[21] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 12, стр. 103—104.

ники как раз тех течений в современном буржуазно-декадентском искусстве, которые особенно решительно подчеркивали и подчеркивают свою полную творческую независимость. Английская газета «Таймс» в одном из своих литературных приложений так характеризовала общественное положение некоторых кругов авангарда: «Издания авангардистов — журналы и книги — продаются вместе с американским «Плейбой» и другими изданиями, носящими названия «Истома» или «Нескромный взгляд», в книжных лавках не только в давно известных этой особенностью районах, подобных Сохо или северной оконечности Бьюкененстрит в Глазго, но и в старых, постепенно разрушающихся викторианских полутрущобах... Авангард успел создать свои организации, добиться правительственной поддержки, участия на выставках и содействия разных университетских обществ, но это ничуть не помогло качеству и эффективности массовой культуры» [22].

Социальная детерминированность искусства отнюдь не равнозначна любым формам зависимости художественного творчества от общественных условий. Но как то, так и другое ни в какой мере, разумеется, не исключает ни возможности, ни необходимости творческой свободы. Ее важнейшая особенность заключается в том, что художник постигает действительность, раскрывает жизненную правду, руководствуясь своими внутренними творческими побуждениями, тем миропониманием, которое у него сформировалось. Художественная свобода не признает воздействия разного рода «побочных» стимулов и соображений, так же как и внешнего, стороннего вмешательства в творческий процесс. Однако этим вовсе не исчерпывается смысл свободы творчества. Это лишь одна ее грань. Не менее существенную сторону свободы художника составляет характер ее выявления, ее реальное содержание.

В «Философских тетрадях» Ленин сделал глубокое замечание: «Свобода = субъективность, («или») цель, сознание, стремление» [23]. Замечание это подчеркивает тот факт, что свобода представляет собой не только определенное положение, состояние, но включает в себя также осознание известной цели. Органичность творческого выражения в соединении с общезначимой целью характеризует подлинные качества творческой свободы. Такой общезначимой целью является не приобщение к мудрости всевышнего и не благо отдельной личности, а благо людей, человечества, социальный прогресс. Нельзя признать истинным осуществлением творческой свободы защиту того, что враждебно человечеству, защиту, например, мракобесия, угнетения человека человеком, геноцида и т. д. И если для сторонников буржуазно-индивидуалистических теорий такие проявления творческого «я», безбрежный разгул субъективизма представляются воплощением подлинной творческой свободы, то это свидетельствует лишь об извращении самой ее сущности.

[22] «Times literary supplement», 1964, september.
[23] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 148.

Буржуазные теоретики исписали горы бумаги, пытаясь доказать, что истинная творческая свобода существует лишь при капитализме и что в странах социализма она подавляется. Но выдавать подчинение искусства власти буржуазных дельцов за свободное проявление творческих возможностей художников, отождествлять индивидуалистический произвол, изгнание всего человеческого из искусства с художественной свободой — значит черное называть белым. С другой стороны, деятели искусства социалистических стран, соединившие свою творческую деятельность с трудом народа по обновлению общества, пользуются подлинной свободой, свободой исследования жизни, выражения своих убеждений, воплощения своих художественных открытий. Художественная свобода здесь тесно сочетается с движением за социальное и духовное освобождение человечества.

Многие буржуазные теоретики в качестве существенной особенности творческой свободы выдвигают сейчас неприятие художниками каких-либо идейных принципов, убеждений. Коренное различие искусства и идеологии признается ими одним из краеугольных оснований художественного творчества. Мнимая объективность, нейтральность в разных формах часто использовались для защиты глубоко неверных и просто реакционных взглядов. Сейчас стали весьма «модными» идеи нейтральности искусства, и они, надо признать, оказывают немалое влияние на некоторые круги художественной интеллигенции ряда стран.

В свое время Сартр, развивая мысль о большом значении для творчества писателя его идейной убежденности, ввел в употребление понятие «ангажированная литература». Противники прогрессивного искусства очень быстро придали этому понятию отрицательный смысл. Ангажированность, завербованность превратилась в жупел, которым стараются запугать деятелей искусства, стремящихся к сближению с передовыми общественными течениями современности. Той же цели служит и понятие «конформистское искусство», которое часто используется для обозначения искусства идейного, прогрессивного.

Противопоставление нейтрального художественного творчества идейности, социально-политическим убеждениям всячески пропагандируется буржуазной печатью; на разные лады рекламируются высказывания деятелей искусства в этом духе. Консервативный ежемесячник «Лондон мэгэзин» в 1968 г. провел анкету среди писателей на тему: что важнее английскому писателю — самовыражение или практическое участие в создании общественного мнения. Журнал, разумеется, интересовали прежде всего ответы, в которых предпочтение отдается «самовыражению». И такие высказывания он охотно напечатал. «Создание общественного мнения,— считает, например, С. Рейвен,— не занятие для писателя, его дело писать» и далее заявляет, что «назначение художника в том, чтобы доставлять наслаждение, а не обращать читателей в свою веру» [24].

Крупнейшие мастера современной литературы и искусства отвергали и отвергают безыдейность искусства, его социальную нейтраль-

[24] «London magazine», 1968, vol. 8, №. 5, p. 13.

ность. Ромен Роллан писал по этому поводу: «Нам было предназначено судьбой родиться в самой гуще великой борьбы. Мы не вправе уединиться, уйти от борьбы». Уединение многие художники даже возводят «в некий закон гордого духа, в миссию искусства (неизвестно от кого полученную), которая якобы дает им право уйти от мира. В доводах у них, как известно, недостатка нет. Никто не оспаривает права, даже долга, всякого истинного художника сосредоточиться, уйти в свой внутренний мир... Но речь идет о том, что этот мир не может быть постоянным домом писателя, безопасным убежищем, в котором укрываются эгоисты, решив более не появляться на свет божий. Уединение оправдано тогда, когда в нем черпают новые силы для возвращения к действию» [25]. Именно здесь и выявляется истинное призвание художника, назначение искусства. «Творчество наше,— заявляет Роллан,— должно пустить корни в плодотворную почву современного действия и питаться соками современных душ, их страстью, борьбой и порывами» [26].

Некоторую разновидность «нейтрализации» искусства, также входящую в «моду», представляют собой теории, согласно которым творчество художника должно быть отделено от его личных и общественных симпатий, от его деятельности. «Как у художников,— писал Камю, — у нас, пожалуй, нет необходимости вмешиваться в дела мира. Но как у людей — есть. Эксплуатируемому или расстрелянному шахтеру, рабам в лагерях, жителям колоний, тысячам гонимых — им нужны те, кто был бы с ними и говорил за них». Сходные мысли развивают сейчас и некоторые представители итальянского неоавангарда. А. Гульельми, призывая к отказу от идеологического начала в искусстве, заявляет: «Если идеологическая точка зрения теперь уже бесполезна в сфере художественной деятельности, если, следовательно, идеология больше не служит писателю, не помогает ему дать верное представление о реальности, то она становится важной в плане осуществления своего гражданского и морального долга».

Но каково, собственно, то искусство, для которого отпадает необходимость в идеологической точке зрения, в позиции художника? Очевидно, это прежде всего «искусство» далеких от реального мира абстракций, бессодержательного формотворчества. Однако позиция художника не перестает быть важной и необходимой в той мере, в какой он затрагивает проблемы, волнующие людей. Мнение, что художник может достигнуть полной объективности в подходе к явлениям жизни, отказавшись от идейных воззрений, какими бы они ни были, представляет собой заблуждение, уже неоднократно встречавшееся в истории искусства. Иное дело — какие это воззрения. Консервативные, реакционные взгляды, как это подтверждает опыт мирового искусства, мешают художнику понять мир, увидеть его истинный облик. И в то же время передовые идеи открывают ему динамику жизни, ее определяющие начала.

[25] *Ромен Роллан.* Собрание сочинений, т. 14, стр. 570—571.
[26] Там же, стр. 575.

Суждения о том, что общественные симпатии или антипатии художника должны быть высказаны вне искусства, а его гражданский долг выполнен помимо художественного творчества, неизбежно принижают искусство, его значение в духовной жизни людей. Выражая свое отношение к тем или иным значительным социальным явлениям и процессам, художник, надо полагать, заинтересован в наибольшем воздействии его слова на общественное сознание. Но этого наибольшего воздействия он может достичь, пользуясь прежде всего средствами искусства, той сферы творческой деятельности, в которой он выступает как мастер. И если искусство и гражданский долг разделяются, то терпят серьезный урон и осуществление гражданских обязанностей и произведения искусства.

Однако наиболее распространенным в среде авангардистов, сторонников буржуазно-модернистских течений современного искусства, является полное отрицание какого-либо гражданского долга художника, его обязанностей. Защищая такого рода взгляды, философ Н. Гартман писал: «Художника не подгоняет никакая обязанность, на нем не лежит никакая ответственность. Для этого ему открыто безграничное царство возможного, которое не связано никакими реальными условиями. Свобода художника не только отличается от моральной свободы, она значительно больше последней. Она точно соответствует дематериализации как модусу бытия художественного созидания и является чистой свободой, не связанной никакими внешними узами» [27]. Здесь совершенно очевидна связь между отстранением искусства от забот мира, «дематериализацией» его объекта и освобождением художника от каких-либо гражданских обязанностей.

Так соединяются в единое целое теории элитарности искусства и его дегуманизация, уход от действительности и «нейтрализация» художественного творчества, защита абсолютной свободы творца и отказ от ответственности его перед людьми. А все это вместе характеризует тот тупик, в который зашло буржуазное искусство. И с тем большей силой выступают творческие завоевания социалистического искусства, его высокая гражданственность, народность, неразрывная связь с жизнью, его устремленность в будущее. В сопоставлении с буржуазным искусством особенно наглядно раскрываются внутреннее единство творческих принципов социалистического искусства, действенность великих ленинских идей, положенных в его основание. Время подтвердило глубокую жизненность этих принципов, оно открывает широкую дорогу социалистическому искусству, для которого ленинские идеи и принципы — постоянный и надежный ориентир в пути.

[27] *Н. Гартман.* Эстетика. М., 1958, стр. 64.

Б. Л. СУЧКОВ
член-корреспондент АН СССР

ЛЕНИНСКОЕ НАСЛЕДИЕ И РАЗВИТИЕ ЛИТЕРАТУРЫ

Историческое время — необычайно сложное образование. Его воздействие на людей — на их судьбы, деятельность, воззрения — универсально. Постижение его смысла и содержания воздвигает перед познающим разумом задачи огромной трудности, ибо творимая людьми история многомерна. Новое соседствует в ней со старым и вступает с ним в борьбу; давнее прошлое внезапно оживает в настоящем, и на труды и дни человеческие отбрасывает свою могучую тень будущее.

Обыденное сознание воспринимает историческое время, ход истории как хаотическое переплетение разнородных, несовместимых событий или как сферу узкопрагматической деятельности. Буржуазная мысль не охватывает исторического процесса в его цельности. Мистифицируя смысл и содержание отдельных его конфликтов, она расчленяет историю на частные и якобы независимые друг от друга субпроцессы, не желая выделять из множественности тенденций общественного развития его доминанты.

Величие марксизма состоит в том, что революционная философия рабочего класса раскрыла и разъяснила первопричины самодвижения истории. Марксизм сорвал покров тайны с исторического времени, показав взаимозависимость и взаимовлияние экономических и духовных факторов в исторической деятельности людей. Он обобщил социальный

опыт девятнадцатого века и проанализировал ведущие аспекты его духовной жизни, дав принципиальную оценку содержанию и особенностям буржуазной общественной мысли, политической экономии, философии, истории, и высказал основополагающие суждения о такой важнейшей области человеческой деятельности, как искусство.

В веке двадцатом, необычайно усложнившем ход исторического развития, придавшем ему резкую неравномерность, катастрофичность, скачкообразность, обусловивших полиморфность его духовной жизни и культуры, подобную роль выполняет ленинизм. Учение Ленина дает ключ к постижению тех неоднозначных процессов, которые определяют облик нашего века. Исходя из своего генерального теоретического принципа — необходимости революционного преобразования собственнического общества и возможности практического построения социализма и коммунизма, ленинизм оценивает ход и направление общественного развития и дает объяснение сложным особенностям духовной жизни нашего века, в том числе и искусства.

В нашем веке буржуазная мысль еще более энергично, нежели раньше, мистифицирует сущность исторического времени, выдавая за факторы, обусловливающие развитие истории, то «естественный» ход событий, то инстинктивно-иррациональные импульсы, заложенные в людях природой, то волю и намерения выдающейся личности. Воинствующе реакционная часть буржуазии профашистского толка считает национализм и миф расы формообразующим началом общественного развития. Идеологи, связанные с трансформировавшейся буржуазной демократией, расценивая ее политические институции как движущие силы исторической эволюции, в свою очередь создают мифы о «сформировавшемся» обществе, якобы не знающем классовых антагонизмов. Считающая себя критической по отношению к буржуазному обществу экзистенциалистская философия истории по сути не выходит за пределы теории нравственного самовоспитания личности как единственной предпосылки прогресса. Крайне скептические и нигилистические ответвления современной буржуазной мысли рассматривают историю как абсурд, лишая тем самым человеческую деятельность и устремления содержательности и смысла. Современное буржуазное сознание стало, говоря словами Энгельса, в значительной степени «ложным сознанием». Многие фундаментальные его особенности и свойства находят выражение и в области искусства, предопределяя крайнюю противоречивость его развития в наши дни.

Защищая систему собственнических отношений, современное буржуазное сознание стремится пересмотреть объективные критерии прогресса, противопоставляя его социальным аспектам те достижения, которые вносит в цивилизацию идущая сейчас в мире научно-техническая революция, которая противополагается как подлинно преобразующая мир сила — революции социалистической.

Весьма прямо эта тенденция выражена, например, в книге Арнольда Бухгольца «Великая трансформация», подготовленной в недрах Федерального института восточных и международных научных исследований (ФРГ). Эта книга, довольно типичная по своему подходу к совре-

менным историческим проблемам, противопоставляет идее революции, меняющей социальный характер общественного устройства, идею трансформации общества и существующих ныне различных социальных систем под воздействием развития и успехов естественных наук и техники. Обращаясь к рассмотрению так называемых экзистенциальных аспектов человеческого бытия или, проще говоря, отношения человека к сфере его трудовой деятельности, людям и трансценденции, Бухгольц подчеркивает, что в мире, трансформировавшемся под влиянием научно-технического прогресса, произойдут изменения и человеческой натуры. «Возможно, например,— пишет он,— что у человека под влиянием современных средств коммуникации выработается качественно новое мировосприятие, и это, как предсказывал Макмоэн, приведет к определенному расширению коллективного сознания «электронным путем».

Особое значение как связующее звено между внутренним и внешним миром человека должно приобрести искусство. Уже в сегодняшнем искусстве становится очевидной тенденция к устранению «отчуждения» искусства от жизни. Искусство более не рассматривают как некую «противоположность», висящую на стене или созерцаемую на сцене, поскольку стремятся привести искусство и действительность к новому синтезу. Поэтому ищут возможности новыми способами превратить в искусство математические, природные и технические структуры и экспериментируют с многосторонними преобразованиями живописи, музыки и движения. В свою очередь это должно служить предпосылкой включения красок, звуков, слов и людей, пребывающих в их сфере, в некое «объединенное произведение искусства». Максимальное развитие этой тенденции должно привести к идентичности жизни и искусства с тем, чтобы изображение внешнего мира и внутреннего устройства человека пришли в новую гармонию» [1].

Нетрудно заметить, что этот и подобный поиск синтеза человека и мира осуществляется за счет человека и богатств его внутренних духовных потенций. Человеческое содержание отдается в жертву математическим, природным и техническим структурам, с которыми человеку предстоит слиться. Довольно мрачное пророчество, несмотря на кажущийся свой оптимизм. Что касается идентификации жизни и искусства, то это означает полную капитуляцию искусства перед жизнью, поскольку оно как особый вид человеческой деятельности утрачивает свой смысл, самостоятельность и самые драгоценные свои качества— способность воздействовать на жизнь и ее оценивать. В том варианте, который предлагает Бухгольц, жизнь, поглотившая искусство, должна сама себя воспроизводить и повторять в том, что без всяких на то прав будет именоваться художественным произведением. По сути, Бухгольц исходит из тех эстетических принципов, на которых основывается поп-арт, снимающий различие между жизнью и искусством и счи-

[1] *Arnold Buchholz.* Die grosse Transformation. Deutsche Verlags-Anstalt. Stuttgart, 1968, S. 136 и сл.

тающий, что каждая вещь, соответственным образом организованная, помещенная в определенную структуру, сама становится «произведением искусства». Эстетические принципы поп-арта — это доведенные до логического конца выводы из натуралистической эстетики, и сам поп-арт со всеми его ответвлениями представляет собой современную форму натурализма, взявшего на вооружение технику наших дней. По своей природе и характеру это искусство обесчеловеченное и не интересующееся человеком.

Перспектива нового синтеза, которую рисует в своей книге Бухгольц, оказывается мнимой и обнаруживает дефектность в исходных своих предпосылках, поскольку она зиждется не на принципе максимального развития и обогащения человеческих способностей, не на представлении о человеке как целостном социальном существе, а ставит человека в зависимость лишь от воздействия научно-технического прогресса.

Исходя из подобного взгляда на исторический процесс, ряд буржуазных философов, социологов, экономистов, а также представители некоторых так называемых авангардистских художественных течений создают и вырабатывают концепции, искажающие смысл современной эпохи. Они дезинтегрируют, т. е. расщепляют человека, противополагая его личностную, так сказать, чисто человеческую сущность социально-практической сути его жизнедеятельности, считая эти сферы или не зависящими друг от друга, или отдавая предпочтение одной из этих сфер, не умея или не желая рассматривать человека в целостности его проявления.

Изменения в социальной структуре современного общества, вызванные мировым революционным процессом, начало которому положила возглавлявшаяся Лениным Октябрьская революция, буржуазные теоретики стремятся свести к изменениям в методах производства. Ленинскому учению о неизбежности смены капиталистического строя социалистическим они противопоставляют теории стадиального роста общества, интерпретируя его развитие как смену нескольких «стадий» промышленного производства, рассматривая социализм и капитализм не как две несходные общественные формации, а как временно различные структуры, которые, в конечном итоге, благодаря бурному развитию индустрии сольются в одну.

Характерным для этих и подобных теорий и взглядов является разрыв двух взаимосвязанных сторон общественного прогресса — социального и технического, стремление придать техническому, материальному, индустриальному прогрессу самодовлеющее значение, изобразить его как единственную силу, определяющую собой дух и облик современности. В свете того умонастроения, которое породило подобного рода концепции, человек предстает только и исключительно как детище индустрии, техники, разветвленной урбанистически-механизированной системы. Критерием современности человеческого сознания становится интенсивность его связи с идеями и духовными процессами, идущими внутри индустриального прогресса техницизированного общества.

Разумеется, в сферу интересов современного человека входят и материально-технические завоевания индустриального и научного прогресса, однако не только и не столько они, как учит ленинизм, определяют размежевание сил в современном обществе и те конфликты, которые в нем возникают. Воздействие научно-технических факторов прогресса на человека весьма опосредствовано. В формировании общественного сознания они имеют подчиненное значение сравнительно с факторами социальными, поскольку идущая сейчас научно-техническая революция есть часть более широкого и универсального процесса перехода общества от капитализма к социализму, сопровождающегося бурными изменениями во всех областях жизни и повсеместным ослаблением позиций капитализма.

Искусство весьма активно отразило тенденцию к расщеплению человека, разрушению его цельности, его внутреннего единства как социального существа, объединяющего в себе и общественную, и частную, личную деятельность. Так, в произведениях «техницистов» и их последователей в современном поп-арте человек предстает как обездушенный, «расчеловеченный» механизм, как некая машина, часть техницизированного мира, подчиняющего себе и порабощающего человека, сообщающего ему чувство одиночества, беспомощности и заброшенности. Сами машины и механизмы, насыщающие современную жизнь, становятся прообразом для создания всевозможных «кинетических» сооружений и скульптур, заполняющих ныне площади и парки городов высокоразвитых и — как мода — не только высокоразвитых стран. Если идти к истокам подобного рода «дезинтегрирующего» искусства, то вехами в его формировании станут и кубизм, расчленявший мир и человека на «элементы», занимавшийся произвольным комбинированием этих элементов, не заботясь о связях разрозненных частей целого с подлинной действительностью, и пришедшие на смену кубизму разнохарактерные художественные направления и течения, называвшие себя по-разному — дадаизмом, экспрессивным сюрреализмом, супрематизмом и т. д. Помещая эстетическую реальность в сферу внутренних, личностных переживаний творящего субъекта, последователи этих художественных течений выражали эстетическую действительность при посредстве крайне субъективистских, некоммуникативных, зашифрованных ассоциаций, изображений, состоящих из сплетения цветовых пятен, линий, геометрических фигур, отъединяя то, что они называли образом, от объективной реальности, вещного, живого мира.

В искусстве слова нецелостность человека с наибольшей наглядностью передал Кафка, сводивший богатство человеческих эмоций к защитным реакциям и делавший чувство страха доминантой человеческого поведения. Эту тенденцию в наше время особенно отчетливо выражает творчество Беккета, для героев которого мир, реальность представляются иллюзорными, настолько замкнуты они в области собственных, лишенных общезначимости переживаний, истоки которых, по мнению Беккета, таятся в метафизической иррациональности мира, лишающей человека возможности охватить бытие как цельность и по-

нять совокупность тех объективных причин, которые обедняют человеческую личность.

Подобного рода искусство,— а оно ныне весьма влиятельно — варьирующее как основной мотив тему одиночества, разобщенности людей, весьма монохронно, бедно красками и оттенками. Палитра его скудна, и вдобавок оно весьма рассудочно, несмотря на то, что считает разум далеко не лучшим путеводителем в лабиринте бытия.

Искусство это мистифицирует реальные социальные конфликты живой истории, затемняя, а не проясняя сущность объективных процессов, идущих в буржуазном обществе. Порожденное вполне конкретным историческим временем, оно пренебрегает теми возможностями, которые заложены в этом времени, и проникнуто глубочайшим пессимизмом, ибо рассматривает человека как малую пылинку, затерянную в хаосе громадных, противостоящих ему безжалостных сил.

В. И. Ленин, конспектируя в 1914 г. «Науку логики» Гегеля, выписал то место, где Гегель говорил об отношении человека и общества. Перелагая Гегеля и комментируя его, Ленин писал: «Понятие (= человек) как субъективное снова предполагает само-в-себе сущее инобытие (= независимую от человека природу). Это понятие (= человек) есть *стремление* реализовать себя, дать себе через себя самого объективность в объективном мире и осуществить (выполнить) себя» [2]. Подчеркнутое Гегелем стремление человека «выполнить» себя, реализовать свои возможности, способности, желания было близко Ленину, ибо его действенный гуманизм и зиждился на том, чтобы из забитого, согнутого нуждой, эксплуатацией человека труда сделать всесторонне развитую личность, изменив, разумеется, для этого условия человеческого существования.

Из факта противостояния «понятия (= человека)» самому-в-себе сущему бытию, отмеченного еще Гегелем, можно делать различные выводы. Современное дезинтегрирующее искусство приходит к мысли о поверженности человека, о том, что он окажется парией в грядущей эре роботов и сам уже стал в наши дни чем-то вроде робота с ограниченным количеством жизненных реакций и функций. Однако гегелевская философия, которую Герцен не зря называл «алгеброй революции», рассматривает этот факт иначе. «Уверенность в себе, которую субъект (здесь вдруг вместо «понятия») имеет в своем само-в-себе и само-для-себя бытии, как определенного субъекта, есть уверенность в своей действительности и в *недействительности* мира». Эту отвлеченную, высказанную тяжелым философским языком мысль Ленин делает прозрачно ясной, подчеркнув, «что мир не удовлетворяет человека, и человек своим действием решает изменить его» [3]. В этой лапидарной, исполненной энергии формуле заложен главенствующий принцип ленинского подхода и к жизни, и к тем процессам и явлениям, которые она порождает в области духа, сознания, идеологии. Активное, перестраивающее несовершенный и несправедливый общественный миропорядок ленин-

[2] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 194.
[3] Там же, стр. 194—195.

ское учение рассматривает и искусство как активную силу, способную соучаствовать в преобразовании мира. В первую очередь это относится к революционному искусству нашего века, которое, развившись, вобрав в себя богатейшие культурные традиции, сложилось в самостоятельную эстетическую систему, получившую название социалистического реализма.

Какое огромное значение придавал Ленин искусству, рассматриваемому как активный элемент духовной жизни, подтверждает его знаменитая статья «Партийная организация и партийная литература», где впервые в истории литература открыто и последовательно была объявлена и определена как часть общепролетарского дела, как часть организованной, планомерной, объединенной социал-демократической партийной работы, приводимой в движение всем сознательным авангардом всего рабочего класса.

Однако определяя место литературы в общественной жизни и борьбе, Ленин имел в виду не всякую литературу, а прежде всего ту, которая связана с реализмом, сама является реалистической и отличается высокой содержательностью. По своим вкусам и эстетическим навыкам Ленин был несомненным поборником реализма в искусстве. Поборниками реализма были и Маркс и Энгельс — реализма богатого, одухотворенного, правдивого, которому ведомы и шекспировское полнокровие и многоцветие, и суровые рембрандтовские краски, внутренний пафос, вера в человека и его творческие возможности.

Современные противники ленинизма, желая амортизировать взрывную силу ленинских идей, стремятся изобразить Ленина как мыслителя, целиком связанного с идейной жизнью XIX в. и решавшего задачи, которые ставил перед общественной мыслью этот век. Даже Великую Октябрьскую социалистическую революцию — этот венец стратегического и тактического искусства Ленина-революционера — они, как это делает, например, Мальро [4], пытаются выдать за революцию, которая не открывала человечеству дорогу в будущее, а всего-навсего завершала буржуазно-демократическое развитие России. Подобного рода тенденция к изъятию ленинизма из идейно-политической борьбы наших дней, попытки доказать его мнимую «устарелость» и непригодность для разрешения конфликтов, выдвинутых современным историческим процессом, распространяются не только на философско-политическую сторону ленинизма, но и на его отношение к искусству и литературе. Так, Жан Лалуа в недавно вышедшей книге «Социализм Ленина» [5] утверждал, что круг идейно-эстетических вкусов и пристрастий Ленина определяется произведениями русских шестидесятников, за пределы влияния которых он так и не вышел. Нет спора, Ленин очень высоко ценил наследие русских революционных демократов, ставя, например, Чернышевского на голову выше буржуазных мыслителей и философов второй половины XIX в. Однако он не был фатально привязан к их идеям и эстетическим воззрениям, он критически пре-

[4] «Der Spiegel», 1968, № 42.
[5] *J. Laloy.* Le socialisme de Lénine. Bruges, 1967.

 одолел их наследие, взяв из него все лучшее и живое. Его приверженность к реализму объясняется иными причинами. Они коренятся в природе самого этого творческого метода.

Отнюдь не все великие произведения искусства на протяжении его существования были созданы реализмом. И средневековая русская живопись — творения Андрея Рублева и Дионисия, и произведения художников эпохи барокко и классицизма, равно как и творческие завоевания романтиков, порождены нереалистическими течениями мирового искусства. Однако исторический путь реализма отмечен гигантскими победами, вершинными завоеваниями художественной мысли человечества. Подобно блистающим молниям, освещали они дорогу людям в их странствиях среди мрака исторических заблуждений, во время трудного подъема человечества по крутым ступеням исторического прогресса.

Чтобы действовать, а тем более действовать правильно, человеку недостаточно одного желания или запаса энергии. Он должен знать и понимать мир и жизнь для того, чтобы его действие было результативным. Реализм, для которого принцип углубленного познания действительности являлся основополагающим, определяющим его эстетику, был в глазах Ленина самым действенным, активным и продуктивным (в гетевском смысле этого слова) направлением искусства, ибо, правдиво воспроизводя жизнь в ее наиболее существенных и типичных явлениях, он неизбежно подводит к мысли о необходимости ее изменения. Для Ленина реализм был союзником революции. Особенно отчетливо это ленинское отношение к реализму нашло свое выражение в цикле статей о Толстом.

Сутью реализма, его родовым свойством и признаком является социальный анализ: в произведениях Толстого он становится не только средством исследования, познания жизни, но и орудием решительной критики несправедливого общественного порядка. Ленин подчеркивал, что, несмотря на многие предрассудки, являвшиеся выражением специфических особенностей мировоззрения Толстого, великий писатель безбоязненно, открыто, беспощадно резко ставил самые больные, самые проклятые проблемы своего исторического времени, поднимаясь в своей критике эксплуататорского общества до тех «*конкретных* вопросов демократии и социализма» [6], которые трусливо обходила буржуазно-либеральная общественная мысль, ибо конкретная постановка этих вопросов показывала, что мир такой, какой он есть, не удовлетворяет человека, враждебен ему, и человек неизбежно приходит к необходимости изменить его своим действием. Ленин показал, что действие, к которому звал Толстой, вывод, который он делал из богатейшего знания жизни и наблюдений над нею, были ложны. Объяснялось это особенностями мировоззрения примитивной крестьянской демократии, которое выражал Толстой, однако противоречия в сознании величайшего художника-реалиста отнюдь не имели субъективистского, узколичностного характера: они порождались объективными причи-

[6] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 23.

нами и сами были объективными, говоря о слабостях стихийного чувства протеста широких масс, угнетенных несправедливым общественным порядком. Но, подчеркивал Ленин, правильная оценка Толстого, противоречий его творчества, сильных и слабых сторон его мировоззрения «возможна только с точки зрения того класса, который своей политической ролью и своей борьбой во время... революции доказал свое призвание быть вождем в борьбе за свободу народа и за освобождение масс от эксплуатации,— доказал свою беззаветную преданность делу демократии и свою способность борьбы с ограниченностью и непоследовательностью буржуазной (в том числе и крестьянской) демократии,— возможна только с точки зрения социал-демократического пролетариата» [7].

Необходимость оценивать все явления культуры, в том числе создания искусства и литературы, с революционных, классовых позиций является важнейшим, центральным, решающим моментом в ленинском отношении к культурному наследству, к идеологии, понимаемой в широком смысле этого слова.

Познание лежит в основе реализма. «Толстой знал превосходно деревенскую Россию, быт помещика и крестьянина» [8]. Без познания действительности невозможно создание реалистических произведений. Важно в этом отношении замечание Ленина, сделанное им в одном из писем М. Горькому в 1909 г., в те времена, когда великий писатель находился под влиянием богостроительских идей и настроений, переживая серьезный мировоззренческий кризис. Пытаясь сгладить остроту расхождений, разделявших в те годы Ленина с Луначарским, Богдановым и другими организаторами каприйской школы, Горький писал Ленину: «Людей понимаю, а дела их не понимаю». Это самопризнание Горького не нашло ни поддержки, ни сочувствия у Ленина. Он ответил писателю с недвусмысленной прямотой, которая всегда отличала его отношения с людьми, в том числе и с Горьким: «Не понимая дел, нельзя понять и людей иначе как... внешне» [9]. В этом, казалось бы, вскользь брошенном, а фактически выражавшем глубинную мысль Ленина замечании ясно звучит требование целостного подхода к человеку, необходимости изображения его личности в единстве с тем, что составляет суть его деятельности в обществе, в социальной жизни и определяет место и позицию человека в общественной борьбе своего исторического времени.

Искусство как важнейший род чувственно-интеллектуальной деятельности человека, объединяющей в себе момент созидания, творчества с восприятием, пониманием созданного, есть особая форма познания мира. Оно является величайшим синтетизатором исторического времени. С наглядностью, не доступной другим видам духовной деятельности человека, запечатлевает искусство извилистое, стремительное движение истории. По сути, эта способность закреплять, разгадывать,

[7] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 20, стр. 22.
[8] Там же, стр. 39.
[9] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 47, стр. 221.

изображать облик, смысл и особенности исторического времени, собирать в своем совокупном опыте воедино то, что расчленяет научное знание, и позволило искусству занять то место в духовной истории и жизни человечества, которое оно по праву в них занимает.

Без ленинской теории отражения нельзя понять природу и особенности искусства, но его функции не поглощаются теорией познания. Однако не случайно современное дезинтегрирующее искусство отрекается от постижения мира, противопоставляя познавательной роли искусства принцип «творческого пересоздания» мира, мнимо свободный и якобы ни от чего не зависящий полет человеческой фантазии. Реализм и реалистическое искусство объявляются устарелыми, связанными с традициями и духовным опытом XIX в., неприменимыми в нашем сверхурбанистичном, сверхиндустриальном веке. Однако оторвавшись от материнской почвы действительности, искусство подобного рода становится бессодержательным и безответственным, поскольку в нем релятивными становятся не только ценности объективного мира, но и многие духовно-этические ценности. Порывая с национальными корнями и традициями, равняясь на некий усредненный, безликий способ восприятия, порожденный якобы нивелирующей все и вся машинной цивилизацией, это искусство становится стандартизированным, рыночным, зависящим от капризов моды, старающимся завоевать расположение и интерес к себе всевозможными экстравагантностями и гримасничаньем перед публикой. Его критика реализма, осуждение его принципов сами не выдерживают критики.

Теоретики и сторонники дезинтегрирующего искусства утверждают, что реализм стремится к иллюзорному воспроизведению действительности, является ее объективистским отражением и представляет собой не что иное, как простое удвоение действительности.

Ложность и ошибочность этого утверждения опровергаются не только историческим опытом реалистического искусства. Существенное значение имеет и ленинская трактовка вопроса о соотношении действительности и художественного произведения.

С глубоким сочувствием цитирует Ленин слова Фейербаха из его «Лекций о сущности религии»: «Искусство не требует признания его произведений за *действительность*» [10]. Искусство вообще и реалистическое в особенности не воспроизводит реальность мира в ее эмпирической достоверности. Отдельные стороны и особенности эмпирической реальности искусство преувеличивает, видоизменяет — во имя выразительности, ради более острого, глубокого выявления, обнажения, раскрытия сути, смысла, содержания действительности, человеческих отношений, характеров, психологии, мотивов поведения людей. Искусство использует все доступные ему средства выразительности для обобщения и объяснения истины своего исторического времени и для оценки его — тех позитивных и деструктивных сил и тенденций, которые действуют в живой истории. Но средства его выразительности сохраняют свою активность и способность воздействовать на воспринимающий

[10] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 53.

субъект лишь тогда, когда они продолжают быть содержательными, если форма произведения искусства остается существенной и не превращается в комбинацию изобразительных элементов, утрачивающих значение.

Современное дезинтегрирующее искусство, расщепляющее человека, разрушающее его целостность и отделяющее его субъективно-личностную сторону от общественной практики, лишает — осознанно или неосознанно — и средства художественной изобразительности, самое художественную форму содержательности.

Теоретическое обоснование этот процесс находит в распространившемся за последние годы подходе к искусству как знаковой системе, в стремлении рассматривать художественное произведение как своего рода знак или совокупность знаков, безразличных к субстрату, т. е. содержательно-сущностному аспекту произведения искусства. Наиболее отчетливо подобный подход к искусству проявляется в работах западногерманского эстетика Макса Бензе и его сторонников, а также у французских теоретиков, группирующихся вокруг журнала «Тель кель».

Бензе принадлежит к числу современных эстетиков, переносящих методы точных наук на исследование искусства. В принципе против подобных попыток возражать трудно, тем более, что статистические методы, например, давно уже используются в стиховедении, а также при изучении языка художественных произведений. Но Бензе идет дальше: он считает, что ныне иным способом изучать искусство невозможно, и поэтому заменяет так называемую интерпретирующую эстетику гегелевского типа эстетикой технологической, основоположником которой он считает Галилео Галилея. Для эстетики подобного типа объектом исследования становится эмансипированная эстетическая реальность. Если интерпретирующая эстетика зиждется, по мнению Бензе, на субъективности, то галилеевская, или, как он выражается, «точно определимая», эстетика позволяет при посредстве числовых выражений дать объективную, систематическую характеристику произведения искусства.

Главным в эстетических построениях Бензе является, однако, не математический аппарат, к которому он прибегает при рассмотрении художественных произведений, не привлечение теории информации для эстетического анализа, а опора на теорию знака, разработанную Чарльзом Пирсом, которую Бензе положил в основу своей галилеевской эстетики. Технологический арсенал необходим Бензе для того, чтобы «овеществить» произведение искусства и получить возможность рассматривать его «эстетическую реальность» как самостоятельный материальный объект, а не как эстетико-семантическое единство. Бензе всеми средствами своей методологии старается отделить «эстетическую информацию» от «семантической информации», ибо для него художественное произведение представляет собой ансамбль знаков и может быть описано как совокупность дискретных элементов материального характера, являющихся своеобразными агентами или носителями эстетических свойств. Поэтому отличие произведения искусства, например, от вещи состоит в том, что вещь обладает прагматическими функ-

циями, которые чужды произведению искусства. Этот момент в эстетических построениях Бензе сближает его с неонатуралистическими течениями современного буржуазного искусства. С другой стороны, лишение эстетической реальности семантического значения, т. е. смысла и содержательности, делает Бензе активным поборником тех художественных течений, которые игнорируют содержательность — ташизма в живописи, «конкретной» музыки и поэзии, вплоть до «художественных опытов» электронных машин в области поэзии, музыки и «топологической» живописи.

Для галилеевской эстетики художественный процесс представляет собой не что иное, как процесс построения единичного класса знаков с использованием для этой цели агентов эстетического — красок, слов, линий, звуков и т. д. Если к подобному классу знаков подходить с позиций галилеевской эстетики, то в принципе совершенно безразлично, что́ находится перед исследователем — система материальных частиц, движущихся по особым законам и называемая наукой газом, или система вербальных знаков, именуемая текстом, или, наконец, система цветовых пятен, определяемая как картина. Таким образом, важнейший элемент художественного процесса — познание, постижение объективной действительности, раскрытие ее смысла, особенностей средствами искусства, только ему и свойственными, игнорируется галилеевской эстетикой, как игнорируется ею и своеобразие художественного произведения как самостоятельного продукта творческой деятельности человека.

Для Бензе эстетический объект не обладает самостоятельной ценностью, и это вполне логичный для него вывод, ибо эстетическая информация, заключенная в подобном объекте, не связывается в галилеевской эстетике с информацией семантической. Живое тело искусства рассечено на две равно мертвые части. Свою ценность эстетический объект, или, иными словами, художественное произведение, приобретает лишь в процессе коммуникации, когда эта ценность приписывается эстетическому объекту, придается ему участником коммуникативного акта. Когда происходит определение ценности эстетического объекта, тогда возникает «интерпретационное поле», в котором каждый знак из ансамбля знаков, каковым, согласно Бензе, является художественное произведение, подвергается интерпретации. И поскольку объектом интерпретации становится каждый знак, то эстетическая сущность художественного произведения волей-неволей сводится к знаку, утрачивая свое объективное содержание.

При всем своем воинствующем наукообразии, апелляции к методам математики, кибернетики галилеевская эстетика Бензе по своей природе антиэстетична, ибо рассматривает эстетическую реальность вне ее объективных связей и взаимоотношений с исторической, жизненной реальностью, в которой возникает и существует искусство. Направленная своим острием против «идеологического» рассмотрения искусства, галилеевская эстетика Бензе совершает грубейшее насилие над искусством, лишая его тех качеств и свойств, которые сделали искусство человеческой необходимостью.

В. И. Ленин, конспектируя «Науку логики» Гегеля, ее отдел «Величина», заметил о символах, «что против них вообще ничего иметь нельзя»[11]. В самом деле, знак и символ, замещающие определенные понятия или представления, выполняют положительные функции, являясь вспомогательным средством постижения истины, и применение их, например в научных дисциплинах, не только возможно, но и необходимо. Символ — вполне законное средство художественной выразительности. Однако взгляд на искусство как знаково-символическую систему вступает в серьезное противоречие с его природой, в первую очередь с эстетикой реализма.

Искусство вообще и реализм в особенности обращается не только к рациональной, но и к эмоциональной стороне субъекта, вернее, к ним обеим сразу, и поэтому субъект никогда не бывает пассивным восприемником эстетического феномена. Произведение искусства должно привести в действенное, активное состояние воображение субъекта, и лишь когда создание искусства заставляет работать воображение, когда оно вызывает у субъекта интеллектуально-эмоциональные реакции на изображение, тогда можно говорить о том, что художник добился желаемого эффекта. Но для этого художник, фигурально говоря, должен воззвать не только к разуму человека, но и ко всем его пяти чувствам. Поэтому сохранение и присутствие чувственного момента в создании искусства — непременное условие его способности воздействовать на воспринимающий субъект.

Реализму в высшей мере свойствен подобного рода способ воздействия на субъект. Разумеется, не всегда произведение искусства затрагивает через воображение все чувства субъекта, но изъятие чувственного элемента из искусства, замена его системой знаков, апелляция при посредстве знака, что характерно для подавляющего числа произведений современного дезинтегрирующего изобразительного и пространственного искусства, лишь к рациональной стороне восприятия, несомненно, сводит на нет эстетический эффект, даже если художник прибегает к сильнодействующим средствам и приемам, стремясь ошеломить и поразить зрителя или читателя.

Знак по природе своей и функции безразличен к содержанию, которое он *не выражает*, *не изображает*, *а обозначает*. Сказанное относится, разумеется, также к иконическим знакам, для которых характерно подобие — внешнее — по отношению к обозначаемому, поскольку подобие есть лишь начальный, не проникающий в субстрат объекта уровень его определения. Как только иконическое подобие начинает захватывать сущностные стороны объекта, выявлять их, оно перестает быть знаком и превращается в изображение.

Знак как таковой даже не придает обозначаемому формы. Он есть некая абстракция, приобретающая коммуникативные свойства лишь благодаря конвенциальным условиям своего бытования. Разрушается конвенция, знак становится мертвым, бессмысленным начертанием.

[11] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 108.

Те сооружения из бетона, металла, труб, разноцветных панелей, надутых пластиковых мешков, которые ныне выдаются за произведения скульптуры, претендуют на то, чтобы быть знаками порой весьма сложных и отвлеченных понятий. На самом деле они представляют собой комбинацию вещей и предметов, помещенных в некие пространственные отношения. Большего из них выжать нельзя, ибо они, как и живописные произведения какого-либо «экспрессивного сюрреалиста», обладают «чистой» формой, являющейся своего рода упаковкой, безразличной к тому, что ее наполняет.

Сторонники знакового подхода к искусству говорят, что система знаков как средство художественной изобразительности порождает богатство ассоциаций и благодаря этому вызывает эстетический эффект. Однако для произведения искусства небезразлично, какие ассоциации оно вызывает, ибо они могут быть и обусловленными, и случайными. Искусство вообще, а реалистическое в особенности, добивается того, чтобы вызываемые им ассоциации имели сущностный характер и содействовали постижению смысла произведения, его эстетических достоинств. Конечно, ни одно из подлинных произведений искусства не застраховано от того, что оно может вызвать и случайные ассоциации. Но причину этого следует искать в воспринимающем субъекте, в его духовном и культурном масштабе и диапазоне.

Труднее применять знаковый подход к искусству слова. Подход к слову как к знаку уже таит в себе опасность разрыва между мыслью и словом, чувством и словом, ибо слово не есть знак, оболочка понятия. Оно есть действительность мысли со всем богатством оттенков, которые заключены в полисемии, многозначности слова. Изначальный строительный материал произведения словесного искусства уже обладает смыслом. Разрушение этого смысла возможно тогда, когда произведения литературы субъективизируются до предела, лишаются общезначимости. Ленинская критика иероглифизма в теории познания является основой и для критики знаковых концепций искусства. Возражая против теории символов Гельмгольца, который утверждал, что ощущение есть не изображение, а знак того, что вызвало ощущение, Ленин отмечал, что «изображение необходимо и неизбежно предполагает объективную реальность того, что́ «отображается»» [12]. Искусство поэтому не может подменить или заменить изображение или образ знаком, ибо тогда оно утратит смысл, значение, станет фикцией, поскольку образ вбирает в себя, воплощает в себе и богатство всеобщего, и богатство особенного, индивидуального, отдельного, т. е. полноту жизни и полноту мира человеческих чувств. В дезинтегрирующем искусстве содержательность формы нередко утрачивается, и она начинает проявлять себя как чистая структура или конструкция, и поэтому искусство это, будучи порождением вполне определенного исторического времени, не передает его сущностные стороны.

Эту сложнейшую задачу выполняет в полной мере лишь реализм. Все основные социальные и духовные процессы и потрясения века на-

[12] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 248.

шего, главенствующие черты и особенности исторического времени, на которые падает и формирование ленинизма, нашли свое выражение в искусстве реализма. В годы подъема международного рабочего движения и повсеместного распространения социализма, в годы первой русской революции, подтвердившей, что центр мирового революционного движения переместился в Россию, в пору, когда пришли в действие могучие силы русского народа и народов, угнетавшихся царизмом, в эпоху, когда писалась статья Ленина «Партийная организация и партийная литература» — эта первая декларация нового, социалистического искусства, расчистившая дорогу становлению социалистического реализма, мировое реалистическое искусство обратилось к исследованию главного противоречия века — между трудом и капиталом — и откликалось на идеи социализма, свободы, революции, подвергая суровой критике капитализм как не отвечающую человеческим нуждам и запросам социальную систему. Утонченный гуманист, наследник и продолжатель многовековой романской культуры, Анатоль Франс приветствовал русскую революцию и в утопическом романе «На белом камне» провозгласил социализм будущим человечества. В те годы еще звучали исполненные мощи и духа мятежа стихи Верхарна, а его революционная пьеса «Зори», символическая, пафосная, полная веры в грядущую победу народа, пользовалась огромным успехом у демократической публики, ибо она передавала державные ритмы революции. Эптон Синклер и Джек Лондон, опираясь на социалистические идеи, правда, не всегда выверенные и не во всем отвечавшие социализму научному, искренне и правдиво критиковали самый жестокий и бесчеловечный капитализм — американский. Утопия Джека Лондона «Железная пята» была своеобразным предчувствием грядущего усиления власти так называемого военно-промышленного комплекса в США, и в народном сопротивлении видел писатель гарантию освобождения от этой власти сверхмонополий.

Владислав Реймонт в многотомном романе-эпопее «Мужики» запечатлел процессы расслоения крестьянства под воздействием капитализма и вызревание в недрах крестьянской массы настроений социального протеста против эксплуататоров. Михаил Коцюбинский в «Fata Morgana» показал, как подобного рода настроения недовольства и протеста обретают революционность, как крестьянское освободительное движение сливается с освободительным движением рабочего класса. Иван Франко слагал в те годы в сборнике «Semper tiro» гимны свободному человеческому духу, не желающему примириться с бесчеловечностью собственнического мира.

В ту пору рабочие-писатели — Джон Трессел в Англии, автор романа из жизни пролетариата «Филантропы в рваных штанах», и замечательный революционный американский поэт Джо Хилл — обличали капитализм, невыносимые условия существования трудового народа в обществе, которое буржуазные идеологи объявляли венцом исторического развития. Горькая правда, содержавшаяся в стихах Хилла, была непереносима для американской буржуазии, и поэт был расстрелян, став жертвой злонамеренной судебной расправы.

Эта эпоха, чья духовная атмосфера определялась предчувствием грядущей социальной революции, во имя которой жил, действовал и боролся Ленин, вызвала к жизни социалистический реализм, явившийся своего рода эстетической революцией в искусстве. У ее истоков стоял Максим Горький, в творчестве которого новый художественный метод торжествовал свою победу.

Первая мировая война, взрыв шовинистических страстей и настроений поначалу оглушили и дезориентировали многих художников-реалистов. Однако реализм как художественное направление выдержал столкновение с неблагоприятной исторической обстановкой, чего нельзя сказать о других художественных течениях — неоромантизме, неоклассицизме, символизме, футуризме, имажинизме и т. д., утративших контакт с развитием художественной мысли.

Художники-реалисты, преодолевая огромные объективные трудности, осваивали новую историческую действительность, складывавшуюся в мире после первой мировой войны и Октябрьской революции, подтверждая объективным содержанием своих произведений те выводы, которые сделал из анализа хода исторического процесса Ленин.

Если до Октября реалистическое искусство критиковало капиталистическую систему, лишь *предчувствуя* возможность социальной революции, то после Октября перед ним открылась как непреложная истина *неизбежность* революционного преобразования системы собственнических общественных отношений. Эта мысль входила в искусство реализма не всегда и не обязательно как следствие прямого перехода художника-реалиста на позиции социализма и ленинизма. Ощущение того, что капитализм и созданные им общественные институции утрачивают, говоря словами Александра Блока, свое историческое бытие, извлекалось художниками-реалистами из опыта исследования объективного состояния мира.

Художники-реалисты и в первую очередь Теодор Драйзер нанесли удар по капиталистическому мифу о равных возможностях, открывающихся собственническим обществом для всех людей. Драйзер и Синклер Льюис показали невозможность для человека пробиться к истинной свободе в своекорыстной, стандартизированной, нивелирующей человека буржуазной общественной системе. Представители так называемого потерянного поколения Ремарк, Олдингтон, Хемингуэй с неуклончивой прямотой и резкостью развеяли миф о «великой войне белых людей», сняв ореол героики с империалистической войны, сожравшей миллионы человеческих жизней, и изобразили войну как прямое порождение общественной системы, враждебной подлинным интересам и запросам личности.

Жесточайшие потрясения, вызванные экономическим кризисом, массовой безработицей, приумножившими нужду и лишения трудящихся, были запечатлены реализмом, оставившим, например, в романах Фаллады или Стейнбека объективные свидетельства о глубине и силе тектонических процессов, потрясавших здание капиталистической общественной системы. Очень рано уловили художники-реалисты опас-

ность, исходившую от фашизма. Формирование его идеологии, первые его шаги к захвату власти, его террористическая политика были описаны и подвергнуты непримиримой критике Томасом Манном и Лионом Фейхтвангером, плеядой революционных художников-реалистов: Мирославом Крлежей, Анной Зегерс, Вилли Бределем и др.

Огромную роль в духовном развитии художников-реалистов и всего реализма в целом играл опыт построения социализма в СССР, явившийся практическим воплощением идей Ленина в жизнь, преобразовавших старую Россию и поставивших Россию социалистическую во главе мирового прогресса. Несмотря на все сложности и противоречия субъективного и объективного характера, связанные с процессом строительства социализма, его опыт рассматривался художниками мира как исторически позитивный. Он вселял надежду на будущее, давал художникам-реалистам силы для борьбы с давлением и воздействием буржуазной идеологии, стремившейся и самостоятельно, и при посредстве разных ренегатов и отступников от дела Ленина опорочить и очернить завоевания социализма в СССР.

Самые выдающиеся умы искусства XX в. и те, кого Ленин называл «социалистами чувства», и те, кто начинал сознавать, что Октябрьская революция — не некий «большевистский» эксперимент, а выражение глубинных исторических закономерностей, открывающая перспективу социалистического развития человечества,— Бернард Шоу и Генрих Манн, Герберт Уэллс и Ромен Роллан с огромным вниманием следили за ходом построения социализма в Стране Советов, неоднократно выступали в ее защиту от нападок и клеветы международной реакции и, учитывая исторический опыт Советского Союза, оценивали события и конфликты, разыгрывавшиеся и развивавшиеся в капиталистическом мире. Для них и других представителей прогрессивных кругов мирового искусства Ленин был образцом человека мысли и действия — так удачно и верно назвал его Роллан, образцом политического мыслителя и борца, посвятившего свою жизнь благу людей. Личность Ленина и совершенный им исторический подвиг оказывали и оказывают громадное влияние на умы людей, привлекая к себе симпатии величием осуществленных целей, прямотой и чистотой помыслов и деяний.

И в годы второй мировой войны, как и в последующий за ней исторический период, ознаменовавшийся подъемом и выходом на историческую арену ранее угнетавшихся и бесправных колониальных и полуколониальных народов, огромным усилением Советского Союза и всего лагеря социализма, период, чреватый грозными конфликтами, ставящими под вопрос существование капиталистической системы, ознаменованный непримиримой бескомпромиссной борьбой идей, реалистическое искусство оказалось способным передать существенные, наиболее характерные черты исторического времени.

Оно разоблачало организаторов «холодной войны», вдохновителей всевозможных «охот за ведьмами» — преследований прогрессивных сил, выступающих против международной реакции. Реалистическое искусство поднимает свой голос против расовых преследований, против ге-

17

ноцида и проповеди расовой розни. Этой важнейшей проблеме современности были посвящены произведения Фолкнера, Болдуина, Карсон Мак-калерс, Алексиса и др. Реалистическое искусство с огромной любовью, сочувствием и уважением изобразило жизнь народных масс, их трудный быт, их повседневные заботы и тревоги в странах так называемого экономического чуда. Итальянские неореалисты и прогрессивные писатели ФРГ, разрушая мифы официозной пропаганды, говорили в своих произведениях о подлинных жизненных трудностях и противоречиях, которые тщательно обходит и замалчивает буржуазная пресса, рисующая приглаженный и припудренный облик так называемого сформировавшегося общества.

Моральная деградация капиталистического общества также стоит в поле зрения писателей-реалистов. Романы Сэлинджера и Чивера показывают девальвацию традиционных моральных ценностей буржуазного мира, утрату их авторитета в сознании и молодого поколения, и у тех людей, кто под влиянием роста насилия, жестокости, несправедливости в обществе начинает задумываться над своим местом в жизни, над смыслом собственного существования.

В последние годы художники-реалисты пристально исследуют те человеческие проблемы, которые возникают в современном «индустриальном» или «массовом» обществе. Моравиа и Фриш, Гоффредо Паризе и Кобо Абэ, Жорж Перек и Аллан Силлитоу, Макс фон дер Грюн и Дюрренматт анализируют те процессы, которые превращают в этом обществе человека в своего рода автомат, делают его потребителем, рабом вещей.

Но что же позволило реализму улавливать и запечатлевать основные общественные конфликты и противоречия современности? Несомненно, в первую очередь стихийный историзм мышления, свойственный художникам-реалистам, придающий высокую общественную активность их социальному анализу действительности, затем их способность рассматривать человека в цельности личностных и социальных проявлений и, наконец, сопротивление тенденции к расщеплению индивидуального и социального в человеке.

Дезинтегрирующее искусство не может противопоставить реализму столь же значительные идейно-эстетические ценности, какие создали художники-реалисты, хотя на позициях нереалистического искусства стояли и стоят художники, обладающие очень большими дарованиями, искренне преданные той эстетической системе, которую они защищают и осуществляют. И общественная активность дезинтегрирующего искусства, сумма поднятых и поставленных им этических, философских, социальных вопросов не может идти в сравнение с содеянным в этом отношении реализмом, который будит ум и совесть человека, ставя его лицом к лицу с нерешенными, проклятыми вопросами жизни, мешая ему примириться с несправедливым социальным устройством общества, раствориться в нем.

Дезинтегрирующее искусство, несомненно, выражает определенные общественные настроения XX в. — чувство разобщенности, подавленности человека отчужденными общественными силами, ощущение бес-

силия человека перед историей, жестокое отчаяние. Однако эти настроения и эмоции передают далеко не полно строй чувств современного человека: в гамме настроений, отразившихся в дезинтегрирующем искусстве, нет места героизму, воле к борьбе, победе, нет красок радости и оптимизма, которые не покидают род человеческий в самые тяжкие годины его испытаний. Дезинтегрирующее искусство нередко несет в себе и протест против условий человеческого существования в собственническом мире, однако этот протест чаще всего вырождается в истерику, анархическое бунтарство, и это закономерно. Ленин писал в тезисах «Анархизм и социализм»: «Анархизм— порождение *отчаяния*» [13]. Глубину и верность этого ленинского замечания подтверждает история социального протеста дезинтегрирующего искусства. Главной своей темой оно избирает поверженность человека, и поэтому антибуржуазность этого искусства нередко приобретает двусмысленный характер и на поверку оказывается вывороченной наизнанку буржуазностью.

Постановка важных и существенных социальных вопросов современной истории — великая заслуга критического реализма. Искусство вообще далеко не всегда способно разрешить или предложить способ решения тех жизненных конфликтов, которые его взволновали и потрясли. Немаловажно уже то, что искусство открывает и находит эти конфликты в доподлинной жизни. Однако оно способно нащупать возможные пути для разрешения тех или иных социальных проблем, дать почувствовать историческую перспективу. Решающим для подобного подхода искусства к жизни является направление таланта художника, его социальная ориентированность, и, бесспорно, характер его мировоззрения. Ленин в статьях о Толстом показал это в высшей степени наглядно.

Революционное искусство нашего века, проникнутое идеями социализма, в лице крупнейших его представителей Нексе и Крлежи, Ольбрахта и Бехера, Смирненского и Вапцарова, Барбюса и Вайяна-Кутюрье, Хикмета и Брехта, Пуймановой и Майеровой, а также многих других, считая неизбежным гибель капитализма, критикуя его с позиций народных масс, изображая героизм борцов за свободу народа, проникалось идеями Ленина. Революционное искусство, наследуя завоевания критического реализма, вбирая в себя творческий опыт и рабочих-писателей, сформировалось в искусство социалистического реализма, мировоззренческую подоснову которого определяет ленинизм. Учение Ленина открывает перед искусством социалистического реализма истинную историческую перспективу, грандиозную по своим масштабам, сообщает ему исторический оптимизм, веру в будущее, в творческую, созидательную силу народных масс. Ленинизм ставит перед искусством социалистического реализма великий общественный идеал — построение справедливого общества, основанного на коммунистических принципах и создающего объективные условия для фор-

[13] *В. И. Ленин.* Полное собрание сочинений, т. 5, стр. 378.

мирования всесторонне развитой личности. Ленинизм открывает искусству социалистического реализма возможность постижения смысла и сути современной эпохи. Он есть подоснова художественного мышления и, раскрывая истинное богатство жизненных процессов, начисто отрицает все виды упрощенного восприятия и изображения живой истории, человеческих отношений, стихии человеческих чувств и духовного мира человека.

Лучшие создания социалистического реализма показали и раскрыли смысл величайших событий современной истории, те материальные и духовные последствия, которые вызвала Октябрьская революция, раскрепостившая и призвавшая к созидательному историческому творчеству и культуре миллионные массы.

Трагическая эпопея Шолохова «Тихий Дон», романы Фадеева, Алексея Толстого отобразили сложность и неизбежность движения народных масс к социализму, к новой исторической правде, которая утверждалась в жизни после победы революции. Трудный процесс перехода интеллигенции на позиции социализма, преодоление ею кастовой замкнутости и иллюзий надклассовости запечатлели в своих романах Федин и Леонов. Произведения Серафимовича, Фурманова, Всеволода Иванова, Сейфуллиной, Неверова передавали процесс духовного созревания народа, крестьянских масс, формирование в недрах народа его коммунистического авангарда.

Город и деревня, судьбы и жизнь всех слоев молодого развивающегося советского общества вошли в орбиту внимания советской литературы, вырабатывавшей в своей художественной практике эстетическую систему социалистического реализма.

Качественно новым принципом, отличающим социалистический реализм от реализма досоциалистического, стали не форма, не изменения структуры и организации художественного произведения, хотя новаторский вклад социалистического реализма в сокровищницу мирового искусства весьма весом и велик. Таким принципом стал осознанный историзм художественного мышления, синтетический подход к человеку, который рассматривается в искусстве социалистического реализма не только как порождение, производное от определенной общественной среды, но и как действенная сила исторического прогресса, активное, перестраивающее мир начало. Поэтому искусство социалистического реализма с напряженной пристальностью следило и следит за духовным и нравственным ростом человека и масс, ибо подъем культуры, сознания и инициативы народа, согласно Ленину, есть важнейшая задача социализма.

Величайшие преобразования, происшедшие в годы Советской власти в деревне, искусство социалистического реализма передало не

АНКЕТА В. И. ЛЕНИНА ДЛЯ ДЕЛЕГАТОВ XI ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ РКП (БОЛЬШЕВИКОВ). ДЕКАБРЬ 1921 Г.

Российская Коммунистическая Партия (большевиков).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ЛИЧНАЯ АНКЕТА

ДЛЯ ДЕЛЕГАТОВ ....ой ВСЕРОССИЙСКОЙ КОНФЕРЕНЦИИ Р. К. П. (большевиков).

1. Фамилия, имя, отчество Ульянов (Ленин) Владимир Ильич
2. С каким голосом (решающим или совещат.) участвует
3. Делегатский билет № 1
4. Какой организацией делегирован Ц.К. Р.К.П.
5. На каких Всероссийских партконференциях и с'ездах участвовал с решающим голосом:
   на всех кроме 1898 и лета 1917 с'ездах, на вероятно, почти на всех конференциях.
6. Год рождения: 1870 год.
7. Национальность Великорус
8. Образование (нисш., средн., высшее)
9. а) Основная профессия и специальность до 1917 г. литератор

   б) Сколько лет работал по этой профессии: с 1894 до 1917 г.г. 23 лет.
10. а) Основной источник средств к существованию до 1914 г. литерат. заработок и содержание от партии
    б) в 1914—1917 г.г. то же
    в) в 1917—1921 г.г. то же до 25.X.1917. После 25/X содержание от сов. правительства
11. Какую советскую работу исполняете в настоящее время предс. С.Н.К. и С.Т.О.
12. Какое участие принимаете в настоящее время:
    а) в кооперации } не принимаю фактически участия
    б) в профработе }
13. Какую партийную работу исполняете в настоящее время член Ц.К. Р.К.П.
14. Когда вступили в Р. К. П.: в 1895 году.
15. Состояли ли раньше в других партиях,. когда, каких Нет
16. Подвергались ли репрессиям за революционную деятельность (когда) арест и высылка в 1887 г.; арест и ссылка в Вост. Сиб. 1895 (XII) — 1900

    Сколько времени провели:
    1) в тюрьме по неск. дней в 1887 и 1900; 14 мес. 1895—1897.
    2) на каторге не был
    3) в ссылке три года (Енис. губ., Минус. у.).
    4) в эмиграции 1900—1905 и 1908—1917

Подпись В. Ульянов (Ленин).

14 числа декабря 1921 г.

только посредством изображения, описания этих процессов и тех конфликтов и антагонизмов, которые возникали в деревне в пору коллективизации, но и показывая формирование нового, коллективистского сознания в крестьянской массе, те изменения, которые происходили в душах людей, преодолевавших вековые собственнические инстинкты и привычки. «Страна Муравия» Твардовского, «Поднятая целина» Шолохова и ряд других произведений запечатлели этот процесс в его драматичности, в острых, конфликтных его проявлениях.

В годы Великой Отечественной войны, когда проверялась железом и кровью не только политическая и экономическая, но и идейно-нравственная мощь социализма, советская литература с высокой страстью и силой раскрыла истоки героизма советского народа, сроднившегося с новым общественным строем. Истинный драматизм человеческих чувств, полнота слияния человека с обществом, глубокое интернациональное единство народов Советского Союза, родство их культур, исторических судеб были раскрыты в произведениях советской литературы, испытывавшей высокий творческий подъем, вдохновленный историческим подвигом народа.

В последующие годы, когда полнее и многостороннее стали раскрываться преимущества социализма как общественной системы, когда энергичный процесс демократизации жизни вовлек в свое движение широчайшие народные массы, произошло углубление социалистического реализма. В произведениях о войне и о жизни советского общества, в произведениях на деревенскую тему ведущий принцип социалистического реализма — соответствие его созданий жизненной и исторической правде — принес весьма ощутимые результаты. Шире стал исследоваться и изображаться внутренний мир человека, строй его помыслов и чувствований. С глубоким вниманием изображает искусство преодоление человеком различных жизненных трудностей, ибо социалистическое общество не бесконфликтно, а его построение — процесс непростой и часто нелегкий.

Искусство социалистического реализма несло и несет правду о новом обществе в мир. Этот факт, а также художественное богатство социалистического реализма делает его самым передовым и перспективным художественным направлением современности, явлением поистине интернациональным: не говоря уже о странах социализма, где он прочно укрепился в искусстве (хотя сам термин «социалистический реализм» принимается здесь не всеми), он дал живые ростки и в капиталистических странах. Правда, в последние годы его развитие там затруднено.

Искусство вообще, в том числе искусство социалистического реализма, развивается неравномерно: оно знает периоды и подъемов, и известных спадов. В современных условиях на развитие социалистического реализма отрицательное влияние оказывают те негативные процессы в мировом коммунистическом движении, которые вызваны, как указывал в своем докладе на международном Совещании коммунистических и рабочих партий Л. И. Брежнев, усилением сопротивления буржуазии, идеологической незрелостью втягиваемых в актив-

ную политическую деятельность миллионов людей, проникновением в коммунистическое движение ревизионистских веяний правого и «левого» толка.

Эти тенденции дезориентируют прогрессивных художников, ослабляют их тягу к социалистическому реализму, которому противопоставляется революционаризм, формальное экспериментаторство, призванное отвергнуть и уничтожить «традиционалистский» реализм вообще и социалистический в особенности.

В этих сложных условиях обращение к ленинскому наследию, его фундаментальным принципам, обращение к ленинскому опыту борьбы с троцкистской теорией перманентной революции, к опыту борьбы Ленина с левацкими извращениями научного социализма, всемерное укрепление и обогащение мировоззренческой основы социалистического реализма должны дать ему силы преодолеть те трудности, которые встают ныне на его пути.

В мире накоплен огромный взрывчатый материал: размах забастовочного движения, ожесточенная борьба правящих классов капиталистических стран с носителями социального протеста накаляют обстановку. «Все больше молодых людей, воодушевляемых борьбой вьетнамского народа и другими примерами героической борьбы против империализма, участвует в крупных народных выступлениях против империализма, за демократию, мир и социализм» [14],— подчеркнуло Совещание коммунистических и рабочих партий. Современная обстановка порождает и революционные настроения, и псевдореволюционные иллюзии.

Чрезвычайную важность приобретает ныне вопрос о характере и особенностях революционного искусства наших дней, формирующегося в исторических условиях и духовной ситуации, существенно отличающихся от предыдущих периодов его взлетов. Долгое время, во всяком случае в западноевропейском искусстве и литературе, на революционную роль претендовал так называемый авангардизм, многие адепты которого, несомненно, обнаруживали антибуржуазную настроенность. Однако громогласно провозглашавшиеся вождями и теоретиками авангарда многочисленные «революции» в искусстве обнаруживали свою объективную безвредность для буржуазного общества, так как они не поднимались при всем своем шумном и крикливом радикализме до истинной революционности и оставались в рамках салонной или элитарной буржуазной культуры. Наиболее революционно настроенные участники авангардистских движений — Маяковский, Элюар, Бехер и др.— покидали растрепанные ряды ниспровергателей художественных традиций и связывали свои творческие судьбы с подлинным авангардом мирового революционного движения: рабочим классом, его культурой и идеологией, с социализмом и коммунизмом.

[14] «Задачи борьбы против империализма на современном этапе и единство действий коммунистических и рабочих партий, всех антиимпериалистических сил». М., 1969, стр. 26.

Современные неоавангардисты, считающие себя продолжателями «революционных» традиций «классиков» авангарда 20-х годов, по верному замечанию леворадикального западногерманского писателя Ганса Магнуса Энценсбергера, находятся сейчас в осаде, ибо реальные требования времени, освободительной и антиимпериалистической борьбы народов предъявляют весьма серьезные и значительные требования к искусству. Требования эти нельзя удовлетворить теми способами, какими пользуются нынешние неоавангардисты или печатающие свои произведения сплошняком, без знаков препинания, смешивая речи всех героев произведения, так что становится невозможным различить, кто, о чем и зачем говорит, или тискающие «пространственные», так называемые спасалистские стишки, где нередко слова заменяются монтажом фотографий довольно скабрезного содержания или монтажом строчек, состоящих из бессмысленных, труднопроизносимых буквенных сочетаний, сравнительно с которыми, говоря словами Маяковского, «простое как мычание» стихописание может показаться верхом мудрости. Разумеется, речь идет о некоторых крайностях неоавангарда. Однако и более умеренные его представители обнаруживают неспособность отвечать зовам исторического времени. В статье «Несколько общих мест по поводу новейшей литературы» уже упоминавшийся Энценсбергер писал: «Признание революционных позиций, о чем заявляют авторы группы «Тель кель» в Париже, группы «63» в Италии, кружка «Нойгандрес» в Бразилии, обнаруживает полный разрыв с их литературной продукцией. Последняя не выявляет никаких структурных различий с произведениями тех, кто вообще отказывается от занятия политических позиций или же выступает с позиций открыто реакционных. «Давление материала», которое ощущает подобного рода литература, приводит к субъективным представлениям, которые становятся своего рода литературной метаидеологией, от которой авторы этой литературы не могут отказаться. Эта идеология чужда какого-либо общественного содержания. Она технократична. Ее поиски прогресса относятся лишь к средствам производства, а не к производственным отношениям. Поэтому ее изделия многозначны. Поэтому такие понятия, как неопределенность, случайность, занимают в ее эстетике центральное место... Антитезой к технократическому авангарду становится литература, превращенная в голый инструмент агитации» [15]. Высказав эту мысль, Энценсбергер вынужден, однако, оговориться, что попытки леворадикального агитационного искусства вырваться из гетто культурной жизни буржуазного общества, согласно его точке зрения, не привели к желаемым результатам. Рассматривая далее состояние современного неоавангарда, Энценсбергер еще критичнее высказывается о его художественной практике: «Ныне политическая безвредность всей литературной и даже всей художественной продукции вообще очевидна. Уже тот факт, что искусство может быть определено как промышленный продукт, нейтрализует его. Просветительские пре-

[15] «Kursbuch», 1968, № 15, S. 191.

 тензии, утопические устремления и критический потенциал свелись к голой видимости. В полной аналогии с подобным истреблением общественного содержания искусства позднекапиталистическое общество ассимилирует и его формальные находки. Даже крайние отклонения от эстетических норм не встречают сколько-нибудь серьезного сопротивления. Конечно, их отвергает часть абонированной публики, однако обходными индустриальными путями, через «дизайн» или «стайлинг» они все же рано или поздно (скорее раньше, чем позже) неизбежно проникают в сферу потребления. Таким образом покончено с вопросом, который вот уже полвека господствует в прогрессивной литературной теории,— с вопросом параллельности или равноценности формальных и общественных новаций. Критическая риторика, распространившая понятие революции на эстетические структуры, была возможной лишь в то время, когда разрыв с условной манерой письма (рисунка, композиции) еще мог казаться вызовом. Эти времена прошли. Воззвания и манифесты, требующие «перемен», «бунта», «революции» в языке, синтаксисе, метафоре и т. д., обращены ныне в пустоту. Подобные призывы встречают благожелательное понимание правящих институтов и соответственное вознаграждение» [16].

Подвергнув во многом верной и убедительной критике неоавангардистское и дезинтегрирующее человека искусство, Энценсбергер из своих наблюдений над духовной жизнью современного общества делает совершенно нигилистический и, по сути, капитулянтский вывод, утверждая, что революционного искусства в наши дни вообще не существует. Для Энценсбергера революционно только прямое действие, непосредственное выступление против существующей общественной системы. Не говоря уже о путанице, царящей в собственных «революционных» воззрениях Энценсбергера, и о том, что он, по сути, сполз на позиции левацкого революционаризма; не говоря уже о том, что революция не есть спонтанная вспышка, а процесс, в осуществлении и реализации которого действуют и объективные, и субъективные факторы и огромную роль играет революционная теория, созданная Лениным, само противопоставление искусства и действия ложно и схоластично.

Искусство есть форма действия, особая, обращенная к эмоциональной и рациональной сферам человеческой личности, и оно тоже становится материальной силой, если его художественные идеи совпадают с прогрессивными движениями своего времени и если искусство способно своими средствами выражать его революционные устремления. Подтверждением этому может послужить, например, просветительская литература кануна Французской буржуазной революции или произведения русских революционных демократов периода революционной ситуации в России 60-х годов XIX в., наконец, литература социалистического реализма кануна и лет Октябрьской революции.

Дезинтегрирующее и неоавангардистское искусство нашего века ассимилируется капиталистической системой и культурой, потому что

[16] «Kursbuch», 1968, № 15, S. 194.

оно чуждо устремлениям масс, не обладает способностью сближения с подлинным революционным авангардом народа, является по своему умонастроению индивидуалистическим, не обращено против фундаментальных основ капиталистической системы и не обладает позитивным, отвечающим глубинным запросам народных масс общественным идеалом.

Подлинно революционное произведение необязательно должно содержать призыв к немедленному восстанию, чтобы на этом основании быть причисленным к революционному искусству. Призыв к немедленному восстанию уместен и своевременен тогда, когда созрели объективные и субъективные условия для выступления, иначе он может повиснуть в пустоте или станет толкать на безответственную авантюру. И нужно быть политически слепым, чтобы не видеть роста революционных настроений в современном мировом искусстве: в суровых социальных романах латиноамериканских писателей, проникнутых духом резкого критицизма по отношению к империализму; в романах тех реалистов, которые, обнажая исчерпанность социальных идеалов буржуазного общества, приводят читателей к мысли о необходимости замены этих идеалов; в творчестве прогрессивных художников стран, вставших на путь национальной независимости. Диапазон современного революционного искусства чрезвычайно широк — начиная от монументальных фресок Сикейроса и картин, созданных им в тюрьме, и кончая репортажами, документальными кинокартинами, снятыми там, где идет вооруженная борьба с империализмом.

Нет никаких оснований отказывать в революционности и современному агитационному искусству, включая «уличный театр», если он не ориентируется на шаблоны «театра абсурда» и имеет отчетливо выраженную классовую направленность. Современные песни протеста, выдвинувшие замечательных народных поэтов и исполнителей, бьющие по империализму и его приспешникам, агитационная графика, стихотворные лозунги, плакат являются носителями освободительных настроений. Не следует забывать также, что великое творческое наследие Маяковского и Брехта корнями своими связано с агитационным искусством и формировалось на его почве. Разумеется, революционное искусство не может ограничиваться уровнем агитационности и на нем останавливаться. Клара Цеткин свидетельствует, с какой силой убежденности говорил Ленин о том, что совершившие революцию советские рабочие и крестьяне «получили право на настоящее великое искусство. Поэтому мы в первую очередь выдвигаем самое широкое народное образование и воспитание. Оно создает почву для культуры, конечно, при условии, что вопрос о хлебе разрешен. На этой почве должно вырасти действительно новое, великое коммунистическое искусство, которое создает форму соответственно своему содержанию» [17].

Эта надежда Ленина осуществилась. Художественный опыт социалистического реализма показывает, что в современных условиях он продолжает развивать великие традиции искусства прошлого, создал

[17] *Клара Цеткин*. О литературе и искусстве. М., 1958, стр. 116.

собственную эстетическую систему и является выражением революционных тенденций нашего исторического времени.

При единстве мировоззренческой основы социалистический реализм меньше всего представляет собой застывшее эстетическое образование. Не говоря уже о многообразии творческих индивидуальностей его художников, в нем явственно различимы три основных художественных течения, между которыми нет жестких границ. Эти течения внутри социалистического реализма отличаются принципом художественного изображения действительности. Одно из них, наиболее распространенное, воспроизводит жизнь в ее объективных, рожденных самой жизнью формах. Это вполне правомочный, открывающий перед художником богатые возможности способ изображения жизни, и многие выдающиеся произведения социалистического реализма созданы при посредстве подобного принципа художественной передачи явлений внешнего мира, меняющейся и подвижной истории. Другое течение, наиболее характерными представителями которого были Маяковский и Брехт, Назым Хикмет и Поль Элюар, воспроизводит жизнь условно, метафорическим способом, пренебрегая прямым жизнеподобием изображения. Заостренная метафоричность в произведениях этого течения служит целям и задачам социального анализа и не превращается поэтому в пустую игру художественными структурами, как это происходит ныне в дезинтегрирующем искусстве. И наконец, внутри социалистического реализма ощутимо присутствие лирико-патетической струи, которую обычно называют романтической. Это художественное течение с романтизмом в собственном смысле слова не имеет ничего общего, оно есть выражение определенной душевной настроенности, подчеркнутой патетичности, поэтичности изображения жизни. В этом течении сильно заявляет о себе лирическое начало, мало считающееся с внешним жизнеподобием изображения. К этому течению можно отнести Сергея Есенина и Артема Веселого, Паустовского и Яновского, Чаренца и Стельмаха — если называть характерные имена.

Адекватность исторической правде, истине реальной жизни составляет краеугольный камень эстетической системы революционного искусства. Не случайно современные отступники от ленинизма, вроде Эрнста Фишера, стараются размыть, разрушить границы между реализмом и дезинтегрирующим искусством наших дней, пробить брешь в эстетической системе социалистического реализма, подвергнуть эрозии его общие принципы. Опыт показывает, что прорыв эстетической системы социалистического реализма влечет за собой вторжение в социалистическое искусство чужеродной, враждебной социализму буржуазной идеологии. Поэтому последовательная борьба с подобного рода попытками есть главная и неотложная задача социалистической эстетики и искусства. Опираясь на бессмертное ленинское учение, искусство социалистического реализма выдержит эту борьбу, ибо оно рассматривает действительность в совокупности идущих в ней революционных изменений, в свете тех социальных конфликтов, которые определяют как жизнь человеческого общества в целом, так и жизнь отдельной личности, судьба которой в прямом и точном смысле зависит

ныне от тех революционных преобразований, которые подготавливают полную ликвидацию капиталистических отношений.

Ленинское наследие, его бессмертное учение помогают искусству постигать извилистое движение живой истории, суть и смысл текучего исторического времени. Ленинское наследие является живительным источником идей для искусства. Оно ставит перед ним великие исторические цели. Проникнутое историческим оптимизмом, оно внушает искусству веру в будущее, помогая ему преодолевать те огромные трудности, которые стоят ныне на путях социального и духовного прогресса.

СОДЕРЖАНИЕ

СОСТАВИТЕЛИ

доктор исторических наук
Г. Д. КОМКОВ

кандидат исторических наук
В. А. БОЯРСКИЙ

ЛЕНИН

И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА

Книга 1

ЛЕНИНСКИЕ ИДЕИ
И СОВРЕМЕННОЕ ОБЩЕСТВО

Утверждено к печати
Редакционно-издательским советом
Академии наук СССР

Редактор издательства
А. Т. ЛИФШИЦ

Оформление, макет издания
и художественная редакция
Н. А. СЕДЕЛЬНИКОВА

Технический редактор
П. С. КАШИНА

Корректоры
В. К. ГАРДИ, Л. С. АГАПОВА

Сдано в набор 31/X 1969 г.
Подписано к печати 26/XII 1969 г.
Формат $70 \times 100^1/_{16}$ Усл. печ. л. 39,4.
Уч.-изд. л. 33,8 Тираж 11000.
Тип. зак. 2981 Т-17829 Бумага № 1

Цена 3 руб.

Издательство «Наука»
Москва, К-62, Подсосенский пер., 21
2-я типография издательства «Наука»
Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

3 руб.

ИЗДАТЕЛЬСТВО · НАУКА ·

ЛЕНИН И СОВРЕМЕННАЯ НАУКА 1